

Э. Э. „Док“ СМИТ

ВТОРАЯ СТАДИЯ ДЕТИ ЛИНЗЫ

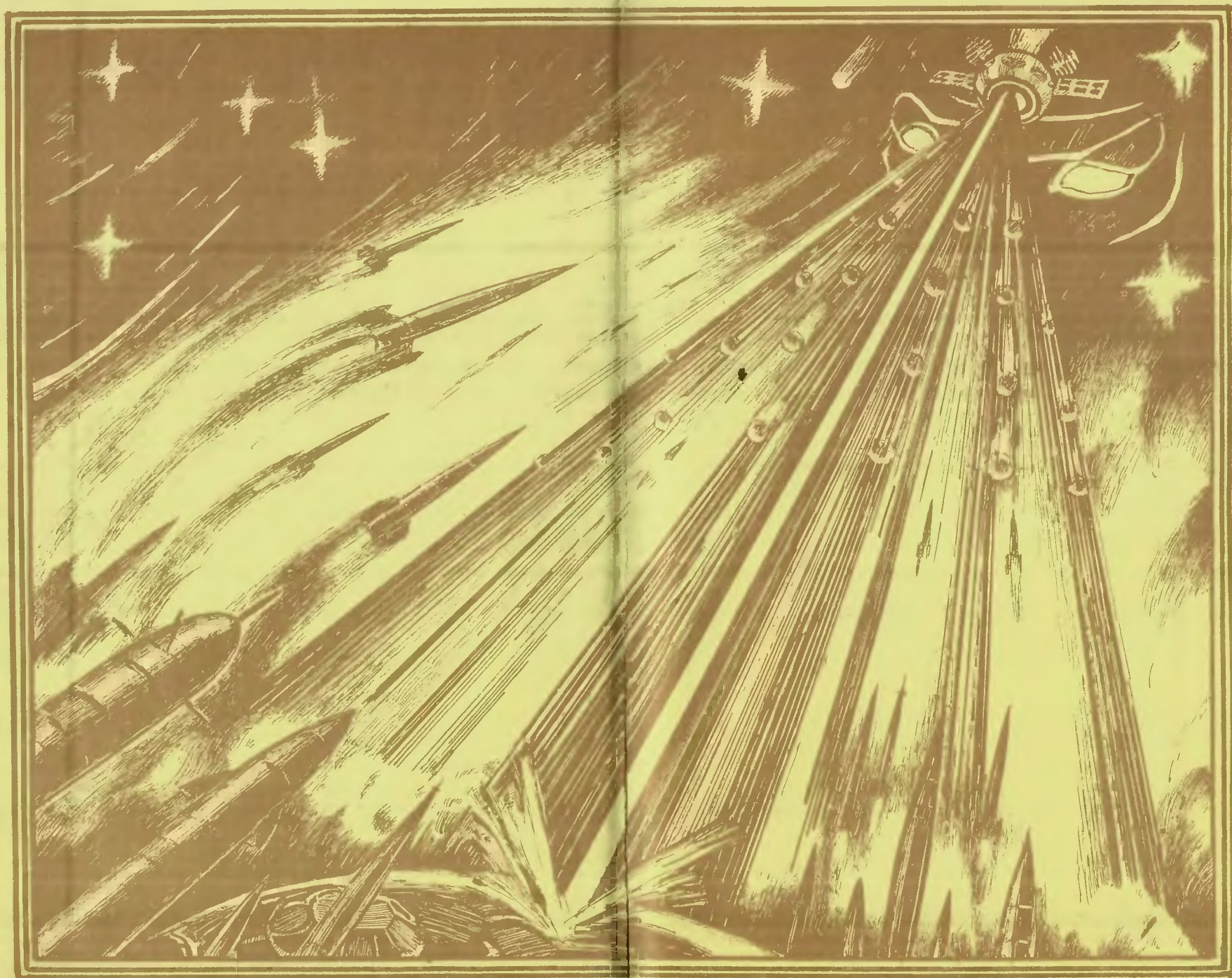
Э. Э. „Док“ СМИТ

СЕРИАЛ

«САГА О ЛЕНСМАНАХ»

Э. Э. «ДОК» СМИТ

СЕРИАЛ «САГА О ЛЕНСМЕНАХ»

Книга 5

ВТОРАЯ СТАДИЯ

Книга 6

ДЕТИ ЛИНЗЫ

Санкт-Петербург
АО «СПИКС»
1994

Пересказ с английского А. Антошульского, Г. Выдревич,
И. Коробовой, Л. Немовой, Т. Филатовой

Смит Э. Э. «Доку»

М 15 Галактический Патруль. Серый Ленсмен. Фантастические романы. Пер. с англ. — СПб.: АО «Спикс», 1994

ISBN 5-7288-0016-5

«Вторая Стадия» и «Дети Линзы» являются соответственно пятой и шестой книгами знаменитого сериала Э. Э. «Дока» Смита о Ленсменах, стражах галактической безопасности и порядка, носителей Концентратора-Линзы, которая предназначена для усиления их ментальных способностей. В пятой книге эпопеи продолжается рассказ о Кимболе Киннисоне, Сером Ленсмене, неподсудного никому и ничему в обитаемой Галактике, кроме собственной совести; в шестой книге речь идет о его детях — Ките Киннисоне и четырех его сестрах. Это эпопея о необычайных приключениях, великом героизме и великом самопожертвовании людей и других разумных созданий, посвятивших свою жизнь борьбе со злом...

- © М. Нахмансон, предисловие, введение, комментарии
- © А. Антошульский, Г. Выдревич, И. Коробова, Л. Немова, Т. Филатова, пересказ, 1994
- © А. Ширкин, оформление

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами, уважаемые читатели, очередной том избранных произведений Эдварда Элмера «Дока» Смита, в который вошли пятый и шестой романы саги о ленсменах — «Вторая Стадия» и «Дети Линзы». Напоминаем, что первый, второй, третий и четвертый романы этого сериала — «Трипланетие», «Первый Ленсмен», «Галактический Патруль» и «Серый Ленсмен» — были опубликованы в предыдущих томах. В данную книгу вошли также некоторые дополнительные материалы — в частности, расширенные комментарии к Ленсменовскому циклу.

Итак, некоторые ленсмены — в том числе, Кимбол Киннисон, — проходят дополнительное обучение на Аризии, позволяющее им полнее использовать свои ментальные способности и очистить Первую Галактику от врагов. Однако Киннисон все яснее и яснее начинает понимать, что многочисленные базы и флоты Боскома, разгромленные Патрулем, — как и планета айхов, выступавших в роли боскомианских владык, — являются лишь вершиной айсберга. Кто на самом деле противостоит Лиге Миров? Кто организовал Боском, кто правит им, кто служит олицетворением Космического Зла?

Это предстоит выяснить Кимболу Киннисону и его сыну Киту, получившему статус Серого Ленсмена сразу после окончания Уэнтворт-Холла. Начинается новый этап вселенской борьбы, на котором должно сказать свое решающее слово молодое поколение ленсменов, Детей Линзы.

Отметим, что представленные в настоящем томе произведения, как и опубликованные ранее, значительно переработаны сравнительно с исходными текстами «Дока» Смита — в частности, они насыщены современными реалиями, касающимися описаний межзвездных сражений, кораблей, оружия, средств связи и других подробностей такого рода.

М. Нахмансон, составитель

ВВЕДЕНИЕ

Два миллиарда лет... Неизмеримая бездна времени, которую не в силах объять ни разум, ни чувства... Она отделяет нашу эпоху от тех событий, которые положили начало звездным цивилизациям, от первотолчка, исходного импульса, разбросавшего в Галактике семена жизни. И от истоков великого сражения, ареной для которого стала гигантская звездная спираль, на периферии которой мерцала золотистая точка — солнце Земли.

Существовали — и существуют — другие огромные звездные острова, во многом подобные первой Галактике. Но лишь еще один из них отмечен особо, ибо на нем также появилась мыслящая жизнь, стремившаяся к определенным целям, которые представлялись носителям разума единственно верными и достойными их усилий. Но если первая Галактика, над которой властвовала планета Аризия, принадлежала нашему миру, нашей Вселенной, то другая, в пылающем чреве которой таился Эддор, перенеслась в нашу реальность из иного пространственно-временного континуума, из неведомых далей, скрытых завесой чудовищного расстояния и времени. Это произошло около двух миллиардов лет назад — плюс-минус пару сотен миллионов в ту или другую сторону, которые не значили ничего по сравнению с таким огромным темпоральным интервалом. Ошибка в десять процентов, сколь большим временем она бы не выражалась, была несущественной для тех бессмертных созданий, что населяли Аризью и Эддор.

Итак, вторая галактика внезапно возникла на пути первой; затем началось их взаимопроникновение — светила одной вторгались в межзвездную пустоту другой, но, по-прежнему разделенные световыми годами, сталкивались редко. Таким образом, Проникновение не послужило причиной вселенской катастрофы, хотя большинство звезд в обеих галактиках имели планеты. Впрочем, тогда эти миры были необитаемыми; их происхождение — вероятно, искусственное — пока остается тайной. Как свидетельствуют аризианские источники, в глубокой древности, задолго до начала Проникновения, в их родной галактике была лишь одна солнечная система — их собственная. Но со временем светило, породившее жизнь на одной из своих планет — редчайшая аномалия во Вселенной! — начало стареть,

гаснуть, и молодой цивилизации пришлось решать сложнейшую проблему перемещения своей планеты к другому, юному и жаркому солнцу.

Древнейшие записи Эддора — фолианты, магнитные ленты и диски, уцелевшие в его ядовитой атмосфере, — рисуют сходную ситуацию. За много миллионов лет до Проникновения во второй галактике существовала только одна планета, только один мир, в котором возникла жизнь и разум — Эддор.

Итак, миллионы лет две цивилизации разумных созданий, единственные в своих галактиках — и, возможно, во всех прочих Вселенных, — не ведали друг о друге. В момент Проникновения обе расы были уже стары и могущественны — еще одна черта сходства между ними. Обе использовали телепатические силы и владели неизмеримой ментальной мощью.

Аризия напоминала Землю — и климатом, и составом атмосферы, и своим животным миром, и внешностью населявших ее мыслящих существ. Эддор же был совсем иным. Огромный мир с высокой гравитацией, темный, холодный и мрачный; его океаны состояли из ядовитой желеобразной субстанции, атмосфера казалась едким, вонючим и смертельно опасным для гуманоидных созданий туманом. Эддор был — и останется — уникальной планетой, не похожей на остальные миры в обеих галактиках; это обстоятельство долгое время казалось загадочным и непостижимым, пока не стало ясно, что эддорианский планетоид возник в другой Вселенной, в ином пространственно-временном континууме, который принципиально отличается от нашего.

Обитатели Аризии и Эддора различались столь же сильно, сколь непохожи были их планеты. Аризияне прошли обычный путь исторического развития: каменный век, дикий и безжалостный; не менее жестокие и варварские времена бронзы и железа; век пара, столетие электричества, эпоха атомной энергии. Вполне возможно, что все эти ступени, по которым они поднимались к вершинам цивилизации, являют собой типичный путь для всех прочих гуманоидных обществ, ибо не кто иной, как обитатели Аризии, засеяли спорами жизни бесчисленное количество миров обеих галактик — в том числе, и Землю.

Несомненно, существовали и зародыши иной жизни — эддорианской. Однако они не могли ни выжить, ни начать развиваться в условиях нашего континуума;

они нуждались совсем в иной питательной среде, оставшейся за гранью пространства и времени — того пространства и того времени, откуда вынырнула галактика Эддора.

Овладев силами атомной энергии, разорвав цепи тяготения, которые раньше приковывали их к планете, аризиане занялись изучением Вселенной и самосовершенствования. Задолго до Проникновения они уже не нуждались ни в космических кораблях, ни в телескопах, ни в счетных машинах, ни в роботах, ни в разрушительном оружии. Их разум — могучий, необъятный и стремительный, успевающий за единый миг obeжать мириады звезд и планет, заменял им приборы и ракеты, непрочные и недолговечные изделия из металла и пластмасс. Они с интересом наблюдали взаимопроникновение двух галактик — почти невероятное с точки зрения математики событие; они следили за рождением бесчисленных планет, запечатлевая в своей памяти каждую подробность, каждую деталь их развития; они с надеждой и восторгом видели, как в этих мирах, еще недавно пустых и мертвых, зарождается жизнь. Сильные, свободные, вдумчивые, они путешествовали в космических далях в поисках знаний — пока один из них не наткнулся на Эддор.

* * *

Хотя при желании любой из эддориан мог принять человеческий облик, ничего человеческого в них не было. Более всего они походили на амёб; однако, несмотря на простоту внутренней организации и мягкие бескостные тела, определение «амёбовидные» далеко не полностью отражало их суть. Они были изменчивы и непостоянны; каждый мог переменить не только свой внешний вид, но и структуру тканей — в соответствии с необходимостью. Для них не составляло труда вырастить любое число конечностей, удобных для выполнения той или иной работы — прочных или хрупких, упругих, эластичных или твердых, как сталь, с суставами или без оных, с пальцами, когтями или щупальцами. Стоило лишь подумать об этом, вообразить — и тело послушно приспособлялось к задаче, подчиняясь разуму.

Обитатели Эддора были бесполо — столь же бесполо, как дрожжи или вирусы. В этом отношении им не было даже отдаленных аналогов в животном мире Земли:

они не являлись ни гермафродитами, ни андрогенами, и не размножались партеногенезом. Они просто не имели пола — и, как следствие, не знали радостей любви. Было ли это платой за бессмертие, за то, что гибель их могла наступить только в случае несчастья или насилия? Возможно... Они жили миллионы лет, и лишь тогда, когда кто-либо из них пресыщался бесчисленной чередой веков, возникали две новые жизни — родительская особь делилась пополам. Потомки могли иметь иные способности, иные устремления, но каждый из них владел знаниями, памятью и ментальной мощью своего прародителя.

Если физиология эддориан еще поддается описанию и истолкованию в понятиях, которыми пользуются гуманоидные цивилизации, их разум, их психический мир, их побуждения и пристрастия — тайна за семью печатями. Лишь наблюдая внешние проявления их деятельности, можно обозначить привычными терминами их основные черты. Они являлись существами нетерпимыми, деспотичными, ненасытными и холодными. И они были жестоки — очень жестоки, хотя вряд ли у них имелось такое понятие, как жестокость. Они обладали упорным умом, изощренным и аналитическим, и они умели добиваться своего. Но прочие чувства, столь обычные в любом цивилизованном обществе — гуманность и милосердие, дружба, самопожертвование, любовь, гордость, отвага — были им недоступны. И ни один из них даже отдаленно не мог представить, что такое юмор.

Они не были кровожадными по природе — в том смысле, что не стали бы тешиться напрасно пролитой кровью или муками других существ. Ими правила целесообразность; и если во имя определенной цели требовалось уничтожить миллионы, их уничтожали без колебаний. Бессмысленные убийства не одобрялись — но не потому, что убивать дурно, а лишь из-за отсутствия пользы в совершенном деянии.

И, наконец, вместо великого множества мелких и крупных желаний, надежд и задач, которые ставит перед собой представитель любой гуманоидной цивилизации, у каждого эддорианина была только одна мечта, одна главенствующая цель — власть. **ВЛАСТЬ!**

Вожделенный и чаемый призрак власти — полной и безраздельной — определял все их поведение. В древности, в те времена, когда Эддор еще пребывал в своей родной Вселенной, планету населяли всевозможные

народы, отличавшиеся меж собой так же, как различаются расы Земли. Но стремление у них — у всех и каждого — было одно: власть, **ВЛАСТЬ!** И потому древняя история Эддора представляется бесконечной, длившейся тысячелетиями войной. А так как война стимулирует технологическое развитие, то эддориане достигли гигантской мощи — к тому времени, когда на планете были уничтожены все живые существа, за исключением горстки победителей.

А затем эти последние, терзаемые неутолимой страстью покорять и властвовать, сцепились друг с другом. Однако средства защиты от чудовищных механизмов уничтожения были столь эффективны, что война зашла в тупик, а цель ее стала совершенно бессмысленной. Ведь власть тем упоительнее, чем большее число разумных существ удалось поработить — и никто из эддориан не желал властвовать лишь над голыми выжженными скалами своей безжизненной планеты.

Тогда немногие уцелевшие пришли к своего рода мирному договору. Так как их собственная галактика оказалась лишенной планет — а, значит, и жизни, — они решили исследовать другие Вселенные, последовательно перемещаясь в них, чтобы выбрать ту, которая будет наиболее подходить для их целей. Они жаждали отыскать такую реальность, в которой каждый эддорианин мог бы стать господином и повелителем огромного и все возрастающего числа миров; и эта соблазнительная перспектива привела к тому, что впервые за всю историю Эддора его обитатели согласились объединить свои ресурсы и трудиться сообща.

Однако они знали, что демократия является неподходящей социальной структурой для общества, ориентированного на войны, порабощение и захват чужого добра; следовательно, демократия и не принималась в расчет. Форма правления могла быть только диктаторской, тиранической — иного пути они не видели. Меж эддориан, как и в случае любых достаточно сложных организмов, существовала дифференциация; они не были идентичны по своим способностям, силе, ментальной мощи и материальным ресурсам. Эти различия, иногда — едва заметные, послужили основой для разделения их общества на два класса — тех, кто руководит, и тех, кто подчиняется.

Один из них, чуть более сильный — и, бесспорно, самый жестокий — стал вождем, фюрером, Владыкой;

а около дюжины прочих, слегка уступавших ему в силе и жестокости — его советниками и правительством, получившим впоследствии название Внутреннего Круга. Состав этого своеобразного кабинета варьировался, когда один из его членов испытывал желание уйти и раствориться в двух своих потомках; в этом случае число советников возрастало еще на одну особь. Но иногда ревнивый коллега или какой-нибудь настойчивый подчиненный совершал удачное покушение — и тогда Круг уменьшался.

Такой — и только такой — могла быть форма их сотрудничества, но и она принесла свои плоды. Среди них были поистине замечательные творения разума — гиперпространственный канал и безинерционный привод, который спустя много тысячелетий был воссоздан на Земле. К числу достижений объединенного Эддора относится и способ перемещения в иные Вселенные, благодаря которому их галактика перенеслась в наш мир. Этот несомненный успех послужил поводом для очередного совещания Внутреннего Круга.

«Мы должны решить, подходит ли эта Вселенная для нас, или следует выбрать иное место, — мысли Владыки, холодные и бесстрастные, окутали советников подобно ледяному туману. — С одной стороны, необходимо ждать, пока все эти бесчисленные миры остынут и на них возникнет жизнь, подготовив основу нашей будущей империи. С другой — мы потратили уже миллионы лет на поиски, но ни разу не встретили такого изобилия планет, способных заполнить и нашу галактику, и ту, в которую мы проникли. Возможно, есть даже определенное преимущество в том, что планетные тела этой реальности находятся еще на стадии формирования. Когда на них начнет развиваться жизнь, она будет под нашим полным контролем. — Владыка сделал паузу, потом ментальный луч его мысли коснулся одного из советников: — Кронгенес, что ты можешь сообщить об изучении других пространств?»

Имя, которое он назвал, не являлось именем в общепринятом значении этого слова; оно было чем-то большим, включая не только мысленное сочетание определенных звуков, но и ментальный образ, телепатический пароль, вместивший жизнь, деяния и личность данного эддорианина.

«Я не обнаружил ничего подходящего, Величайший, — ответная мысль Кронгенеса была столь же хо-

лодна, как излучение Владыки. — Ни одна из Вселенных, доступных моим приборам, не обладает даже малой частью планетоидов, обнаруженных в этой реальности.»

«Так... Значит, империя будет основана здесь! Есть ли у кого-нибудь возражения? Серьезные возражения?»

Возражений не последовало. Во-первых, возражать диктатору весьма вредно для здоровья; во-вторых, ни один из советников — как и сам Величайший — не знал об аризианах и их созидательной деятельности. Впрочем, в противном случае это ничего бы не изменило, ибо обитатели Эддора органически неспособны признать превосходство над собой другой расы.

«Хорошо, — удовлетворенно излучил Владыка. — Итак, отныне мы... — внезапно он прервал трансляцию и в собрании воцарилась ментальная пауза — молчание, в котором, однако, чувствовалось нечто инородное. Наконец, тишину разорвала мысль вождя — угрожающая и сокрушительная: — Среди нас чужой! Кто ты, пришелец, проникший на совещание Внутреннего Круга?»

«Энфилистор, с планеты Аризия, проходящий обучение.»

Его имя тоже являлось ментальным знаком, характеристикой личности юного аризиянина; в то время Энфилистор еще не был Стражем-наблюдателем — до появления эддориан его мир не нуждался в Стражах. Но в будущем ему, как и многим другим аризианам, предстояло выполнять эту миссию.

«Простите мое вторжение, но я всего лишь ждал, когда на меня обратят внимание. Я не прочел ни одной вашей мысли... не коснулся ни одного из разумов... Это было трудно, очень трудно! Ведь впервые за миллионы временных циклов мы встретили разумных! — в беззвучном ментальном голосе юноши звучал восторг. — Мы нашли подобных себе! И теперь...»

«Замолкни, ничтожный! И слушай волю господина! Ты посадишь свой корабль и сообщишь нам, где находится твоя планета — тогда вы останетесь в живых и превратитесь в слуг Эддора. Иначе — смерти!»

Казалось, ответ аризиянина был полон любопытства — но не страха, тревоги или благоговения, ожидаемых Владыкой.

«Посадить корабль? Какой корабль? — пришелец как будто недоумевал. — Господин? Слуга? Я уверен, что воспринимаю твои мысли... но не их значение.»

«Ты, червь, говоришь с Высочайшим и должен обра-

щаться ко мне только так. Предупреждаю последний раз — приземляйся, или погибнешь!»

«Я готов звать тебя Высочайшим, если у вас так принято. Но насчет всего остального... насчет приземления и гибели... — теперь в тоне Энфилистора сквозила легкая насмешка. — Неужели ты думаешь, что я присутствую здесь во плоти? И уверяю тебя, о самый Высочайший из всех Высоких, которых я когда-либо встречал, ты не сможешь повредить даже грудному младенцу на Аризии! — вдруг ментальный голос юноши стал тихим, и он словно про себя произнес: — Поразительно! Какая необычная, неординарная психика у этого создания! Кажется, оно угрожает и...»

«И убьет тебя, — сухо закончил Владыка, посылая импульс энергии, вполне достаточный, чтобы сжечь мозг любого разумного существа.

Однако Энфилистор без труда отразил ментальный удар и не нанес ответного. Он все еще не покинул собрание, не сбежал и явно не был уstraшен. Члены Круга атаковали объединенной мощью, но не смогли прорваться сквозь телепатическую защиту странного гостя. Парируя выпады разъяренных эддориан, он внезапно начал звать к кому-то — в недоумении, но отнюдь не в растерянности:

«Придите, Старшие! Я попал в ситуацию, с которой не могу разобраться! И я не хочу наносить вред этим существам!»

«Мы, Старшие, объединенный разум Аризии, здесь, — спокойный мощный голос раздался в сознаниях эддориан. Все они вдруг мысленно увидели образ старца — высоколобое лицо в сеточках морщин, яркие глаза, седую бороду. Его губы были плотно сжаты, но голос продолжал звучать: — Мы ждали вас, пришельцы из иной Вселенной. Что ж, пусть свершится предопределенное... Но сейчас — сейчас вы забудете об Аризии, забудете обо всем, что произошло. Пройдет немало циклов, пока эддориане узнают о нас.»

Рокочущий голос смолк, лицо старца исчезло, члены Внутреннего Круга и их вождь остались одни. Как и раньше, они были уверены, что Эддор является единственным вместилищем разума в бесконечном и необъятном космосе.

* * *

А на далекой Аризии тоже был созван совет —

гигантский форум всех разумов планеты. И первым задал вопрос юный Энфилистор.

«Почему же вы не убили их? — проходящий обучение был слишком молод и подобная мысль была ему простительна. — Я понимаю, что такое деяние отвратительно... но разве... разве...»

Он замолчал, прислушиваясь к мерному и могучему гласу Старших.

«Ты еще слишком мало знаешь, ученик... Лишь часть целого, лишь капля в океане, лишь песчинка из горного массива доступны твоему пониманию... — На миг ментальный сигнал угас, потом гулкие мерные слова опять послышались в голове Энфилистора. — Мы не пытались уничтожить пришельцев, потому что не в силах сделать этого. И не по моральным причинам, нет! Слишком цепко держатся за жизнь эти существа. Мы могли бы попробовать убить их... да, могли бы — но такая попытка, весьма вероятно, кончилась бы провалом и блокировала другую возможность — лишить их воспоминаний. А это сейчас важнее. Нам нужно время... циклы и циклы времени!»

Теперь коллективное сознание Старших обращалось ко всем обитателям планеты:

«Мы, Старшие, не тревожили вас до сих пор мрачными прогнозами, ибо до появления Эддора существовала вероятность, что силы зла и тьмы — лишь сон нашего обеспокоенного разума. Но теперь Эддор здесь! И наш сон, наше провидение, не является ошибкой... Общества разумных, их юные цивилизации, которые должны были наполнить жизнью обе галактики, не смогут устоять перед жаждущими власти монстрами. Мы, аризиане, призваны помочь им и защитить их!

Эддориане обладают чудовищной потенциальной мощностью. Если они узнают сейчас о нашем существовании, то смогут создать такие механизмы, задействовать такие силы, которые позволят им блокировать все наши действия. И тогда — тогда они выбросят нас из этой Вселенной, из родной галактики. Нам нужно время; если мы выиграем его — мы выиграем битву. Нам надо дожидаться эпохи, когда появятся Линзы-Концентраторы — и разумные существа, представители новых цивилизаций, достойные того, чтобы их носить.

Мы, аризиане, не сумеем справиться в одиночку с Эддором. Но существует возможность — хотя в том еще нет полной уверенности, — что обитатели пока несущест-

вующих миров создадут новую расу, более могущественную, чем наша. И они помогут нам, приняв на свои плечи часть груза по защите гуманоидных цивилизаций.»

* * *

Тянулись века и тысячелетия; миллионы лет отлетали в вечность вместе с излучением юных жарких светил. Проходили космические и геологические эры. Планеты, дети звезд, остыли, покрылись плотной корой, в трещинах ее зазмеились реки, во впадинах — засинели океаны. Поднялись горы, выплеснули обжигающую магму вулканы, молодые миры окутал полог атмосферы. Появилась жизнь. Возникшая из рассеянных аризианами спор, она начала расти, крепнуть, развиваться, стремясь к вершине обетованной — к разуму. Одна сила — Аризия — поддерживала ее на этом долгом пути; другая — Эддор — жадно ждала, мечтая оплести своими щупальцами все миры, все звезды, обе галактики, Вселенную.

Совершенно очевидно, что аризиане боролись не ради спасения своей расы. Их объединенная ментальная мощь была так велика, что им не составило бы труда уничтожить большую часть населения Эддора — тех, кто находился под властью Внутреннего Круга. Они могли бы изгнать значительную часть эддориан со всех планет, обезопасив юные миры от разрушительного влияния древнего и злобного разума. Это, однако, не решало проблемы. Члены Внутреннего Круга, наиболее жестокие, изворотливые и сильные, прикрытые непроницаемым даже для Аризии силовым щитом, остались бы невредимыми. К тому же, каким образом пошло бы развитие молодых цивилизаций, если бы аризиане взяли на себя решение всех проблем?

Самим аризианам нечего было бояться — ни расе в целом, ни отдельным ее представителям. Уничтожить их могла только совершенно невероятная концентрация ментальной энергии, и если бы даже Эддор предпринял такую попытку — или создал устройства, против которых Аризия оказалась бы бессильной — то ее обитатели всегда успели бы удалиться в иной пространственно-временной континуум, затерявшись в бесконечной и необъятной Вселенной. Да, они были бы изгнаны из родной Галактики — но что с того? Существа, одаренные такой мощью, везде чувствуют себя как дома; любая часть космоса может служить им вполне приемлемой средой обитания.

Но нет! Менее всего их беспокоила собственная судьба. Они боролись за идею — или, если угодно, желали реализовать свою мечту о союзе миролюбивых гармоничных цивилизаций, о миллионах обитаемых миров, заполняющих от края и до края две Галактики — их собственную и ту, которая вынырнула из неведомых глубин пространства вместе с Эддором. Они ощущали на своих плечах груз гигантской ответственности. Ведь все расы этих бесчисленных планет, эти народы, крепнувшие или только зарождающиеся — все они происходили от жизненных спор, посеянных некогда на девственных мирах их предками. И все они, в определенном смысле, тоже были аризианами. Бросить их на произвол судьбы казалось невозможным!

А посему Аризия вступила в сражение — тайное, но весьма эффективное. Она не препятствовала эддорианам хозяйничать на тысячах планет — любое явное противодействие было бы замечено; однако, когда эддориане сокрушали очередной неугодный им мир, Наблюдатели и Стражи Аризии пестовали ростки новой цивилизации, с радостью убеждаясь, что губительные катастрофы лишь прибавляют их подопечным мужества и стойкости. Так случалось не везде и не всегда, но Земля не обманула их надежд.

Четыре Хранителя Цивилизации — Дроуни, Кридиган, Ниделлор и Бролентин — следили за выполнением аризианской программы развития на четырех наиболее перспективных планетах — на Земле и в мирах Ригель IV, Велантия III и Полэн VII. Дроуни, земной куратор, отвечал и за генетическую программу, направленную на появление личностей, которые были бы достойны принять от старшей расы концентратор интеллектуальных способностей или Линзу, как стали впоследствии называть это устройство. Представители одной из генетических линий, настолько древней, что происхождение ее терялось в глубине тысячелетий, носили имя Киннисонов. Не ведая своих корней, забытых в чередовании мировых катастроф, дочери и сыновья этой фамилии набирали силу и мужали в длинной череде поколений. Возможно, Киннекса, легендарная воительница Атлантиды, была одной из первых в их роду. Была и вторая линия, не менее древняя и представленная в истории Земли такими же славными подвигами, скрытыми туманом тысячелетий. Мужчины и женщины этой семьи отличались рыжевато-бронзовыми или золотисто-каштановыми воло-

сами и янтарной радужиной глаз с золотыми точками.

Две линии не перекрещивались ни разу. Дроуни внимательно следил за этим обстоятельством, ибо соединение обоих родов должно было произойти лишь тогда, когда оно даст наибольший кумулятивный эффект.

* * *

Эддор тоже уделял немалое внимание Земле; у нее также имелся свой «куратор» в этом зловещем мире — Гарлейн Эддорский, второй по силе и власти после Высочайшего. Облеченный человеческой плотью, он появлялся тогда, когда расцветала очередная культура, когда набирала силу юная цивилизация; появлялся — и сокрушал ее. В пламени атомных ракет погибла древняя Атлантида; пал Рим, подточенный жестокими императорами, добытый и уничтоженный ордами варваров; как страшный сон промелькнули Первая, Вторая, Третья мировые войны. Последняя из них оставила планету обескровленной, лежащей в руинах, отброшенной в мрак средневековья.

И тут Гарлейн совершил ошибку. Ничего не зная об аризианах, уверившись, что разрушенная Земля не доставит ему хлопот в течение долгих тысячелетий, он отправился к мирам иным. Не важно, где он пребывал и что делал; главное — его внимание было надолго отвлечено от несчастной планеты. Может быть, он наводил порядок на Ригеле или Полэне, участвовал в заседаниях Внутреннего Круга, выполнял приказы Высочайшего Владыки; когда же Гарлейн вновь обратил свои взоры к Земле, его ожидало серьезное потрясение.

Планета возродилась, земное человечество вышло в ближний космос, заселив Марс, Венеру, Пояс Астероидов, луны Юпитера и Сатурна. Три внутренних мира, Венера, Земля и Марс, объединили свои усилия, создав Трипланетие — Лигу обитаемых миров Солнечной системы. Миновала краткая, но бурная эпоха межпланетных войн с обитателями внешних планетоидов, в ходе которых возник и окреп боевой космический флот; была создана Трипланетарная Служба, следившая за порядком и законностью по всей системе; новое поколение людей, могучих разумом, телом и духом, было готово принять Линзу Аризии. В грядущих событиях главную роль предстояло сыграть Вирджилю Сэммзу, главе Трипланетарной Службы, и комиссару Киннисону,

который возглавлял объединенный космический флот Солнечной системы.

Гарлейн возвратился в околоземное пространство в облике Серого Роджера, главаря отщепенцев и предателей, которых эмиссары Службы вначале сочли остатками разгромленных войск внешних миров, склонных к пиратству и межпланетному разбою. Лишь выдержав битву с космической крепостью-планетоидом Роджера, разгромив его и изгнав за пределы системы, Сэммз и Киннисон поняли, что имеют дело с чем-то большим и неизмеримо более сильным, чем разрозненные шайки пиратов. Им противостояла могущественная и преступная организация; корни ее таились на Земле, среди жаждущих власти политиканов, среди внешне благопристойных корпораций и фирм, ветви и крона тянулись к иным мирам, где силы зла, никому не подконтрольные, могли создавать могучие флоты, поработать целые расы и народы, творить любые преступления.

И они могли остаться безнаказанными! Ибо созданный Вирджилом Сэммзом Галактический Патруль, звездный наследник Трипланетарной Службы, оставался бесполезным, пока не были решены основные проблемы. Сам Вирджил Сэммз говорил о них так:

«Пока наш Патруль действует в пределах Солнечной системы, все ясно. Тут нам известны и языки, и обычаи всех планет. Но что делать, если преступление произойдет в сотнях парсеков от Солнца? Как в этом случае сделать нашу работу эффективной? Что можем мы вообще знать о самом понятии криминальности в каком-нибудь странном мире, не понимая ни способа общения его обитателей, ни склада их мышления? Где никто даже не подозревает о существовании нашего Патруля? Мы можем месяцами искать там полицию и суд, если у туземцев существуют такие институты...»

Кроме того, Патрулю был необходим идентификационный знак — символ, надежно удостоверяющий, что предъявившее его лицо действительно представляет закон и правопорядок. Некоторое время таким знаком служил золотой диск с метеором, гербом Трипланетарной Службы, однако преступники научились подделывать его. Ибо все, что способны создать руки и разум одних людей, могут повторить другие, не столь чистые и благородные; это только вопрос времени и денег.

Работы по созданию нового символа, достойного Галактического Патруля, были поручены молодому гениаль-

ному ученому Нильсу Бергенхольму. Он не был обычным человеком; возможно, его земная плоть и появилась на свет обычным путем, но в дальнейшем его тело и мозг не раз служили временнымместищем аризианского разума. А посему Бергенхольм обладал интуитивным пониманием некоторых вещей — и он был твердо уверен, что действовать надо именно так, а не иначе.

Наступило время, и аризиане сочли, что небольшая группа существ с Сола III достойна владеть чудодейственной Линзой-Концентратором; первым из них был Вирджил Сэммз, вторым — его друг Родерик Киннисон. И Нильс Бергенхольм получил сигнал, что время настало, что пора объявить первым избранныкам Высшего Разума об их миссии. Это произошло в служебном кабинете Сэммза, когда Бергенхольм докладывал о результатах своих исследований:

«Итак, сэр, вернемся к нашей проблеме, к вопросу о создании идентификационного знака Патруля. До сих пор этот символ мыслился исключительно в физическом плане. Но все, что можно синтезировать физическими методами, можно ими же исследовать и воссоздать. Такое решение нас не устраивает, ибо преступники часто пользуются услугами весьма квалифицированных специалистов. Существует, однако, область, где физика бессильна — я говорю о ментальных силах, о разуме.

Рассмотрим, что же на самом деле необходимо Трипланетной Службе, которая сейчас расширяется, превращаясь в Галактический Патруль. Нужен символ, который надежно идентифицировал бы любого защитника цивилизации, причем абсолютно безошибочно. Этот символ должен отвечать следующим требованиям: невозможность подделки, невозможность имитации, бесполезность похищения. Он должен служить только своему носителю и уничтожать всякого, кто попытается незаконно использовать его. Наконец, он должен обеспечивать связь и взаимопонимание между нами, людьми, и любой разумной формой жизни, на каком бы уровне, высоком или низком, она не находилась. Несомненно, такая связь может быть только ментальной, гораздо более быстрой, чем звуковая, что избавило бы нас от изнурительного изучения множества языков. Столь же несомненно, что последнее требование не является моей фантазией — мы знаем, что высокоразвитые расы Ригеля и Полэна VII уже знакомы с телепатией.

— Похоже, вы угадали мои мысли, Нильс, — спокой-

но заявил шеф Трипланетарной Службы. — Или вы уже научились их читать?

— В данном случае в этом не было необходимости, — улыбнулся Бергенхольм. — Любой человек, который способен к аналитическому мышлению, пришел бы к тем же выводам.

— Возможно, возможно... Так что же дальше? Вы разработали необходимое нам устройство идентификации и ментальной связи?

— Нет. Но я знаю, что оно готово и уже ждет вас, мистер Сэммз.

— Вот как? И где же?

— На Аризии. И вы должны отправиться туда как можно скорее.

Вскочив с кресла, пораженный Вирджил Сэммз уставился на молодого ученого.

— Аризия! — воскликнул он. — Черт побери, при чем тут Аризия? И как мы можем туда попасть? Разве вы не знаете, что эта область пространства закрыта?

Бергенхольм пожал плечами, изобразив полнейшую беспомощность.

— Но откуда вы это знаете, молодой человек? — спросил Киннисон. — Вы получили какое-то сообщение?

— Нет, сэр, — решительно заявил ученый. — Я знаю — и все! Знаю столь же определенно, как и то, что при сгорании водорода в кислородной атмосфере образуется вода. Я знаю, что аризияне весьма сведущи в учении о силах разума, и если Вирджил Сэммз отправится туда, он приобретет некое устройство, которое иным путем получить невозможно. Ваше дело — верить или не верить мне.

С этими словами молодой ученый повернулся и, не спросив разрешения, покинул кабинет. Некоторое время в комнате царила ошеломленная тишина; потом Сэммз и Киннисон посмотрели друг на друга.

— Ну? — насмешливо, но с явно ощутимым оттенком тревоги, спросил Киннисон.

— Я отправляюсь. Прямо сейчас! — Сэммз был настроен весьма решительно. — Я верю каждому его слову. И потом, это — Бергенхольм... Бергенхольм, который еще ни разу не ошибался. — На миг он прикрыл ладонью глаза, словно собираясь с силами и укрепляя свою решимость, затем посмотрел на Киннисона. — А вы, Род? Идете со мной?

— Да. Не скажу, что я поверил на все сто процентов,

но попытаться стоит. Что же мы прихватим с собой? Надеюсь, не весь флот Трипланетия? Ограничимся «Бозом»? Или «Чикаго»?

— Не все ли равно? То, за чем мы полетим, можно будет увезти даже на космической шлюпке...»

* * *

Итак, Вирджил Сэммз стал первым обладателем аризианской Линзы, полученной им от Ментора Аризии, и вошел в историю как Первый Ленсмен, создатель Галактического Патруля. Линзы являлись концентраторами ментальных способностей и обладали многими свойствами, о которых Сэммз и его соратники не осмеливались даже мечтать. Каждая Линза была сложнейшей псевдоживой структурой, состоявшей из бесчисленного множества сверкающих кристалликов; она была настроена только на определенную личность и убивала любого чужака, осмелившегося прикоснуться к ней.

Вернувшись на Землю, Сэммз начал подбирать людей, которым предстояло отправиться на Аризию за новым чудодейственным прибором. В этот первый отряд молодых кандидатов вошли сын Киннисона Джек, его друг Мэйсон Нортроп, один из лучших оперативников Патруля Конвэй Костиган и юная дочь Сэммза Вирджилия, унаследовавшая от отца каштановые волосы и карие глаза с золотистыми искорками. Трое молодых людей получили Линзы, но Джил вернулась на Землю без сверкающего браслета на запястье. Правда, как сказал девушке аризианский Ментор, ей не понадобится Линза; пока — по неизвестным для землян причинам — концентраторы предназначались только для мужчин.

Вскоре к первым ленсменам добавилась новая группа: ученые-физики Фредерик Родебуш, Лиман Кливленд и Нильс Бергенхольм, коммодоры космического флота Клайтон и Швайнерт, марсианин Набос, венерианин Дал-Налтел, Руларион с Юпитера. Одновременно шло создание Совета Галактической Лиги Миров, и Вирджил Сэммз, справедливо полагая, что этот орган должен состоять только из носителей Линзы, отправился в поисках новых ленсменов к звездам. Посетив Ригель, он принял в ряды Патруля Дронвира, и даже на странной планете Полэн ему удалось отыскать подходящего кандидата, Таллика.

Тем временем на Земле сложилась крайне тяжелая ситуация. Преступные силы объединились под руководством североамериканского политика Моргана, организовав ряд фирм и концернов, стремящихся захватить контроль над межзвездными перевозками и торговлей, над богатым сырьем планетами, над всеми ресурсами бесчисленного количества миров. Эти консервативные силы демагогически предлагали Земле власть над всей Галактикой; и еще — тионит, супернаркотик, тайно добываемый на планете Тренко. Морган имел и могущественную поддержку извне — по мере того, как создавался Патруль, эддориане начали формировать собственную межзвездную организацию, Боском, владевшую развитой технологией, боевыми кораблями и базами на многих планетах Галактики.

Дело ленсменов и жизнь Сэммза были в опасности. Однако Патрулю удалось выиграть достаточно времени, чтобы построить и оснастить на одной из тайных баз могучий флот, разбивший армады, которые Боском направил на завоевание Солнечной системы. Следующим этапом стало политическое наступление на возглавляемую Морганом консервативную партию. Родерик Киннисон выставил свою кандидатуру на пост крупнейшего государства Земли — Североамериканского континента — и победил. Теперь в руках ленсменов находилась и законная власть, и сила; вскоре все земные правительства призвали колонизированные людьми миры и все звездные системы, в которых обитали разумные существа, к объединению в Галактическую Лигу. Патруль должен был защищать и охранять вошедшие в нее планеты, играя одновременно роль межзвездной полиции, армии и суда.

Когда Киннисон ушел с президентского поста, вернувшись к обязанностям главнокомандующего вооруженными силами Патруля, в состав Лиги входила уже сотня миров. Через десять лет их число достигло тысячи, через столетие — миллиона. Совет ленсменов, разумный и компетентный орган, обеспечивал закон, правопорядок и равные права для всех планет; в свою очередь, это гарантировало благоденствие и процветание миров Лиги.

Летело время. Наконец, пришел момент, когда две генетические линии земных ленсменов, так долго и тщательно наблюдаемые аризианами, должны были соприкоснуться, породив нечто новое и небывалое. Ким-

бол Киннисон, потомок древнего и славного рода, стал самым выдающимся ленсменом своей эпохи; ему была предназначена в подруги Кларисса Мак-Дугал, прелестная молодая женщина с каштановыми волосами и веселыми карими глазами с золотистыми точечками. Пришел час, они встретились и полюбили друг друга; и вот как это было...

* * *

Кимбол Киннисон, будущий легендарный Серый Ленсмен, неподсудный ни людям, ни богам — ничему и никому, кроме своей совести, — был лучшим выпускником Уэнтворт-Холла, академии земных ленсменов. Окончив курс, он получил назначение на Главную базу земного отделения Патруля, под командование адмирала Хейнеса. Этот старый и мудрый ленсмен сразу поручил юному офицеру важнейшее задание — захватить новый усовершенствованный крейсер боскомиан. Киннисон отправился в путь на специальном судне с довольно многочисленным экипажем, среди которого были Ван Баскирк, командир группы десантников, инженер Торндайк, пилот Хендерсон и другие будущие его соратники. Им удалось захватить корабль Боскома и снять чертежи с интересующих Патруль установок, но их собственное судно попало в ловушку. Киннисон сделал копии ценных записей, приказал команде покинуть корабль на двухместных шлюпках и пробиваться к Земле или к ближайшим базам Патруля.

Сам он отправился в путь вместе с могучим Ван Баскирком. После многих приключений они попали на планету Дельгон, властители которой, змееподобные существа, обладали огромной силой гипнотического внушения. Они терроризировали ближайшие миры, захватывая пленников и подвергая их страшным пыткам, ибо питались ментальной энергией, которую страдалцы испускали в момент гибели.

На Дельгоне Ким и Ван Баскирк встретили Ворсела, благородного обитателя Велантии, внешне похожего на дельгониан, но относящегося к угнетаемой ими расе. Втроем они нашли способ противостоять гипнотическому воздействию врага, обнаружили его тайное логово и уничтожили почти всех злобных Владык Дельгона. В этом, собственно, и заключалась миссия Ворсела, который прибыл на планету зла, чтобы освободить свой

мир от страшной дани. Впоследствии Ворсел, обладавший исключительным ментальным даром, стал ленсменом — вторым после Киннисона, который прошел дополнительное обучение на Аризии.

Трое победителей дельгониан отправились на Велантию, где их приняли с великим почетом. С помощью Ворсела и других велантийцев, Киннисон собрал остатки своего экипажа, направив в космос мощный телепатический призыв, а затем хитростью захватил несколько самых совершенных крейсеров Боскома; на одном из них, несмотря на яростное противодействие врага, он сумел прорваться на Землю, доставив ценнейшие сведения. За эту операцию Совет Патруля единодушно присвоил ему звание Серого Ленсмена — то есть, свободного разведчика и бойца, который сам решал, какой и где вести поиск. Серыми этих свободных ленсменов называли по цвету их форменного одеяния.

В дальнейшем Ким Киннисон осуществил ряд операций по уничтожению торговцев наркотиками и поиску вражеских баз. Для него спроектировали специальный космический катер-невидимку, который было практически невозможно обнаружить следящими лучами и локаторами. Его успешная деятельность привлекла внимание противника: сам Ха'Исса, представитель Боскома в первой Галактике, заинтересовался необычным ленсменом и, чем дальше развивались события, тем больше трудов прикладывал он, пытаясь уничтожить Киннисона. В свою очередь, Серый Ленсмен неоднократно пытался обнаружить таинственную базу Ха'Иссы, расположенную где-то на краю Галактики, и уничтожить ее.

Шло время, и Ким пришел к заключению, что силы Патруля и Боскома примерно равны, так что кровопролитная война в межгалактических просторах будет бушевать тысячелетиями. Он полагал, что главное преимущество Патруля заключается в обладании Линзой, но ленсмены еще не умеют эффективно пользоваться ею. Посоветовавшись с Хейнесом, его наперсником и старшим другом, Киннисон решает вторично отправиться на Аризию; до того он был на этой загадочной планете только один раз, как и все остальные ленсмены — в тот момент, когда аризиане исследовали его менталитет для изготовления Линзы. Было известно, что никому не дано посетить Аризию дважды, поэтому Киннисон с волнением отправлялся в этот путь.

Однако он был принят с радостью. Более того, его

ждали — как и некоторых других, самых сильных ленсменов — для повторного обучения. Он получил, что хотел, настолько увеличив свою телепатическую мощь, что теперь мог овладеть чужим сознанием — с Линзой или без нее — и подчинить своей воле практически любое разумное существо. Правда, сквозь мощный защитный барьер — мыслеэкран — Ким проникнуть не мог.

Он снова начал поиски базы Ха'Иссы и, после одного из своих приключений очутился в госпитале с тяжелыми ранениями. Его выходила девушка, молодой врач, Кларисса Мак-Дугал, далекий потомок Вирджила Сэммза. Между ними зародилась симпатия; прошло время — и молодые люди полюбили друг друга.

Ким, однако, не прекращал своих поисков, и ему наконец удалось засечь координаты базы Ха'Иссы. Огромный боевой флот Патруля под командой адмирала Хейнеса атаковал планету; Киннисон, прокопавшись на территории базы и пользуясь своими новыми ментальными способностями, вывел из строя почти весь ее персонал. Представитель Боскома в первой Галактике был уничтожен, однако в последний момент Ким засек телепатический сигнал, который гибнущий Ха'Исса отправил в неведомую точку второй Галактики. Серый Ленсмен понял, что гонялся за миражем; истинные хозяева Боскома находились где-то в неизмеримых глубинах пространства.

По его просьбе Совет Патруля санкционировал экспедицию во вторую Галактику. Ким посетил ее дважды: вначале он выяснил, что нити с базы Ха'Иссы тянутся к планете айхов, высокоразвитых существ, которые якобы создали Боском и управляют им и всей второй Галактикой. Следующий визит Киннисон нанес прямо на эту подозрительную планету; он пошел в рейд на своем катере вдвоем с Ворселом.

Айхи захватили ленсмена в плен и подвергли страшным пыткам; с большим трудом — и с помощью верного Ворсела — Киму удалось освободиться. Однако змееподобный велантиец привез на Землю не человека, а лишь обрубок прежнего Кимбола Киннисона — он лишился конечностей, ослеп и едва дышал. К счастью, в госпитале Главной базы уже был разработан метод регенерации тканей, и вскоре к Серому Ленсмену вернулись и здоровье, и былая сила. Он получил и еще кое-что — любовь Клариссы Мак-Дугал, рыжеволосой красавицы, снова поставившей его на ноги.

Флот Патруля совершил рейд во вторую Галактику, прихватив самое мощное оружие, которым владела Лига, — сферу аннигиляции. С помощью этого ужасного средства, мир айхов и они сами были уничтожены. Но Кимбол Киннисон внезапно понял, что опять сражается с фантомом. Он опрокинул два барьера, пытаясь добраться до истинных владык Боскома, но за ними стоял третий.

Он устал; ему хочется остановиться, отдохнуть, пожить нормальной жизнью рядом с любимым человеком. У них с Клариссой все решено; осталось лишь назначить день свадьбы.

Однако Судьба — и Аризия — рассудили иначе.

ВТОРАЯ СТАДИЯ

ВНОВЬ ПРИЗВАННЫЙ

— Остановись, юноша! — прогремело в мозгу Киннисона. «Ментор с Аризии», — узнал ленсмен, и недоброе предчувствие кольнуло его сердце.

Он замер, не закончив шага, а Кларисса, поймавшая жесткий, отсутствующий взгляд спутника, побледнела.

— Довольно тешить себя пустыми, глупыми мыслями. Мы и раньше замечали, что суетные, эгоистичные побуждения копошатся в твоём сознании, как черви, и порой считали тебя безнадежным. — Ленсмену казалось, что удары незримого бича обжигают его мозг, и тот корчится от боли. — Думай, думай же! Очнись! От твоей проницательности, от твоей способности прозреть истину зависит будущее Патруля, завтрашний день всего содружества цивилизаций.

— Что значит «думай»?! Разве я не думаю? — возмутился рассудок Киннисона, пытавшийся совладать с сумятицей чувств. Замешательство, смущение, недоверие, гнев не давали улечься бешеной пляске мыслей. Напрасно ленсмен ловил их обрывки. Серое облачко дурного предчувствия выросло в грозовую тучу и стремительно застиало весь горизонт.

— Ким! — задыхаясь от волнения, воскликнула Кларисса. Тут только Киннисон вспомнил о ней, и в голове его промелькнуло, что для стороннего наблюдателя все происходящее представляло бы загадочную сцену. До сих пор он даже не замечал, что пальцы девушки впились в его руку. Огромные — от ужаса или боли? — глаза метали золотые молнии с белого как мел лица. Она все поняла... Конечно же... Наделенная шестым чувством, она не упустила даже оттенка мысли. — Ким, они не могут так поступить с нами, — пробормотали непослушные губы.

— Еще как могут! — процедил ленсмен сквозь зубы и тут же взорвался: — Но я не игрушка, клянусь клыками Клоно! Мы имеем право на счастье и...

— И что? — эхом отозвался глухой, безнадежный голос. Но слабая женщина, цепляющаяся за осколки разбитой мечты, уже уступила место воительнице, в чьих жилах текла кровь суровых горцев. Поникшая было рыжеволосая головка гордо вскинулась. — Ты должен лететь, Ким, прямо сейчас... и я... я — тоже...

— Похоже на то, — утрюмо согласился Киннисон и вздохнул: — Но почему, почему я должен быть ленсменом? Почему не могу остаться?..

Кларисса гладила его руки и молчала, зная, что он и не ждет ответа. Что тут можно сказать?

— Помнишь наш разговор, Ким? Я не из породы неженков. И это не продлится вечно... Просто надо подождать, и все.

Глаза цвета стали мучительно всматривались в медовые, с золотыми искорками, зрачки.

— Подождать, Крис? — Лишь эти двое знали, какой подтекст таился в вопросе.

— Да, Ким. — Ни сомнения, ни дрожи в ровном голосе, маленький подбородок решительно вздернут. — Зеленый, сияющий мир еще будет нашим. Но тебя ждет дорога, Серый Ленсмен, дальняя дорога... Она кажется бесконечной, — прошептала Кларисса. — Я буду ждать, Ким...

Ленсмен нахмурился, но не проронил ни слова, хотя желваки так и играли на его скулах. Нет смысла изливать на Крис горечь разочарования, ей и так нелегко. Надо забыть обо всем и думать, думать...

Мозг Серого Ленсмена снова заработал, как хорошо отлаженная, могучая машина, и вскоре его мысленному взору приоткрылись очертания замысла аризиян. Он наконец постиг, какую ошибку, какой ужасный промах допустил в своем крестовом походе на Боском. Хотя Ментор больше не послал ему ни слова укоризны, он вел разум ленсмена, одно за одним показывая последствия его поступков. И чем ярче брезжил холодный свет истины, тем мрачнее становилось лицо Киннисона.

— Теперь ты получил хоть несколько крупниц правды, — подвел черту под мучительными откровениями аризиянин. — Надеюсь, ты понял, сколько вреда несут в себе бессвязные, поверхностные размышления. Тебя обвиняют лишь молодость и принадлежность к относительно юной расе. Вы, земляне, склонны носиться со своими чувствами, отводить им неподобающее место в жизни. Но тебе еще рано отдаваться на их волю. Думай, юноша, размышляй! — И умудренный веками — или тысячелетиями — аризиянин оборвал мысленную связь.

Не сговариваясь, молодые люди молча развернулись и направились обратно, в комнату, которую покинули несколько минут назад. Адмирал и врач судачили

по-стариковски о предстоящей свадьбе, к которой и они приложили руку.

— Что-нибудь забыли, Мак-Дугал? — расплылся в улыбке Лейси, но его веселье как ветром сдуло, когда он разглядел угрюмые лица молодой четы.

— Докладывай, Ким! — потребовал Хейнес и недовольно насупилсь.

— Много всего, сэр, — спокойно ответил Киннисон. — Мы не успели дойти до лифта, когда нас остановил Ментор. Он ткнул меня, как щенка, носом во все глупости, которые я нагородил с Боскомом. Рано мы радовались. Воображали, что уничтожили осиное гнездо! На самом деле мой промах отбросил нас далеко назад. Мы еще дальше от цели, чем были в самом начале.

— Ментор сказал тебе?!

— Отбросил назад?!

Оба старика не скрывали изумления. Аризiane никогда не снисходили до разговоров, замкнувшись в раковине молчания. И вдруг такое! И любовь, которую они пестовали, как драгоценный росток, взлелеянный ими союз... это нежное растение увядало, прихваченное морозом, прямо у них на глазах. Удивление и досада помешали им сразу осознать масштабы катастрофы. И потребовалось некоторое время, чтобы они поняли: борьба с Боскомом, унесшая столько жизней, стоившая таких усилий, кончилась крахом. Однако и теперь Хейнес не желал признать поражения; этап за этапом он прокручивал всю историю кровавой схватки и не находил просчетов.

— Ерунда! — горячился он. — Нет никаких промахов. Что-то они умничают...

— Вся вина на мне, — бросил Киннисон. — Когда мы взяли эту жирную свинью Бомингера, главаря звильников с Раделикса, — вы помните — я должен был сообразить, что на лук Боскома натянута не одна тетива. Вместо того, чтобы пороть горячку, следовало понаблюдать за каждой независимой станцией. А я занесся, вбил себе в голову, что разузнал все в подробностях. Как же, мы ведь нащупали местоположение региональных резидентов, вроде Прелина! Я изменил направление атаки и не удосужился задуматься, лежит ли Трессилия-3, где засел Кроуншильд, на этом направлении. Когда я, не без помощи Джалта, прокладывал маршрут через его звездное скопление к Ярневану, то совершенно упустил это из виду. Вот где я дал маху!

— Я все еще не вижу ошибки, — кипятился порт-адмирал. — Главной целью был Боском!

— Я и сам так думал, — махнул рукой Киннисон. — Но это заблуждение.

— У нас не было причин думать по-другому, — не сдавался старик.

— Были, — возразил Серый Ленсмен, — но я их не видел. Мой мозг подвел меня. Почему я не увидел! — сокрушался он. — Слепец, жалкий слепец! Конечно, можно оправдывать себя тем, что это были мелкие детали. Ничто, ничто не указывало на главенство Боскома. Я сам вбил себе это в голову, хотя не имел никаких оснований. Мой ум оказался неповоротливее черепахи, и теперь... мы погибли.

— Не пори чепухи, Ким, — резко оборвала его Кларисса. — Не бывало случая, чтобы аризиянин первым вступил в контакт с человеком. Неужели это ничего не значит? Ментор не стал бы взывать к тебе, если бы поставил крест на нас.

Трое мужчин с изумлением воззрились на Клариссу, но та не отступила — только румянец смущения окрасил ее щеки.

— Да, у меня самый обычный разум, и тот в растерянности, — пролепетала девушка. — Но я не верю, что все пропало. Если бы Ким допустил роковую ошибку, аризиянин остановил бы его раньше, до уничтожения Ярневана. А теперь он просто дал понять, что не время заниматься личными делами, напомнил о высшей миссии.

— Вот именно, — встрял Лейси, — почему он не вмешался и позволил нам раздавить Боском?

— Надеюсь, ты права, Крис, — задумчиво протянул Киннисон и повернулся к Лэйси. — Ответ очевиден, док. Знания, которые достались с трудом, никогда не потеряются, не забудутся. Разумеется, он мог бы открыть мне глаза и раньше, но тогда я бы свалил дурака и в следующий раз. Лучше всего учиться, набивая шишки. Он трижды прав: надо думать, думать так, чтобы мозги трещали от напряжения, — сказал ленсмен скорее себе, чем собеседникам.

— Ладно, мыслитель, — проворчал Хейнес, — что нам теперь делать? Спускайся-ка на землю!

— Я должен все обмозговать, — словно бы нехотя обронил Киннисон. — Перебрать снова факты, связать их... Ничего лучшего пока не приходит в голову. Что

касается вас — тут все просто. Помните, вы говорили, что Земля надежно укреплена? Это утверждение уже не соответствует истине.

— Что?! — Хейнес в волнении вскочил со стула. — Почему?

— Мы использовали антивещество, чтобы уничтожить базу Джалта, и размолотили Ярневан между двумя планетами, — пояснил ленсмен. — Устоит ли Земля против такого?

— Боюсь, что нет... нет, — признался Хейнес. — Но...

— Никаких «но», адмирал, — отрезал Киннисон с мрачной решимостью. — Мы явили миру страшное оружие и должны допустить, что враг обзаведется таким же. Вы обязаны поставить заслон против того, что придумано нашими учениками, и того, что может изобрести чуждый интеллект.

— Ты прав. Теперь я понимаю, — кивнул старик.

— Мы все время недооценивали их, — продолжал Серый Ленсмен. — Сначала полагали, что гоняемся за пиратами. Потом, когда нас несколько раз больно щелкнули по носу, признали, что они накинули сеть на всю галактику. Наконец выяснилось, что ниточки тянутся за пределы галактики. Противник проник к нам и пустил корни раньше, чем мы заподозрили, что их звездное скопление обитаемо. Правильно?

— Точно, хотя я никогда и не смотрел на дело с этой точки зрения.

— Они имеют преимущество, — безжалостно продолжал Киннисон. — Они знают, что наша основная база на Земле. И если Ярневан не был их главной цитаделью — а надо полагать, что так оно и есть, — я даже не знаю, где ее искать. Вас не смутили размеры их флота?

— Ну, Ким, Ярневан — большая планета, а айхи — могучая воинственная раса.

— Не обманываете ли вы себя, шеф?

— Ты прав, сынок, — смутился Хейнес. — Вероятность того, что одна планета, даже большая и богатая, может построить и содержать подобный флот, очень невелика.

— Чего же тогда нам следует ожидать?

— Контратаки. Большими силами. Они бросят в бой все, что смогут собрать. Правда, им понадобится время на ремонт флота, не говоря уже о проектировании

и строительстве новых кораблей. Возможно, мы еще успеем подготовиться, если не станем терять ни дня.

— А что, если Ярневан все-таки был центром? — робко вставил Лейси.

— Маловероятно, — покачал головой порт-адмирал, который уже встал на сторону Киннисона. — Как бы то ни было, старина, даже конец Земли не станет концом Патруля. Это ослабит его, но не лишит боеспособности вовсе. Остальные планеты Лиги не оставят Патруль без поддержки.

— Я того же мнения, — подхватил ленсмен.

— Так, так... — Палыцы Хейнеса забарабанили по крышке стола. — У нас опять масса дел. Пойду-ка я, пожалуй, в свой кабинет.

— Я загляну к вам, как только попрощаюсь с Клариссой.

* * *

В то самое время, когда Хейнес и Лэйси входили в комнату доктора Мак-Дугал, Ворсел спикировал на плоскую надежную крышу. Его кожистые, перепончатые крылья подняли настоящий ураган — велантиец привык к высокой гравитации. Приземлившись рядом с колонной, Ворсел повлек свое длинное, извивающееся тело к владениям старого друга, техника Верна Торндайка.

— Я долго размышлял, Верн, — объявил он, когда свернул в тугую спираль шесть футов гибкой плоти и выставил наружу полдюжины качающихся на стебельках глаз.

— Эк удивил! — ухмыльнулся Торндайк, который, как и все земляне, посмеивался над страстью велантийцев неделями обсасывать одну мысль. — Какие тайны мироздания ты обдумывал на сей раз?

— Самое неприятное в вас, двуглазых, — надулся Ворсел, — что вы не только не умеете мыслить, но и...

— Хватит брюзжать, — оборвал его непочтительный приятель. — Выкладывай без предисловий, старый змей. Любишь ты напустить туману. Бери быка за рога!

— Я думал о мысли...

— Час от часу не легче, — расхохотался землянин. — Это уже логарифмическая спираль, которая никогда не кончится.

— ...о мысли и о Киннисоне, — решительно закончил Ворсел.

— Киннисон? Это другое дело. Это интересно, даже очень. Рассказывай.

— Знаешь, это его оружие, эти «деламатеры»...

— Не знаю. Не тяни!

— Оно так бросается в глаза. Такое громоздкое, неуклюжее. И тьма энергии расходуется впустую. Ни изящества, ни тонкости.

— Ну, это ты зря. Я не знаю лучшего личного оружия.

— Так-то оно так, но миллионная доля той же энергии, правильно приложенная, могла бы оказаться куда опаснее.

— Как это? — Хотя уверенность землянина пошатнулась, он не спешил соглашаться.

— Я выяснил, что процесс мышления у любого органического существа связан с присутствием в мозгу... — И велантиец разразился пространной химической формулой. Структура сложной молекулы, которую он напыщенно и многословно описал Торндайку, грозила занять не только мозг техника, но и всю комнату. — Молекула имеет огромную массу, — вещал крылатый естествоиспытатель, — и сравнительно неустойчива. Вибрация на резонансной частоте одного из ее радикалов разрушает структуру, и мысль исчезает.

Потребовалось около минуты, чтобы Торндайк уяснил сказанное и запротестовал:

— Ему это не нужно, Ворсел. С его-то мозгом...

— Чтобы мысль убивала, приходится затрачивать бездну ментальной энергии, — спокойно вставил Ворсел. — Утомительное занятие, и бесполезное, когда врагов много. Я же придумал, как обойтись ничтожной долей ватта и не растрачивать ментальную энергию.

— И это будет убивать? — усомнился землянин. — Убивать, а не временно выводить из строя?

— Разумеется, — заверил Ворсел. — Надо ли удивляться, что такие беспомощные, уязвимые от природы существа испытывают какой-то священный ужас перед убийством? — спросил он сам себя. — Много ли смысла в том, чтобы выводить противника из строя?

Торндайк не спорил, понимая тщетность попыток объяснить разумной рептилии основы человеческой этики. Однако он осторожно заметил:

— Насколько я знаю, еще не удавалось создать миниатюрные генераторы таких волн.

— Понимаю. Эта задача бросает вызов вашей изобре-

тательности. Главным достоинством устройства должна быть миниатюрность, чтобы оно уместилось в кольце или браслете, на который крепится линза, либо, если удастся использовать тепепатическое управление, легко вживлялось под кожу.

— А защита? — Торндайк содрогнулся. — Защита... экранирование...

— Детали, — уверил Ворсел, щелкнув хвостом, как плетью.

— Ты понимаешь, что собираешься выпустить джинна из бутылки? Даже жертва не поймет, что происходит и кто убийца. Так?

— Пожалуй, — согласился Ворсел. — Молекула распадается в мгновение ока. Чистая моментальная смерть. Оружие должно оставаться тайной за семью печатями, поэтому придется удовольствоваться единственным образом.

— И вручить его тебе?

— Нет, конечно. Зачем мне такая штука? Только для Киннисона и только для защиты.

— Что ж, твою идею я могу обсудить лишь с одним существом в Аризии. Посмотрим, что можно сделать.

Глава 2

ВТОРЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТУННЕЛЬ

Адмирал Хейнес, недавно избранный главой Галактического Совета и ставший первым лицом Лиги Миров, нажал на все кнопки, чтобы защитить Землю. Прежде всего он собрал самых искусных тактиков, которые помогали планировать вторжение в чужую галактику и нападение на Ярневан. Опытный воин, Хейнес не спешил созывать Большой Флот. Многие подразделения еще не успели достигнуть родных планет. «Пусть хоть немного побудут дома», — думал адмирал, надеясь, что врагу потребуется время для ответного удара.

Мысли Хейнеса занимала разведка, возложенная на окраинные, пограничные планеты. Старик требовал, чтобы ему докладывали о любом намеке на военную активность. Он старался контролировать все подступы к земной галактике и даже заглядывать в чужую, чтобы избежать неприятных сюрпризов.

Киннисон, который был частым гостем в кабинете адмирала, терзался смутной тревогой. Его опасения никак не могли вылиться в осязаемую форму, но не давали покоя. Где-то глубоко, на самом пороге восприятия, тлело беспокойство. Серый Ленсмен маялся так, словно забыл о чем-то важном и мучительно пытался вспомнить. Это томление не давало Киннисону заняться своими делами. Он слонялся из угла в угол и размышлял.

Тем временем план обороны, обдуманый в общих чертах, стал обрастать деталями и был доведен до сведения инженеров. Стратеги предвещали войну планет. Флоты флотами, говорили они, но ни один самый мощный флот не остановит планету, небесное тело массой от десяти в десятой до десяти в двадцать пятой степени килограммов со скоростью около сорока километров в секунду. Скорость планеты,двигающейся из чужой галактики, могла достигать — относительно Земли — и ста километров в секунду, а ее кинетическая энергия приближалась к десяти в сорок первой степени эргам. Какой уж тут флот?

Ученые полагали, что атакующая планета могла до решающего мгновения оставаться безынерционной, и рассчитывали вернуть ей инерцию в тот момент, когда это будет на руку Патрулю. Но как проделать такое? Ответом на вопрос стал «суперударник», громоздкое, неповоротливое чудище, которое, однако, двигалось быстрее свободно летящей планеты. Оно смахивало на космическую крепость Ха'Иссы, но значительно превосходило ее размерами. По сути дела, это был огромный корабль с экранами невероятной прочности. От обычного истребителя его отличало одно — ограниченный арсенал. Однако этот левиафан мог защищаться и, доведись ему подобраться поближе к цели, нанести ущерб врагу — его оснастили новейшим оружием, способным разрезать Q-спирали.

И вот планеты нескольких солнечных систем, необитаемых и не представляющих ценности, превратили в гигантские бомбы. Сотни планет с разной массой и скоростью одну за одной отрывали от родных светил и препровождали поближе к Земле.

Наконец Киннисон, который доискивался подоплеки своих смутных подозрений с упорством собаки, грызущей старую, уже невкусную кость, дождался озарения. Толчком послужило самое прозаическое обстоятельство:

взгляд ленсмена упал на вход в подземный туннель, в котором циркулировали межконтинентальные экспрессы.

— Так вот что это будет! — воскликнул ленсмен. — Туннели! — И он поспешил к Хейнесу.

Адмирал, как всегда заваленный делами, тем не менее выкроил минуту для Серого Ленсмена, который требовал встречи в самых крепких выражениях.

— Вся наша оборона — ерунда, — с порога бросил Киннисон. — Какого черта они будут тащиться через межгалактическое пространство и пускаться в опасное странствие — шестьдесят тысяч парсеков! — через густонаселенную галактику, тянуть линии снабжения, которые мы можем перекрыть в сотне мест одновременно? Зачем?

— Правильно, — старый вояка оставался невозмутимым. — Удивительно, что ты не понял этого давным-давно. Мы-то уже сообразили. Я буду очень удивлен, если они вообще нападут.

— Но зачем тогда все приготовления? — оторопел Киннисон.

— Ну, что-то может произойти, и мы не хотим оказаться беззащитными. Кроме того, это хорошая встряска для моих ребят. Помогает держать порох сухим, знаешь ли... Однако предупреждение Ментора со счетов не сбросишь. Впрочем, даже если им удастся незаметно обойти галактику и вынырнуть с другой стороны, мы все равно прикрыты. Земля слишком далека от границ. А с чем ты, собственно, пришел?

— Что вы скажете о гиперпространственном туннеле?

— Гм-м... — Хейнес был захвачен врасплох. — Возможно, возможно. Допустим, дуодическая бомба, посланная к Земле...

— Вряд ли они смогут точно послать бомбу и управлять ею на таком расстоянии, — покачал головой ленсмен. — Что мне не нравится, так это аннигиляционная сфера. Или планета...

— Идеи? Мысли? Предложения? — выпалил адмирал.

— Никаких. Я ничего не понимаю в таких вещах. Не посоветоваться ли с Кардитаном?

— Прекрасное предложение, — обрадовался Хейнес, и уже через секунду Киннисон установил мысленную связь с гениальным математиком.

— Что за наглость, Киннисон, врываться вот так в мои мысли? — вспыхнул старый чудак. — Если каждый юнец сочтет себя вправе вламываться...

— Не кипятитесь, сэр Остин, — урезонивал Киннисон. — Прошу прощения. Я бы ни за что не посмел нарушить ваш покой, если бы речь не шла о жизни и смерти. Будет гораздо досадней, если Боском пошлет через гиперпространственный туннель планету размером с Юпитер или сферу аннигиляции.

— Что-что? — удивился Кардинг, но, против ожидания, не обрушил на собеседника град вопросов. Он размышлял. И хотя оба ленсмена ловили каждую его мысль, они ничего не понимали: сэр Остин оперировал символами, и ход его рассуждений мог озадачить и более близкого к науке человека.

— Ерунда! — вынес он наконец свой вердикт и ядовито добавил: — Видите ли, мой стремительный и невежественный юный друг, точность, с какой можно послать некое тело через гиперпространство, зависит от массы этого тела. Не составит труда показать, что если выход туннеля находится близко к телу той же массы, что у нашего Солнца...

— Не надо доказательств! — взмолился Киннисон. — Нам достаточно вашего заключения. А как далеко от Солнца может располагаться этот выход?

— С ходу не скажу, — пришел осторожный ответ ученого. — Конечно, больше одной астрономической единицы. Точный расчет требует времени. Интересная, хотя и не слишком сложная задача. Если хотите, я займусь этим.

— Мы были бы весьма благодарны, — расшаркался Киннисон, и оба ленсмена поспешили отключиться от разума сэра Остина.

— Самодовольный старый петух! — фыркнул Хейнес. — Так бы и ощипал его.

— И меня подмывало не раз, — ухмыльнулся Киннисон, — только ничего не вышло. Придется примириться с этим.

— Вероятно. Так что с этим чертовым туннелем? То, что выход не может оказаться близко к Земле, успокаивает, но мы должны знать, откуда ждать гостей.

— Похоже, Вайз с Медона больше других разбирается в этом предмете.

Последовало короткое совещание с медонцем, а потом пришло послание от сэра Остина. Тот сообщал, что

минимальное расстояние от центра Солнца до выхода из гиперпространственной воронки, точнее, до ее геометрического центра, в трехмерном пространстве составляет приблизительно одну целую двести шестьдесят пять тысячных астрономической единицы. Последняя цифра зависела от расположения колоссальной и стремительной массы Юпитера.

Вскоре пятиместные катера-спидстеры, под завязку загруженные новыми приборами, ринулись к цели. Число обследованных планет неуклонно сокращалось, тем более что три-четыре из них были недостаточно велики. Суда Большого Флота тоже участвовали в операции. Хотя сигнал боевой готовности еще не прозвучал, все держались настороже.

«Никаких следов,» — сообщили наблюдатели с Медона, и Хейнес смерил Киннисона насмешливым взглядом.

— Радуйтесь, сэр, — пожал плечами тот. — Найди они что-нибудь, это означало бы, что враг на подходе. Надеюсь, у нас есть еще месяца два в запасе. Но я готов стоять на своем: они выберут туннель.

Для Серого Ленсмена опять пришла пора космических скитаний. Прихватив с собой невозможного сэра Остина, он кочевал из одной солнечной системы в другую, от планеты к планете, собирая ученых на импровизированную конференцию. На борту «Неустрасимого» лучшие умы Галактики, и неистовые, как Кардинг, и склонные к ленивой рефлексии, бились над загадкой.

Затем Киннисон развез ученых мужей по домам и взял курс на базу. Но еще раньше, чем его нога ступила на Землю, сотня юрких суденышек, занимающихся добычей минерального сырья на малых планетах, закопошилась в пространстве. В пустоте начали возникать новые образования из железных метеоров, крошечные, лишенные вооружения, но оборудованные защитными экранами. По сути они представляли собой энергостанции, оснащенные атомными реакторами, преобразователями и генераторами необычайной конструкции. Измученный Торндайк и его команда, не давая себе поблажки, метались от одного диковинного сооружения к другому, чтобы развести их в намеченные точки пространства.

Их же трудами между орбитами Марса и Юпитера выросло ровно двигающееся кольцо астероидов. Тем вре-

менем львиная доля судов Большого Флота выстроилась в огромную полую полусферу. Поблизости шныряли спидстеры-наблюдатели и быстроходные боты-флиттеры. Иголка не смогла бы проскочить незамеченной через эту густую сеть.

В центре полусферы маячил флагман, «Директрикс», ошестинившийся антеннами. Две сотни тяжеловесных, с бронированными щупальцами ригелиан томились в ожидании.

Однако межгалактическое и межзвездное пространство пустовало. Напрасно сновала комариная стая суденышек-шпионов. Но если вокруг «Директрикса» царил безмятежный покой, хотя бы внешний, на самом флагмане тревога разливалась в воздухе, пульсировала в крови экипажа. Гнет ответственности и пытка неизвестности делали полубольными и старого адмирала, и Серого Ленсмена.

Хейнес не знал покоя ни днем, ни ночью. Построение флота уже казалось ему рыхлым и неуклюжим. Что, если противник опрокинет все расчеты и не оставит времени на маневр? Беспокойство вгрызалось в его мозг. Время остановилось, тягучее, как патока. Скорей бы уж грянул гром!

Киннисон, внешне невозмутимый, изводился еще сильнее. Ленсмена уже не пугала возможность использования страшной сферы — он боялся укрепленных мобильных планет. Как ни впечатляли мощь и размеры суперударников, они не могли равняться с планетами. К прежним опасениям добавились новые. Киннисон не хотел тревожить Торндайка, который и без того крутился как белка в колесе, но приходящие события не радовали: то наблюдатели били ложную тревогу, введенные в заблуждение датчиками, то потенциалы защитных полей пускались вскачь. Ленсмен не мог уловить никакой периодичности, которая указывала бы на целенаправленные действия, но это не успокаивало. Впрочем, в такой свистопляске Киннисон усматривал и преимущество: время стремительно утекало между пальцами, заставляя ценить каждую минуту отсрочки.

И вот свершилось: приборы разом зашкалили, вспыхнули красные огни, задребезжали звонки, завывли сирены. И через долю секунды десятки тысяч кораблей рванулись к месту обозначенному разведчиками, чтобы взять его в кольцо.

План, выношенный Хейнесом, сводился к тому,

чтобы окружить источник опасности и уничтожить флот противника, прежде чем он начнет маневрировать. Успех затем зависел от того, успеют ли силы Патруля перестроиться, прежде чем враг осознает опасность, поэтому исход кампании определяло быстроедействие компьютера, который рассчитывал курсы кораблей.

— Центр вторжения, скорее! — прикрикнул адмирал на операторов, в чем не было особой нужды: проворные пальцы уже порхали над клавиатурой, на экранах замелькали столбцы цифр, принтеры выплевывали листы бумаги.

— Срочно передать! — скомандовал Хейнес, мучаясь вынужденным бездействием.

Он мог лишь направлять ход операции, передоверяя детали подчиненным. Ни одному самому могучему интеллекту не удалось бы свести воедино фрагменты гигантской панорамы, какую являла собой модель галактики в главном зале «Директрикса». Любой заплутал бы в лабиринте цветных огоньков, которые перемещались и мигали.

Даже Киннисон с Ворселом, руководившие Большим Флотом в битве при Ярневане, запросили пощады. Четверо ленсменов-ригелиан уже несколько месяцев обучались премудростям управления, но еще не годились для реальных действий. Поэтому в операционном отсеке сошлась удивительная троица: землянин Киннисон, сама воля к победе во плоти, материализованная энергия; велантиец Ворсел, чей разум мог объять в один миг целую солнечную систему с расстояния в одиннадцать световых лет; ригелианин Трегонси, неколебимый как скала, с избытком наделенный стоической уравновешенностью древней расы. Эти представители второго поколения ленсменов, обученные на Аризии, слили свои разумы в один, чтобы перекладывать распоряжения адмирала в мысленные приказания сотням ригелиан, флегматичных с виду, но обладающих подвижным мышлением.

Итак, флотилии ринулись к боевым позициям, неповоротливые суперударники потянулись за ними. Корабли наблюдения, пока оставшиеся не у дел, исчезли; этим пигмеям было не место на поле битвы, их экраны не устояли бы и против падающего камня. Энергостанции тоже пришли в движение, жестко выдерживая расстояние между собой и дистанцию до Солнца. Наползающее кольцо метеоров окружило центр вторжения огромной энергетической воронкой.

Запланированное Хейнесом перестроение еще не завершилось, а вражеский флот уже материализовался. В пространстве, которое пустовало еще мгновение назад, возник шарообразный строй, инерционный, несущий в себе смертельную угрозу.

Хейнес негромко выругался, но воздержался от приказов. Все возможное было сделано или уже делалось.

Ожидал ли противник встретить прекрасно организованный флот или надеялся вынырнуть в пустом пространстве над незащитной Землей, он, несомненно, выбрал наилучший боевой порядок, и кто знает, как повернулось бы дело, не столкнусь он с легендарной троицей. Минутного замешательства хватило, чтобы операторы-ригелиане вывели флот Патруля на предусмотренную позицию.

Миллионы испепеляющих все и вся лучей, которым могли сопротивляться только медонские проводники и изоляторы, прошли пустоту. Защитные экраны содрогнулись под ударами огненных молний; Q-спирали взрывали их энергетические связи, выжигая слой за слоем. Сгустки энергии рвали экраны на части. Затем в ход пошли дуодические снаряды, раздирающие обшивку кораблей. Серия страшных взрывов придавала окружающему пространству, еще недавно пустому, плотность атмосферы большой планеты.

Мощный ответный удар унес восьмую часть флота Лиги — в основном суда, которые составляли внутреннюю часть ударной сферы. Но при этом большой Флот не потерял ни одного бойца. Корабли, брошенные в самое пекло, управлялись роботами или дистанционно, с удаленных командных пунктов. Правда, и флот противника мог прибегнуть к подобной уловке.

К концу первого страшного столкновения подтянулись резервы Патруля, и напряжение на борту флагмана спало. По численности судов, огневой мощи и надежности защитных экранов флот Боскома не уступал силам Лиги, но он проигрывал в том, что касалось координации действий.

Несколько судов Патруля коршунами налетали на вражеский корабль, приканчивали его общими усилиями и тут же кидались врассыпную, чтобы влиться в новую мобильную группу. Ближайшие к окруженному суду не успевали понять, что происходит, и броситься на помощь. В конце концов немногие уцелевшие корабли

противника укрылись за шеренгой планет, которые составляли центр вражеского построения.

Семь планет, семь грозных космических бастионов заставили отступить патрульные корабли. Пробил час битвы титанов, и вперед двинулись громады суперударников. Потоки энергии обрушились на планеты, отхлынули и снова набросились на экраны, рассеиваясь в разрывах, когда ударники кидались на врага. Командиры метили в те участки, где громоздились мощные укрепления, полагая, что именно там скрываются генераторы Бергенхольма и пульта управления ими.

Запасы энергии подходили к концу. Самые прочные материалы, известные ученым Лиги, не смогли бы выстоять в этой геенне огненной, не будь они защищены Q-спиралями. И пока адские клыки вгрызались в поверхность планет, миллионы глаз не могли оторваться от зловещей феерии. Затаив дыхание, все ожидали развязки.

Но звездные твердыни не пали! Более того — с поверхности планет поднялась волна энергии, настоящий девятый вал, угрожающий даже существованию таких колоссов как суперударники.

— Назад! Прикажите им отступать! — сцепив зубы, распорядился Киннисон. И волна атаки откатилась.

— Что ты делаешь?! — взвился Хейнес. От ярости он не находил себе места. — Это все, что у нас есть!

— Вы забыли о новом оружии, сэр. Дайте ему показать себя.

— Уверен, что оно сработает? — наседал старик. — Ни черта это не даст, и тогда...

— ...и тогда, — закончил фразу Киннисон, — никто не помешает нам вернуть на поле боя суперударники. Мы просто обязаны использовать солнечное оружие, пока планеты скучены в одном месте и не начали движения к Земле.

— Правильно, — признал Хейнес и велел отвести суперударники еще дальше.

— Верн! — мысленно позвал Киннисон. — Нам не удалось справиться с ними. Может, вам повезет больше?

— Попробуем...

И вдруг сияние Солнца померкло, а потом светило и вовсе пропало. Обжигающих сетчатку пламенный цветок распустился в черном пространстве, и все военные корабли поблизости запылали крошечными искрами. Рукотворное солнце взрывалось светом и тускнело, снова наливалось жаром и опять гасло. И в его лучах планеты стали таять как воск, съезживаться на глазах.

Вновь миллион глаз не отрывались от экранов, а Торндайк и его подручные трудились как черти в аду, распалая ярость дьявольского огня. Поверхность планет пылала, вздувалась пузырями и постепенно раскалялась. Снежные шапки на полюсах растаяли, испарились. Океаны вскипели. Начали плавиться горы, лава потекла в долины, погребая все на своем пути. Защитные сооружения погружались в растопленный камень.

— Ким, поосторожнее! — встрепенулся Хейнес. — Не переусердствуй. Может, эти махины нам еще пригодятся.

Пламенные лепестки дрогнули, и цветок увял, поблек. Планеты остывали — энергетический удар затронул относительно неглубокие, поверхностные слои.

Сражение закончилось.

— Что за преисподнюю вы устроили, Хейнес? — полюбопытствовал капитан флагамена.

— Торндайк и его парни сулили превратить Солнечную систему в гигантскую вакуумную лампу, — ликовал адмирал. — Энергостанции с поглощающими экранами — нити накала, пояс астероидов и некоторые планеты — сетки, Солнце...

— Хватит, сэр, — не очень почтительно перебил его Киннисон. — Достаточно. Понимаете, капитан, управляющее поле...

— Сам помолчи! — не остался в долгу Хейнес. — Взял моду подражать ученым болтунам, вроде старого Лейси. Или ты думаешь, что мы с Рексом слишком тупы, чтобы понять технические детали? Впрочем, опустим подробности. На этих чертовых планетах сконцентрировалась вся энергия Солнца.

— В общих чертах правильно, — не удержался от комментария Киннисон. — Миллионы эрг в секунду...

— Ого! — присвистнул капитан. — Не удивительно, что они поддурманились, как бифштекс на сковородке.

— Теперь можно биться об заклад, что угроза Земле миновала, — объявил Хейнес. — А, Ким?

— На какое-то время, — охладил его восторги Киннисон. — Кардинг утверждает, что поддерживать связь через гиперпространственный туннель невозможно, и я склонен доверять ему. Но даже если сэр Остин ошибается, они вряд ли сумеют причинить нам значительный вред. Верн божится, что через пару недель сможет снова ввести в действие свою систему. Правда, сюрприза уже не получится.

— Да, — помрачнел Хейнес. — Придется разослать наблюдателей во все концы и держать часть флота под парами. Этого достаточно?

— Пожалуй, — кивнул Серый Ленсмен. — Уверен, что они еще долго будут приходить в себя. А я пока займусь своими делами.

И Киннисон вернулся к своим раздумьям, плоды которых, быть может, определяли исход борьбы между темными силами и Лигой Миров.

Глава 3

ЛИРАНА

Когда, после уничтожения базы Ха'Иссы, Патруль взялся выжигать «метастазы», отдельные очаги разложения могли уцелеть, ведь на карте галактики еще оставались белые пятна. Однако эти неразведанные пространства были не столь велики, чтобы дать повод для тревоги. Военный корабль в жилетный карман не спрячешь, резонно полагали ленсмены. В самом деле, военный флот мог базироваться лишь на небесных телах крупнее большого астероида. Располагайся подобная база неподалеку от планет Лиги, детекторы Патруля неминуемо обнаружили бы ее.

Тем не менее Киннисон ошибался, воображая, что сломал хребет наркосиндикату, когда прошел по цепочке Бомингер-Стронгхерт-Кроуншильд-Джалт и разделался с айхами. Тионит, в отличие от военных судов, любой мог упрятать в жилетный карман. И ленсмену стоило бы задуматься над тем, что штаб-квартира наркомафии может оказаться компактной и мобильной, а число каналов сбыта в огромной Галактике, где не счесть потребителей дьявольского зелья, куда больше одного.

Напрасно Киннисон, равно как и Джеронд с Радемекса, пребывал в приятном заблуждении, надеясь, что после разгрома гнезда звильников и ареста всех заправил регионального и планетарного рангов поток наркотиков превратится в тонкую струйку. Силы порядка получили короткую передышку, а затем наркобизнес снова поднялся с колен. Такой поворот событий обескуражил Серого Ленсмена, но не поверг в уныние: у него появилась пища для размышлений, конец нити, потянув за которую можно размотать клубок.

Киннисон прибег к старой тактике — выслеживал, вынюхивал, случалось, убивал. И с каждым шагом ленсмен укреплялся в уверенности, что зло коренится не на Радемексе или Шиклодоре, а на Земле. Но кто вершит черными делами здесь? Ни один из мелких дельцов, на которых вышел ленсмен, не знал, где сходятся нити паутины. Где-то в глубоких черных водах ходила крупная рыба, чувствовал Киннисон и сгорал от желания подцепить ее на крючок. Однако на сей раз он столкнулся с достойным противником. Сколько ленсмен ни расставлял сети, добыча ускользала. Киннисон охотился за ней в Лондоне, но опоздал на несколько минут. Он разминутся с таинственным звильником в Берлине, взял его след в Париже и потерял в Сан-Франциско, дышал врагу в затылок в Шанхае и наступал на пятки в Нью-Йорке, но каждый раз оказывалось, что он ошибся улицей или домом либо не рассчитал время. Ленсмен выстроил ловушку, из которой не ускользнул бы и микроб, но проиграл секунду и опять остался ни с чем.

Стоя на летнем поле нью-йоркского космопорта, он сотрясал воздух бессильными проклятиями. Пламя из дюз отлетающего корабля едва не опалило его, он мог бы достать судно лучом трассера, который всегда таскал с собой, но не рискнул: ленсмен работал под прикрытием и понимал, что человек в штатском, прилетевший на потрепанном флиттере, не может безнаказанно размахивать такими игрушками. Его собственный спидстер, неподходящий для сомнительного проходимца, за которого выдавал себя Киннисон, стоял на базе, бок о бок с «Неустрасимым». Как бы он сейчас пригодился хозяину! Почти не рассчитывая на успех погони, скорее для очистки совести, ленсмен вызвал крейсер и в ожидании его метался по бетонному полю.

Сохранять инкогнито больше не было смысла, и Киннисон, представ в своем истинном качестве, учинил блиц-расследование. Минут десять назад, доложил дежурный офицер, запросил разрешение на посадку спидстер Патруля, с Денеба-5. Судно двигалось с севера. Командир сообщил, что привел корабль для профилактического осмотра, и отрекомендовался лейтенантом Квиркенфалом. Предложил идентифицировать его личность, что и было сделано. Незнакомец походил на Квиркенфала больше, чем сам лейтенант, твердил дежурный. «Чисто работают, сволочи», — подумал Киннисон. Командир спидстера не торопился, долго кружил, ожидая

разрешения на посадку, направился было к ремонтному отсеку, но на последней сотне ярдов отклонился в сторону и сел в дальнем углу поля. Однако почти в ту же минуту сорвался с места. Исполняя негласный приказ никого не выпускать с летного поля, судно захватили лучом трассера.

— У меня самого руки чесались, — угрюмо сознался Киннисон. Он сел только для того, чтобы подобрать пассажира, моего звильника, вспорхнул и... вы, ребята, дали им уйти.

— Мы пытались, сэр... — Офицер смущенно потупился.

— Да, да, — рассеянно отозвался Серый Ленсмен. — Вы и представить не можете, на что способен этот парень.

Наконец появился «Неустршимый».

— Что ж, поищем, — предложил Киннисон без особого воодушевления, — но вряд ли мы найдем эту чертову штуку.

Когда парни из Патруля нащупали с помощью цепкого и мощного трассера Киннисона след в стратосфере, он едва регистрировался. Но и этого оказалось достаточно. «Неустршимый» бросился в погоню. Три дня длилось преследование, три дня Киннисон мерил шагами тесное пространство рубки управления. Крейсер нагнал беглеца — недаром «Неустршимый» слыл самым быстрым в Галактике — и шел за ним по пятам на предельной скорости. Однако попытки еще сократить разрыв ничего не дали, хотя Хендерсон выжал все, что мог, из корабля. Судно, за которым гнался Патруль, несомненно, способно было выдержать длительное преследование. Оно уходило по гиперпространственному искривлению космоса, ведущему к Земле, откуда беглец совсем недавно стартовал.

Добыча и охотник не обогнули галактики, но приблизились к ее пределам. Правда, редкие звезды все еще мерцали на матовой поверхности экранов.

— Что впереди, Генри? — спросил Киннисон.

— Кажется, ответвление галактики, ведущие к сектору Дунстана. Оно еще не исследовалось. Погоди, я сверюсь с картами.

— Не беспокойся. Я сам взгляну.

Память бортового компьютера хранила все, что успели нанести на карты астронавигаторы и планетографы Содружества, но Киннисон мало что почерпнул из нее.

Действительно, огромное пустое пространство, в котором они очутились, лежало между основным телом галактики и ее боковым ответвлением, сектором Дунстана, оповещавшем о своем присутствии слабым мерцанием. Хендерсон был прав: оно никогда не исследовалось. У картографов Лиги по сию пору не доходили руки до спиральных ответвлений, за исключением тех, где обитали разумные существа, настоявшие на исследованиях, или пролегли оживленные космические трассы, а также сфер особых коммерческих интересов. Но в секторе Дунстана не отмечали присутствия разумных существ, здесь не нашли ничего заслуживающего исследования или разработки, а удаленность от центра галактики отодвигала в будущее перспективу колонизации.

«Неустрашимый» на полной скорости ворвался в сектор Дунстана. Показания трассера внушали надежду, а вскоре преследуемый спидстер возник на экранах, его изображение увеличивалось с каждой минутой. То, что издали казалось мерцающим туманом, обернулось звездной мозаикой. Потом на экранах запыхало солнце, карлик типа G, обозначились планеты. Одна из них настолько напоминала Землю, что наблюдатели испытали приступ ностальгии. Те же полярные шапки ледников, атмосфера, ватные толщи облаков, безбрежная синь океанов, материки незнакомых очертаний, но по-земному зеленые, лесистые.

Экипаж засуетился у приборов, считывая показания, анализируя, сопоставляя.

— Надеюсь, что эти ребята держат курс на вторую планету, — заметил Киннисон, ознакомившись с результатами исследований. — Убей меня Бог, если обитатели здешнего Эдема не напоминают людей. Не удивительно, что мой неуловимый приятель чувствовал себя на Земле как дома. Глядите, он двигается по инерции.

— Отчаянный парень ведет эту консервную банку, просто везунчик. Если б он еще умел управлять кораблем... Наверное, когда его загнали в школу, однажды в жизни, пошел дождь и учитель не явился, — проворчал Хендерсон. — Ты только посмотри, что вытворяет — пытается балансировать на реактивной струе. Как бы не грохнулся...

— Если удастся то, что он задумал, нам останется только локти кусать, — процедил сквозь зубы Серый Ленсмен. — Этот лихач выиграет уйму времени, пока мы будем болтаться вокруг планеты по посадочной спирали.

— К черту спираль, Ким! Почему бы не нырнуть за ним? И мы не лыком шиты...

— Остынь, Генри! Военный крейсер не игрушка.

— Та-та-та! Я управляюсь с этой посудиною получше, чем тот водила со своей кучей железного лома. — Хендерсон, лучший пилот Патруля, не бахвалился.

— Дело в массе. Масса, размеры, скорость, энергия и инерция. Ты ведь прежде не работал с такой массой?

— И что из того? Я прошел полный курс пилотажа, могу танцевать на реактивной струе, пока песок на этом поле не расплавится.

— Что ж, попробуй, — буркнул Киннисон.

— О'кей, повеселимся! — принял вызов Хендерсон и проревел в микрофон: — Внимание всем! Пристегнуться и подготовиться к инерционному маневрированию. Планета третьего класса, удержание на реактивной струе. Садимся на брюхо.

Генераторы Бергенхольма отключили. Теперь машина супердредноута двигалась по инерции на обычной, земной скорости. Руки Хендерсона летали над пультом управления, нога срослась с педалью. Торжественно-сосредоточенный, он напоминал органиста. И в самом деле, рев реактивных струй ласкал слух космических бродяг, как музыка. Повинуясь отточенным движениям сильных рук, корабль завис над планетой.

«Три «же», — подумал Киннисон. — Не так уж плохо. Могло быть четыре.» Он жадно вглядывался в картину, открывавшуюся внизу.

Затерянный мир не был густо заселен: всего несколько городов, и те сгрудились у экватора. В умеренных климатических зонах следов деятельности разумных существ не обнаруживалось. Девственный лес, нетронутые степи. Ни дорог, ни построек.

Тем временем спидстер совершил рискованную посадку, едва не закончившуюся катастрофой, вблизи большого города. Площадка, на которую он опустился, совсем не походила на поле космопорта. Ни причалов, ни сервисных отсеков, ни одного судна — только низкие, с плоскими крышами ангары. Аэродром? Не маловат ли? Хотя вот самолеты, крохотные бипланы и трипланы, утлые конструкции из проволоки и ткани.

«Неустрашимый» сел рядом со спидстером, уже опустевшим.

— Не торопитесь выбираться наружу, ребята, — предостерег Киннисон. — Здесь что-то странное. Я бы немного осмотрелся.

Предположения Серого Ленсмена оправдались: существа, сновавшие по аэродрому и возле него, были подобны людям. Киннисона не ошарашило и то, что эти создания обходились без одежды: гуманоидные и близкие к ним расы, в особенности их прекрасная половина, по большей части всем покровам предпочитали наготу, делая исключение для украшений и доспехов. И подобно тому как марсиане из уважения к местным обычаям облачались на Земле в легкое платье, Киннисон, посещая иные миры, разгуливал в костюме Адама. На его бронзовом от загара теле оставалась только линза.

И все-таки повод для удивления нашелся: ни зоркие глаза ленсмена, ни его шестое чувство не могли отыскать поблизости особой мужского пола. Женщины управляли механизмами. Женщины пилотировали самолеты. Женщины работали в конторах. Женщины, девушки, девочки и младенцы женского пола заполняли залы ожидания и стоянки механических экипажей.

Киннисон только раскрыл рот, чтобы поделиться впечатлениями с Хендерсоном, только протянул руку, чтобы включить систему наружного наблюдения, как чуждая сила попыталась внедриться в его сознание. Это был опрометчивый шаг, такой же опрометчивый, как попытка всадить булавку в спину пантеры. Ленсмен немедленно поставил ментальный блок, а через долю секунды непроницаемый для мыслей экран накрыл корабль.

— Вы, парни... — начал Киннисон, но не договорил.

Остальные, конечно, ничего не почувствовали: он был единственным ленсменом на борту, да и не всякий носитель Линзы заметил бы такое. Неужели кто-то умеет пользоваться оружием мысли в здешней глухомани? Невероятно... С другой стороны, звильник... Есть над чем поломать голову.

— Туман сгущается, — пробормотал Серый Ленсмен. — Ментальное излучение. Конечно, было бы лучше раздеться, прежде чем выходить наружу, но я, пожалуй, воздержусь. И защитный костюм не надеть — он связывает движения. Ладно, извинения принесу позже...

— Послушай, Ким, ты не можешь выйти наружу один.

— Могу. Грех упускать такую возможность. От вас будет больше проку здесь. Подготовьте флайер и не спускайте с меня глаз. Если я подам сигнал, пускайте в ход узконаправленные излучатели. Скорее всего, помощь не понадобится, но все-таки будьте наготове.

Киннисон прихватил с собой мощное устройство для ментального экранирования, но до поры не включал его. Не забыл он и деламатеры. Однако теперь ленсмен владел оружием пострашнее, оружием настолько опасным, что еще ни разу не прибегал к его помощи. Ворсел не разменивался на пустяки. Чувствуя за спиной мощь «Неустрашимого», ленсмен ни о чем не беспокоился.

Едва космический колосс опустился на крохотную площадку, те, кто там был, побросали работу и застыли в ожидании. С появлением Киннисона все взгляды сошлись на нем. На каких только диковинных планетах ни побывал ленсмен, с какими только причудливыми существами не сталкивался, но никогда еще он не возбуждал такого нескрываемого любопытства, такой путаницы мыслей.

Ненависть, отвращение к инопланетному чудовищу, отторжение того, что попирало привычные представления... Даже паукообразные обитатели Деканора-6 не испытывали подобных чувств, хотя эти монстры содрогались, едва увидев человека. Однако то были не гуманоиды.

Киннисон толкнул дверь конторы и оказался лицом к лицу с удивительным созданием. Она была самым совершенством, высокая, сильная, прекрасно сложенная, но пренебрегала ухищрениями кокетства. Ни пудра, ни помада никогда не касались этой смуглой шелковистой кожи. Тонкие пальцы и запястья не отягощали украшения. Ресницы, длинные, густые, не знали краски. Буйные пряди волос пленяли дикой прелестью, но было совершенно очевидно, что, как только они отрастали и причиняли беспокойство своей хозяйке, ее безжалостная рука обкарнывала их поближе к коже тем, что попадалось под руку.

Впечатления вихрем пронеслись в мозг Киннисона. Он шагнул к незнакомке и послал мысль:

— Киннисон, с Сол-3, свободный ленсмен. Возможно, здесь никогда не слышали о планете Земля и Линзах.

— Не слышали и не желают слышать, — последовал холодный ответ. Землянину противостоял быстрый и ясный рассудок, недюжинная воля, но в поединке с тренированным разумом ленсмена они немногого стоили — рогатка против ружья. Несколько минут Киннисон с насмешливым любопытством наблюдал за безуспешными попытками сокрушить его тело и поработить разум, а потом послал ответный импульс, не убийственный, даже не парализующий, но достаточно интенсивный. Туземка рухнула на стул, почти потеряв сознание.

— Прежде чем нападать на кого-нибудь, сестра, не мешает оценить силы, — снисходительно посоветовал ленсмен, когда девушка очнулась. — Неужели ты думаешь, что мне страшны эти комариные укусы?

— Я должна была убить тебя, — пришла яростная мысль, а за ней другая, безнадежная: — Ты сильнее, значит, убьешь меня... Не тяни! — Это был истерический всплеск. За ним потекли лихорадочные размышления: — Ты называешь себя «мужчиной» — я прочла это в твоём мозгу... Что такое «мужчина»?

Киннисон оторопел. Как объяснить ей?

— Мы с тобой существа одной породы, только разного пола... Мы оба люди... Мужчина и женщина, — бился он.

— Ты лжешь, — возмутилась туземка. — У нас нет ничего общего. Я человек, а ты — самец!

«Безнадежно,» — подумал Киннисон и сменил тему.

— Я не собираюсь убивать тебя или кого-нибудь еще. Мне нужны те, кто прилетел на спидстере. Я гнался за ними от самой Земли. Я переверну вверх дном всю вашу планету, но найду их. Ясно?

— Ясно...

На самом деле в мыслях незнакомки бушевал хаос. Радость и облегчение — она осталась жива! Омерзение... И как только небо позволяет существовать таким чудовищам? Невольное восхищение силой чужого разума. Ужас от столкновения с неизведанным. Чувства пожирали ее с яростью лесного пожара.

— Но внутри того, что ты назвал «спидстером», не было никого похожего на тебя... ни одного самца, — сообщила она.

И Киннисон понял, что женщина говорит правду.

«Проклятье! — выругался он про себя. — Драться с женщинами!»

— И кто же она... кто же это был? — торопливо поправился он.

— Наша старшая сестра... — В действительности собеседница употребила другое понятие. Никому из обитателей Лираны-2 — так они называли свой мир — не было ведомо слово, несущее в себе признак пола. Правильнее было бы интерпретировать ее мысль как «старший ребенок в семье». — И еще одно существо из другого мира. Существо, а не человек.

— Оно-то меня и занимает. Расскажи о пришельце!

— Ну, оно выглядело, как человек, но его мозг примитивен... его мысли...

Киннисона позабавили тщетные усилия описать недоступное разуму терминами чужого языка.

— Это была женщина, — подсказал он. — Так?

— Опять ты употребляешь это абсурдное понятие! — рассердилась она.

— Ладно, разберемся с ним потом, — сдался Киннисон. — Где это существо? С вашей старшей родственницей?

— Да. Они недавно ужинали в зале.

— Тогда тебе придется проводить меня к ним. Прямо сейчас.

— Отлично, — обрадовалась она и простодушно призналась: А я-то не могла придумать, как заманить тебя туда. Уж они-то справятся с тобой.

— Хендерсон? — Ленсмен воспользовался обычным передатчиком: экран, непроницаемый для мыслей, свободно пропускал радиоволны. — Я отправляюсь вслед за звильником. Пусть флайер летит за нами. В любую секунду будьте готовы поразить излучением все, что я прикажу. Хорошенько обыщите спидстер и взорвите его. Кроме него и «Неустрашимого» кораблей на планете нет. Да, кстати, здешние красотки — мужененавистницы и ментальные убийцы, так что экраны не выключайте ни на секунду, а то эти сирены быстро заморозят вас.

— Все понял, Ким, — почти мгновенно пришел ответ. — Уверен, что справишься один?

— Будь спокоен.

Когда флайер взмыл в воздух, ленсмен приказал женщине:

— Пошли! — и двинулся вслед за ней к стоянке машин.

Туземка заняла место водителя, передернула несколько рычагов, и машина тронулась, плавно и медленно. Она ползла, как черепаха. Автомобилем женщина управляла почти машинально — она мучительно искала изъяс в защите ленсмена, какую-нибудь трещинку в ментальном барьере. Киннисона ошеломила ее настойчивость, граничащая с одержимостью.

— Послушай, сестра, — мысленно обратился он к спутнице, почти жалея ее, — будь благоразумна. Я же сказал, что не собираюсь убивать тебя, почему же, дьявол тебя побери, ты лезешь из кожи вон, мечтая прикончить меня? Держи себя в руках, а не то полгода будешь на стену лезть от головной боли. Хватит беситься, глупая злючка. Почему бы нам не стать друзьями?

Эта идея настолько огорошила туземку, что она остановила машину и уставилась на Киннисона.

— Стать друзьями? С самцом?! — Ее мысль обожгла мозг Киннисона.

— Слушай, полоумная! — Отбрось на минуту свои предубеждения, не будь такой узколобой, подумай, если способна. Ненависть ослепляет тебя. Пойми, я не больше самец, чем ты — самка. Мы вполне можем сосуществовать в нормальном, логичном мире.

— О! — Жительницу Лираны ошеломил его натиск, но она быстро овладела собой. — Остальные в этом огромном корабле, конечно, тоже самцы? Я поняла, что ты говорил им. У вас есть защита от мыслей, которые убивают. Тебе она не нужна, но другие не могут без нее обойтись. Ты не совсем самец: твой мозг почти так же хорош, как у человека.

— Значительно лучше, — поправил он. — Да, на корабле только мужчины. Но ты напрасно воображаешь, что они беззащитны. Просто заняты важным делом и не могут держать мозг в напряжении, поэтому и пользуются экраном. Мне же он только мешает беседовать с тобой и другими.

— Значит, вы все-таки боитесь нас? — Надежда взять верх снова подняла голову. — Хотя полагаете, что мы не слишком опасны.

— Да, — неохотно признал он.

Правда, ленсмену приходилось напоминать себе, что прекрасная амазонка отнюдь не безобидна. Да, она не могла убить его мыслью, ни она, ни ее «старшая сестра», ни дюжина таких, как они. Однако эта фурия была рослой, сильной, гибкой... Он справился бы с четырьмя такими, может быть, шестью, но больше... Черт возьми, ему не доводилось убивать женщин, но, кажется, придется...

— Поехали, — приказал он. — И все же попробуем договориться. У нас, на Земле, говорят: живи и давай жить другим. Раз ты поняла, какие распоряжения я передал на корабль, значит, догадываешься, что у нас есть оружие. Оно за секунду превратит в пыль ваш город.

— Оружие, оружие, всегда оружие... — Гнев душил ее. — Проклятый самец! Если бы не этот огромный корабль и странная машина, которая летит за нами, я бы вырвала твои глаза, задушила бы тебя голыми руками...

— Не тешь себя напрасными надеждами, моя прелесть, — холодно ответил он. — Как бы ты ни жаждала

моей крови, взгляни на вещи трезво. По вашим понятиям самцов отличают два признака: они нужны для продолжения рода и они дерутся. Дерутся друг с другом, со всем миром, до смерти. Правильно?

— Правильно, но...

— Никаких «но», не перебивай меня. Насколько я понял, вы собирались вывести самцов, лишенных воинственности, сотню поколений назад, но отказались от этой затеи. Почему?

— Раса начала вырождаться, — вынуждена была сознаться она.

— Вот! Вся ваша структура не уравновешена. Я вызываю у тебя такую ярость, потому что не отвечаю привычным представлениям. Заметь, я мог бы убить тебя, но не сделал этого. Мы можем уничтожить всех вас, но не пойдем на такое, если нас не вынудят.

— Кое в чем ты похож на человека, — против воли согласилась девушка. Жажда убийства угасла в ней, но застарелая антипатия давала себя знать.

— Я и есть человек...

— Нет! Неужели ты думаешь, что меня могут обмануть эти дурацкие тряпки, которые прикрывают твоё тело?

— Погоди, — терпеливо втолковывал ленсмен. — Я представитель человеческой расы, состоящей из двух равноправных полов. Равных во всех отношениях. — И он пустился в разъяснения.

— Невероятно, — только и могла ответить она.

— Но это правда. — Киннисон уже едва сдерживался. — А теперь постарайся вести себя как пай-девочка. Не вынуждай меня работать с твоим мозгом или портить это прекрасное тело. Поверь мне на слово, малышка!

— Кажется, я верю тебе, — робко призналась она. — Если ты и не человек, то довольно близок к нему.

— Ну, наконец-то. Это я тебе битый час пытаюсь внушить. Только давай отбросим всякие «если».

— Расскажи мне, — прервала она Киннисона с чисто женской непоследовательностью. — Что такое «прекрасный»? Что такое «прекрасное тело»?

«Господи помилуй!» — вздохнул про себя ленсмен. Он не находил слов. Как объяснить этой дикарке, что такое красота? Легче втолковать слепому от рождения, что такое радуга. До сих пор он был убежден, что женщины постигают красоту инстинктом.

И все-таки Киннисон попытался. Он вызвал в сознании женщины ее собственный образ, указал на изящные изгибы, гармонию плавных линий, соразмерность и симметрию, радующие глаз, теплые краски. В его мыслях не было и примеси лести — одна сухая объективность, словно он обсуждал достоинства скульптуры. Красиво очерченные брови сошлись к переносице — она пыталась осознать то, что узнала.

— Не понимаю, — сухо заметила амазонка, равнодушная к собственному совершенству. — Это простая целесообразность. Тело устроено так для моей же пользы и на благо окружающих. Но я догадываюсь, куда ты клонишь. Видела я ваших красавиц. — И она спроецировала в его мозг искаженный образ женщины.

«Не та ли это особа, что прилетела на спидстере? — задумался Киннисон, но тут же отбросил такую возможность. — Карикатура, просто карикатура. Увешана украшениями, как новогодняя елка. Лицо раскрашено — клоун, да и только. Брови выщипаны в ниточку. А прическа-то, прическа!»

— Если это — красота, то мне такого не нужно, — решительно объявила туземка.

Киннисон попробовал зайти с другого конца и представил ее мысленному взгляду темные скалы живописного ущелья и стену воды, низвергающейся вниз. Он попытался передать ей восхищение игрой света в радужной водяной взвеси.

— Эрозия почвы. Физические явления, — невозмутимо отозвалась собеседница.

Картины она сочла пустой тратой красящих пигментов и масла, тем более бессмысленной, что изображение можно гораздо быстрее и точнее передать с помощью фотографии. Музыка была объявлена простым сотрясением воздуха, назойливым шумом.

— Несчастное создание, — сложил оружие ленсмен. — Невежественное и простодушное. И, что хуже всего, ты никогда не осознаешь, чего лишена.

— Не будь дураком. — Она впервые рассмеялась. — Зачем поднимать столько шума вокруг пустяков?

Киннисон пришел в ужас. Рационализм, доведенный до абсурда.

Столетиями на планете господствовал один пол. Мужчинам отводилась роль производителей, не более того. Эти карлики, ростом не более тридцати дюймов, обладали темпераментом оглонов с Радемекса и умствен-

ными способностями приматов с Забриски. Их не считали людьми с самого рождения. Для воспроизводства населения каждая женщина должна была иметь как минимум одну дочь. Сыновей в расчет не брали — новорожденных мальчиков отправляли в питомник, где содержали до возраста половой зрелости. В течение года мужчину спаривали с сотней женщин, а потом отправляли к праотцам ментальным ударом. Для женщин брачный возраст наступал в двадцать один — двадцать два года. В среднем они жили около ста лет. Те, кого на Земле называли сильным полом, на Лиране считались изгоями, отбросами общества. И ленсмен с горечью признал, что пропасть, разделяющая землян и надменное прекрасное племя, гораздо глубже различий с отвратительными на вид рептилиями, населяющими Велантию.

— Вот этот зал, — сообщила его спутница, когда машина замерла перед массивным зданием из гладкого серого камня. — Иди за мной!

Они шагали рядом, но строго сохраняли дистанцию. Киннисон еще в машине почувствовал, что туземке неприятно близкое соседство мужчины, и сам предпочел бы лучше прикоснуться к покрытой слизью ящерице с планеты Борова.

Глава 4

ПЛЕННИЦА

— Послушай, моя прекрасная молчаливица, — начал ленсмен, когда они приблизились к цели пути, — я вижу, ты опять взялась за свое. Не советую. Если ты предупредишь о моем визите, берегись!

— Я обязана сообщить Старшей, что привела тебя, — взбрыкнула девушка. — Никто не может просто так войти!

— Обойдемся без церемоний. Говорю тебе, выбрось мусор из головы, или я уложу тебя на месте. И будь уверена, смогу перехватить послание.

Ленсмен сделал даже больше, чем грозился. Он мысленно перенесся в то место, куда направлялся. Вдоль голых стен большой, унылого вида залы тянулись ряды столиков. Посредине оставалось свободное пространство.

В нем двигалась гибкая фигура, исполняющая головокружительный каскад трюков, акробатический танец. За столиками ужинали сотни обитательниц Лираны.

Однако Киннисона не интересовали ни акробатка, ни зрительницы. Все его внимание сосредоточилось на женщине, сидевшей за столиком на четверых, недалеко от входа и спиной к нему. Слева от нее в кресле с высокой спинкой, единственном во всем зале, развалилась рыжеволосая туземка. «Наверное, Старшая», — рассеянно подумал ленсмен и сконцентрировался на добыче.

Подобно Дессе Десплэйнз, преследуемая им звильница была уроженкой Альдебарана и, как все обитательницы этой планеты, питала слабость к украшениям. Тигрица с Лираны почти не преувеличивала, когда рисовала ее мысленный образ. Нагрудную золотую пластинку с платиновой филигранью щедро усыпали бриллианты, изумруды и рубины в вычурных оправках. Самоцветы переливались на узкой полоске парчи, прикрывающей бедра, на рукоятке кинжала с матовым блестящим клинком, ручных и ножных браслетах, наколенниках; они усеивали сафьяновые с высокой шнуровкой сапоги. Все пальцы были унизаны перстнями и кольцами; ожерелье больше походило на высокий воротник. Серьги, пражки, гребни, заколки... Все это сверкало, разбрасывало дрожащие радужные отблески, испускало снопы лучей, пламенело, мерцало...

«Бог мой! Вот так принарядилась, — подумал Киннисон. Каждый из камней был сокровищем. — На ней этих побрякушек на полмиллиона кредиток, если не на миллион.»

Однако куда больше ленсмена заинтересовал защитный экран. Источники энергии почти разрядились, но устройство еще работало. Кроме того, он обнаружил фальшивый зуб, в котором скрывалась ампула с ядом. Нельзя дать ей шанса прибегнуть к дьявольскому снадобию — не для того он гнался за этой девицей через всю галактику.

Странная пара достигла входа. Поставив заслон мятущимся мыслям своей спутницы и одев в броню собственное сознание, Киннисон распахнул дверь. Поток энергии вторгся в мозг звильницы и парализовал ее. Не обращая внимания на остолебеневших от изумления женщин, ленсмен шагнул к жертве, откинул ее голову назад и стиснул у себя под мышкой. Настойчиво, но осторожно он разжал челюсти и двумя пальцами ловко

извлек фальшивый зуб. Вернув девушке способность двигаться, Киннисон швырнул зуб на цементный пол и принялся яростно топтать его каблуками. Звильница взвыла, но съежилась под ледяными взглядами сидящих вокруг женщин и умолкла.

Не довольствуясь сделанным, ленсмен выхватил «деламатер» и спалил остатки капсулы с отравой; его не беспокоило, что оружие в одно мгновение прожжет в полу дыру глубиной не меньше фута. Только тогда он перевел взгляд на рыжеволосую предводительницу амазонок и отдал должное Старшей: ни его внезапное появление, ни странные поступки не заставили ее даже бровью повести. Она только повернула кресло, чтобы оказаться лицом к дерзкому пришельцу. За ее спиной акробатка, как ни в чем не бывало, продолжала свое представление. Владычица Лираны приняла нарочито вольную, ленивую позу — закинула ногу на ногу, завела руки за голову и сцепила их на затылке. Темно-зеленые, почти черные от расширившихся зрачков глаза, не мигая вперились в ленсмена.

«Видно, я что-то не так понял, — размышлял Киннисон. — Она не может быть Старшей по праву возраста.» Ни морщинки, ни седого волоса в спутанной гриве густых золотисто-каштановых волос. Вероятно, расческа редко касалась этих вьющихся прядей. Даже с такими космами, без украшений, модных туалетов и косметики, она прослыла бы первой красавицей в ином мире, где нашлись бы ценители красоты. Ленсмен напомнил себе, что эта воплощенная греза опаснее змеи и вот-вот может укусить.

— Эй, красotka, не лучше ли спрятать жало, пока я его не вырвал, — посоветовал он и перехватил хлесткую мысль, адресованную, несомненно, его спутнице.

Все женщины в комнате боялись пошевелиться и едва дышали. Не каждый день увидишь самца, да еще такого, чей разум способен сопротивляться главной персоне на Лиране! Грациозное тело Старшей напряглось, во взгляде сквозила растерянность, но не страх — это почти бесполое существо было отважно до безразсудства.

— Послушай-ка, — обратился Киннисон к той, что была его проводником. — Я потерял уйму времени, объясняясь с тобой. Может, ты быстрее растолкуешь ей что к чему. Все-таки вы говорите на одном языке.

Разговор длился недолго. В прекрасных изумрудных глазах промелькнула искра понимания.

— Тебе не удастся отсюда уйти, — начала Старшая. — Разумнее всего будет убить тебя прямо сейчас.

— И кто же меня убьет? Уж не ты ли, куколка?

— А вот кто! — На глазах у ленсмена из воздуха соткалось жуткое чудовище — голова змеи на теле пантеры — и набросилось на него, пытаясь вцепиться в горло. Ужасные когти и ядовитые клыки обещали скорую и лютую смерть.

Киннисону никогда раньше не приходилось сталкиваться со столь необычной формой нападения, но он сразу понял, что к чему, понял, что ни кожа, ни броня, ни защитное поле не могут остановить монстра. Он догадался, что чудовище было реальностью только для Старшей и для него самого и оставалось невидимым, бесплотным для остальных. Серый Ленсмен мгновенно сообразил, какую угрозу, поистину смертельную, несет в себе злобная тварь, пусть и призрачная для всех. Если он позволит желтым клыкам, с которых падают ключья пены, впиться в горло, если эти хищные когти вонзятся в него, смерть не заставит себя ждать. Тело его покрылось противной, липкой испариной, во рту пересохло.

Однако способ убийства, избранный Старшей — наверняка сотни раз опробованный и безотказный, — для ленсмена оказался грубым и дилетантским. Ни один плод чужого воображения не мог причинить ему вреда, пока он понимал, что происходит, пока его разум поспевал за событиями, находил время, чтобы оценить опасность, отвергнуть угрозу или противостоять ей. Вздвораженный мозг подсказывал Киннисону, что у него есть два способа защиты: ленсмен мог отрицать само существование чудовища, и тогда наваждение просто-напросто растаяло бы, исчезло, и — что было значительно сложнее, но зато намного привлекательней — подчинить себе дьявола и натравить на ту, чье сознание породило его.

Не колеблясь, Киннисон выбрал последнее. На середине прыжка привидение замерло, словно наткнулось на невидимую стену, потом гибкое тело фантастической кошки развернулось и вытянулось в отчаянном прыжке. Стремительная и неотвратимая, смерть неслась прямо на владычицу Лираны. От ленивой безмятежности Старшей не осталось и следа. Всего несколько дюймов отделяло страшные когти от кожи цвета меди, когда они исчезли. Глаза амазонки округлились — она не могла скрыть изумления и ужаса. Враг, которого повелительница Ли-

раны уже числила в мертвых, побил ее собственным оружием! Впрочем, надо отдать должное Старшей: ее замешательство быстро вытеснила прежняя надменная уверенность.

— Что ж, будет достаточно и этих, если на то пошло, — пренебрежительно передернула плечами она и кивнула на безмолвных, оцепеневших женщин.

— Этих? — Киннисон искренне надеялся, что мысль прозвучала издевкой, потому что ему стало не по себе.

— Груда их тел задавит и задушит тебя, чужак, даже если ты успеешь разделаться с несколькими.

— Но ты умрешь первой, — предупредил ленсмен женщину, которая могла читать в его разуме и, несомненно, поняла, что то была не пустая угроза.

— Ну и что? — поймал он холодную, равнодушную мысль и, в свою очередь, осознал, что для нее неизбежность гибели ничего не значит.

Оставалось пригрозить Старшей другим оружием, но разве она поверит в него, пока не увидит воочию? А ленсмен просто не мог обратить доверенную ему страшную силу против безоружных женщин, какой бы жгучей ни была его неприязнь к обитательницам Лираны. Какую-то долю секунды Киннисону казалось, что его загнали в тупик. Но тут ленсмена осенило: флайер! Нет, шалишь, мы еще поиграем, партия не кончена, решил он.

— Послушай, царица Савская, что я скажу своим ребятам, — призвал он и заговорил в микрофон: — Ральф? Ну-ка ударь направленным лучом прямо сюда. Пусть эта красotka немного попрыгает. Только гляди не подпали ее!

Едва прозвучало последнее слово, как узкий, не толще спицы, луч, яростно раскаленный и гибельный, пронзил потолок залы и вгрызся в пол. Окажись огненное жало хоть на долю дюйма ближе к креслу Старшей, она превратилась бы тотчас в живой факел. Это жало, как в масло, входило легко в камень и металл, испепеляло менее прочные субстанции. Нестерпимый ужас сорвал рыжеволосую гордячку с места, отшвырнул в мгновение ока к двери. Остальные женщины, до той поры спокойно ожидавшие исхода поединка, теперь сбились в кучу, как стая перепуганных птиц, и не смели даже пикнуть.

— Вот видишь, Клеопатра, — заметил, не без злобства, Киннисон, когда смертоносный луч исчез, — у меня достаточно сил, и я не премину — если меня заставят — воспользоваться ими. Парни наверху готовы

в любой момент сжечь кого угодно в этой комнате, стоит мне только отдать мысленный приказ. Но я не хочу убивать без крайней необходимости, как уже объяснял твоей лохматой подруге. Вам надо смириться с тем, что я уйду отсюда живым и прихвачу эту особу с Альдебарана. Не вынуждайте меня действовать по-другому. Если я прикажу открыть огонь, только мы двое выйдем отсюда живыми. Что скажешь?

— Зачем тебе этот недочеловек? — спросила Старшая, оставив без внимания все прочее, что сказал ленсмен. В зеленых кошачьих глазах заиграл свирепый блеск. Лоснящееся медное тело напряглось.

— Зачем? Я собираюсь потолковать с этой девицей кой о чем, вот и все. А что ты сама думала с ней делать?

— Убить, — последовал быстрый ответ, которому предшествовал смертельный импульс. Но как ни скоро на расправу была старшая, Серый Ленсмен оказался быстрее. Он перехватил губительную мысль и взял жертву под защиту. Как ни бесновалась рыжекудрая фурия, ей не удалось поставить на своем.

— Возьми-ка вот эту штуку и не расставайся с ней, пока мы не доберемся до корабля, сестра, — обратился Киннисон вслух к девушке с Альдебарана и протянул ей защитное устройство. Ленсмен свободно изъяснялся на ее родном языке. — И не бойся. Сдается мне, эти мокрые курицы будут клевать потихоньку.

Звильница выглядела смущенной и не торопилась принять помощь.

— Ты ведь не знаешь и половины моих дел, — наконец вымолвила она низким, приятным, но чуть дрожащим голосом. — Спасибо, Киннисон.

Ленсмен перевел взгляд на Старшую, которая ловила ртом воздух, силясь совладать с гневом и унижением.

— Послушай, Рыжеголовая, зачем вести нечестную игру? — укорил ее ленсмен. — Пойми наконец, упрямца, я не желаю зла ни тебе, ни твоему безмозглому стаду, но не собираюсь заниматься мелочной торговлей. Или ты отпустишь нас с миром, или я зажарю вас всех до угольев и все равно выйду отсюда. Неужели ты так спешишь стать кучкой пепла? Последний раз спрашиваю: ты дашь нам уйти спокойно?

Лицо Старшей окаменело, она в ярости кусала губы. Пальцы сошлись в кулаки — так, что костяшки их побелели, а ногти вонзились в ладони.

— Что еще остается, раз мы не можем остановить тебя? — Бронзовое тело содрогалось в корчах бессильной, неутолимой злобы. — Если бы ценой моей жизни, ценой жизни всех остальных удалось уничтожить тебя, я бы не колебалась ни минуты. Но это невозможно, а потому убирайся!

— Стоит ли так исходить от злости? — спросил озадаченный ленсмен. — Сначала ты показалась мне многоопытной и рассудительной, даже расчетливой. Ты бывала на Земле и должна бы понимать...

— Да, да, — вспыхнула Старшая, — я все отлично понимаю и заплатила бы любую цену, чтобы не дать тебе вернуться в этот треклятый мир. Следом за тобой на Лирану хлынут варварские орды...

— Ах, вот оно что! — сообразил Киннисон. — Ты думаешь, что земляне захотят обосноваться здесь или заняться торговлей?

— Да, — признала Старшая и разразилась хвалебной речью, воспевая преимущества лиранской цивилизации. Свой гимн матриархату она закончила так: — Я видела много планет и рас, относящихся к вашему так называемому Содружеству, и могу сказать: все они одинаково отвратительны. Впредь ни один чужак, явившийся на Лирану, не сможет покинуть ее. Я приложу к этому все свои силы.

— Послушай, ангелочек! — рассвирепел ленсмен. — Ты просто ополоумела от злобы, бесишься, как раде-лианские оглоны, словно одурманена атмосферой Тренко. Вдолби себе в голову, что для любого действительно разумного существа с одной из сорока миллионов планет Лиги ваша раса — оскорбление природе! Вы — покинутые богом, нищие духом и мыслью монстры, закосневшие в чудовищном заблуждении. Я бы многое дал, чтобы больше ног моей не было на Лиране, и считаю минуты до отлета. Поверь, эта девушка разделяет мое горячее желание побыстрее смыться отсюда. Если найдется чудак, который прослышит о вашем женском царстве и вздумает посетить его, я не пожалею сил, чтобы отговорить его от опрометчивого шага. Я достаточно ясно выразился?

— О да! Чудесно! — Зеленоглазая львица едва не взвизгнула от восторга как школьница. Филиппика ленсмена, вместо того, чтобы привести ее в неистовство, прозвучала сладкой музыкой для ограниченного сознания. — Иди же, поторопись! Не медли! Сможешь ли ты

сам добраться на машине до корабля или кто-нибудь из нас должен отправиться вместе с тобой?

— Спасибо, — поморщился Киннисон. — Я смог бы вести вашу машину, но в этом нет необходимости. Нас подберет флайер.

Он связался со своими людьми, не спуская цепкого взгляда со Старшей, и, притянув к себе за руку звильницу, поспешил покинуть негостеприимное собрание. На всякий случай ленсмен держался подальше от толпы женщин, опасаясь бессмысленного мстительного порыва. Он вздохнул с облегчением, только когда забрался в флайер. Ким замахал руками, приказывая женщинам расступиться; толпа отхлынула, и машина взмыла в воздух.

Как только преследователь и преследуемая ступили на борт «Неустрашимого», корабль немедленно стартовал, оставив лежать на маленькой площадке аэродрома груды искореженного металла, которая еще совсем недавно была спидстером. Киннисон долго всматривался в бледное лицо пленницы, затем протянул ей небольшую коробку.

— Смени батареи телепатического экрана, твои уже совсем сели. — И поскольку девушка даже не шелохнулась, он сменил батарейки сам и проверил результат. Экран работал. — Что с тобой, детка? Я бы сказал, что ты умираешь с голоду, если бы не вытащил тебя из-за стола, который ломился от еды.

— Я не могла есть там, — знала, что они собираются убить меня, и это... это не прибавило мне аппетита.

— Отлично, так чего же мы ждем? Я тоже голоден, пошли поедим.

— Едва ли я смогу есть в твоём обществе, — покачала головой его собеседница. — Я благодарна тебе, ленсмен. Ты спас мне жизнь. И хотя я предпочла бы — и тогда, и сейчас — быть убитой тобой, мне кусок в горло не полезет.

— Но у меня даже в мыслях не было убивать тебя — можешь ты уразуметь? Я не воюю с женщинами, пойми.

— Тебе придется. — Голос девушки звучал ровно и спокойно. — Ты не тронул никого из этих женщин, верно, но ты и не преследовал их миллион парсеков. Нас с самого рождения учили, что патрульные только рады замучать человека до смерти. Правда, я знаю, что ты не такой — мне удалось несколько раз нена-

долго проникнуть в твой мозг. И все же ты убьешь меня, но не дожدهшься, чтобы я заговорила. По крайней мере, я надеюсь, что выдержу.

— Послушай, девочка! — В голосе Киннисона звучало сострадание. — Тебе ничто не угрожает. Ты здесь как у бога за пазухой. Не представляю, каких ужасов тебе наплели, но дело обстоит просто: ты располагаешь любопытными сведениями, которые мне чертовски необходимы, и я выужу их из твоей памяти, но при этом, заметь, не причиню тебе вреда — ни духовного, ни физического. Единственная пытка, которая тебе грозит, — это пытка страхом, навеянным глупыми мыслями и предубеждениями.

— Но ты назвал меня... звильницей, а звильников убивают всегда, — возразила она.

— Не всегда. В столкновениях и борьбе — да. Пленных пытались судить. Если их признавали виновными, они кончали в камерах смертников. Правда, теперь к этому прибегают крайне редко. Гораздо чаще практикуют трансформацию психики, если, конечно, субъект того заслуживает.

— И ты думаешь, что я захочу предстать перед судом, цепляясь за ничтожную надежду, что ваши недалекие психотерапевты найдут в моей личности нечто такое, что сочтут возможным сохранить?

— О суде речи нет, — рассмеялся Киннисон. — Дело уже рассмотрено и решено — в твою пользу. Я не полицейский и не сотрудник Службы по борьбе с наркотиками, но мне приходилось быть и судьей, и юристом, и судебным исполнителем. В придачу я еще и психотерапевт и, помнится, спас звильника похуже тебя. Теперь мы можем пойти есть?

— Правда? — пролепетала девушка. — И ты не... не убьешь меня?

Ленсмен щелчком отключил экран и представил ей бесспорные доказательства. На несколько минут строптивая узница потеряла сознание и рухнула как подкошенная в кресло; но, когда упрямца пришла в себя, она согласилась поест и с такой жадностью накинулась на угощение, что пришлось напомнить ей о благоразумии.

— У тебя есть сигареты? — поинтересовалась она, когда обнаружила, что не в состоянии больше проглотить ни кусочка.

— Конечно. С Алсаканита, Венеры, Земли — любые.

У нас несколько сотен марок. Какие предпочитаешь?

— Земные, конечно. У меня была упаковка «Кэмерфилда» — они просто великолепны. Нет ли у тебя таких?

— Конечно, есть, — заверил он девушку и попросил: — Старшина! Коробку «Кэмерфилда», пожалуйста.

Пачка сигарет мгновенно выскочила из раструба пневмопочты.

Девушка зажгла сигарету и глубоко затянулась.

— Прекрасный вкус! Спасибо, Киннисон, спасибо за все. Я очень рада, что ты уговорил меня поест — я никогда не получала такого удовольствия. Но это не поможет. Не в моих привычках каяться, хоть перед самим богом... не вижу резона делать это и теперь. Если я пойду на предательство, то лишь возненавижу себя. Отступники никому не нужны. — Она бросила окуроч в пепельницу. — Так что можешь начинать прямо с третьей степени. Воспользуйся резиновым шлангом, огнем, дыбой — что там еще у тебя есть?

— Ты по-прежнему ошибаешься, куколка, — участливо сказал Киннисон. Сейчас, когда она напоминала затравленного зверька, мишура ее сверкающего наряда казалась еще нелепей, чем раньше. — Нет никакой третьей степени, ни шлангов, ни огня — ничего похожего. И вообще, мы побеседуем, когда ты как следует выспишься. Больше ты уже не кажешься голодной, но выглядишь неважно. Сколько прошло времени с тех пор, как ты по-настоящему спала?

— Недели две, наверное. Может, месяц.

— Похоже на то. Продолжим потом, сейчас тебе надо отдохнуть.

Девушка, однако, не шелохнулась.

— С кем? — спокойно спросила она. Голос ее не дрожал, но в нем чувствовалось напряжение, а рука произвольно потянулась к рукоятке кинжала.

— О мой бог! — простонал Киннисон и смерил ее презрительным взглядом. — Ты что считаешь, что попала в стаю гиен?

— Я влипла, — мрачно ответила девушка. — Оказалась в дерьме по самые уши. — И, встретив укоризненный взгляд ленсмена, она пробормотала: — Что хорошего я могу ждать от Патруля, скажи на милость? Тебе не следует больше нянчиться со мной, Киннисон. Я справлюсь сама, сумею за себя постоять.

— Да, — вздохнул Киннисон, — кто-то постарался начинить твою голову всяким хламом. Это стыдно, грешно и очень печально. Пошли, дурочка несчастная.

Ленсмен окинул взглядом каюту, словно отыскивал что-то, пошарил по ящикам и вытащил несколько предметов, о назначении которых его пленница могла только догадываться, а потому следила за движениями Киннисона с опаской. Ленсмен проводил девушку в соседнюю, роскошно обставленную каюту и только тут снизошел до объяснений.

— Эта дверь, — сказал он, — сделана из прочнейшего сплава хрома, вольфрама и молибдена. Замок взломать невозможно. Существуют только два ключа к нему, и вот они оба. Эта задвижка выдерживает давление до пятисот тонн и не поддается даже атомно-водородному резаку. Вот полностью скрывающий каюту экран и блок наблюдательного излучения с радиусом действия двадцать футов. Здесь вещи, которые были в спидстере. Если понадобится что-нибудь: помощь, еда, питье — все, что можно отыскать на борту корабля, воспользуйся устройством связи. Понятно?

— Ты это всерьез? Что я... что ты... Я имею в виду...

— Абсолютно, — заверил он. — Ты хозяйка своей судьбы, капитан собственной души. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Киннисон. Спокойной ночи, и... спасибо. — Девушка бросилась ничком на кровать и застыла.

Тем не менее, когда Киннисон подходил к двери своей каюты, он услышал, как скрипнула задвижка, глухо щелкнул замок, и почувствовал, что включился защитный экран.

Глава 5

ИЛОНА С ЛОНАБАРА

Часов через двенадцать, когда девушка с Альдебарана уже встала и позавтракала, в ее каюту пришел Киннисон.

— Привет, малышка! Теперь ты выглядишь значительно лучше. Кстати, как тебя зовут?

— Илона.

— Илона, а дальше?

— Больше ничего. Илона — и все.

— А как же тогда отличить тебя от других Илон?

— А, ты имеешь в виду регистрационный номер.

На Альдебаране такого вообще нет. Там говорят: Илона, дочь гончара Парлакента, который живет в доме на колесах на дороге из...

— Хватит, хватит! Мы будем называть тебя Илоной Поттер. — Он внимательно оглядел девушку. — Мне казалось, что климат на Альдебаране не такой уж жаркий, хотя, может, я запомнил. Ты ведь давно не была на родной планете, не так ли?

— Да, мы перебрались на Лонабар, когда мне было лет шесть.

— Лонабар? Никогда о таком не слышал. Ладно, проверю потом. Все твои вещи здесь? Никто из этих ведьм не рылся в них?

— Вещи? — Илона прыснула со смеху, а затем смущенно потупилась. — Они ведь не носят ничего. Такая непристойность... Я бы сгорела со стыда.

— Хмм... рад, что ты заговорила об этом. Понимаешь, на борту корабля ты должна носить какую-нибудь одежду.

— Я? — удивилась девушка. — Зачем? Я ведь одета. — Она запнулась и залилась краской. — О! Земляне... я вспомнила... — Илона сделала над собой героическое усилие и посмотрела прямо в глаза ленсмену. — Значит, ты считаешь, что я бесстыдна и непристойна тоже?

— Нет. Не совсем... пока. — Его очевидная искренность ободрила Илону. — Большинство из нас, особенно офицеры, помотались по космосу и привыкли ничему не удивляться. На планетах, где принято ходить нагишом, мы подчиняемся местным обычаям, в тех мирах, где все закутаны до бровей, ведем себя соответственно. Не лезем в чужой монастырь со своим уставом, как говорится. А здесь, на корабле, мы дома, а ты — наша гостья. Это, конечно, условность, но довольно-таки важная.

— Ты прав, конечно. Правда, когда на Лиране мне предлагали снять с себя все, я пыталась, но не смогла — чувствовала себя беззащитной и... голой. — Она снова зарделась от смущения.

— Ладно, — поторопился успокоить ее Киннисон, — у нас тут есть один умелец, он сошьет тебе пару платьев, чтобы твое появление не отвлекало от службы некоторых из наших парней. Слов нет, эти украшения на тебе — просто чудо, но они не заменят даже легкого земного наряда.

— Тогда пусть поторопятся с платьем. А мои укра-

шения ничего не стоят, это дешевые побрякушки.

— Не морочь мне голову, красавица. Я знаю, что такое золото, платина и...

— Да, такие металлы очень дороги, — согласилась Илона. — Только одно это, — она легонько постучала пальцем по изящной пластинке, — стоит пять дней работы. Но что поделаешь, если неблагородные металлы пачкают кожу, оставляют синий, зеленый или черный налет? Зато мое ожерелье — просто синтетика, старье, хлам, полдня работы. Бедным девушкам, вроде меня, не по карману настоящие драгоценности.

— Что ты говоришь?! — воскликнул Киннисон.

— Конечно. Настоящие драгоценности носят только богатые. В языке Альдебарана нет названий этих камней. Можно я передам тебе их мысленный образ?

— Извини, но все они мне незнакомы, — ответил изрядно озадаченный Киннисон после того, как перед его мысленным взором прошла череда образов переливающихся разноцветных кристаллов. — Любой из них сделает честь музею, поверь мне. Но вернемся к тому «хламу», которым ты увешана с ног до головы, и который стоит, как ты утверждаешь, полдня работы. Кстати, а чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Я танцовщица. Вот посмотри. — Она легко вскочила на ноги, скинула сапожки и босыми ногами выбила быструю зажигательную дробь. Затем последовала серия пируэтов и прыжков. Казалось, тело девушки лишено костей, и гибкостью она превосходит змею. Когда беззвучная музыка плавных, струящихся движений оборвалась, Илона села, грациозная и обольстительная, несмотря на то, что мелкие украшения в волосах слегка сбились.

— Превосходно, — захлопал в ладоши Киннисон. — Я не знаток, но, думаю, ты настоящий мастер. Кстати, на Земле или любой из тысяч других планет, которые я готов показать тебе, этот «хлам», который ты на себе таскаешь, может стоять, по очень грубой оценке, пятьдесят тысяч дней работы.

— Невозможно!

— Уж поверь мне! Так что перед посадкой разумнее будет отдать украшения мне, чтобы под надежной охраной отослать их в какой-нибудь банк.

— Перед посадкой... — Пока Киннисон говорил, лицо Илоны мрачнело на глазах, словно угас внутренний свет, еще недавно горевший в ней. — Ты был так друже-

любен, вежлив, и я забыла, где нахожусь, и что ждет впереди. Отбросить все, отодвинуть в дальний угол памяти — это не выход. Лучше глядеть беде прямо в лицо. Как ты думаешь?

— Ах, это?.. Все давно уже сделано.

— Что?! — она почти кричала. — Нет, не может быть!

— Успокойся! Я получил львиную долю нужных мне сведений еще вчера вечером, когда менял батарейки телепатического экрана. Имя твоего хозяина Менто Блик, не правда ли?

— Ты не делал этого! Но... ты знаешь... Ты не причинил мне вреда... ты не мог действовать... Я сохранила все воспоминания... или мне кажется?.. Я же не идиотка!

— Почти все, чему тебя учили, — ложь, — сообщил ей Киннисон. — Что, например, они говорили, произойдет, если ты достанешь ампулу из дупла в зубе и раскусишь ее?

— Ну, они обещали, что все мои воспоминания временно сотрутся, а потом врач, когда я до них доберусь, введет противоядие, и я стану такой, как была, все снова вспомню.

— Это полуправда. Содержимое ампулы действительно заставило бы тебя все забыть, стерло все из памяти, только безвозвратно. А потом их психиатры «начинили» бы тебя новой памятью, сделали другим человеком — таким, какой им нужен.

— Ужасно! Так вот почему ты топтал капсулу, как ядовитую змею. А я-то диву давалась... Но откуда мне знать, говоришь ли ты правду?

— Твои сомнения вполне резонны, — согласился Киннисон. — Суди сама, когда все выслушаешь.

— Ты психотерапевт, — насторожилась она, — и копался в моем мозгу, но я по-прежнему не лучшего мнения о Патруле и всем, что с ним связано. Ты обещал спасти меня... И это... — Глаза ее расширились от страха.

— Нет, я не копался в твоих мыслях, — заверил ленсмен девушку. — Подобная операция не проходит бесследно — она разрывает цепь памяти. Ты за минуту можешь определить, вторгнулся кто-нибудь в твой мозг или нет. Уверяю, ты не найдешь разрывов или провалов в своих воспоминаниях.

— Действительно... По крайней мере, я ничего не обнаружила, — сообщила она после того, как на несколько

минут погрузилась в размышления. — Но почему ты этого не сделал? Ты не можешь таким путем определить, являюсь ли я зв... врагом твоего общества.

— Тебя не нужно спасать, — улыбнулся он. — Ты веришь в абсолютное добро и абсолютное зло, не правда ли?

— Конечно! А как же иначе?

— Ну, некоторые из величайших мыслителей Вселенной думают иначе. — Голос его на минуту сделался торжественным, затем снова зазвучал обыденно. — Спасение в твоих руках; это опыт, наблюдения и способность взглянуть на вещи с разных сторон. Так-то, маленькая обманщица.

— О чем ты? — Она густо покраснела и опустила глаза.

— Хватит прикидываться твердым орешком, которого никому не раскусить. Ведь, по правде говоря, тебя никогда и не брали в оборот по-настоящему.

— Вот и нет! — вспыхнула она. — Как ты думаешь, для чего я ношу кинжал?

— Ах, это! — Киннисон насмешливо улыбнулся. — Ты просто маленькая овечка в волчьей шкуре... правда, твоя память хранит немало такого, что следует защищать... Есть что-то странное во всем этом, чертовски странное. Объясни, девочка, что?

— Мне приказывали, — призналась Илона, слегка вздрогнув, — действовать жестко, по-настоящему жестко. Слово я искательница приключений, которая прошла огонь и воду... Чем хуже я вела себя, тем легче внедрялась в вашу Лигу.

— Я предполагал нечто подобное. И зачем зв... извини, твои хозяева послали тебя на Лирану?

— Не знаю. Сопоставляя случайные замечания, я сделала вывод, что мы должны были сесть где-то, на любой планете, я думаю, и дожждаться кого-то.

— А что лично ты должна была делать?

— Не знаю... или, точнее, знаю не совсем точно. Надо было добраться куда-то на любом корабле, но каком? И когда, куда, зачем? Вроде бы я должна была отправиться одна, а может, взять с собой кого-то? Кто бы ни был тот, с кем предстояло встретиться, он собирался дать нам дальнейшие указания.

— Как обитательницам Лираны удалось убить твоих спутников-мужчин? Разве они не имели ментальных экранов?

— Нет. Они не были агентами — просто солдатами. Застрелили нескольких туземок, как только мы совершили посадку, просто чтобы показать свою силу, а затем все попадали мертвыми.

— Хм... Примитивная тактика, типично боскомская. Следовательно, путешествие на Землю было более или менее случайным?

— Да. Я умоляла Старшую доставить меня обратно на Лонабар, но она отказала. Да она, впрочем, и не могла этого сделать, потому что не больше моего знала о том, где он находится.

— Неужели? — выпалил Киннисон. — Ты не знаешь, где расположена твоя планета? Что же ты тогда за пилот, черт побери?

— Да никакой я не пилот! Меня натаскали немного перед отлетом в Лонабара, чтобы я смогла кое-как добраться сюда. Лонабар не был обозначен ни на одной из карт, которые имелись у нас на борту. Лирана, кстати, тоже. Мне пришлось сделать собственную карту, чтобы вернуться туда с Земли.

— Но ты же должна хоть что-нибудь знать! — не сдержал досады Киннисон. — Звезды? Созвездия? Галактики, наконец! Млечный Путь?

— Млечный Путь мне знаком, да. Судя по всему, Лонабар находится отнюдь не в центре этой Галактики. Я пыталась вспомнить, не попадались ли мне знакомые созвездия, но так и не смогла. Понимаешь, я раньше не интересовалась подобными вещами.

— Черт побери! Нельзя же быть такой пустышкой! Любой земной ребенок, который уже научился говорить, знает, что такое Большая Медведица или Южный Крест! Постой, я попробую разобраться в твоих мыслях. Вдруг выясню что-нибудь сам?

Ленсмен попробовал — и ничего не выяснил.

— Ну, теперь я знаю, что люди могут быть на редкость невежественными, — сокрушался он. — Или ты единственная в своем роде?

— Честное слово, ленсмен, я не знаю, — оправдывалась девушка. — Звезд, конечно, попадалось много, и если бы встретились хоть немного знакомые, я бы их заметила, но увы... Я же говорила, что ни капельки этим не интересовалась.

— Теперь это совершенно очевидно, — сухо ответил Киннисон, но заставил себя добавить: — И прости, пожалуйста, что я говорил так грубо.

— Грубо? — Илона хихикнула. — Неужели? Мне и не такое приходилось выслушивать, и никто бы не подумал распылаться в извинениях. Право же, чертовски хочется помочь тебе, если смогу.

— Уверен, что сможешь, детка, и заранее благодарю. Вернемся к этой истории с путешествием на Землю. Какого черта рыжей ведьме вздумалось туда лететь?

— Она узнала о Земле и Патруле из наших мыслей и сначала не могла поверить, что существуют другие обитаемые миры. Наверное, захотела изучить их. Старшая захватила наш корабль и заставила меня вести его.

— Понятно. Я не слишком удивлен. В развитии событий ощущалось что-то нерациональное, какая-то цепь бесцельных и безрезультатных действий, но я не смог ухватить сути. Значит, мы окружили спидстер, а она решила удрать домой?

— Правильно. Она все твердила, что ей мешает действовать какая-то ментальная энергия. Твоя, наверное?

— И других тоже. Ладно, давай ненадолго прервемся.

Киннисон вызвал портного. Задача оказалась сложнее, чем представлялось. У него нет ткани, достойной такой девушки, сокрушался мастер. Она должна носить муслин, прозрачный, невесомый, как паутинка. И вообще, он не умеет шить для женщин, не брался за платья уже давно. Да и на складе завалилась лишь подкладка для форменных курток. А может, подойдет нейлон? Конечно! Остался рулон нейлона, негодный для подкладки — недостаточно плотный, да еще красный. Он толстоват, но выбирать не приходится.

Через час или около того Илона вернулась, торжествующая, исполненная важности. Подол ее платья слегка касался верха высоких зашнурованных сапог.

— Тебе нравится? — спросила она, повернувшись на каблуках.

— Превосходно! — Радость ленсмена была неподдельной. Портной явно преуменьшил и свои способности, и запасы на складе.

— Что теперь? Я не должна больше сидеть в каюте?

— Конечно, нет. Весь корабль в твоем распоряжении. Познакомься с экипажем. Ходи куда хочешь — кроме личных кают, разумеется, — даже в рубку управления. Все ребята знают, что ты совершенно свободна.

— А язык? Но я, впрочем, уже говорю по-английски?!

— Конечно. Я давно научил тебя. Теперь ты знаешь английский так же хорошо, как и я.

Илона попыталась взглядом передать Киннисону свое благоговение, но ей, непоседливой и ветреной по природе, это скоро приелось, и, взмахнув рукой, девушка выпорхнула из каюты.

А Ким сел и задумался. Девушку, почти ребенка, которая носит на себе целое состояние, посылают неизвестно куда, чтобы сделать неведомо что. Каким ветром занесло ее на Лирану-2, планету, где матриархат доведен до абсурда? Где искать Лонабар, планету звильников, о существовании которой подозревают на Земле, но которая не нанесена на звездные карты Патруля? Вряд ли Лирана была целью пути катера Илоны... Почему? И при чем тут загадочные кристаллы неправдоподобной ценности? Какая здесь связь? Пока никакого смысла не видно... данных явно недостаточно.

И тут слабо, нерешительно, в самых далеких уголках его мозга зашевелилась мысль.

— Мужчина... человек с земли... Киннисон с Земли... ленсмен Киннисон с Сола-3... любой носящий Линзу офицер Патруля... — Слабый, но настойчивый, почти назойливый призыв не давал ему покоя.

Киннисон встрепнулся. Его разум заработал в полную силу, выхватил мысль, настроился на нее и послал ответ:

— Киннисон с Земли услышал твой зов.

— Ты не знаешь моего имени. — Теперь ленсмен отчетливо разбирал мысленную речь. — Я — Куколка, Рыжеголовая, царица Савская, Клеопатра, Старшая с Лираны... Помнишь меня, Киннисон с Земли?

— Конечно, — сразу же ответил он. Что за мозг, что за потрясающий мозг у этого бесполого создания!

— На планету вторглись существа, похожие на людей. Их принесли космические корабли, на которых есть экраны, защищающие от мыслей. Нас убивают без всякого повода. Придешь ли ты к нам на помощь, ты и твой мощный корабль, твой могучий разум?

— Подожди секундочку, куколка, — попросил ленсмен и рывкнул в коммуникатор: — Хендерсон! Поворачивай назад. — И, подчиняясь команде, «Неустрасимый» лег на обратный курс, а Киннисон продолжал мысленную беседу:

— Ну, Елена Троянская, мы летим к вам на всех парах. Кстати, это имя — Елена Троянская — подходит тебе больше других, которыми я тебя называл. Ты, конечно, не знаешь, но та, другая, Елена заставила

пуститься в плавание тысячу судов. Ты позвала в дорогу одно, но, поверь мне, «Неустрашимый» стоит их всех!

— Надеюсь, что так. — Старшая, чуждая сантиментам, перешла прямо к сути дела в своей обычной, прагматической манере. — Мы не имеем права просить, вы можете отказаться...

— Не беспокойся об этом, Елена. В глубине души мы все примерные маленькие бойскауты. Мы должны совершать каждые сутки по одному доброду делу, но отлынивали уже много дней.

— Полагаю, ты из тех, кого называешь «обманщиками». — Киннисон ухмыльнулся: он не ожидал, что прямолинейная Старшая способна подпускать шпильки. — Но я не умею лгать. Не стану притворяться, что мое отношение к вам, иномирным, изменилось: вы никогда не нравились мне, не нравитесь сейчас и вряд ли понравитесь когда-нибудь. Однако я выбираю меньшее из двух зол. Если вы поможете нам сейчас, мы разрешим посещать планету вашему Патрулю, и даже обещаем терпеть вам подобных.

— Неглупо, Елена, совсем неглупо. — Ленсмен был действительно поражен. Наверно, обитательницам Лираны приходилось совсем туго. — А пока стисните зубы и ждите. Наберитесь терпения. Вам по плечу и не такой груз, ведь вы — люди!

Огромный крейсер неся во весь опор, выжимая из двигателей все, что те могли дать. Корабль пронизывал пространство с такой скоростью, что атомы вещества, витающие в межзвездном вакууме, не успевали скрыться с его пути и, ударяясь о щиты обшивки, превращались в ничто.

А в металлическом чреве космического левиафана готовился к новой схватке беспокойный человек, тщаь предусмотреть даже то, что предусмотреть невозможно. В его раздумья танцующей походкой ворвалась Илона. Пленница — или гостья? — Киннисона захлебывалась от впечатлений и торопилась поделиться ими с ленсменом.

— Они чудесны, — щебетала она. — Просто изумительны!

— Кто?

— Ребята, — энтузиазм бурлил в ней, и даже не слишком приветливый прием не мог охладить его, — все они. Они здесь потому, что этого хотели. Офицеры даже не подгоняют их! Служба действительно им нравится. И офицеры тоже — и те, что нажимают на

маленькие кнопки, и которые все ходят и заглядывают в какие-то стеклышки, и даже седоволосый старик с четырьмя полосками на мундире — они все им нравятся. Только вот ребята хватаются за оружие, когда я захожу. Зачем? Я никогда не слышала о таких вещах! И они просто жалеют, когда говорят о тебе. Я и раньше думала: как странно, что ты убрал свое оружие, как только мы покинули Лирану, и не выставил караул. У тебя нет охраны? А если кто-нибудь захочет воткнуть тебе нож в спину или выдумает что-нибудь в этом роде? Хотя нет, они изумительны, и Хен — я хотела сказать: Хендерсон — говорил мне...

— Не трещи, ради бога! — скривился ленсмен. — Ты тараторишь в таком темпе, ангелочек, что у меня уши заложило. — Ленсмен тут же обругал себя за несдержанность. Пусть бы девчонка выговорилась — невелика беда! А все-таки он был прав, когда эта не стала вмешиваться в ее сознание. Похоже, эта мисс Поттер сама сделает за него всю работу и станет ценным союзником. И ленсмен заговорил терпеливо и чуть назидательно, как говорят с ребенком: — Именно это я и пытался рассказать тебе. Наша Лига базируется на свободе личности. Человек волен делать что заблагорассудится, пока это не приносит вреда обществу. И не только человек — обитатели всех планет Содружества.

— Ага, ты уже говорил, — она кивнула и вдруг по-девчоночьи шмыгнула носом и всхлипнула, — но я не могла этого понять. Не понимаю и сейчас, я едва верю, что вы все так... — Она запнулась и судорожно сглотнула. — Ты знаешь, что произошло бы, вздумай я гулять по кораблю с Лонабара, болтать с офицерами, хоть я и такая же, как они?

— Нет, а что?

— Конечно, я бы никогда не решилась, просто бы не посмела. Но случись такое, меня бы жестоко наказали. На первый раз ограничились бы двадцатирубцовой поркой. — Увидев, что брови ленсмена от удивления поползли вверх, она объяснила: — Это порка, которая оставляет на теле двадцать шрамов, не рассасывающихся до конца жизни. Вот почему я трещу без умолку, словно захмелела. Понимаешь, — она застеснялась, — я не привыкла говорить на равных с кем-нибудь кроме девушек, подобных мне. На Лонабаре все или выше, или ниже тебя. Я буду очень любить все это, когда привыкну. — Она широко раскинула руки. — Я бы обня-

ла корабль и каждого, кто находится в нем. Просто не могу дождаться момента, когда мы окажемся на Земле, и я действительно стану там жить.

— Именно это меня и беспокоит, — признался Киннисон, и девушка только теперь заметила, какое суровое у него лицо. — Мы торопимся вступить в бой и не успеем высадить тебя где-нибудь до начала борьбы.

— Конечно, нет. Почему вы должны делать это? — Она замолчала, глубоко задумавшись. — Не беспокойся обо мне, ладно? Зачем? Ты ведь старший офицер! Офицеры не беспокоятся, убьют девушку или нет, не так ли?

Киннисона ошарашили эти рассуждения.

— Мы беспокоимся. Хорошенькое гостеприимство, нечего сказать! Пригласить гостя на борт корабля, а затем позволить его убить! Ты будешь под защитой... пока мы все не погибнем. Большого я не могу обещать.

— О, спасибо, Серый Ленсмен! Никто раньше не говорил со мной так. Но я не высадились бы, даже если бы могла. Мне нравится ваша Лига. Если вы... если вы не победите, я все равно не смогу попасть на Землю, так что лучше испытаю судьбу здесь. В любом случае, я никогда не вернусь на Лонабар.

— Ладно, малышка, — ленсмен протянул ей руку. Девушка подозрительно покосилась на нее, затем неуверенно стиснула пальцы Киннисона. Но она все быстро перенимала и вложила в короткое рукопожатие даже больше силы, чем ее наставник. — Сейчас тебе лучше уйти. У меня много работы.

— Можно мне подняться наверх? Хен... то есть Хендерсон... собирался показать все самое главное.

— Конечно. Иди куда хочешь. Когда станет жарко, я спущу тебя вниз и выдам скафандр.

— Спасибо, ленсмен. — Девушка выскользнула за дверь, а Киннисон с помощью Линзы связался с пилотом.

— Хендерсон? Это Ким. Слушай, Илона только что рассказала мне о твоём предложении. Держись в рамках, старик.

— Слушаюсь, сэр!

— Не ерничай, пожалуйста. Я и сам знаю, что такое женщина на корабле — форменное бедствие! Но пока мне не сбыть с рук этот подарочек судьбы. Юная особа пользуется моим личным покровительством — я за нее отвечаю. Так что ни-ни! Она, кажется, несколько ошалела от свободы.

— Понял, Ким.

Серый Ленсмен облегченно вздохнул и связался с Еленой Лиранской, чтобы уточнить подробности и узнать, что случилось нового.

Вторжение началось с того, что два судна, огромные космические крейсеры, появились над астродромом. Они возникли так внезапно, что никто не заметил, как это произошло. Зловещие громады зависли в воздухе и, без предупреждений и переговоров, спалили все постройки и женщин, оказавшихся поблизости, лучом — вроде того, что демонстрировал Киннисон, но куда более мощным. Затем корабли сели. Из них вышли люди. Десятерых обитательницы Лираны уложили ментальным ударом и с помощью фантомов, но все вышедшие из корабля были накрыты ментальным экраном, и дальнейшие попытки потерпели провал. Враг предал огню часть города и пригрозил публично казнить сотню предводительниц надменного племени — по десять за каждого убитого солдата.

Из-за экранов любая связь оказалась невозможной, но захватчики дали недвусмысленно понять, что, встретив сопротивление или даже нежелание сотрудничать, сожгут весь город, ни одной живой душе не удастся ускользнуть. Сама Старшая сумела скрыться; сестры прятали ее в склепе, глубоко под городом. Она, конечно, была бы казнена первой, однако найти ее, как и других женщин, правивших Лираной, оказалось чрезвычайно трудно. Тем не менее чужаки не бросали поисков, они рыскали повсюду, вынуждая туземок служить проводниками. Они утверждали, что не покинут планету, пока не разделаются со Старшей и ее окружением, и клялись, что заставят женщин разобрать город по камешку, пока не нападут на след.

— Откуда они знают, кто правит планетой? — недоумевал Киннисон.

— Возможно, одна из наших сестер не выдержала пыток, — спокойно ответила Елена. — Или не сумели воспользоваться ментальной силой. Какая разница? Главное — что они знают.

— Вы должны задержать их, пока мы не доберемся до Лираны. Ждать осталось недолго. Тяните поиски, если можете.

— Думаю, сможем, — пришел спокойный ответ. — Мысленная связь помогает проводникам обходить стороной наши убежища.

— Хорошо. Расскажи мне о кораблях. Все, что знаешь. Каковы их размеры, форма, вооружение?

Обнаружилось, что Старшей трудно судить о размерах кораблей. Она припомнила, что они были меньше «Неустрашимого», но не бралась утверждать. По сравнению с маленькими самолетами, единственными летательными аппаратами, которые она знала, и корабль Киннисона, и суда захватчиков выглядели такими махинами, что определить разницу оказалось невозможным. С формой, однако, дело обстояло много лучше: Старшая развернула в мозгу ленсмена подробное и точное изображение двух космических гигантов, с которыми «Неустрашимый» собирался вступить в бой.

Судя по всему, это были сверхскоростные суда, очень похожие на земные крейсера — следовательно, не истребители. Возможно, на Лирану вторглись не медлительные боевые корабли, из которых состояла армада, уничтоженная Большим Флотом. Правда, Патруль кинул в ту схватку корабли, сочетавшие колоссальную ударную мощь с фантастической скоростью. Очертаниями они напоминали «Неустрашимого». Неужели, пока техники Патруля разрабатывали и строили новые корабли, противник тоже не стоял на месте, а занимался тем же самым? Сомнительно... Враги не рассчитывают нарваться на неприятности в секторе Дунстана; скорее всего, они послали к Лиране корабли второй линии.

— Эти посудины сейчас стоят там же, где сели мы? — спросил ленсмен.

— Да.

— Тогда мы легко разберемся с размерами. Мы оставили в почве вмятину, соответствующую практически полной длине корабля. Насколько она сравнима с их судами?

— Попробую выяснить.

Через некоторое время Старшая сообщила, что «Неустрашимый» длиннее. Если измерять разницу ростом человека, таких мер в нее войдет двенадцать.

Теперь только Киннисон созвал офицеров в рубку и поделился всем, что услышал и надумал.

НАЗАД К ЛИРАНЕ

Когда «Неустрасимый» приблизился к Лирани настолько, что диск планеты занимал почти всю площадь обзорных экранов, наблюдатели принялись дотошно изучать показания детекторов. Никакого движения они не отмечали, и короткий обмен мыслями между Старшей и ленсменом подтвердил, что оба корабля чужаков все еще не покинули планеты. Похоже, они действительно собирались торчать здесь до тех пор, пока последняя из правительниц Лираны не расстанется с жизнью, как было обещано. Пришельцы уже замучили до смерти многих женщин, добываясь от них правды о том, где прячутся предводительницы, но не могли похвастаться особыми достижениями.

— С точки зрения тех, чей идеал — диктатура, такие приемы, быть может, и хороши, но мне их тактика кажется идиотской. Она ничего не даст, — проворчал Малькольм Крейг, седовласый капитан «Неустрасимого», когда Киннисон рассказал, что творится на планете.

— Это не самый большой их просчет, — добавил ленсмен. — Если бы среди них нашелся умник вроде Ха'Иссы, один из этих огромных кораблей давно уже находился бы в открытом пространстве — охранял подходы к планете.

— Да им и в голову не приходит, что в девяти тысячах парсеков от ближайшего очага цивилизации, могут подстерегать какие-то опасности, — возразил Чатуэй, старший офицер системы управления огнем.

— Все равно должны были смекнуть, — заметил Хендерсон. — Ким, куда мы будем садиться, ты уже выяснил?

— Нет пока. Сейчас они на другой стороне планеты. Это, кстати, хорошо, так как нам необходимо погасить набранную скорость.

Когда скорость корабля сравнялась с собственной скоростью планеты, наблюдатели доложили, что поле, на котором расположились суда противника, показалось на горизонте. Включив генераторы безынерционного движения, «Неустрасимый» рванулся вперед. Экипаж одного из вражеских судов оказался достаточно бдительным и умелым, чтобы успеть удрать, но другой корабль навсегда остался неподвижным.

Команда судна Патруля действовала споро и слаженно, как пальцы одной руки — сказывались выучка и боевой опыт. Едва обнаруживалось, что враг забил тревогу, Нельсон, старший офицер связи, установил пространственный и субпространственный барьеры, через которые ни один луч, никакой сигнал не мог пройти. Капитан Крейг отдал короткую команду, и все средства поражения сработали как единое целое. Шеф-пилот Хендерсон, бросив короткий взгляд вниз, включил генераторы Бергенхольма и направил острый нос крейсера точно по намеченному курсу. Он не нуждался в приказах. Почти всем, даже обитательницам Лираны, было ясно, что изрешеченная снарядами, разбитая дымящаяся куча металла никогда больше не сможет нести в себе угрозу. Поэтому крейсер Патруля бросился преследовать улизнувшего врага.

— Что теперь, Ким? — спросил капитан Крейг. — Воспользуемся захватами? А если их крейсер оснащен устройствами, которые могут отсечь транспортный луч? Нам придется применить что-нибудь новое, так?

Обычно командир сам принимал решения, ибо он, и только он, отвечал за корабль, но сложившиеся обстоятельства были далеки от обычных. Во-первых, любой свободный ленсмен, где бы он ни находился, считался начальником. Во-вторых, система силовых захватов была в новинку даже для экипажа «Неустрашимого». В-третьих, корабль выполнял не обычный рейс и подчинялся на этот раз Киннисону. Наконец, лишь этот последний, как высокопоставленный представитель Галактического Совета, мог принимать решение об использовании нового секретного оружия.

— Если они отсекут захваты, нам не останется ничего другого, — согласился ленсмен. — Большого вреда не будет. Они не смогут удрать или с кем-нибудь связаться. За ним!

Земное судно быстро нагнало корабль врага и вышло на ударную дистанцию. Невидимые щупальца силовых захватов потянулись к противнику и... почти сразу были перерезаны. Это, однако, никого особо не удивило; земляне не сомневались, что все суда неприятеля уже оборудованы противозахватными устройствами.

Энергетические «ножницы» первыми разработали ученые Лиги и, предположив, что враг рано или поздно обзаведется этим изобретением, немедленно задались целью создать новое средство захвата, неуязвимое для

ножниц. И нашли-таки! Это средство — шаровидная энергетическая оболочка, очень похожая на антиметеоритный экран, но с фазовым дублированием, — позволяло поймать какой угодно материальный объект, двигающийся в любом направлении, а не только снаружи внутрь, как обычный экран. Даже если противник заполучил точные данные о генерации, поддержке, эффективном расстоянии и управлении новым оружием — а это казалось маловероятным, — вряд ли их сообщили командам двух кораблей, направленных в захолустный сектор Галактики. «Неустрасимый» же обладал оборудованием, способным выставлять эти зона захвата, и достаточным запасом энергии, чтобы удерживать их.

Стоило кораблю Патруля приблизиться к вражескому судну и включить энергетические установки, как невидимый кокон спеленал противника. Капитан Крейг отдал короткий приказ, и Чатуэй со своими ребятами принялся за дело.

Защитные экраны неприятеля сгорели очень быстро, пираты лишились прикрытия и попытались убежать. Но не тут-то было! Они лишь бились в стенку сферы, как мотылек в ламповое стекло, и скользили по идеально гладкой внутренней поверхности силовой зоны. Корабль закружило. Он перешел на движение по инерции и попытался протаранить невидимую преграду. Он ударялся об нее и отскакивал, снова ударялся и снова отскакивал, хотя двигатели работали на пределе и масса судна — по космическим меркам — была немалой. Постепенно границы силовой сферы подползли почти вплотную к обшивке неприятельского корабля — стараниями инженеров «Неустрасимого» и его мощных компьютеров. Ни попытки тарана, ни «силовые ножницы» не могли справиться со сферой.

Практически беспомощный, корабль все-таки пытался сопротивляться. Еще не было случая, чтобы пиратская посудина сдалась Патрулю, и никогда еще судно Патруля не складывало оружия перед врагом. Эта традиция стала законом затяжной борьбы между двумя Галактиками, между двумя системами ценностей. Война всегда велась до полного и окончательного уничтожения. Конечно, отдельные представители враждующих рас или их небольшие группы могли попасть — и попадали — в плен, но ни один корабль, ни одно существо добровольно не сдавались; не сдавались никогда, сопротивляясь до последнего дыхания, до последней капли крови.

Так вышло и на этот раз. Для своего класса вражеский корабль был оборудован неплохо, но его лучевые пушки не могли пробить полициклические защитные экраны «Неустрашимого», тогда как экраны пиратского судна быстро пали под ударами излучателей супердредноута Патруля. В тот же миг огонь прекратился — приказ об этом ленсмен отдал заранее. Киннисон нуждался в информации, ему требовались карты и схемы, ему позарез были нужны пленные. Но он не получил ничего; ни одного живого существа не осталось на борту полуразрушенного судна. Память судового компьютера тоже предусмотрительно стерли. Все, что могло дать зацепку Патрулю, было уничтожено — то ли огнем «Неустрашимого», то ли самими пиратами, когда они поняли, что шансов ускользнуть из ловушки нет.

— Сжечь это! — приказал Крейг, и останки военного корабля Боскома немедленно запылали.

«Неустрашимый» повернул к Лиране, а Киннисон по пути переговорил со Старшей, которая уже выбралась из подземелья и направляла действия своих сестер, обосновавшись на верхнем этаже самого высокого здания в городе. Поиск правительниц, пытки и убийства, разрушение города прекратились сразу после бегства пиратского крейсера. Поисковые группы лишились руководителей, прятавшихся под надежной защитой. Сначала солдаты собрались на большой площади, но, увидев идущий на посадку «Неустрашимый», устремились к ближайшему зданию, причем по дороге каждый солдат захватил с собой одну или даже двух женщин. Теперь они засели внутри здания, установив круговую оборону, и использовали жительниц Лираны как заложниц и живой щит.

Крейсер висел прямо над городом, пока Киннисон с офицерами выясняли с помощью следящих лучей, какова численность, вооружение и размещение сил противника. Солдат оказалось около ста тридцати, они были гуманоидами по шести признакам. Сейчас им оставалось пользоваться портативным личным оружием; поскольку энергия для полупортативных излучателей подавалась с корабля, они стали бесполезным грузом и были брошены на площади. Киннисона несколько удивило то обстоятельство, что солдаты облачились в защитные костюмы. Амазонки не обладали никаким оружием, кроме ментального, и было бы логично ограничиться менталь-

ными экранами. Очевидно, захватчики хотели предохранить себя от нежелательных сюрпризов.

Оружие, тяжелое и громоздкое, казалось скорее помехой, чем подспорьем, но солдат, привыкших к нему, это не тяготило. Патруль мог бы атаковать их, но опасался за судьбу заложниц. Кто знает, на что решатся каратели? Киннисону невольно пришел на ум Ха'Исса; старый лис считал, что ничего не потеряно, пока его мозг вооружен. Правда, едва ли среди командиров осажденных найдется второй такой хитрец.

— Вообще говоря, выкурить эту шайку оттуда не сложнее, чем поймать рыбку в аквариуме, но, пожалуй, все-таки будет лучше послать твоих парней, — мысленно обратился Ким к старому приятелю Питеру Ван Баскирку. — Что ты об этом думаешь, Бас?

— Ты же знаешь, я всегда непрочь поразмяться, — отозвался здоровяк валерианин. — Что может быть лучше хорошей потасовки? Только попойка!

— Отлично, медведь ты этакий! Загружай ребят в вашу жестянку. Через десять минут я буду у главного нижнего люка. — Киннисон повернулся к ординарцу. — Подготовь все, Спайк. И мне понадобится вертолет — пусть держат его наготове.

— Но послушай, Ким!

— Ты не можешь этим заниматься, Киннисон!

Хендерсон и Крейг заговорили в один голос, не в силах сдержать возмущения. Шеф-пилот и капитан не могли отлучиться с корабля и надулись, как мальчишки, которых старший брат не берет на бейсбольный матч. Взглянув на их хмурые, насупленные физиономии, Серый Ленсмен едва удержался от хохота. Озорные чертики запрыгали в его глазах.

— Могу, могу, — поддразнил Киннисон. — Вы просто завидуете мне, вот и все. — А потом добавил, уже серьезно, но словно бы извиняясь: — Я не только могу — я должен. Я задыхаюсь без информации, а ее не вытянешь из мертвого мозга — во всяком случае, насколько мне известно. Вы же знаете этих костоломов-валериан. После них остаются только горы трупов.

И вскоре небольшой разведывательный бот, который ленсмен назвал «жестянкой», пронесся над развалинами и сел неподалеку от того места, где окопались каратели. Из него высыпала буйная ватага — сотня валериан под предводительством Ван Баскирка. Все эти молодцы были на голову выше Киннисона, который не мог пожаловаться

на свой рост, и казались горой мышц. Только такие богатыри могли выжить на планете, где сила тяжести почти в три раза превышала земную.

То обстоятельство, что пираты удерживали заложниц, заставило валериан отказаться от мощных автоматов, переносных излучателей и прочего тяжелого вооружения. Они прихватили только «деламатеры» и, конечно, свои секиры. Разве мог солдат-валерианин обойтись без топора? Нелепое предположение! Эта ужасная комбинация секиры, булавы, дубинки и багра, тридцать фунтов твердого, но упругого космического сплава, в геркулесовых лапищах валериан была воистину орудием смерти. На удивление подвижные и ловкие — при таком мощном телосложении — рубаки Ван Баскирка, орудуя тяжеленным топором, ограничивались движением кисти, которое легкостью и изяществом могло сравниться с выпадом фехтовальщика или полетом дирижерской палочки.

Когда волна могучих тел хлынула к зданию, Серый Ленсмен благоразумно предпочел держаться в задних рядах. Он не то чтобы опасался оказаться сметенным дикой лавиной — как-никак на Земле ленсмен привык смотреть на всех сверху вниз, в буквальном смысле, — просто не хотел мешать, путаться под ногами. Самый хилый из этой железной когорты мог в полном вооружении взмыт на четырнадцать футов вверх и с непостижимым проворством увернуться и парировать удар любого землянина.

Волна атаки ударилась в здание и разделилась на два потока, которые начали обтекать постройку. Когда они сомкнулись, по сигналу с вертолета начался штурм. Противник, конечно, побеспокоился перекрыть окна и забаррикадировать изнутри двери, но это были зряшные хлопоты. Несколько ударов топором разнесли в щепы деревянные створы, а вспышки «деламатеров» довершили дело. В образовавшиеся бреши ломились отчаянные парни в черных с серебряным шитьем мундирах Галактического Патруля. Непобедимые в рукопашных схватках, валериане могли убивать голыми руками; но, вооруженные топорами, они были страшнее божьего гнева.

Пираты, заведомо обреченные на поражение, неистово сопротивлялись. На атакующих обрушился ливень смертоносных лучей, которые выжигали дыры в камне стен, а кое-где даже пронизывали его насквозь. Загremели выстрелы давно устаревших револьверов, и в сторону нападавших понеслись стальные, со свинцовыми

сердечниками пули. Но ярости излучения противостояли защитные экраны, а пули со звоном отскакивали от твердосплавных пластин, не причиняя солдатам Патруля никакого вреда.

Между тем штурмовой отряд до сих пор не воспользовался «деламатерами», хотя их огневая мощь пришлась бы кстати. Не отвечая ударом на удар, валериане взяли противника в клещи и теснили его к центру помещения, пока вражеские солдаты не сбились в кучу, окружив себя кольцом из обнаженных женских тел; но и теперь каратели вели непрерывный огонь поверх заложниц.

Киннисон скрежетал зубами от ярости; в этом аду гибель женщин представлялась неизбежностью. Нападающие не могли больше наращивать бешеный натиск. Что же делать, что?.. А если... Киннисон просиял и послал беззвучную команду Ван Баскирку.

И случилось небывалое: упругая сила подбросила, как мячики, массивные тела валериан, перенесла их через головы обомлевших женщин и швырнула на остолбеневших от ужаса врагов. Удары страшных топоров обрушились на шлемы карателей. Большинство солдат противника в ту же секунду рухнули замертво, хотя парни Ван Баскирка рубили еще в прыжке, на лету. Впрочем, валериане одинаково ловко обращались с оружием и стоя, и сидя, и лежа, и на лету, при повышенной силе тяжести и в полной невесомости.

— Женщины! Удирайте! — мысленно приказал Киннисон в тот миг, когда валериане оторвались от пола. Ему не пришлось повторять дважды: едва закипела схватка, нагие тела проворно метнулись к проемам дверей и окон. Туземок как ветром сдуло.

Одного Киннисон не предусмотрел: враги сгрудились так плотно, что яблоку некуда было упасть — не то что верзиле валерианину. Ребята Ван Баскирка могли только шутить с гравитацией, но не отменить ее, и наступил момент, когда они грузно плюхнулись на противника. Произошла свалка. На милью вокруг воздух гудел от звона лезвий, скрежета, треска ломающегося металла и криков умирающих. Сумятица усугубилась еще и тем, что буйные в сражении валериане частенько оспаривали друг у друга противников, награждая друг друга тычками и пинками.

Среди неразберихи несколько пиратов успели покончить с собой, дюжина других улизнула, но эти ловкачи

далеко не ушли — их прошили лучи, выпущенные с вертолета, который по-прежнему кружил над зданием. Накал боя ослаб, дело близилось к концу.

— Хоть одного оставьте, ребята! Стойте, вы, дуболомы! — взмолился Киннисон, когда беспорядочная масса тел стала вновь похожа на боевой строй. — Хватит махать топорами! Не дайте оставшимся убить себя. Берите их живыми!

Вояки нехотя подчинились; хмель драки еще бродил в их крови, раздувал ноздри и заставлял частить сердце. Лениво орудуя «деламатерами», как лучевыми резаками, валериане обезоруживали солдат противника, оглушали для надежности ударом кулака, подобного кувалде, и тащили к Киннисону, который пытался прочитать содержимое памяти пленников.

Ничего. Абсолютно ничего. Цепочки, строки нулей. И так у всех оставшихся в живых. Только положение старшего по званию не давало Киннисону запустить чем-нибудь тяжелым в стену и облегчить душу отборной бранью. Черт, черт, черт! За что такое невезение?! Те, кто хоть что-нибудь знал, убиты или успели покончить с собой. Этого следовало ожидать. Любой офицер Патруля сделал бы то же самое. Уцелевшие не знали ничего: ни того, где находится их собственная планета, даже в какой Галактике, ни того, куда они направлялись и зачем. Вполне типично для диктатуры: те, кто составляют основание пирамиды, лишены даже права знать. Посвященных, надо думать, запрограммировали на самоубийство.

Только на борту «Неустранимого» ленсмен сумел прогнать мрачное настроение и вспомнил, что не попрощался со Старшей.

— Драка окончена, Елена. Полагаю, лучшее, что мы можем теперь сделать для вашего спокойствия и процветания, это смотаться отсюда, да побыстрее, как только позволит Клоно и ваши боги. Правильно?

— Почему? Я... вы... — Видно, даже эту упрямую натуру покорила откровенность Киннисона, выложившего напрямик тайное желание ее души. Она мялась, раздираемая благодарностью и неискоренимым отвращением к самцам. Гордятся было тягостно чувствовать себя обязанной, и кому?!

— Бог с ней, с вежливостью, куколка. Нам обоим не по нутру экивоки. Если когда-нибудь придется встретиться снова, знай: это случилось только потому, что мне

не удалось избежать встречи. — Он покачал головой, улыбаясь своим мыслям, а потом устало бросил пилоту: — Прибавь-ка газу, Хен, — мы возвращаемся на Землю!

Глава 7

В ПУТИ

«Неустрасимый» летел к дому, каждый час оставляя за кормой около восьмидесяти парсеков — обычная для этого корабля скорость. Инженеры и техники сначала возились с приборами и оборудованием, пользуясь затишьем, чтобы отремонтировать и заменить все, что внушало им хоть малейшие подозрения. А потом, после затишья, на борту наступил настоящий мертвый штиль: вся работа была переделана, и люди слонялись по кораблю, изнемогая от скуки, как непоседливые дети, которых непогода загнала под крышу. Чтобы как-то убить время, они перепробовали игры тысячи планет и развлекали друг друга байками, которые слушатели знали не хуже повествователя. «Не помню, рассказывал ли я вам, как мы с Хеном охотились на Шиклодоре?» — начинал кто-нибудь, и даже те, кому эта история навязала в зубах, отрицательно мотали головой, позволяя приятелю еще раз пожать лавры, пусть и жухлые.

Дежурные офицеры ерзали в мягких креслах, стараясь раздуть любое самое незначительное происшествие, чтобы получить повод к активным действиям, разогнать сон и скуку.

Валериане, как это обычно бывало в спокойных длительных полетах, уединились в специальных помещениях, где были воссозданы привычные для них условия — гравитация в три «же» и африканская жара. Здесь Ван Баскирк и его ребята чувствовали себя как рыбы в воде и накачивали бугры мышц. Их больше всех остальных на борту тяготило безделье и неподвижность, потому что эти простодушные гиганты игре мыслей предпочитали игру мускулов.

А Киннисон, до зеркального блеска отполировав свои серые сапоги, взгромоздил ноги на край стола, откинулся в кресле и погрузился в мрачные размышления. Ленсмен все еще блуждал в потемках. Не успевал он порадо-

ваться, что ухватил путеводную ниточку, как она рвалась в руках. Обрывки, одни обрывки... Взять хотя бы этого типа с Лонабара, Менто Блика... Ферзь он или пешка? Лонабар, Лонабар...

Патруль уже основательно и без всякого успеха перетряхнул Альдебаран-2 в поисках хотя бы намека на связь с Лонабаром. Планетографы перерыли архивы и библиотеки — никакого Лонабара. Они, конечно, предположили, что планета известна им под другим названием, но каким? Впрочем, Серый Ленсмен не разделял этого мнения: ни один ювелир во всей известной ему части Галактики не смог узнать кристаллы, которые он описывал.

Какими бы тропами ни блуждала мысль Киннисона, в конце концов она возвращалась к драгоценностям и девчонке с куриными мозгами. Наивно-кокетливая и непосредственная, эта чертовка уже прибрала к рукам половину корабля и вскружила голову едва ли не всему экипажу. Прелестное создание, но разум как у пятилетнего ребенка! Не знать галактических координат собственной планеты, и ничего, что могло бы хоть как-то помочь определить их! Странно, что во всем остальном она довольно сообразительная, не глупее большинства девушек в Галактике... исключая Крис, конечно. В глазах Киннисона ни одна особа женского пола не могла соперничать с Клариссой Мак-Дугал.

Ленсмен вздохнул и позволил своим мыслям побродить по райским лугам. Золотые звезды зажглись для него на медовом небосклоне, золотые искры в глазах цвета малаги... Какие камни напоминают ее глаза: топазы, сердолики, опалы?.. Камни... камни?! Черт побери, надо попробовать еще раз. Если что-то и выведет его к Лонабару, так это камни — безымянные, бесценные кристаллы!

На его мысленный зов вприпрыжку прибежала Илона и влетела в каюту теплым и пряным южным ветром. Как отличалось это беспечное создание от угрюмого затравленного зверька, который вызывающе сверкал глазами и даже норовил укусить, чтобы скрыть ужас, ужас, проступающий холодной испариной, стискивающий сердце и разрывающий рот в беззвучном крике. И вот это существо, которое гнали и травили с детства, почувствовало себя свободным, как все вокруг. Девушка словно раскрылась, очертя голову бросилась в иную жизнь, которую не могла вообразить в самых радужных

мечтах. Каждая новая минута здесь была сама по себе событием. Ее черные глаза, еще недавно печальные и тусклые, словно подернутые пеленой, сверкали оживлением, лучились радостью. Даже блеск смоляных волос казался нарядным, праздничным.

— Привет, ленсмен! — прощепетала она с порога, не дав Киннисону сказать ни слова. — Я так рада, что ты позвал меня, потому что хочу спросить кой о чем еще со вчерашнего дня. Ребята собираются устроить небольшую вечеринку и просят, чтобы я там танцевала. Можно, как ты думаешь?

— Конечно. А почему нет?

— Одежда, — сконфузилась она. — Я объяснила им, что не могу танцевать в платье, а они твердят, что об этом не стоит и думать, что гимнастки на Земле выступают без платья. Парни уверяют, что мой обычный наряд годится. Я сказала, что они пытаются обмануть меня, но они поклялись, что нет. Говорят: сама спроси у старика... — Она осеклась, в широко раскрытых глазах появился испуг... — О, простите меня, сэр, — залепетала девушка. — Я не...

— Что такое? Что тебя так взволновало? — удивился Киннисон, а потом догадался: — «Старик», да? Не пугайся, ангелочек, так частенько за глаза называют старшего по званию у нас, в Патруле. Я так понимаю, что у вас это не принято?

— Конечно, нет. — У нее вырвался вздох облегчения, словно миновала опасность. — Если кто-нибудь только подумает такое, поплатится весь экипаж, его сошлют очень-очень далеко. А если бы я осмелилась сказать «привет»! Менто Блику... — Она даже плечами передернула.

— Приятные обычаи, — усмехнулся Киннисон.

— Ты уверен, что... что моя болтливость не доставит ребятам неприятностей? — не могла успокоиться девушка. — Ведь, наверное, никто из них не осмелится назвать тебя так прямо в лицо.

— Пустяки, — бросил ленсмен. — В служебных разговорах или на посту, конечно, нет. Дисциплина есть дисциплина, но вне службы... Если бы ты слышала, какие шуточки они отпускают... Правда, я давно уже не показывался в кают-компании — дела. Но вот посмотришь, на вечеринке они не упустят случая поддеть меня. Так что не удивляйся. Кстати, а ты упражнялась в танцах последнее время? Не ударишь в грязь лицом?

— Нет! — обиделась девушка. — Я танцевала в каюте.

— Хорошо. И напрасно ты пряталась — ничего плохого в этом нет, как и в том, чтобы выступать без платья — тут ребята абсолютно правы. Но позвал я тебя не за этим. Я хочу, чтобы ты помогла мне.

— С удовольствием, сэр. Все, что угодно. Если только я смогу, — немедленно ответила она.

— Я хочу собрать все кусочки, все обрывки информации о Лонабаре. Меня интересует все: обычаи, привычки, занятия, игры, деньги, драгоценности. Ты должна разрешить мне войти в твой разум, не противодействовать этому. Согласна?

— Хорошо, ленсмен, — робко согласилась девушка. — Теперь я знаю, что ты не причинишь мне вреда.

Нельзя сказать, чтобы Илона встретила предложение Киннисона с восторгом, да и кому бы понравилось такое? В любом сознании прячется много всякого, что не хочется выставлять напоказ, даже если эти тайны вполне невинного свойства. Поэтому поначалу маленькая танцовщица поеживалась, ее мысли метались, как испуганные зверьки в загоне. Но постепенно неловкость и страх прошли, и она доверилась ленсмену, как доверяются врачу или исповеднику. Неразбериха мысленных образов оформилась в картины, отчетливые и яркие. Киннисон не узнал ничего нового о местоположении Лонабара, но девушка оказалась просто неиссякаемым источником сведений о драгоценностях. То, чего она не знала, и знать не стоило.

— Спасибо, Илона, — наконец проговорил Киннисон, глядя куда-то мимо нее. Его голос звучал сейчас невыразительно и сухо. — Ты очень помогла мне, а теперь можешь идти.

Девушка покраснела, пробормотала что-то невнятное и неуклюже поднялась: природная грация ей изменила. Она начала пятиться к двери, а потом выскользнула в нее бочком и, лишь очутившись в коридоре, перевела дыхание. Минуту Илона стояла, привалившись к переборке, чтобы унять дрожь в ногах, и только потом зашагала восвояси упругой походкой танцовщицы. Она всегда побаивалась Киннисона, как боятся непонятного, стоящего за гранью разума, например колдовства. И то, что сейчас произошло, не прибавило ей смелости. Губы девушки улыбались, но внутри не оттаивал ледяной комок сердца. Этот человек почти что вывернул ее наизнанку!

А Киннисон даже не заметил ее терзаний. Оставшись в одиночестве, он хотел было воспользоваться ультраволновой связью, чтобы переговорить с Главной Базой, но затем изменил решение и прибег к помощи Линзы. Его мысленный зов был до странности робким и неуверенным, что весьма озадачило Хейнеса, привыкшего к другому Киму — дерзкому, напористому.

— Ну, конечно же, я свободен, — подбодрил старик своего любимца. — Для тебя я свободен двадцать четыре часа в сутки. Чему обязан удовольствием?

— Не знаю, возможно ли такое, сэр...

— Не мямли, малыш! Когда ты начинаешь вставлять «сэр», это плохой признак. Выкладывай!

— Ладно... Я хочу говорить сразу со всеми ленсменами, особенно свободными, кого только сумеете вызвать. Это реально?

— Ну, у тебя и аппетит! — удивился адмирал. — Но я устраивал подобные совещания — может быть, менее представительные — раз сто, и не вижу причин, по которым это не получится сейчас. Большинство ребят меня знают. Остальные же могут настроиться через них.

— Тогда договорились, адмирал? Понимаете, есть важная причина, по которой я...

— Опusti это, сынок. Нет никакой необходимости объяснять дважды — я все услышу вместе с другими. Не беспокойся: я позабочусь обо всем. Но это потребует некоторого времени. Завтра, в двадцать часов, не поздно?

— Превосходно. Огромное спасибо, сэр!

Следующий день тянулся, словно резиновый, даже для всегда занятого Киннисона. Он никак не мог сосредоточиться и бродил по кораблю, неприкаянный, как грешная душа. Несколько раз перед его глазами мелькала экзотической птахой маленькая танцовщица, и ленсмен получил лишнее подтверждение тому, что прочел в ее мыслях. Если Илона Поттер начинала думать о мужчинах, то ее мысли неизменно сворачивали к одному человеку, и этим человеком был Генри Хендерсон.

— Скучаешь, Хен? — небрежно спросил он, подойдя к пилоту, который сидел в уголке кают-компания, уставившись в пустоту и улыбаясь своим мыслям.

— Ага, — нехотя согласился тот и подозрительно посмотрел на ленсмена. — Я не предпринимал никаких шагов. Хотя нет смысла рассказывать об этом тебе.

И действительно, смысла не было — Свободный Ленсмен превосходно умел читать мысли.

— Да знаю я, знаю, — успокоил его Киннисон. Затем, отвечая на невысказанный вопрос, продолжил: — Нет, Хен, я даже не пытался влезть в твои мысли. Или чьи-то еще, кроме Илоны. Вот ее разум я перетряхнул основательно — во всех направлениях.

— О... так ты знаешь тогда... послушай, Ким, могу я поговорить с тобой пару минут? Начистоту?

— Конечно. С помощью Линзы?

— Это было бы лучше.

— Давай, потолкуем. Полагаю, разговор пойдет об Илоне, этой хорошенькой штучке с Альдебарана?

— Не надо, Ким. — Хендерсон насупился. — Она не заслуживает такого, готов спорить на последний грош.

— Уверен?

— Не знаю, — заколебался Хендерсон. — Я давно хотел тебя спросить... Ведь ты знаешь много такого, что неизвестно нам... Может ли она... Ну, если я... Черт возьми, Ким! Скажи, есть ли какие-то причины, по которым я... э... не должен жениться?

— Есть миллион причин, по которым ты должен это сделать. Все должны.

— Проклятье, Ким. Это совсем не то, что я имею в виду, и ты это прекрасно понимаешь!

— Тогда спрашивай прямо.

— Ну ладно. Одобрил бы Серый Ленсмен Кимбол Киннисон мою женитьбу на Илоне Поттер, если я решусь предложить ей это?

«Очень умно», — подумал Киннисон. Ему было любопытно, как презирующий сантименты пилот выйдет из щекотливого положения. Хендерсон вывернулся очень ловко, свалив всю ответственность на друга. Ну ладно, он тоже не будет миндальничать.

— Учитывая все, что мне известно, а я смею предположить, что известно мне многое, ответ однозначен — да.

— Великолепно! — напряжение спало, и пилот сразу ожил. — Теперь, если... но я не думаю, что ты... — Мысль угасла.

— Нет, посвящать тебя в ее чувства я не буду. Нельзя нарушать тайну исповеди. Хотя могу намекнуть. Она, скорее всего, не вышибет тебе мозги двухдюймовым гаечным ключом, если ты спросишь ее об этом. Добавлю только, что половина парней на борту этой

старой развалины не будут спать ночами, размышляя о том, как бы отвадить тебя от мисс Поттер.

— Да? Пусть только попробуют! — Хендерсон вихрем вылетел из кают-компания, а Киннисон, заметив, что стрелки часов уже подходят к заветным цифрам, заторопился в свою каюту.

Очень трудно обычному человеческому разуму осознать себя в полном слиянии с другим, пусть очень близким и родственным. И уж совсем невозможно представить абсолютное единение с тысячами, сотнями тысяч или даже миллионами — никто не знал, сколько именно ленсменов сумело в тот день настроиться на единую ментальную волну. Целой жизни не хватило бы, чтобы узнать расы, которые эти разумы представляли! Многие из них были не то что млекопитающими — теплокровными. Попадались такие, у кого основой обмена веществ выступал кислород. Тем не менее ленсмены действовали сообща, потому что ставили выше расовых различий разум, и всеобщее равенство, на которых и держалось Галактическое Содружество.

От волнения у Серого Ленсмена разбегались мысли, но он взял себя в руки и начал:

— Спасибо, друзья, что вы откликнулись на мое приглашение. Я постараюсь быть кратким. Адмирал Хейнес, наверно, уже сообщил вам, что я — Кимбол Киннисон с Земли. Это совещание понадобилось мне, чтобы отыскать центр враждебной нам цивилизации, планету, о которой я не знаю ничего, кроме ее названия — Лонабар. Ее населяют гуманоиды. К сожалению, подробно описать я могу только ювелирное искусство Лонабара. — И Киннисон передал коллективному разуму точные образы лонабарских сокровищ. — Кто-нибудь из вас знает планету с таким названием? Может быть, кому-нибудь приходилось видеть подобные украшения?

Последовала пауза, для Киннисона мучительно долгая. Затем слабая, робкая мысль просочилась из дальнего уголка колоссального мозга:

— Я ждал, не выскажется ли кто-нибудь другой, поскольку сведения, которыми я располагаю, очень скудны и стары.

Киннисон вздрогнул, но ухитрился скрыть свое удивление от всех, находящихся сейчас на связи с ним. Эта мысль, очень точная и кристально-ясная, могла прийти только от ленсмена второй волны. Это не Ворсел, не Трегонси, так кто же?

— Смелее, приятель, любая, самая незначительная информация может оказаться полезной, — почти сразу ответил Киннисон. — Кто на связи? Представься, пожалуйста!

— Нэдрек с Полэна, Серый Ленсмен. Много циклов назад мне удалось раздобыть некий кристалл — он и сейчас у меня. Это, скорее, кусочек переохлажденной жидкости. Он очень похож на один из тех красных камней, которые ты показывал нам.

— Но ты не знаешь, с какой он планеты, — правильно?

— Не совсем так, — продолжил Нэдрек. — Я добыл кристалл на его родной планете, но, к сожалению, не помню, что это за планета и где она расположена. Мы в то время занимались исследованиями и посетили очень много небесных тел. Однако миры с кислородной атмосферой враждебны нам, и мы задерживались в них ненадолго, только чтобы составить карты. Я заинтересовался камнем из-за странного мерцания — это был чисто научный интерес.

— Можешь ли ты найти эту планету?

— Если посмотрю все карты, которые мы составили, и восстановлю наш маршрут, то, наверное, смогу. Определенно, смогу.

— Ну, если уж Нэдрек с Полэна в чем-то уверен, — прозвучала чья-то мысль, — во всей Вселенной не найдет-ся ничего более определенного.

— Благодарю за доверие, — отозвался Нэдрек.

— А я очень благодарен вам обоим и всем остальным за участие в совещании, — передал Киннисон, и разумы миллионов ленсменов прекратили связь, предоставив землянину беседовать с полэнтианином.

— Ты — ленсмен Второй Стадии, не правда ли? — спросил Киннисон.

— Да. Я чувствовал призвание, но был очень слаб. Боялся. Но Ментор укрепил мой дух и наделил силой.

— Понимаю.

На самом деле Киннисон терялся в догадках. Не говоря о том, что это был его первый контакт с разумом обитателя Полэна, он никогда не слышал о ленсмене, дрожащем за свою жизнь; готовность жертвовать собой была непременным качеством его собратьев. Но если уж Ментор возился с этим трусишкой, значит, он стоил того. Да и не глупо ли подходить с человеческими мерками к существу, которое даже не дышит

кислородом? Может, те, кто населяет Полэн, даже усиленным воли не способны подчинить разуму инстинкт самосохранения... Эти мысли мгновенно пронеслись у него в мозгу, скрытые от всех непреодолимым ментальным щитом.

— Из знакомых мне ленсменов, — продолжил Киннисон, — только Ворсел с Велантии и Трегонси с Ригеля-4 отличаются таким же ясным мышлением, как у тебя. Сам понимаешь, как я рад, что теперь нас четверо. Однако вернемся в Лонабару. Ты передашь карту и все данные о ней на Главную Базу?

— Доставлю и карту, и данные лично. А камень?

— Пока не надо, — быстро ответил Киннисон.

И для Киннисона снова наступила пора бездействия и размышлений. Правда, ему не удалось отвертеться от посещения вечеринки. Прежде он был душой общества и заводилой дружеских пирушек, и даже ряса и тонзура не убедили бы парней с «Неустрашимого», что Кимбол Киннисон — мрачный аскет. Поэтому его просто подхватили под руки и повлекли в кают-компанию. Однако оживленные разговоры и хохот обтекали его, как обтекает теплое течение угрюмый голый утес. Фрагменты головоломки никак не складывались, и ленсмен злился, почти по-детски. С досады он слушал музыку вполуха, и наблюдал за происходящим вполглаза.

Только однажды он забыл на время о своих проблемах — когда перед обществом появилась Илона Поттер. Ее агатовые глаза сияли, бриллиантовые всполохи вспыхивали в черных волосах. Каждое движение тонкой кисти, покачивание бедер, поворот головы или шаг вызывали новую игру света — драгоценные кристаллы словно соперничали, стараясь затмить друг друга. Но не радужное великолепие убора, яркого, как оперение жар-птицы, и не красота гибкого смуглого тела приковали к танцовщице все взгляды, а ее редкое искусство. Она отдавалась движению с неистовством и самозабвением древней жрицы. Ее танец противоречил земным канонам, но в нем была гармония и страсть. Отпустив на свободу мысли и чувства девушки, ленсмен освободил и ее тело. И теперь, пьянея от всеобщего восхищения, она наполнила воздух движением, как маленький сверкающий смерч. Это было выше мастерства — сама естественность, порхание бабочки или взмахи птичьего крыла.

Переборки супердредноута едва не рухнули от взрыва рукоплесканий, которыми наградили маленькую тан-

цовщицу. Снова и снова ее просили показать свое искусство, пока не вмешался капитан.

— Девочка едва на ногах держится, — возмутился он.

И действительно, она вся дрожала, грудь ее высоко вздымалась, черные пряди растрепались и липли ко лбу. Глаза Илоны подозрительно блестели, похоже, на них навернулись слезы. Один из офицеров завел было торжественную речь, но возбужденные зрители не дали ему договорить — они на руках отнесли Илону на импровизированный трон и усадили отдыхать.

Киннисон под шумок улизнул в свою каюту и снова погрузился в раздумья. В последнее время все его мысли крутились вокруг Лонабара, но была еще и Лирана. Эти две планеты, несомненно, чем-то связаны. Но чем? Понять это сможет только тот, кто сумеет по-настоящему подружиться с жительницами Лираны. Кто-то, кому эти суровые, даже жестокие создания доверятся. И ни один мужчина не вытянет из них и крупницы информации. Попробовать силой вторгнуться в разум одной или нескольких женщин? Нет, это он оставит на крайний случай. Что тогда? Ворсел, Трегонси? Ерунда... Любой негуманоид встретит более чем холодный прием. Множественность миров и рас выше понимания этих ограниченных мужененавистниц. Нет, нужна женщина, женщина с Земли, женщина-ленсмен, и есть только одна такая...

Он чуть не задохнулся и почувствовал неприятный холод в животе. Крис! Она уже наполовину ленсмен — во всяком случае, единственный человек, который и без чудодейственной Линзы может читать его мысли! Но взвалить на ее плечи такую тяжесть? И сумеет ли она это понять и принять? Конечно, сумеет! А Хейнес и остальные ленсмены?.. Пусть думают что хотят! Решение за ним.

Киннисон сморщился, как от зубной боли, и долго сидел без движения. Его пальцы с такой силой вцепились в подлокотники кресла, что их свело судорогой.

«Нет, я не могу принять это решение один, — наконец сознался он сам себе. Не хватит мужества...» И ленсмен послал свою мысль к далекой Аризии, к мудрому Ментору.

— Простите, что нарушил ваше уединение, но для этого был важный повод.

— Не утруждай себя разъяснениями. Я знаю.

— До сих пор ни одна женщина не носила Линзы. Не противоречит ли мое решение предначертаниям мудрых?

— Ты опасаясь за судьбу этой женщины? За свое счастье?

— Я хочу знать только то, что спросил.

— Да, Киннисон с Земли, ты растешь... По крайней мере, учишься думать. Ты принял мудрое решение.

Ленсмен с облегчением откинулся на спинку кресла. Начиная разговор, он не знал, чем это кончится. Киннисон не удивился бы, останься его призыв без ответа, а вот похвала Ментора огорошила его. Стало быть, высокий покровитель никогда не будет помогать ему в том, с чем он справится в одиночку, — только в делах, которые выше его способностей и понимания.

Устав витать в эмпиреях, Киннисон вызвал главного хирурга.

— Доктор Лейси? Прошу немедленно откомандировать в мое распоряжение Клариссу Мак-Дугал. Сообщите на «Неустрашимый» время встречи.

— Что? Ты не можешь... Ты не должен... — пробормотал старый лекарь.

— Нет, могу и должен. Скоро все узнают то, что я скажу вам сейчас. Я собираюсь сделать из нее ленсмена.

Лейси разразился бурными протестами, но Киннисон был к этому готов.

— Дело решено окончательно и бесповоротно! — отрезал он. — И это одобрено Ментором. Ругайте меня сколько угодно, но сделайте то, что требуется.

Глава 8

ЮВЕЛИР КАРТИФ

За несколько часов до встречи с крейсером, несущим на своем борту Клариссу, детекторы «Неустрашимого» обнаружили неподалеку судно, а через пару минут Киннисон принял четкую мысль.

— Ким? Это Рауль. Я пролетал неподалеку от Аризони, и меня попросили передать тебе посылочку. Сказали, что ты ждешь ее. Правильно?

— Приветствую тебя, космический бродяга. Все верно. — Киннисон совершенно не ожидал посылки, но

мгновенно понял, что в ней. — Переходи на движение по инерции.

— Если честно, времени в обрез. Может, попробую передать на ходу?

— Хорошо. Хен, подготовьтесь к безынерционному контакту с приближающимся судном! Включить магнитные захваты. Принять пакет на борт!

Два бешено мчащихся корабля на мгновение оказались рядом. Синхронно открылись люки, выпустив магнитные захваты, и так же синхронно закрылись.

Киннисон увидел на экране улыбающееся лицо Рауля ле Форжа, своего однокашника по Уэнтворт-Холлу.

— Рад встретиться с тобой, Ким. Остерегайся инерции этой штуки. Чистого пространства тебе! — только и успел сказать ле Форж.

И вот уже корабли вновь разделяли тысячи и тысячи миль холодного пустого пространства.

Действительно, ничто так не беспокоило ленсмена, как инерция небольшой посылки, которая таила в себе немалую угрозу. Ее скорость складывалась из орбитальных скоростей Аризии и Лираны-2 и составляла около пятидесяти миль в секунду. Находишь «Неустршимый» в инерционном полете, посылка внутри судна немедленно превратилась бы в средних размеров метеорит. Манипулируя захватами, Киннисон убрал ее в специальный контейнер и задумался. Контейнер, конечно, выдержит, а вот Линза... Впрочем, стоит ли беспокоиться об этом: Линзу упаковал и отправил Ментор, а он знал, что делает.

Киннисон завернул контейнер в толстую фольгу, а затем — в несколько слоев упругой металлической сетки. Обхватил сверток по краям двумя мощными стальными кольцами, скрепив их болтами из прочного сплава. Потом уложил получившийся цилиндр в специальную емкость, залил двумя сотнями фунтов металлической ртути, закрыл емкость крышкой, которую закрепил такими же болтами, все это сооружение поместил в еще один специальный ударопрочный контейнер, сконструированный специально для таких случаев.

По сигналу Киннисона на короткое время отключили генераторы безынерционности, и находящемуся рядом с контейнером ленсмену показалось, что по тесному помещению пробежало стадо слонов. Пакет, над которым он так долго колдовал, в обычных условиях весил бы не более восьми унций, но скорость наделила его огромной кинетической энергией, которую Киннисон стремился погасить.

Генераторы вновь заработали, корабль продолжил свободный полет, а ленсмен в обратном порядке проделал те же операции. Посылка с Аризии выглядела точно так же, как и раньше, но теперь она не представляла угрозы, так как ее собственная скорость равнялась скорости корабля, как и у всего остального на его борту.

Натянув защитные перчатки, ленсмен вскрыл пакет и достал небольшую емкость, заполненную вязкой густой жидкостью. Он вылил жидкость и улыбнулся: Линза, Линза для Крис! Киннисон тщательно обтер устройство и аккуратно завернул его в мягкую металлопластиковую фольгу. Из миллиардов живых существ, обитающих во Вселенной, только Кларисса Мак-Дугал могла коснуться этого безобидного на вид предмета. Когда браслет сомкнется на ее запястье, другие смогут до него дотронуться, но если попробуют надеть, смерть наступит мгновенно.

Вскоре еще один крейсер Патруля показался в пределах видимости. Эта встреча была неслучайна, поэтому обоим кораблям предстояло перейти в инерционный режим движения. Кроме того, груз, который готовился принять на борт «Неустрашимый», не выдержал бы тех процедур, которым Киннисон подверг посылку с Аризии. Да и какое живое существо могло их вынести?

Корабли повисли в нескольких сотнях миль друг от друга, что — при их-то скорости! — требовало от пилотов немалого искусства, затем, ловко маневрируя, сблизились, насколько это было возможно. Еще мгновение — и капсула, в которой находился нежный груз, оказалась на борту «Неустрашимого».

Киннисон не встречал Клариссу у люка, а дожидался в своей каюте. Подробности этой встречи мы опустим. Они были молоды, долго не виделись, и они любили друг друга. Надо думать, что прошло немало времени, прежде чем они заговорили о делах, и еще больше времени понадобилось Киннисону, чтобы уговорить своенравную и независимую Клариссу заняться делом, которое до сих пор было прерогативой сильного пола. Киннисон не хотел заставлять ее взваливать на себя груз, а девушка не спешила принять его. Но в конце концов она сдалась.

Ленсмен осторожно распаковал Линзу и, держа ее через изолирующую ткань, приложил один из пальцев девушки к браслету. Мелкоячеистая поверхность концентратора вспыхнула крошечными разноцветными огоньками; тогда Киннисон аккуратно защелкнул пла-

тинсово-иридиевый браслет на ее левом запястье. Следует заметить, что браслет сидел идеально, словно был изготовлен по мерке.

С минуту, наверное, Кларисса не могла оторвать глаз от переливающейся всеми цветами радуги поверхности устройства, которое чудесным образом пробудилось к жизни при соприкосновении с ее плотью. На лице девушки проступили робость и благоговейный страх.

— Я не могу, Ким... просто не могу. Я недостойна этого, — задыхаясь, произнесла она.

— Все мы недостойны, Крис. Мы не можем, но должны заниматься этим.

— Наверное, ты прав... Но, Ким, ты ведь знаешь, я никогда не стану — не смогу стать — настоящим ленсменом.

— Уверен, что сможешь. Мы уже довольно говорили об этом. Знания и техника — дело наживное, а твоим врожденным способностям может позавидовать любой ленсмен. Ты была уже на полпути к нам. Подумай сама, детка, разве о н и стали бы иначе изготавливать Линзу-концентратор для тебя?

— Наверное, ты снова прав... Просто я напугана до смерти, Ким.

— Где твоя шотландская дерзость, Мак-Дугал? Да, придется поработать. Ты этого боишься, рыжая лентяйка? Уж я отыграюсь за свои мучения в госпитале! Помнишь, как ты меня тиранила? Теперь моя очередь. С тебя семь потов сойдет. Кадет Мак-Дугал, отставить разговоры! Приступим к занятиям. — И он начал мысленную беседу с девушкой, постепенно усложняя ее и переводя свой монолог в диалог.

Сначала она сбивалась от испуга, но уже через полчаса, когда Киннисон сжалился над ней и объявил, что первый урок закончен, почувствовала восторг и удовлетворение.

— Пока достаточно, — заявил он. — Слишком много впечатлений.

— Согласна, Ким, — кивнула девушка. — И, пожалуйста, оставь Линзу у себя до следующего раза, ладно? Я не хочу носить ее постоянно... пока что.

— Договорились. А теперь я хочу познакомить тебя со своей новой подружкой. — И Киннисон вызвал Илону Поттер.

— Подружкой?!

— Ага. Она не блещет особой образованностью,

но может оказаться очень полезной в дальнейшем. Мне хочется сравнить наши впечатления, поэтому я не буду пока ничего о ней рассказывать. А, вот и она!

Танцовщица вошла в каюту.

— Крис, это Илона, — непринужденно представил Киннисон и добавил, обращаясь к Клариссе: — Я распорядился, чтобы тебя разместили рядом с ней. Пошли, я провожу вас и проверю, все ли в порядке.

Бегло оглядев отведенную Клариссе каюту, он удовлетворенно кивнул и ушел, оставив девушек одних.

— Я ужасно рада, что вы здесь, — робко начала Илона. — Я так много слышала о вас, мисс...

— Для тебя, моя милая, просто Крис — так меня зовут друзья. Обойдемся без формальностей, — прервала ее Кларисса. — И не стоит верить всему, что болтают на борту этой жестянки. — Она улыбнулась, но лед в глазах не таял.

— О, говорили только хорошее, — щебетала Илона. — Какая ты красивая, и какая вы с ленсменом прекрасная пара, и что вы безумно любите друг друга. Разве это не так? — В голосе девушки слышалось неподдельное удивление. Она спокойно выдержала испытующий взгляд Клариссы.

— Все это так, — нехотя признала та. — Но ведь ты его любишь, и это...

— О небо, нет! — воскликнула маленькая танцовщица с таким искренним возмущением, что ее собеседница даже вздрогнула.

— Черт бы побрал Кима с его шуточками! — проворчала Кларисса, но в глубине ее карих, с золотыми искорками глаз тлело недоверие: уж больно обольстительна была эта «подружка». Чего бы она сейчас не отдала за Линзу! Останься та на ее руке, она бы мигом выведала все мысли черноволосой красотки.

— Я просто боюсь его до 'смерти, — бормотала перепуганная «подружка». — Он такой... такой огромный... и видит тебя насквозь, как колдун. Я вообще не верила, что какая-нибудь девушка может его полюбить, пока не увидела тебя. Ты сама очень... очень сильная. Знаешь, у меня язык не поворачивается называть тебя просто Крис.

— Глупости, — воскликнула Кларисса. И голос ее, и выражение лица смягчились. — Мы быстро подружимся.

— Ой, честно? — обрадовалась Илона. — Это было бы здорово!

И хотя она все еще робела перед подругой ленсмена, однако перестала напоминать канарейку, трепыхающуюся в когтях кошки. Кларисса, чересчур серьезная для девушки ее лет, любезно выслушивала милый вздор, который несла маленькая танцовщица, и даже снисзошла до обсуждения вопросов из числа тех, что у мужчин вызывают зевоту.

Шли дни. Киннисон усердно муштровал Клариссу; свирепостью он превосходил прусского фельдфебеля времен Фридриха Великого. Не будем повторять, в чем состояло обучение, заметим только, что лишь природный дар девушки помог ей остаться в здравом уме. Надо сказать, что суровый учитель Киннисон устал и страдал не меньше ученицы, после каждой ментальной схватки и он валился с ног. Но оба неутомимо и упорно продолжали тренировки.

Конечно, Киннисон не сделал из Клариссы ленсмена второй волны. Он не смог. Многое в собственном умении было ему не совсем ясно, многого он передать не сумел. Но и того, что она получила, было достаточно для той работы, которая ей предстояла. И несколько раз, когда Киннисон начинал слабеть или колебаться, вдруг появлялось ощущение, что за ними наблюдает и поддерживает их более мощный разум, чем его собственный.

Наконец, когда Земля была уже совсем близко, между девушкой и Киннисоном состоялся последний разговор, и эта беседа двух ленсменов определила последние детали уже давно спланированной и чрезвычайно важной операции.

— Я согласна с тобой, что Лирана — важный ключ, — задумчиво сказала Кларисса. — Там, должно быть, находится какое-то промежуточное звено между Лонабаром и неизвестной нам пока планетой Икс.

— Видишь ли, Крис, в этой задачке может быть еще много неизвестных. Связь Лирана — Лонабар — это пока единственное, в чем мы уверены. Когда ты окажешься на одном конце, а мы — на другом, то будет даже странно, если мы не сумеем проследить ее. Пока я попробую сцапать Блика, ты должна подружиться с Еленой с Лираны. Только это мы можем определенно планировать сейчас, и не стоит забегать вперед.

— И я буду как можно чаще связываться с тобой. — Кларисса выразительно посмотрела на Киннисона.

— Хорошо, — согласился он. — Я тоже постараюсь выходить с тобой на связь.

— О, Ким, как это прекрасно — быть ленсменом! — Она тесно прижалась к нему. Всех их самые деловые беседы неизменно кончались этим. — Быть с тобой на связи — это почти так же приятно, как быть вместе. Надеюсь, мы выстоим.

— Конечно, голубка, это здорово поможет нам, — согласился Киннисон и провел рукой по ее рыжим кудрям. — Именно поэтому я боялся приступать к делу в одиночку. Хотя иногда мне кажется, что меня кто-то подталкивал.

— Может, Ментор? — предположила она, блаженно жмурясь. — В общем, пока дела идут отлично.

— С Илоной все закончено?

— Да, мой дорогой... она очаровательна... просто кладезь информации. — Мысли Клариссы были сейчас далеки от мисс Поттер, но, как человек долга, она продолжала разговор: — Мы с тобой теперь знаем больше об их жизни, чем кто-либо в Содружестве. И эта жизнь ужасна. Мы должны победить, Ким, у нас просто нет другого выхода.

— Мы победим! — рассеянно подтвердил Ким, тербя розовую мочку ее уха.

— Но вернемся к Илоне. — Кларисса стала серьезной и даже отстранилась от него. — Она не может отправиться вместе со мной, она не может остаться с Хеном на борту «Неустрасимого», когда тот доставит меня на Лирану, и тебе не удастся присматривать за ней. Боюсь, как бы с ней чего-нибудь не случилось.

— Ничего не случится, — успокоил ее Киннисон и снова притянул к себе. — Илович не будет спать ночами, пока не увидит ее сольный номер в своем шоу, — он чмокнул Клариссу в кончик носа и добавил: — Хотя ей теперь не надо зарабатывать себе на жизнь.

— Она согласится, я думаю. А ты как считаешь?

— Возможно. В любом случае парочка очень сообразительных девушек из службы Хейнеса собираются стать ее лучшими подругами и не отходить от нее ни на шаг. Неусыпный надзор. Надеюсь, что долго это не продлится, а пока мы в большом долгу перед ней.

— В большом, это точно... — Кларисса потерлась щекой о его плечо. — Ты ведь собираешься лично присутствовать на распродаже ее драгоценностей?

— Нет, крошка, у меня появилась мысль получше. Я собираюсь купить все сам, или, точнее, Картиф собирается. Мне сделают маску. Картиф будет покупать подобные вещи всюду, так почему не у нее?

В разговоре наступила долгая пауза, которая прерывалась только вздохами и звуками поцелуев.

— Для нее будет выгодно продать все оптом... — заговорила наконец неверным голосом Кларисса. — Картиф... — Она тихо рассмеялась. — Представляю себе: надпись микроскопическими буквами в правом нижнем углу, один драгоценный камень на акре черного бархата. Картиф, самый экстравагантный ювелир в Галактике... И никто, кроме нас с тобой, ничего о нем не знает. Разве не так?

— Все узнают о Картифе очень быстро, — проворчал Киннисон, неохотно возвращаясь к разговору о делах. — Какие-нибудь соображения, мисс Мак-Дугал?

— Никаких, сэр, — улыбнулась она и взъерошила ему волосы. — Лишь бы ребята не переусердствовали. — Она прыснула. — Подумай только, целая свора ищеек из Отдела по расследованию убийств будет гоняться за Картифом и никогда его не поймает.

— Куда уж забавней! На твоем месте я бы причесался, Крис. Ты как воробей после драки. Уже сигналият, что Земля рядом. Мы идем на посадку.

— Ой, — пискнула Кларисса, — я хочу посмотреть, — и она попробовала вскочить.

— Смотри. Что тебе мешает? — спокойно ответил Киннисон и... пригвоздил ее к сиденью. — Теперь у тебя есть чувство восприятия. Вспомнила? Тебе не нужны никакие экраны.

И взявшись за руки, они наблюдали за посадкой огромного корабля.

Он приземлился. На судно поднялись ювелиры с товаром, который удовлетворял самому взыскательному вкусу. Когда танцовщицу уверили, что металл не испортит цвета ее кожи, Илона охотно пошла на обмен. Но она так и не поверила, что стала независимой и богатой. Девушка и думать забыла о деньгах, когда Илович посмотрел, как она танцует.

— Понимаешь, — изливалась она Киннисону, — есть две вещи, которыми я хотела бы заняться, пока Хен не вернется — путешествовать, чтобы узнать больше о планетах Лиги, и танцевать. Теперь я могу заниматься этим одновременно, да еще и деньги получить. Разве не чудесно? Мистер Илович сказал, что ты одобряешь его планы.

— Правильно, — ответил он, и танцовщица упорхнула.

Тем временем «Неустрашимый» уже нес Клариссу к далекой Лиране.

Ленсмен Киннисон тоже куда-то пропал, зато появился Картиф, сказочно богатый, таинственный и недоступный. Картиф не рекламировал себя, но как-то сама собой распространилась молва, что он имеет дело только со сливками общества. Ювелир был привередлив, сам выбирал себе клиентов и скоро вошел в моду. Покупать у Картифа стало хорошим тоном, знаком избранности. Он предлагал только баснословно дорогие вещи, которые отличала благородная простота, и никогда не опускался до торговли безделушками, мишурой.

Однако когда слава нового кумира была в зените, невесть откуда поползли темные слухи. Поговаривали, что репутация этого Креза не так уж безупречна. Выяснилось, что Картиф действительно имел дело только с обладателями крупных состояний, однако по большей части это были нувориши, выскочки, быстро сколотившие богатство сомнительными путями и мечтающие войти в избранный круг. Снобизм Картифа привлекал их даже больше, чем его безупречные драгоценности. Впрочем, как это часто бывает, сплетни только подогрели интерес к таинственной персоне. О нем шушукались в гостиных, писали в светских колонках, его имя было у всех на устах.

Между тем на Главную Базу прибыл Нэдрек, ленсмен второй волны, с Полэна-7, и Киннисон тайно встретился с ним. Главной чертой Нэдрека была мягкость, даже робость, он все время словно извинялся за то, что посмел побеспокоить, оторвал от дел, хотя, как узнал Киннисон, полэнианин получил прекрасное образование и обладал множеством талантов. Эта почти маниакальная скромность не была показной, нарочитой. Смирение и склонность принижать себя отличали всю его расу, разумную и высокоразвитую, но не обладающую дерзостью и энергией людей. Нэдрек вообще не имел ничего общего с гуманоидами. Поскольку в атмосфере его родной планеты отсутствовал кислород, в теле этого создания не было даже капли жидкой крови. При земной температуре оно не могло существовать рядом с жидкостью или газообразным кислородом.

Киннисон, конечно, знал, что седьмая планета любого солнца должна быть холодной, но как-то не задумывался, какие существа могут выжить на ней, пока не почувствовал сильного излучения, исходящего от ска-

фандра гостя, не ощутил вибрацию системы, поддерживающей внутри скафандра почти космический холод.

— Если ты не будешь возражать, я сразу отправлюсь в обратный путь, — попросил Нэдрек, как только передал Киннисону доставленные им записи. — Мои теплорассеиватели, хоть они и очень мощные, не смогут долго справляться с этой невыносимой жарой.

— Конечно, Нэдрек, я не буду тебя задерживать. Рад, что смог лично познакомиться с тобой. Думаю, мы еще встретимся, и не однажды. На всех данных, конечно, стоит тайная печать ленсменов?

— Разумеется. Сомневаюсь только, чтобы кто-нибудь в Патруле заинтересовал этот Лонабар: атмосфера там такая же горячая и ядовитая, как на Земле. — И полэнианин с облегчением покинул не понравившуюся ему планету.

А Киннисон вновь перевоплотился в Картифа. И опять поползли слухи — на сей раз о том, что Картиф — жулик, очковтиратель, грабитель. Камни его на поверку оказались синтетической дешевкой, кустарными поделками. Молва росла. «Вы представляете, — восклицал с тайным удовольствием тот, кто еще вчера домогался чести быть облапошенным самим Картифом, — он контрабандист! В его магазине ни одной настоящей драгоценности!» «Да, да, — отвечали ему. — Говорят, этот пресловутый Картиф — звильник и пират. У него руки по локоть в крови! Вам уже рассказывали, что он всучил... — здесь упоминалась фамилия известного банкира, — фальшивый рубин размером с куриное яйцо? Мне намекали, что Картиф уже занесен в черный список Галактического Патруля.» И это была не пустая болтовня: находились люди, которые собственными глазами видели, как топал ногами и брызгал слюной обманутый банкир, норовя запустить в плута этим самым рубином. Объявились свидетели и других злодеяний ювелира.

Почтенная публика негодовала, газеты вопили, и Картиф был арестован. Однако он сумел сбежать еще до суда, и снова ненавистное лицо ухмылялось со всех газетных полос. И дикторы взхлеб рассказывали о дерзком побеге: оставшиеся на воле сообщники ухитрились переправить в тюрьму адскую машинку, ужасный взрыв унес десятки жизней. Правда, тела жертв никто не видел. Но и самые недоверчивые сдались, когда сутки кряду программы новостей леденили души обывателей картинами страшных разрушений; все догадывались, что

под этими руинами погребены изуродованные трупы и кляли сбежавшего убийцу. И все знали: теперь-то Патруль не успокоится, пока не изловит злодея.

Поэтому никого не удивило, что поиски Картифа захватывали планету за планетой, один космический сектор за другим. Через какое-то время едва ли не каждый обитатель Галактики уже знал, что Патруль идет по следам некоего Картифа, мошенника и душегуба.

И Патруль действительно шел по пятам за преступником. В какую бы глушь ни забрался Картиф, в какую бы щель ни забился, ищейки ухитрялись следовать за ним. Сначала он удовольствовался тем, что изменил внешность и обзавелся новым именем, и продолжал заниматься привычным ремеслом. Очевидно, это было единственное дело, которое он знал. Но ему не давали развернуться. Как только Картиф открывал очередной магазин, его сразу обнаруживали и вынуждали спастись бегством.

Он уходил глубже и глубже в подполье, пока не очутился на самом дне общества, стал скупщиком и укрывателем краденых драгоценностей — Картифа фатально влекло к сверкающим камням. Но и теперь, когда беглец скрывался среди отъявленных подонков, ретивые слуги закона наступали ему на пятки.

Волей-неволей он стал скитальцем и кочевал из мира в мир на черном спидстере, вооруженном почти как супердредноут и одетом в броню. В команду Картиф набрал самых отчаянных головорезов во всей Вселенной. Он торговал загадочными драгоценностями тысяч миров, сокровищами, за которыми тянулись кровавые следы, и чванился этим. Вот так — скупая награбленное и сбывая его, посмеиваясь над растяпами из Патруля, чьи ловушки захлопывались пустыми, и совершенно хаотически — он неуклонно приближался к той совершенно неисследованной спиральной ветви галактики, в которой затерялась планета Лонабар. По мере того как Картиф удалялся от Солнечной системы, менялся товар, с которым он имел дело. Раньше ювелир всему предпочитал жемчуг, восхитительные, знаменитые перлы Земли, не брезговал и бриллиантами, изумрудами, рубинами, сапфирами. Теперь он торговал огненными камнями с Борова, звездными камнями Манаркана и сотнями других редких кристаллов, каких не водилось на Лонабаре.

Вышло так, что Картиф сумел оторваться от преследователей, Патруль безнадежно отстал. Тем не менее

ювелир не обольщался. Нанятые им бандиты никого не допускали на корабль и неизменно сопровождали хозяина, куда бы он ни отправился: окружали его на прогулках, стояли за спиной, когда он ел, сидели по сторонам кровати, когда он спал.

И вот однажды, когда Картиф ужинал в каком-то ресторане, к нему подошел высокий человек в безупречном вечернем костюме. В лице незнакомца было что-то рыбье. Руки он держал по швам, а пальцы сложил особым образом. На языке жестов, принятом в преступном мире, это означало: стрелять не собираюсь.

— Капитан Картиф, я полагаю? Не позволите ли присесть к вашему столику? — спросил незнакомец, очень учтиво.

Буравя незванного гостя неприветливым взглядом, Киннисон пустил в ход то загадочное чувство, которому не было точного названия в его языке, и удостоверился, что у собеседника нет припрятанного оружия.

— Буду польщен, сэр, считать вас моим гостем, — холодно обронил он.

Незнакомец сел, развернул салфетку и аккуратно прикрыл ею колени, следя за тем, чтобы руки ни на одно мгновение не оказались скрытыми крышкой стола. Он обладал прекрасными манерами. За изысканным ужином незнакомец и Киннисон мило беседовали, касаясь множества тем, ни одна из которых не была хоть сколько-нибудь важной. Когда же Киннисон заплатил по счету, не принимая во внимание вежливых протестов гостя, тот негромко произнес:

— Я просто посыльный, вы понимаете, и ничего больше. — Гость осмотрелся. — Мой босс проверил вас и решил, что вы можете ему пригодиться. Он ждет вас сегодня вечером. С вашей охраной, конечно, а я буду провожать.

— О, это очень мило с его стороны, — невозмутимо ответил Киннисон, но мысли бешено завертелись в его голове. Что за птица этот босс? Скользкий тип, с которым он ужинал, имел мощный ментальный экран, и ленсмен ничего не выудил из его мозга. Неужели клюнула крупная рыба? Нет, маловероятно, слишком быстро... — Передайте ему, пожалуйста, мою благодарность, но и мои сожаления.

— Что? — Незнакомец не верил своим ушам. Тонкий налет показной вежливости исчез, глаза сузились и отдавали холодом. — Вы, наверное, не понимаете, что

может произойти? Думаете, что способны бороться с нами?

— Не бороться с вами, нет, — ленсмен подавил зевок. Теперь у него появилась ниточка к разгадке. — Просто не обращать на вас внимания, а если вы начнете ерепениться, прихлопнуть, как жука, вот и все. Пожалуйста, передайте своему хозяину, что я не собираюсь ни с кем делиться. Скажите ему также, что Картиф ищет лучшее место под солнцем. И если не найдет то, что нужно, здесь, отправится дальше. А уж коли найдет, займет его. И мне не помешает ни бог, ни дьявол, ни человек.

Незнакомец вскочил, глаза его пылали холодной яростью, но обе руки по-прежнему оставались на крышке стола.

— Значит, вы хотите войны, капитан Картиф! — прошипел он.

— Не «капитан», — поправил Киннисон, погрозив ему пальцем. — Просто Картиф, мой друг, если вы не возражаете. Простота, сэр, и благородство — вот мой девиз.

— Веселитесь пока, — процедил сквозь зубы незнакомец. — Мой хозяин уничтожит вас прежде, чем вы продадите следующий камень.

— Патруль уже давно мечтает об этом, а я все еще жив, — вежливо заметил Киннисон. — И, чтобы избежать ненужного кровопролития, вы уж втолкните ему, пожалуйста, что бессмысленно посылать мне вдогонку корабль, даже флот. И пусть вооружится чем-нибудь посущественнее, чем суперизлучатели Патруля.

Окруженный охранниками, Киннисон вышел из ресторана. По дороге он размышлял. Похоже, все идет прекрасно. Вряд ли малого с рыбьим лицом подослал Блик, но похвальба Картифа скоро достигнет ушей хозяев Лонабара. Теперь можно было бы двигаться дальше, но он покружится на планете еще несколько дней: вдруг здешние звильники попробуют снова подкатиться к нему — если не почувствуют, что он блефует...

Глава 9

СКУПЩИК КРАДЕНОГО

Еще не успев дойти до спидстера, Киннисон вдруг

передумал и повернул обратно. Посыльный оставался в ресторане и встретил его гадкой ухмылкой:

— Похоже, вы поумнели и решили дать задний ход, пока не поздно, — прогнусавил он, прежде чем ленсмен успел вымолвить хоть слово. — Не уверен, однако, что предложение осталось в силе.

— Послушай, приятель, попридержи-ка язык, а то как бы кто-нибудь не вырвал его и не запихал в твою поганую глотку. — Голос Киннисона был холодно-презрителен и спокоен. — Я решил, что не стоит откладывать драку на потом, и вернулся, чтобы назначить вам свидание. Знаешь Чекустера?

— Конечно. — Звильник был в замешательстве.

— Тогда пошли. Перебросимся с ним парой слов. Сбережем время на поиски.

В переговорной кабине озадаченный посыльный лично вызвал Чекустера.

— С вами говорит Картиф, — начал беседу ленсмен. Лицо на экране из удивленного стало заинтересованным. Одно упоминание имени Картифа само по себе говорило многое. — Я собираюсь навеститься на ваш старый склад послезавтра вечером, примерно в это время. Известите своих людей. Пусть подготовят товар. Я покупаю даже то, что жжет руки. Плачу кредитками Лиги либо слитками платины — по желанию клиента. — Киннисон повернулся к посыльному: — Все понял, приятель? — Тот оторопело кивнул. — Тогда передай хозяину. — И ленсмен вышел из кабинета, дав тем самым понять, что объяснение окончено.

За Картифом никогда не замечали привычки таскать с собой оружие — по крайней мере, такое, которое бросалось в глаза, — и его охранники, скупые на слова и скорые на расправу, придерживались того же правила. Поэтому Хозяин, надо полагать, не сомневался, что сбить спесь с этого выскочки-ювелира проще простого. Однако его подстерегало разочарование: Картиф явился на встречу не пешком и отнюдь не с пустыми руками.

В назначенный час в ворота склада вполз бронированный автомобиль, точнее, даже не автомобиль, а двенадцатитонный танк, если исключить тот факт, что передвигался он на колесах, а не на гусеницах. Экраны этой передвижной крепости могли бы защищать легкий крейсер, а смонтированная на его крыше батарея излучателей обещала мало приятного, даже на взгляд неискушенного наблюдателя. Броневи́к остановился, лязг-

нула дверца, и на пол спрыгнул долгожданный гость. Только вместо обычного элегантного костюма он был одет в скафандр, вроде тех, что использовал Галактический Патруль, а в руках держал портативный излучатель.

— Извините, что я не при параде, ребята, — осклабился он, — но тут кое-кто пообещал списать меня, прежде чем я проверну хоть одну сделку на этой планете. Обойдемся без смокингов, а? Хотя не исключено, что это был примитивный блеф. Ну, а если кто желает пострелять, прошу! Хорошо прожаренного мяса будет вдоволь...

Желающих пострелять не нашлось. Никто не торопился погреться в лучах лазерной пушки. Собравшиеся застыли в напряженных позах, ожидая продолжения. И сверхчувственное восприятие не отмечало признаков близкой опасности. Полагаться на телепатию не приходилось: на подобные операции шли, как правило, с ментальными экранами.

Торг начался, но шел поначалу вяло, товар выкладывать не торопились — поглядывали исподлобья на грозную машину, на оружие в руках ленсмена и его тяжеловесное облачение. Не хочет ли этот парень попросту отобрать камешки? В здешних диких краях и не такое случалось. Многие предпочитали смыться, едва показалась бронированная машина, и не вернулись. Среди них наверняка были и головорезы Хозяина. Однако нашлись и такие, у кого алчность пересилила страх. Когда выяснилось, что военных действий не предвидится, а доспехи пришельца — всего лишь средство защиты, торговля пошла на лад. В глазах загорелся жадный блеск, дрожащие пальцы извлекали на свет божий засаленные мешочки и вытряхивали на грязные ладони окаменевшие сгустки света, на которые можно было купить немного сытости, любви или забвения.

Киннисон ни на секунду не вышел из образа. Он вел себя как заправский скупщик краденого: торговался, сбивал цену, охайвал товар, потрясал перед носом клиента толстой пачкой кредиток, а потом, подметив нерешительность, желание поддаться соблазну, совал в руку жидкую стопку купюр и завладевал камнями. И долго еще проведенный им громила скреб затылок, прикидывая, сильно ли продешевил, и утешая себя тем, что товар горячий — хорошо хоть такую цену дали. Бессовестный торгош отмусоливал тысячу кредиток за то, что стоило пять тысяч, и при этом всем своим видом показывал,

что делает большое одолжение одураченному, из расположения к нему.

Быстро провернув сделку и оставив большинство продавцов с носом, Картиф испарился. Тут же явилась полиция, и не стоило больших трудов вычислить, кто навел ее на след. Босс звильников бушевал и клялся поквитаться с мошенником; он даже отправил за ним погоню, но его люди, помотавшись по пространству, вернулись ни с чем, сконфуженные, как свора псов, упустивших зверя. Хозяину осталось утешать себя похвалой, что он изгнал наглеца из своих владений. Чем тешились слуги закона, никто не узнал: Патруль, как обычно, хранил молчание. А публика быстро забыла о Картифе, смакуя подробность очередного скандала.

Киннисон тем временем подобрался к краю Галактики, оставшись никем не замеченным. В этом не было особой заслуги: его путь лежал через глухомань, которую еще не обрыскали и не наспиговали детекторами; спиральное ответвление Галактики за Провалом-85 было космической целиной. Оно представляло столь малый интерес для Лиги Миров, что оставалось безымянным, и это сыграло на руку ленсмену. Избегая проторенных троп и торговых путей, где было легко «засветиться», черный спидстер покинул Галактику и, описав невероятную петлю, и со стороны вошел в ответвление, отмеченное на карте Нэдрека.

Пилот, который вел корабль, не мог заменить ленсмену верного Хендерсона, но был настоящим асом. Только мелочные придирки экзаменаторов помешали Ватсону занять первое место в списке лучших. В оправдание этим педантам скажем, что трудно было определить разницу в классе первой полусотни пилотов Патруля, и еще трудней — отдать пальму первенства одному из трех.

Экипаж спидстера подобрали под стать шеф-пилоту. Досужим репортерам, писавшим, что Картиф окружил себя убийцами и мерзкими отщепенцами, было бы любопытно заглянуть в тайные досье его людей. Команду Киннисона составляли отчаянные космические вояки, отобранные им из числа добровольцев.

Карта Нэдрека была отрывочной и неполной; сотни, а может, и тысячи звезд на ней не значились, но полэнтианин сумел достаточно точно расставить ориентиры, так что пилоты уверенно прокладывали путь в пространстве. К счастью, в этой пустынной и заброшенной области космоса можно было не бояться чужих локаторов, и корабль следовал кратчайшим курсом.

Как только стало ясно, что до Лонабара рукой подать и теперь его невозможно потерять из виду, Киннисон передал бразды управлению шеф-пилоту и уединился в своей каюте. Хотя его информация о Лонабаре сводилась к тому, что знала о планете Илона, и этого оказалось довольно: девушка была не в ладах с астрономией, но она не могла оказаться полной невеждой в том, что касалось места, где прошла большая часть ее жизни.

Киннисон дерзко посадил свой корабль в космопорте Лонии, самого большого города планеты и ее столицы, и зарегистрировался под именем Картиф, заполнив соответственно легенде несколько строк регистрационной анкеты и оставив без внимания другие. Бронированный автомобиль выполз из трюма и покатил к крупнейшему банку Лонии. Здесь Картиф отдал на хранение в надежные кладовые слитки платины и арендовал сейф под ящики из твердой нержавеющей стали, с которых не спускали глаз его вооруженные охранники.

Потом машина вернулась в космопорт, и корабль Картифа стартовал. Поджидая броневик, люди со спидстера от скуки почесали языки с болтавшимися поблизости зеваками и ненароком сболтнули, что хозяин, когти Клоно ему в селезенку, усылает их в какую-то богом забытую дыру. На самом деле корабль перешел на инерционный полет и болтался на низкой орбите, готовый в любую секунду откликнуться на зов ленсмена.

Картиф не скупился, и вскоре в центре Лонии выросло фешенебельное здание. Новый салон ювелира был еще просторнее и роскошнее того, что он оставил на Земле. Верный своему девизу, Картиф не делал уступок вульгарному вкусу — он отринул позолоту и зеркала. Торговый зал напоминал внутренности обитой бархатом шкатулки, а изысканный товар говорил сам за себя. Трое вышколенных служащих, из местных, в безукоризненных костюмах, угодливо выгибая спину, раскладывали на черном бархате прилавка сокровища, которые могли бы лишить покоя и сна индийского магараджу или арабского шейха. Хозяин этого великолепия скрывался в недрах сумеречного чертога и не занимался покупателями. Он раскинул сеть и ждал.

И вот наступил день, когда один из его служащих доложил:

— Какой-то джентльмен настаивает на встрече с вами.

— Проводите его ко мне.

Посетитель — по виду вышибала из заведения низкого разбора — не потрудился даже снять шляпу. Он заложил руки в карманы и покачивался с ноги на ногу. Потухшая сигарета прилипла к его нижней губе. Незнакомец сплюнул окурочок на пушистый кремовый ковер и аккуратно растер его ногой.

— Что за прекрасное место у вас здесь, мистер Картиф, — начал он, осердив желтые зубы в наглой ухмылке. — Жалко будет, если столько трудов пойдет прахом.

— Закрой пасть! — рявкнул Киннисон. Он по-прежнему сидел, небрежно откинувшись на спинку кресла, но в глазах его появился стальной блеск. — Я давно уже вырос из пеленок и не нуждаюсь в защите и покровительстве. Тебя ведь послал Менто Блик, не так ли?

Посетитель разинул рот да так и застыл, словно одно упоминание страшного имени было кошунством.

— Нет, но Хозяин...

— Надоела эта болтовня! — Холодная злоба, прозвучавшая в этом возгласе, заставила посетителя покачнуться. — Сыт по горло! Любое ничтожество, стоит ему наворовать достаточно, чтобы нанять пару молодчиков с бластерами, тут же начинает величать себя Хозяином. Если эта вошь, твой хозяин, имеет имя, используй его, если не имеет, то так и называй его — Вошь. Хватит с меня этих «хозяев». Разве ваша шайка не знает, кто такой Картиф?

— Зачем нам знать? — напыжился посетитель, собрав остатки храбрости. — Одна хорошая бомба...

— Заткнись, косоглазая ящерица! — Эти слова ленсмен произнес свистящим шепотом, но у незнакомца от чего-то задрожали поджилки. — Вся мишура там — приманка для дураков, дешевка, тысяч на сто, не больше. Валяйте — подкладывайте бомбу, если вам нейдет. Я не обеднею, но очень, очень рассержусь и не стану подставлять правую щеку. Я играю по-крупному, не мелочусь, как твоя шайка, и когда на моем пути встает какая-нибудь гадина, я просто перешагиваю через нее. Так что передай своему Хозяину, что наезжать на меня небезопасно. А теперь проваливай, да побыстрее, а то я скормлю тебя другим крысам, которые здесь шныряют!

Киннисон внутренне усмехался, наблюдая, как обалдевший гангстер пятится к двери. Все идет как по маслу. Представление началось. Даже если этого ублюдка по-

слал мелкий хозяйчик, который сам не осмелится на расправу, за ним стоит Блик. А уж он-то осмелится — ему просто не останется ничего другого, не сможет главный воротила просто проглотить оскорбление. Вопрос только в том, как он возьмется за дело: начнет с запугивания или ударит без разговоров? Первое вероятнее, решил ленсмен. У этих типов большое тщеславие, им необходимо сознавать, что все склоняются перед их властью, готовы встать на колени, ползать на брюхе... Конечно, Блик вряд ли пожалует собственной персоной в салон Картифа: звильник раздулся от важности, да и трусоват он, наверное, как все эти деляги, предпочитающие загребать жар чужими руками. Нет, Блик не выползет из-под охраны надежных стен, из-за спины своих головорезов. Скорее всего, он пошлет кого-нибудь из ближайшего окружения, рангом повыше, чем этот молодчик с шляпной болванкой вместо головы.

Прогнозы ленсмена оправдались, и довольно скоро. На этот раз роль посредника не доверили человеку из массовки. В салон вплыла глыба холеного мяса, каким-то чудом втиснутая в костюм от лучшего портного. Вокруг гостя витала аура превосходства, безграничной власти и силы. Серые свинячьи глазки окинули зал пренебрежительным взглядом, и все трое продавцов буквально съежились и, повинуясь небрежному приказу, просто вытолкали покупателей из магазина, закрыли двери на засов. Затем один из них с униженным раболепием, которое никогда не выказывал перед владельцем магазина, даже не спрашивая желания Картифа, проводил гостя в личные апартаменты хозяина. Киннисон с первого взгляда понял, что перед ним Гундрих Харс, правая рука Блика. Тот самый Харс, который подчинялся только «его превосходительству» и перед кем дрожал весь Лонабар и его окрестности. Посетитель лениво взмахнул пухлой ручкой, и продавец мгновенно исчез.

— Встань, червь, и дай мне... — высокомерно начал Харс.

— Что ты там вякнул, окорок ходячий? — процедил Киннисон с таким пренебрежением, что незваный гость как-то опал, уменьшился в размерах, словно воздушный шар, из которого выпустили воздух. Он не привык шевелить мозгами: одного его появления было достаточно, чтобы у людей начинали дрожать руки и заплетался язык. А этот ювелиришка, бегающий, как заяц, от Патруля по всей галактике, развалился в кресле и смеет

издеваться над ним — над ним, который может превратить в пыль его поганую лавчонку со всеми цветными стекляшками! А ленсмен, довольный произведенным эффектом, надменно продолжал: — Для твоей туши будет только полезно, если ты постоишь немного, тем более, что долго я тебя не задержу. Ты пришел сюда говорить, ставить мне условия, а вместо этого будешь слушать, что скажу я. И чтобы не пикнул, а не то я вытоплю из тебя унцию-другую жира!

Первое. Единственная причина, по которой ты еще не превратился в ветчину, заключается в том, что твой хозяин, Менто Блик, плохо меня знает. Иначе никто из вас не посмел бы вваливаться сюда. Если какой-нибудь болван повторит твою ошибку — умрет на месте.

Второе. Зная, как работает то, что эта раздувшаяся пиявка, Менто Блик, называет своим мозгом, я понимаю, что он сейчас следит за нами с помощью наблюдательного излучения. Я мог бы испортить ему все кино, но не стану делать этого. Вдруг ты со страху чего-нибудь не перепутаешь впоследствии. И у тебя не хватит смелости передать хозяину мои слова.

Третье. Я уже давно ищю планету, которая бы пришлась мне по вкусу. И нашел ее. Теперь я намереваюсь оставаться здесь, сколько моей душе будет угодно. Тут достаточно места для нас обоих, можно не толкаться локтями.

Четвертое. Будучи человеком миролюбивым, я пришел сюда с миром и предпочитаю полюбовное соглашение. Однако заруби себе на носу, что я никогда не стану пресмыкаться ни перед кем.

Пятое. Передай Блику от меня, чтобы он на досуге поразмыслил об айсберге, если у него осталась хоть одна извилина. Это все.

— Б-б-б... — начал заикаться толстяк. — Об айсберге?!

— Да, об айсберге, именно так, — подтвердил Киннисон. — И не пытайся утруждать свои мозги — они будут хороши только под хреном, с гарниром из молодого картофеля и зеленого горошка. А его ничтожество Блик, хоть он и пигмей во всех отношениях, думать умеет, по крайней мере, на некоторые темы, и я советую ему, со всей серьезностью, пошевелить мозгами. А теперь шшел вон, пока я не поджарил тебе задницу!

Харс вышел на ватных ногах, пытаясь сохранять важный вид, но выглядел он довольно жалко: его физио-

номия покраснела и взмокла от пота, мутные глазки бессмысленно озирались. Казалось, этого борова вот-вот хватит удар. Продавцы проводили гостя изумленными взглядами, но даже не подумали открыть перед ним дверь. Подождав, пока толстяк откроет засов и вывалится из магазина, они поспешили к хозяину, полные рабочего восхищения.

— Что за переполох? — холодно поинтересовался тот. — Работайте! — Однако вытянутые лица служащих разжалобили его, и ленсмен добавил снисходительно: — Они не взорвут магазин до наступления темноты.

Продавцы вернулись в зал, но до конца дня опасно озирались и вздрагивали. Перед закрытием Киннисон собрал их и, достав из кармана деньги, раздал заработанное.

— Если завтра утром вы не найдете здесь магазина, считайте, что все равно работаете и вам идет жалованье, и ждите, пока я не позову вас.

Оставшись в одиночестве, ленсмен первым делом установил блок наблюдательного излучения, который приобрел на Лонабаре затем только, чтобы его наверняка обнаружили приборы Блика. Потом он немного походил по пустому залу, раздумывая о том, каковы могут быть последствия взрыва. Еще на этапе строительства он применил несколько технических ухищрений, чтобы взрыв не причинил особого ущерба соседним зданиям. «Что до самого магазина, — размышлял ленсмен, — пусть хоть кирпича на кирпиче не останется. Мне нужен веский повод для того, что задумано.»

Картиф вел размеренную жизнь, и в его доме были установлены подслушивающие устройства (ленсмен и не пытался от них избавиться, чтобы облегчить противнику слежку). В тот день Блик наблюдал за каждым его шагом, пока ленсмен не улегся в постель и заснул. На самом деле спать в эту ночь Киннисон не собирался. Как только его приборы показали, что наблюдение прекращено, он выбрался из постели, быстро оделся и выскочил на улицу. Удачно подвернувшееся такси домчало его к небольшому аэропорту в окрестностях Лонии, где уже ждал готовый к взлету реактивный самолет.

Могучая машина почти вертикально взмыла в небо, но вскоре в разреженных слоях атмосферы скорость ее начала уменьшаться. Однако тут самолет уверенно, но осторожно поймали силовые захваты черного спидстера и втянули в трюм.

Через несколько минут корабль неподвижно застыл над самой большой и богатой шахтой, где добывали самоцветы. Шахта принадлежала, разумеется, Менто Блику. Опасаясь перепроизводства и снижения цен, ее эксплуатировали в одну смену, только днем. А сейчас стояла уже глубокая ночь, и здесь не осталось ни души, кроме охранников, расположившихся в конторке наверху. Большой черный корабль висел над шахтой и ждал.

— А если они не решатся, Ким, — что будем делать тогда? — спросил Ватсон.

— Торчать здесь каждую ночь, пока не дождемся, — мрачно ответил Киннисон. — Но они рванут сегодня же ночью, я уверен. Просто обязаны, чтобы сохранить лицо Блика.

И они-таки рванули! Через несколько часов наблюдатель сообщил из города, что салон Картифа только что взлетел на воздух. Киннисон и Ватсон обменялись довольными взглядами: руки развязаны, пора действовать.

Бандиты Блика не тронули никого из людей Картифа, поэтому, пока десять мощных управляемых снарядов тщательно проводили по шахтным уровням, неизвестный доброжелатель посоветовал охране быстренько сесть во флайеры и отлететь миль этак на пятьдесят, для ее же собственного блага. Дважды повторять предупреждение не пришлось.

Когда стало ясно, что людям уже ничто не угрожает, Киннисон нажал пусковую кнопку, и все десять боеголовок одновременно взорвались, да так, что, казалось, содрогнулась планета. Часть породы, оказавшись рядом с эпицентрами, просто исчезла, превратившись в газ. Затем камень внутри окружности, по которой произошли взрывы, разнесла в мельчайшую пыль ударная волна. Подчиняясь огромному внутреннему давлению, огромная масса породы взмыла вверх, какое-то время удерживалась там раскаленными газами и наконец рухнула обратно, взметнув такое облако пыли, которого на этой планете не поднимал самый свирепый ураган.

Постепенно пыль рассеялась, и на том месте, где еще недавно располагалась шахта, обнаружился огромный, геометрически правильной формы кратер, засыпанный слоем мельчайшей пыли толщиной в десятки ярдов. От каменных построек, копров, подъездных путей осталась только ровная серая пыль.

Киннисон мрачно глядел на плоды своих усилий: ему претило разрушать созданное тяжким трудом, но иного выхода не было.

Тем же путем, как он попал на борт корабля, ленсмен покинул его и, никем не замеченный, добрался до своей постели, чтобы заснуть сном праведника.

А наутро рабочие уже начали заново возводить разрушенные ночным взрывом стены салона Картифа.

Глава 10

БЛИК И АЙСБЕРГ

Картиф располагал изрядным капиталом, и потому прошло совсем немного времени, и его салон открылся в новом блеске. Торговля даже оживилась, и не только оттого, что взрыв возбудил всеобщее любопытство, — история посрамления Гундриха Харса подняла надменного ювелира в глазах публики, снобизм Картифа был странно притягателен для тех, кто почитал себя белой костью. Ленсмен, однако, мало внимания уделял торговым делам. Неподвижный и бесстрастный, как языческий идол, он восседал за письменным столом воплощением самодовольной уверенности, и никому не приходило в голову, что и его посещают сомнения.

Если Киннисон рассчитал все правильно, а он был почти уверен в этом, то надо было ожидать следующего шага Блика, по всей вероятности, шага к примирению. Однако знать этого наверняка ленсмен не мог и потому нервничал. Все сколько-нибудь значимые персоны в Лонии постоянно пользовались защитой ментальных экранов. Напрашивался вывод, что они опасаются какого-то ленсмена, скорее всего, того самого, что уже изрядно насолил Боскому. Правда, этого таинственного врага считали хорошо законспирированным руководителем шпионской сети, а не действующим агентом, но это было слабое утешение. Одна ошибка, незначительный промах — и с ним расправятся.

Но пока его не подозревали в этом, Киннисон был уверен. Для его врагов подозревать означало действовать. Между тем с корабля, курсирующего по орбите и оборудованного полным арсеналом шпионской аппаратуры, постоянно сообщали, что никакой активности ни на самой планете, ни вблизи нее не наблюдалось.

Стычка Картифа с Бликом выглядела как нельзя более естественной; междоусобицы, грызня за власть и

влияние были органическим пороком боскомской цивилизации. На каждой ступеньке пирамиды шла глухая борьба не на жизнь, а на смерть, и средств тут не разбирали. Нижестоящие упорно карабкались вверх, пытаясь уничтожить вышестоящих, и если последние оказывались недостаточно сильными, их сжигали с потрохами.

Столпы общества равнодушно взирали на возню мелких хищников, их ничто не интересовало, кроме собственной шкуры. Они, размышлял Киннисон, возможно, наблюдали за схваткой Картифа и Блика, но, поскольку эта война не угрожала их безопасности, не торопились примкнуть к одной из сторон. Вероятно, Картиф представлялся им удачливым авантюристом, стремительно взбегающим по лестнице удачи. На эту версию работала легенда Киннисона, тщательно сфабрикованная и способная выдержать любую проверку, какой бы жесткой она ни была.

Итак, Киннисон ждал, стараясь сохранять спокойствие, следующего демарша Блика. Это томительное ожидание скрашивали мысленные беседы с Крис, которая обосновалась на Лиране-2. Они связывались по крайней мере один раз в день и даже чаще. Кларисса изливала Киннисону свое возмущение Старшей словами, которые не пристали нежному созданию. Эта рыжеволосая бестия, Елена, оказалась трудным противником.

Киннисон криво усмехался всякий раз, когда размышлял о Лиране-2. Что за странное племя, стая упрямых, глупых и самоуверенных кошек! Замкнулись в своем противоестественном мирке и отрицают все, лежащее за его пределами. Бедняжка Крис! Если бы он был рядом... Ерунда, розовые мечты... Если уж Крис, с ее настырностью, вкрадчивым обаянием, с горячим храбрым сердцем, ясным разумом, усиленным Линзой, не сможет пробить их броню, это не удастся никому, тем более — мужчине. Он каждую минуту будет испытывать соблазн свернуть красоткам их лебединые шеи. Надо набраться терпения и положиться на Крис. Рано или поздно она прошибет панцырь, или он ничего не понимает в женщинах!

Киннисон стиснул зубы и ждал... ждал... ждал... Потом, устав от ожидания, он преподнес несколько уроков снобизма и хороших манер многообещающему молодому головорезу с Лонабара, которого выбрал в преемники. Но этого развлечения хватило ненадолго, и снова навалилась скука. Порой его так и подмывало са-

мому выйти на Блика и вынудить того действовать.

Между ювелиром и хозяином Лонабара уже не было явного противостояния, но от скрытой враждебности искрило в воздухе. В конце концов Блик вызвал ленсмена по визиофону.

— Что вы собираетесь предпринять? — прямо спросил Блик, и его смуглое, с правильными чертами лицо еще больше потемнело от сдерживаемого гнева.

— А, это вы! — удовлетворенно воскликнул Киннисон. — Надеюсь, вы последовали моему совету и тщательно обдумали, что скрывается за понятием «айсберг»?

— Глупости! — фыркнул звильник.

— Это не так глупо, как вам кажется. Я лишь намекнул, Блик, что мои возможности намного превосходят ваши. Но вы не смогли или не захотели понять этого и вынудили меня действовать жестко. Похоже, до вас дошло наконец. Я абсолютно уверен, что вы не смогли обнаружить подводную часть айсберга. И предполагаю, что желание брать меня на испуг отпало, по крайней мере, вы не решитесь на такое, пока не узнаете всего. Но я не могу дать вам еще время. Вы должны решить прямо сейчас, Блик, чему быть между нами — войне или миру. Я предпочитаю мирное соглашение, с равным разделением доходов, но если хотите войны, вы ее получите.

— Я тоже выбираю мир, — ответил владыка Лонабара, и ленсмен увидел, как тяжело дались ему эти слова. — Я, великий Менто Блик, даю вам место рядом с собой. Приходите ко мне, не откладывая, чтобы мы могли обсудить условия этого мира.

— Мы обсудим их прямо сейчас, — настаивал Киннисон.

— Невозможно! Я не доверяю защите этой линии связи. Если вы присоединитесь ко мне сейчас, значит, хотите мира. Если не придете, это будет объявлением войны, причем войны на уничтожение.

— Ну что же, достаточно честно, — согласился ленсмен. — Кроме всего прочего, вы должны хотя бы отчасти сохранить свое реноме, чего не нужно мне — пока. И если я присоединюсь к вам, то не для того, чтобы остаться в вашем дворце навсегда. Но прежде чем я приду, выслушайте три пожелания или совета — называйте как хотите. Беру на себя смелость напомнить, что первый обмен любезностями обошелся вам в тысячи раз дороже, чем мне. Я советую еще раз

тщательно обдумать все, что связано с понятием «айсберг». И, наконец, я предупреждаю, что если между нами вновь вспыхнет вражда, вы потеряете не один из богатых рудников, а все, что имеете, включая жизнь. Так что не нужно устраивать ловушек. Я иду.

Ленсмен вышел из кабинета в торговый зал.

— Принимай дела, Спар, — бросил он своему протеже. — Я собираюсь провести Менто Блика. Если не вернусь через два часа или до тебя дойдут слухи, что Блик тоже исчез, этот магазин — твой, во всяком случае, до тех пор, пока я не вернусь и не потребую его обратно.

— Я позабочусь обо всем, шеф, спасибо, — сказал, угодливо кланяясь, ушлый юнец, а в мыслях пожелал, чтобы дорогому хозяину всадили под ребра длинный острый нож.

Внешне ленсмен сохранял ледяное спокойствие, но, фигурально выражаясь, палец его лежал на спусковом крючке. Все его чувства обострились до такой степени, что шепот бил в перепонки, самые тонкие ароматы заставляли морщиться, а чужая злоба жгла мозг. Впрочем, входя в надежно охраняемый особняк Блика, он был уверен, что пока его не тронут; только после разговора Блик примет решение. Тем не менее ленсмен был готов мгновенно уничтожить любого, кто находился в зоне действия сверхчувственного восприятия, при первом враждебном поползновении. И, еще до того как войти в дом, удостоверился, что направленные на него лучи испускает система слежения, а стало быть, они безвредны.

Его тщательно «просветили» еще в холле и не нашли — он готов был поручиться за это — ничего подозрительного. Блик, наверное, удивился бы, предложи ему кто-нибудь поинтересоваться перстнем на пальце Картифа, булавкой в галстук, запонками. Если тут и можно было заподозрить злой умысел, то только против вкуса: уж слишком броские и крупные камни украшали гостя. Но все знали о тайной слабости ювелира — его страсти к драгоценностям. Знаменитый Картиф мог позволить себе экстравагантность и отдавал предпочтение заметным и очень дорогим камням. Но если бы лучи проникли за придуманный Ворселом энергетический барьер, то обнаружилось бы, что вычурные украшения не совсем то, чем они кажутся.

На всякий случай гостя обыскали с ног до головы,

а потом четверка вооруженных до зубов охранников проводила его в кабинет Блика. Головорезы поклонились хозяину, отступили, встав за спиной ленсмена и закрыли дверь на замок.

— Ты болван! — злоратно воскликнул Блик из-за своего массивного стола. На его лице вспыхнула садистская улыбка. — Доверился мне, дурак! Сделал в точности то, чего я хотел. Как все просто! Все это здание надежно экранировано и защищено. Твои приятели, кто бы они ни были и где бы ни находились, не увидят ни черта и не узнают, что с тобой случилось. Если люди с корабля попытаются освободить тебя, он будет уничтожен. И я сам, лично, выколю тебе глаза, вырву ногти и сдеру шкуру по кусочкам! — Блик пришел в такое исступление, что в уголках его рта появилась пена.

— Все это было бы неплохим развлечением, — холодно согласился Киннисон, — если бы ты умел использовать по назначению ту серую кашу, которую почему-то называют мозгами. Ты что, принимаешь меня за полного идиота? Лучше не серди...

— Взять его! А чтобы он замолчал, вырвите для начала его поганый язык! — взревел Блик, вскакивая со стула.

Зверовидные охранники рванулись вперед, но не успели не то что дотронуться до ленсмена — сделать полного шага. Как подкошенные все четверо рухнули на пол. Тот, кого уже считали жертвой, не шелохнулся, не было ни удара, ни вспышки, но громилы упали, чтобы подняться только в день Страшного Суда. Смерть наступила мгновенно, опередив даже мысль о ней в угасающем сознании.

Блик был потрясен, но еще не выбит из седла. За одной из тонких перегородок его кабинета скрывались люди, вооруженные бластерами и умеющие ими пользоваться. Однако намерение подвергнуть гостя пыткам казалось теперь иллюзорным; Блик удовольствовался бы созерцанием его трупa. Он пролаял приказ стрелять молодчикам за перегородкой. Никакого ответа. Киннисон уже давно обнаружил стрелков и отпустил их души к праотцам.

Звильник наклонился к коммуникатору и побелевшими губами забормотал в микрофон запоздалые указания. Увы, смерть уже распростерла повсюду черные крыла.

— Ты дьявол! — завопил Блик в совершеннейшей

панике и дрожащей рукой попытался вытащить из ящика стола оружие. Слишком поздно. Ленсмен уже был в воздухе, в прыжке. Опускаясь, он ударил Блика, не слишком сильно, и тот полетел на пол, но не покалечился, даже не потерял сознания. Именно этого и добивался Киннисон: звильник нужен был ему тепленьким.

Мускулистая рука схватила хозяина кабинета за горло, другая выключила генератор ментального экрана. Спротивляться стало бесполезно да и невозможно: Киннисон знал такие точки на шее, нажав на которые можно было обездвижить человека. Мозг Блика, лишенный искусственной поддержки, и секунды не устоял против разума землянина. И Киннисон приготовился выкачивать из него информацию. Приготовился и... в сердцах выругался. Этого не могло быть, однако...

Блик ничего не знал о цивилизации, которая противостояла Лиге. Киннисон обнаружил самые полные сведения о Лонабаре и соседних планетах, которыми звильник правил железной рукой. Его неприятно поразила осведомленность врага о Земле и мирах Содружества. Ленсмен легко прочел в мозгу Блика, какими методами раздобыли эти знания, сколько крови пролилось, чтобы Патруль, в свою очередь, не заподозрил о его существовании.

Киннисон нахмурился. Невероятно... Он никогда не поверит, что человек, стоящий на самом верху, ни с кем не связан... Ленсмен невидящим взглядом уставился в безмятежное лицо Блика. И тогда мелкие осколки, фрагменты начали складываться в картину.

Со всей осторожностью, на которую он был способен, Ким принялся снова прощупывать чужой разум, восстанавливая одну за одной временные связи. Искал, осторожно двигаясь вперед, ошибался, возвращался обратно, снова пробирался ощупью, пока не находил правильный путь. Он ведь сам говорил Илоне, что любое вмешательство не может пройти бесследно. Киннисон припомнил, как на холодном, враждебном Ярневане над его собственным рассудком колдовал Ворсел. До той поры ленсмену и в голову не могло прийти, что такое вообще возможно.

Восстанавливая прерванные линии памяти, стараясь добиться полноты и законченности картины, он понял: над этим разумом поработали, и работал настоящий мастер. Но если Ворсел мог быстро восстановить его память, не исключено, что и этот неизвестный чудодей

заложил в сознание Блика какой-то приказ, предусмотрел ключевую комбинацию воздействий, вызывающую к жизни утраченные воспоминания. Но подобрать ключик к памяти Киннисон не смог. Он предположил, что воздействие проникало в разум Блика извне, когда у его далеких хозяев возникала в этом необходимость, и решил не тратить время попусту. Но откуда приходил приказ? Из чужой галактики? Нет, тогда бы в кабинете Блика был межгалактический коммуникатор. А здесь нет ни энергетического шара, ни чего-то иного, хоть отдаленно напоминающего это устройство. Следовательно, Менто Блик просто один из региональных резидентов, подчиненных кому-то в земной Галактике!

Лирана?! Это предположение потрясло Киннисона. Хотя ничто не указывало на эту планету, тем не менее кольнувшее мозг смутное беспокойство не угасало. Продолжая копаться в памяти Блика, Киннисон сделал неожиданное открытие. Прежде он считал, что карателей на Лирану-2 послал некоронованный король Лонабара. Но в действующих зонах памяти не было и намека на такое, и ни одна из прерванных связей не подтверждала причастности Блика к налету. Более того, продолжая кропотливые поиски, Киннисон убедился, что звильник даже не подозревал о существовании Лираны-2. Неужели он, Киннисон, ошибался, и кто-то другой послал корабли, и может, не в первый раз? Нет, решил он. Рассказанное Илоной — бесспорное доказательство того, что без участия диктатора с Лонабара не обошлось. Пробелы в его памяти говорят о многом: Боском или те, кто скрывались за спиной Боскома, считали сведения о солнечной системе Лираны такими важными, что приняли меры, чтобы они никогда, ни при каких обстоятельствах не дошли до Звездного ленсмена, мифического командира Патруля. А ведь сейчас Крис на Лиране-2, и о д н а! Она, правда, в безопасности, но...

— Крис! — послал он настойчивый призыв.

— Да, Ким? — Ответ пришел почти сразу.

— Слава всемогущему Клоно! У тебя все в порядке?

— Конечно. А что могло случиться с утра?

— Многое, — мрачно сообщил он. — Я наконец раскопал кое-что. Лонабар — пустой номер. Просто ниточка, ведущая к Лиране, и больше ничего. Этого, конечно, еще нельзя утверждать с полной уверенностью, но вероятность очень велика. Теперь понимаешь, в каком горячем местечке ты оказалась? Я хочу, чтобы ты

немедленно бросила все и спряталась. Забейся в щель и закрой за собой вход. Заберись в самый глубокий из подвалов Елены, и пусть тебя кто-нибудь охраняет. Сделай это прямо сейчас, хотя было бы еще лучше, сделай ты это еще вчера.

— Но почему, Ким?! — возмутилась девушка. — Здесь ничего не изменилось. И потом, разве ленсмены забиваются в щели? Сам бы ты поступил так?

Они оба знали, что вопрос останется без ответа.

— Но что ты сравниваешь? — возразил Киннисон, прекрасно понимая, что кривит душой. — Ладно, будь предельно внимательна и осторожна, — продолжал настаивать он, — как никогда в жизни. И если заметишь что-нибудь подозрительное, немедленно сообщай.

— Непременно, Ким. Ты ведь прилетишь сюда. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Конечно, милая.

Киннисон вернулся к своим делам. Может ли он спрятаться? И должен ли, даже если может? И да, и нет. Не стоит пытаться спрятать Картифа, решил ленсмен. Оставим четкий, но обрывающийся след. Обрывающийся сейчас и здесь. Картиф должен исчезнуть в особняке Блика.

Придется покончить с милягой-ювелиром. Конечно, те, кто пойдут по следу, вряд ли поверят, что торговец погиб в развалинах особняка, но не догадаются, что тот добился, а он постарается держать их в неведении, сколько удастся. И Спар, его преемник, невольно поможет: он поспешит присвоить себе имя и положение благодетеля и глотку перегрызет за них. Да, этот поможет... Киннисон даже усмехнулся, когда понял, как он может.

Исчезнуть, пропасть без следа... Как? Возможно ли такое? Да! В конце концов вычислят, что он сделал в особняке, но никогда не откроют, как. Для противника останется тайной, каким образом ему удалось выцарапать из Менто Блика крупницы знаний, о которых тот и не подозревал... Ну что же, решение принято, пора действовать.

Блик умер, не проронив ни звука. Киннисон вышел в коридор и стал спускаться вниз по лестнице. И там, где он проходил, проносилось дуновение Смерти.

Роль палача не привлекала ленсмена, но он подчинился зловещей необходимости. Быть может, судьба всей Лиги зависела от того, насколько тщательно он выполнит

работу убийцы. И ленсмен забыл о милосердии, чтобы никто не смог рассказать, что произошло в особняке.

Потом он отправился в подвал, где располагался целый склад оружия, и нашел несколько больших ящиков с минами. Около минуты Киннисон искал и устанавливал взрыватель с часовым механизмом, оставив себе на отступление буквально несколько секунд: никто уже не мог остановить его. Ленсмен выскочил на улицу, вышвырнул из машины Блика труп шофера и на бешеной скорости рванулся с места. И он едва успел: камни, поднявшиеся в воздух на том месте, где только что стоял особняк, почти настигли автомобиль.

Машина неслась по направлению к космопорту, но затем, изменив свои намерения, ленсмен резко затормозил и с помощью Линзы связался с Ватсоном. Он не терзался бы угрызениями совести, разнеси его корабль при санкционированной посадке весь космопорт. Опасаться преследования не приходилось: заправилы были мертвы, а хозяйчики поменьше слишком заняты и растеряны, чтобы отреагировать на происшествие в космопорте. Значит, никаких указаний не последует, а без них ни один лонабарский чиновник и пальцем не шевельнет. Нет, преследования не будет. Но те, кому служил Блик, не упустят из виду ни одной мелочи, не говоря уже о происшествиях, выходящих за рамки обычного. Нельзя давать им зацепки...

Киннисон выбрался из города и не останавливался, пока не оказался на совершенно пустынном участке шоссе. Здесь он затормозил. Почти сразу же в небе показался корабль, удерживающий равновесие тягой планетарных двигателей. Ленсмен почувствовал, как машина попала в тиски силовых захватов, и через несколько секунд ее втянули в трюм корабля. Автомобиль, конечно, Киннисону был ни к чему, но он не хотел оставлять ее там, где машину быстро обнаружат. При взрыве особняка, наверное, взлетело на воздух предостаточно автомобилей, так что исчезновение одного из них вряд ли будет замечено. А если машину, принадлежавшую Блику, найдут брошенной на пустом шоссе далеко за городом, это сразу вызовет подозрения.

Предоставив Ватсону управляться с кораблем, Киннисон побрел в свою каюту. Он позволил себе роскошь пару минут отдохнуть в кресле, даже прикрыл глаза. Потом с трудом разлепил свинцовые веки и связался с Хейнесом.

— Это Киннисон, адмирал. Уделите мне пару минут?

— Всегда готов, Ким. Что там у тебя?

— Честно говоря, в пару минут не уложусь, — признался Киннисон. — Не хотел беспокоить вас раньше времени... — Закончить мысль не удалось: Линза Киннисона приняла вызов Клариссы.

— Секундочку, адмирал! Привет, Крис! Поговорим втроем.

— Ты велел немедленно сообщать обо всем необычном, — начала девушка. — Я нашла-таки подход к Елене, и она рассказала вот что: стали пропадать самолеты, эти их допотопные этажерки, и пропадают они вместе с людьми. Никаких свидетелей, никаких следов катастрофы, никаких обломков.

— Что?! — Мысленный импульс Киннисона был подобен воплю и заставил адмирала и Клариссу вздрогнуть. — Ты представляешь, что это значит? — уже спокойно спросил он девушку.

— Догадываюсь, — невозмутимо отозвалась та.

Ее безмятежность возмутила Киннисона.

— Немедленно забирайся в самую глубокую нору, прикрытую ментальными экранами, и не смей высовывать носа, пока я не вытащу тебя оттуда! — У Клариссы хватило благоразумия не перечить ему и, успокоенный ее непривычной покорностью, Киннисон обратился к адмиралу: — Сэр, мне нужны Ворсел и Трегонси, и немедленно. Каша заваривается серьезная. Еще пошлите Баса с его молодцами. И прикажите Большому Флоту двигаться в сектор Дунстана.

— Чего это ты так разволновался? — удивился Хейнес. — Давайте-ка оба ко мне!

— Это айхи! Айхи и дельгониане. Ведь правда, Крис?

— Да, я того же мнения.

— Но ведь мы их уничтожили, разве не так? — недоумевал Хейнес.

— Если бы... — возразила девушка. — Разве уничтожение Земли стало бы концом для всего человечества? Я начинаю думать, что айхи играют в чужой Галактике ту же роль, что мы — в Содружестве.

— Правильно, — поддержал Киннисон. — И, стало быть, пришло время связаться с Нэдреком.

— Нэдрек? Твой новый приятель, да? Но зачем? — изумилась Кларисса.

— Он холоднокровный, и кислород для него яд... как и для айхов, — объяснил Киннисон. — Кто, как не он, поймет прячущихся в ледяном мраке?

И вскоре полэнтианин присоединился к совещанию.

— Очень интересно, — заметил Нэдрек, когда ему объяснили положение дел. — Не знаю, смогу ли быть полезен, но сейчас я не занят чем-либо действительно важным и буду очень рад помочь, в меру сил. Я немедленно отправляюсь к Лиране.

Глава 11

АЛКОН С ТРАЛА

Киннисон трезво оценивал силы противника, к счастью для себя и Патруля. Война миров была не столько ошибкой космических армад — хотя и такое случилось, — сколько противостоянием интеллектов. Два грандиозных разума, разума рас, стараясь оставаться в тени, за схваткой, и не обнаруживать своих возможностей, силились уничтожить друг друга.

Те, кто прятался за спиной Боскома, довольно долго на шаг опережали Лигу, заставляя Патруль обороняться. Они знали многое о противнике, а сами скрывались во мраке неизвестности. Враг без лица и названия воспользовался гиперпространственным перемещением задолго до того, как ученые Содружества смогли разрешить эту проблему. И даже когда Патруль обзавелся гиперпространственными средствами передвижения, это не принесло особой пользы, так как оставалось по-прежнему неизвестным, где затаилось зло.

Лига Миров была сильна поддержкой Аризии, пусть непоследовательной и вялой — на взгляд непосвященного, и своими ленсменами, один из которых — Кимбол Киннисон, Звездный, — стал кошмаром для врага. Кроме того, она могла записать себе в актив благородную цель, верность и высокую мораль, хотя это были сомнительные преимущества в глазах тех, кто признавал только правоту силы.

Киннисон, этот Давид космической эры, доискивался, где скрывается враг, мучительно пытался определить ментальный ключ, который помог бы свалить нового Голиафа. Империя тьмы уже начала распадаться на части, и злобный разум, в свою очередь, изо всех сил старался обнаружить и уничтожить того, кто изгнал Боском из земной Галактики.

Пока Киннисон твердо знал одно: существование Боскома не оборвалось с разрушением Ярневана. От него еще было скрыто, что айхами двигала воля Алкона, жестокого и жалкого тирана с планеты Трал-2, которая настолько напоминала Землю, что ее обитатели, включая самого властелина, во всем походили на людей. Алкон повелевал и планетой Онло, или Трал-9. Ни один человек не смог бы описать облик онлониан: для всех организмов, не дышащих кислородом и приспособленных к существованию при температуре, близкой к абсолютному нулю, было характерно метаболическое расширение в гиперпространстве, что делало их воплощением практически невозможным для разума, привыкшего к трехмерному пространству.

Справедливости ради надо отметить, что отнюдь не все холоднокровные расы примкнули к Боскому. Многие из них, например, обитатели Полэна-7, взяли сторону Содружества.

Хотя наружность онлониан выходила за рамки человеческих представлений, они чрезвычайно походили на айхов — с точки зрения человека; как, например, земляне — на позениан, с точки зрения жителя Полэна. То обстоятельство, что у позениан четыре руки с двумя кистями на каждой и совсем нет глаз, было мелочью по сравнению с тем, что они, как и земляне, жили парами.

Но оставим в стороне то, чего еще не знал Киннисон, и перескажем разговор, который состоялся на ледяной планете Онло, в то время как ленсмен летел к Лиране. Помещение, где все происходило, не стало уютнее от того, что его заливало мертвенное голубое свечение — реверанс в сторону высокого гостя, Алкона Великого и Ужасного. Закованный в броню скафандра таран восседал в мягком удобном кресле, а у стены в голубом сумраке маячили смутные фигуры, отдаленно напоминающие рептилий.

— Беда в том, — начал мысленный разговор кто-то из онлониан, — что наши ставленники в другой галактике — безмозглые идиоты. Многие годы дела шли так гладко, что думать им не приходилось; Великий План обещал полный успех. Казалось неизбежным, что мы завладеем всей галактикой и уничтожим этот смехотворный Патруль, прежде чем жалкие людишки догадуются о наших истинных целях.

План учитывал все известные факторы любой сте-

пени важности. Но появились Линзы! Как только мы это обнаружили, следовало немедленно пересмотреть План, приостановить его исполнение, пока не удалось оценить, понять и нейтрализовать новый фактор. Но никто из тех тупиц даже не почесался.

— Но-но, — осадил его властитель Трала. — Если каждая мелкая сошка осмелится подвергать сомнению План, чем это кончится? Да, План следовало уточнить, но не простым же исполнителям? Вся вина лежит на Совете Боскома... Кстати, я надеюсь, с теми шестью, которым удалось удрать с Ярневана через гиперпространственный туннель, вы уже разобрались?

— Они ликвидированы, — сообщил кто-то.

— Хорошо. Это им полагалось думать, а они провалили дело и скрывали неудачи от нас. Наблюдатели, внедренные в чужую галактику, докладывали аккуратно — большего от них не требовалось. Но айхи не доверяли Ха'Иссе, Прелину, Кроуншильду и Джалту и заплатились за это. Их руководители понесли наказание, а исполнители лишились веры: теперь им будут поручаться только простейшие задачи.

Недооценивающий противника мостит дорогу к гибели. Айх-Лан любил разглагольствовать об этом, но проморгал Патруль. Он умствовал, пытаясь разгадать тайну Линзы, вместо того, чтобы атаковать Землю. Когда эти айхи послали экспедиционный корпус, он исчез без следа, без единого сигнала. Не помогли излучатели, бомбы из антивещества — ничего! Земля по-прежнему вращается вокруг своего светила. Это невыносимо! А что с Аризией? — спросил он.

— Боюсь, пока с Аризией ничего нельзя сделать, — ответило одно из странных существ. — Экспедиции посылались, но с ними легко разделились. Посылали и планетоиды, но их обнаружил Патруль и сбил с курса такими же управляемыми планетами. Аризия может подождать. Конечно, хотелось бы уничтожить ее и положить конец производству Линз, но это не обезвредит многие тысячи наших врагов-ленсменов. Вот если бы выследить и истребить их всех, в особенности того, что причинил нам столько хлопот! Действительно ли за кличкой Звездный скрывается один разум?

— Мы думали над этим, — ответил Алкон. — Но, честно говоря, не пришли к определенному выводу. Слишком мало достоверных данных. Кто бы то ни был — один индивидуум, два или тысяча, — мы должны найти

и убить его, чтобы не распрощаться навеки с мечтой о господстве над Вселенной. Надо положить конец козням Аризии и утечке информации. Я не потерплю, чтобы еще какой-нибудь из наших миров постигла участь Ярневана!

И вот еще что: какие-то странные вещи творятся на Лонабаре. — И Алкон поведал собравшимся о событиях, описанных нами выше.

Мнения разошлись: кое-кто считал, что произошла обычная стычка не поделивших сферы влияния преступных авторитетов; более осторожные подозревали, что случившееся — дело рук того самого проклятого ленсмена. Вызвали на связь наблюдателя с Лонабара и допросили его с пристрастием. Когда выяснилось, что особняк Блика со всем содержимым превращен в мелкую пыль, а Картиф исчез бесследно, хотя на всем Лонабаре никто не может сказать, как или когда он улетел, все сошлись на том, что на планете орудовал «тот ленсмен». Время для решительных действий было упущено. Вzbешенный Алкон успокаивал себя тем, что предусмотреть такое никто бы не смог. Поначалу события развивались по шаблону, подобное происходило в тысячах и тысячах обитаемых миров. Не без досады владыка Трала признал, что треклятый ленсмен никогда не повторялся, и в его непредсказуемых действиях прослеживалась только одна общая черта: они неизменно заканчивались успехом.

— Но на этот раз он не смог ничего разнюхать! Я в этом уверен, — торжествующе заявил какой-то онлонианин.

— Откуда такая уверенность? — презрительно осведомился Алкон.

— Один из моих людей освободил Блика от лишних воспоминаний. Скажу без ложной скромности, мы кое-что умеем. Примитивным айхам подобное и не снилось.

— Не обольщайся, — грубо оборвал его Алкон. — Если только этот молодчик нащупал связь между Лонабаром и Лираной...

Он включил межгалактический коммуникатор. Холодная резкая мысль неизвестного айха пришла в ответ на вызов властителя.

— Не заметил ли ты чего-нибудь необычного на Лиране?

— Нет.

— Тогда жди неприятностей. — И владыка Трала детально передал все новые факты.

— Мы всегда готовы к неприятностям. — Мысль дерзкого айха была скрашена иронией. — Нас не застанет врасплох ни этот пройдоха-ленсмен, ни весь их флот. Что-нибудь еще?

— Нет. Завидую твоей уверенности, если она не изнанка глупости. — Алкон снова обратился к тому, кто хвастался своим ментальным искусством: — Работал ли ты над разумами айхов и этих тварей с Дельгона?

— Нет, — признался смущенный онлонианин. — Процедура настолько сложна, что...

— Это твоя проблема, — отрезал Алкон. — В твоих интересах похлопотать, чтобы проныра-землянин не вышел на нас через айхов. Ты ведь дорожишь жизнью, не так ли?

* * *

Пока Алкон навел ужас на нерадивых подданных, Киннисон летел к Лиране-2, ни на минуту не прерывая связи с Клариссой. Ее уступчивость оказалась дипломатической уловкой; ни уговоры, ни угрозы не могли заставить девушку прятаться. Устав от пререканий, Киннисон попробовал использовать власть, которой обладал — как Свободный Ленсмен, — и коротко приказал ей подчиниться.

Никакого результата! Она не зеленый новичок, объявила Кларисса. Ей доверена работа, и никто не властен чинить этому препятствия просто потому, что задание оказалось опаснее, чем пикник на берегу реки. В конце концов, это просто оскорбительно: Киннисон не посмел бы отдавать подобные приказы любому другому ленсмену.

Киннисон вздохнул. Она права, черт побери! Ни один из носящих Линзу не подумал бы бросать дело, чтобы убежать, спрятаться от опасности. Это Закон. И то, что Крис дороже ему всех женщин в Галактике, не должно приниматься в расчет, увы... Это было то, на что намекал Ментор. А разве сам он не опасался чего-то подобного? Именно он, Киннисон, втянул ее в драку, а теперь требует, чтобы гордая, безрассудно смелая девушка пряталась, как трусливая гусыня. Придется смириться...

— Ладно, но все-таки будь поосторожнее, — попросил он. — Ради меня.

— Я всегда была такой, хоть и казалась бесша-

башной, — снисходительно заметила она, и Киннисону почудилось, что она видит, как улыбаются нежные губы. — Погоди, Ким, недалек тот день, когда я выбьюсь в Серые Ленсмены.

— Разумеется, маленькая хвастунья...

— Я не шучу, Ким. Кстати, ты и представить не можешь, какая проблема на этой варварской планете стирка белья.

— О каком белье ты толкуешь? Неужели у тебя хватило глупости пойти против местных обычаев, Крис? Стыдись!

Разделяющее их огромное пространство не помешало Киннисону уловить ее замешательство.

— Не могу я ходить в чем мать родила, — огрызнулась девушка и тут же начала оправдываться: — Я пыталась, Ким. Но не могу, и все тут!

— Разговорчики! Кончится тем, ленсмен Мак-Дугал, что я отберу Линзу и отправлю вас под арест!

— Тебе понадобится для этого целый полк валериан, — не удержалась девушка. — И потом, в одежде и без одежды, я одинаково не нравлюсь этим ведьмам.

Время шло, но ничто пока не подтверждало опасений Киннисона, которого грызло беспокойство. На краю летного поля Лираны его встречала Кларисса, только вместо привычных снежно-крахмальных одежд врача ее облекали мятая рубашка и брюки грязного серого цвета.

— Не серая замша, конечно, зато цвет какой! — опередила она насмешки Киннисона. — На этой планете портной не сколотит себе состояния. Удивляюсь, как еще здешние дамы не забывают мыться. Если бы ты знал, до чего мне надоели эти тряпки!

Как истая женщина, Кларисса отложила до поры разговоры о делах и отправилась на корабль — чистить перышки. Вскоре она появилась, благоухающая и свежая, как сад после дождя, и такая же нарядная. Девушка преувеличивала свою тягу к серому цвету в пику Киннисону; на самом деле она не собиралась носить серую форму. Это была не только дань вкусу. Несмотря на всю свою браваду, Кларисса в глубине души считала, что никогда не станет ровней Киму, в лучшем случае чуть поднимется над уровнем любителя, дилетанта. Что ж, и любители годятся для разовых поручений, утешала себя девушка и, смеясь, объявила Киннисону, что намерена оставаться единственным в своем роде Рыжим Ленсменом.

Корабль поднялся в воздух и направился на север, в необитаемую зону умеренного климата. Обитательницы Лираны не смогли добавить ничего нового к тому, что уже знала Кларисса, и настолько откровенно выражали свою антипатию к чужакам, что Киннисон счел за лучшее покинуть заселенный экваториальный пояс.

Днем позже прибыл «Неустрашимый», доставив Ворсела и Трегонси, а вслед за ним — спидстер с Полэна. Пятеро ленсменов начали изучать карту Лираны, которую успела составить Кларисса. Кислорододышащие и теплокровные созерцали карту воочию, а Нэдрек, пребывающий в верхних слоях стратосферы, где температура была более или менее приемлемой для него, пользовался сверхчувственным восприятием, которое ничем не уступало зрению.

— Пояс, который я закрасила розовым, — объяснила девушка, — грубо совпадающий с жаркой зоной, — единственная обитаемая область Лираны. Черными крестиками я пометила те места, где жили пропавшие женщины, а черные кружки, соединенные с крестиком линией, обозначают место, где женщин видели в последний раз. Если кружок охватывает крестик, это значит, что последний раз их видели дома.

Крестики были распределены довольно равномерно по всей обитаемой зоне, кружки тяготели к северной границе, а практически все крестики в кружках располагались на самом краю обитаемой зоны.

— Почти все линии пересекаются в этой точке, — продолжала девушка, указывая на северный полюс. — Немногие исключения из этого правила можно объяснить тем, что свидетельницы были введены в заблуждение, или тем, что женщину последний раз заметили задолго до того, как она исчезла. Если пропавшие действительно стали жертвами дельгониан, логово монстров должно находиться в радиусе пятидесяти километров от точки, которую я обозначила здесь. Однако я не смогла найти ни одного доказательства того, что здесь когда-либо побывали айхи, и потому не понимаю, как могли попасть на Лирану-2 дельгониане. Вот, друзья, и все, что я раскопала. Не густо, правда?

— Вы слишком строги к себе, ленсмен Мак-Дугал, — запротестовал деликатный Нэдрек. — Отличная работа, не правда ли, коллега Ворсел?

— Само собой, — подхватил велантиец и в знак одобрения щелкнул хвостом.

— Конечно, конечно, — внес свою лепту не чуждый галантности Трегонси. Похвала, исходящая из четырехгубого беззубого рта, прозвучала очень веско.

Приятель укоризненно взглянул на Киннисона, который хранил молчание. В этот миг ленсмен представлял себе прекрасное тело Крис, корчащееся в мучениях и забыл обо всем. Даже о том, что его мысли открыты остальным.

— Если бы они обнаружили тебя... чего бы ни сделали, чтобы завладеть таким разумом и жизненной силой, — проговорил он хрипло и с трудом проглотил комок, вставший в горле. — Хвала Клоно, этого не случилось. — Слабая улыбка скользнула по его губам. — Если у нас когда-нибудь будут дети, найдется, чем пугать их, когда не станут слушаться.

Глава 12

ЕЛЕНА ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА СЕВЕР

— Но послушай, Ким! — запротестовала Кларисса. — Ты, кажется, пропустил мимо ушей то, что я сказала про айхов!

— И все-таки это дельгониане, — заверил ее Киннисон. — Ты же знаешь, как они действуют. Настраиваются на какой-нибудь разум, причем самый сильный и стойкий. Странно, что Елена еще цела. Скажи, ведь пропавшие обладали выдающимся разумом, таким же, как у нее?

Девушка нахмурилась.

— Я об этом не задумывалась, но, пожалуй, ты прав. Во всяком случае, большинство из них.

— Так вот, Владыки Дельгона настраиваются на чужой разум и тащат жертву по прямой линии.

— Да, все так очевидно! — заявила девушка.

— Это не было очевидно, Кларисса, — заметил Трегонси, — пока ты не выполнила свою работу. И смею заметить, это не удалось бы проделать никому, кроме тебя.

— Благодарю, Трегонси. Но неужели им не приходило в голову... Ты не считаешь, что им следовало бы менять приемы, хотя бы для того, чтобы не было этих строго прямых линий?

— Возможно, они не могут иначе, — предположил Киннисон. — Стереотип поведения или инстинкт, укоренившийся на уровне подсознания. Даже если айхи велели им затаиться и прекратить оргии, им не удалось переломить себя; порок въелся в поры души. Это, впрочем, только мое предположение. Кстати, все согласны, что это дельгониане? — Все были согласны. — И нет никаких сомнений, что нам следует делать дальше?

Сомнений не было. Поэтому «Неустрашимый» и заблокированный военный корабль, который верой и правдой послужил Киннисону-Картифу, поднялись в стратосферу и взяли курс на север. Ленсмены не хотели обнаруживать себя и не очень спешили. Оба судна сняли ментальные экраны и двигались на планетарных двигателях.

Практически весь экипаж «Неустрашимого» хорошо знал, что представляли собой бывшие властители Дельгона. Более того, они были теми немногими обитателями земной Галактики, которые своими глазами видели дельгониан и, тем не менее, остались в живых. Почти два десятка их товарищей умерли под пытками. Киннисон, Ворсел и Ван Баскирк сумели взять верх над монстрами в рукопашной схватке, и не где-нибудь, а в гиперпространственном туннеле. Киннисон с содроганием вспоминал минуты мучительной беспомощности перед этой жуткой таинственной средой. Человек и чудовище могли одновременно находиться в одной и той же точке пространства, не касаясь друг друга. С каким трудом давалось каждое движение в той плотной и вязкой массе, которая заменяла воздух! Только инерция предметов подчинялась естественным физическим законам.

Вот почему легче вообразить, чем описать те чувства, которые охватили экипаж, когда корабль облетела новость, что предстоит уничтожить трупшу дельгониан.

— Как насчет того, Ким, чтобы послать парутройку управляемых снарядов с начинкой из дуодена прямо в логово? — предложил Хендерсон.

— Нет, Ким, не надо, — запротестовал Ван Баскирк. — Мы будем не в туннеле, а в пещере, и заставим поработать наши топоры. Прикроемся ментальными экранами и снесем их безобразные головы! Может, так, Ким?

— Не надо дуодена, Хен... во всяком случае, пока, — решил Киннисон. — А что касается топоров, Бас, не знаю. Нам надо схватить хотя бы некоторых из них

живыми, чтобы получить кое-какие сведения... и для такой работы твои ребята пригодятся, так что начинайте на всякий случай готовиться. — Затем он мысленно обратился к другому товарищу по оружию: — Как ты считаешь, Ворсел, это их убежище серьезно укреплено, или они просто подыскали какое-то укромное местечко?

— Я бы, скорее, предположил последнее, — почти не задумываясь, ответил велантиец. — Разве что они изменили своим привычкам. Но, как и ты, я не верю, что такая древняя раса способна серьезно измениться. Я могу настроиться на них, но это принесет больше вреда, чем пользы.

— Боюсь, что так.

Киннисон не хуже Ворсела знал, что велантиец — самая желанная добыча для Владык. Но какими бы недалекими ни были дельгониане, они наверняка заподозрят неладное, обнаружив его на Лиране-2. Они догадаются, что лишь одна цель могла привести сюда пришельца с Велантии — преследование извечного врага; и, скорее всего, откажутся от приманки. И они не только отбросят мысль заманить Ворсела в пещеру, но, надо думать, затаятся до тех пор, пока велантиец не покинет не то что Лирану — ее солнечную систему.

— Жительница Лираны, волевая, с мощным разумом, — вот приманка, которая нам необходима, — задумчиво проговорил Киннисон.

— Так, может, вернуться и прихватить такую? Это займет всего несколько минут, — предложил Хендерсон, направляясь к пульту управления.

— Нет, — возразил Киннисон. — Это не годится. Как вы думаете, друзья?

Ворсел и Трегонси согласились с ним.

— Позволено ли будет мне высказать одно довольно логичное, на мой взгляд, предположение? — пришла робкая мысль Нэдрека.

— Ну, конечно же, мы слушаем.

— Не кажется ли вам, что в последнее время жительницы Лираны пропадали довольно часто? Думаю, очередная жертва попадет в область, подвластную монстрам, довольно скоро. Нам не стоит торопить события. Просто понаблюдаем за подозрительной зоной, не рискуя выдать себя.

— Это мысль, Нэдрек, это действительно прекрасная мысль! — Киннисон даже захлопал в ладоши. — Поторопись, Хен, ладно? Поднимись повыше и зависни над

центром зоны, в которой пересекаются линии. Включи все обзорные экраны, какие только есть на борту, и посади наблюдателей — пусть смотрят во все глаза. Половине поручи следить за воздушным пространством вокруг, а остальные пусть тщательно обследуют территорию внизу, поищут подземные пустоты — естественные или искусственные.

— Какую информацию ты надеешься здесь раздобыть? — спросил Трегонси.

— Не знаю. — Киннисон задумался. — Кто-то на этой планете поддерживает связь с Боскомом — я совершенно уверен в этом. Блик посылал сюда корабли. Про один мы знаем наверняка; полагаю, были и другие.

— Последнее еще надо доказать, — спокойно заметил Трегонси, Спидстер сел не возле полюса, а в населенной местности. Во время подобных обсуждений ригелианин обычно брал на себя роль скептика, цепляясь за каждую мелочь.

— Возможно, Лирана-2 — промежуточная станция, — предположил Киннисон. — Вспомните, что Илона стартовала отсюда. И те два корабля, прилетевшие, чтобы встретить ее, или, возможно, друг друга, или...

— Или были призваны на помощь экипажем катера Илоны, — закончил мысль Трегонси.

— Что-то одно, но не все вместе, — поправил Нэдрек. — Мы все согласны, я думаю, что вероятность связи с Боскомом достаточно велика, чтобы попытаться захватить дельгониан живыми и ознакомиться с содержанием их разговоров.

Пока ленсмены обсуждали план вылазки, оба судна Патруля достигли полюса. Наблюдатели не сводили глаз с экранов, но прежде чем кто-нибудь успел обнаружить подземные пустоты или подозрительные объекты на поверхности, раздался возглас:

— Самолет!

Как только он прозвучал, оба судна плавно взмыли вверх. Когда корабли оказались над тихоходным летательным аппаратом, но значительно выше него, пилоты определили курс, которым следовала архаичная конструкция, затем замедлили движение, чтобы не опережать ее.

— Ким, пожалуйста, не дай этим ублюдкам схватить ее! — взмолилась Кларисса. Читая мысли других ленсменов, она поняла, что и не обремененный избытком милосердия Ворсел, и непостижимый Нэдрек видели в

той, что вела самолет, не беспомощную женщину, а одну из злобных фурий, каких не жалко приносить — для пользы дела — в жертву, и знала также, что ни Киннисон, ни Трегонси еще не задумывались об этом всерьез. — Ким, ты ведь не позволишь убить ее? Разве недостаточно будет, чтобы она просто показала вход? Ты успеешь что-нибудь предпринять?

— Думаю, да. — Киннисон оторвал взгляд от экрана. — Да, Крис, наверняка. Хен! Опустись немного пониже, и пусть твои ребята будут готовы поймать самолетик сильными захватами, когда я дам команду.

Самолет летел уверенно, никуда не сворачивая, прямо к гряде низких каменистых холмов и внезапно пошел вниз, словно пилот собирался совершить посадку на склоне.

— Она разобьется! — воскликнул Киннисон. — А дельгонианам нужна живая добыча... Неужели я ошибался? Приготовьтесь, ребята! — выпалил он. — Схватите ее в самый последний момент перед крушением... так... еще немного... Пора!

Как только он выкрикнул команду, невидимые щупальца метнулись вниз и спеленали обреченную машину, сомкнувшись вокруг ее корпуса. Но даже если бы этого не случилось, самолет все равно не разбился бы, так как в последнюю долю секунды часть склона одного из холмов резко ушла внутрь. Самолет на мгновение застыл над отверстием, но Киннисон отдал следующую команду:

— Схватить женщину, быстро! — так как стало уже очевидно, что жертва внушения собиралась выпрыгивать из самолета. И она-таки прыгнула, без парашюта, но не успела коснуться земли, как силовые захваты подхватили ее и потащили, вместе с неуправляемым самолетом, вверх.

— Ким, посмотри, это же Елена! — удивленно воскликнула Кларисса. И хотя надменная Старшая не вызывала у нее особой симпатии, великодушные все же возобладали над неприязнью. — Бедная женщина! — прошептала Кларисса. — Проведите ее в пилуз номер шесть. Я буду там. Она, наверное, не в себе после всего, что произошло, а здесь столько самцов! Как бы она не натворила глупостей.

Елена Лиранская шипела, билась и брыкалась, как разъяренное животное, пока не оказалась под защитой ментального экрана «Неустрасимого». Во время полета она ни на секунду не теряла сознания и прекрасно

понимала, что делает, но воображала, что действует по собственной воле. Когда экран отсек наваждение, это было подобно пощечине. Она пробудилась от одного кошмара, чтобы погрузиться в другой.

Новые впечатления оказались страшнее прежних, тем более, что ограниченный ум дикарки не мог осмыслить происшедшего и попросту отметал его. Конечно, она поняла, что посторонний разум, наделенный чудовищной силой, подчинил ее себе ради каких-то целей, непостижимых и ужасных. Но этой обитательнице замкнутого мирка, отгородившегося от Вселенной, никогда не приходилось слышать про дельгониан. Зато она многое знала о космических кораблях. Они приносили врагов, сеяли смерть и разрушение. Фантазия Елены, существа рационального до абсурда, оказалась слишком скудна, чтобы оценить размеры опасности, которой она избежала, и порадоваться спасению.

Она, конечно, не узнала «Неустрашимого»: для нее все космические корабли были одинаковы. А впрочем, если б и узнала, это мало что изменило бы. Ленсмен и его люди, конечно, вызволили ее племя из беды, но они оставались чужаками; Елена все равно им не доверяла. И даже теперь, когда она чудом избежала загадочной и страшной участи своих сестер, Елена не испытывала ни сердечного трепета, ни благодарности. Один враг или другой, какая разница? И, едва восстановив контроль над своим разумом, она приготовилась к борьбе, напрягла каждую клеточку мозга, напружинила мускулы хищного тела, как пантера перед броском. Дверь воздушного шлюза открылась, и Старшая оказалась лицом к лицу не с самцом, которого она уже собиралась убить, а с женщиной, пусть чужой, земной женщиной, но хорошо ей знакомой.

— О, Елена! — воскликнула Кларисса и кинулась обнимать ее. — Я так рада, что мы успели вовремя! Исчезновений больше не будет — мои друзья об этом позаботятся.

Слово «друзья» ничего не значило для Елены: в ее жизни не было места дружбе. Но неподдельная искренность Клариссы поколебала ее недоверие. Как все невежественные существа, Елена балансировала между упрямой, туповатой подозрительностью и слепой верой. И без всяких разумных причин порывистый, шедший от сердца жест заставил ее уверовать, внезапно и истово, как язычника, встретившего мессию. Да, странные су-

щества желали добра ей и ее народу. Это открытие и потрясения, через которые она только что прошла, сломили железную волю. И в первый и единственный раз за свою многотрудную жизнь властительница Лираны упала в обморок и безжизненно повисла в ласковых руках земной девушки.

Глава 13

В ПЕЩЕРЕ

Тем временем на борту «Неустрасимого» полным ходом шла подготовка десанта. Опытные наблюдатели сразу подметили, что скала, закрывающая вход в пещеру, приводится в движение не механическим приспособлением. Корабль устремился вниз и сел прямо перед отверстием, зияющим в склоне холма. Неровности рельефа не могли помешать ему: огромные валуны превращались в пыль под давлением чудовищной массы. Пока наблюдатели исследовали поверхность в поисках другого входа — Киннисон и Ворсел, правда, не сомневались, что его нет, — ударный отряд готовился к атаке.

Ворсел слегка дрожал в ожидании схватки. У него было более чем достаточно причин, чтобы ненавидеть дельгониан сильнее всех прочих. Дельгон и Велантия вращались вокруг одной звезды. Едва велантийцы начали осваивать космос, для Владык открылся сезон охоты. Может статься, именно неотступный, навязчивый зов заставил сородичей Ворсела построить первый космический корабль, отправиться в бесконечную пустоту пространства. За столетия сатанинской охоты дельгониане придумали тысячи способов истязания, возвели пытки в ранг искусства. Насладившись страданиями жертвы, эти садисты в миг ее агонии с вожделением поглощали жизненную силу, которую искромсанные тела не могли больше удерживать.

Все попытки велантийцев бороться оказались тщетными, а их примитивные ментальные экраны практически бесполезными. Так было, пока не появился Патруль. Получив надежную защиту, могучие корабли и оружие, Ворсел взялся очистить Дельгон от чудовищ. Конечно же, он боялся! Любого уроженца Велантии кидало в дрожь при одной мысли о Владыках. Страх вылуплялся вместе с

ним из яйца, жил в генах, и должно было смениться не одно поколение, чтобы ужас перестал леденить души.

После той исторической битвы часть монстров сумела скрыться с Дельгона на кораблях своих жертв. Других уцелевших отыскивали айхи и переместили в иные солнечные системы. Однако само сознание, что велантиец может убить Владыку стало огромным достижением. И теперь страх и отвращение померкли перед жгучей жаждой мести, доходящей до одержимости. Вот почему Ворсел дрожал, предвкушая схватку.

Совсем иные чувства двигали валерианами. Эти люди словно рождались с оружием в руках: бой был их призванием, спортом и наслаждением. Подобно древним викингам, которые считали, что павшие воины пируют с богами в небесных чертогах, они мечтали о смерти в сражении. Такая гибель казалась самым почетным и самым желанным завершением жизни любому солдату-валерианину. Испустить дух в мирное время в постели, скончаться от обыденных причин значило покрыть позором себя и близких. Валериане готовились к схватке с радостным нетерпением влюбленного. Единственное, что омрачало радость, было требование Киннисона сохранить жизнь нескольким врагам, чтобы ленсмен мог получить информацию.

Нэдрек к участию в вылазке толкало лишь желание пополнить свои и без того немалые знания. Домогаясь истины, он становился неумолим, даже жесток. Впрочем, это была не сладострастная лютость вивисектора, а неосознанная бесчувственность любопытного ребенка, обрывающего лапки у мухи. Люди не могли понять ту неспособность к сопереживанию, полное безразличие к чужим страданиям, которая отличала холонокровные расы, даже примкнувшие к Содружеству. Нэдрек знал — чисто академически, в философском смысле, в основном из книг, — приблизительные значения таких понятий, как «угрызения совести», «сочувствие», «неразборчивость», но для полэнианина они оставались абстракцией и уж никак не могли быть приложены к столь прозаическому делу, как вытряхивание информации из разумов дельгониан.

Флегматичный Трегонси собирался отправиться вместе со всеми только потому, что этого хотел Киннисон. Он считал своим долгом быть рядом и оказать помощь, если землянину она потребуется.

А вот Киннисон просто не мог уклониться от участия

в схватке, хотя отчетливо чувствовал, что его с души воротит. Он никогда не находил наслаждения в убийстве, а теперь, воображая, что произойдет, мечтал заболеть до того, как все начнется.

И Нэдрек, уловив его смятенные мысли, спросил: — Зачем тебе идти, друг Киннисон? Хотя мои возможности и силы сравнительно невелики, я смогу справиться с таким незначительным делом, как получение и передача сведений. Я не способен понять твоих чувств, но осознаю, что они делают тебя тем, что ты есть. Стоит ли без особой нужды подвергать себя такому напряжению?

Киннисон и Трегонси с радостью ухватились за его предложение, чтобы не участвовать в страшной сцене, которая разыграется в пещере.

Избавим читателя от описания того, что происходило в смрадных глубинах: это было малопривлекательное зрелище. Немало валериан нашли в пещере свою смерть. Космические доспехи Ворсела были изодраны в клочья, его толстую драконью кожу усеивали ожоги и ссадины, кое-где кровоточили довольно серьезные раны. Один Нэдрек остался невредим, да и то потому, что ползанин, как он сам искренне признался, не вмешивался в драку.

Однако то, что последовало за схваткой, оказалось несравненно хуже. Пленные дельгониане не торопились поделиться с врагом тем, что знали, или открыть ему свой разум; в ментальном поединке они были достойными противниками ленсменам. Поэтому Ворсел и Нэдрек сошлись на том, что при общении с ними гуманность — ненужная роскошь, и решили опробовать на виртуозах пыток их собственные изобретения. Неистовый велантиец пустил в ход весь палаческий арсенал. Его свирепая жестокость была отчасти понятна Киннисону, а вот невозмутимость патологоанатома, которую демонстрировал Нэдрек, заставляла его содрогаться. Ленсмен вздохнул с облегчением, когда грязная работа была завершена. Его тряс холодный озноб.

Когда тела погибших товарищей перенесли на «Неустрашимый», а пещера со всем содержимым взлетела в воздух, оба корабля стартовали: «купец» Картифа отправился в далекое путешествие к Земле, а «Неустрашимый» — к аэропорту, чтобы высадить там Елену и выгрузить ее самолет, а затем присоединиться к другим супердредноутам Патруля, уже начинающим

собираться в галактическом квадрате девять-четыре.

— Иди ко мне, Ким, — донеслась до Киннисона мысль Клариссы. — Елена хочет поговорить с тобой, и только с тобой, прямо-таки требует.

— Гмм... Это прогресс! — воскликнул ленсмен и заторопился в каюту девушки.

Повелительница Лираны застыла посреди тесного замкнутого пространства бронзовой статуей. В ее позе не было никакого напряжения или скованности. Патрицианская осанка, гордая посадка головы, прямой немигающий взгляд. Если бы грудь не вздымалась при дыхании, можно было подумать, что это не теплая нагая женщина, а изваяние из античного храма.

— Землянин, я благодарю за все, что вы сделали для меня и народа Лираны, — сообщила эта небожительница и милостиво протянула вперед царственную длань.

«Уж не думает ли она, что я должен пасть ниц и целовать ей руку, как королевам древности?» — испугался ленсмен, но потом его осенило: властительница почтила его земным ритуалом рукопожатия.

— Не надо, Елена, — поморщился Киннисон, даже не пытаясь коснуться ее кисти, и смуглая рука сразу же с облегчением отодвинулась. — Я польщен, даже тронут, но, право же, тебе вовсе не обязательно следовать непривычным земным обычаям. Я уже говорил, что у нас много общего, но не думаю, что рукопожатие доставит тебе удовольствие. Давай лучше подумаем о будущем. Мы скоро улетим, но если вам когда-либо понадобится помощь, не стесняйтесь и зовите нас. Я распорядился установить на борту твоего самолета коммуникатор. Удачи!

— Удачи и вам! — Тигриный взгляд смягчился. — В том, что ты говорил, было много правильного и по-настоящему мудрого. Может быть... впрочем, неважно. Прощайте.

Самолет Елены уже выгрузили. Правительница спустилась по трапу и встала рядом с ним, чтобы наблюдать за стартом корабля. Она провожала его взглядом до тех пор, пока крохотная точка не растворилась в небе.

— Для нее этот разговор был хуже пытки, — улыбнулся Киннисон невесте, — но она сочла своим долгом принять страдание. Удивительная женщина эта Елена, с большими странностями.

— Ну почему, Ким! — запротестовала Кларисса. — Она очень хорошая. Ты бы это понял, если бы узнал ее получше. И как красива!

— Ага, — согласился Киннисон без особого воодушевления. — Отлей такую из бронзы и поставь перед жертвенником. Впрочем, она и так мало чем отличается от скульптуры.

— Ким, как тебе не стыдно! — воскликнула девушка. — Я не видела более прекрасной женщины. Как бы мне хотелось быть такой, как она!

— Ты давно не смотрелась в зеркало, Крис. Конечно, Елена красива... по-своему. Как красиво и извержение вулкана, или гроза, или спираль замороженного гелия. Знаешь, я не любитель этих классических, мраморно-бронзовых совершенств. По мне, красота должна быть теплой, живой. Что за удовольствие обнимать истукана?

Последняя сентенция направила мысли Киннисона в новое русло. И он представил Клариссе иные доказательства ее неотразимости, осязаемые доказательства, которые убеждают лучше красноречия.

Впрочем, блаженное уединение длилось недолго: Нэдрек сообщил, что закончил приводить в порядок информацию, и Киннисон пригласил ленсменов в свою каюту. Но тут выяснилось, что Ворсел все еще в лазарете.

— Как там дела, док? — связался с лазаретом Киннисон. Он не особенно тревожился, ибо Ворсел вернулся из пещеры на своих ногах. К тому же крылатые рептилии так быстро оправлялись от любых ран, что выражение «заживает как на собаке» в пору было заменить другим — «заживает как на велантийце». — Какие-нибудь проблемы?

— Уже нет, — отозвался хирург. — Хотя пришлось использовать электрическую дрель и пассатижи, чтобы привести в порядок его, с позволения сказать, кожу. Он будет у вас через пару минут.

И действительно, очень скоро Ворсел присоединился к друзьям. Он был перевязан от носа до хвоста и двигался не так резво, как обычно, но просто излучал блаженство. Дракон объявил, что чувствует себя прекрасно и сознание победы над дельгонианами — лучшее лекарство для него.

Киннисон прервал его словоизлияния и включил мыслепроектор. Это любопытное устройство чем-то напоминало видеопроектор, но оперировало не со звуком и цветным трехмерным изображением, а с мыслями, в данном случае — с мыслями дельгониан, как собственными, так и почерпнутыми у айхов или каких-то других

существ. Отдельные фрагменты были усилены Нэдрек и Ворселом, чтобы высветить важные детали.

Ворсел и Нэдрек уже ознакомились с мыслями врагов, но для Киннисона, Клариссы и Трегонси они оказались потрясающей новостью.

Владыки Дельгона знали о системе Лираны много такого, чего Киннисон и предполагать не осмеливался. Оказывается, это была одна из главных точек приложения сил звильников, место встреч, нервный центр, из которого тянулись невидимые нити к тысячам планет, населенных теплокровными, дышащими кислородом существами. Менто Блик посылал к Лиране не одну экспедицию, а сотни; происшествие с Илоной было просто мелким эпизодом.

Дельгониане, однако, не признавали над собой никаких хозяев; сама идея о том, что кто-нибудь может управлять ими, привела бы оверлордов в ярость. Они признавали как равных — и это было действительно потрясающим открытием — айхов, которые имели колонию на одной из внешних планет системы Лираны. Как говорится, в семье не без урода. Айхи и были тем самым уродом в семье холоднокровных, дышащих ядовитыми газами рас, так же как дельгониане — в семье теплокровных. На этой зыбкой почве и строилось сотрудничество двух столь несхожих племен. Кроме всего прочего, выяснилось, что на Лиране-2 существовал гиперпространственный туннель.

— Секунду! — обратился к единомышленникам Киннисон и остановил проектор. — Дельгониане, я думаю, обманывали себя — просто должны были. Если они не посылали докладов во Вторую Галактику и не получали оттуда приказов, то это делали айхи. Коммуникаторов в пещере не оказалось, значит, они у айхов, в их колонии. Дельгониане — понимали они это или нет — подчинялись айхам, плясали под их дудку. Правильно?

— Правильно, — согласился Нэдрек. — Мы с Ворселом решили, что они просто не признают очевидные факты, чтобы сохранить лицо. Наши заключения на другой катушке. Поставить их?

— Не стоит, и так все ясно. — И просмотр продолжился.

Выбор айхов пал на систему Лираны, потому что она лежала на окраине Галактики и оставалась вне поля зрения Патруля. Здесь и айхи, и дельгониане могли жить

в привычных, естественных условиях. Колонизированный ими мир, ледяной, как все внешние планеты, обладал одним уникальным качеством: его атмосфера по составу практически не отличалась от газовой оболочки Ярневана.

А Лирана-2 прекрасно подходила дельгонианам. Помимо благоприятной воздушной среды, силы тяжести и климата здесь было то, без чего Владыки долго не продержались бы, — коренное население, в избытке обладающее жизненной силой.

Нэдрек вытянул из дельгониан еще много любопытных сведений, но их изучение можно было отложить на потом. И, когда лента кончилась, Киннисон распрощался с друзьями, чтобы осмыслить увиденное в одиночестве.

Почему Лирану-2 не защищали? Ответ лежал на поверхности: дельгониане не знали иного оружия, кроме мысли. Но айхи-то владеют оружием! Почему они не вмешались? Это проще простого. Айхи заботятся только о себе. Если союзники сплеховали, тем хуже для них. Выживает сильнейший... Ту карательную экспедицию, конечно же, послали не айхи; экипажи кораблей составляли гуманоиды. Почему вся система не была окружена постами слежения и экранами? Тоже не загадка сфинкса. Либо не хотели привлекать к ней внимания, либо полагались на заброшенность этого участка космоса. Как же с «Неустрашимым»? Наверное, причина кроется в использовании экранов невидимости... А может, его и засекли, но приняли за еще один корабль звильников... Люди же ничего не обнаружили на внешней планете оттого, что никому не пришло в голову заняться этой безжизненной на вид сферой. Надо полагать, айхи там всерьез окопались. Интересно, успели они выстроить оборону? Само собой — иначе их там просто бы не было — они бы не стали рисковать. Не покрутиться ли немного вокруг внешнего мира Лираны?

«Неустрашимый» развернулся и полетел обратно, к системе Лираны. И в прежние посещения экипаж соблюдал осторожность, чтобы избежать встречи с кораблем звильников, если тому вздумается неожиданно подкрасться; теперь предосторожности довели до предела. Маскирующие экраны работали на полную мощность, стрелки приборов наблюдения буквально дрожали, как усы у кота, пробирающегося садом в полночь. Ленсмены снова устроили ментальную конференцию.

С айхами шутить не стоило. Каждый шаг предстояло выверить до миллиметра. Раз уж вся система не окружена экранами, то место, где они обосновались, айхи наверняка бдительно охраняют. «Неустрашимый» должен остановиться точно на границе пространства, прощупываемого электромагнитными детекторами. Неразумно полагаться на экраны невидимости; шансов на то, что они обманут чувствительные устройства, мало. Если бы корабль направлялся к Лиране-2 или от нее, это не имело бы принципиального значения: расстояние до внешней планеты было бы слишком велико, и айхи, скорее всего, приписали бы слабый сигнал прилету очередного корабля звильников. Теперь же крейсер двигался прямо к внешнему миру, и это меняло дело — звильники воспользовались бы туннелем.

Нельзя было сбрасывать со счетов и визуальное наблюдение. Крейсер, конечно, кажется пылинкой в безбрежном межпланетном пространстве, но в распоряжении айхов наверняка есть электронные телескопы. Если на их экранах самую тусклую звездочку перекроет изображение «Неустрашимого» — пиши пропало! Киннисон вызвал шеф-пилота.

— Хен, в этом секторе звезд негусто, но все равно хватает. Можешь ли ты подойти к колонии айхов так, чтобы не перекрыть ни одну звезду, ни одну яркую туманность?

— Минутку, Ким, надо подумать... — ответил Хендерсон. — Да, пожалуй, это не очень сложно — пустых зон здесь достаточно.

Киннисон надеялся проскользнуть через сеть электромагнитных датчиков на невидимом для них черном спидстере. Но это было не военное судно, его излучатель не зажег бы и спички. А ведь дальше могли встретиться ментальные экраны и прочие, невидимые препятствия.

Киннисон поежился. Он слишком живо помнил свой визит на Ярневан, откуда его полумертвое тело чудом вызволил Ворсел. А ведь Ярневан не был пограничным форпостом и не готовился к приему незваных гостей...

— Извини, что вмешиваюсь, — виновато прервал его размышления Нэдрек, — но было бы желательно заставить какого-нибудь айха, обладающего информацией, выйти к нам.

— Да? — брови Киннисона поползли вверх. — Это было бы недурно... Но как, черт побери?

— Я, как вы знаете, обладаю весьма скромными способностями, — начал Нэдрек в своей обычной, несколько витиеватой манере. — И не могу похвастаться ни мощным телосложением, ни силой, ни смелостью. С этим, увы, ничего не поделаешь. «Что же остается такому беспомощному и трусливому существу?» — спросил я себя и понял: осторожность, хитрость, уловки, окольные пути...

— Все это подошло бы и мне, — заверил Киннисон. — Но при чем тут айхи? Я что-то пока ни черта не понимаю.

— Ментальные экраны — главная помеха для того, кто избирает потаенные тропы, — снисходительно объяснил полэнианин. — И я был вынужден разработать устройство, помогающее проникать сквозь них, не выведя из строя генераторы. Его нельзя назвать общеизвестным, ты понимаешь. — Киннисон понял. И остальные ленсмены тоже.

— Оно не содержит железа? Его нельзя обнаружить электромагнитными детекторами? — спросил Киннисон.

— Нет, конечно, — удивился Нэдрек, — я же сказал, что работаю скрытно. Кстати, мое судно, если не считать отличий, связанных с обеспечением жизнедеятельности, практически копия твоего спидстера.

— Что же ты молчал? — возмутился Киннисон. — Можем мы использовать твой корабль?

— Да ведь ты меня не спрашивал. А сам я не решался предложить, поскольку условия на борту не подходят для тебя. Придется все время мучиться в скафандре, — ответил Нэдрек.

— Глупости, — возразил Киннисон. — Ты же носишь скафандр, когда появляешься у нас.

— Как скажешь. Кстати, ты, быть может, сумеешь усовершенствовать прибор.

— Сильно сомневаюсь. — Киннисон почувствовал, что его уважение к этому скрытному, несколько церемонному существу растет. — Но нам бы хотелось ознакомиться с ним и, возможно, скопировать, если ты, конечно, позволишь.

— С радостью, — просто ответил Нэдрек.

«Неустрасимый» снизил скорость и в конце концов остановился. Нэдрек, Ворсел и Киннисон — троих было вполне достаточно, и как ни протестовали Кларисса и Трегонси, их не взяли — собрались на борту спидстера полэнианина.

Он отошел от «Неустрасимого» и на небольшой скорости проскочил многократно перекрытую электромагнитными полями зону, потом проник сквозь внешние ментальные экраны. Затем, до предела погасив скорость, спидстер осторожно двинулся к планете.

Все три ленсмена были, если можно так сказать, биологическими детекторами. Специальное обучение, которое они прошли на Аризини, позволяло улавливать колебания пространства и даже субпространства. Но на этот раз им не пришлось полагаться только на собственные ощущения. Космокатер был оснащен массой приборов, совершенно неизвестных даже опытным космическим странникам, и ленсмены постоянно пользовались ими. Подходя к очередному экрану, они незаметно пронизывали его, но так, что следящие устройства не подавали сигналов тревоги. Даже противометеоритный барьер, который не должен был пропустить ни одного материального объекта, отступил перед искусством Нэдрек.

Черный кораблик нырнул в крошечную тьму и сел недалеко от крепости айхов.

Глава 14

НЭДРЕК ЗА РАБОТОЙ

— Я не прошу вас совсем не думать — это было бы слишком, — заметил Нэдрек, манипулируя рычажками и рукоятками, — но помните, что любая посторонняя мысль может принести много вреда. Я настоятельно прошу не выключать ментальные экраны, что бы ни происходило. А дабы поддерживать связь — ведь мне в любой момент может потребоваться помощь или совет, — возьмите эти микрофоны, соединенные с передатчиком. Можете совершенно свободно переговариваться друг с другом и со мной, но, пожалуйста, используйте только обычную речь, хоть я, признаться, значительно больше расположен к беседам с помощью Линз при подобных обстоятельствах. Согласны? Готовы?

Они были и согласны, и готовы. Нэдрек привел в действие свое странное «сверло» — энергетическую трубу, похожую на Q-излучатель, но работающую на ментальных частотах, — и начал потихоньку увеличивать

мощность пучка. Сначала казалось, что ничего не происходит, но вот прибор известил, что экран пройден.

— Мы не особенно рискуем, друзья, — сообщила одна часть многосекционного мозга полэнианина, в то время как другая была всецело занята настройкой излучателя, которая требовала ювелирной точности. — Нельзя ли попросить тебя, Киннисон, — ведь ты знаешь, я очень боязлив — расположиться на месте пилота, чтобы умчать нас с этой планеты без лишних обсуждений?

— Конечно, можно! — И Киннисон с готовностью выполнил просьбу.

Осторожно, не обнаруживая себя, незримое «сверло» прогрызало один за другим защитные экраны, пока наконец через образовавшийся канал не начали выкапываться мысли айхов. Нэдрек замер, словно прислушиваясь, затем снова тронул ручки настройки. Сигнал набрал силу, стал отчетливым.

Айхи занимались обычными, повседневными делами. Под защитой экранов и толстых стен монстры чувствовали себя в безопасности и не пользовались персональными экранами. Киннисон поздравил всех с редкой удачей.

Было заранее решено, что надо выманить за пределы крепости наиболее осведомленного индивидуума. Можно было предположить, что его разум окажется самым чутким. Поэтому Нэдрек послал мысль, которая еле теплилась и наверняка осталась незамеченной другими, более примитивными существами. Она едва трепетала, была слабее предсмертного дыхания. Киннисону потребовалось напрячь свои чувства, чтобы распознать в этом смутном дуновении излучение мозга. Разумы Нэдрека и айха, за которым тот охотился, были так несхожи с человеческим, что только Киннисону было под силу воспринять мысль.

С невероятным терпением, не поддаваясь соблазну усилить нажим и подтолкнуть ход событий, Нэдрек поддерживал тлеющий импульс, исподволь раздражая, будоража сознание айхов, пробуждая в нем безотчетное тоскливое беспокойство. И наконец его тактика сработала!

Полэнианин принялся осторожно и в то же время настойчиво раздувать огонек тревоги; теперь айх не находил себе места и стал невнимателен ко всему, кроме этого мысленного зуда. Пользуясь рассеянностью врага,

Нэдрек подкинул ему догадку: какое-то дело, не то чтоб очень важное, пустяковое, в сущности, осталось незавершенным. Это был первый по-настоящему критический момент. Нэдрек совершенно не представлял, каков род занятий внушаемого, и не мог придумать, что именно тот не доделал, причем не где-нибудь, а за пределами крепости. Айх должен был сам найти повод, который заставит его выйти и направиться в сторону спидстера Патруля.

Киннисон стиснул зубы и задержал дыхание, судорожно сжав рычаги управления. Ворсел неосознанно свернул свое змеиное тело в тугой клубок.

— О! — облегченно выдохнул Киннисон. — Сработало! — Айх, повинувшись подсказке Нэдрека, что-то наконец придумал. Он вспомнил, что один из генераторов внешних ментальных экранов работал со сбоями. Не мешало на всякий случай проверить капризное устройство.

Довольный тем, что удалось отыскать причину томившего беспокойства, айх открыл бронированную дверь и направился прямехонько в объятия ожидающих его ленсменов. По мере приближения врага Нэдрек наращивал мощность пучка.

— Будьте готовы, пожалуйста, выключить экраны и синхронизироваться со мной, если я ошибусь и он попытается сбежать, — попросил Нэдрек, но все шло гладко.

Айх подошел к борту спидстера и остановился. Мощный ментальный экран плотно покрыл всю группу. Киннисон и Ворсел выключили индивидуальную защиту и настроились на разум противника. Землянин коротко выругался: добыча, мягко выражаясь, скудновата...

Айх многое знал о кознях звильников, но ничего такого, чего бы не знали ленсмены. Все указания он получал через межгалактический коммуникатор от существа, внешне похожего на айха и носившего имя Кандрон. Мысли о Кандроне где-то на самом дне сознания сплетались с воспоминаниями о гуманоиде по имени Алкон. Айх предполагал, что эти личности обретались в другой галактике, но не был уверен даже в этом. Он никогда не лицеизрел облеченных властью, да и никто из его соратников не удостоился высокой чести. Никому из айхов не пришло бы в голову пытаться что-то разузнать о тех, кто повелевал ими, да и желания такого не возникало. Единственное, что айх

знал твердо: через неопределенные, нерегулярные промежутки времени Кандрон связывался с базой на Лирани.

Поняв, что больше ничего интересного не предвидится, Киннисон и Ворсел прекратили изыскания, а Нэдрек, с величайшими предосторожностями, которые было бы утомительно описывать, направил ничего не подозревающего монстра обратно на базу. Айх полностью сознавал, где был и зачем: он осматривал генератор и выяснил, что тот в полном порядке. Каждая секунда запечатлелась в его памяти; не осталось даже смутного подозрения, что произошло неладное.

Так же осторожно, как подбирался к планете, спидстер покинул ее.

Вернувшись на борт «Неустрасимого», Киннисон связался с флагманским кораблем Большого Флота.

— Самое разумное сейчас — и для нас, и для Флота — убраться отсюда, да побыстрее, — заключил он свой доклад Хейнесу. — Срочно покиньте сектор девять-четыре и держитесь подальше от спиральных ответвлений. Приведите в действие все экраны, которыми располагаете. Разместите их вдоль линии, соединяющей систему Лираны со Второй Галактикой. Мы спешим присоединиться к вам. Флагман как нельзя лучше оснащен для той работы, что нам предстоит.

— Ладно, спорить не стану. Ты, наверное, знаешь, что говоришь, — проворчал Хейнес. — Не могу сказать, что я в восторге. Не дело это — позволять звильникам хозяйничать у нас, как это позволял себе Прелин на Бронсеке.

— Но вы ведь добрались до него в конце концов, — утешил старика Киннисон. — Доберетесь и до айхов, со временем.

— Надеюсь, — уныло согласился Хейнес. — Поторопись. От тебя зависит, как скоро мы вернемся и разорим это гадючье гнездо.

Киннисон улыбнулся. Он понимал, что еще нескоро адмирал поведет армаду в атаку на Лирану, но даже не догадывался, как далек тот день.

Разгром айхов отсрочило не то, что сеансы связи были редки. Экранов в распоряжении Патруля оказалось предостаточно, промежутки между ними тщательно вывели, так что не долгие периоды молчания коммуникатора отодвинули роковую дату. И не огромные расстояния — в разреженном межзвездном пространстве корабли могли развивать невероятные скорости.

Причиной тому было направление линии передачи, определенное по пробоям в экранах. Ленсмены ожидали, что та укажет на пограничное звездное скопление, а она уперлась в центр галактики.

— Не нравится мне это, сэр, — сказал Киннисон Хейнесу. — Если наш громадный флот попрет прямоком в столь плотно набитое звездами пространство, да еще вдоль одной из самых интенсивных линий связи, это плохо кончится.

— Точно, — согласился адмирал. — И неприятности начнутся довольно скоро. Предположим, они знают о контрольных экранах, тогда нам просто устроили ловушку. В удобный для себя момент они просто обрубят линию. Что ты тогда будешь делать?

— Вернусь туда, откуда начал. Ведь станет очевидно, что истинная цель находится далеко от того места, куда указывает линия.

— Да? Почему это? — вскинулся Хейнес.

— Чистая логика. Мы теперь знаем, как рассуждают звильники. Допустим, они действительно осведомлены о наших следящих системах и умеют их выявлять. Почему бы им тогда не догадаться, что у нас есть корабли-невидимки и поглощающие покрытия? Что из этого следует?

— Гмм... Понимаю. Не в их силах изменить природу излучения, но они могут пропустить его через ряд передатчиков... и каждый будет ловушкой... При первом же признаке вмешательства передачи прекратятся, а мы будем уже на полпути к центру галактики. Итак, они выключат их вообще или на какое-то время.

— Все правильно. Вот почему вам лучше вместе с флотом отправиться домой, оставив здесь меня с Нэдреком на спидстерах.

— Не глупи, сынок. Ты мог бы придумать что-нибудь получше, — усмехнулся Хейнес.

— А что такое? Неужели я что-то просмотрел? — удивился Киннисон.

— Это же элементарная тактика, — назидательно ответил адмирал, — прикрыть маленькую тихую операцию большой и шумной. Если хочешь устроить разведывательную вылазку в одном месте, напади большими силами в другом.

— Что это даст? — усомнился Киннисон. — Что, кроме неизбежных потерь?

— Что даст? Довольно много. — В пылу спора

адмирал взъерошил свои курчавые седые волосы. — Хватит нам обороняться! Они понесли немалые потери в том сражении у Земли и теперь самое время ударить. Мы не просто прикроем тебя — мы начнем серьезную операцию, и прямо сейчас. Как говорили древние, лучшая защита — это нападение. Мы вяжемся в бой, а затем, как только убедимся, что у них недостаточно сил для контратаки, с лихвой вернем потери. Мы ударим так сильно, что они позабудут о такой малости, как линия связи.

— Звучит заманчиво. Мы все равно направляемся туда, так почему бы не начать? Полагаю, вы вступите в бой на границе, в спиральном ответвлении, словно собираетесь идти вперед, чтобы завоевать всю галактику?

— Что значит «словно»? — возмутился старый вояка. — Мы действительно собираемся пройти через нее. Отыскать какую-нибудь планету на внешней оконечности, точь-в-точь похожую на Землю...

— ...Сделать ее полным подобием Земли, — подхватил Серый Ленсмен и расхохотался. — Так и быть — я использую ее под штаб-квартиру.

— Нечего потешаться, парень. Это не мечты старого маразматика. Мы найдем ее и возьмем себе. Выметем поганой метлой всех звильников. Сделаем этот шарик самой большой, самой мощной базой, которую когда-либо видела Вселенная — почище Ярневана. Вычистим вокруг все, до чего сможем добраться.

Хейнес собрал Большой Флот. Когда два черных спидстера незаметно растаяли во мраке, чтобы проследить линию связи, несметные силы Содружества переместились на несколько тысяч парсеков в сторону и на крейсерской скорости устремились к ближайшим выступам чужой галактики.

В этом маневре не было ничего тайного, никаких хитростей, исключая расположение кораблей.

Впереди, далеко в авангарде, располагался странный, неправильной формы конусообразный строй крейсеров-разведчиков. Они были сравнительно невелики, но очень хорошо защищены и вооружены, обладали огромной скоростью и несли на своем борту самые совершенные из известных ученым Лиги локаторы, детекторы и контроллеры. Они не придерживались жесткого строя, но по желанию капитанов и по команде с флагамена рыскали по сторонам, собирая информацию.

Следом шли легкие крейсера и крейсера-бомбардировщики — новый для Патруля тип судов, сконструированных для сбрасывания бомб из антиматерии.

Дальше двигались тяжелые крейсера, которым, как правило, отводились чисто оборонительные функции. Их создали для слежения за торговыми перевозками Боскома по всей Галактике; практически непробиваемые экраны могли выдержать даже удар супердредноутов. Их место в строю определялось тем, что они не имели силовых захватов и бомбометателей.

За крейсерами с трудом поспевала мощная фаланга дредноутов. В отличие от всех прочих судов, они не пользовались свободой передвижения и действий. Юркие разведчики вольны были передвигаться по их усмотрению; они не участвовали в борьбе, разве что в тех случаях, когда не могли уклониться от сражения. Но чаще всего они покидали поле боя, уступая место своим могучим собратьям. Крейсера-бомбардировщики могли либо принять бой, либо избежать его, смотря по обстоятельствам. Они сражались с легкими судами, но предпочитали уклоняться от схватки с теми, которые могли причинить им ущерб. Тяжелые крейсера принимали вызов любого противника, но дрались не в строю, а корабль с кораблем.

Дредноутам-истребителям было доступно только движение по прямой и только вперед. Конечно, их строй мог свернуть в сторону, если на пути оказывалась двигающаяся по инерции планета, но и только. Да и в этом случае весь строй поворачивал вместе, не нарушая заведенного порядка, ибо он был призван смести любое препятствие, которое устояло перед оружием и силовыми экранами летящих впереди судов. Искусственный солнечный протуберанец — вот единственное, с чем не могли справиться эти пышущие энергией металлические громадины. Но стратеги Содружества надеялись, что враг еще не обзавелся таким оружием — пока... Вероятно, строй супердредноутов мог быть разрушен встречным строем равных по мощи кораблей, но подобная возможность пока лишь обсуждалась, за неимением прецедентов. Впрочем, эти обсуждения были сродни схоластическим спорам о том, что произойдет, если всепобеждающая сила наткнется на непреодолимую преграду.

По бокам строя истребителей, немного поотстав, в строю, напоминающем параболический конус, следовали тяжелые военные крейсера, а прямо за ними —

спрятанный в самой середине строя и окруженный силовыми полями мозг армады, «Директрикс».

На сей раз на вооружении Большого Флота не было ни свободных планет, ни мегасфер, ни искусственных протуберанцев. Медлительные и громоздкие, они годились для обороны крупной базы или нападения сразу по нескольким направлениям, но сейчас стали бы только обузой. Когда Патруль выберет планету и вознамерится удерживать ее, считал Хейнес, наступит их время. А пока авангард сил Лиги мог поспорить с любой подвижной силой, которая встанет на его пути.

Хотя Большой Флот двигался открыто, не таясь, не следует думать, что Хейнес поощрял расхлябанность или беспечность; он требовал соблюдения жесткого строя и обычных военных предосторожностей. Маскирующие экраны работали, что называется, на полную катушку, детекторы неустанно ощупывали пространство, наблюдатели не сводили глаз с экранов.

Но даже самому желторотому младшему офицеру было ясно, что противник может обнаружить летящий в его сторону флот значительно раньше, чем тот достигнет оконечности галактики. Как замаскируешь огромную массу металлов и ферросплавов? Как скроешь от недреманного ока электронных телескопов ослепительные шлейфы раскаленных газов и общий тепловой след?

Что ж, и прекрасно! Так и намечалось. Это была первая волна прямого, откровенного вторжения. За ней накатятся другие. И схватка продлится до тех пор, пока Галактический Патруль не завоюет всю Вторую Галактику.

Глава 15

КЛОВИЯ

Предположение Хейнеса о том, что главной заботой Боскома теперь стала защита своих владений, отвечало истине. Штурмуя Землю, враг бросил на приступ огромные силы, однако нашествие провалилось. Несметные силы атакующих сгнули в геенне огненной в тот миг, когда гибель Земли, казалось, была предreshена. Пославшие их не догадывались, что планета оказалась

на волосок от гибели: флот вторжения не мог связаться с ними через гиперпространственный туннель; обычные сигналы перехватывались станциями Патруля, а вражеские наблюдатели находились слишком далеко от места схватки, чтобы разобраться в том, что происходило.

Да и узнай Алкон, что победу в последнее мгновение выпустили из рук, это только взбеленило бы влстителя Трала. Неполный успех означал полное поражение — и это поражение оказалось тем горше, что ставка в игре была огромной. Теперь побежденной стороне пришлось оставить в покое земную галактику, чтобы восстановить истощенные силы и ковать новое оружие невиданного свойства и небывалой мощи.

Но безжалостное Провидение не отпустило Боскому времени на то, чтобы подготовиться к встрече с силами Содружества, пополнить свой флот могучими «тяжеловесами»-истребителями и летающими крепостями. Разумеется, миллионы подвластных Боскому планет могли за несколько часов выставить столько крейсеров и военных кораблей первой линии нападения, что их стратегам пришлось бы попотеть, управляя армадой. И все же оборонительная и огневая мощь этих судов не шла ни в какое сравнение с той, которой обладали истребители.

Пока защитники Земли не обратили против врага ярость солнечной энергии, возможность полного уничтожения мощной группировки таких судов даже не принималась в расчет. Она казалась настолько невероятной, что ни у Боскома, ни у Лиги не было значительного резерва подобных сооружений. Конечно, после битвы, перевернувшей традиционные представления, и те, и другие начали спешно создавать его, но суда еще не достроили, и они не могли участвовать в военных действиях. Звильники располагали множеством управляемых планет, но эти громады были слишком неповоротливы, чтобы справиться с мобильным, искусно управляемым флотом.

Итак, Патруль имел значительный перевес. Конечно, и он понес существенные потери при обороне Главной Базы, но погибли сравнительно легкие корабли, недостаток которых планеты Лиги могли восполнить так же быстро, как их враги. К тому же у противника не было ни ленсменов, ни стратегов, которые могли бы тягаться с хитрым многоопытным Хейнесом.

Большой Флот так долго держался одного направления, что звильники поспешили стянуть свои силы к тем

планетам, которые лежали на его пути. Но Хейнес неожиданно свернул в сторону, заставляя противника перегруппироваться, подстраиваться под него. Едва враг обосновался на новом месте, адмирал снова изменил курс и проделывал это столько раз, что оборона Боскома становилась все более хлипкой.

Разведчики неустанно слали донесения. В огромном наблюдательном отсеке флагмана денно и нощно уточнялась схема расположения боевых единиц противника. Четверо ленсменов-ригелиан, поднаторевших в анализе колоссальных объемов оперативной информации и справлявшихся как с рутинной с тем, что заставило бы вскипеть заурядный мозг, собирали данные, обобщали их и передавали адмиралу, следившему за общим ходом событий по малой галактической модели.

И вот, когда цель стала слишком близка, чтобы продолжать игру в кошки-мышки, Хейнес дал команду начинать.

Разведчики отступили, освобождая дорогу боевым судам, которые перешли на инерционный полет и продолжали двигаться вперед. Легкие крейсера и ракетоносцы первыми приняли на себя огонь врага. Холодок тронул отважное сердце старого адмирала, когда он понял, что противник взял на вооружение антимагию.

Здесь придется сделать небольшое отступление. Стратеги Содружества сломали немало копий в спорах о том, может ли враг овладеть тайной антивещества. Одни утверждали, что этого следует ожидать, поскольку противник видел оружие в действии; они советовали не забывать, что ученые, работавшие на Боском, не менее талантливы, чем поставленные под ружье Содружества. Сторонники другой точки зрения ссылались на то, что разработка оружия потребовала коллективных усилий лучших умов галактики, усилий, на какие разобщенные расы, склонившиеся под эгиду Боскома, просто не способны.

Тем не менее осторожность возобладала, и половину крейсеров Большого Флота оснастили ракетами, но только половину. Эта непоследовательность была преднамеренной. Теоретически вероятность того, что ракетоносец уничтожит обычный легкий крейсер, равнялась ста процентам, если — и в этом состояла загвоздка — легкий крейсер не уничтожит противника, прежде чем тот пораит его жизненно важные центры.

И у психологов Патруля возникла крамольная мысль,

которую им подбросил Киннисон после бесед с Илоной Поттер. Вполне вероятно, заявляли они, что легкие крейсера Лиги с их надежными экранами и мощными излучателями, возьмут верх над судами того же класса, оснащенными ракетами. Хейнес, как все военные, не слишком доверял «яйцеголовым» и строго-настрого наказал командирам обычных крейсеров поджечь хвост и уносить ноги, если глубокомысленные рекомендации не помогут.

Теперь старик с волнением наблюдал за схваткой. Судно Боскома произвело ракетный залп. Зловещие снаряды понеслись к целям, как хищные рыбины, почти достигли ее и... отскочили. Слава всемогущему Клоно! Адмирал вытащил платок и промокнул лоб. Операторы силовых захватов не подвели! И напрасно он грешил на этих умников, психологов; они не зря едят свой хлеб.

И действительно, мужество восторжествовало над грубой силой и слепой мощью оружия. Операторы Патруля, используя силовые захваты как выталкиватели, обратили эту мощь против врага. Поскольку антиматерия была полной противоположностью обычной материи, толчок для нее соответствовал притягиванию. Вот почему силовые захваты не тащили ее к излучателям, а отталкивали от себя.

Парни из Патруля знали свое дело. Даже необстрелянные новички стоили десятерых солдат противника, потому что встали под знамена Лиги по собственной воле. Офицеры не гнали их, как скот на бойню. Опасность опьяняла, пробуждала дух соперничества. Дошло до того, что они соревновались: какой экипаж первым ухватит ракету, какой поймает больше других.

На борту судов Боскома царили иные нравы. Забитому, туповатому младшему составу предписывалось просто нажимать на кнопки, не требуя объяснений; они не понимали принципов действия оружия и управляли им совершенно механически. Неожиданный приказ использовать силовые захваты, как это сделал противник, ошеломил солдат. На долю секунды они заколебались, не реагируя на угрозы и даже удары, которыми осыпали их офицеры. Это колебание оказалось фатальным.

Мощные невидимые рычаги, которые удерживали снаряды неприятеля в пространстве между противниками, швырнули ракеты обратно — к тем кораблям, которые только что их выпустили. Обычные защитные экраны не

были помехой для ракет, а отражающие и противометеоритные даже ускоряли движение.

Как уже говорилось, обычная и отрицательная материи не могут сосуществовать; в момент соприкосновения они исчезают, порождая чудовищный выброс квантов и жесткой радиации. Одна ракета могла вывести из строя крейсер, а три или четыре — пожрать всю его массу.

Смерть без труда прошла через мощную броню. Сгустки энергии, двигаясь по замысловатым траекториям, выбирали наиболее массивные предметы, жадно поглощая все на своем пути, наполняя пространство смертоносным излучением. Вперед — через конвертеры, через емкости с горючим, через силовые ребра корпуса! Тела солдат были слишком мелкой добычей, но дьявольская стихия не пропускала и живой материи. И какой-нибудь несчастный, жадно хватавший ртом воздух, которого уже не было вокруг, сходил с ума, глядя на то место, где только что находились его руки или ноги.

Вполне удовлетворенный результатом, Хейнес переключил внимание на обзорную камеру. Большинство легких крейсеров находились уже далеко — доклады поступали тысячами. Потери были крайне невелики. Обычные крейсера били врага его оружием или упреждали удар. И надо ли говорить, какое разрушение сеяли ракетноносцы?

Теперь в битву вступили тяжелые крейсера. Нарушив строй, они завязывали поединки с равными по силе противниками, стараясь уничтожить их, удерживая врага в тисках силовых полей. Если это не удавалось, они тянули бой до подхода более мощного корабля, способного справиться с пленником. Тот и завершал начатое.

За тяжелыми крейсерами подошли тысячи и тысячи супердредноутов, которые двигались строгим порядком, выдерживая форму плотного шара, так что едва не касались друг друга защитными экранами. В центре шара скрывался «Директрикс».

Медленно, тяжело подползли истребители. Их было несравненно больше — десять против одного, — чем летающих крепостей Боскома, и встреча гигантов закончилась скорее избиением, чем сражением.

Когда космические бастионы расправились с врагом, они окружили флагман, позволив охранявшим его супердредноутам вступить в бой, но для тех работы уже не

оставалось; Содружество вновь одержало триумфальную победу, на этот раз — малой кровью. Некоторым из судов противника, конечно, удалось сбежать, а кораблешпионы, наблюдавшие за столкновением издалека, наверняка доложили о ней во всех подробностях. Но их донесения ничего бы уже не могли изменить — разве что вызвали у грозных владык скрежет зубный и разлитие желчи.

— Кажется, выходов на поклон не будет, как вы считаете? — спросил Хейнес у своих советников.

И все с ним согласились. Раз уж Боском не смог собрать мощный военный кулак для обороны, вряд ли в ближайшие месяцы стоит ожидать сколь-либо серьезной атаки.

Большой Флот начал перестраивать боевые порядки в чисто оборонительную формацию. В центре, конечно, остался флагман. Вокруг него роился четырехуровневый шар маулеров, который был замкнут в сферу из супердредноутов, дредноутов и тяжелых крейсеров. Поверхностный слой составляли легкие крейсера. Рядом со сферой крутились разведчики. На краю ближайшего спирального ответвления Второй Галактики они рассыпались по сторонам, чтобы обшарить каждую планету каждой солнечной системы из тех, что оказывались на пути строя.

Наконец похожая на Землю планета была найдена. Попадались и другие подходящие — их, конечно, взяли на заметку, — но Кловия сразу пленила все сердца почти полным тождеством с Землей. Разумеется, форма материков была иной, и океаны занимали несколько больше места, но в остальном сходство казалось необыкновенным.

Как и следовало ожидать, планету населяли гуманоиды, подобные людям по всем пунктам галактической классификации. Однако они — вопреки ожиданиям — не имели никакого отношения к звильникам, даже никогда не слышали о Боскоме. Космические полеты были для жителей планеты пока чисто теоретической возможностью, как и применение атомной энергии.

Здесьняя цивилизация еще не переросла этап разделения на суверенные государства, и эти государства довольно часто воевали друг с другом. Только что отбушевала мировая война — такая жестокая и яростная, что в живых остались немногие. Торжествовать победу было некому. Разрозненные горсточки людей, чудом уцелевших

и потерявших все, отчаянно старались выжить среди голода и разрухи.

Выяснив это, психологи Патруля вздохнули с облегчением: цивилизовать планету будет просто. Так и вышло. Кловиян не пришлось устрашать; перед катастрофой они жили в высокоразвитом индустриальном мире и теперь охотно вняли доводам рассудка. Они без труда сообразили, что предлагает Содружество, и ни одно из государств больше не претендовало на господство. Когда же аборигены узнали, что все разрушенное восстановят в кратчайшие сроки, их облегчению и радости не было границ.

Одно омрачало будущее Кловии — неизбежность нападения Боскома. Хейнес ни минуты не сомневался, что, как только звильники соберутся с силами, они попытаются уничтожить новую базу Патруля. То обстоятельство, что они до сих пор не заглядывали на планету, никого не успокаивало. Рано или поздно противник догадается, что творится у него под самым носом.

Теперь пришло время вспомнить о аннигиляционных сферах, искусственных протуберанцах, управляемых планетах и тому подобном. Кловию спешно вооружали.

Как только промышленность поднялась из руин, и не просто поднялась, а на голову выросла в технологическом отношении, Патруль ввез миллионы и миллионы мужчин, вместе с их семьями, со всех похожих на Землю планет Первой Галактики.

Переселенцы не строили иллюзий. Они понимали, что Кловия прежде всего военная база, самая мощная из когда-либо существовавших, и обречена принять на себя главный удар Боскома, который может оказаться смертельным. Они понимали это и все-таки ехали...

Следом за переселенцами потянулись торговые корабли. Коммерция расцвела. И, что гораздо важнее, на поверхности планеты выросло более семидесяти огромных защитных комплексов, каждый из которых руководил широкой сетью кораблей-разведчиков.

* * *

Тем временем Киннисон и Нэдрек двигались в сторону Онло. Об их одиссее можно было бы написать отдельную книгу, но это увело бы нас слишком далеко от цели повествования. Как и предполагали ленсмены, их путь не был усеян розами. Линия связи то и дело смеща-

лась, но, к счастью, не настолько радикально, чтобы ее не удалось обнаружить снова. Хейнес сдержал обещание и отвлек на себя внимание зильников, но все-таки они успели расставить странникам смертельно опасные и хитроумные ловушки. Но никакие ухищрения не смогли остановить ленсменов. Наконец эта странная пара — порывистый землянин, которому сам черт не брат, и робкий, но лукавый полэнианин — достигли восьмой планеты системы Трала. Нэдрек собирался остаться для разведки на Онло. Он чувствовал себя как рыба в воде в этом ледяном аду среди монстров, к которым биологически был очень близок. А Киннисон должен был искать подходы к Алкону.

Ему требовалась новая личина, новая легенда, которая позволит войти в доверие к тирану. Несколько дней кряду он перебирал разные возможности. Ни одна из старых хитростей не сработает, даже если он и осмелится повторить трюк.

И все-таки он нащупал тропку, весьма скользкую, но самую короткую. Что ж, подбадривал себя ленсмен, он привык ходить кривыми дорожками. Может, он и не стал бы рисковать еще несколько месяцев назад, но сейчас совершенно уверен, что справится.

Нужен какой-нибудь солдат, примерно его роста и конституции — детали значения не имеют. Не из личной охраны Алкона, а из какого-нибудь близкого, связанного с гвардией подразделения, так чтобы повышение по службе и перевод в избранный корпус выглядели естественными. Заурядный служака, незначительный и безвестный, но с солидным послужным списком, который мог бы оправдать головокружительную карьеру.

Киннисон нашел достойного претендента, служившего в королевской гвардии, и проштудировал содержимое его разума — столь же прилежно, сколь и тайно. Он не упустил ни одной цепочки памяти. Затем несчастный офицер получил очередной отпуск и отправился домой, но так никогда туда и не прибыл.

Вместо него явился Кимбол Киннисон, одетый в яркий мундир гвардейца. Первым делом он нанес визит давним друзьям лейтенанта Ганнела. Некоторым домерещилось что-то странное, однако ленсмен быстро уловил тень подозрения и сумел погасить его, не словами, конечно. Неприятные сомнения стерлись из памяти. И теперь самые недоверчивые готовы были руку дать на отсечение, что перед ними старый дружище Траск Ганнел.

Конечно, ленсмен не смог добраться до всех, кто был знаком с настоящим Ганнелом. Он, тем не менее, сделал максимум возможного, обшарив разумы тысяч людей и откорректировав воспоминания тех, к чьим словам могли прислушаться.

Однако оставались еще документы и фотографии. О тех, что хранились в архивах королевской гвардии, позаботился призванный на помощь Ворсел, еще до того, как Ганнел уехал. С этой нудной задачей он справился шутя. Как-то ночью случилась небольшая авария, которая погрузила в темноту многие здания. Только несколько туземцев заметили что-то необычное, но тут же забыли об этом. А в архивы легли искусные подделки, сработанные экспертами секретной службы Патруля.

То же самое случилось и в других архивах. Посетили госпиталь, где родился Ганнел, и подменили отпечатки пальцев младенца.

Гораздо сложнее дело обстояло с фотографиями. Ни один человек не может помнить, сколько раз и когда он фотографировался, у кого есть негативы, кому он дарил фотографии или в каких газетах появлялось его изображение.

Киннисон решил, что старые фотографии можно сбросить со счетов. Даже если изображение довольно отчетливое, он достаточно похож на Ганнела, чтобы утверждать, будто на детской фотографии запечатлен именно он. И не только детской, но и юношеской. Где пролегает возрастная граница, после которой лицо человека уже мало меняется? Ленсмен решил рискнуть и провести ее через год после окончания военной академии.

Академия выпускала ежегодник с фотографиями выпускников. Тираж книги составлял около тысячи экземпляров, и было бы наивно даже думать об исправлении их всех, разбросанных бог весть где. Киннисон долго изучал фотографию и хмурился. На ней был изображен уже достаточно зрелый человек, и он не слишком походил на Кима. Однако выражение лица казалось неестественным, надменным и самодовольным, а поза — напряженной, и, кроме всего прочего, люди редко внимательно разглядывают старые ежегодники. Придется положиться на везение и ограничиться более поздними изображениями — официальными и любительскими снимками.

На несколько фотостудий были совершены осторожные набеги. Негативы изъяли и искусно отретушировали, сделали отпечатки и незаметно заменили снимки в нескольких десятках домов родного города Ганнела.

* * *

Однако Ментор с Аризии знал много такого, что было скрыто от землянина; его возможностям Киннисон мог только завидовать. Ему было ведомо, какое существо стоит за тронном Алкона, что оно может и будет делать. Ментор сознавал, что наступил один из самых критических моментов в долгой истории Содружества.

Вот почему негативы всех фотографий, с которых глядело лицо Траска Ганнела, все отпечатки и копии, с них сделанные, не укрылись от его внимания. Нигде в обозримой области пространства самая рьяная ищейка не откопала бы никаких доказательств того, что теперешний Траск Ганнел не тот, за кого себя выдает.

Итак, лейтенант королевской гвардии Траск Ганнел мог безбоязненно выполнять свой долг.

Глава 16

ГАННЕЛ ДЕРЕТСЯ НА ДУЭЛИ

Нэдрек готовил свои тайные операции не менее тщательно, чем его приятель Киннисон — дерзкие авантюры. На взгляд человека, полонианин был излишне осмотрителен, трусоват, пожалуй, даже ленив. Однако его рассудительные и благоразумные соплеменники посчитали бы эти качества похвальными добродетелями. На их взгляд, он достиг поразительного совершенства. Неусыпная осторожность позволяла жить долго. То, что казалось ленью, было на самом деле привычкой взвешивать каждый поступок, рассматривать все его последствия и выбирать самый простой из возможных путей. Зачем рисковать, если жизнь — такая ценная штука? Зачем надрываться, если этого можно избежать?

Присутствие Нэдрека на Онло осталось незамеченным; его холодный одинокий разум, так похожий на разум онлониан, быстро и незаметно слился с ними. Он впитывал информацию, как губка, втирался в чужие

мысли, влезал в них без мыла. Черный спидстер, надежно укрытый от настырных приборов и назойливых чувств, притаился неподалеку от монументального сооружения, за стенами которого вершились самые важные дела. Скромный философ уютно устроился в утробе корабля и шпионил вовсю.

Таким образом, когда Алкон, тиран Трала, прибыл, чтобы устроить очередной разгон своим холоднокровным подданным, Нэдрек просто щелкнул переключателем, и каждая мысль, прозвучавшая на совещании звильников, была тщательно записана.

— Что ты предпринял, Кандрон, для поимки того ленсмена? — грозно сдвинув брови, вопрошал тиран. — Что ты решил?

— Мы сделали очень немного, — холодно ответил онлонианин. — Ликвидировали нескольких ленсменов. Наши агенты ничего не добились. Что касается выводов — я смог сделать лишь один: все, кто когда-либо занимались этим вопросом, серьезно ошибались.

— А ты непогрешим! — фыркнул Алкон. — Почему?

— Я просто не берусь судить, — невозмутимо заметил Кандрон. — Доступные данные слишком скудны, слишком неубедительны и, кроме всего прочего, слишком противоречивы, чтобы делать какое-то заключение. Существует возможность, что два ленсмена в основном ответственны за то, что произошло. Один из них, чином поменьше, может быть — хотя я не стал бы за это ручаться — жителем Земли, Альдебарана или другой планеты, населенной гуманоидами. Другой — выше первого по положению и силам — остается в тени и обнаруживает себя только действиями.

— Звездный, — подсказал Алкон.

— Называйте его, как вам нравится, — спокойно согласился Кандрон. — Но этот Звездный просто агент, а никакой не предводитель ленсменов.

— Но ведь информацию мы получили от ленсмена Моргана! — возразил Алкон. — На нем испробовали «сыворотку правды», пытки, почти убили! Дельгонианин сожрал его жизненную энергию почти что целиком.

— Откуда вы все это знаете? — осведомился Кандрон, оставаясь невозмутимым. — В основном из доклада дельгониан и сомнительных показаний айха, который сам мало что видел.

— Значит, ты полагаешь, что... — Алкон замолчал, заметно вздрогнув.

— Именно так, — сухо ответил онлонианин. — Я подозреваю, что против нас работает разум, почти не уступающий моему. Разум, который смог сломить ментальную силу дельгониан, обмануть изощренный интеллект айхов. Я полагаю, что ленсмен Морган, если он вообще существовал, не более чем марионетка. Айхи заполучили его что-то уж слишком просто.

— Хватит! Не смейся меня! — выпалил Алкон. — Ведь осталась его рука с Линзой!

— Руку с Линзой могли оставить как подтверждение. Мы даже не уверены, что Линза подходила именно к этой руке. Я остаюсь при мнении, что ленсмена Моргана не пытали, что он не потерял своей жизненной силы, что он и тот неизвестный, о котором я уже говорил, невредимыми вернулись в свою галактику. И не только вернулись, но унесли с собой информацию, которая погубила Ярневан.

— Абсурд! — не сдавался Алкон. — Скажи-ка, если можешь, на каких фактах базируется такое фантастическое предположение?

— С радостью, — согласился Кандрон. — Я не смог прийти ни к какому здравому заключению, и свежий взгляд будет полезен. Вдруг вы преуспеете там, где я потерпел неудачу? Я хочу очень коротко подытожить данные, которые мне кажутся наиболее значительными. Пожалуйста, будьте внимательны.

Многие годы, как вы знаете, все развивалось гладко. Наши поражения начались с того, что земной военный корабль, с экипажем из землян и валериан, захватил практически нетронутым и неповрежденным одно из новейших и самых мощных наших судов. Валериан можно исключить из рассмотрения, поскольку их ментальные способности общеизвестны. По крайней мере один землянин сбежал, воспользовавшись, предположительно, покинутым командой ботом. Землянин, о котором думал Ха'Исса, называя его «тем ленсменом», ушел от всех преследований и добрался до Велантии. Там он ухитрился угнать шесть наших кораблей, посланных по его душу, и прорвался обратно к Земле, несмотря на все усилия Ха'Иссы.

Затем вспомним два эпизода, происшедшие с Хилменом с Альдебарана-1. Первый сводится к тому, что ленсмен-землянин потерпел неудачу, возможно, погиб. Второй гораздо прискорбнее: наша база была разрушена и стерта с лица планеты. Заметим, однако, что она,

как нам известно, никем не посещалась и поддерживалась в отличном состоянии.

Теперь перейдем к событиям на Бойсии, где попался с поличным человек по имени Блейксли. Им руководил — и это совершенно очевидно — далекий, но могучий разум, который мы не смогли отыскать.

Перенесемся в нашу собственную галактику и поговорим о внезапном и совершенно необъяснимом исчезновении планеты Медон.

Чему приписать позорное, паническое бегство Шингворса и Антигана? Снова бесследное исчезновение, и снова никаких действий против нашей штаб-квартиры.

В этом месте Нэдрек улыбнулся, если, конечно, можно употребить подобное слово в отношении ползанианина. Его работа! Сделана, как надо. И какие там действия? К чему? Они бы только повредили.

— Затем Радемекс, — продолжал Кандрон. — Агенты-женщины, Бомингер, наблюдатели-калониане уничтожены. Все — от Честера Форсайна до последнего рабочего в доме — находились под подозрением, но ничего определенного выяснить не удалось.

Таинственное помешательство экипажа 27L462P Вайнер — Грантлия. Никаких следов. Причины опять смутны.

Нэдрек обдумывал услышанное. Он ничего не знал об этих делах, но был абсолютно уверен, что без Киннисона здесь не обошлось. «Тот ленсмен», очевидно, работал под прикрытием — боролся с внутренним противником. Он снова прислушался.

— В деле на Бронсеке фигурировало столько ленсменов, что концов не сыщешь. Однако снова не было преследования.

Астероид Эфро, «Приют старателей». Дикий Билл Уильямс с Альдебарана-2. Неужели это случайное совпадение, что Билл Уильямс превратился в Уильяма Уильямса и последовал по нашей линии связи на Трессилию?

База Джалта. Ее, по-видимому, посетили, потихоньку, не поднимая шума, так как она связывала Трессилию и Ярневан, а Ярневан был обнаружен и уничтожен.

Так что вы скажете? — спросил Кандрон.

Пока властитель размышлял, Нэдрек позволил себе немного позлорадствовать. Этот онлонианин, опираясь на логику и оперируя достоверными фактами, нагородил такой чепухи! Ему пришлось, однако, признать, что его

собственные подвиги, и эскапады Киннисона, а также свершения прочих неизвестных личностей действительно впечатляли.

— Ты, возможно, прав, — в конце концов признал Алкон. — По крайней мере, прослеживаются два различных характера и метода действий. Необходимы два ленсмена, чтобы удовлетворить вышеприведенным условиям... и, насколько мы знаем, достаточно. Один из них — человек или гуманоид, о другом ничего сказать нельзя.

Картиф был, конечно, ленсмен-человек. Мастерски выполненная в сотрудничестве с Патрулем работа! Логично и очень просто. Этот человек всегда на виду и так ловко скрыт своей очевидностью, что никому не внушает подозрений. Или... вероятно...

— Это уже лучше, — заметил Кандрон. — Вы начинаете понимать, почему я был так осторожен. Не переоценивайте земной фактор.

— Но как же? — возразил Алкон. — Именно человек пытал и казнил нашего агента, Картиф был человеком — разве этого недостаточно?

— Но у нас нет доказательств, что эти люди сделали по собственному желанию что-нибудь из приписываемого им. Пресловутый излучатель ментальных волн был просто ящиком с лампочками, фикцией. А Картиф, вероятно, обычный бандит, которым управлял ленсмен — мы можем назвать его Звездный или как угодно. Либо это был рядовой ленсмен, подставное лицо, призванное отвлечь наше внимание от Звездного.

— Доказательства? — потребовал Алкон.

— Доказательств нет — только версии, — спокойно констатировал онлонианин. — Однако мы наверняка знаем, что видеоэкраны и коммуникаторы дальнего радиуса действия нельзя загипнотизировать, что Блейкли был одним из людей Ха'Иссы. Значит, он соединял в одном лице преданного слугу Боскома, не блистающего особыми способностями, и ленсмена, обладающего ментальной мощью.

— Понимаю. — Алкон глубоко задумался. — Очень убедительно. Не два ленсмена, работающих то порознь, то вместе, а один незаурядный разум, иногда использующий какого-то землянина?

— Необязательно одного землянина, возможно, разных... И, увы, нет никаких зацепок, позволяющих судить о том, что такое Звездный — одно существо

или целая раса. Мы даже не можем предположить, дышит он кислородом или нет... и это плохо.

— Очень плохо, — согласился тиран. — Звездный, или Картиф, или оба, работая вместе, нашли Лонабар. Они узнали о дельгонианах или, по крайней мере, о Лиране-2...

— Совершенно случайно. Я в этом абсолютно уверен, — настаивал Кандрон. — Они не получили никакой информации из разума Менто Блика, там просто ничего не было.

— Случайно или нет — какая разница? — Алкон нетерпеливо отмахнулся от возражений. — Они нашли Блика и убили его; налет на пещеру дельгониан на Лиране-2 последовал за этим. Из докладов, посланных дельгонианами айхам, мы знаем, что в операции было задействовано два судна Патруля. Одно, похожее на корабль Картифа, не принимало реального участия в атаке. Другое — супердредноут «Неустрашимый» — сделало все в одиночку. Его экипаж состоит из землян, валериан и по крайней мере одного велаитийца. Они сознательно усложнили себе задачу, чтобы взять дельгониан живыми. А значит, получили всю информацию, которой те обладали.

— Это весьма вероятно, — согласился Кандрон.

— Следовательно, у нас очень много вопросов и... очень мало ответов. — Владыка Трала гневно мерил шагами залитое слабым синим свечением помещение. — Покушался ли Звездный на Лирану?! Если нет, то в чем причина задержки? Если да, то преуспел он или потерпел неудачу? Айхи клянутся, что он не мог...

— Конечно, — усмехнулся Кандрон. — А вы не задумывались, почему Патруль именно теперь вторгся в нашу галактику такими силами, что уничтожил весь флот? Чтобы доказать свою мощь или заставить нас сосредоточить все свое внимание на обороне?

— Что!? — взорвался Алкон, но быстро остыл. — Так ты думаешь, что...

— Да, именно так, — мрачно подтвердил Кандрон. — Очень вероятно, что Звездный проник на Лирану с такой же легкостью, как в свое время на базу Джалта. И этот массированный удар Патруля предпринят, чтобы прикрыть тайное слежение за нашими линиями связи или еще чем-то.

— А как же ловушки, детекторы, экраны, контроль-

ные зоны?! — изумился Алкон, потрясенный новой тревожной мыслью.

— Сигналов тревоги не было, и ни одна ловушка не сработала, как вы знаете, — по-прежнему спокойно ответил Кандрон. — Дело даже не в том, что моя планета может быть атакована... В конце концов, она надежно укреплена. И даже не в том, что к Онло сходятся все линии связи...

— Ты хочешь сказать, что у тебя в мозгу кто-то копался — и совершенно незаметно? — выпучил глаза Алкон.

— Почему бы и нет? Хотя я и не слишком верю в такую возможность, ее следует учитывать. Мы делаем все, что в наших силах, но наука может расстроить самые хитроумные планы. Кстати, не Онло и не я их главные цели, а Трал-2 и вы. Особенно вы.

Алкон отправился обратно на Трал и, взойдя в свой дворец, не подозревал, что всего сорок дюймов отделяют его от того, кого выбрала своим оружием Немезида.

А этот последний — Звездный, он же Киннисон, он же Ганнел — был крайне занят. Лейтенант гвардии командовал отрядом, который поддерживал порядок вне дворца, и был очень стеснен в своих действиях. Его непосредственный начальник, старший лейтенант, находился в том же положении. Капитан пользовался большей властью, и сфера его деятельности простиралась шире, поскольку он распоряжался и воздушным отрядом. Над ним стояли майор, полковник и, наконец, генерал, который отдавал приказы всем регулярным воинским частям столицы Трала. Личная гвардия Алкона, естественно, представляла собой отдельное подразделение, но ей Киннисон никогда не интересовался — пока.

Майор — это то, что нужно, решил Киннисон. Пользуется влиянием и свободой передвижения, но не слишком большая шишка, чтобы привлекать излишнее внимание. Старший лейтенант, ограниченный солдафон, не в счет. Можно прямо через его голову шагнуть в капитаны. Настоящий Ганнел, по обычаю звильников, ненавидел своих начальников и давно искал, как бы подкопаться под капитана. Псевдо-Ганнел скорее презирал капитана, чем ненавидел его и пошел напролом.

Хорошим тоном у звильников считалось продвигаться вперед украдкой и вероломно, пользуясь помощью тщательно подобранных осведомителей. Ганнел уже подыскивал наушников и даже человека, который, при ес-

тественном ходе событий, прикончил бы старшего лейтенанта. Киннисон сохранил свиту Ганнела, но искусно изменил тактику. Он действовал почти нагло. Позволил себе пройти по адресу капитана в присутствии двух парней, которые, как он хорошо знал, душой и телом принадлежали его начальнику.

Это принесло быстрые результаты. Не стесняясь в выражениях, его вызвали в кабинет капитана. Киннисон понимал, что тот не осмелится прикончить наглеца прямо там и пошел. В кабинете околачивалось человек десять. Ого, капитан хочет, чтобы предстоящая выволочка послужила уроком всем выскочкам.

— Лейтенант Траск Ганнел, я давно наблюдал за вашими интригами, — разглагольствовал капитан. — Теперь, в соответствии с пунктом пять параграфа семьсот двадцать четыре Устава гвардии, вам дается возможность представить объяснения до того, как я вас разжалую.

— Мне есть что сказать, — саркастически улыбнулся Киннисон. — Не знаю, что нашептали ваши шпионы, но к этому мне хотелось бы добавить, что все мозги у вас заплыли жиром, как и брюхо...

— Молчать! Хватайте его, ребята, — яростно завопил капитан. Он не был очень толстым, но отрастил небольшое брюшко, и этот изъян стал его большим местом. — Разоружить!

— Первый, кто пошевелится, умрет на месте, — предупредил Киннисон. Его уверенный тон пригвоздил приспешников капитана к полу. Кроме того, их гипнотизировали дула двух пистолетов, словно по волшебству вскочивших в ладони ленсмена. — Меня нельзя разоружить, пока я не разжалован, и вы это прекрасно знаете. А если вам вздумается меня понизить в звании, я подам апелляцию — это мое право — полковнику. И докажу, что вы трусливый фанфарон, недостойный командирской должности. Дисциплина в подразделении ни к черту! Потакаете своим любимчикам! Поощрения и наказания произвольны. Любой назначенный для рассмотрения дела суд понизит вас в должности и звании и отдаст ваше место мне. Так-то, безмозглый мешок сала!

Разъяренный капитан привстал, схватился за подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев, затем рухнул обратно. Теперь он понял, что просчитался. Ему не отмыться от грязи, которой обольет его Ганнел.

А вот если трактовать выходку этого нахала как личное оскорбление... Смыть такое можно только кровью. Поединок! Конечно. По дуэльному кодексу оружие выбирал вышестоящий офицер. Капитан мастерски владел саблей и регулярно побеждал Ганнела в соревнованиях. Поэтому, захлебываясь яростью, он прорычал:

— Вы заплатите мне за оскорбления. Предлагаю встретиться завтра, за полчаса до захода солнца, на фехтовальной площадке. Оружие — сабли.

— Принято! — Киннисон дотошно следовал ритуалу. — До первой крови или до смерти? — Этот вопрос был лишним, так как капитан, конечно, хочет смерти нахального мальчишки.

— До смерти, — отрезал капитан.

— Пусть будет так! — Киннисон по всем правилам отсалютовал и строевым шагом вышел из кабинета.

Все идет отлично. Капитан, конечно, прекрасный фехтовальщик, но и его, Киннисона, нельзя назвать увальнем. Пять лет суровой выучки чего-нибудь да стоят. Палаши, кинжалы, ножи, мечи, ятаганы, рапиры, сабли, эспадроны, кортики, штыки — всем этим ленсмен обязан владеть как руками и ногами.

Возле фехтовальной площадки — небольшой арены, окруженной рядами удобных мягких сидений и обсаженной деревьями, — пестрела толпа. Мужчины, в форме и в штатском, дамы в модных туалетах. Дуэли всегда привлекали уйму зрителей.

Дабы не возникло подозрения, что под одеждой скрыты какие-нибудь доспехи, противники были почти обнажены. Они скинули с себя все, кроме шелковых спортивных трусов и коротких сапожек, рубчатые резиновые подошвы которых обеспечивали надежную стойку, поскольку сцеплялись с рифленой поверхностью похожего на пробку покрытия пола.

Сам полковник, знаток церемоний, задал несколько небрежных вопросов. Нет, примирение невозможно. Нет, оскорбленный извинений не примет. Нет, честь оскорбленного не может быть восстановлена ничем, кроме смертельной схватки. Затем полковник взял у ординарца две сабли, тщательно сравнил их, удостоверившись, что клинки совершенно одинаковой длины. Большим пальцем правой руки привычно проверил заточку лезвий и остроту клинков. Испытал крепость рукояток, постучав каждой из них по толстой палке, поданной ординарцем. И под взглядами зачарованных зрителей воткнул конец каждой из

сабель, по очереди, в прорезь на палке и навалился на нее всем весом. Сабли угрожающе согнулись, но ни одна не сломалась, а когда полковник отпустил их, выпрямились и приняли прежнюю форму. Короче говоря, было сделано все, чтобы продемонстрировать собравшимся, что оружие настоящее и смертельно опасное.

Еще раз внимательно обследовав сабли, полковник протянул их соперникам. Затем выставил вперед, на уровне плеча, жезл, и враги скрестили над ним свои клинки. Жезл резко опустился — это был знак, оповещающий, что дуэль началась.

Киннисон сражался точно в манере Ганнела, с характерными для того приемами и выпадами. И хотя ленсмен был значительно быстрее Ганнела, понадобилось все его мастерство, чтобы выдержать первые пять минут яростной атаки капитана. Его противник был фехтовальщиком от бога, без всякого сомнения; его сабля порхала в воздухе, пытаясь выбить оружие у соперника. Киннисон резко взмахнул рукой. Сталь скользнула по стали, и эфесы ударились друг о друга. Две сильные правые руки напряглись до предела, левые руки прижались к вздувшимся от усилий мышцам на боку, ноги вросли в пол. Так продолжалось несколько секунд.

Киннисон понял, что капитан действительно не был жирным, он, скорее, походил на неровный, со вздутиями, ствол дерева. И оказался трудным противником, хотя, возможно, находился не в лучшей форме, чтобы продержаться достаточно долго. Наверное, все-таки удастся сломить его сопротивление. На мгновение мелькнула мысль, не стоит ли использовать ментальную силу. Не хотелось бы... Но, возможно, он должен... Неужели он ничего не стоит без этого? Киннисон отбросил соблазнительную мысль. Он победит по-честному, чего бы то не стоило.

Противников развели для передышки. В перерыве Киннисон обдумывал удар, которым еще не пользовался.

Поединок возобновился. Капитан набросился на врага с удвоенным пылом. Киннисон предугадал его движение, но не успел ни парировать, ни полностью избежать удара. Толпа взорвалась криками, когда капитан задел-таки соперника, и тонкая вишневая струйка потекла по левой ноге Киннисона.

Удар, еще удар! Один выпад, другой, обманное движение, он успел отразить встречный удар, и все это с ухмылкой на лице. И снова, несмотря на все свое

умение, Киннисон был ранен, на этот раз ударом, метившим прямо в сердце. Он сумел уклониться в последний момент, так что отделался неглубокой раной на левом плече. Однако кровь брызнула так, что толпа исступленно заорала в предвкушении убийства. Еще выпад. Киннисон так никогда и не понял, как ему удалось уклониться. Лезвие скользнуло по правой ноге, и жаждущая крови публика завопила еще громче.

Затем, когда яростный напор капитана несколько ослаб, Киннисон смог перейти в наступление. Он сделал обманное движение, размахнулся саблей и сильно ударил, пытаясь попасть в шею. Но противник сумел закрыться. Он резко присел, одновременно выставив клинок. Зазвенела сталь, посыпались искры, но удар ленсмена был настолько силен, что он не мог не оставить следа. Голову снести не удалось, но острое как бритва лезвие отхватило ухо и клочок волос.

И снова бешеный рев потряс воздух. Зрителям было в сущности все равно, чья кровь прольется, лишь бы она вообще пролилась. Публика упивалась жестоким зрелищем. Противники стоили один другого. Такого захватывающего поединка здешнему обществу не приходилось видеть уже давно.

Снова и снова враги обменивались сокрушительными ударами, каждый успел нанести другому еще несколько ран, но их столкновение оборвал свисток полковника, сигнал для отдыха и восстановления сил. Ритуал предписывал не дожидаться, пока один из соперников истечет кровью или рухнет от слабости. По числу нанесенных врагу ран капитан превзошел Ганнела, как это бывало и раньше, на турнирах. Но на сей раз его не согревало чувство превосходства. Он понимал, что слабеет с каждой минутой, а Ганнел оставался таким же сильным и быстрым, как и в самом начале схватки.

Врач оказал соперникам быструю, но действенную помощь. Зазубренные клинки заменили на новые, и бойня возобновилась. Сила по капле уходила из капитана. Ганнел теснил его, нападал. И наконец он нанес роковой удар. Лезвие проткнуло капитана насквозь, и тот рухнул на залитый кровью пол арены. Киннисон коротко поклонился безумствующей толпе, а затем четко отсалютовал полковнику.

— Сэр, мне кажется, что я выиграл достаточно почетный бой и сдал экзамен на чин капитана, — официальным тоном произнес Киннисон.

Ответ прозвучал так же сухо:
— Безусловно.

Глава 17

В НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ранения Киннисона были легкими и заживали очень быстро. Он с успехом сдал полагающиеся экзамены; это было по зубам и реальному Траску Ганнелу, не говоря уже о Киннисоне, который владел всем запасом знаний, доступных подданным Алкона, а в случае чего смог бы прочитать ответ прямо в мозгу экзаменатора.

Настоящий Ганнел обещал стать строгим и блестящим командиром, заметным даже среди избранной группы бывалых, прошедших крещение огнем офицеров, которые составляли верхушку гвардии. Таким, естественно, сделался и Киннисон. Новоиспеченный капитан был жесток, неумолим и неспибаем, но при этом справедлив и честен. Он не делал различия между подчиненными, в отличие от его предшественника, который одних наказывал за малейшую провинность двадцатью ударами плетей, а других только распекал. Оступившийся, кем бы он ни был, получал без проволочек и поблажек пятнадцать ударов. Зато поощрения или награды капитан раздавал с равной быстротой.

Конечно, подчиненные ненавидели его. А младшие офицеры не просто ненавидели, но и пытались свалить. Однако вражда не умаляла невольного уважения и зависти; приказам его повиновались немедленно и беспрекословно. В общем, между Ганнелом и его окружением установились те отношения, которые всегда царили в армиях Боскома.

Укрепив свое положение, Киннисон незамедлительно повел подкоп под майора, чтобы занять его место.

Алкон, как и всякий диктатор, жил в страхе перед изменой и бунтом и постоянно муштровал войска. Учения следовали одно за другим; имитировались атаки из космоса, с воздуха и земли, которые отражали королевская гвардия и личная охрана Алкона. Процедура была детально отработана давным-давно и выявляла слабые места в обороне.

— Капитан Ганнел, вы должны удержать проходы

двадцать пять, двадцать шесть и двадцать семь, — сообщил обеспокоенный майор Киннисону однажды вечером, накануне особенно важной учебной схватки, которая должна была состояться утром. Ленсмен не удивился, ибо сам вложил эту мысль в разум начальника. Более того, он уже выведал, что майор будет отвечать за оборону, и что полковник, поставленный командовать нападающими, решил провести главные силы именно через проход двадцать семь.

— Слушаюсь, сэр, — вытянулся Киннисон, — но я хочу высказать формальный протест и несогласие с приказом. Невозможно, сэр, удержать все три прохода двумя взводами пехоты и одной эскадрильей спидстеров. Могу ли я высказать предположение...

— Не можете! — оборвал его майор. — Основные силы будут наступать с северного направления, так что активность в вашем секторе будет очень слаба. Приказы не обсуждаются, капитан. Выполняйте!

— Слушаюсь, сэр, — скромно ответил Киннисон и расписался в получении толстой пачки указаний, в которых были подробно определены все его действия.

Вечером следующего дня, после того как Киннисон выиграл схватку, наплевав на все приказы, его вызвали в штаб. Это он тоже просчитал наперед, хотя не был уверен, как все повернется, и немного волновался.

— Салют! — приветствовал его адъютант. — Вас вызвали...

— Я знаю, зачем меня вызвали, — огрызнулся Киннисон. — Но прежде, чем мы перейдем к делу, я хотел бы предупредить генерала, что майор Делос глуп, несведущ и попросту бесполезен.

Дерзкие слова повисли в звенящей тишине, которую в конце концов нарушил генерал:

— Это серьезные обвинения, капитан Ганнел. Можете ли вы обосновать их? Приступайте.

— Благодарю, сэр. Сначала о глупости. Майор не понял, даже к полудню, когда отобрал у меня воздушные силы, чтобы отбить ложную атаку с севера, что нападение развивается не по привычному сценарию. Второе — некомпетентность. Приказы, полученные мною, не помогли бы отразить ни одну серьезную атаку через любые из проходов, которые мне было предложено защищать. Третье: ни один разумный командир не откажется ознакомиться с предложениями своих офицеров, как он сделал вчера вечером.

— Что скажете, майор? — И штабные офицеры выслушали оправдания майора, упиравшего на то, что любой военнослужащий должен слепо повиноваться приказам.

— Мы рассмотрим этот вопрос на совещании, — объявил генерал. — А теперь, капитан, что заставило вас предположить, что полковник выбрал именно двадцать седьмой проход?

— Я не предполагал этого, — солгал Киннисон. — Однако, чтобы добраться до любого прохода, он должен был сначала пройти по долине. — Киннисон показал на карте место, о котором говорил. — Поэтому я сосредоточил все силы здесь, на высоте 562, понимая, что предупрежденный воздушной разведкой о его приближении, смогу добраться до любого из проходов быстрее, чем он.

— Та-ак... А когда воздушную разведку отослали?

— Я использовал флиттер — мой собственный, кстати, — и послал его довольно высоко, за пределы видимости. Затем приказал разведчикам на мотоциклах отправиться вперед и взять языка, а также предупредить о возможной атаке и выяснить, нет ли поблизости войск, о которых я не знаю.

— Ну что же... довольно остроумно... А дальше?

— Как только разведчики сообщили о передвижении войск в долине, я приказал своим людям приготовиться; а когда стало очевидно, что цель нападающих — проход двадцать семь, бросил туда все, что имел. Полковник оказался в ловушке, и я уничтожил большую часть его главных сил. Однако я считаю, что в реальном бою потерял бы три четверти своих людей, — с сожалением заметил псевдо-Ганнел. — Если бы я командовал обороной, то уничтожил бы все силы полковника, и наземные и воздушные, потеряв не более двух процентов личного состава.

Генерал стал серьезен и строг.

— Вы понимаете, капитан Ганнел, что допустили грубейшие нарушения субординации? — спросил он. — Вы что, обвиняете и меня в глупости? Ведь план нападения составлен мной.

— Совсем нет, сэр, — немедленно ответил Киннисон. — Ведь вы действовали намеренно — хотели показать нам, младшим офицерам, что всегда необходимо думать, что необычная атака может быть предпринята неумелыми тактиками, но любое нападение, сколь бы

неожиданно и необычно оно ни было, можно отбить. Разве не так, сэр?

Каковы бы ни были истинные мотивы генерала, он немедленно воспользовался подсказкой Киннисона и решил — и весь штаб раболепно поддержал его решение, — что майор Делос действительно безнадежно глуп и должен уступить свою должность Ганнелу.

Теперь ленсмен служил под началом полковника. Этот последний, памятуя о незавидной участи прежних начальников Ганнела, не ждал для себя ничего хорошего и мечтал избавиться от честолюбца. Его приготовления не остались тайной для ленсмена и послужили причиной следующего разговора.

— Вы, кажется, убедились, что не можете меня убить, — ошарашил Киннисон своего командира, удостоверившись, что помещение надежно экранировано, — а я прикончу вас запросто. Вы сообразили, что у меня вот здесь, — он выразительно постучал по лбу, — больше, чем вы накопите за всю жизнь. Потому что, пока вы бражничали и бегали за юбками, я работал и учился. Мне не составит труда отобрать у вас должность, даже не покушаясь на жизнь. Однако я этого не хочу.

— Вы не хотите!.. — полковник удивленно и зло уставился на Киннисона. — А чего же вы тогда хотите? — Он понимал, что Ганнел чего-то добивается.

— Вашей помощи, — ощерился Киннисон. — Я хочу попасть в личный штаб Алкона, в качестве советника. С моим опытом и подготовкой я принесу больше пользы там, чем здесь, в гвардии. Вот мое предложение: я избавляю вас от проблем, укрепляю ваше положение, а вы используете свое влияние на генерала и премьер-министра.

— Согласен, — не задумываясь, выпалил полковник. Про себя он добавил: «Если не смогу прихлопнуть тебя сначала».

И Киннисон взялся за полковника. Он учил его тонкостям военного искусства, о которых этот штабной офицер даже понятия не имел, посвящал в тайны стратегии, недоступные пониманию звильника. И чем больше Киннисон его наставлял, тем сильнее становилось желание полковника от него избавиться. И поскольку почтенный военачальник быстро смекнул, что убить нудного педанта не удастся, а оставить его в гвардии — значит в считанные дни, в крайнем случае, недели, потерять

место, — он пустил в ход все связи, надавил на все кнопки.

Но еще до того, как перевод стал реальностью, Киннисона вызвал Нэдрек.

— Прости, что беспокою, — рассыпался в обычных извинениях полэнианин, — но я здесь кое-что обнаружил. Небезынтересное для тебя. Этот Кандрон получил приказ переправиться через гиперпространственный туннель, выходящий в пункт с координатами 217-493-29 в одиннадцать часов через семнадцать тралианских дней, начиная с сегодняшнего.

— Ну и дела! И ты хочешь отправиться вслед за ним? — предположил Киннисон. — Отлично — вперед! Я тебя там встречу. Подделаю документы на отпуск, чтобы выбраться отсюда, и мы его хорошо потреплем...

— Только не я, — решительно прервал его Нэдрек. — Я не могу бросить работу недоделанной. Кроме того, это опасно. Не зная, куда выходит туннель, мы не можем ничего спланировать, заручиться гарантиями безопасности и успеха. И ты тоже не должен отправляться туда — это немыслимо. Я связался с тобой для того, чтобы, если дело того стоит, ты послал туда несколько наблюдателей, чья жизнь не так важна для Патруля.

— Гмм... Понимаю. Спасибо, Нэдрек. — Киннисон не позволил ни одной из тех мыслей, которые вспыхивали у него в мозгу, прорваться наружу.

«Странный парень, этот Нэдрек, — размышлял он, вызывая Хейнеса. — Я совсем его не понимаю...»

— Адмирал? Это Киннисон. — И он изложил ситуацию. — «Неустрашимый» отлично оборудован для таких вылазок, а место не столь далеко, так что я не предвижу особых проблем, — заключил свой доклад лэнсмен. — Мы сожжем все, что находится на другом конце туннеля, только пошлите столько ребят, сколько сможете. Жаль, что нет времени заполучить Кардинга. Сэр Остин взвоет волком, если пропустит потеху!

— Кардинг здесь, — прервал его Хейнес. — Он что-то там вычисляет для искусственных протуберанцев Торндайка. Не знаю, закончил ли он, но, без всякого сомнения, захочет отправиться с нами.

— Отлично! — И они договорились о встрече.

Улизнуть со службы оказалось неожиданно просто. Разведчики сообщили о необъяснимых вмешательствах в работу определенных линий связи. Мысли высокого

руководства заполонил «тот ленсмен» и, когда Ганнел, уже доказавший свою доблесть и прозорливость, вызвался заняться этим, он сразу получил приказ.

Он не стал подбирать экипаж из своих приближенных, а взял пятерых рядовых из батальона, словно не подозревая, что двое из них верой и правдой служат полковнику, другие два — генералу, а один — капитану, который занял место Киннисона после его повышения.

Полковник пожелал Ганнелу удачи, искренне надеясь, что «тот ленсмен» избавит его от пронырливого карьериста, а Киннисон, потешаясь от души, степенно поблагодарил его.

Он не стал двигаться вдоль линий связи, и шпионящий за ним экипаж не осознал этого факта, поскольку отключился через пять минут после того, как корабль вышел за пределы атмосферы Трала.

Солдаты пребывали в блаженном забытье и тогда, когда спидстер оказался в огромном трюме «Неустрасимого». Их бесчувственные тела перенесли в лазарет — под надзор врачей.

Пилоты Патруля легко обнаружили корабль Кандрона и, включив маскировочные экраны, следовали за ним. Когда судно онлонианина сбросило скорость перед входом в гиперпространственную воронку, «Неустрашимый» тоже притормозил и продолжал преследование, держась вне поля электромагнитных детекторов. Но вот вражеское судно исчезло из трехмерного пространства. Место исчезновения было установлено с предельной точностью, и через несколько секунд «Неустрашимый» достиг его. Обычные двигатели застопорили, включив специальные генераторы: Затем, когда силовые поля корабля откликнулись на воздействие планетарной станции Боскома, экипаж снова пережил отвратительные ощущения межпространственного ускорения.

Сильный тренированный организм способен превозмочь морскую болезнь, воздушную, даже космическую. Человек может силой воли остановить приступ тошноты и приучить себя достаточно спокойно воспринимать бесконечное падение, переживаемое в невесомости. В его силах сделаться невосприимчивым к физическим и ментальным недомоганиям, обязательно сопровождающим безынерционное движение. Но ни одному человеку не удавалось привыкнуть к межпространственному ускорению.

Невидимая сила сдавливала — но не все тело цели-

ком, а как бы каждую его частичку отдельно. Она скручивала человека, не позволяя ему ни оставаться на месте, ни покинуть его. Это безболезненное, но всеобъемлющее превращение накатывалось растущими волнами, корежило, словно бы пытаясь вытолкнуть каждую частицу существа.

Эта мука в конце концов отступила; «Неустрашимый» начал путешествие на постоянной скорости по курсу, заданному гиперпространственным туннелем. Люди, с трудом отойдя от пережитого потрясения, обрели способность двигаться и приступили к работе.

Сэр Остин Кардинг, пребывая в обычном состоянии суетливой восторженности, порхал от прибора к прибору, следя за экранами и индикаторами. Он как никогда был похож на тощего серого кота. Киннисону даже почудилось, что сэр Остин вот-вот облизнет свои усы и замурлыкает.

— Понимаешь ли, мой невежественный юный друг, — ученый действительно почти замурлыкал, когда перо одного из самописцев нарисовало на движущейся бумажной ленте замысловатый узор, — как я уже говорил, недостаток точных данных об этом исключительно сложном феномене пагубен для теоретика. Хотя мои прошлые заметки были, очевидно, исчерпывающими и достаточно точными, наши экспериментальные туннели дают сбои. Временной фактор очень противоречив — полностью, во всех аспектах, даже в смысле отбытия из нормального пространства и возвращения в него. Это совершенно немыслимо, что время — один из фундаментальных факторов Вселенной — внутренне изменчиво или, по крайней мере, может быть таковым...

— Вы так думаете? — прервал его Киннисон. — Посмотрите сюда. — Он указал поочередно на несколько часов, в первую очередь — на хронометр Кардинга. — Ваши часы показывают, что мы находимся в туннеле около часа, вон те — чуть больше девяти минут, а эти говорят, что мы должны стартовать только через двадцать минут — они, похоже, идут в обратную сторону. Как вы объясните такое?

— Э... гмм... э... — Сэр Остин быстро оправился от смущения. — Ага! Я был прав! — Он радостно закудал. — Старый осел! Уверовал в свою непогрешимость и проморгал самое важное. Конечно же, время в гиперпространстве внутренне переменчиво, и в большой степени.

— И что это дает? — хмыкнул Киннисон.

— Многое, мой порывистый друг, очень многое! — ответил Кардинг. — Мы наблюдаем, мы фиксируем факты. Из наблюдений и фактов мы выведем теорию и очень скоро придем к пониманию внутренней сущности времени.

Киннисон скептически покачал головой, и он был прав. Действительная природа времени еще долго оставалась загадкой. Аризiane, может быть, и знали, что такое время, но все остальные расы не находили объяснения.

Одно было непреложным фактом: люди и приборы на борту отмеряли время каждый по-своему. Для одних оно тянулось мучительно долго, для других — летело. Как бы то ни было, «Неустрасимый» еще не достиг конца гиперпространственного туннеля.

В середине полета раздался какой-то хруст или скрип, и снова навалились мерзкие ощущения — наступило торможение. Приборы внезапно «ослепли». Никакое излучение — на любой частоте в видимой и невидимой части спектра, на уровне пространства или субпространства — не могли рассеять окружающий мрак. Все экраны залила серая пустота, и корабль окутало смутное облако из аморфной серой массы. Ни света, ни тьмы, ни звезд, ни созвездий, ни туманностей — ничего.

Торможение прекратилось. Люди снова пришли в себя и с наслаждением ощутили привычную силу тяжести. Серая мгла исчезла с экранов, сменившись приятной для глаз астронавта бархатной чернотой, расцвеченной драгоценными кристаллами далеких звезд, таких привычных и знакомых.

Но действительно ли они знакомы? Люди встревожились. Нет, это чужие звезды. И галактика не та. Киннисон в ужасе уставился на экран.

Он ожидал очутиться где-то во Второй Галактике. Но тогда на экране мерцал бы знакомый, даже родной Млечный Путь, и по его форме, размерам и плотности можно было бы сориентироваться за пару минут. Но напрасно он всматривался в изображение. Ничего похожего...

Киннисон не испытал такого удивления, даже вынырни корабль где-нибудь в открытом межгалактическом пространстве. Там во все стороны простиралась абсолютная тьма, но на ее фоне обязательно проступали вытянутые смутные образования — галактики. Ориенти-

роваться было бы сложнее, спору нет, но компьютер «Неустрашимого» справился бы... Но здесь не было ни одной галактики, ни одной туманности!

Глава 18

ПЕРВЫЙ МИНИСТР ФОССТЕН

На фоне такой черноты, что космос казался лишенным материи, горело и мерцало множество звезд и ничего более. Несколько сотен из них, на беглый взгляд, достигали минус третьей величины; приблизительно таково же было количество звезд минус второй величины и прочих. Однако в этом невероятном пространстве не попадалось ни одной звезды или другого небесного тела, величина которого приближалась бы к плюс четырем.

— Что вы об этом скажете, сэр Остин? — с надеждой спросил Киннисон. — Я просто поражен!

Математик засеменил к нему, чем несказанно удивил ленсмена, который привык, что Кардинг обычно подплывает, величественный и суровый, несмотря на свою птичью комплекцию. Впрочем, присмотревшись, он понял, что на самом деле сэр Остин вовсе не спешил, хотя его ноги и мелькали в быстром темпе. Когда до Киннисона оставалось шага два, скорость старика снизилась до обычной.

— О! Время, должно быть, свихнулось здесь тоже, — заметил ленсмен. — Взгляните, как быстро двигаются те люди, что дальше от нас, и насколько медленно шевелятся другие!

— Да, да... Интересно, страшно интересно. Интригующий феномен! — пробормотал математик.

— Но это так, между прочим... Я хотел спросить о другом. Поверните вот тот экран, так чтобы наблюдать за звездой. Каково, а?

— Странно... Я бы даже сказал: неповторимо, — буркнул ученый, закончив осмотр. — Не похоже ни на одну нормальную конфигурацию или распределение, известные мне. Можно было бы поразмышлять об этом, но не лучше ли сначала получить надежные данные? Например, приблизившись к солнечной системе и проводя систематические наблюдения.

— Ха! — Киннисон воззрился на шуплого старца. Силен! — Да вы просто маньяк, сэр Остин, раб идеи! Вы знаете, вас, наверное, связывать пора, а? — Но заметив, что седые лохматые брови съехались к переносице, добавил примирительно: — Не сердитесь. Оставим это. — И обратился к пилоту: — Ты все понял, Хен?

— Да.

— Тогда дуй прямо к одной из ближайших звезд, остановись и двигайся дальше по инерции.

— Будет сделано, Ким, — кивнул Хендерсон.

Когда они уже плавали в невесомости, экран, на который устались Киннисон и Кардинг, вдруг почернел. Звездная россыпь исчезла, как будто ее и не было.

— Почему?.. Что?.. Как, во имя всех желтых дьяволов космоса, могло это произойти? — пробормотал Киннисон.

Кардинг молча протянул руку и переключил тумблер из положения «визуально» в положение «ультра», после чего звезды засияли столь же внезапно, как исчезли.

— Ерунда какая-то! — недоумевал ленсмен. — Скорость инерции не больше световой... Это невозможно!

— Невозможного очень мало, если оно вообще есть. Все на свете относительно, — с пафосом заявил старик. — Например, это пространство. Вы еще даже не осознали, я вижу, что мы находимся не в трехмерном пространстве, в котором были только что.

Киннисон сглотнул. Он собирался что-то возразить, но умолк перед лицом незыблемой убежденности Кардинга.

— Так-то лучше, — продолжал сэр Остин. — Сохраняйте спокойствие, чтобы не наделать глупостей. Не принимайте ничего на веру, не спешите с выводами. Рабочая гипотеза, молодой человек, должна быть основана только на надежных фактах. Никаких догадок, суеверий или вымыслов.

— Черт побери, вот это прыжок!

Девять десятых экипажа «Неустрашимого» терялись в догадках, не понимая, что происходит; даже Киннисон был смущен. Кардинг, однако, сохранял олимпийское спокойствие, словно все, что творилось, было ему не в диковинку.

— Смилуйтесь, сэр Остин! — взмолился ленсмей. — Объясните в чем тут фокус, и подходчивей, пожалуйста.

— Наши незадачливые мыслители столетиями толковали о возможности параллельного существования различных миров в гипотетическом гиперпространстве. Я никогда не предавался этому пустому занятию. Но теперь появились реальные данные, подтверждающие такие гипотезы, так что я считаю эту область весьма плодотворной для исследований. Два наиболее важных факта сейчас стали очевидными: изменчивость времени и состоятельность наших так называемых заскоков движения. В разных мирах, по-видимому, действуют разные законы.

— Но, выключись генераторы в туннеле, мы оказались бы в своем собственном мире, — возразил Киннисон. — Как вы это объясните?

— Разве я не пробовал что-то объяснять? — иронично полуболезненно сказал Кардинг. — Впрочем, можно выдвинуть две гипотезы, удобоваримые даже для ваших мозгов. Первая — судно располагается в складке нашего родного мира. Вторая — отключение силовых полей на корабле всегда возвращает его в исходное пространство, в то время как остановка планетарного генератора выбрасывает его в другое пространство. Возможно, существа, находящиеся на другом конце туннеля, заподозрили, что мы преследуем Кандрона и, как только он совершил посадку, отключили генератор, чтобы выдворить непрошенных гостей. Они могли посчитать, что эти ненавистные пигмеи никогда не вернуться. Но не спешите принимать на веру сказанное мной, ибо правда может заключаться в чем-то совсем иной.

Не забывайте, что фактов ничтожно мало. И если я позволил себе строить догадки, так только потому, что думал об этом, работая над нашими гиперпространственными туннелями. Теперь я просто продолжаю исследования, в которых уже достиг значительного прогресса.

Киннисон едва не чертыхнулся: старый зануда совершенно невыносим! Он окликнул шеф-пилота.

— Следуй свободным курсом, Хен, к любой планете. Придется сесть где-нибудь, прежде чем сможем отправиться домой. И пусть парни держат ухо востро. Надеюсь, мне нет нужды объяснять, что произойдет, если звильники выйдут на нас? — Затем он повернулся к Торндайку: — Верн, подготовь несколько персональных нейтрализаторов; нам предстоит собрать систему для уменьшения инерции. — И Киннисон в нескольких сло-

вах объяснил приятелям, что произошло и что надо делать.

— Вы уловили основную идею, Киннисон, — одобрительно прокаркал сэр Остин. — Действительно, необходимо создать внешний генератор, если мы рассчитываем вернуться в нормальную среду. Однако напрасно вы считаете, что для этого нужно найти планету, спутник, астероид или другое небесное тело.

— То есть? — оторопел Киннисон.

— Существует возможность, и вполне реальная, использовать «Неустрашимого» в качестве якоря для туннеля и для нас, а вернуться назад можно в спасательных ботах.

— Вы что, белены объелись? Покинуть к чертям собачьим корабль? Потратить чертову уйму времени на переделку ботов?

— Конечно, предпочтительнее и быстрее было бы найти планету, если это возможно, — согласился ученый. — Тем не менее, в этом нет крайней необходимости. Ваши мотивировки ошибочны, а лексикон удручает. Я поправляю вас в слабой надежде научить мыслить и выражаться с научной точностью.

— О-о-о! Боже мой! — Киннисон глубоко вздохнул, сделав над собой героическое усилие, чтобы молча «проглотить» нотацию.

К удивлению ленсмена — тот был почти уверен, что в загадочном мире не найти планет, — пилоты отыскиали твердое небесное тело, на которое можно было посадить корабль.

Планета производила весьма странное впечатление. Она неправильно двигалась и неправильно выглядела. Ни воды, ни воздуха, ни жизни — только хаотическое нагромождение причудливых обломков, по большей части металлических. Этот мертвый шар не был ни теплым, ни холодным — казалось, планета вообще не имеет собственной температуры.

— Черт-те что! — вздохнул Киннисон.

— Ну почему? — возразил Торндайк. — Время течет здесь с постоянной скоростью, каково бы ни было ее значение; с этими металлами можно работать, а некоторые другие местные материалы — использовать в качестве изоляторов. Я вижу, ты не подумал об этом. Что будет быстрее — уменьшить внутреннюю скорость от пятнадцати световых до нуля или соорудить генератор из здешних материалов?

— Ты прав на все сто. Однако будьте осторожны!

Осторожность требовалась немалая: ни одна частичка материи из корабля ни в коем случае не должна была использоваться в конструкции, и ни крупинки планетного вещества нельзя было занести на судно. За исключением этого работа предстояла достаточно простая; Кардинг отчетливо представлял, что нужно делать, а Торндайк — как. Недаром он занимался созданием генераторов для экспериментальных туннелей на Земле. В распоряжении техника был штат экспертов и сверх необходимого механизмов и оборудования. Материалы валялись вокруг горами, а расчистить безынерционную площадку для сборки оказалось несложно.

Работа закипела. Киннисон изнемогал от усталости, не мышечной, а нервной; его изматало непрерывное наблюдение за работой генераторов Бергенхольма и маленьких персональных нейтрализаторов. Он не потерял ни одного из своих людей, но снова и снова его преследовало жуткое видение: кто-то из ребят врывается в твердь планеты со скоростью, в пятнадцать раз превышающей световую. Кроме того, его извела необходимость то и дело проверять и перепроверять, не произошел ли, упаси боже, обмен материей между кораблем и планетой.

Но более всего Кима угнетало тайное знание, которым он не мог ни с кем поделиться. Кардингу, этому математическому гению, похоже, не удавалось найти способ вернуться назад! Он не решался заговаривать об этом с ученым, потому что понимал: не обладая сведениями об основах устройства мироздания, они, спасшиеся по чистой случайности, никогда не смогут вернуться в родное пространство. Вероятность того, что Кардинг обладал такими сведениями, даже меньше вероятности, что рыба знает основные структурные характеристики воды.

И по мере того как Кардинг мрачнел и замыкался в себе, поглощенный неразрешимой задачей, Серый Ленсмен погружался в меланхолию. Но тяготившая его проблема первой нашла разрешение, причем совершенно неожиданно.

— А, Киннисон, вот ты где! Я обдумываю твое положение уже около двадцати ваших секунд, — раздался вдруг в мозгу ленсмена глубокий незабываемый голос.

— Ментор! — вскричал он, не помня себя от ра-

дости. — Благодаренье Клоно, вы нашли нас! Как вам это удалось? Как нам отсюда выбраться?

— Найти вас не составляло никакого труда, — спокойно отвечал аризиянин. Я не нашел тебя в привычном окружении. Пришлось чуть-чуть поразмышлять, представить логически неизбежное развитие событий. Это было не слишком трудно.

Теперь о том, как вам выбраться оттуда. Ваши механические сооружения подойдут для этой цели. Что до теоретической стороны вопроса, я мог бы изложить тебе необходимую информацию, но она довольно специфична и громоздка, не стоит забивать ею твой разум. Математические выкладки вряд ли пригодятся тебе в ближайшее время. Поэтому установи, пожалуйста, связь с сэром Остином Кардингом. Я буду продолжать.

Киннисон с готовностью подчинился, и произошел разговор, смысл которого ленсмен не понял даже приблизительно. Дело в том, что Кардинг, как уже упоминалось, оперировал в уме универсальными математическими символами, понятными лишь посвященным. Ленсмен не относился к их числу, он знал только, что посредством этой тарабарщины аризиянин объяснял сэру Остину определяющие характеристики огромного количества параллельных, существующих независимо друг от друга миров.

Если это — мимолетная беседа, спрашивал себя пораженный ленсмен, то на что же похожа глубокая научная дискуссия? Нельзя сказать, чтобы он хотел принять в ней участие. Не удивительно, что математические маги теряли волосы; его голова тоже походила бы на бильярдный шар, усвой он хоть половину этих премудростей.

Зато сэр Остин поглощал информацию, как кошка слизывает сметану или расправляется с канарейкой. Он просто сиял и с жадностью впитывал формулы. Когда же аризиянин прекратил контакт, Кардинг разве что не урчал от блаженства, настраивая чувствительные счетчики и приборы, уже собранные техниками.

Наконец приготовления завершились. Кардинг отослал на борт все вещи, взятые с «Неустрашимого», кроме тех, что могли нести на себе частички чужеродной материи. Скафандры, которые были в ходу на планете, и все остальное, что внушало сомнения, без

колебаний выбрасывали за борт. Экипаж наконец-то скинул опостылевшие нейтрализаторы. Судно осторожно и постепенно возвращали в инерционное состояние.

Корабельные генераторы заработали, и огромный крейсер плавно и без усилий погрузился в другое измерение. И все повторилось вновь: ожидаемое, но от этого не менее мучительное ускорение, невероятный полет через яркую мглу, ужасное торможение.

И вот на экране корабля ярко вспыхнули звезды.

— Получилось! — закричал Киннисон, удостоверившись в том, что судно вернулось в привычный космос, в районе Второй Галактики, всего в нескольких парсеках от места их исчезновения. — Клянусь золотой улыбкой Клоно, сэр Остин, вы голова! И на собрании Общества в следующий вторник разве вы не сможете испелить этого осла Вейнгарда?

— Пустяки! — отмахнулся ученый. В глубине души он был очень доволен и польщен восторженной похвалой ленсмена, но ничто на свете не заставило бы его в этом признаться.

— Первое, что мы должны выяснить, это сколько времени прошло, — заметил Киннисон, связавшись с операторами Патруля на Кловии.

— Вот-вот, узнай, какой год пошел, — вставил угрюмый Хендерсон: он мучительно тосковал по Илоне.

Но все оказалось не так уж плохо — минуло немногим более недели по тралианскому времени. Киннисон успокоился; он-то опасался, что отсутствовал около месяца. Недельную отлучку объяснить ничего не стоит.

Запасы на тралианском крейсере привели в соответствие со временем мифической экспедиции. Ворсел с Киннисоном вложили в сознание пяти бесчувственных солдат детально проработанную легенду о том, как они странствовали с майором Ганнелом. Конечно, воспоминания каждого обладали индивидуальностью; ведь каждый занимался своим делом и по-своему воспринимал происходящее. К счастью, ленсменам удалось избежать следов вмешательства в память; ни одно ее звено не должно было разорваться.

«Неустрашимый» помчался к Кловии, а тралианский крейсер отбыл на родную планету. Спутники Киннисона очнулись, сами того не подозревая.

Сразу по прибытии Киннисон составил полный отчет о миссии, расписав свои заслуги без лишней скром-

ности, но и без преувеличения. Отряд обнаружил корабль-шпион Патруля неподалеку от одиннадцатого сектора, докладывал Ганнел, и преследовал его много парсеков, пока не настиг. Его brave солдаты обезвредили шпионское судно и проникли внутрь, забрав нижеперечисленные материалы. Настроив еще пару страниц верноподданнического бреда, Киннисон остался доволен: сработает, тем более что рядом с отчетом лягут секретные доклады его спутников своим высоким покровителям.

Полковник остался доволен, и майора Траска Ганнела с pompой и церемониями представили ко двору. Он даже получил из высочайших рук коробку, вроде сигаретной, непроницаемую для лучей шпионской аппаратуры. Таких презентов удостаивали лишь наиболее доверенных офицеров Алкона; в коробочке разрешалось хранить реликвии, секретные регалии. Киннисон искренне обрадовался подарку — теперь он сможет носить Линзу с собой, вместо того чтобы хранить ее зарытой в земле за городом. Получив повторный вызов во дворец, в совещательный кабинет, ленсмен замкнул свое сознание на все замки и защелки. Во время аудиенции он недолго находился возле Алкона, но успел понять, что разум тирана защищен необыкновенно крепким ментальным щитом.

Ганнел, заурядный субъект, не прошедший обработку, не мог иметь экрана. Киннисон понимал, что обречен вести рискованную игру: он не хотел, чтобы всякий звильник читал его мысли, но и не желал возбуждать подозрений.

Подходя к кабинету, Киннисон оказался в защитной зоне, где силовое поле подбросило его вверх. Он вскинул голову — это было единственное, что могло сохранить ментальные барьеры. Ленсмен знал, что неприятной процедуре подвергают всех, и не встревожился. Честно говоря, ему было не до того — он готовился к ментальному поединку со звильником, в чьи обязанности входило обшаривать и перетряхивать мозги посетителей — не обнаружится ли черных мыслей или крамолы. Этот тип мог здорово напакостить Киннисону, пустить всю его игру насмарку. Тем не менее он покорно позволил установить контроль над своим разумом, с некоторыми оговорками. Его сознание въедливо обыскали. Ничего интересного: бешеное честолюбие, козни сослуживцев, сладкие мечты о высочайших милостях, видение будущего величия...

Киннисон вошел в зал. Пока звучали вступительные речи и присутствующих представляли друг другу, он ухитрился незаметно проверить каждого. Офицеры не вызывали интереса — ординарные служаки. Но была одна личность, о которой Киннисон слышал много и всякого. Этот Фоссбен, премьер-министр Алкона, очень занимал ленсмена. Однако, памятуя об осторожности, он даже не коснулся таинственной персоны: а ну, как наткнешься на блок, и выдашь себя с головой? Зрение — инструмент ненадежный... А как насчет сверхчувственного восприятия? Попробуем! И ленсмен попробовал — для начала на Алконе. Нечто неосоздаемое обволокло ступни владыки, перекинулось на конечности и торс. Так, Алкон реален, он существует во плоти. Теперь можно заняться первым министром... Всемогущий Клоно!.. Посланный Киннисоном импульс молниеносно вернулся к нему, и ленсмен погасил его, испугавшись. Вот так сюрприз! Значит, то, что видят его глаза, только оболочка? Что, кроме мысленного экрана, могло остановить сверхчувственное восприятие? Разум Алкона, несомненно, подвергли обработке — ментальные щиты не возникают естественным путем у людей или гуманоидов. Чья это работа? Может быть, айхов или расы Кандрона? Черт с ним, с Алконом! Фоссбен — вот первое лицо на Трале, Алкон просто ширма. Возможно, Фоссбен и не гуманоид вовсе. Надо думать, это он распорядился насчет защитной зоны. Он теплокровный и дышит кислородом. Почти наверняка, это монстр, какого, вероятно, Киннисон и не видывал, или перед ним биоробот, управляемый на расстоянии? Возможно, но не обязательно. Истинное существо могло таиться внутри этого манекена или миража — короче говоря, того, что все считали первым министром.

— А что вы думаете об этом, майор Ганнел? — вкрадчиво спросил этот последний, внедряясь в то же время в сознание Киннисона.

Обсуждали планы вторжения в Первую Галактику. Ленсмен помедлил, как бы размышляя. Он и в самом деле думал, притом крайне осмотрительно. Если этот ублюдок намерен копаться в его, Киннисона сознании, надо отбить у него охоту — раз и навсегда. Слава Клоно, Фоссбен просто сверял мысли Ганнела с тем, что тот собирался сказать!

— Я новичок в Совете и не думаю, что мое мнение имеет большой вес, — закулил Киннисон и продублиро-

вал эту фразу мысленно, сдобрив ее точно выверенной дозой подобострастия. — И все-таки у меня есть собственная точка зрения на этот вопрос. Я твердо уверен в том, что наилучшей тактикой являлось бы укрепление позиций здесь, в нашей галактике.

— Значит, вы не одобряете немедленное выступление против Лиги? — спросил премьер-министр. — Почему?

— Я считаю, что непродуманные, неподготовленные шаги, ненужная спешка и есть скрытые причины наших теперешних неудач. Время не такой уж важный фактор: Великий План был разработан не на дни или годы, но на века и тысячелетия. Поэтому мне кажется очевидным, что медленная экспансия обеспечит нам неуязвимость. Опираясь на то, чем владеем, мы будем выступать против любой планеты, которую поддерживает Патруль.

— Вы отдаете себе отчет в том, что критикуете верховное командование, которое полностью поддерживает военные операции? — ядовито спросил Алкон.

— Вполне, — кивнул ленсмен. — Я отважился высказать свое мнение, поскольку меня спросили. Наш штаб потерпел фиаско, разве не так? Их мало критиковать — их необходимо разжаловать и сместить, заменить другими, которые добьются успеха.

Выступление Киннисона произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Несогласные с ним метали громы и молнии, но среди общей неразберихи ленсмен получил от премьер-министра короткое прохладно-одобрительное поздравление.

Когда майор Траск Ганнел возвращался в казарму, две вещи открылись ему.

Во-первых, он должен сбросить Алкона и стать тираном Трала. Нечего и думать атаковать или разрушить эту планету; на ней слишком много такого, что не постигается разумом, столько информации, что ни один мозг не переварит за всю жизнь.

Во-вторых, если он хочет остаться в живых, ему придется держать свои чувства в узде. Премьер-министр на редкость обидчив и при этом так неуязвим, что может прикуривать от лазерного луча.

ГАННЕЛ, ТИРАН ТРАЛА

Нэдрек не искал себе оправданий, когда говорил что не может оставить недоделанную работу. Как мы уже говорили, он не был храбрецом, казался тугодумом и отличался прочими чертами характера, которые обычно презируются между людьми. Все это не мешало ему преуспевать там, где смелые и решительные потерпели бы поражение. Вот и теперь он корпел над одной из наиболее грандиозных задач, когда-либо стоявших перед ленсменами. Характерно, что он не посвятил в свои хлопоты никого, даже Хейнеса и Киннисона. Полэнианин никогда не рассказывал о работе, пока не завершил ее, да и тогда отделялся сухим официальным отчетом. Несколько доверенных лиц знали, что он задержался на Онло, но и только.

Восьмая планета Трала могла, вероятно, считаться самой защищенной во Вселенной. По сравнению с ней Ярневан был карточным домиком, как и Земля, чудом уцелевшая благодаря искусственным протуберанцам и дерзкой отваге Галактического Патруля. Оборона Онло была всепланетной. Стратегия Кандрона заключалась в том, чтобы позволить любой атакующей силе высадиться и лишь тогда уничтожить ее взрывом.

Этот ледяной шар представлял собой неприступную гигантскую крепость. Каждый кубический фут ядовитой атмосферы контролировался излучателями, способными пробить любой защитный экран.

И вот Нэдрек — робкий, уклоняющийся от драки, предпочитающий оставаться в тени, — взялся за Онло. В одиночку!

Используя хитроумное изобретение, которое так пригодились на Лиране, он проник сквозь защитные экраны и посадил свой катер возле одного из колоссальных куполов.

Времени было в избытке, и вдумчивый исследователь возжелал узнать побольше о туземцах. Он добросовестно изучил каждое существо, его интеллект и психологию. Результаты он обобщил и классифицировал.

Усердный изыскатель обследовал купол за куполом. Никто не подозревал о его близком присутствии, но после его ухода в мозгу онлонииан проросли семена раздора, которые сулили горькие плоды.

Всякий разум имеет темные уголки, черточки, которыми не стоит хвастаться, свою ахиллесову пятую.

И Нэдрек принял роль Сатаны, взялся разжигать низкие страсти, пестовать самые подлые черты далекой от благородства расы. Он разделил онлонииан на группы, основываясь на том, какой порок доминировал в их натуре, и каждой группе посылал — серию за серией — отвратительные побуждения. Брюзга становился цепным псом, ревнивый к чужой удаче — бешеным завистником, расчетливый — алчным скупцом. Отношения между обитателями планеты невероятно усложнились. Только одно еще удерживало их от того, чтобы перегрызть друг другу глотки, — страх. Расшевелив в подсознании клубок спящих змей, Нэдрек разбудил и фобии. Онлонииан пугало все: угроза репрессий, возможность предательства, интриги завистников, двойное скрещивание. Они бы шарахались от собственной тени, не будь планета погружена во тьму. Страхи еще больше разделяли их. Каждый в одиночку вынашивал мрачные мысли, становился желчным и вспыльчивым. Планета уподобилась пороховому погребу — оставалось только чиркнуть спичкой.

Нэдрек навещал уже почти все купола. Остался один, главный. Здесь ленсмену пришлось потрудиться: властьимущие обладали более развитым мозгом. Их рассудок был упорядочен, приспособлен к умственной работе, установлению логических связей. Впрочем, задачу Нэдрека облегчало то, что темные страсти безраздельно царили и в сознании избранных. Входящий на вершину власти привыкает видеть врага в каждом, шагать по головам.

Пока коварный Нэдрек тихой сапой воплощал свои иезуитские замыслы, Киннисон плел интриги на Трале. Он сколачивал партию заговорщиков, вербовал шпионов. Эти занятия требовали известной изворотливости и ловкости. Киннисон не надеялся внедрить своих людей в ближайшее окружение Алкона или премьер-министра, так как те умели читать мысли. Ему даже приходилось мириться с присутствием соглядатаев в своем окружении, поскольку, изгнав их, он рисковал выдать свои ментальные способности. Киннисон разыгрывал простачка, который у себя под носом ничего не разглядит.

И все-таки ленсмен нашел выход: он поручил самым верным своим приближенным собирать сведения, порочающие шпионов. Дальнейшее было делом техники; наемные убийцы охотно избавляли подданных Алкона от

докучливых проблем. Личности более щепетильные легко находили повод для дуэли. Так что Киннисон просеял свою свиту и периодически очищал ее от ненадежных элементов. Впрочем, и будучи на побегушках у ленсмена, эти последние не могли выведать больше того, что он позволял им узнать.

Задачу Киннисона сильно осложняло то, что на нем, любимчике фортуны, перемахнувшем несколько ступеней служебной лестницы, скрестилось множество завистливых и подозрительных взглядов. Перед новым советником Алкона заискивали, добивались его расположения. Своим смелым выступлением против командования он снискал доверие могущественного премьер-министра и репутацию человека, к которому полезно примкнуть.

Правда, Алкон заподозрил неладное, роясь в мыслях клеветов Ганнела. Правитель много раз пытался проникнуть в замыслы майора, но не мог отыскать никакого подтверждения своим догадкам. Наконец он потерял терпение и во время очередной беседы с Ганнелом отправил жесткую зондирующую волну, которая должна была сорвать последние покровы с тайны, правитель ожидал результата. Его подстерегало разочарование. Сознание Ганнела не противилось вторжению, нет... Но Алкон оказался в положении человека, который долго подбирал ключи к заветному ларчику, сломал в бессильной злобе замок и обнаружил внутри позапрошлогодний счет из прачечной.

— Что это вы делаете? — возмутился майор. — Уж не пытаетесь ли загипнотизировать меня? Со мной такие штуки не проходят.

— Да как ты смеешь... — начал тиран, но не закончил фразы. Он еще не был готов к открытой борьбе с потенциальным узурпатором. Кроме того, Алкон убедил себя, что имеет дело с ординарным разумом. Этот простофиля даже не понял истинного смысла происшедшего — смутно ощутил что-то и посчитал попыткой гипноза! Еще несколько дней — и он расправится с выскочкой. Алкон сменил гнев на милость и продолжал вкрадчиво: — Это не гипноз, майор, а телепатия. Не стану вдаваться в подробности — вы их не поймете. Такое промывание мозгов, однако, необходимо. Люди занимающие столь высокие должности, как ваша, не должны иметь от нас секретов. Вы ведь согласны с этим, не так ли?

Мог ли Киннисон спорить с ним? Про себя он

дивился сверхчеловеческому терпению Алкона, но понимал, что на то есть особые причины.

— Я полагаю, что вы правы. Но мне это все же не нравится, — проворчал Ганнел.

«Пора брать ситуацию в свои руки», подумал ленсмен, возвращаясь из дворца. Дома он засел за составление подробных инструкций особо доверенным приверженцам, отобранным из числа людей, которые составляли его видимое окружение. Это тайное ядро заговора было так тщательно законспирировано, что никто из вошедших в него не знал остальных — только одного Ганнела. Киннисон сделал ставку на решительных, волевых субъектов, не обделенных способностями и мечтавших занять один из постов в будущем правительстве.

Прежде чем приступить к работе, ленсмен включил механический ментальный экран. Тот факт, что он пользовался этим устройством, вызывал, конечно, подозрения, но Киннисон не видел иного способа сохранить свою тайну. Его экран, подобно тому, каким он пользовался на Лонабаре, был избирательно прозрачным, но, в отличие от устройства, подsunутого Картифу звильниками, допускал перенастройку — изменение ширины щели и длины пропускаемых волн.

На очередном заседании Киннисон пошел ва-банк и можно сказать без преувеличения, расколол Совет. Правитель и премьер забеспокоились и поспешили распустить собравшихся, не вдаваясь в объяснения; Ганнела попросили остаться. Тиран был в бешенстве; премьер выжидал, сосредоточенно наблюдая.

— Я не намерен сносить оскорбления, от кого бы они ни исходили, — с металлом в голосе оборвал майор разнужданную ругань Алкона. — Я сыт по горло унижительной слежкой, лишаящей человека чувства собственного достоинства, и готов выйти из Совета, если вы этого пожелаете. Я согласен вернуться к прежнему статусу линейного офицера.

— Уйти в отставку? Вернуться? Не много ли ты вообразил о себе, идиот? — Алкон ощерился. — Или не понимаешь, что я собираюсь с тобой сделать? Только желание насладиться видом твоей медленной и мучительной смерти помешало мне пристрелить тебя на месте.

— Неужели? — возразил ему Ганнел с кривой ухмылкой. — А я-то думал, у вас просто кишка тонка. Будь вы уверены в себе, то давно бы что-нибудь предприняли, вместо пустой болтовни.

Он издевательски отдал салют, повернулся, щелкнув каблуками, и вышел из комнаты.

Тем временем первый министр, который, как уже знает читатель, был темной лошадкой и втайне управлял ничем не подозревающим Алконом, как марионеткой, лихорадочно размышлял. Майор очень ловок, даже слишком. Он чересчур предприимчив и осведомлен; его повышение оказалось на редкость стремительным. И этот мысленный экран — странное изобретение! Мысли, скрывающиеся за ним, отдавали крамолой. Те обрывки, что просачивались сквозь щели, указывали на внутреннюю силу, какой не мог похвастаться заурядный армейский офицер. И его последний поступок, открытый вызов повелителю Трала, плохо вписывался в характер майора. Возможно, его выходка просто блеф. Хорошо, если так. А ну как нет? Если это не блеф, то что? Как мог Ганнел набрать такую силу без его, Фоссбена, поддержки?

Если майор не лукавил, тогда все в порядке. Боском нуждается в сильном лидере, и как только сыщется достойный соперник Алкону, тот отправится в мир иной. А если Ганнел лжет? Надо выяснить истину без промедления.

И Фоссбен, окинув насмешливым взглядом незадачливого правителя, заходящегося в припадке бешенства, отправился вслед за мятежным майором.

Обронив несколько вступительных, пустых фраз, Фоссбен спросил в лоб:

— Когда вы оставили Круг?

— Зачем вам это знать? — парировал Киннисон. Он не понял смысла вопроса. Может, никакого смысла и не было — очередная ловушка. Тем не менее ленсмен не собирался давать противнику пищи для анализа.

Киннисон отделялся туманными оговорками все полчаса изоощренного словесного поединка. Беседу нельзя было назвать бессмысленной, но по окончании ее по-прежнему недоумевающий премьер уединился в своем кабинете и потребовал досье майора.

Фоссбен исследовал документы с пристрастием, ему одному известными методами.

Фотографии подлинны, печати ничем не отличались от тех, которые он сам ставил менее суток назад. Подписи не подделать. Чернила, бумага и пленка самые обычные. Ни подчисток, ни исправлений.

Несмотря на то, что бумаги майора казались безуко-

ризненными, подозрения росли. Кроме его собственного, на Трале два неподдающихся проверке разума. Мозг Алкона обработан, а мозг Ганнела? Что это — природный феномен? Еще один эддорианин, входящий во Внутренний Круг и посланный приглядывать за ним, Фоссбеном? Маловероятно... Высочайший не допустил бы такого. Что тогда? Аризанин? Это уже ближе к истине. Или... Звездный? Скорее всего!

Маловато данных, но, в любом случае, необходима крайняя осторожность. Выбор времени и места разоблачения должен остаться за ним, а не за врагом.

Затем первый министр посетил Военную академию, где произвел полную проверку. Он побывал в тех местах, где Ганнел родился и прожил большую часть жизни. Перерыл все документы, сличал фотографии и негативы.

Фоссбен заглянул в сознание шести разных людей, знавших Ганнела с детства. Все они были уверены в том, что человек, носящий это имя, не самозванец. Он обследовал каждую цепочку памяти в поисках рубцов, изломов или других признаков внешнего вмешательства. Ничего!

Несмотря на безуспешность изысканий — или даже благодаря ей — первый министр окончательно уверился, что Ганнел — подставное лицо. Вникая в самые незначительные, побочные детали, он попробовал найти следы, ведущие к Ментору с Аризии, но не преуспел в этом. Однако Фоссбен остался при убеждении, что тот, кто сумел фальсифицировать все документы, если они и вправду подделаны, сильный противник.

То, что Алкон считает тривиальным заговором, на самом деле гораздо опаснее. На Трале ни одно столь тщательно разработанное и успешное предприятие Эддора не обходилось без его поддержки или, по крайней мере, молчаливого согласия. Следовательно, это не эддорианин. Так кто же — аризанин или Звездный?

Что вообще известно о загадочном предводителе ленсменов?

Блейксли! Конечно же... Похожий почерк. В теперешней афере, разумеется, больше блеска, она тщательно продумана, но сходство очевидно не может быть случайным.

Но Звездный никогда не повторялся... Наверное, и его фантазия истоцилась, либо он не нашел иного пути сбросить Алкона.

Итак, Ганнел — тот, за кого себя выдает. Ведь и

Блейкли не был самозванцем — он, очевидно, находился под внушением. Одно из двух: либо Ганнела постоянно «пасут», либо Звездный превратил его в биоробота. Обе гипотезы объясняют нежелание майора подвергнуться любому ментальному обследованию, кроме самого поверхностного, и его спокойную уверенность в том, что Алкон не отважится схватиться с ним в открытую. Которая из двух гипотез верна, выяснится позднее. Главное, что невероятная сила интеллекта Ганнела получила объяснение — она исходила от ленсмена, который управлял майором.

Стало быть, где-то поблизости скрывался враг, неуловимый и жуткий, передвигая по шахматной доске свою пешку. Что ж, он, Гарлейн Эддорский, на чеку и в нужный момент сделает выпад!

Киннисон же, пользуясь отсутствием первого министра, не терял времени. Двенадцать человек испустили дух, уступив дорогу ставленникам Ганнела. В ту самую минуту, когда эддорианин подытоживал свои размышления, Киннисон входил в секретное убежище Алкона.

Тиран выкрикнул приказание страже, но та не подчинилась. Он схватился было за оружие, но излучатель Киннисона лишил его последней защиты. Сильный удар погрузил низверженного правителя в беспамятство. Землянин извлек из мозга врага все, что представляло интерес, и отправил Алкона напрямик в ад. «Тиран умер. Да здравствует тиран!» — сказал сам себе Киннисон и созвал новый кабинет министров.

Предпринятый ленсменом дворцовый переворот не сопровождался большим кровопролитием и не сказался на жизни страны, точнее, изменил ее к лучшему, так как новый правитель был мудрее предшественника. Причины для недовольства устранили заранее, так что воцарение Киннисона не встретило почти никакого сопротивления. Члены правительства пока сохраняли лояльность по отношению к нему.

— Вы знаете, как здесь оказались, — холодно начал Киннисон, — и пока поддерживаете меня, поскольку это единственный путь удержаться у власти.

Некоторые из вас наверняка уже вынашивают планы моего свержения. Я не стану увещевать вас или вызывать к чувству благодарности. Я просто ставлю вас в известность, что нелояльные понесут жестокую кару. Насколько мне известно, вы все уже пытались выяснить по разным каналам, какая судьба постигла ваших пред-

шественников, но не добились успеха. — Все молчаливо кивнули, признавая правоту Ганнела. — И никогда не добьетесь. Учтите, я знаю неизмеримо больше, чем Алкон, и гораздо могущественнее. Алкона никто не решился бы назвать слабаком, но он не умел добиться повиновения. Я сумею. Источники его информации были ненадежными, зато мои никогда не подводят. Алкон проморгал заговор, но со мной шутки плохи. Я не стану угрожать и предупреждать, давая преступникам второй шанс, но немедленно раздавлю всякого. Поразмыслите над сказанным, для вашей же пользы...

Министры удалились, уstraшенные, но предательство было их второй натурой. И спустя три дня трое из них последовали за Алконом. Диктатор собрал кабинет еще раз.

— Трое новых министров прослушали запись нашей первой беседы, поэтому нет нужды повторять сказанное тогда, — заявил он таким ядовито-вкрадчивым голосом, что слушатели содрогнулись. — Добавлю только, что я добьюсь полной покорности, даже если это будет стоить жизни всем вам и тем, кто придет на смену. Вы свободны.

Глава 20

ГАННЕЛ ПРОТИВ ФОССБЕНА

Расправа с неугодными не прибавила Киннисону самоуважения. Этот шаг, пусть и вынужденный, был безжалостным и подлым, похуже удара в спину; бедняги не имели ни шанса на спасение. Тем не менее мы бы покривили душой, сказав, что ленсмен стал сам себе противен.

Это был уже не тот лихой парень, что рубил с плеча на Альдебаране-1 и, не слишком задумываясь, пустился в безрассудную вылазку на Ярневан. Хорошо хоть, у него хватило ума взять с собой Ворсела. Теперь Киннисон не спешил действовать бездумно и основательно пересмотрел свой кодекс чести. Все в нем сопротивлялось этому, но Нэдрек был прав: положить жизнь для достижения промежуточного успеха — сомнительная заслуга; надо выжить и добиться своего, а значит, думать, проверять, предвидеть, чтобы свести риск до минимума, даже если тебя коробит.

Итак, Киннисон, целый и невредимый, восседал на троне тирана, и первый министр, вернувшись во дворец, оказался перед лицом свершившегося факта. Он тщательно изучал расклад сил, прежде чем попросить аудиенции у нового властителя.

— Разреши мне поздравить тебя, Ганнел, — ровным невыразительным голосом произнес он. — Не могу сказать, что я сильно удивлен, так как уже некоторое время наблюдал за тобой, причем — с неизменным одобрением. Ты превзошел все мои ожидания! Твой режим функционирует отлично, и за короткое время ты добился многого. Есть, однако, такое, о чем ты не информирован.

— Вероятно, — с иронией согласился Киннисон. — Например?

— Все в свое время. Ты, конечно, знаешь, кто является настоящим властителем здесь, на Трале?

— Я знаю, кто им б ы л, — поправил землянин. — Разумеется, только отчасти, поскольку, будь ваше участие более основательным, Алкон не наделал бы столько ошибок.

— Благодарю тебя. Ты понимаешь, конечно, мои мотивы. Я хотел, чтобы Тралом правил сильнейший. Могу сказать без лести, что так оно и стало. И все же тебе следует добавлять «сэр», обращаясь ко мне.

— Не раньше, чем вы будете добавлять «ваше величество».

— Ладно. Оставим это. Тебе, видимо, неизвестно, что каждый владыка Трала, кто бы то ни был, открывает свое сознание мне.

— Я действительно не подозревал о таком. Но это не меняет дела. Я полностью доверяю только тем, кто полностью доверяет мне, и пока что встречал мало таких. Вам я не доверяю ни на грош и открою свой мозг ровно настолько, насколько вы откроете мне свой.

— А... храбрость неведения. Я полагаю, причина в этом. Ты не понимаешь, Ганнел, что я могу уничтожить тебя, как только пожелаю. Несколько слов неповиновения будет достаточно. — Фоссбен не повысил голоса, но его тон был полон угрозы.

— Вы этого не сделаете, как не сделал Алкон. — Голос Киннисона прозвучал ровно, каждый слог наполнял спокойная уверенность в своих силах. — Хотите знать, почему я в этом не сомневаюсь?

— Было бы любопытно...

— Я полагаю, что вы на самом деле Звездный или действуете в союзе с ним. — Даже это поразительное заявление не вызвало ни тени удивления на лице Фоссбена. — У меня пока не было доказательств, но если вы будете настаивать на своем требовании, немедленно умрете. Правда, вас прикончит не сила мысли, а самый обычный бластер.

— А-а!.. Ты меня очень позабавил. — Рука премьера как будто невзначай потянулась к незаметной кнопке.

— Не трогать! — вскричал Киннисон. Он не совсем понял, зачем Фоссбен позволил ему заметить этот маневр, и действовал по наитию.

— Но почему же? Это ведь просто...

— Я знаю, что это такое. Я не в восторге от ментальных экранов. Предпочитаю, чтобы мой разум оставался на свободе.

Мысли Фоссбена неслись галопом. Вот оно — подтверждение его догадок. Ганнел боится оборвать связь со Звездным!

— Не будь ребенком, — укоризненно произнес премьер, — ты не хуже меня знаешь, что эти обвинения абсурдны. Тем не менее, наше взаимное недоверие не должно быть препятствием для совместной работы на благо Боскома. Я теперь еще больше уверен в том, что ты превосходишь по уму всех обитателей Трала и по праву занимаешь трон. Было бы ошибкой уничтожить тебя без крайней необходимости. Возможно, позже ты сам поймешь разумность моего предложения.

— Не исключено, — согласился Киннисон, — но весьма маловероятно. — Ему казалось, что он угадал причину перемены настроения Фоссбена, но полной уверенности у него не было.

— Теперь, когда мы выяснили отношения, — заметил ленсмен, — и договорились о вооруженном нейтралитете, я не вижу причин, почему бы нам не сотрудничать. Первейшей нашей задачей я считаю уничтожение Кловии со всеми силами Патруля, свившими гнездо на ней.

— Верно. — Если у Фоссбена и были какие-то подозрения насчет искренности тирана, он хранил их при себе, и дальнейшая беседа протекала гладко.

Как и прежде, Киннисон стоял на том, что удар требует серьезной подготовки. Он хотел дать Патрулю время для укрепления Кловии и развертывания оружия, мощи которого самая неуязвимая из летающих

крепостей могла сопротивляться не лучше хрупкой прогулочной яхты.

Неделя проходила за неделей, и Фоссбен уже не знал, что и думать. Ганнел делал все возможное для строительства непобедимого космического флота. Пару раз первый министр подбрасывал ему идейки, якобы на пользу дела, а на самом деле ослабляющие ударную мощь. Ганнел решительно отвергал их, не останавливаясь перед конфликтом с правителем.

Флот Боскома рос как на дрожжах, пополнялся огромными летающими крепостями, супердредноутами, крейсерами, разведчиками.

— Пусть лучше все будет в избытке, — провозглашал Ганнел в ответ на недоуменные вопросы премьера и требовал, чтобы офицеры подверглись строжайшей выучке.

Совместно с Фоссбеном он разработал новую систему управления флотом. Она выглядела сырой и беспомощной по сравнению с той, что практиковалась силами содружества, но для Боскома стала подлинным откровением и вызвала всеобщее восхищение.

Эддорианин, подозрительный и циничный, начал сомневаться в безошибочности собственных суждений. Эти сомнения умножились, когда тиран начал муштровывать офицеров. Он не знал жалости ни к подчиненным, ни к себе, придирался к самой малости. Его язвительных разносов боялись едва ли не больше разжалования — к последней мере Ганнел прибегал довольно часто. Из раза в раз диктатор бросал свои силы в невероятно запутанные маневры, пока не добился полной слаженности действий.

И вдруг в один прекрасный день в мозгу тирана раздалось:

— Клянусь Клоно, Ким, пора выступать. Мы готовы. — Это Хейнес вышел на связь при помощи Линзы.

Киннисон ежедневно беседовал с порт-адмиралом и давно убедился, что первый министр не может улавливать мысли, переданные Линзой, особенно если пользоваться ментальным экраном. Таким образом, стратеги Патруля были не хуже Киннисона информированы о каждом шаге Боскома.

Ленсмен вызвал Фоссбена, который застал тирана в самом мрачном расположении духа.

— Ну что, похоже, мы близки к полной готовности, как никогда, — пробурчал тот. — Есть ли у вас советы, критические замечания, предложения?

— Пока нет. Вы заметно преуспели.

— Возможно, — брюзгливо ответил Ганнел. — Вы, без сомнения, заметили, что я даже не заикался о том, как нам приблизиться к врагу?

Фоссбен действительно отметил это странное упущение. Здесь, полагал он, и прячется камень преткновения. Тут-то агент Звездного и попадетсЯ!

— Я долго думал об этом, — по-прежнему угрюмо проговорил Киннисон. — Я знаю достаточно, чтобы найти свои слабые места. Разбираюсь в тактике и стратегии. Однако вынужден признать, что я полный профан во всем, что касается гиперпространственных туннелей. Поэтому предлагаю вам взять на себя разработку способа перемещения армады. А я, конечно, берусь командовать битвой.

От удивления премьер не находил слов. Неужели Ганнел действительно думает только о благе Боскома? Однако все его изумление не могло побороть привычного скепсиса. Фоссбен решил не спешить с заключениями и заметил осторожно:

— Использование гиперпространственных туннелей имеет две плохие стороны: во-первых, мы не представляем, что происходит вокруг; во-вторых, все попытки такого рода оканчивались неудачно — вопреки нашим ожиданиям врага не удавалось застичь врасплох.

— Верно, — бесстрастно согласился Киннисон. — С другой стороны, передвигаясь в открытом космосе, мы наверняка будем замечены издалека.

— И все же — почему не использовать обычный метод?

— Вам виднее, — последовал безразличный ответ.

— Нет ли у вас какого-либо предпочтения? — недоверчиво осведомился Фоссбен.

— Ни малейшего. — Тиран оставался холоден и непроницаем. — Если бы оно было, я попросту приказал бы готовить перелет. Не имея своего мнения, я доверяю решение вам — без оговорок.

Разговор зашел в тупик.

— Лучше остановимся на открытом космосе, — наконец решил первый министр.

— Пусть будет так.

И вот непобедимая армада, краса и гордость Боскома, как говорили политики в своих спичах, выстроилась в чудовищное формирование и взяла курс на Кловию. Незадолго до встречи с силами Патруля Фоссбен вызвал тирана в командирскую рубку.

— Ганнел, я никак не могу раскусить вас, — заметил он, буравя собеседника пронзительным взглядом. — Вы не давали никакого повода для недоверия, и тем не менее я до сих пор подозреваю вас в предательских намерениях. Так было с самого начала...

— Без всяких на то оснований, — холодно обронил Киннисон.

— Что? Оснований вполне достаточно! — оборвал его Фоссбен. — Разве вы не отказывались открыть мне свой разум?

— Конечно. Почему бы и нет? Вам не надоело обсуждать это? Как я мог настолько доверять тому, кто не пожелал даже показать мне свой истинный облик?

— Это в ваших же интересах. Мне не хотелось говорить вам, но по правде сказать, человек не может видеть мое настоящее обличье без ущерба для психики.

Ум эддорианина напряженно работал. Должен ли он показать свою телесную оболочку, которая достаточно реальна для человеческого восприятия? Чепуха! Звездный не удовлетворится созерцанием осязаемой оболочки — ему не терпится проникнуть в мысли.

— А вы попробуйте, — предложил Киннисон. — Я повидал достаточно монстров на своем веку и пока еще не свихнулся.

— В вас говорит безрассудство неопытной молодости и бездонное невежество примитивной расы. — Голос Фоссбена стал глубоким и звучным. Взглянув попристальнее в непроницаемые мертвые глаза Киннисон вздрогнул от дурного предчувствия. Тембр и оттенки голоса вызывали в нем какие-то тревожные ассоциации, но какие? — Я подавлял искушение проучить тебя не потому, что не могу этого сделать, как ты наивно полагал; я боялся, что обрушив на тебя страшное знание, выведу из строя твой рассудок. Если ты бросишь упрямиться и будешь сотрудничать со мной добровольно, то, несомненно, станешь величайшим и могущественнейшим правителем Боскома. Подумай об этом хорошенько.

— Подумаю, — согласился ленсмен серьезнее, чем хотел бы. — Но что же все-таки заставило вас поверить, что я работаю против Боскома?

— Все, — ответил Фоссбен. — Я не смог найти промахов. Но твои действия не стыкуются с необъяснимым

отказом открыть мне свои мысли. Более того, ты никогда не пытался отрицать, что ведешь тайную игру.

— Свое нежелание я уже объяснял, и не один раз. Это не каприз, а непреодолимое отвращение. Можете назвать его фобией, — устало возразил Киннисон. — Я просто не могу! Раз вы не способны меня понять, спорить совершенно бесполезно. Вы не поверите любому моему утверждению, чем бы я ни клялся.

— Пожалуй, нет, — последовал осторожный ответ. — Нет, конечно, нет. Люди — особенно властолюбцы вроде тебя — часто лгут... Может быть, твоя несговорчивость объясняется тем, что у тебя не хватает наглости вынашивать безумную идею сместить меня?

Киннисон едва не подпрыгнул. Вот где ключ к загадке! Этот тип, это нечто, существо, создание — и есть враг, за которым он долго гонялся. Подумать только, в трех футах от него сидел тот, к схватке с кем ленсмен горячо стремился!

— Мне надоело повторять одно и то же, — спокойно заявил землянин. — Но раз уж вы об этом заговорили... Да, я буду бороться за власть с каждым, даже с вами. Почему бы мне не претендовать на самое высшее звание?

— Хрруммпф! — Монстр — Киннисон не мог более думать о нем, как о Фоссбене, или первом министре, или вообще о человеке — фыркнул с таким безграничным, уничтожающим презрением, что даже закаленный дух ленсмена дрогнул. — С тем же успехом ты можешь меряться силой с моментом инерции небольшой планеты. Теперь, молокосос, твоя песня спета. Время колебаний кончилось. Да, я хотел побережь тебя для того, чтобы ты правил частью Боскома, был моей правой рукой. Однако ты не представляешь такой уж ценности, чтобы не прихлопнуть тебя на этом самом месте.

Неприятный холодок пробежал по спине ленсмена. Этот тип, называющий себя Фоссбеном, — кто он или что? Кого он так сильно напоминает? Эта манера думать и говорить... Ментор! Аризанин? Полная чушь!.. Кем бы ни было странное существо, оно обладало огромной силой — достаточной, чтобы поднять грузовое судно с северного полюса Валерии... Почему же оно бездействовало, терпеливо спорило с ним? О, кажется, понял... Нужно выиграть несколько минут, оттянуть развязку, прикинуться, что готов лизать башмаки...

— Я высоко ценю ваше терпение, сэр. — Эта не-

большая уступка и тот факт, что надменный тиран вскочил и забегал по рубке, смягчил суровое лицо первого министра.

— Все же меня немного удивляет такой поворот. Это не совсем согласуется с прошлыми событиями. Может быть, я, как вы говорите, слишком глуп, чтобы трезво оценивать собственные способности. Для человека моего темперамента все же трудно, почти невозможно подвергнуться унижительной проверке, которой вы требуете. Мне было бы гораздо легче, если бы вы, сэр, согласились показать свою истинную сущность, дав самое недвусмысленное доказательство своей правоты.

— До чего ты упрям! Я уже говорил и повторяю опять: ты рискуешь потерять рассудок! — проскрежетало чудовище.

— Что вам за дело, останусь я в здравом уме или нет? — огрызнулся Киннисон, надеясь, что его бравада покажется последним слабым порывом к сопротивлению. «Еще минуту... две!» — молил он судьбу. Сейчас радары разведчиков обнаружат флот Боскома. Тогда для него и первого министра, для них обоих, наступит решительная минута. Он должен успеть остановить генераторы и движение флагманского корабля.

— Не объясняется ли ваше долготерпение желанием выяснить, каким образом мой мозг стал таким, как сейчас? Взломав барьеры ментальным ударом, вы могли уничтожить те сведения, которые хотели получить ради собственной безопасности?

Киннисон по-прежнему метался по рубке, но потихоньку приближался к контрольной панели. За мысленным экраном, которому он больше не доверял, ленсмен собирал в кулак силы воли и разума. Остались секунды. Его левая рука, скользя в карман брюк, сжала коробку, внутри которой лежала Линза. Правая рука была уже в полной боевой готовности.

— Так умри теперь! Я узнал тебя по абсолютному совершенству работы. — Ты — Звездный! — вскричал Фоссбен.

Ментальный удар обрушился на Киннисона с последними словами, но Серый Ленсмен встретил его во всеоружии. Быстрое движение подбородка смахнуло мысленный экран прочь. Коробка вылетела наружу, живая Линза засверкала на мощном запястье. Бластер, выхваченный из кобуры, уже слизывал все вокруг ненасытным раскаленным языком. В мгновение ока он спалил пулты

управления генераторами и операторов, столпившихся перед ними. Судно двигалось по инерции. Теперь придется основательно потрудиться, прежде чем флагман Боскома снова сможет летать свободно!

К счастью для Киннисона прошла всего лишь доля секунды, так как нарастающая ярость атаки очень скоро потребовала бросить на защиту все силы.

Губы ленсмена растянула свирепая усмешка. Теперь он видел, с кем имеет дело, на что способно чудовище! Ни страха, ни сомнения в исходе боя не вспыхнуло в его сознании. Недаром Ментор, обладатель едва ли не самого необоримого интеллекта во всех мирах, преподавал ему суровые уроки. Его враг, конечно, силен, но напрасно пыжится, надеясь справиться с человеком!

Пока эта мысль проносилась в его голове, ленсмен послал из бластера заряд, который мог сжечь дюжину человек, и с изумлением увидел, что это не возымело никакого действия.

Трудно сказать, который из двух бойцов был удивлен больше. Каждый из них считал свой разум неприступным и непобедимым. Как только Фоссбен понял, с каким поразительно сильным врагом столкнулся, он отправил мысленное послание на Эддор, Высочайшему. Заблокировано! Звездный и аризианин в одном лице?! Эддорианин приказал дежурному офицеру убить тирана. Тщетно! Схватка шла не на жизнь, а на смерть, и он не мог больше тратить ментальные силы на управление кем-то третьим, тем более что в рубке остались одни трупы. Удары монстра, отразившись от ментального щита Киннисона, рикошетом угодили в свидетелей борьбы.

В первые минуты схватки один вид ужасной Линзы, мерцающей на запястье правителя, поверг офицеров в шок. Самые решительные из них попытались схватиться за бластеры, но было уже поздно: дрожащие, почти парализованные мускулы отказывались повиноваться.

Но куда более страшное зрелище ожидало тех, кто подоспел на шум. Под шквалом ментальной энергии телесная оболочка Фоссбена начала растекаться, обнажая истинное естество. Противник ленсмена не сильно грешил против истины, когда предупреждал, что это зрелище может свести с ума. Большинство офицеров тут же лишились рассудка, и если они не бросились прочь с воплями ужаса, то лишь по той простой причине, что могли только корчиться, растянувшись на полу. Кричать они тоже не могли — бормотали что-то бессмысленное.

Еще ярче и сильнее вспыхнула Линза; Киннисон пропустил через нее всю свою громадную, неукротимую, энергию. Это была самая великая битва его жизни! Пространство и субпространство вскипели от ярости выпущенных на свободу сил, и все, кто были на корабле, распрощались с жизнью. Линза заполнила рубку многоцветным сиянием. Ни тогда, ни позже, ленсмен не мог понять до конца, что происходило. Ему померещилось, что в самую горячую минуту Линза исчезла вдруг, а затем появилась снова, принесла с собой помощь.

Монстр начал сдавать позиции. А затем взгляду Киннисона открылся м о з г!

Уродец имел, конечно, что-то вроде туловища — без шеи, — зачатки конечностей, какие-то придатки, но над всем доминировала гигантская голова.

Аризианин?! Как две капли воды похож на старого Ментора... Неожданное открытие оглушило ленсмена, но установка на победу была слишком сильна, и ничто не могло выбить его из седла.

Медленными тяжелыми шагами Киннисон приблизился к поверженному и выбрал уязвимые области по бокам чудовищной головы. Вправо, влево, вправо, влево, — моталась голова под ударами, и следом за ней перекачивалось отвратительное тело.

Кулак Киннисона вполне мог размозжить тонкую скорлупу черепа, но он не спешил убивать загадочного противника. Прежде надо разобраться во всем.

Ленсмен понимал, что, очнувшись, враг закроет от него сознание, и решил вывести монстра из строя на несколько часов, что понадобятся ему, Киннисону, для восстановления сил.

Добившись желаемого, землянин растянулся прямо на полу и некоторое время мало отличался от мертвецов, валявшихся вокруг.

Вот так получилось, что, когда два гигантских флота встретились для боя, флагман Боскома висел неподвижно и безмолвно в пространстве. На его борту находились пятнадцать сотен трупов, бесчувственный Мозг и обессиленный Серый Ленсмен.

СРАЖЕНИЕ У КЛОВИИ

Флот Боскома был, как уже говорилось, грандиозен, но по числу кораблей, безусловно, уступал армаде Патруля, так как ни один обычный мозг не сумел координировать действия большего количества боевых машин. Надо сказать, однако, что значительную его часть составляли супердредноуты, почти неуязвимые в бою.

Во время маневров Киннисон управлял флотом как единым целым и усиленно поддерживал мысль, что грандиозные медлительные перемещения — единственно возможная тактика для такой громады. Он внушал это штабным офицерам, а те — командирам подразделений. Дальше этого пункта обучение не заходило. Неискушенному в военном искусстве воинству Боскома, даже подозрительному Фоссбену, не приходило в голову, что Ганнел в зародыше уничтожал всякую мысль о правомерности. Возможность того, что три-четыре сотни небольших формирований нарушат строй и будут действовать независимо, казалась нелепой.

В том-то и состояло непостижимое для звильников тактическое превосходство Патруля, что Хейнес через четверку искусных ленсменов-ригелиан и двести сверхбыстродействующих компьютеров мог перемещать любую составную часть флота так же просто, как фигуры на шахматной доске.

Кроме того, адмирал знал доподлинно точное число, диспозицию, курс и скорость каждой крупной единицы вражеского флота и располагал новым оружием, с каким противник еще не сталкивался.

Флот Лиги, вместо того чтобы двигаться навстречу врагу, поджидал его в пределах солнечной системы Кловин. Его строй постороннему взгляду представлялся самоубийственным: самые тяжелые корабли располагались по огромной окружности. Центра не было вообще, кроме скрытого заслона из тяжелых крейсеров.

Когда разведчики Боскома отправились вперед, легкие суда Патруля, обнаружившие их, не стали открывать огонь, а сопровождали противника на некотором расстоянии. За разведчиками последовали тяжелые и легкие крейсера, супердредноуты. Тяжеловесное ядро боскомской флотилии покатилося вперед, в никуда. Оно

держалось одного и того же курса, потому что флагман безмолвствовал. Командиры кораблей попытались связаться с ним, но тщетно; не оставалось ничего другого, как выполнять первоначальные инструкции. Флагман находился в безопаснейшей позиции, военные действия еще не начинались. Командиры предположили, что подвела техника, произошло какое-то повреждение устройств связи. Строго говоря, это было делом не их ума. Они получили приказы, и очень определенные, предписывающие добратся до Кловии и уничтожить ее, и рвались к цели, готовые снести любое препятствие на своем пути.

Не встречая сопротивления, центр флотилии неся в пустоту, пока Хейнес не решил, что подпустил врага достаточно близко.

Кровавое око звезды померкло, и между центрами двух враждебных армад через свободное пространство протянулась прямая сверкающая лента, вобравшая в себя немыслимую энергию. Разведчики и крейсера, пойманные ненасытным лучом, вспыхнули, как искры, летящие из топки, и сгнули. Супердредноуты постигла та же участь. Даже броня летающих крепостей не устояла; и ни один экран не мог смирить дьявольское пламя.

Управляемые планеты еще держались, их масса была слишком велика, чтобы испариться за несколько секунд. Однако поверхность планет расплавилась и закипела, механизмы превратились в лужи жидкого металла и больше не представляли опасности для Кловии.

Аннигиляционные сферы под воздействием луча не уменьшились, а даже немного расширились вследствие нагревания, но, поскольку контролирующие их структуры испарились, они теперь угрожали не столько Кловии, сколько судам Боскома. Несколько ужасных сгустков врезались в останки планет; произошла аннигиляция, которая превратила все ближнее пространство в смертельно опасную зону, пронизанную жестким излучением.

Но вот кловианское светило вспыхнуло опять. Смертоносный луч сделал свою работу. Теперь очередь была за Большим Флотом Содружества.

Позднее битва при Кловии вошла в анналы галактической истории. Ее изучали школьники всех планет, разбирали стратеги, исправляя задним числом промахи Хейнеса. Но окажись они тогда на месте адмирала, всей их мудрости хватило бы только на то, чтобы руками развести, ибо Кловианская битва была уникальна.

Любой курсант Военной академии знал как дважды два, что в космосе рукопашные схватки, индивидуальный героизм ничего не решают. Победу завоевывают логика, расчет, умение направить превосходящую огневую мощь на слабые места в построении противника. Если экраны корабля отказали, его не спасет доблесть экипажа.

В битве при Кловии все перевернулось с ног на голову. Не получая приказов с флагмана, командиры боскомианских судов действовали на свой страх и риск. Каждый с содроганием понимал, что на помощь и спасение рассчитывать не приходится, и старался унести с собой в могилу как можно больше врагов. Результат оказался настолько фантастическим, что Хейнес и его команда остались не у дел.

Военная наука не знала более беспорядочной драки! Корабли обеих сторон отключили излучатели и экраны, предпочитая идти на таран, на abordаж, чтобы экипажи схватились врукопашную. Безумие росло и ширилось. Хейнес отчаянно ругался, ригелиане изрыгали бесполезные приказы. А гигантская свалка уже заполнила шестую часть кловианской солнечной системы.

На борт и в бой! Бешенная жажда крови туманила разум, воскрешая слепое бешенство пиратских атак, усиленное в миллионы раз и выплеснутое в миллиарды кубических миль космоса!

Хейнес и его люди плакали, не стыдясь своих слез, от беспомощности, тщеты всех усилий прекратить гибель миллионов жизней и разорение флота.

Это было жуткое зрелище. Это была **ВОЙНА!**

Вдалеке от арены боя завис флагман Боскома. Киннисон медленно возвращался к жизни. Он сел, осторожно покачал головой, в которой гулко пульсировала кровь. Тело с трудом подчинялось ему, руки и ноги казались ватными. Даже Линза потеряла силу, ее лучи едва теплились, тусклые и слабые. Он здорово вымотался, лениво размышлял ленсмен, но, по счастью, остался в живых. Необходимо подкрепиться, иначе мысль не долетит дальше корабельной переборки. Его противник еще долго не очухается. И Киннисон добрал до пищеблока, радуясь, что не спотыкается. Он приготовил себе толстый бифштекс с кровью — отличное лекарство от телесных недугов — и сварил крепчайший кофе. После еды и питья в голове прояснилось. Сила вливалась в него волнами; Линза наполнилась радужным

сиянием. Он потянулся до хруста суставов, с наслаждением втянул воздух в легкие.

По возвращении в рубку он осмотрел по-прежнему неподвижного монстра, коварства которого опасался, и отправил мысль к далекой Аризии, к мудрому старцу Ментору.

— Почему аризианин работает во Второй Галактике против Патруля? Кто кого пытается надуть? — спросил он сердито.

— погоди, Киннисон! Возможности моего мозга не безграничны, — медленно зазвучал в мозгу человека глубокий голос аризианина. Ментор не спешил. Ничто, никакие катаклизмы не могли взволновать его. — Сейчас я исследую вашу область космоса, и ничто не указывает на присутствие аризиан во Второй галактике. Однако гипотезы, теории и модели должны подтверждать друг друга, чтобы можно было установить факты, и даже твой незрелый разум вполне способен делать верные наблюдения. Но прежде, чем я попробую откорректировать мою модель, чтобы связать ее с этими крайне странными обстоятельствами, мы должны быть абсолютно уверены в фактах. Убежден ли ты, юноша, что существо, избитое тобой до бесчувствия, действительно аризианин?

— Абсолютно! — возмутился Киннисон. — Он похож на вас, как близнец. Взгляните сами! — Ленсмен знал, что аризианин сейчас изучает каждую внутреннюю и внешнюю черточку, каждую часть того, кто прежде назывался Фоссбеном с Трана.

— Да, ты прав, юноша. Он похож на аризианина, — наконец согласился Ментор. — Как ты, наверное, заметил, он стар, возможно, так же стар, как и я. Хотя я считал, что знаком с каждым представителем моей расы, этот мне неизвестен. Придется немного подумать. — Аризианин погрузился в молчание, а затем изрек: — Я понял. Много миллионов лет назад, когда я был еще ребенком, один юноша пропал с Аризии. Видишь ли, он был нездоров, безумен. Кто может предсказать, что придет в голову полоумному? Неудивительно, что тот свихнувшийся юнец давно исчез из поля моего зрения. Странно, что я не узнаю его в существе, которое вижу рядом с тобой.

— А вас не удивляет, что я оказался сильнее его? — наивно спросил Киннисон. Он ожидал от Ментора похвалы за доблесть, считая, что вполне заслужил ее,

а старик вместо этого погрузился в отвлеченные рассуждения, как будто его победа была обыденным делом.

— Нет, — последовал небрежный ответ. — Ты наделен силой воли, способностью концентрировать ментальную и психическую энергию, возможностями, которые даже не можешь полностью оценить. Я предусмотрел их, когда создавал твою Линзу и развивал по мере твоего обучения. Они делают тебя тем, что ты есть.

— Ладно, довольно об этом. Что я должен с ним делать? Доставить его живым и невредимым на Аризию кажется мне очень непростой задачей.

— Мы не хотим его возвращения, — ответил Ментор без всякого выражения. — Для него нет места в нашем обществе ни сейчас, ни в будущем. Он служил своим целям. Так что уничтожь его тотчас же, не дожидаясь, чтобы сознание вернулось к нему. Тебе грозит большая опасность.

— Я верю вам, Ментор. Спасибо.

Бластер ленсмена изрыгнул пламя, и поверженный враг, кем бы он ни был, превратился в дымящуюся бесформенную груду.

Киннисон заметил, что на пульте связи ярко вспыхнула сигнальная лампочка. Значит, бой уже закончился, сообразил ленсмен, иначе космос был бы до сих пор заполнен излучением, блокирующим длинноволновую связь. Или... Нет, это немыслимо, Патруль должен был победить! Это, наверное, Хейнес — вызывает его...

Так оно и было. Бойня завершилась. Хотя многие из кораблей Патруля были захвачены силами Боскома, большая часть одержала победу. И началось стихийное сражение организованных формирований любого рода с мириадами независимо действующих, разбросанных по всему космосу кораблей. Хейнес и его помощники наконец-то овладели ситуацией и отдавали приказы командующим флотилиями, которые передавали их капитанам, используя лучевую связь. Корабли Лиги выбирали себе противника по силам, замыкали его в силовую зону и громили, либо удерживали до подхода истребителей. И вскоре громада вражеского флота исчезла в небытии.

Как только радиопомехи пропали, адмирал не решаясь воспользоваться линзой, сел к передатчику и послал запрос. Он повторял его раз за разом, но отчаялся дождаться ответа и откинулся на спинку сиденья. Хейнес не мог оторвать невидящего взгляда от темнеющего перед ним экрана. Лицо его посерело и осунулось.

Когда он совсем потерял надежду и решил вызвать Киннисона через Линзу, а там — будь что будет, — экран засветился. С него улыбалось загорелое знакомое лицо.

— Хвала Клоно! — прошептал старик пересохшими губами и сразу расцвел, словно за несколько секунд скинул лет двадцать. — Хвала Клоно, ты жив. Значит, покончили с ним?

— Но чего это мне стоило! А как ваши дела?

— Порядок.

И Большой Флот тронулся в путь. «Директрикс» на полной скорости подошел к боскомианскому флагману — единственному уцелевшему вражескому кораблю — и подцепил его силовыми захватами. Между двумя судами пролегла соединительная труба, и тысячи парней в полной боевой форме переправились через них на чужой корабль. «Директрикс» отошел, а его место занял боевой крейсер. Маневр повторялся еще несколько раз, пока на борт вражеского судна не набилось столько народу, сколько эта летающая громада могла вместить.

Все перебравшиеся на флагман принадлежали к человеческому роду или, по крайней мере, в достаточной мере походили на людей, чтобы сойти за тралиан при небрежном осмотре. Гораздо удивительнее было то, что среди этой космической братии попадалось множество ленсменов. Можно сказать, что такое число носителей Линзы никогда еще не собиралось на относительно малой площади. Они не выставляли напоказ свою принадлежность к ордену космических рыцарей и Линзу носили не на запястье, а гораздо выше — на предплечье, спрятанной от любопытных глаз рукавом.

Заработали генераторы Бергенхольма, и боскомианский флагман набрал скорость; за ним летел «Директрикс». Каждое судно окружило себя сферой яркого красного света — полет этого роя рубиновых огней представлял собой эффектное зрелище. Когда собственные скорости судов удалось точно согласовать, флот перестроили в парадный строй, а тиран Ганнел отправил в свою столицу победную реляцию. Она была одновременно правдивой и ложной, и гласила: «Моя армия победила, наши враги уничтожены до последнего человека. Подготовьте радиопередачу на два мира, Трал и Онло, сегодня в десять часов по дворцовому времени».

Было сделано все, чтобы наблюдающие за триумфальным полетом подумали: непобедимый флот тирана

возвращается с победой, чтобы с гордостью принять сладостное бремя славы.

В авангарде плыл флагман, очертания которого узнавали издалека. За ним, выстроенный в гигантский конус, следовали флоты, сгруппированные не по классам судов, а по принадлежности к тем мирам, где они были созданы: один-два истребителя, до дюжины дредноутов, столько же крейсеров и разведчиков.

Не все суда Патруля входили в этот строй: не могло же возвращаться на родину больше кораблей, чем вылетало; «Директрикс» же просто не должен был попасть в поле зрения наблюдателей, поскольку разительно отличался от всех известных им судов. Поэтому он летел далеко позади, в окружении военных кораблей, которые не вписались в картину Великого Флота Ганнела.

Суда, которые предполагалось выдать за тралианские, могли сесть, не возбуждая подозрений. Конструкции кораблей Боскома и Патруля не были, конечно, идентичными, но их очертания, диктуемые объективными законами движения в космосе, обнаруживали сходство. Опознавательные знаки и символика не внушали сомнений. Мелкие различия обнаружатся только после посадки, когда будет слишком поздно.

Наступило десять часов по тралианскому времени. Киннисон, после детального осмотра внутренностей шкафа с одеяниями, опять преобразился в тирана Ганнела, владыку Трала. Он махнул рукой, и сканнер перед ним засветился. Целую минуту тиран надменно молчал, позволяя миллионам подданных насладиться лицемерием царственной особы. Потом он заговорил, не торопясь, с расстановкой, словно придавал каждому слову особый вес:

— Мой народ! Как вам уже сообщили, флот одержал полную победу, обеспеченную моей предусмотрительностью и мудрым руководством. Это только преддверие грандиозных свершений, которые я уже предвижу. Сместив Алкона, этого жалкого недалёковидного правителя, притеснявшего вас и потворствовавшего коррупции, я даровал вам прогрессивный режим справедливости и взаимного сотрудничества для всеобщего блага.

Теперь я совершил следующий важный шаг — разгромил силы врага.

Дальнейшие шаги я предприму немедленно по возвращении во дворец. Нет необходимости сейчас распространяться о подробностях моих замыслов. Однако я

рад сообщить вам, что теперь смогу заняться преобразованиями в областях охраны правопорядка. Позвольте заверить, что изменения будут проводиться исключительно ради процветания всех членов общества, кроме его врагов. Предупреждаю вас о необходимости сотрудничать с моими офицерами, которые будут доносить до вас новые инструкции, возможно, непривычные для народа Трала. Тех из вас, кто окажет властям содействие, ожидает благоденствие, а непокорных — медленная и мучительная смерть.

Глава 22

ВЗЯТИЕ ТРАЛА

Все прежнее поведение Ганнела, захват им власти отвечали традициям Боскома, и верхушка общества одобряла его. Приспешники тирана и сами мечтали занять трон, но не обладали достаточной силой. Каждый из них ждал своего часа; готовился растоптать владыку, едва тот допустит промах, ослабеет или потеряет бдительность.

Все они тем не менее были душой и телом преданы Боскому, поскольку уважали только правоту силы и безжалостности. Они раболепно склоняли колени перед тем, кто имел ее достаточно, чтобы командовать ими и, в свою очередь, требовали рабской покорности от тех, чьей жизнью и смертью распоряжались.

Киннисон знал, что сможет держать кабинет в руках, пока эта жадная свора верит в его боскомское происхождение. Борьба за власть делала невозможным союз между претендентами на роль диктатора, но безоглядная ненависть к Патрулю и всему, что стояло за ним, могла сбить их в сплоченную хищную стаю; хватило бы одного подозрения, что Ганнел работает в союзе с Патрулем. Сплоченная оппозиция представляла бы опасную силу; ленсмен знал цену тем, кого привел к власти. Они отличались недюжинным умом, звериной хитростью и коварством, а также твердостью. Обвести вокруг пальца этих мастеров интриги было почти невозможно. Пронюхай они, что Траск Ганнел предал Боском, кровавого переворота не миновать.

Бросить флот Патруля в лобовую атаку против

Трала ленсмен не мог. Его пугали не только неизбежные потери, но и перспектива уничтожения ценнейших архивов, над восстановлением которых пришлось бы трудиться нескольким поколениям экспертов Патруля.

Нет, решил Киннисон, если уж хватило терпения вскарабкаться вверх, на трон, его достаточно и для осторожного спуска. Только прежде он должен удостовериться, что ему не помешают до того момента, когда никакая помеха уже не сможет повредить делу. Ленсмен не знал, хватит ли у него сил, чтобы раскатать основы. Многое зависело от того, удастся ли приструнить двенадцать дьяволов, готовых вцепиться ему в глотку. Схема, предложенная психологами, правда, внушала оптимизм. Стоило попытаться...

Тем временем флот остановился у пределов досягаемости наземных орудий. Полдюжины истребителей, буксирующих черный неразличимый объект, подошли ближе и замерли. Тиран, безопасности ради оставаясь в рубке, велел кабинету собраться для совещания.

— Хотя мое отсутствие не было продолжительным, — обратился он к министрам, — и я безусловно доверяю вам, всем и каждому, кое-что необходимо прояснить до посадки корабля. Признайтесь, не замышляет ли кто-нибудь из вас подстроить мне западню? — В голосе его едва заметно различалась ирония.

Министры хором заверили владыку в чистоте своих помыслов.

— Хорошо. Значит, никто из вас не обнаружит, что, заменив замки и комбинации и разрушив либо переместив малозаметные, но существенные механизмы предельно сложной конструкции, я пресек любые попытки сделать планету безынерционной. Кроме того, я пригнал с собой сферу аннигиляции планетарной массы; она рядом со мной, в космосе. Так что зарубите себе на носу: не счесть планет, с которых я могу управлять Боскомом не хуже, чем с Трала. Я, разумеется, не горю желанием разрушить родной мир со всем, что в нем есть, но без колебаний сделаю это, если придется выбирать между такой акцией и потерей жизни и положения.

Слушавшие не усомнились в правдивости этого заявления; любой из них сделал бы то же самое. Они поверили, что Ганнел выполнит угрозу... если сможет. А он сможет. В отсутствие повелителя они выяснили, что генераторы Бергенхольма основательно испорчены,

но не пытались начать их ремонт — подобная активность, как им было известно, могла стоить головы.

Припоминая, как решительно тиран перешерстил кабинет, они изображали покорность, даже восхищались холодной жестокостью Ганнела. Ни один из двенадцати не выдал свои надежды открытыми действиями — это подождет; Ганнел может дать маху еще до возвращения во дворец. Так они рассуждали, не подозревая, что их владыка читает самые тайные мысли.

— Благодарю вас, — кивнул тиран в ответ на клятвы верности. Он не поверил ни единому слову, чего особенно и не скрывал. — За преданность я даю вам почетное право сидеть впереди тех, кто придет приветствовать мое возвращение. Ваши люди и охрана займут передние ложи на королевской трибуне. Рядом с вами и вокруг вас будет дворцовая стража — я не желаю, чтобы кто-либо, кроме обычной охраны, находился внутри зданий и просто вблизи места посадки корабля. За ними вы должны разместить гвардию. Остальные трибуны и открытые места остаются для простых людей.

Теперь немного об осторожности. Вы можете, как всегда, прихватить личное оружие. Имейте в виду, однако, что любой человек в доспехах или те, кто образует толпу, будут расстреляны из лучевого оружия еще до посадки. Предупреждаю так же, что сам буду полностью одет в броню. Более того, ни одно судно нашего флота не совершит посадку без моего личного приказа.

Предосторожности Ганнела ставили приспешников тирана перед новой проблемой, но с этим пришлось смириться. К встрече подготовились в точном соответствии с указаниями.

Флагман устремился к поверхности; его реактивные выхлопы были необычно мощными вследствие сильной перегрузки. Внизу простирался внутренний космодром, царство опаленного металла; на полпути от северного края поля, ближайшего к дворцу, находилась стоянка флагмана. Всего одна восьмая мили — минимально возможное из-за большой мощности огненных выбросов расстояние — отделяло док от входа на дворцовые земли. На северном конце западной стороны поля, примерно в миле от дока и чуть подальше от дворцовых ворот, расположились трибуны для церемонии. Такая диспозиция делала ленсмена полным хозяином положения.

Флагман совершил посадку. Когда бешеный огонь, бивший из сопла, угас, к трапу подкатила специальная

машина. Люки распахнулись, и Киннисон с телохранителями уселись в нее. Над трибунами и толпой, заполнившей западные подступы к полю, появились вертолеты. И вот тут из флагманского корабля выгрузилось несметное количество вооруженных солдат в доспехах. Одна небольшая колонна последовала за медленно движущейся машиной, а гораздо большая направилась прямо к внушительному дворцовому portalу и влилась в него. Простой люд, собравшийся поглазеть на красочное зрелище, не обратил на это внимания: кто они такие, чтобы удивляться поступкам тирана? Зато советники Ганнела не на шутку встревожились, но, сидя на главной трибуне, ничего не могли поделать, так как твердо знали, какой приказ дан экипажам вертолетов на случай любого волнения или возмущения в толпе.

Машина медленно ехала, сопровождаемая радостными возгласами толпы и звуками фанфар; за ней бодро маршировала колонна вооруженных людей, в которых ничто не выдавало иноземцев. Киннисон, стоя навытяжку в машине и подняв в знак приветствия руку, милостиво принимал выражения восторга.

Триумфальное шествие остановилось перед выдающейся вперед разукрашенной трибуной, и тиран через громкоговоритель пригласил двенадцать своих министров въехать вместе с ним во дворец. В огромной машине было оставлено как раз двенадцать свободных мест. Вот только телохранителей пришлось оставить; даже если бы для них нашлось место, никто, кроме персонально приглашенных, не осмелился бы сесть в машину. Однако то, что толпе могло показаться особой милостью, несчастные министры приняли за смертный приговор. Но что оставалось делать? Они взглянули на безоружных приверженцев, затем на вооруженных людей Ганнела, потом на вертолеты, зависшие сейчас над их головами, и безропотно приняли свой жребий.

Они не находили себе места, пока машина ехала по парку, и совсем приуныли у дверей зала для совещаний, где их разоружили при гробовом молчании. На сердца их совсем ушли в пятки, когда Ганнел, освободившийся от доспехов, появился перед ними с Линзой, мерцающей на запястье.

— Да, я ленсмен, — объявил он ошеломленным врагам, — и поэтому знаю, что вы, все двенадцать, строили козни в мое отсутствие, несмотря на все предупреждения и расправы. Собирайся я по-прежнему играть

роль Траска Ганнела, приказал бы убить вас на месте за предательство. Но время казней миновало.

Я один из ленсменов, чьи заслуги вы приписывали Звездному. Те, кто вошел вместе со мной во дворец, тоже ленсмены. Все, кто остался снаружи, либо ленсмены, либо ветераны Галактического Патруля. Флот, окруживший ваш мир, Большой Флот Патруля. Силы Боскома полностью разбиты, до последнего человека и судна, кроме флагмана; их уничтожили еще на подступах к Кловии. Короче говоря, власть Боскома пала навеки; отныне Лига будет править в обеих галактиках.

Вас тут двенадцать самых сильных и самых способных людей планеты. Будете ли вы помогать нам править в соответствии с принципами Содружества или предпочтете умереть?

Тралиане окаменели и сжались.

— Нам повезло, ленсмен, хотя бы в том, что ты не применяешь пыток, — холодно произнес один из них с вызывающей умешкой.

— Отлично! — Ким улыбнулся. — Я ничего другого и не ожидал. Вы твердолобы, но если освободить вас от заблуждений...

— Неужели ты хоть на секунду допускаешь, что ваша тирания может подогнать нас под образцы Содружества? — язвительно заметил тралианин.

— Я не допускаю, Ланион, — я знаю, — заверил его Киннисон и обратился к ленсменам: — Уведите их, друзья, и закройте. Все идет, как задумано.

В то время как могучие военные корабли садились на космодроме и ленсмены занимали одну позицию за другой, Киннисон привел Ворсела и Трегонси в камеру, где томился дерзкий на язык тралианин.

— Я знаю, что мои мольбы не помешают вам проводить свои опыты, — сказал Ланион, — но все же попытаюсь. Я видел жалкие, изувеченные развалины, жертвы подобных экспериментов, и не верю, что вы сможете вытравить из моего подсознания заложенную там решимость убить себя сразу после освобождения. Так что лучше прикончите меня теперь. Это сэкономит ваше время и нервы.

— Вы и правы, и неправы, — спокойно ответил Киннисон. — Вполне возможно, что изменить установку не удастся. — На самом деле это было не только возможно, но и неизбежно: Лига нуждалась в таких ясных, проницательных умах, и Киннисон не собирался позво-

лить побочному комплексу подорвать их силу. — В наши намерения не входит делать вам операцию, речь идет только об обучении. Вы не потеряете сознания ни на минуту и сможете постоянно контролировать свой разум во время процедуры. Мы запишем параллельно с вашими записями о культуре Боскома соответствующие знания о Содружестве.

Это и сделали. Процедура не была ни короткой, ни легкой. Когда она завершилась, Киннисон заметил:

— Вы теперь имеете полные и подробные знания как о Боскоме, так и о Лиге — комбинация, которой обладают очень немногие умы. Вы могли заметить, что мы не изменили, даже не тронули, ни одной линии в вашем мозгу, только вложили в него объективное представление о бывших врагах. Вы прекрасно усвоили новые знания.

— Это верно, — согласился Ланион. — Удивительно, но правда. Я все это время оставался самым собой и постоянно следил за этим. Но я по-прежнему могу покончить с собой в любой удобный момент.

— Хорошо, — Киннисон не улыбнулся, даже мысленно, отметив бессознательное изменение мотивов. — А теперь ответьте, что бы вы, Ланион, теперь предпочли — бороться за власть или объединиться с другими для работы на благо всех?

Низложенный министр задумался, ужас разливался по его резко очерченному суровому лицу.

— Вы хотите, чтобы я исповедовал так называемый альтруизм и поверил прочим вашим инфантильным бредням? — с трудом проговорил он.

— Именно, — заверил его Киннисон. — Что бы вы избрали? Что бы доставило лично вам больше удовольствия?

Внутренняя борьба ясно отразилась на бронзовом лице Ланиона.

— Ну... будь... я... проклят! Вы победили, ленсмен! — и он протянул Киннисону руку. К такому же решению пришел каждый из остальных одиннадцати. И Лига отвоевала двенадцать стойких солдат, немало потрудившихся для бескровного завоевания Трала, а позже замечательно послуживших всей Второй Галактике.

Следующей заботой Киннисона было собрать ученых и после достижения мира и согласия бросить их в атаку на залежи информации, таящиеся в архивах. Лишь после этого он наконец внял уговорам Хейнеса прибыть на «Директрикс».

— Ты как раз вовремя, малыш! — буркнул адмирал. — Я ума не приложу, как подступиться к Онло. Есть ли у тебя какие-нибудь идеи?

— Поговорим сначала о Трале, — предложил Киннисон. — Вы уверены, что здесь все в порядке?

— Абсолютно, — проворчал Хейнес, — как на Земле или Кловии. Они теперь нуждаются в нас не больше, чем курица в зубах. Большой Флот готов к отправлению, но мы так и не выработали приемлемого плана кампании. Жаль, что нельзя обойтись лучом. Увы, мы не в силах переместить солнце, а Торндайк не сможет сфокусировать пучок на таком расстоянии. Я также не думаю, что удастся использовать аннигиляционные сферы. Как ты полагаешь?

— С тех пор, как мы применили их в первый раз, у онлониан была уйма времени, чтобы подготовиться к этому. Я бы подождал вестей от Нэдрека. Он ведь мудрее старой совы. Что от него слышно?

— Ничего. Точнее, ничего ясного, — Хейнес не удержался и хихикнул. — Твой приятель любит темнить. Может, с тобой он разоткровенничается?

— Я не против, — согласился Киннисон, — если из этого что-нибудь выйдет. Он настоящий отшельник. Я бы завязал четырнадцать его рук в узлы, если бы это развязало язык, но где там!

Тем не менее он послал вызов и немедленно получил ответ:

— А, Киннисон, привет. Я сейчас как раз на пути к Тралу. Собираюсь на «Директрикс» для доклада.

— Отлично! Как твои дела?

— Не то чтобы совсем плохо, но работа осталась незаконченной, — покаянным тоном ответил Нэдрек, и земляне отчетливо ощутили, что его гложет мучительный стыд.

— Но что ты сделал?

— Я даже не представляю, как признаться в такой ошибке, — выдавил из себя Нэдрек. — Может быть, ты позволишь мне умолчать о моем позоре?

Но Киннисон не позволил.

— Если тебе необходимо это знать, я сдаюсь. Мой план состоял в том, чтобы заставить онлониан уничтожить друг друга. Теоретически все выглядело ясно и просто, но исполнение было до обидного неудачным. Я осрамился... Представь, в трех куполах осталось в живых по офицеру. Пришлось мне лично прикончить их

с помощью грубой силы. Я глубоко раскаиваюсь и приношу свои искренние извинения... надеюсь вы не позволите этой информации стать предметом всеобщего обсуждения. — И удрученный полэнианин прервал связь.

Хейнес с Киннисоном устали друг на друга не находя слов. Адмирал первым избавился от немоты.

— Черт возьми! Звоните в колокола! То, что Большой Флот не мог сделать, он проворачивает в одиночку и после этого так извиняется, как будто боится, что его поставят в угол или отошлют в постель без ужина!

— В этом весь Нэдрек, — выдохнул Киннисон в благоговейном изумлении. — Что за голова!

Черный катер Нэдрека вскоре прибыл, и адмирал с Киннисоном попытались выжать из полэнианина подробности, но тот твердо отказался обсуждать неприятную тему.

— Вопрос закрыт. Не будем говорить об этом, — объявил Нэдрек, пребывавший в черной меланхолии. — Я практически провалился. Это худшая из работ, которые я выполнял со времени моего детства, и я настаиваю, чтобы разговоров о ней больше не было.

Воистину возмутительно, что подробности падения Онло остались неизвестными.

Широкая публика никогда не узнала ни как чудовища уничтожали друг друга, ни как Нэдрек сумел проникнуть через защитные экраны куполов, ни как происходила схватка между ним и тремя уцелевшими командирами. Эти вопросы и множество других, не менее интересных, остались без ответа, что Киннисон посчитал поистине космическим свинством.

Ленсмены, а также адмирал, генералы и прочие важные персоны, посовещались и решили немедленно заселить Онло холоднокровными, некислорододышащими приверженцами Содружества. Это решение особо поддержал Нэдрек, который, в частности, сказал:

— Онло очень красивая планета. Ее атмосфера совершенна, а климат идеален не только для нас, выходцев с Полэна-7, но также для населения многих других планет, например... — и он перечислил около двадцати названий. — Поскольку лично я не боец и есть много других, которым драка по вкусу, пусть самые воинственные укрепляют и вооружают Онло, а исследователи, вроде меня, отправятся туда, где не могу жить теплокровные, дышащие кислородом.

Это разумное предложение было тут же принято.

Конференция закончилась. Отобранные небольшие флоты пустились в путь, а Киннисон пришел повидать Хейнса.

— Ну, сэр, имею я право на небольшой отдых или нет? — лицо Серого Ленсмена было хмурым и мрачным.

— Я бы с радостью, сынок... но не знаю. — Глаза и голос адмирала выдавали глубокую озабоченность. — Тебе бы надо... я надеюсь, что ты... но ты единственный судья в этом вопросе.

— Хо-хо... я-то знаю, как поступить, но боюсь, что он запретит. И все же я повидаю Крис и поговорю с ней. Не подбросите меня до госпиталя?

Ему не нужно было далеко ехать, чтобы найти свою избранницу. После отъезда с Лираны-2 до взятия Трала она работала старшим врачом на корабле-госпитале «Пастер», а после захвата планеты перешла в госпиталь при базе Патруля.

— Конечно, Ким. Все, что хочешь, куда пожелаешь.

— Спасибо, сэр... Теперь, когда потасовка закончена, думаю, вам придется принять пост президента Галактического Совета?

— Возможно. После того, как мы очистим Лирану, которую ты так долго от меня оберегал. Но я не в восторге от этой мысли. А ты будешь Координатором.

— Ну уж нет, — уныло ответил Киннисон. — Клянусь Клоно, мне еще не надоело звание Серого Ленсмена! Разве что, когда мы поженимся и я осяду...

— Ладно, гуляй пока, — в голосе Хейнса звучала зависть. — Успеешь еще зарыться в бумаги.

— Так-то лучше. — Киннисон заметно оживился. — Ладно, чистого пространства, президент Хейнес! — И он пошел прочь, фальшиво насвистывая сквозь зубы.

Глава 23

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Стояла синяя полночь; две самые большие из четырех тралианских лун были в зените. Почти полные, они ярко сияли на безоблачном, обрызганном звездами небе.

Фонтаны нашепывали что-то нежное. Цветущие заросли, обступающие извилистые дорожки, насыщали не-

подвижный воздух пряными ароматами, такими густыми, что голова кружилась. Ни один, вдохнувший хоть раз запах цветущих тралианских колючих кустарников в полночь, не забывал его никогда. В нем острая сладость горной сирени была чуть разбавлена тяжелым, волнующим ароматом жасмина и острым зовущим запахом лилий.

На зеленом ковре упругого, аккуратно подстриженного дерна мерцал белый камень и блестел металл статуй. Деревья, не очень высокие, но с мощными стволами и великолепными раскидистыми кронами, отбрасывали непроницаемую черную тень.

— Ты где, Крис? — мысленно позвал девушку Киннисон, входя в парк. — Очень поздно, я знаю, но так хотелось увидеть тебя. И потом, тебе ведь не нужно переводить часы?

— Конечно, Ким, — коснулась его теплая смешливая мысль. — Это одна из привилегий Рыжего Ленсмена? Все правильно: ты мог приехать раньше, а завтра было бы уже слишком поздно.

Они встретились у дверей и, обнявшись, молча побрели по дорожке. Путь их лежал через упругий газон к скамейке, стоявшей под сенью деревьев.

Киннисон обнял девушку, привлёк к себе, нежные руки нетерпеливо обвили вокруг шеи. Как давно, как невыразимо давно они стояли здесь в прошлый раз! Этим двоим, укрытым душистым сумраком от любопытных взглядов, не нужны были слова, слишком бледные и неточные, чтобы выразить восторг встречи. И прошло немало времени, прежде чем Киннисон прервал молчание:

— Больше я никогда не отпущу тебя.

— Только бы они не разлучили нас опять... — вздохнула Кларисса. Однако она — в силу характера или профессии — предпочитала во все вносить определенность, и потому от вздохов тут же перешла к решительным действиям: — Давай сядем, Ким и обсудим все это. Ты знаешь не хуже меня, что мы не сможем продолжать наши отношения, если... если мы не... вот и все.

— Я не согласен, — взбунтовался Киннисон. — Мы заслужили право на счастье, ты и я. Они не могут вечно держать нас в отдалении, дорогая. Мы просто поступим по-своему — на этот раз.

— Ну-ну, Ким, — попробовала урезонить его Кларисса, покачивая прелестной головкой. — Подумай, что

произошло бы, поставь мы тогда на своем. Какая судьба ожидала бы Содружество?

— Но Ментор остановил нас, — неуверенно возразил Киннисон. В глубине души он знал, что просто храбрится. Если аризанин вызовет его, он не осмелится не ответить. — Наверняка моя задача уже выполнена, иначе он не остановил бы нас, не позволил зайти так далеко, я думаю.

— Ты, верно, хотел сказать «надеюсь»? — уточнила девушка. — А может, он просто дожидается начала свадебной церемонии — для большего эффекта?

— Я бы не удивился, — грустно признался Киннисон.

— Почему ты не спросишь его прямо? Не решаешься, да?

— Зачем спрашивать? Конечно, работа уже закончена, — заартачился Киннисон, как упрямый подросток. — Первый министр — этот Фоссбен — наверняка заправлял всем. Он был истинным повелителем Боскома. Сама подумай, кто может быть могущественнее аризанина! Военная организация Боскома разгромлена. Их излучатели и сухого сена не зажгут, а экраны не защитят даже хлопущки. Мы заполучили массу полезной информации из архивов. Осталась рутинная работа для юнцов — вымести грязь из всех углов, очистить от звильников систему за системой, планету за планетой.

— Ну и ну! — Карие глаза в темноте светились лукавством. — Убедительно. Очень ясно. Прозрачно, как кристалл, и еще более хрупко. Если ты так уверен, почему не вызвать Ментора и не спросить его, прямо сейчас? Тебя не пугает общение с ним, как меня, — ты боишься его ответа.

— Я намерен жениться на тебе, прежде чем возьмусь за самое пустяковое задание, — набычился Киннисон.

— Я бы тебя расцеловала за это, да только ты бравируешь! — Она свернулась клубочком в кольце сильных рук. — Я разделяю твои чувства, милый, но оба мы хорошо знаем, что если Ментор остановит нас... даже у алтаря... — Течение ее мыслей замедлилось, стало торжественным. — Мы — ленсмены, Ким, — этим все сказано. Не в нашей власти скинуть бремя. Давай позовем его вместе, Ким. Я не могу больше оставаться в неведении... Не могу!

Кларисса никогда не искала утешения в слезах — они давались ей с трудом. Но сейчас соленые капли

сами навернулись на глаза и потекли по щекам, обжигая их.

— Ну вот, уже и глаза на мокром месте. — Киннисон погладил ее по голове, как ребенка. — Не реви, Крис, — нос распухнет и покраснеет. Ты знаешь, как добиться своего. Ладно, давай попробуем, но предупреждаю: если он скажет «нет», я за себя не ручаюсь — пошлю подальше, в межгалактическое пространство.

Их разумы соединились, и Киннисон поймал ласковый укор:

— Будь умником, Ким, не петушись. Кого ты обманываешь? Ты не сможешь... — Кларисса прервала нотацию, осознав, что он отправил их общую мысль аризанскому старцу, и быстро закончила: — Ты беседуй с ним, Ким, а я буду просто слушать. Он пугает меня. Я превращаюсь в какой-то дрожащий студень!

— О'кей, — согласился он и обратился к Ментору: — Вправе ли мы рассчитывать на общее будущее?

— А, это Киннисон и Мак-Дугал! — пришел невозмутимый мысленный ответ. — Я ожидал этого вопроса. Не надо быть мудрецом, чтобы сообразить... То, о чем вы спрашиваете, не только позволительно, но стало теперь необходимым. — И бесстрастный оракул умолк, по обыкновению не снисходя до объяснений и прощаний.

Какое-то время молодые люди молча свыкались со своим счастьем, но Кларисса, истинная дочь Евы, не знала покоя и в раю.

— Почему он сказал «необходимо», Ким? Нет ли в этом какого-нибудь зловещего смысла? Что он имел в виду?

— Ничего, абсолютно ничего, — успокоил ее безмятежный Киннисон. — Он создает полную картину макрокосмоса в своем мозгу. И эта его картина показала, что мы поженимся, как раз когда я говорил тебе, что мы это сделаем. Старца всегда беспокоит любая мелочь, не совпадающая с его видением, вот почему наша свадьба необходима. Понимаешь?

— Ура, я так рада! — воскликнула она. — Ты теперь видишь, как я боюсь его.

Счастливая парочка еще долго беседовала ни о чем, но разговоры влюбленных интересны только для них самих, поэтому мы их опустим.

Кларисса Мак-Дугал уже на следующий день остави-

ла работу в госпитале, в чем ей не чинили препятствий. Девушку даже задело то, как легко ее отпустили, — она считала себя не последним человеком в госпитале. Клариссе просто не приходило в голову, что зачисление в ленсмены автоматически освобождало ее от многих ограничений.

Никто и словом не обмолвился о тех десяти тысячах, что были обещаны ей в награду за пятнадцатиминутную отлучку, за которой последовало падение Ярневана. Она как-то вспомнила об этом, но не испытала сожаления. Деньги никогда не играли особо важной роли в жизни, но она имела кое-какие сбережения, достаточные, чтобы приобрести приличное, хотя и не роскошное, приданое. Однако сначала следовало получить деньги в местной конторе земного банка.

Кларисса сняла Линзу и сунула ее в карман. Но тут же спохватилась: карман оттопыривается, а вдруг Линза выпадет или какой-нибудь ротозей прикоснется к разноцветной игрушке и погибнет? Куда ее деть? В сумочку? Нет у нее сумочки — вообще ничего, кроме униформы. Кларисса опять надела Линзу, полюбовалась на ее радужные сполохи, потом перевела взгляд на манарканскую звезду — драгоценный кристалл, вспыхивающий бледным огнем на левой руке. Это была самая красивая вещь из коллекции камней Картифа.

По пути в контору она с детским любопытством рассматривала витрины, наблюдала за пестрой толчеей на улицах, лакомилась местными сладостями, покупая их у разносчиков. Кларисса чувствовала себя школьницей на каникулах и едва удерживалась от того, чтобы показать язык своему отражению или поскакать на одной ножке. Оказывается, ей до смерти надоела эта стерильная накрахмаленная зануда — доктор Мак-Дугал. Впрочем, пьяный воздух свободы не лишил ее остатков благоразумия, с чем Кларисса поздравила себя, попав в контору. Оказалось, что ее там хорошо знают и ждут! Чиновник, солидный как банковский сейф, расплылся в улыбке и проводил посетительницу в свой личный кабинет.

— Мы-то гадаем, почему вы не забираете свою чековую книжку, мисс Мак-Дугал, — басил он. — Распишитесь здесь, пожалуйста! А теперь большой палец правой руки вот в эту коробочку. И отпечаток вот сюда! Сначала снимите пластиковую полоску...

Кларисса поставила на документе решительную летя-

щую подпись, и обмакнула палец в краску, и сняла полоску, и зачарованно наблюдала, как отчетливый черный отпечаток пальца возник на голубовато-белой бумаге.

— На ваше имя открыт счет на Земле, в генеральном фонде Патруля. Распишитесь и поставьте отпечаток здесь... Благодарю вас. Вот чековая книжка. Когда листы закончатся, можете получить другую в любом банке или на любой станции Патруля... Был очень рад познакомиться, мисс Мак-Дугал. Заходите снова, когда случится быть на Трале... — С этими словами служащий проводил ее на улицу так же проворно, как ввел.

Кларисса окончательно ошалела. Ее не просто отпустили на каникулы, но дали денег — трать не хочу! Она шла сюда за парой сотен кредиток, составляющие все ее богатство; а вместо этого получила сто голубоватых чеков, чуть меньше денежной банкноты. Немного печатного текста, две линейки, пробел для цифр и покрытая пластиком овальная область для отпечатка большого пальца. Хотя Кларисса была бессеребренницей, она знала, что каждый чек примут без колебаний и возражений вместо любой суммы наличными, в обмен на любой предмет, который она выберет — от пары чулок до космического корабля. Все! Эта мысль охладила ее веселье.

— Ким, я не могу! — мысленно пожаловалась она. — Почему они не дают мне наличные деньги и не позволяют потратить как я хочу?

— Подожди, милая! Я буду рядом с тобой через секунду.

Растерянная Кларисса встречала жениха как спасителя.

— Ты можешь получить столько денег, сколько тебе нужно, просто заполни чек.

— Ты думаешь, я полная дурочка? Я хочу получить собственные деньги! Я не просила эту штуку.

— Слушай, Крис, а правда, что в старину говорили: скуп как шотландец? Ну-ну, не злись, я пошутил! Пойми, ты ленсмен, и должна принять все, что из этого вытекает. Даже если ты станешь транжирить деньги всю оставшуюся жизнь, Патруль все равно не расплатится с тобой за то, что ты сделала на Лирани-2. Откуда начнем набег на магазины?

— С Бренлира, — решила девушка, немного успокоившись. — Это не самый шикарный магазин, но они предлагают настоящее качество за настоящую цену.

В магазине повторилась примерно та же история, что и в конторе банка. Клариссу немедленно узнали, и сам хозяин кинулся обслуживать ее.

— Мне нужна одежда, — объявила девушка, делая широкий жест рукой. — Все, кроме униформы.

Почетных клиентов провели в особый салон для избранных. Появились манекенщицы. Когда дело дошло до демонстрации этих милых пустяков, которые дамы носят под платьем, Киннисон ретировался.

— Мне здесь не место, — объявил он. — Увидимся позже, милая. Примерно через полчаса или около того?

— Полчаса? — рассмеялась продавщица. — Она пробудет здесь до вечера и еще неделю, — заверила она Киннисона и оказалась права.

— О, Ким, я так замечательно провела время! — рассказывала взхлеб Кларисса через несколько дней. — Меня только очень расстраивает то, что я трачу много денег Патруля.

— Тебе так кажется.

— Как это? — удивилась она, но Киннисон не стал объяснять.

Все выяснилось, однако, когда улеглась суэта с выбором туалетов, их подгонке по фигуре.

— Ты только один раз видел меня в приличной одежде, и Боже, я, наверное, скупилась весь магазин. — Она покружилась. — Я тебе нравлюсь, Ким?

— Нравишься ли ты? — Киннисон с трудом подбирал слова. Он вспомнил пленницу в линялых молескиновых бриджах и залатанной рубашке, медсестру в снежно-белой крахмальной униформе, а теперь перед ним незнакомка, пугающая новой, лучистой, трепетной красотой, пленительное видение в изумрудно-зеленом...

— Я просто онемел, Крис. И поглупел. Это от восторга.

Их диалог прервало деликатное покашливание. Это был хозяин.

— Я осмелился попросить вас оказать мне великую честь, — нерешительно пробормотал он, отстраняя чек, протянутый ему девушкой. — Если бы вы, вместо того чтобы платить за эти вещи, просто поставите здесь дату и напишете: «вся моя одежда и большая часть приданого изготовлены Бренмером с Трала...» — Его умоляющий голос затих на печальной ноте.

— Право, я не знаю... Что ты думаешь, Ким?

— Не вижу причин отказываться... — Он обратился

с улыбкой к Бренмеру: — Вот уж не думал, что Кларисса может быть такой потрясающей приманкой... вы, наверное, собираетесь выставить этот листок, ненавязчиво заключенный в золотую или платиновую рамку площадью в четыре квадратных фута?

Бренмер кивнул:

— Что-то в этом роде. Это будет фантастический счастливый случай, о каком только может мечтать человек моего положения.

— Не вижу, почему бы нам не согласиться, — повторил Киннисон. — ты просто должна дать ему шанс, Крис. Не надо было закупать столько барахла здесь.

Кларисса написала то, о чем просил хозяин.

— Ты хочешь сказать, что я настолько... так... — начала она немного погодя, уже на улице.

— Знаменита? Известна? — подсказал он.

— Что-то вроде того... — Тень испуга затуманила сияющие глаза.

— Что поделаешь... Я никогда бы не подумал, что налет на эту лавочку так сработает, но оказывается, твое имя притягивает почище силовых захватов. Не хихикай. Ничего хорошего в этом нет — просто срам! Половина наших счетов останется неоплаченной и все из-за тебя, моя милочка. Ты первая женщина, разбавившая мужскую компанию ленсменов, единственный Рыжий Ленсмен, и какой! Готов поспорить, что ты будешь пользоваться неограниченным кредитом. Ты готова к полету? «Неустрасимый» скоро стартует, я слышал.

— Что же, мой багаж на борту, — ответила Кларисса, и вскоре они уже летели к Кловии.

Путешествие прошло без приключений, и жених с невестой не успели еще достигнуть преображенной планеты, когда стало ясно, что она принадлежит им — от полюса до полюса.

Крейсер встречала орда разнокалиберных космических кораблей, которые образовали внушительный почетный эскорт. Волнующуюся толпу на космодроме с трудом удавалось удерживать на почтительном расстоянии. Казалось, что половина духовых оркестров Вселенной раздувала щеки и ударяла в медь, сотрясая воздух, когда чета ленсменов спускалась по трапу. Машину, ожидавшую их, и улицу, вдоль которой они медленно поехали, украшали темно-голубые цветы.

— Гляди-ка, это ветки кустарника с Трала! — поразила Кларисса. — Как им удалось?

— Они прекрасно растут и здесь. И когда на Кловии узнали, что ты их так любишь, доставили на грузовом судне.

Короткое пребывание на Кловии оказалось удивительно бурным. Праздник, официальные чествования и дружеские вечеринки, перетекали одна в другую; все телеканалы старались заполучить их интервью. В глазах рябило от смены лиц, которым представляли знаменитую пару, и самых невероятных одеяний, расцветкой соперничающих с солнечным спектром.

С десятков тысяч планет слетались ленсмены, чтобы завязать или возобновить знакомство с Галактическим Координатором, а также приветствовать его невесту. Делегация с Земли была, разумеется, самой многочисленной и восторженной, но и прочие планеты не очень отставали. Кого там только не было: обитатели Манарки и Велантии, пришельцы с Шиклодора, Алсакана и Вандемара, посланцы Канонуса, Веги и Антареса — словом, гости со всей галактики. Люди и гуманоиды соседствовали с самыми причудливыми существами.

Киннисона поразила искренность бурных приветствий, сердечное отношение к Клариссе. Он немного опасался, что оскорбленная мужская гордость вызовет антипатию к ней. Ничуть не бывало...

Гуманоиды буквально осаждали ее: ни один праздник, по какому бы поводу, он ни устраивался, не обходился без Клариссы. Если ее сопровождало меньше десяти спутников, она чувствовала себя забытой. Кларисса за вечер стаптывала туфельки в танцах, она валилась с ног, не высыпалась, но наслаждалась каждой секундой шумной жизни.

Ей хотелось устроить, как она давным-давно говорила Хейнесу и Лейси, широкую свадьбу; но эта уже вышла из-под контроля и разрасталась с каждой минутой. От венчания в церкви пришлось отказаться, и ни одно самое просторное здание не могло вместить даже половины ленсменов, не говоря уже о знаменитостях и сановниках, прибывших издалека. И церемония состоялась на стадионе. Но и это огромное пространство не вмещало всех желающих.

Хотя ни один из основных участников не знал этого, свадьба стала событием дня, и сюжет о ней промелькнул во всех сводках теленовостей и долго кормил пишущих для светской хроники.

Хотя место действия представлялось несколько

странным, церемония была не менее торжественна, чем если бы проводилась в кафедральном соборе. Когда пол-миллиона ленсменов выстроились вокруг поля, это было внушительное зрелище.

Весь гигантский котлован пестрел цветами — казалось, что они собраны с целой планеты; повсюду показывались султаны папоротников, увитые белыми лентами. Под звуки большого органа свадебное шествие спустилось вниз по ступеням, сопровождаемое радостными возгласами.

Жених с невестой ступили на белую парчовую дорожку и повернулись лицом к ленсмену-капеллану, стоящему маленькой, увитой гирляндами открытой часовне. Наступила глубокая тишина.

— Возлюбленные чада... — начал священник прекрасную старинную церемонию, простую и короткую, но удивительно трогательную.

Через двойной ряд мерцающих Линз свадебное шествие проделало путь к воротам космодрома, где ждал «Неустрасимый», на котором Киннисоны собирались совершить свадебное путешествие к Земле.

Когда новобрачные поднимались по трапу, Киннисон повернул голову и передал Хейнесу:

— Вы так долго мечтали очистить Лирану... Я совсем забыл сказать — можете теперь разобраться с ней!

ДЕТИ ЛИНЗЫ

КИМ И КИТ. СЕРЫЕ ЛЕНСМЕНЫ

Галактический координатор Кимбол Киннисон допил вторую чашку крепчайшего кофе, слегка отодвинул кресло от стола и глубоко задумался. Он почти не переменился за последние двадцать с лишним лет. Могучее телосложение выдавало недюжинную силу, седина-почти не коснулась темных волос, только чуть обострились суровые черты лица. Он стал зрелым мужчиной.

— Неужели, Ким, ты действительно думаешь, что можешь скрыть от меня свои мысли, заблокировав сознание? — мысленно обратилась к мужу Кларисса Киннисон. Ее, Рыжего Ленсмена, года также пощадили. В молодости Кларисса Мак-Дугал была удивительно красива; сейчас же она стала просто ослепительна. — Наша комната экранирована, ты ведь знаешь, даже от девочек.

— Прости, Крис. Я вовсе не собирался от тебя ничего скрывать.

— Знаю, — отозвалась она. — Ты сделал это автоматически. Но блокировка стоит уже больше двух недель и исчезает, только когда ты заставляешь себя снять ее. Тебя что-то мучает?

— Ты права, как ни странно.

— Удивительно. Так что случилось, Ким? Расскажи.

— Ну... Если ты просишь... — Ким вздохнул. — Видишь ли, милая, во Вселенной без видимых причин происходит множество странных, необъяснимых событий...

— То есть?

— Я имею в виду всевозможные катаклизмы, вспыхивающие то и дело на разных планетах. Недовольства, психозы, массовые истерики, галлюцинации; охватившая миры Лиги эпидемия революций и восстаний — все, для чего нет видимых причин и оправданий.

— Не может быть! Я никогда не слышала ни о чем подобном.

— Естественно. В каждой звездной системе полагают, что это только их беда, что все дело в местных условиях, но это не так. К галактическому координатору стекается множество фактов, и он может делать выводы раньше кого-либо другого. Мы заметили

опасную тенденцию, и решили подавить ее в зародыше... Но... — Он пожал плечами и горько усмехнулся.

— Так что же? — настаивала Кларисса.

— Это уже не зародыш. Несколько ленсменов досконально изучили ситуацию, но ничего не добились. Мне пришлось попросить ленсменов Второй Ступени — Ворсела, Нэдрека и Трегонси — отложить свои дела и помочь решить возникшую проблему. Они немедленно приступили к работе, но никаких мало-мальски ценных результатов их участие пока не принесло.

— Что ты говоришь?! Неужели даже они могут оказаться бессильными?

— Во всяком случае, пока. И я не могу думать ни о чем другом.

— Еще бы, — согласилась Рыжий Ленсмен. — И тебе страстно хочется присоединиться к ним, я полагаю? Давай попробуем разобраться вместе. Расскажи все по порядку, с самого начала. Я ведь ничего не знаю.

— На это были серьезные причины, сама увидишь. Но теперь я в тупике, и другого выхода не вижу. Придется вернуться назад, к тем временам, когда мы еще не были женаты, — он улыбнулся. — Итак, первое. Наш Ментор с Аризии сказал мне, что лишь мои потомки будут готовы к тому, что я сейчас только смутно ощущаю. Второе. Кроме тебя, никто не может читать мои мысли без Линзы. Третье. Ментор, когда мы спросили у него согласия на наш брак, ответил, что это не только желательно, но и необходимо. Помню, тебя это чуть покорибило, но я решил, что такой ответ связан с его предвидением будущего. Четвертое. Патруль обычно поручает дело тому, кто справится с ним лучше всех. Как правило, наиболее важные задания достаются первому выпускнику Уэнтворт-Холла. Пятое. Ленсмен должен использовать что и кого угодно, если это необходимо. Если ты помнишь, я воспользовался даже твоей помощью в деле с Лираной и некоторых других. Шестое. Сэр Остин Кардинг до конца своих дней был уверен, что мы прорвались сквозь тот гиперпространственный тоннель и вышли из обычного пространства.

— Продолжай, — вставила Кларисса. — Пока я не вижу, как это все связано между собой.

— Ты все поймешь, если вспомнишь о наших нынешних затруднениях. Выпуск Кита приближается, а он, несомненно, сейчас ленсмен Номер Один Земли — и всего Патруля.

— Конечно! Он — настоящий ленсмен, и ему предстоит решать сложные задачи. Почему бы не эту?

— Ты даже не представляешь, насколько она сложна. Я многократно складывал два и два, и каждый раз получалось четыре. Кит должен схватиться с Боскомом — настоящим Боскомом, который так и остался недоступным мне. И вряд ли я мог его достичь.

— Нет, Ким, нет! — она почти крикнула. — Только не Кит! Ведь он еще мальчик!

Киннисон молча ждал. Кларисса встала и подошла к мужу. Он нежно взял ее за руку.

— Ленсмен о б я з а н, Крис, — спокойно произнес он.

— Конечно, — так же спокойно ответила она. — Прости! Я просто испугалась, вспомнив все, что мы с тобой пережили... Но... Чему быть — того не миновать. А может, мы сумеем как-то помочь ему?

— Возможно. — Кимбол крепче сжал ее руку. — Когда он приступит к заданию, я вернусь к своей работе. Как и Нэдрек, и Ворсел, и Трегонси. Да и ты, если потребуется. И если мы займемся защитой, а Кит попытается прорваться вперед...

— Все так и будет, — вздохнула Крис, а затем, немного помолчав, задумчиво сказала: — Но ведь ты не станешь обращаться ко мне без крайней необходимости... Почему мы должны быть ленсменами, Ким? — вспыхнула вдруг она. — Почему не землекопами? Ты внушал мне это еще до того, как я узнала, что такое Линза...

— Должен ведь кто-то играть первую скрипку в оркестре, — отозвался Кимбол с наигранной беспечностью. — Нельзя же всем дудеть на тромбоне.

— Наверное, ты прав... — Рыжий Ленсмен несколько погрустнела. — Как бы то ни было, мы обязательно отправимся на Землю к выпуску Кита.

В дальней комнате четыре высокие красивые девушки с огненно-рыжими волосами переглянулись и вошли в ментальный контакт. Их мать сильно ошибалась, полагая, что столовая экранирована от дочерей. Ничто не могло преградить путь их мысли, никакой ментальный экран. Ничто из интересовавшего их невозможно было скрыть, а любопытство рыжих красавиц было воистину безграничным.

— Кэй, мы нашли для себя дело!

Катрин, родившаяся на несколько минут раньше,

чем Карен, подчеркнуто игнорировала младших близнецов, Камиллу и Констанс — Кам и Кон.

— Наконец-то! — обрадовалась Карен. — Меня все время интересовало, сумею ли мы когда-нибудь использовать свой интеллект, девять десятых которого зарыто так глубоко, что только Кит знает о наших возможностях... — она усмехнулась, — и так заблокировано, что даже друга мы можем пустить туда лишь сознательным усилием воли. Теперь-то наши головы нам пригодятся!

— О чем это ты, сестренка? — поинтересовалась Кон. — Похоже, ты нашла какую-то забаву, а нас хочешь оставить в стороне?

— Несомненно, — отозвалась Кэт. — Вы еще слишком молоды.

— Мы будем обо всем рассказывать вам, — примирительно заявила Кэй. — Вы сможете даже посоветовать нам что-нибудь.

— Фи! — фыркнула Кон. — Хорошие замыслы вам не по зубам. Мы хотим только...

— Стоп! Замолчите! — скомандовала Кэт. — Все это слишком неожиданно, чтобы у кого-то появилась хоть сколько-нибудь ценная идея. Я предлагаю вот что: мы обдумаем все на борту «Неустрасимого» на пути к Земле, а затем обсудим и решим, что делать.

В тот же день они покинули Кловию. «Неустрасимый», личный корабль Киннисона, четвертый с таким названием, мчался в межгалактическом пространстве. Время шло. Юные рыжеволосые заговорщицы собрались на тайное совещание.

— Я уже все придумала! — воскликнула Кэт. — Там будет четверо ленсменов Второй Ступени, и нас как раз четверо. Мы начнем собирать и анализировать информацию по всей Вселенной, накапливать идеи и факты и передавать их нашим Серым Ленсменам, но, так сказать, тайком, чтобы они не заподозрили нашего вмешательства. Я возьму на себя папу, Кэй...

— Ты этого не сделаешь! — В общем хоре протеста мысль Кон прозвучала наиболее отчетливо. — Если мы не можем работать со всеми, тогда будем тянуть жребий или бросать кости, чтобы решить, кому он достанется!

— Замолчи пожалуйста, змейка! — вкрадчиво попросила Кэт. — Банально, но совершенно верно сказано,

что на детей приятно смотреть, но невозможно их слушать. Это серьезное дело...

— Змейки! Дети! — ядовито прервала Кон. — Послушай, моя многоопытная старая сестра! Вы с Кей на год старше Кам и меня. Год назад ваши интеллекты были сильнее наших. Но теперь мы тоже взрослые. Если ты не согласна со мной, скажи, что ты можешь сделать такого, на что не способна я?

— Вот... — Катрин вытянула вперед руку и сосредоточила взгляд на запястье. Почти тотчас же на руке девушки материализовалась Линза, изящный металлический браслет, плотно прилежавший к гладкой бронзовой коже. — Мне кажется, она понадобится нам в предстоящей работе. Я умею создавать ее. А ты?

Через несколько секунд на руках всех сестер поблескивали Линзы. Девушки никогда не проделывали этого раньше, но, увидев демонстрацию Катрин, мгновенно осознали, что также владеют такой способностью.

Линза Кэт исчезла. Три другие тоже. Сестры понимали, что их знания и силу надо тщательно скрывать, и были уверены, что, когда это будет необходимо, их Линзы появятся снова.

— Хорошо, будем рассуждать логически. — Кэт сменила тактику. — Я все равно заполучу его! Каждая из нас знает, с кем ей лучше работать. Ты, Кон, давно увиваешься вокруг Ворсела. Ты каталась на нем, как на лошади...

— Она до сих пор это делает, — фыркнула Кэй. — Совсем недавно, во время скачка в семь «же», он едва не разорвал ее пополам, а она чуть не лишилась пятки, пришпоривая его.

— Ворсел — это прекрасно, — охотно согласилась Кон. — Он более человечен, чем большинство людей, с ним всегда весело, а уж мозгов у него несравнимо больше, чем у любого из нас. А ты могла бы и помолчать, Кэй. Что ты нашла в этом Нэдреке, таком хладнокровном, что ему ничего не стоит заморозить кого угодно даже сквозь скафандр на расстоянии двадцати футов?.. Ты станешь такой же холодной и жесткой, как он, если не...

— И каждый раз, когда в радиусе пятисот парсеков от Кам появляется Трегонси, они часами молчат вместе, с восторгом созерцая звездные окрестности, — прервала Катрин, предвосхищая очередную ядовитую реплику. — Итак, методом исключения, папа — мой!

Поскольку все вместе они не могли работать с ним, в конце концов сестрам пришлось согласиться с Катрин; и, после бурного обсуждения, они разработали план действий.

«Неустрашимый» тем временем приземлился на Главной базе. Киннисоны вошли в небоскреб Уэнтворт-Холла, высокое, блестящее хромом и стеклом здание, где обучались кадеты Галактического Патруля. Церемония выпуска оказалась впечатляющей. Когда свежее испеченные ленсмены вышли из зала под величественные заключительные аккорды «Нашего Патруля», Серый Ленсмен покинул жену и дочерей и отправился в свой земной офис.

— Ленсмен Кристофер К. Киннисон, сэр, по предварительной договоренности, — объявил секретарь.

Кит вошел в кабинет, и Киннисон поднялся навстречу сыну, внимательно оглядывая его.

— Кристофер К. Киннисон по вашему приказанию прибыл, сэр, — четко отрапортовал юноша.

Координатор сдержанно ответил на приветствие, а затем скомандовал:

— Вольно, Кит. Я горжусь тобой, по-настоящему горжусь. Да и все мы, мать и девочки... Им не терпится встретиться с тобой, но сперва нам надо поговорить, чтобы прояснить кое-что. Объяснения, извинения, и, в некотором смысле, соболезнование...

— Извинения, сэр? — удивился Кит. — Но это немыслимо...

— За то, что на выпуске ты был не в Сером? Этого никогда не делалось, но, впрочем, дело не в этом. Ваш коммодор, комиссия экзаменаторов и адмирал Ла Форж — все они рекомендовали поступить именно так, будучи уверенными, что никто из нас не вправе отдавать тебе приказы, но я вынужден был принять иное решение.

— Конечно. Неважно выглядело бы, если б сын координатора стал первым ленсменом, окончившим Корпус в Сером. Особенно если учесть, что есть люди, хорошо знающие мои индивидуальные особенности. С этим можно подождать, сэр.

— Не слишком долго, сынок, — Киннисон слегка усмехнулся, и кивнул на небольшой плоский контейнер, что лежал на его столе. — Здесь твой сертификат, форма и требование приступить к работе. Мы полагаем,

что она приведет тебя во Вторую Галактику, но это лишь догадка.

— Тогда мне лучше стартовать с Кловии? И я смогу отправиться домой вместе с вами.

— Разумно. А по дороге я объясню тебе что к чему. У нас есть подробные записи с самыми авторитетными комментариями и тщательнейшим анализом. Туда не внесены только последние сведения, полученные сегодня утром... Не знаю, насколько они важны, но не обратить на них внимания нельзя... — Киннисон нахмурился.

— Ты можешь просто передать их мне, и я сам просмотрю записи и дополню их.

— Отлично. Ты вряд ли много знаешь о странных событиях, происходящих на кораблях, особенно во Второй Галактике.

— Только слухи. Конечно, лучше бы получить информацию из первых рук.

— Все есть на ленте, так что я расскажу только основное, — брови Киннисона-старшего сошлись суровой чертой. — Наши потери превышают допустимый предел на двадцать пять процентов. Обнаружено даже несколько брошенных кораблей. Они выглядели так, словно команда сошла с ума и громила все подряд. Корабли изуродованы, полностью выпотрошены, уничтожены все опознавательные знаки. Невозможно определить, ни откуда они вышли, ни куда направлялись. В записях есть также данные об иных психозах... А сегодня утром исчезло еще одно судно. Пилот успел передать сообщение: «Мы в пасти дьявола в...» На этом связь оборвалась. Контакта с другими пострадавшими кораблями не было вовсе. Если пилот передавал сообщение в здравом уме, оно имеет какой-то смысл, но никто не знает какой. Если он сошел с ума, оно значит не больше, чем десятки других столь же бессмысленных — для нас, по крайней мере, — записей на лентах.

— Гм-м-м... Интересно... Я запомню это и запишу сразу, как только получу информацию. Кстати, о странных явлениях. Недавно со мной произошло кое-что весьма необычное. Известие о том, что я буду свободным ленсменом, ошеломило меня, и я чуть не забыл об этом. Да и не знаю, насколько это важно... Возможно, и нет, — юноша задумчиво посмотрел на отца. — Скажи, тебе никогда не приходилось слышать о расе, которая мыслит на верхних частотах ментального диапазона?

— Нет. Они практически недостижимы. Неужели ты что-то можешь услышать на них?

— И да, и нет. Только однажды, и всего на несколько секунд. Больше всего это походило на взрыв, как будто распался очень прочный ментальный блок или какое-то существо погибло мгновенной насильственной смертью. Я даже не смог определить направление, а когда еще раз попытался поймать что-нибудь на тех частотах, ничего не вышло.

— Но хоть что-нибудь ты успел узнать? Взрывы иногда бывают весьма информативны.

— Очень немного. Это было во время моих последних каникул, во Второй Галактике, недалеко от Трейла. — Кит мысленно показал отцу место, о котором говорил, на карте. — Мышление высокоразвитое — возможно, не связанное с социальными нуждами, поскольку планета представляет собой голую пустыню с очень жарким климатом. Ни одной мысли о городах и о воде. Вполне возможно, то и другое есть на планете, но не имело значения в минуту взрыва. Телесная структура существа соответствует коду РТСЛ... Пищеварительной системы нет. Вероятно, оно получает пищу прямо из атмосферы или преобразует в нее лучевую энергию: местное солнце — голубой гигант. Спектральных данных, конечно, нет, но можно предположить, что это звезда класса В5 или А0. Вот все, что я узнал.

— Вполне достаточно для одного взрыва. Сейчас я ничего не могу тебе сказать, но, полагаю, об этом стоит подумать.

Сколь легкомысленно они сочли неважным этот загадочный ментальный взрыв! Но даже если б они знали, что речь идет о неких событиях, связанных с весьма точно описанными климатическими условиями, наблюдаемыми на планете Плур, никто из них и тогда не придал бы этому особого значения...

— Есть ли еще что-нибудь важное? — продолжил беседу старший ленсмен.

— Ничего... По крайней мере, у меня.

— Ты сказал, что обретение свободы оказалась для тебя ударом? Тебе предстоит выдержать еще один.

— Я готов.

— Ворсел, Трегонси, Нэдрек и я приостановили свою работу и вернулись к статусу Серых Ленсменов. Теперь мы подчиняемся всем твоим приказам.

— Вот уж действительно удар... Спасибо... Никак не

ожидал... Я потрясен! Вы, кажется, говорили что-то о соболезнованиях? — Кит гордо поднял рыжую голову (все дети Клариссы унаследовали ее великолепные волосы), и серые глаза младшего ленсмена пристально впились в серые глаза старшего.

— В каком-то смысле, да. Позднее ты поймешь... Ну, иди, сынок, тебя ждут мать и сестры. А когда свидание окончится...

— Я постараюсь, чтобы оно оказалось недолгим. — Кит был полон энтузиазма. — Может, мне лучше сразу приступить к выполнению задания?

— Ни за что! — пылко возразил отец. — Неужели ты хочешь, чтобы эта рыжеволосая команда оторвала мне голову? Сегодня у тебя важный день, ты становишься настоящим ленсменом, так выдержи все до конца, будь мужчиной. Уже сегодня ночью «Неустрашимый» доставит нас на Кловию, где ты получишь подробные сведения. А до тех пор, сын... — Киннисон пожал руку Кита.

— Но я ведь увижу тебя в Зале! — воскликнул Кит. — Не можешь же ты...

— Нет, я никуда не улетаю, — усмехнулся Ким, — но у нас больше не будет возможности поговорить в экранированном кабинете. Так что... Знай, сынок, я горжусь тобой!

— И я тобой, отец. Спасибо.

Кит вышел, а через несколько минут координатор тоже покинул свой кабинет.

Заключительный вечер выпуска Уэнтворт-Холла, главное событие года на Земле, чрезвычайно понравился всем Киннисонам. Затем «Неустрашимый» без приключений доставил их домой.

Время пробежало быстро. И вот закончены все приготовления, разработаны, хотя и приблизительно, планы действий...

Двое облаченных в серое ленсменов стояли на пустынном космодроме между двумя черными катерами-невидимками. Киннисон, крупный, уверенный в себе, спокойный, красивый зрелой мужской красотой, и Кит, широкоплечий, узкобедный, напряженный, нетерпеливый, рвущийся в битву с врагами Цивилизации.

— Помни, сынок, — произнес Киннисон, протягивая Киту руку, — любого из нас, четверых ветеранов, ты можешь вызывать, как только тебе потребуется помощь... Любого из нас — или всех вместе. Так что посылай сигнал, не раздумывая.

— Я знаю, отец, спасибо. Четверо лучших! Существуют тысячи нитей, за которые можно ухватиться. Ваши опыт и знания огромны. Так что кто-то из вас может нанести удар раньше, чем я. И не забывайте: вам тоже стоит только позвать, и я буду в вашем распоряжении.

— Договорились. Мы будем поддерживать связь. Ясного пространства, Ким!

— Ясного пространства, отец.

Обычное напутствие неожиданно исполнилось глубокого смысла.

Несколько минут, пока его катер подымался в черную бездну космоса, Киннисон думал о сыне, точно зная, что тот сейчас испытывает. Он снова и снова вспоминал удивительный день, когда сам впервые отправился в космос, став Серым Ленсменом. Но Кит обладал несравненно большими знаниями, и у него было собственное дело. И Серому Ленсмену Кимболу Киннисону оставалось только положиться на своего сына и помогать ему.

Глава 2

ВОРСЕЛ И ВЛАДЫКИ ДЕЛЬГОНА

Ворсел, крепкий, выносливый, живущий долго, как все велантийцы, едва ли вообще изменился за прошедшие двадцать лет. Первый ленсмен своей расы, единственный из своих соплеменников достигший Второй Ступени, он все эти годы был необычайно загружен делами.

Он занимался разнообразными технологическими и административными вопросами, связанными с включением Велантии в структуру Лиги. Выполнял множество заданий, которые, по мнению Галактического Совета, были по силам только ему, с его индивидуальными способностями и возможностями. В «свободное» время он посещал то одну, то другую галактику, выискивал и безжалостно уничтожал рассеянные по Вселенной группы Владык Дельгона.

Кроме того, Ворсел, почти по-отечески относившийся к детям Киннисона, принимал большое участие в их судьбах. Особенно интересовали ленсмена, напоминавшие

го гигантскую рептилию, Кит и младшая дочь, Констанс, интеллект которой он находил удивительно созвучным со своим собственным.

Когда пришел вызов Киннисона, Ворсел, находившийся на борту собственного космического корабля, отозвался мгновенно. Это был удивительный корабль! Экипаж «Велана» состоял исключительно из соотечественников Ворсела, на нем поддерживались привычные для велантийцев температура и давление. Кроме того, корабль сконструировали в расчете на инертное маневрирование при огромных, с точки зрения других рас, ускорениях, к которым прекрасно адаптировались велантийцы. Ворсел горячо и нежно любил свой корабль.

Он много и достаточно успешно потрудился вместе с Киннисоном и представителями прочих рас Цивилизации. Однако все, в том числе и сам Ворсел, прекрасно знали, что лучше всего он работает в одиночку или вместе с велантийцами. Так он обычно и поступал, кроме экстренных случаев.

Выведа «Велан» в открытый космос, Ворсел обвинил гибким могучим телом два специально предназначенных для этого столба и задумался. Киннисон сообщил, что вокруг происходит что-то странное и неприятное. Массовые недовольства, психозы, истерия и — как интересно! — галлюцинации. Да еще какие-то революции, восстания, связанные — а может, и нет, — с исчезновением многих известных деятелей разных рас. Это, однако, занимало Ворсела намного меньше. Он прекрасно знал, что Киннисон буквально набрасывается на такие явные проявления враждебных Цивилизации сил; а вот сам крылатый Серый Ленсмен обычно выбирал себе работу по вкусу.

Ворсел обожал исследовать галлюцинации. Можно сказать, он среди них родился и вырос. То, чего Ворсел не знал о галлюцинациях, можно было записать на самой крохотной из его чешуек.

Изолировав одну часть своего многосекционного мозга от других и от контроля над состоянием тела, он приготовил ее к восприятию любых галлюциногенных воздействий, которые могли поступить из космоса. Еще две части его сознания наблюдали за настроенной на воздействие, готовые изучить и проанализировать наваждения, созданные враждебным разумом.

Затем, воспользовавшись огромной природной чувствительностью мозга, многократно усиленной обучением

высшей ступени на Аризии и всей мощью Линзы, он начал прощупывать пространство на много парсеков вокруг корабля. Остальная часть его существа, хотя это и непостижимо для любого гуманоидного разума, отдыхала.

День за днем, пока «Велан» практически наугад мчался в безбрежной пустоте космоса, рептилия, полностью расслабившись и обвившись вокруг столбов, размышляла о множестве вещей одновременно — таким образом велантийцы обычно развлекались.

Неожиданно, даже трудно сказать, сколь скоро, пришел мысленный сигнал. Под его воздействием длинное тело Ворсела конвульсивно сжалось так сильно, что сдвинуло столбы с их привычного места. Владыки Дельгона! Несомненно, это зов вышедших на охоту ментальных хищников, парализующий ум и тело! Экипаж «Велана», конечно, пока ничего не ощутил, да и не должен был ощутить, иначе они не смогли бы противостоять губительному воздействию. Только Ворселу не угрожал гипноз дельгониан.

— Ментальные экраны! — облетел корабль мысленный приказ, но не успели еще выполнить первое распоряжение, как его заменило другое: — Отставить!

Защищенный непроницаемым экраном участок мозга Ворсела подсказал, что на них воздействует не обычный зов Дельгона, а нечто гораздо более могучее. На столь знакомый и ужасный для многих поколений велантийцев мощный призыв накладывалось как раз то, что ленсмен искал — галлюцинации!

Экранировать от них экипаж — или, за исключением самой малой части мозга, себя, — было бы ошибкой. Владыки Дельгона во всей Вселенной прекрасно знали, что существует по крайней мере один велантиец, обладающий большей ментальной силой, чем они; люто ненавидели его и еще больше боялись. И хотя Владыки жаждали уничтожить велантийца, они не решались на это; так что при первых же признаках неподчинения монстры прекратили бы воздействие: желание уберечь от вторжения превосходно замаскированную и тщательно экранированную пещеру было сильнее их садистских страстей.

Ворсел позволил враждебному излучению воздействовать на экипаж, открыв не только умы команды, но и неэкранированную часть собственного сознания. И тут же, хотя ни один мозг не зафиксировал никаких

изменений, реальность подернулась дымкой и начала изменяться. Лояльность, семейные привязанности и гордость за свою расу отступили на задний план; все, связанное с Лигой Миров и Галактическим Патрулем стало несущественным и малозначимым. Привычные для каждого велантийца ценности сменились могучими мотивами, материализованными Владыками из самых глубин подсознания каждого из членов экипажа. Выявились самые тайные, наиболее скрытые, порой неосознанные желания велантийцев. Перед каждым возник индивидуальный монитор, совершенно реальный для смотрящего на него, и каждый видел на нем то, что более всего желал увидеть. Возвышенным было это желание или материальным, благородным или низким, интеллектуальным или физическим, духовным или плотским, значения не имело. То, чего жертва желала наиболее страстно, воплотилось в видимую картину.

Несомненно, никто не воспринимал это видение как происходящее непосредственно на корабле; изображение транслировалось из вполне определенной точки пространства. Где-то на далекой планете существовала столь вожделенная реальность, туда и следовало отправиться как можно быстрее. Пилоты самовольно направили корабль по внушенному им курсу, включив двигатели на максимальную мощность, а все члены экипажа увидели на воображаемых экранах, что корабль лег на нужный курс. Если бы пилоты не сделали этого, подвергшийся воздействию дельгониан экипаж немедленно заставил бы их. Но пока все шло как надо.

Ворсел, наблюдая за захваченной враждебным интеллектом частью своего мозга, которая принимала галлюцинации за истину и безраздельно отдалась им, был очень доволен. Он знал, что полностью овладеть его сознанием и вывести из-под контроля мозга тело может лишь жесткое, направленное специально на него воздействие, а это невозможно, если он не допустит какого-либо промаха. Ошибаться же Ворсел не собирался.

Ни один гуманоидный разум не в состоянии понять, как именно работает мозг велантийца. Землянин мог, благодаря длительным тренировкам, обучиться одновременно делать несколько независимых друг от друга дел, но с весьма посредственным результатом — да и то, если эти занятия для него привычны. Чтобы выполнить какую-либо нестандартную или сложную ра-

боту, житель Земли должен полностью сосредоточиться на чем-то одном. Велантиец же может заниматься одновременно шестью-семью никак не связанными между собой делами, а благодаря большому числу конечностей и глаз он способен еще и выполнять невероятное множество совершенно независимых операций.

Однако велантийца ни в коем случае нельзя назвать существом с несколькими личностями; он обладает только одним эго, цельной личностью, в пределах которой действуют все псевдонезависимые части. По единой нервной системе не могут распространяться противоречивые импульсы. Независимые в мышлении и в управлении определенными действиями, все части сознания уроженцев Велантии фактически представляют собой единое целое.

Ворсел далеко обогнал в развитии своих соотечественников; он был своего рода уникалом, умел изолировать отдельные части мозга, полностью отделяя их от своего эго, и это качество делало его единственным Серым Ленсменом среди велантийцев.

Ворсел номер два, таким образом, отделился от самого себя и хладнокровно наблюдал за всем происходящим. Более того, он создал собственную маленькую галлюцинацию. Под мощным воздействием Владык он, казалось, оставался неподвижным, не сводя глаз с воображаемого экрана, где разворачивалась не поддающаяся описанию оргия, рожденная его сознанием. На самом деле его тело целенаправленно двигалось, подчиняясь лишь его усиленной упорными тренировками воле: Ворсел готовился к посадке.

По собственному опыту он знал, что недооценивать дельгониан нельзя. Их убежище, несомненно, укрыто достаточно надежно. Он не сомневался, что мощный, прекрасно вооруженный «Велан» не подпустят к пещере настолько близко, чтобы можно было использовать излучатели.

Скоростной космический корабль приблизился к планете... Перешел в инертный режим полета... Сравнил скорость с планетарной... Сел. Открылись шлюзы. Члены экипажа, отталкивая друг друга, устремились вперед, прочь от корабля. Ворсел, признанный знаток галлюцинаций, начал решительно действовать.

Хотя он оставался у пульта «Велана» — вместо того, чтобы присоединиться к ликующей толпе своих спутников, за которыми последовал огромный корабль, —

ни захваченная Владыками часть его собственного мозга, ни команда, а через их восприятие и дельгониане, об этом не знали. Всем казалось, что тело Ворсела, подчиняясь одурманенному мозгу, неустанно мчит на зов в самой середине толпы велантийцев. Точно так же «Велан» выглядел для всех неподвижным и опустевшим. Все видели, как он, становясь меньше и меньше, наконец исчез за горизонтом!

Это была исключительно тонкая работа, так как ленсмену пришлось синхронизировать свои ментальные импульсы с воздействием хозяев планеты, чтобы его вмешательство осталось незамеченным. Но Ворсел, мастер своего дела, уверенно взялся за работу, дрожа от нетерпения при мысли о предстоящей схватке с исконными врагами.

Охваченные коллективным гипнозом, гигантские рептилии начали стремительно спускаться с горы, но едва в склоне открылся тщательно замаскированный скалами вход в пещеру, Ворсел приблизился и накрыл велантийцев широким ментальным экраном. Мгновенно призрачная власть дельгониан над сознаниями их жертв растаяла. Члены экипажа поняли, что происходит, ринулись к кораблю и втиснулись в мгновенно захлопнувшиеся за ними шлюзы. Вход в пещеру немедленно закрылся, но экраны монстров, конечно, не могли противостоять мощному вооружению «Велана». Часть горы, где скрывались ужасные существа, обратилась в пар, и оттуда широкими потоками хлынула расплавленная лава. Казалось, воздух вокруг убежища Владык раскалился. Велантийцы атаковали пещеру.

Ее хозяева, однако, имели опыт таких битв. Хорошо замаскированная снаружи, пещера внутри была защищена ментальными и силовыми барьерами. Отряды неплохо вооруженных защитников, полностью подчиненные воле своих повелителей, дрались с безрассудной яростью роботов — каковыми, в сущности и были. Тем не менее велантийцам удалось преодолеть их сопротивление и спуститься в подземелье. Изрыгали пламя излучатели, в узких извилистых подземных тоннелях кипели рукопашные схватки. Один за другим, группа за группой, защитники гибли, а велантийцы шли вперед по их обожженным и покалеченным телам.

Наконец они достигли пещеры — убежища бывших властителей Дельгона. Владыки! Веками, поколение за поколением, они преследовали беспомощных велантий-

цев, безжалостно подвергая их жесточайшим пыткам и жадно поглощая жизненные силы несчастных жертв.

Ворсел и его спутники отбросили прочь свои «деламатеры». Настоящий велантиец использует против Владык Дельгона искусственное оружие только в крайнем случае; он слишком разъярен, чтобы сделать это. Он напуган до глубины души; этот страх достался ему от предков и въелся в каждую клетку его существа. Но смертельному ужасу противостоит ненависть настолько сильная, что осознать ее не может никто во Вселенной. Такую ненависть можно утолить, лишь собственными зубами, клыками, когтями разорвав на куски породившего ее врага.

Велантиец жаждет ощутить, как по капле уходит жизнь из судорожно сжатых лап, конвульсивно вздрагивающего тела и бьющего в агонии хвоста. Поэтому лучше не надо подробно описывать схватку в пещере, где находилось более сотни дельгониан. Загнанные в угол, они отчаянно сопротивлялись, и многие из товарищей Ворсела погибли. Но на «Велане» их было около пятисот, а в пещеру отправилось около половины, так что оставшиеся в живых могли управлять космическим кораблем и его вооружением.

Ворсел очень заботился о том, чтобы командир противника не погиб в сражении, и поэтому из всех дельгониан выжил только он. Велантийцы приковали его к одному из орудий пытки, обнаруженных в пещере, полностью лишив Владыку возможности двигаться. Подготовив ужасное устройство к работе, Ворсел включил экран, обернулся несколько раз вокруг подходящей стойки и оказался нос к носу с противником. Четыре пары глаз широко раскрылись, в упор рассматривая его, когда ленсмен послал пробный ментальный луч, испытывая экран чудовища.

— Я могу использовать это, или это, или вон то, — сообщал Ворсел. По мере того как он дотрагивался до различных колес и рукояток, цепи слегка натягивались и длинное тело поверженного врага сводила судорога. — Я не собираюсь этого делать. Пока. Пока ты еще в здравом уме, я вытяну из тебя все, что ты знаешь.

Сознания кровных врагов переpleлись. Началась безмолвная, немая решающая схватка.

На своем веку, как уже говорилось, Ворсел изловил и уничтожил немало Владык, ибо считал себя обязанным уничтожать их, как паразитов. Он убивал их бомбами и

лучами, когтями, зубами и хвостом. Но уже около двадцати земных лет он не сталкивался с дельгонианином мозг к мозгу. Ни ему, ни Нэдреку с Полэна-7 не удавалось захватить живыми вождей тех, кто пытался уничтожить Цивилизацию, затаившись в пещере на Лиране. Не было у ленсмена и опыта ментального уничтожения живого существа без мощной поддержки — в критические минуты рядом с ним всегда находился Киннисон.

Но сейчас Ворсел не нуждался в помощи. Он дрожал от ярости. Его тело стало твердым, как скала, на которой оно лежало, все части мозга объединились, сосредоточившись на одной задаче: разрушить ментальный экран пленника и проникнуть в глубины его сознания.

Все ярче и ярче вспыхивала Линза ленсмена, наполняя мрачную пещеру пульсирующим полихроматическим светом. Готовый сокрушить любую попытку сопротивления и пресечь возможные уловки противника, Ворсел медленно сжимал ментальное поле. Он окружал сознание монстра смертельной ловушкой, из которой тот не мог ускользнуть; он хладнокровно надвигался на его мозг, непрерывно и с возрастающей мощью.

Дельгонианин не устоял. Никогда не сталкивавшийся прежде с умом или волей, более сильными, чем его собственные, он понял, что сейчас проиграл, и вспомнил: давным-давно он уже встречал этого полулегендарного ленсмена-велантийца, с которым не мог соперничать ни один дельгонианин. Глава рода безжалостных палачей осознал с глубоким, парализующим волю ужасом, что ему предстоит умереть точно такой же страшной смертью, какой он сам подверг не одну свою жертву. Он ясно читал в сознании велантийца, что там нет ни капли жалости или сочувствия к врагу. И осознав, какая кошмарная бездна разверзлась перед ним, дельгонианин дрогнул.

Справедливо говорят, что храбрый умирает лишь однажды, а трус — много раз. Владыка за время этой беспрецедентной схватки умирал даже чаще, чем можно было предположить. Тем не менее, он сопротивлялся. Его ум оказался острым и мощным; он защищал глубины своего сознания со всем доступным ему мастерством. Тщетно. Все глубже и глубже, вопреки всем его усилиям, проникал Ворсел, извлекая по крохам драгоценную информацию.

— Эта станция здесь... Весь персонал здесь...

Я здесь, потом... Нанести ущерб... Как можно больший урон... Торговле... И персоналу... Галактического Патруля... И всей Лиге... — Дельгонианин отдавал обрывки сведений, но Ворселу этого было недостаточно.

Он хотел обладать полным знанием, которое пока безраздельно принадлежало его противнику, и продолжал штурмовать мозг дельгонианина, пока полностью не уничтожил всю защиту, пока весь мозг врага не открылся ему. Не тратя время на злорадство, Ворсел погрузился в изучение раскрывшихся перед ним богатейших запасов информации.

* * *

Пронизывая пространство, мчался вперед корабль Ворсела, теперь уже к определенной цели. Ленсмен снова и снова изучал и анализировал только что добытые сведения. Его не удивило, что дельгонианин ничего не знал о высших чинах Боскома и даже не осознавал, что неукоснительно следует чьим-то приказам. Психологи Боскома были достаточно искусными манипуляторами. Ворсел решил даже не пытаться извлекать хаотичные комбинации подсознательных импульсов, внедренные ими в мозг дельгонианина.

Однако деятельность Владык стала теперь вполне понятной. Задачей данного поста было действительно вносить хаос в торговлю. Корабль за кораблем отклонялись от намеченного курса и садились на пустынной планете. Некоторые из кораблей уничтожали, другие грабили и калечили, словно там потрудились еще памятные Лиге древние пираты. Часть кораблей просто изменяла курс, а их грузы и оборудование оставались практически неповрежденными. Но ни один член экипажа или пассажир не сумели спастись от них, хотя лишь десятую часть жертв Владыки убивали своим излюбленным способом, так хорошо знакомым Ворселу.

Они и сами не знали, почему нельзя убивать всех. Несомненно, они очень хотели этого, так как их потребность в чужой жизненной силе была огромной. Но не что ограничивало число убитых десятью процентами.

Ворсел злобно усмехнулся, подумав об этом, почти восхищаясь мастерством психологов, сумевших так глубоко поставить скрытые барьеры в столь неподатливые мозги. Несомненно, это была работа лучших специалистов Боскома, стремившихся как можно сильнее запутать и без того загадочную ситуацию.

С оставшимися девятьюдесятью жертв «просто поиграли». Эта процедура, не удовлетворявшая полностью кровожадность Владык, наносила жертве сильную психологическую травму. Никто из них не помнил, что с ними произошло — и, еще хуже, чем или кем они были прежде. Полностью сумасшедшими их назвать было нельзя: все они несколько изменились, стали чуть-чуть другими. Не было двух жертв, пострадавших одинаково. Казалось, каждый из дельгониан старался, проявляя дьявольскую изобретательность, превзойти своих сородичей в жестокости.

Подробно изучив все это, Ворсел решил лететь к «Дьявольской дыре космоса». Планета, захваченная Владыками, явно не была этой Дырой — не совпали координаты.

Но теперь, казалось, Ворсел знал, что такое на самом деле Дыра Дьявола. Это наверняка еще одна пещера Владык — она просто не может быть ничем иным; а дело его, Ворсела, главного истребителя дельгониан в двух галактиках, дело его экипажа и судна — всеми доступными и недоступными средствами уничтожать этих монстров. Дыра Дьявола — именно то, что ему нужно, и справиться с ней — вопрос чести.

И в этот миг он уловил отчетливый мысленный вызов:

— Ворсел! Кон на связи. Что там происходит, старый змей?

Глава 3

КИННИСОН ПИШЕТ КОСМИЧЕСКУЮ ОПЕРУ

Все ленсмены Второй Ступени располагали одной и той же информацией, одинаковыми исходными данными на базе которых они могли строить свои теории и пытаться делать выводы. Все делились друг с другом опытом, находками, и всевозможными умозаключениями, подробно обсуждая по четырехсторонней связи, как продвигается решение проблемы Боскома. Тем не менее каждый из них по-своему подходил к делу и выбирал исходную точку для атаки.

Кимбол Киннисон был человеком исключительно прямолинейным. В случае необходимости он, безусловно,

мог воспользоваться обходными путями, но всяческим маневрам предпочитал лобовую атаку. Чем очевиднее и ощутимее было направление работы, тем охотнее Кимбол брался за нее.

Именно поэтому сейчас он направлялся на Антиган-4, где совсем недавно было совершено наиболее выдающееся и загадочное из множества таинственных преступлений. Киннисон почти ничего не знал о нем. Запрос пришел по обычным каналам, а не по связи через Линзу; ему предлагали прибыть на Антиган и расследовать предполагаемое убийство президента планеты.

Катер мчался к цели, а Серый Ленсмен вспоминал все известные ему подробности внезапно возникшей в Галактике волны преступности. Число преступлений быстро росло, и чем большую часть Галактики они охватывали, тем заметнее становилась одна удивительная особенность происходящих тут и там вопиющих нарушений Закона. Звездных систем Трейла, Велантии, Земли, Кловии и Полэна эта волна почти не коснулась. «В чем дело?» — размышлял Киннисон.

Трейл, Земля и Кловия полны ленсменов. Велантия, Ригель, Полэн и дольше всех Кловия служили штаб-квартирами ленсменов Второй Ступени. Казалось, число преступлений обратно пропорционально числу или способностям ленсменов, находящихся в том или ином районе двух галактик. Следовательно, чему-то ленсмены, особенно — ленсмены Второй Ступени — очень сильно мешали. Это касалось любых преступлений. Тем не менее, случай, который он собирался расследовать, был особым.

Едва ступив на планету, Ким понял, в чем эта особенность заключалась. Планета бурлила. Деловая и повседневная жизнь, казалось, была практически парализована. Объявлено военное положение, улицы почти пустынные, если не считать вооруженных до зубов групп гвардейцев. Немногие жители, отваживавшиеся выйти на улицу, старались проскользнуть незаметно, пытаясь смотреть полными ужаса глазами во все стороны одновременно.

— Ну, хорошо, Уэйнрайт, а теперь расскажите толком, что у вас произошло, — решительно произнес Киннисон, когда в сопровождении офицеров Патруля его доставили в экранированной машине к зданию правительства. — Что-то вы все ходите вокруг да около.

— Да, сэр.

И Уэйнрайт начал подробно рассказывать. Незначительные, но весьма чувствительные неприятности начались давно. Потом убийства, похищения и необъяснимые исчезновения стали происходить все чаще, а полиция все больше заходила в тупик. Возросла халатность, оживилась коррупция, еще больше усложнив положение дел. По всей планете стали появляться листовки, откуда — никто не знал. Лучшие детективы не смогли обнаружить никаких следов типографии или распространителей. Обычная лживая, но будоражащая умы пропаганда: «Долой Патруль!», «Верните нам свободу!». Обстановка, однако, была достаточно напряженной, и листовки сильно повлияли на общий моральный настрой населения.

— Теперь последнее происшествие. Целых две недели нас засыпали сообщениями о том, что в полночь на тридцать четвертое Дрилле — я полагаю, вы знакомы с нашим календарем? — исчезнет президент Ренвуд. Эти две недели едва не довели население всей планеты до сумасшествия... — Уэйнрайт замолчал, вновь переживая наполненные тревожными предчувствиями дни.

— Продолжайте, — предложил Киннисон. — Он исчез, я знаю. Как? Что вы сделали, чтобы предотвратить это? Почему обстоятельства дела держатся в тайне?

— Если вы настаиваете, я, конечно, вынужден буду рассказать вам все, но мне бы этого очень не хотелось. — Уэйнрайт замялся. — Вы не поверите. И никто бы не поверил! Я и сам бы не поверил, если б не был там. Прошу вас, сэр, давайтеждемся вице-президента, и он при сотрудниках охраны сам расскажет вам, что произошло в ту ночь.

— Гм-м... Понимаю... Что ж, ладно. — Мозг Киннисона лихорадочно заработал. — Так вот почему никто не хочет сообщать никаких подробностей? Боятся, что я не поверю, решу, что они... — Он замолчал, чтобы не сказать «загипнотизированы», не желая делать поспешных выводов. Даже если это так, вовсе не обязательно сообщать об этом всем вокруг.

— Не волнуйтесь, сэр. Они знали, что вам не поверят.

Войдя в резиденцию правительства планеты, они направились не к отдельным покоям президента, а в Сокровищницу — вниз, в подвал, в надежно укрепленное убежище, самое безопасное место на всей планете. Только тогда наиболее доверенные офицеры расска-

зали Киннисону, вслух и мысленно, что произошло.

В тот черный день деловая жизнь планеты замерла. В резиденцию президента никого не допускали. Никому не позволяли приближаться к Ренвуду, кроме наиболее преданных и проверенных людей. Самолеты и космические корабли заполнили воздушное пространство возле здания. Вокруг расставили тяжелые излучатели, около которых с самого утра дежурили постоянно готовые к бою операторы. За пять минут до полуночи Ренвуд в сопровождении четырех офицеров службы охраны вошел в подвал, и его тут же запер лично хранитель Сокровищницы. Все члены кабинета видели, как они вошли внутрь. То же наблюдал и отряд специально подготовленных гвардейцев. Тем не менее, когда в пять минут первого хранитель отпер убежище, пятеро человек исчезли. С тех пор не удалось обнаружить никаких их следов.

— И все-все, до последнего слова — истинная правда, сэр! — прозвучал в мозгу Киннисона хор мысленных заверений, совершенно бессознательных, вырвавшихся неожиданно у всех присутствующих.

Слушая рассказ, ленсмен торопливо изучал один мозг за другим, пытаясь найти следы постороннего вмешательства, но ничего не обнаружил. Никакого гипноза! Все, о чем они говорили, действительно произошло. Когда Кимбол понял это, его глаза потемнели от дурного предчувствия. Он вновь внимательно осмотрел подвал, воспользовавшись своим сверхчувствительным восприятием. Миллиметр за миллиметром проверил внутреннюю структуру массивных стен убежища — бетон, прочнейшие сплавы, сталь. Проследил провода, отходившие от сети питания сигналов тревоги. Все в порядке. Все работало. Ничего не повреждено.

Солнце этой системы, хотя и весьма небольшое, все же было очень горячим. Эта планета, четвертая, находилась достаточно далеко. Хорошо укладывается в Пределы Кардинга... Туннель, несомненно... Это должен быть туннель... Непобедимый ленсмен вдруг ощутил себя вдвое старше своих лет.

— Я знаю, что случилось. — Его голос был мрачен и спокоен, когда он обратился наконец к собравшимся. — Я знаю и то, как это сделано. Но и только.

— Как? — спросили они, почти в один голос.

— Гиперпространственный туннель.

И Киннисон попытался объяснить принцип действия

этой таинственной штуки людям, очень далеким от высшей математики.

— Но что же теперь делать? — спросил хранитель.

— Ничего, — ровным голосом ответил ленсмен. — Что было, то прошло. Куда уходит свет, когда гаснет лампа? Исчезает бесследно. В нашей Галактике сотни миллионов планет, и во Второй не меньше. Существуют миллионы и миллионы галактик, и все они находятся в нашей Вселенной. А кроме нее существует бесконечное число вселенных, соприкасающихся друг с другом, как страницы в книге, в гиперпространстве. Так что вы можете приблизительно представить себе, какова вероятность найти президента Ренвуда или боскомиан, похитивших его. Она близка к нулю.

Хранитель был потрясен.

— Вы хотите сказать, что от этого кошмара невозможно защититься? Что они когда угодно могут утаскивать нас черт знает куда? Нация медленно сходит с ума, сэр! Еще одно подобное происшествие — и мы станем планетой маньяков!

— О, нет, я вовсе не имел этого в виду. — Напряжение несколько ослабло. — Я всего лишь сказал, что ничего нельзя сделать для президента и его помощников. Туннель же можно обнаружить, когда кто-то проходит сквозь нее, пока он виден. Вам надо пригласить пару ленсменов-ригелиан или ордовиксов. Я прослежу, чтобы они прибыли сюда. Не думаю, чтобы при них кто-нибудь воспользовался туннелем.

Он не добавил при этом, хотя прекрасно знал, что враг может появиться где угодно, на любой планете, не защищенной ленсменами, которые способны ощутить неосознаемую силовую сферу.

Подавленный неожиданным открытием, Киннисон вывел катер в открытый космос. Самое ужасное состояло в том, что любые новые преступления будут происходить там, где нет ни его, ни какого-либо оборудования. Их присутствие автоматически означает, что акт насилия произойдет в другом месте. Игра в прятки! Как может человек бороться с тем, чего нельзя увидеть, потрогать, почувствовать? Но, как бы то ни было, нелепо пытаться укунить себя за локоть. Надо придумать приспособление, к которому можно прикрепить зуб.

Что именно? Все испытанные ранее методы борьбы исключались, в этом Кимбол не сомневался. Боскомиане,

наверняка стоявшие за всем этим, соображали неплохо. Ни один подчиненный ничего о них не знал, кроме времени и места, назначенного руководителями. Их сборища были настолько защищены от обнаружения, насколько им позволяла техника. Что делать? Очень просто. Поймать Большого Оператора в момент преступления! Он мрачно усмехнулся. Легко сказать, но... И все-таки это не невозможно.

Боскомиане — не сверхъестественные существа; по крайней мере, не больше, чем он сам. Что бы он стал делать, если бы был большой шишкой в Боскоме? Для этой роли у него вполне достаточно опыта. Как лично он организовал бы преступление? Может, нечто подобное уже произошло?

Сам он предпочитает действовать решительно и атаковать в лоб. Киннисон уже внедрялся в организацию, нанося противнику удар изнутри. Столкнувшись с ошеломляющим превосходством Патруля в вооружении, особенно в Первой Галактике, они могли бы попытаться также действовать изнутри. Как? С помощью чего? Он ленсмен, они — нет... Стоп! Или все же да? Как раз это наверняка утверждать невозможно. Фосно, родившийся на Аризии, оказался предателем... Нет смысла пытаться обмануть самого себя. Фосно мог знать о Линзе ровно столько же, сколько знал сам Ментор, и вполне мог создать организацию, о которой даже тот не подозревал. Или Наставник решил, что будет неплохо заставить поразмышлять некоего слишком шустрого Серого Ленсмена, подкинув ему маленький сюрприз? Отлично. Он связался с вице-координатором Мэйтлэндом, который сейчас возглавлял офис, временно покинутый Киннисоном.

— Клифф? Это Ким. Тут родилась одна идея. — Он быстро объяснил, в чем дело. — Возможно, это ерунда, но лучше бы перепроверить. Ты мог бы предложить парням, чтобы они пошарили там и сям, особенно в подозрительных районах? Если кто-то из них наткнется на след бесцветного, дурно пахнущего или просто странного ленсмена, независимо от того, замешана ли там Линза, хоть дыру в космосе прожгите, но доставьте его ко мне. Понял?.. Спасибо.

Если взглянуть на дело с другой стороны, Ренвуд с Антигана мог оказаться не патриотом, не жертвой, а самым настоящим диверсантом. Туннель же мог быть средством, умело использованным для того, чтобы увен-

чать всю операцию мистическим финалом. В таком случае действительно пострадали четверо достойнейших и преданных планете офицеров. Ренвуд — кем бы он ни был на самом деле — помог разрушить моральный климат целой планеты и, возможно, просто отправился в другое место продолжать гнусную разрушительную деятельность... Дьявольски ловко придумано. Такое эффектное завершение операции вполне годилось для учебника по подготовке диверсантов. Все вместе сильно напоминало приемы работы, которыми пользовался он сам в бытность Тираном Трейла. Выглядит неестественно? Нет. Он уже решил для себя, что руководители Боскома сверхсуществами не были. С другой стороны, он тоже не супермен. Следовало смириться с мыслью о том, что они, хотя, возможно, ничем не лучше его, однако и нисколько не хуже. Непростительной тупостью было бы отрицать, что они могут делать все, на что способен он, Кимбол Киннисон.

«Где бы я устроился, будучи на их месте? На Радемексе, клянусь клыками Клоно! Очень подходящая планета. Достаточно значимая, но не чересчур. Население гуманоидное. Сравнительно небольшой притон там уже есть. Очень мало ленсменов, старший — Джеронд. Гм... Джеронд. Не слишком яркая личность, и немного склонен к... Да, на Радемекс!»

Он направился туда, но не на «Неустрашимом» и не в форме Серого. Он был пассажиром на борту первоклассного лайнера, писателем, мотавшимся по космосу в поисках местного колорита для очередного тома космических приключений. Сибли Уайт — Патруль особо заботился об этом — имел безупречное прошлое. Его разносторонние интересы и неумная шумливость были естественными атрибутами его профессии. Он использовал все, что подворачивалось под руку.

Итак, Сибли Уайт шатался по Радемексу. С точки зрения стороннего наблюдателя, совершенно бесцельно. Он не выпускал из рук записную книжку в ярко-красной обложке, и его можно было встретить где угодно в любое время суток. Он посещал космопорты, лазал по грузовым судам, проигрывал небольшие суммы во всевозможные игры в ресторанчиках, где часто бывали астронавты. С другой стороны, он усердно общался с представителями высших слоев общества и присутствовал буквально на всех мероприятиях, куда так или иначе мог попасть. Он крутился в приемных политиков,

банкиров, торговых магнатов, воротил бизнеса и прочих известных людей.

Однажды его остановили у дверей внешнего офиса крупного промышленника.

— Выйди и исчезни, — посоветовал ему охранник, ноги которого сильно напоминали поросычьи. — Босс не читал ничего из твоей писанины, зато читал я, и никому из нас неохота разговаривать с тобой. Данные, да? Какого черта тебе нужны данные по атомным двигателям и бульдозерам, для твоих идиотских космических опер? Почему бы тебе не наняться рабочим на один из грузовиков. Уж там бы ты насобираал данных из первых рук! Лучше загорать в космосе, чем под лампой за столом. Найди дело, которое поможет тебе спустить лишний жир! — Уайт был существенно полнее самого Киннисона и, можно сказать, рыхлее. Он глупо вытаращился сквозь сильные очки, которые, к счастью, нисколько не мешали ему благодаря сверхчувствительному восприятию. — Тогда, возможно, твое чтиво кто-то и сумеет проглотить, не поперхнувшись! Проваливай!

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Тысяча благодарностей, сэр. — Киннисон заискивающе приседал и пятился к выходу, старательно строжа что-то в блокноте. Он узнал все, что хотел. Босс был не тем, кого он искал.

Вскоре он проверил всех мало-мальски заметных государственных деятелей.

— Я совершенно не понимаю, сэр, зачем вам беседовать со мной, — жестко говорило ему очередное важное лицо. — Я совершенно не подхожу вам как источник информации для вашего очередного опуса.

— О, сэр, этого никогда нельзя знать заранее, — отвечал Киннисон. — видите ли, мне самому часто не известно, кто или что станет исходным материалом моего произведения, пока не начну писать его, а бывает, и дольше.

Важное лицо изумленно смотрело на него, а ленсмен смущенно удалялся.

Не желая выходить из образа, Киннисон почти закончил писать роман. Позднее его объявили лучшим произведением Сибли Уайта.

«Квадгоп Меркотанский плавно скользил вокруг выпуклостей межпланетного корабля. Одна лапа вцепилась в стенку судна толщиной в несколько футов, изготовленную из чистого нейтрониума, затем другая. Его ужасная, напоминающая ксмаксов, морда тыкалась в

покрытие. Он царапал, рвал, вылизывал его утыканным шипами языком. Хряп! Хряп! При каждом ударе выемка в покрытии корабля все углублялась, а Квадгоп смотрел все более злобно! Идиоты! Неужели они полагали, что безвоздушность космоса, холод абсолютного нуля, неподатливость чистого нейтрониума могут остановить его, КВАДГОПА МЕРКОТАНСКОГО? И безбилетный пассажир, эта девчонка-гуманоид Цинтия, трясущаяся от ужаса где-то за такой непрочной стенкой...»

Киннисон печатал очередное многословное описание, когда внезапно возник первый намек на реальную нить, за которую можно было уцепиться.

На панели его видеофона вспыхнул желтый сигнал «Внимание», знакомая мелодия возвестила о том, что передается важное сообщение. Киннисон-Уайт шелкнул переключателем, и на экране появилось суровое лицо главы местного отделения Патруля.

— Внимание, — произнес Джеронд, — всем жителям Радемекса предлагается быть бдительными и проследить источники возникновения побуждающей к волнениям литературы, появляющейся в последнее время в различных городах планеты. Наши офицеры не могут находиться везде одновременно; население же вездесуще. Мы надеемся, что благодаря его поддержке, сумеем устранить угрозу миру и безопасности, которая становится весьма серьезной. Нам хотелось бы избежать введения военного положения.

Сообщение, на которое не обратило внимания большинство жителей Радемекса, имело особое значение для Киннисона. Он оказался прав. Он знал, что произойдет дальше. Но он знал также, что никто из стражей закона Радемекса, ни даже все жители планеты вместе взятые не сумеют предотвратить неизбежного. Они не могут даже ослабить удар. Силы ленсменов могли бы остановить его, но тогда Патруль окажется не в состоянии захватить или уничтожить тех, кто организовал очередной спектакль. Пока их не следовало тревожить.

Мог ли что-то сделать сам Киннисон, прежде чем история приблизится к трагическому финалу, зависело от многих причин: от того, каким окажется этот финал, кому он будет угрожать, будет ли предполагаемая жертва боскомианином или нет. Чтобы узнать это, надо тщательнее изучить все происходящее на планете.

Если противник собирается повторить прежний

сценарий, то жертвой станет президент. Если Киннисону не удастся выявить действительных организаторов прежде, чем процесс дойдет до логического конца, ему придется позволить событиям развиваться своим чередом. Для Уайта мелькать где-нибудь в это время — значит, привлекать к себе нежелательное сейчас внимание. Впрочем, он, похоже, и так успел примелькаться...

Киннисон переехал на квартиру, расположенную настолько близко к правительственным учреждениям, насколько это оказалось возможно. Здесь он совершенно открыто работал, длинно и красочно описывая приключения Квадгопа и красивой, но глупой Цинтии, приближающиеся к счастливой развязке.

Глава 4

НЭДРЕК С ПОЛЭНА ЗА РАБОТОЙ

Для того, чтобы понять эти и последующие события, надо ненадолго вернуться лет на двадцать назад, к короткой беседе, происходившей на холодной темной планете Онло, между чудовищным с точки зрения любого гуманоида существом Кандроном и его начальником, неразговорчивым боскомианином Альконом, Тираном Трейла. Почти в самом конце беседы Кандрон предположил, что, вполне вероятно, на его собственную базу мог коварно напасть Звездный ленсмен, а в неустойчивости базы он не уверен.

— Неужели ты допускаешь, что он посягнул лично на тебя, получил информацию и не оставил никаких следов? — такое кошмарное предположение заставило Алькона вздрогнуть.

— Конечно, — холодно ответил Кандрон. — Хотя я не уверен, что это уже случилось, я бы не стал пренебрегать такой возможностью. Любое изобретение можно воспроизвести. Бесспорно, однако, что более всего их интересую вовсе не я, да и не моя планета, а Трейл и вы. Особенно вы.

— Возможно, ты и прав. Но, не зная толком, кто или что такое этот Звездный, не представляя даже, как именно он действует, бессмысленно рассуждать о нем.

На этом разговор окончился и почти мгновенно Алькон вернулся на Трейл.

После отбытия Тирана Кандрон погрузился в размышления, и чем дольше он думал, тем становился мрачнее. Несомненно, именно Алькон и Трейл интересовали Патруль. Но можно ли в таком случае надеяться, что его самого и планету Онло оставят без внимания? Вовсе нет! Надо ли еще и еще раз попытаться предостеречь Алькона? Нет. Если Тиран до сих пор не сумел оценить грозящую организации опасность, не стоит особо печься о том, чтобы сохранить его особу. Раз уж он предпочитает выжидать, это его дело. Кандрон не собирается рисковать своей драгоценной жизнью.

Предупредить ли ему своих людей? Но как? Все они опытные и закаленные бойцы. Никакое предупреждение не заставит их защищать свои крепости и жизни еще яростнее. Они прекрасно подготовлены. Какие слова помогут отразить угрозу, истинной природы которой, в сущности, никто не знал? Более того, предполагаемой атаки могло и вовсе не быть, а прятаться от воображаемого врага ему как-то не к лицу... Нет... Он достаточно важная персона, чтобы позволить себе оказаться отозванным куда-нибудь подальше от Онло. Лучше спокойно переждать, не мешая событиям идти своим чередом. Если же ничего не произойдет, через несколько недель он просто вернется из официальной поездки и все будет в порядке.

Кандрон тщательно проверил Онло, еще раз напомнил офицерам о бдительности и готовности отразить любое внезапное нападение, поскольку он, к сожалению, вынужден временно покинуть планету, а затем улетел с флотом, в котором все экипажи кораблей были тщательно отобраны, проверены и перепроверены им лично, в давно подготовленное и надежно укрытое убежище.

Из этого безопасного места он наблюдал, как визуально, так и с помощью великого множества приборов, которыми управляли хорошо обученные операторы, все, что произошло. Трейл пал, Онло тоже. Патруль победил. Затем, осознав действительные размеры катастрофы и приняв их со спокойствием и стойкостью, свойственным его роду, Кандрон послал условный сигнал, вызвал на связь одного из своих руководителей и доложил о развернувшихся на его глазах

событиях. Они посовещались. Кандрон получил приказы, определившие его деятельность на ближайшие двадцать лет.

Теперь он знал, что Онло обработали ментальным полем, которое не поддавалось осознанию и в которое почти невозможно было поверить. Онло пала, и никто из ее защитников даже не попытался включить ни единого излучателя из всего мощнейшего вооружения ее крепостей. Падение Трейла и методы нападавших на него были достаточно понятны: происки гуманоидов. Там, конечно, поработал ленсмен из гуманоидной расы; возможно, даже тот, имя которого так часто связывалось с легендарным прозвищем Звездный.

Но Онло! Кандрон лично ставил ловушки вдоль причудливо петлявших линий коммуникации и прекрасно знал их возможности, лично наблюдал за созданием и подключением блокировок и экранов и знал их мощностъ. Но он понимал, поскольку иного пути на Трейл не было, что эти линии проследили, пройдя сквозь все экраны и ни разу не подняв тревоги. Кандрон предельно сосредоточился и попытался представить, каким должно быть существо, сумевшее все это проделать, что может представлять собой мозг Звездного, поскольку это, конечно, его рук дело.

Поставленная перед Кандроном задача оказалась ему по силам, и он совершенно точно вычислил Нэдрека с Полэна-7. Затем он усеял Вселенную ловушками, приготовленными специально для такого существа, которое он себе нарисовал. Они, конечно, могли и не сработать. Однако не имело особого смысла пытаться прикончить ленсмена немедленно: в конце концов, рано или поздно, Кандрон сможет лично заняться им. Важно было проследить, чтобы пресловутый ленсмен не сумел выйти на высших руководителей Боскома.

Злобно ухмыляясь, злорадно предвкушая сокрушительный удар, ожидающий противника, Кандрон отдавал распоряжения. Затем он занялся преобразованием жалких осколков Империи Боскома в новую могучую силу, способную уничтожить Цивилизацию.

Поэтому совершенно неудивительно, что более чем за двадцать лет Нэдрек с Полэна мало чего достиг. Неоднократно он оказывался на самом краю пропасти, чувствуя на себе горячее дыхание смерти. Только благодаря выдающемуся сочетанию умения, силы и

уникальной энергии он выжил. Нэдрек выполнил несколько заданий Патруля, но большую часть времени ему приходилось защищаться. Казалось, любая нить, за которую он брался, вела прямо в ловушку; какой бы курс он ни выбрал, очень скоро оказывался, зачастую в буквальном смысле, в пропасти, битком набитой излучателями, готовыми обратить в пепел именно его.

Год за годом он все яснее начинал понимать, что столкнулся с неизвестным пока, неуловимым, но сильным противником, вычисляющим каждое его движение и твердо решившим покончить с ним, Нэдрек. И по мере того, как накапливалась информация, ленсмен все больше утверждался в мысли, что ему противостоит не кто иной, как Кандрон с Онло.

Столь необычная ситуация привела к тому, что, когда Кит вылетел в свой первый боевой рейд, и Киннисон вызвал Нэдрека для консультации, обычно сдержанный и скрытный ползанианин оказался очень разговорчивым. Он рассказал Серому Ленсмену все, что знал, и все, к чему пришел путем логических умозаключений или просто подозревал о бывшем властителе Онло.

— Кандрон с Онло! — вспыхнул Киннисон так, что субпространственный канал, по которому велась связь, слегка вздрогнул. — Черт побери! И ты можешь спокойно сидеть там и рассказывать мне, что Кандрон снова ушел от тебя? Ты знал, что он уцелел, и не только сам ничего не сделал, но даже словом не обмолвился никому из нас, так что и мы не помешали ему действовать? Ничего себе!

— Конечно. Зачем что-то делать прежде, чем это станет совершенно необходимым? — Нэдрека ничуть не тронуло волнение Киннисона. — У меня не хватает сил, мой интеллект слаб. Однако даже мне было ясно тогда и ясно теперь, что Кандрон — не самая важная фигура. Я должен был разрушить организацию Онло, и я сделал это. Был или нет Кандрон в то время на планете, тогда значения не имело, а вот сейчас уничтожение Кандрона стало отдельным, очень специфическим вопросом.

Киннисон тихонько выругался, но прервал себя на полуслове. Нэдрек не был гуманоидом, и судить его по человеческим меркам бессмысленно и даже опасно. Он просто совершенно другой. И для челове-

ства это очень хорошо, ибо если бы его дьявольски могущественная раса, наделенная многими уникальными способностями, обладала еще и человеческим образом мышления, Цивилизация пошла бы по полэнтианскому пути развития, а не по земному, как сейчас.

— Хорошо. Оставим это.

— Но Кандрон годами мешал моей деятельности, а поскольку сейчас им заинтересовался и ты, его следует принимать во внимание, — невозмутимо продолжал Нэдрек, не более способный понять и принять точку зрения Киннисона, чем землянин принимал его способ мышления. — Следовательно, с твоего позволения, я отыщу и уничтожу Кандрона.

— Займись этим, дружище, займись поскорее, — вздохнул Киннисон. — Чистого пространства!

* * *

Пока шел этот разговор, Кандрон удобно расположился в холодной, лишенной всякого освещения комнате в своем штабе и со злорадством размышлял о грандиозном провале, ожидавшем Нэдрека с Полэна, который, по всей вероятности, и был уже погибшим однажды Звездным ленсменом Галактического Патруля. Совершенно ясно, что он все еще жив. Скорее всего, это вовсе не было неприятно Кандрону: пусть ленсмен остается цел и невредим до тех пор, пока бывший правитель Онло не найдет времени заняться им лично. Нэдрек, безусловно, способный работник, но просто его существование не таит в себе реальной опасности — тем более, что он разгадан. Были другие, более срочные дела — как, впрочем, всегда со времени падения Трейла. Переработанный план действовал великолепно, и как только удастся разделаться с этим землянином... На Плуре полагали, что... А может, и правда, что Нэдрек вовсе не был этим Звездным патрульным? Что, если там в самом деле замешан человек?..

Каким-то необъяснимым образом Кандрон почувствовал, что его помощник находится поблизости и готов доложить обо всех происшествиях, в которых замечены следы вмешательства пресловутого земного ленсмена. Он подал сигнал, и в комнату торопливо вошел еще один онлонец.

— Этот неизвестный до сих пор гуманоид, — сердито излучил Кандрон. — Я полагаю, ты пришел не с рапортом о том, что с ним покончено?

— Простите, Высочайший, но ваше предположение справедливо, — излучил в ответ поданный, не особенно смутившись. — Ловушка на Антигане, приготовленная специально для него, как нельзя лучше учитывала особенности того интеллекта, который вы вычислили и определили. Возможно, это было слишком очевидно, Высочайший? Или наоборот, недостаточно очевидно? Галактика так велика и, может, он просто не узнал о ней вовремя? Как мне лучше действовать при следующей попытке, какова желательная степень очевидности ловушки и насколько она должна повторять предыдущую?

— Методика, разработанная для Антигана, была безупречна, — решил после недолгого размышления Кандрон. — Как ты и подумал, он просто не знал о ней, иначе мы бы уже поймали его. Он умелый и опытный разведчик, тщательно заматающий свои следы. Мы вряд ли сумеем поймать его прежде, чем что-то произойдет. Надо заставить его прийти к нам. Мы продолжим попытки заманить его, и в конце концов он явится сам. Не важно, схватим мы его сейчас или через пять лет — в любом случае это произойдет. Можно считать счастливым совпадением, что готовящееся разрушение Лиги на ее собственных планетах дает нам прекрасную возможность заняться и этим ленсменом.

Однако мы не будем точно воспроизводить антиганскую методику... Хотя нет! Лучше всего сделать именно так. Повторение говорит об ограниченности интеллекта, но нам как раз очень выгодно заставить противника считать нас несколько ограниченными. Попробуем! Докладывай обо всем, как мы договаривались. Помни, его надо взять живым, чтобы мы могли выкачать из его мозга все секреты, которые не удастся узнать иначе. Едва выйдешь из комнаты, забудь обо мне и о всякой связи между нами, вплоть до моей команды. Иди!

Исполнитель вышел, а Кандрон решил заняться тем, что умел делать лучше всего. Ему было бы приятно самому выследить Нэдрека. Он мог бы поймать и убить это неуловимое существо, и сама по себе такая работа доставила бы ему массу удовольствия. Ему также хотелось бы лично руководить поимкой этого весьма неприятного ленсмена-человека, который мог быть, а мог и не быть, столь часто и горячо проклинаемым Звездным. Это тоже в высшей степени приятное

дело. Однако были и другие дела, гораздо более срочные. Чтобы Великий План увенчался успехом — а иначе и быть не может! — каждый боскомианин должен выполнять определенные обязанности. Кандрон организовывал и направлял массовые психозы и беспорядки, ту ужасную цепь умственных расстройств, непревзойденным мастером которых он был и которая наиболее эффективно и быстро подтачивала самые основы галактической Цивилизации. Это его задача, и ее надлежит выполнять с блеском. Прочее, личное и не столь важное, подождет.

На этом Кандрон прервал свои размышления и срочно вылетел в неизвестном направлении. Везде, где он появлялся, возникали страшные, удивительно быстро распространявшиеся ментальные заболевания. С безумием, волна за волной накатывавшимся на Галактику, не мог справиться ни один из врачей или психиатров человечества. Оно охватывало все новые и новые районы, разъедаая разум целых рас и грозя уничтожить Цивилизацию.

* * *

А ленсмен Второй Ступени Нэдрек, решивший найти и уничтожить экс-деспота Онло, приступил к делу в своей обычной неторопливой, но дотошной манере. Он не пытался определить его местонахождение или выследить его. Это было бы плохо, просто глупо и, что еще хуже, неэффективно, а самое отвратительное — невозможно. Нэдреку предстояло вычислить, где будет находиться Кандрон в ближайшее время, и подождать его там.

На этот случай у Нэдрека скопилось множество сведений о событиях и явлениях, которые так скрупулезно обсуждала Большая Четверка. Он тщательно изучил буквально каждый квант информации, отделяя то, что носило характерный отпечаток деятельности его исконного врага, чей почерк ленсмен научился распознавать совершенно безошибочно. Нэдрек выяснил — нисколько, впрочем, не удивившись, — что деяния онлонца темны, а список их едва ли не бесконечен.

Сюда попало дело первого министра с Де Сильвы-3, который начал стрелять во время совещания кабинета и убил своего суверена и одиннадцать членов правительства, а потом себя.

Затем президент Виридона. На пресс-конференции он яростно набросился, размахивая атаганом, сорванным со стены, на ничего не подозревавших репортеров, изрубил их на куски, а потом принял яд.

Явно носил следы деятельности Кандрона и другой интересный эпизод, когда земной промышленный магнат, некий Эдмундсон, совершая прогулку по океану на собственном корабле, швырнул за борт пятнадцать женщин из обслуживающего персонала и прыгнул вслед за ними, одетый в спасательный жилет, но с привязанным грузом.

Нечто подобное произошло с Дилуэем, широко известным руководителем Централных Космических Перевозок. Этот весьма уважаемый деятель вызвал к себе в кабинет на шестьдесят третий этаж своих секретарей, одного за другим, и выбросил всех в окно. Потом станцевал джигу на краю подоконника и последовал за ними.

Особенно колоритным и показательным Нэдрек счел случай, происшедший в Главном госпитале Наркора, где четверо лучших хирургов планеты обезглавили всех, кто имел несчастье оказаться в здании: пациентов, медсестер, ординаторов, — с похвальным безразличием к возрасту, полу или состоянию здоровья; затем эти эскулапы поставили на кафельном полу несколько голов, повернув их лицом на север, выложили из них слово «Месть» и скальпелями вспороли друг другу животы.

Эти и многие другие случаи, где прослеживалась сходная методика, Нэдрек внес в таблицы, и провел статистический анализ. Собранные вместе, эти данные производили поистине головокружительное, отталкивающее впечатление. У Нэдрека, однако, не возникло никаких эмоций. Для него это была лишь информация, сводные данные для решения интересной и не слишком сложной психолого-математической задачи.

Он отметил, где во времени и в пространстве происходил каждый эпизод, и сопоставил каждый случай с аналогичными; рассчитав пространственно-временные матрицы, определил местоположение центра и составил уравнение его наиболее вероятного движения. В результате всю имевшуюся информацию легко удалось экстраполировать. Убедившись, что возможная ошибка не превышает допустимой для данного типа задач, он определил планету, которую Кандрон посетит, по всей вероятности, в достаточно отдаленный срок, чтобы успеть подготовиться к встрече с ним.

Вычисленная планета, населенная близкими к гуманоидным существами, оказалась теплой, ее заливал яркий солнечный свет, а атмосфера была насыщена кислородом. Нэдрек ненавидел такие планеты; но, к счастью, ему незачем было садиться на нее до прибытия Кандрона, а возможно и позже. Кроме того, противник, как и сам ленсмен, был холоднокровным существом, дышащим ядовитой для большинства рас Лиги Миров смесью газов, что сильно упрощало задачу его обнаружения.

Нэдрек вывел свой невидимый катер на круговую орбиту возле планеты, достаточно удаленную от нее и потому удобную, и занялся установкой точных высокочувствительных детекторов. Впрочем, на сей раз тщательного анализа улавливаемой детекторами информации не требовалось. С высокой степенью вероятности можно было утверждать, что в основном планету посещают теплокровные, дышащие кислородом существа, а любой визитер, не относящийся к этому типу, скорее всего окажется Кандроном. Любое холоднокровное существо, направляющееся к планете, надлежало тщательно изучить самому Нэдреку, поэтому его аналитическим установкам полагалось просто различать два типа существ, практически во всем противоположных. Нэдрек знал, что наблюдать за детекторами не надо и ему совершенно ничего не придется делать, пока не поступит сигнал о приближении Кандрона или пока не пройдет достаточно времени, чтобы можно было утверждать что онлонец не появится здесь.

Будучи математиком, Нэдрек знал, что любые результаты, полученные экстраполяцией, нельзя считать совершенно достоверными; ему было известно также, что реальная вероятность появления Кандрона на неопределенную величину меньше, чем математическая. Тем не менее, сделав все, что от него зависело, он принялся ждать с безграничным терпением, свойственным его расе.

День за днем, неделя за неделей космокатер кружил вокруг планеты и ее большого горячего солнца. Одиноким путешественник погрузился в работу. Он снова и снова анализировал информацию, все более углубляя свой запас знаний о противнике, чтобы точнее определить, какие шаги придется предпринять, если эта попытка, как и многие предыдущие, окончится неудачей.

ПОХИЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Киннисон-Уайт неустанно трудился над космической эпопеей, когда его мог кто-нибудь видеть, а также и в другое время, чтобы не дать кому бы то ни было повода для подозрений. В самом деле, он работал не меньше реального Сибли Уайта, удивительно плодовитого писателя, в периоды его творческого расцвета. В промежутках между беседами с чиновниками, высокопоставленными и ниже, и сбором всевозможной информации Киннисон посещал писательские вечеринки, где с удовольствием ругал своих непослушных героев. Вместе с коротко подстриженными женщинами и длинноволосыми мужчинами он сетовал на изменчивость публики, из-за которой приходится продавать настоящий талант, а уж в собственной талантливости не сомневался никто. Особенно симпатизировал Кимбол одной довольно полной писательнице, совершенно неправдоподобный, но невероятно популярный герой которой — кстати, Серый Ленсмен, — пережил уже десять толстых романов, изданных более чем двадцатимиллионным тиражом.

Хотя своим призыванием она считает драму, доверительно сообщила писательница Киннисону, ее приключенческие романы — вовсе не простенькие детективные поделки, как у большинства этих графоманов. Она очень близко знала многих Серых Ленсменов, и ее произведения соответствуют истине до мельчайших подробностей!

Киннисон, скрипя зубами, терпел это и многое другое, так как не хотел выходить из образа. Имя Сибли Уайта позволяло ему, не вызывая подозрений, выяснять, что именно задумали боскомиане и не собираются ли они здесь, на Радемексе, повторить сценарий, уже применявшийся ими на Антигане-4.

Первой его заботой было изучить личность президента планеты. Это оказалось непросто, но Киннисон справился с задачей. Он подробно исследовал сознание президента, но не обнаружил ничего подозрительного. Обратившись за помощью, он получил доступ к документам, касающимся прошлого президента, но и это не помогло. Таким образом, первоначальная гипотеза оказалась неверной: диверсия изнутри на

Радемексе исключалась; источники ее подготовки следовало искать вне планеты. Где и как?

За первыми листовками последовали новые, их тон становился все более агрессивным. Казалось, они возникали прямо из пустой стратосферы. По крайней мере, сразу после очередного потока воззваний не удавалось обнаружить ни одного корабля поблизости от планеты. Это, впрочем, было не удивительно: любой космический катер, воспользовавшись безынерционной тягой, мог оказаться за тысячи парсеков от места происшествия, прежде чем листовки коснутся почвы. С тем же успехом их можно было послать практически с любого расстояния, начинив ими торпеду. Однако Киннисон полагал, что они просто выпалились из зева гиперпространственной трубы. Впрочем, как это делалось — не важно, важны результаты. А они, по мнению Серого Ленсмена, были удивительно малы по сравнению с количеством и качеством распространяемых агиток. Подрывная литература, конечно, могла как-то влиять на людей, но ведь похоже, она полностью нарушила привычный уклад жизни на планете!

Повсюду, как грибы после дождя, возникали разнообразные кружки и общества, пропагандирующие все, от абсолютизма до анархии. Появилось множество поклонников культов и сект, сторонников свободной любви, пророков, возвещающих близкий конец мира, и уйма людей с иными отклонениями от нормального мышления. Лига писателей, довольно крупное объединение критически настроенных личностей, сильно пострадала: не сумев стать единой радикальной организацией, она раскололась на мелкие группировки.

Киннисон присоединился к одной из них, выступавшей под лозунгом «Долой все!», как не самый активный приверженец, в меру критически настроенный к идеям собственной группировки, как, впрочем, и к идеям многих других. Такая позиция позволяла ему достаточно спокойно изучать сознания своих товарищей по партии. Заметив, что их настроения меняются, он попытался проследить источник изменений. И тут его ждало разочарование: вместо могучего менталитета — например, сумасшедшего аризиянина или достаточно высокопоставленного агента Боскома, — он обнаружил, что его противник, манипулирующий с сознаниями жителей Радемекса, — самый обычный местный врач. Тот оказался парнем достаточно умным, но ни в коей

мере не способным преодолеть даже самое слабое сопротивление. Никакая опасность Серому Ленсмену не угрожала, и он запросто ввел в мозг возмутителя спокойствия представление о том, что Сибли Уайт — парень что надо.

Неприятность заключалась в том, что врач ровным счетом ничего не знал. Этот не такой уж неожиданный поворот событий поставил перед Киннисоном три вопроса. Поддерживал ли кто-либо из Боскома связь со столь мелкими исполнителями, или им просто выдавались определенные приказы-установки? Надо ли оставаться в сознании радемексианина, пока тот не обнаружит постороннее вмешательство? Если попытаться управлять врачом, удастся ли остаться незамеченным для тех, кто настраивает его на подрывную деятельность? Все тщательно обдумав, Киннисон решил, что риск велик и требуется разведка. Прекрасно, он совершит небольшую прогулку.

Ленсмен увел свой космокатер на миллионы миль от планеты. Отсюда ему легко удалось накрыть Радемекс некоторым подобием колпака, охватившего планету по всему экватору и от одного полюса до другого, и собрать сведения о положении обреченного мира. Везде он увидел одно и то же: Радемекс буквально наводнили агитаторы. Их оказалось так много, что у Киннисона потемнело в глазах. Ни о какой взаимосвязи между таким огромным количеством диверсантов, координации их действий и сколько-нибудь значимом руководстве не могло быть и речи. Все они, несомненно, получили приказ, который обязаны были выполнить — или умереть. А что именно они предпочтут, казалось, несущественно. Киннисон попробовал блокировать сознания нескольких диверсантов. Ничего не произошло.

В конце концов, на планете ввели военное положение, но это привело лишь к тому, что агентура ушла в подполье. Людей в сообществах и группировках стало меньше, но зато возросла агрессивность и разнузданность пропаганды. Число преступлений угрожающе и неконтролируемо увеличивалось, убийства стали вполне обыденным явлением, случаев помутнения рассудка становилось все больше. Киннисон, зная, что до кульминационного момента не сумеет ничего предпринять, угрюмо наблюдал за тем, как разваливалась налаженная жизнь целой планеты.

Президент Томпсон и ленсмен Джеронд посылали

одно за другим сообщения на Главную Базу и Кловию, взывая о помощи. Все ответы на их мольбы были одинаковы: этот случай находится в компетенции Галактического Совета и координатора; делается все, что возможно. Все учреждения вежливо сообщали, что «в данный момент, учитывая тяжелое положение в Галактике в целом, каждая планета должна рассчитывать на свои силы, справляясь с собственными проблемами».

Дело шло к развязке. Джеронд пригласил президента на совещание в небольшой, тщательно охраняемый загородный отель и там, бросая время от времени взгляд на приборы, контролирующие степень экранированности помещения, приступил к серьезному разговору.

— У меня есть потрясающие новости, мистер Томпсон. Несколько недель на Радемексе находился Киннисон.

— Кто? Киннисон? Где он? Почему же он...

— Да, Киннисон. Киннисон с Кловии. Сам координатор. Мне не известно, где он был или находится сейчас. Он связывался со мной, но я его об этом не спрашивал, вы же понимаете... — лэнсмен широко улыбнулся. — Он только обсудил со мной ситуацию, ничего больше. Я все еще изумлен...

— Почему же он не прекратил все это? — прервал его президент, не дослушав. — Или не смог?..

— Именно это я и хочу вам объяснить. Ему не удалось бы это, до последней минуты...

— Но почему? Если хоть что-то можно сделать... Не имеет значения, какой ценой...

— Минуту! — возразил президенту Джеронд. — Я понимаю, вы просто вне себя. Думаете, мне нравится смотреть, как Радемекс раздирают на части? Но не забывайте, Галактический координатор Кимбол Киннисон лучше знает, что делать в такой ситуации, чем вы или любой другой человек во всей Вселенной. Более того, за ним последнее слово. Мы должны подчиняться его приказам.

— Конечно, — смутился Томпсон. — Я несколько погорячился... Но видеть, как мир вокруг тебя рушится... Все, что создавалось веками... Гибнут миллионы людей... И все напрасно...

— До этого не дойдет, сказал Координатор, если каждый из нас сделает все необходимое. И ваша роль, сэр, одна из самых важных.

— Моя? Каким же образом?
— Известно ли вам, что произошло на Антигане-4?
— Нет, да и зачем мне это? Что-то я слышал, конечно, но подробности...

— От этого все наши беды. Никто не интересуется тем, что происходит у соседей. Только Галактический координатор видит полную картину и может определить, что делать в том или ином случае. Если сейчас остановить диверсию, готовящуюся на вашей планете, она просто переместится на другую. Если же позволить ей логически дойти до кульминации, то есть надежда, что удастся положить конец этому кошмару, постигшему уже не одну расу.

— Но чем могу помочь именно я?

— Очень многим. Последним, что произошло на Антигане и превратило ее в огромный сумасшедший дом, было похищение президента планеты Ренвуда и, по всей вероятности, его убийство, поскольку следов обнаружить не удалось.

— О, так вот что... — Президент, немолодой уже человек, стиснул руки, потом безвольно опустил их. — Мне бы хотелось... Возможно, так и есть... Но почему Киннисон уверен, что моя смерть поможет ему?..

— До этого дело не дойдет, сэр. Он собирается остановить их. Он и его помощники — мне они неизвестны — вычислят агентов, готовящих диверсию, и примут за ними. Координатор уверен, что Боском вновь, как на Антигане, назовет время похищения.

— Даже если меня будет охранять Патруль?

— Даже если вы укроетесь прямо у него на базе. Киннисон уверен, что они сделают все, чтобы похитить вас, и собирается вступить в игру в последнюю минуту. Как раз поэтому мы с вами беседуем здесь, пользуясь тем оборудованием для экранирования, которое координатор передал мне. Он опасается, что все прочие меры предосторожности, в том числе и в вашей резиденции, бесполезны.

— В таком случае... Что же он сможет... — Президент обессиленно умолк.

— Мне известно лишь, что вам надо облачиться в скафандр определенной модели и находиться вместе с нами в указанном мне кабинете за несколько минут до назначенного времени. Мы с охраной покинем кабинет за две минуты до похищения и пойдем по коридору, чтобы оказаться перед комнатой двадцать четыре

за одну минуту до него. Придется все это тщательно отрепетировать. Что произойдет дальше, я не знаю, но что-то произойдет наверняка.

Время шло; никто не мешал боскомианам действовать по плану. Радемекс точно повторял путь, по которому прошел незадолго до него Антиган. Однако даже сторонний наблюдатель мог обнаружить одно существенное отличие: с каждого корабля, появлявшегося на Радемексе, по меньшей мере один человек оставался на планете. Некоторые из «гостей» были высокими и стройными, иные низенькими и толстыми, были молодые и пожилые, с разнообразнейшим цветом кожи. Одинаковым у всех был только пристальный взгляд спокойных холодных глаз. Каждый после посадки занимался какими-то своими делами, нисколько не интересуясь происходящим вокруг.

Снова боскомиане продемонстрировали презрение к Патрулю, объявив день и час предполагаемого покушения на президента планеты Томпсона. Часом икс вновь стала полночь.

Адмирал Джеронд был, как Киннисон уже неоднократно убеждался, человеком весьма недалеким. Он не верил и не мог даже на секунду допустить, что его база может оказаться сколько-нибудь уязвимой для противника, что бы ни говорил ему координатор. Киннисон, зная, что обычные средства обороны будут бесполезны, даже не пытался заботиться об их подготовке. Джеронд, убежденный в их несокрушимости, лично занимался этим вопросом.

Все оборудование сняли, проверили, обыскали и водворили на место, тщательно протестировали все детекторы, излучатели, экраны и прочие средства защиты и нападения. Каждого патрульного подробно проинструктировали. Джеронд, не в силах понять, что предстоит нечто не описанное ни в одной инструкции, был абсолютно уверен в своем вооружении и людях.

За две минуты до полуночи президент, одетый в скафандр, и его эскорт покинули кабинет Джеронда. Минутой позже они миновали дверь заранее условленной комнаты. Вдруг позади них взорвалась бомба, и в ту же секунду к месту взрыва ринулись охранники в скафандрах. Все остановились и обернулись посмотреть, что произошло. Киннисон очень надеялся, что невидимый наблюдатель, скрытый пока в гиперпространственном туннеле, также отвел взгляд.

Серый Ленсмен рванул дверь, послал краткую мысль-объяснение президенту и впихнул его в комнату, в самый центр группы ленсменов, снабженных приборами экранирования, еще ни разу не применявшимися на базах Патруля. Дверь тут же захлопнулась, а там, где мгновением раньше стоял Томпсон, оказался Киннисон, облаченный в точную копию президентского скафандра. Подмена потребовала не больше полутора секунд.

— Отлично, Джеронд, спасибо, ребята! — послал сообщение Киннисон. — Президент в безопасности. Я сам займусь нашими гостями. Все свободны! Исчезните, чтобы можно было применить наше оружие.

Эскорт бросился прочь. Дверь комнаты двадцать четыре распахнулась и осталась открытой. Из других дверей и из боковых коридоров показались стволы тяжелых излучателей. Гиперпространственный круг, служивший выходом таинственной трубы, начал утолщаться, становясь видимым.

Однако он не материализовался полностью. Лишь сильно напрягая зрение, можно было обнаружить расплывчатый контур, скорее сильно разреженный, чем туманный. Люди внутри корабля, если это был корабль, виднелись не более отчетливо, чем миражи. Твердым и полностью ощутимым стал лишь иссиня-черный предмет, явно стремившийся захватить Киннисона, — сложное переплетение трубок и нитей, более всего походившее на сеть.

Киннисон мгновенно перевел «деламатер» на предельную мощность и минимальную диафрагму и выстрелил. Бесполезно. Предмет явно был изготовлен из даурема. Лишь этот необычайно плотный и предельно прочный синтетический материал мог, будучи насыщенным силовыми полями, существовать одновременно в обычном пространстве и псевдомире, который создавало гиперпространство. Ленсмен метнулся к нейтрализатору и отключил инерцию. Но и этот его маневр, без сомнения, предугадывался заранее. На долю секунды раньше сеть, повинаясь точной команде боскомианина, захлопнулась.

Вспыхнули лучи тяжелого вооружения. Но с тем же успехом его могло и вовсе не быть: дауремовых нитей они пережечь не могли, а просто проходили сквозь них и поглощались призраками, видневшимися в гиперпространстве, не причиняя им вреда. Киннисона втащили на борт боскомианского корабля. По мере того

как он оказывался все глубже и глубже в трубе, сам корабль, его оборудование и экипаж становились все более материальными для его органов чувств, а база, оставшаяся позади, превращалась в зыбкую, еле различимую, а затем и вовсе исчезла. Киннисон прекрасно знал, что, с точки зрения его товарищей, он просто исчез. В то же время для него корабль, на котором он очутился, и его похитители были вполне осязаемыми.

Сеть раскрылась, швырнув ленсмена на пол. Транспортирующие лучи вырвали у него из рук «деламатеры», затем подняли его, поставили на ноги и вновь бросили на стальное покрытие пола, закрепив так, что Кимбол не мог шевельнуться.

Взбешенный собственным бессилием, Киннисон прибегнул к самому страшному оружию, находившемуся в его распоряжении, сконструированному Ворселом и построенному Торндайком — управляемому мыслью излучателю. В отличие от аналогичных устройств он создавал под воздействием ментального поля вибрации, разрушавшие молекулы, без которых не могла существовать ни мысль, ни сама жизнь. Ничего не произошло. Он попытался выяснить, в чем дело. Но даже его мощное поле не могло коснуться ни одного из находившихся на корабле гуманоидов. Обнаружив это, Киннисон расслабился и начал обдумывать ситуацию.

Столь тщательные, всесторонние приготовления не могли быть сделаны только для того, чтобы захватить кого-то из существ, населяющих планеты Цивилизации. Президенты обычно были пожилыми людьми, физически слабыми и не обладали выдающимися ментальными способностями. Следовательно, столь сложный план Боскома, скорее всего, преследовал иные цели, нежели просто разрушение планеты, хотя и это было весьма желательно.

Некто, очень неплохо соображавший, охотился за четырьмя ленсменами Второй Ступени. Если Нэдрек, Ворсел, Трегонси и Киннисон исчезнут, Патруль окажется в очень сложном положении. Но, прервал себя Кимбол, вернемся немного назад. Кто еще из четверки может клюнуть на ту же удочку? Не охотится ли таинственный враг за ними? Несомненно. Если бы можно было предупредить их... А что бы это дало? Они неоднократно предупреждали друг друга о всевозможных ловушках; все четверо постоянно были настороже. Как удалось так точно предвидеть, шаг за шагом,

все, что произойдет, все, что сделает в той или иной ситуации человек?

Но еще не все пропало. Кто бы ни заманил его в ловушку, необходимо узнать, как он сделал это, есть ли у него руководители и кто они. Они наверняка оставят его в живых. Киннисон и сам всегда осторожно обращался с агентами Боскома. Они еще узнают, на что способен Серый Ленсмен, когда его загоняют в угол.

Капитан, кто бы ни был капитаном корабля-призрака, должен будет послать за ним. Ему непременно придется выяснить, кого, собственно, он поймал, и сообщить об этом в штаб. Кто-то на корабле, выполняя столь сложную операцию, ошибется. Гарантировать надежность любого предприятия, где действуют живые существа, невозможно, а уж он, Киннисон, будет насто-роже, готовый тотчас воспользоваться мельчайшим промахом своих противников.

Но захватчики не повели Киннисона к капитану. Он сам в сопровождении десятка невооруженных членов экипажа пожаловал в каюту к пленнику.

— Что ж, приятель, говори, и побыстрее, — холодно приказал он, когда свита удалилась, на том диалекте глубокого космоса, который Киннисон знал в совершенстве. — Я хочу знать, кто ты, откуда, что сделал, и все о тебе и о Патруле. Говори, или я прикажу разорвать тебя на куски теми же транспортными лучами, что так надежно держат тебя сейчас.

Киннисон, не обращая внимания на угрозы пирата, направил на него всю мощь ментального излучения, на которую был способен. Тщетно. Все заблокировано. Эта жирная обезьяна с головы до пяток укрыта щитом.

На бедре капитана Ким заметил переключатель, предназначенный для управления экраном; он срабатывал от легкого касания кончиком пальца. Если бы он мог двигаться! Так просто дотянуться до кнопки! Или бросить что-нибудь... Или сел бы этот шутник поближе к подлокотнику кресла... Или хоть какое-нибудь домашнее животное... Или паук, червяк, на худой конец, даже комар...

ТРЕГОНСИ, КАМИЛЛА И ИКС

Ленсмен Второй Ступени Трегонси с Ригеля-4 не стал носиться как сумасшедший по космосу, выискивая признаки присутствия боскомиан, когда получил вызов от Киннисона. Торопиться он не привык. Он мог, конечно, передвигаться достаточно быстро, но сначала Трегонси должен был точно выяснить, куда и зачем направляется.

Он посоветовался с тремя товарищами, они обменялись всеми данными, обобщили факты и попытались создать целостную картину происходящего во Вселенной. Полученные выводы удовлетворили большинство участников совещания, каждого по-своему, и все отправились в путь. И только Трегонси остался недовольным. Он не мог окончательно представить себе полную картину без домыслов и догадок; отдельные части головоломки рассыпались снова и снова. Поэтому, пока Киннисон изучал происшествие на Антигане, Трегонси все еще сидел, или скорее стоял, и размышлял. Он продолжал стоять и размышлять, когда Киннисон уже отправился на Радемекс.

Наконец он вызвал помощника, чтобы размышлять вдвоем. В двух галактиках из всех существ, кроме аризиан, более всего он уважал мнение Камиллы Киннисон. Трегонси помогал обучать всех пятерых детей Киннисона, но родственную душу нашел лишь в ней. Обладая удивительно тонким чутьем, он давно понял, что ученики намного превосходили учителей, но в спокойную душу Трегонси это понимание не внесло ни капли злобы или зависти, а лишь восхищение. Чем обладали эти удивительные дети Линзы, он не знал, но не сомневался, что дары их, особенно Камиллы, удивительны.

В мозгу этой едва успешней вырасти женщины он ощущал глубины, которых не мог постичь, широту и точность понимания жизни, каких сам достичь никогда уже не сможет. Но Трегонси и не пытался делать этого, как не пытался взять ни от кого из детей Линзы, то, о чем они пока и сами не подозревали. Он попытался классифицировать возможности и необычайные свойства их умов, но, быстро сообразив, что задача ему не по силам, воспринял это так спокойно, как воспринимал

множество необъяснимых капризов природы. Трегонси ближе всех из ленсменов Второй Ступени подошел к пониманию истины, но даже он никогда не подозревал о существовании эддориан.

Камилла, настолько же спокойная, насколько ее сестра-двойняшка была вспыльчивой, оставила свой космокатер в одном из вместительных грузовых шлюзов космического корабля ригелианина и присоединилась к нему в отсеке управления.

— Ты думаешь, как я уловила, что логика моего отца, его выводы ошибочны? — подумала девушка, поприветствовав друга. — Меня это не удивляет, я и сама полагаю, что так и есть. Он непоследователен. Но теперь он сделал это, ты ведь знаешь?

— Наверное, мне не следовало выражаться так определенно. Но кажется, все обстоит именно так, — осторожно ответил Трегонси. — По-видимому, у него не было достаточных оснований утверждать, что Ренвуд с Антигана — агент Боскома. Именно это мне хотелось бы обсудить с тобой прежде всего.

Кам сосредоточилась.

— Я не думаю, что это важно, — решила она наконец. — Разница только в методе, а не в мотивах. Интересно, конечно, но это не главное. Совершенно ясно, что движущая сила всех событий — Кандрон с Онло или кто-то еще, и уничтожить надо именно его.

— Конечно, моя дорогая, но это лишь первая производная. Как насчет второй или третьей? Метод позволяет это. Нэдрек, сосредоточившись только на Кандроне, свел в таблицу и оценил сведения, касающиеся его деяний. Он может — и, вероятно, так и сделает, — ограничиться одним Кандроном. Но нельзя утверждать, что самые серьезные и неприятные стороны проблемы при таком подходе останутся незатронутыми. Я предлагаю на некоторое время забыть о расчетах Нэдрека и произвести повторный анализ, воспользовавшись всеми имеющимися сведениями.

— Я совершенно согласна, так будет лучше всего. — Камилла прикусила нижнюю губку белыми ровными зубами. — Проверим. Есть вероятность того, что Ренвуд был местным жителем. Рассмотрим все за и против такого утверждения...

Они вошли в ментальный контакт, настолько близкий, что их мысли уже невозможно было выразить отдельными словами и понятиями. В таком состоянии они

оставались не минуты, которые уже могли бы истощить любой обычный мозг, а более четырех часов, и в конце необычного совещания пришли к нескольким интереснейшим выводам.

Киннисон говорил, что нельзя проследить гиперпространственный туннель после того, как он прекратил действовать. В двух галактиках было два миллиона планет. Существовало неопределенно большое, весьма возможно, бесконечное число сосуществующих параллельных миров, в любой из которых мог вести туннель. Зная все это, Киннисон не мог не прийти к выводу, что вероятность успешно проследить направление туннеля исчезающе мала.

Трегонси и Камилла, имея в распоряжении те же исходные данные, пришли к совершенно иным заключениям. Действительно, миров существует немало, но их жители принадлежат именно этим мирам, и вряд ли стали бы пытаться похитить или завоевать кого-то из нашей Вселенной. Таким образом, все прочие миры надлежало исключить. У Цивилизации был только один извечный и могущественный враг — Боском. И Боском, действуя через Кандрона с Онло, вероятно и организовал атаку на планеты Лиги. Сам туннель проследить невозможно, миров действительно миллионы, но все это не так уж важно.

Почему? Потому что Икс — Кандрон или иная личность — действовал, несомненно, не из стационарной штаб-квартиры, а только получал доклады от подчиненных, которые и выполняли всю работу. Углубленный логический анализ, на который, кстати сказать, мало какие еще умы были способны, показал, что Икс работал и сам, для чего передвигался из одной звездной системы в другую. Массовые психозы, когда сходили с ума целые гарнизоны в один день, массовые истерики, когда огромные группы жителей без видимых причин теряли над собой контроль, не могли быть результатом деятельности обычного интеллекта. Из всех ленсменов Патруля требуемым уровнем мощности сознания обладал лишь Нэдрек с Полэна-7. Резонно было предположить, что в Боскоме также очень немного таких существ. Следовательно, Икс — отдельная личность или очень небольшая группа личностей. Какая именно? Можно ли это определить? С некоторыми дополнительными данными — вполне. Их связанные друг с другом сознания вошли в контакт с Ворселом,

Нэдреком, Киннисоном и гигантским архивом при Главной Базе.

Кроме центра, вычисленного Нэдреком, им удалось определить еще два: один, из которого исходили все враждебные манифестации, другой — связанный с теми проявлениями активности противника, которым пренебрег Нэдрек. Заключительная стадия анализа показала, что существует по крайней мере два интеллекта, которые направляют всю деятельность, подтачивающую Лигу. Трегонси и Камилла не попытались опознать ни один из них, они только передали Нэдреку свои расчеты и выводы.

— Меня интересует только уничтожение Кандрона, — спокойно ответил полэнтианин. — У меня нет никаких предположений о существовании других источников угрозы Цивилизации, поскольку для меня это не существенно. Ваша информация интересна, и может оказаться достоверной; я благодарен вам за нее. Но сейчас моя задача — найти и уничтожить Кандрона с Онло.

Тогда Трегонси и Камилла попытались определить Икс. Не некоторое реальное или вычисленное ими существо, а источник очень тесно связанных и достаточно характерных явлений: массовых истерий и массовых психозов. Они не пытались ничего экстраполировать. Они посетили последние несколько планет, где это наблюдалось, в том порядке, в каком на них возникали инциденты. Они изучили каждую фазу развития событий. Работа продвигалась медленно, но, как надеялись Камилла и Трегонси, верно. Ни у кого из них не возникло мысли, что за Иксом скрывается Плур, а за ним — сам Эддор.

Изучив пока последнюю планету, подвергшуюся атаке, они не попытались вычислить следующую, на которую должен обрушиться удар; она могла оказаться в одной из десяти, если не двенадцати звездных систем. Полностью пренебрегая математической и логической вероятностями этого события, они посетили каждый из них. Камилла и Трегонси, временно разделившись, перелетали от мира к миру, настороженно выискивая малейшие признаки активности противника перед очередной диверсией. Трегонси играл роль уставшего от дел магната, проводящего закатные годы жизни в обзорных экскурсиях по галактике. Камилла стала деловой женщиной-землянкой в отпуске.

Молодые красивые девушки, путешествующие в одиночку, всегда, притягивали донжуанов всех гуманоидных миров. Едва Камилла зарегистрировалась в Гранд-Отеле, как к ней тут же подошел один из таких холеных самодовольных типов.

— При-вет, красотка! Ты помнишь меня, старого Тома Томаса? А не распить ли нам с тобой бутылочку фаямена, не вспомнить ли былое...

Он внезапно умолк, поскольку реакция рыжеволосой большеглазой красавицы оказалась необычной. Она не выглядела холодно-равнодушной либо застенчивой, рассерженной, равно как испуганной или встревоженной. Она только сильно удивилась.

— Неужели я и вправду похожа на человека и могу быть желанной? — Ее улыбка, казалось, опустошала собеседника, вытряхивая из него душу. — А слышал ли ты что-нибудь о кантрипах с Олленола?

Она и сама никогда о них не слышала, но это мелочь ее вовсе не трогала.

— Нет... О... Нет, не могу утверждать, что знаю о них. — Мужчина, слегка смешавшийся от столь неожиданной тактики защиты, продолжал все же упорствовать. — Как, интересно, ты попытаешься отбрить меня?

— Отбрить? Посмотри на меня внимательно, скот, и благодари всех богов, какие тебе известны, что я сегодня не голодна, а поела прошлой ночью.

Ему показалось, что ее зеленые глаза потемнели, став бархатисто-черными, в них блеснули золотинки, рассыпавшиеся фейерверком обжигающих искр. Ее волосы превратились в спутанные шевелящиеся щупальца, зубы стали клыками, пальцы когтями, а сильное, удивительно пропорциональное тело — плотью чудовища, какое могло родиться лишь в глубинах ада.

Через минуту ужасное видение исчезло, и кошмар вновь обернулся прелестной девушкой: совершенно лишать разума неудачливого Ромео в ее планы не входило.

— Вызови кого-нибудь из своих приятелей, если сможешь. Он посмотрит вместе с тобой и увидит лишь, что ты бледен и вспотел. Я, твоя знакомая, возможно, принесла какие-то не очень приятные известия. Расскажи обо мне здешним туповатым полицейским, если хочешь провести несколько недель в смиренной рубашке. Надеюсь, мы встретимся через пару дней: я успею проголодаться к тому времени.

Она не разрушила его личность полностью, он не принадлежал к людям невротического типа, но ее урок этот молодец забудет не скоро. Ни Камилла Кинни-сон, ни любая из ее сестер не опасались угрозы со стороны любого мужчины или группы мужчин, которых они могли встретить на планетах или в глубинах космоса.

Предполагаемый и ожидаемый ленсменами удар обрушился на планету. Трегонси и Камилла приземлились и начали охоту. Главной точкой удара, как им казалось, был Союз борьбы за чистоту планеты; поэтому двое разведчиков решили побывать на собрании начавшей крестовый поход группировки. Это оказалось ошибкой: лучше бы Трегонси остался в глубоком космосе, скрывшись за надежным ментальным экраном.

Камилла была личностью неизвестной. Более того, ее мозг обладал врожденной системой защиты третьей ступени: ни один менее мощный интеллект не мог проникнуть за ее экран, а потерпев неудачу, не догадывался об этом. Трегонси, напротив, знали по всей Галактике. Конечно, он не носил своей Линзы, но сама форма делала его существом подозрительным. Более того, от мозга столь мощного, какой предполагался у Икса, он не мог скрыть, что его интеллект не вполне соответствует ожидаемому от усталого ригелианского джентльмена.

Камилла, безусловно, понимала, что их последний шаг неверен. Она и так достаточно много сделала туманных намеков, но отговорить достаточно упорного Трегонси идти тем курсом, какой он считал верным, она никак не могла — не могла, не обнаружив многое из того, что навсегда должно было остаться для него тайной. Ей пришлось молча последовать за ним, заранее зная, чего им следует ожидать.

Итак, когда нападающий легко накрыл экраном собрание и тут же наткнулся на сопротивление достаточно сильного интеллекта, у Кам оставался лишь один миг, чтобы успеть что-то сделать. Она синхронизировалась с враждебной мыслью, начала анализировать ее, пытаясь обнаружить источник. Камилла не успела завершить работу, но узнала направление. Едва постороннее влияние исчезло, она отправила сообщение Трегонси и они вылетели туда.

Корабль стремительно мчался вперед по указанному Камиллой курсу. Мысли Трегонси хаотично метались,

оставаясь, впрочем, кристально ясными для его спутницы. Она чувствовала себя очень неловко и, пожалуй, могла бы даже покраснеть при желании.

— Я и наполовину не та суперженщина, какую ты себе вообразил, — сказала она. Это было достаточно верно. Никто, кроме аризианина, вероятно не мог бы соответствовать живо представленному Трегонси образу. — Ты ведь так известен, а я нет, и пока они изучали тебя, у меня оказалась доля секунды, чтобы действовать. У тебя ее просто не было.

— Может, так и есть. — Хотя у Трегонси не было глаз, девушка знала, что он смотрит на нее, изучающе, но не навязчиво. Она опустила барьеры настолько низко, чтобы он мог полагать, что их вовсе нет. — Конечно, ты обладаешь необычайными и совершенно необъяснимыми возможностями... Но, будучи дочерью Кимбола и Клариссы Киннисон...

— Так и есть, я думаю. — Она помолчала, затем, в порыве девичьей доверчивости, продолжила: — Что-то у меня есть, мне и правда так кажется, но я не знаю, что это и что с этим делать. Может, в шестьдесят лет или около того я узнаю.

Это также было достаточно близко к истине, и сильно помогло ей восстановить столь необходимое Трегонси самообладание и уверенность в себе.

— Раз так, в следующий раз я обязательно прислушаюсь к твоему совету.

— Лучше вовремя останови меня, а то я очень люблю советовать! — она непринужденно рассмеялась. — В следующий раз совет может оказаться далеко не так хорош.

Потом, чтобы полностью развеять возникшие было у ленсмена подозрения, она шагнула к панели управления и проверила курс. Покончив с этим, Камилла направила прямо по курсу лучи радаров, переведя их в режим наибольшей дальности действия. Увидев на мониторе трассировщика достаточно удаленное от них судно, находящееся точно по рассчитанному ею курсу, она немного заважничала, что существенно уронило ее в глазах Трегонси.

— Ты думаешь, Икс находится на том корабле? — спокойно поинтересовался он.

— Вероятно, нет. — Она не могла позволить себе действовать слишком грубо; можно было слегка подурочить ленсмена Второй Ступени, но в больших дозах

этого себе не мог бы позволить никто. — Однако он мог бы дать нам нить.

— Почти наверняка Икса там нет, — подумал Трегонси. — Это может оказаться всего лишь ловушкой. Однако придется сделать обычные приготовления, чтобы задержать его.

Кам кивнула, и офицеры связи, рителиане, как все на корабле Трегонси, подключили лучи дальнего действия. Далеко впереди летящего корабля быстрые крейсера Галактического патруля начали образовывать гигантскую чашу с центром прямо по курсу таинственного судна. Шли часы, и, что вовсе неудивительно, супердредноут Трегонси настиг наконец предполагаемого боскомианина.

Жертва не уклонилась в сторону и не пыталась бежать. Она мчалась прямо в центр чаши. Транспортные лучи настигли корабль, зафиксировав на месте, но тот не попытался отбросить или перерезать их. Странный корабль не переходил в инертный режим, не поднял ни единого экрана, не выпустил ни одного луча. Он не отвечал на сигналы. Лучи слежения обшарили корабль от кормы до носа, заглядывая во все углы — на борту не было никаких признаков жизни.

Румянец окрасил нежные щеки Камиллы, ее глаза вспыхнули.

— Нас провели, дялюшка Трег! Как ловко нас провели! — воскликнула она, и ее огорчение было искренним. Она не могла точно предугадать, насколько сокрушительное фиаско их ожидает.

— Один-ноль в пользу Икса, — сказал Трегонси. Он не старался выглядеть спокойным — он действительно был спокоен и невозмутим. — Теперь вернемся и определим, где мы потеряли его.

Они не обсуждали происшедшего. Не удивляло их и то, как именно Икс ускользнул. Теперь это было совершенно ясно обоим. Существовало по меньшей мере два судна, и как минимум одно из них совершенно необнаруживаемое и полностью заэкранированное от ментальных полей. В нем-то Икс и свернул неизвестно куда, пока они преследовали пустышку.

Теперь Икс был в безопасности, а ленсменам предстояло начинать все с начала.

КАТРИН НА СТРАЖЕ

Катрин Киннисон, аккуратная и подтянутая, появилась в столовой к завтраку, мурлыча веселый мотив. Задержавшись перед большим зеркалом, она поправила прическу — так, чтобы самый крупный локон, упавший на лоб, выглядел еще более соблазнительно. Слегка сдвинув несколько огненно-рыжих прядей, она с удовлетворением посмотрела еще раз на свое отражение и, обхватив себя за талию, потянулась молодым сильным телом, выгнувшись, как игривый котенок, от избытка жизненных сил.

— Катрин, детка... — ласково окликнула Кларисса. — Не стоит так часто любоваться собой.

Кроме экстренных случаев, женщины семейства Киннисонов разговаривали вслух, «чтобы иметь практику», как они говорили.

— Почему бы и нет? Мне это нравится. — Высокая девушка подошла к матери и, чуть наклонившись, чмокнула ее в щеку. — Мам, ты такая красавица, ты знаешь об этом? Ты настоящее чудо... А! Бекон с яйцами? Превосходно!

Кларисса с долей грусти взглянула на дочь, поглощавшую плотный завтрак, нимало не заботясь о фигуре. Она уже не понимала своих детей, и была способна на это не больше, чем курица, по ошибке высидевшая утят. Знай Рыжий Ленсмен, насколько это сравнение близко к истине, она расстроилась бы еще больше. Но и без того она понимала, насколько далеки от нее дети, и даже не пыталась навязывать им свои мысли или образ жизни.

Она никогда открыто не протестовала, когда ее сын, Кристофер, с самого рождения воспитывался необыкновенно строго, по жесткому режиму. Она знала, что так нужно. Невозможно было представить, что Кит не станет ленсменом, а для мужчины это означало отдать делу все: и время, и силы, и саму жизнь. Однако в глубине души Кларисса Киннисон радовалась, что остальные четверо детей — девочки. Ее дочери не собираются становиться ленсменами. Она, так хорошо знавшая всю тяжесть этой профессии, позаботится об этом. Будучи изначально женственной, Кларисса всеми

силами пыталась поначалу сделать дочерей своими копиями, но ничего не вышло.

Они просто не могли заставить себя играть с куклами или в «дочки-матери» с другими девочками. Вместо этого лихая четверка устраивала «набеги» на ленсменов, предпочтительно Второй Ступени, если хоть один из них оказывался в пределах их досягаемости. Игрушками им служили атомные двигатели и самолеты, а позднее — космокатера и космические корабли. Вместо букварей девочки читали галактические энциклопедии. Кто-то из них мог находиться дома, иногда — все сразу, но чаще не бывало ни одной. Мать никогда не знала, чего ожидать от девочек.

Однако ни в коем случае их нельзя было назвать плохими дочерьми. Они любили свою мать, были искренне привязаны к ней и всегда поддерживали с матерью связь, делая все возможное, чтобы она не слишком беспокоилась о них. Так же сильно они любили отца и старшего брата и никогда не ссорились, всегда стараясь примерно вести себя. Ни одну из них нельзя было упрекнуть ни в малейшем интересе к какому-либо юноше или мужчине, и именно этого Кларисса не понимала более всего прочего.

Единственное, что было с ними не вполне в порядке — и это стало ясно с их первых шагов, — они никогда не будут и не смогут подчиняться никакому, даже самому незаметному, контролю.

Катрин наконец закончила завтрак и радостно улыбнулась матери.

— Прости, мама, я знаю, что нас трудно воспитывать. — Ее светлые глаза, точная копия маминых во всем, кроме цвета, затуманились. Помолчав, она продолжила: — Пойми, мы просто не можем быть такими, какими ты так хотела нас видеть. Мы очень старались, но ничего не получилось. Оно все время здесь, и никуда не уходит. — Катрин слегка постучала по виску тонким розовым пальчиком. — Назови это фатализмом или как хочешь, но мне кажется, мы предназначены для какого-то дела, хотя ни одна из нас пока не догадывается, что ждет ее в будущем.

Кларисса побледнела.

— Я долгие годы думала об этом, девочка моя... Я боялась говорить... Вы мои дети, мои и Кима... Если и существовал на свете когда-нибудь совершенный, предсказанный заранее и абсолютно неизбежный брак, то именно наш... И Ментор говорил...

Она умолкла, и в то мгновение почти поняла все до самого конца. Она была ближе к истине, чем когда-либо за всю свою жизнь. Но истина эта оказалась настолько глубокой, что ум Клариссы Киннисон просто не мог охватить ее. Она продолжила:

— Но я снова делала бы все точно так же, Катрин, даже если бы знала то, что знаю теперь.

— Ну конечно, мама, — прервала ее Катрин. — Любая девушка на твоем месте поступила бы точно так же. Если я когда-нибудь встречу мужчину, похожего на отца, я выйду за него замуж, даже если мне придется выпцарапать глаза Кэй и сшибить лбами Кам и Кон, чтобы заполучить его. Кстати об отце: что ты думаешь о происшествии на Радемексе?

Тут же у обеих женщин легкомыслие как рукой сняло. Они встали. Отблескивающие золотом карие с рыжиной глаза одной внимательно смотрели в отблескивающие золотом бархатистые темно-зеленые глаза другой.

— Не знаю, — медленно, с видимым усилием произнесла Кларисса. — А ты?

— Я тоже. Но хотела бы знать. — Голос Катрин казался голосом карающего ангела. — Как говорит Кит, я отдала бы четыре передних зуба и правую ногу до коленки, чтобы узнать, кто или что стоит за этим, но не могу. Я чувствую, мне необходимо слетать туда.

— В самом деле? — Кларисса загнулась. — Хорошо. Я бы и сама отправилась на Радемекс, несмотря на все его предупреждения, но чем бы я могла там помочь?.. Катрин, милая, сделай все, что возможно! Что угодно, лишь бы он вернулся ко мне!

— Конечно, мама. — Катрин была почти так же взволнована, как Кларисса. — Не думаю, что все так серьезно. По крайней мере, мне не кажется, что здесь замешаны космические силы. И не волнуйся, от этого могут появиться морщины на твоем молодом и красивом лице. Я только взгляну, в чем там дело, выясню все, что удастся, и тут же дам тебе знать. Пока.

Космокатер Катрин на высокой скорости приближался к Радемексу. Девушка начала изучать обстановку. Часть истинного положения дел стала тотчас понятна, больше половины прочего она легко угадала, но вот охватить всю картину в целом никак не удавалось. Кое-что, однако, не вызывало сомнений.

Катрин была ленсменом Третьей Ступени. Ей совер-

шенно не требовалось находиться у входа активированного гиперпространственного туннеля, чтобы обнаружить его. Она знала, что связь невозможна ни сквозь туннель из одной точки пространства в другую, ни из внутренней части туннеля в «нормальное» пространство; но ей мешала вовсе не материя, заполняющая туннель. Сложность заключалась в переходе информации из одного пространства в другое. Зная, чего ожидать, Катрин приготовилась какое-то время провести в роли наблюдателя, одновременно пытаясь решить возникший вопрос в целом.

Она видела, как похитили отца, но помочь ничем не могла. Кэт не удалось бы вмешаться, не вызывая непредсказуемых, но весьма неожиданных для Галактического Патруля последствий. Однако, когда боскомианский корабль исчез, она вошла в тоннель и последовала за ним. Она изучила его от носа до кормы, обдумывая, как бы помочь отцу — но так, чтобы ее вмешательство казалось просто случайностью или удачей. Она твердо знала, что похитители Киннисона не ошибаются и каждый его возможный шаг заранее просчитан. Подчиненные Кандрона знали о координаторе все.

Таким образом Катрин была наготове, когда внимание Киннисона сосредоточилось на кнопке, управляющей ментальным экраном боскомианского капитана. Домашних животных, пауков или червей на корабле не было, но вот сесть капитан вполне мог. Она направила к его экрану мощный ментальный луч, воспользовавшись каналом связи, о котором не подозревали ни пират, ни Киннисон, и через мгновение уже полностью контролировала мозг капитана. Он сел именно так, как мечтал Серый Ленсмен: на пару миллиметров ближе, чем это было безопасно, к подлокотнику. Переключатель щелкнул, и Киннисон тут же вошел в сознание боскомианина. Девушка была уверена, что ее отец припишет все происшедшее невероятной удаче. Точно так же она не сомневалась, что на некоторое время контроль над ситуацией перешел в умелые сильные руки Киннисона. Катрин медленно выскользнула из сознания пирата, позволив расстоянию между двумя судами несколько увеличиться, но держась в пределах досягаемости корабля Боскома, чтобы вновь прийти на помощь, если возникнет нужда.

Итак, сознанием капитана овладел Киннисон. Он собирался отдать приказ об изменении курса ко-

рабля, чтобы направиться прямо к базе, но ему пришлось воздержаться от этого намерения. Капитан вскочил и кинулся к пультам управления излучателями.

Однако члены экипажа наблюдали за происходящим и слышали характерный щелчок. Все были неоднократно проинструктированы на случай подобного и многих других досадных происшествий. Едва капитан оказался у пульта, один из его подчиненных выхватил бластер и хладнокровно выстрелил ему в голову.

Шок от выстрела, смерть человека, в сознании которого он находился, нанесли Серому Ленсмену серьезный удар, словно луч поразил его самого. Тем не менее он овладел собой, и, напрягая все силы, заставил мертвеца сделать три последних шага и положить руки на рычаги управления лучами, сковывавшими пленника.

Освободившись, Кимбол прыгнул, но наблюдавшие за ним ринулись следом, явно намереваясь раньше него достичь того же пульта управления. Киннисон успел немного раньше, и в тот же миг стиснул кулак.

Что может сделать с головой гуманоидного существа изготовленная из даурема перчатка, если в удар вложена вся сила тренированных мускулов, вся масса тела, облаченного в сверхпрочный скафандр?.. Голова просто расплющивается. Киннисон, разделавшись с первым противником, встретил второго сильнее ударом ноги. Еще два мощных, исключаящих всякую возможность сопротивления, удара пришлось на долю следующей пары боскомиан. Последние двое попытались бежать, но ленсмен успел выхватить излучатель у одного из погибших и точным выстрелом поразил беглецов.

Затем он подобрал их «деламатеры», подзарядил оружие и аккуратно сложил неподалеку. Но на борту проклятого корыта находились и другие члены экипажа; сколько именно, неплохо бы выяснить. Некоторые, если не все, наверняка одеты в тяжелые дауремовые скафандры, не хуже его собственного.

А у пульта управления космокатором, что шел вслед за кораблем Боскома, сидела Катрин; она полагала, что в конце концов все идет не так уж плохо, и с гордостью наблюдала за действиями своего отца. Ее, ленсмена Гретьей Ступени, не шокировало насилие, она не знала жалости к врагам Цивилизации и сама могла бы столь же уверенно направить луч «деламатера» на цель, как

любой из ленсменов-мужчин. Катрин могла подсказать отцу, чем лучше теперь заняться в первую очередь, или просто внедрить информацию об этом так, что тот воспринял бы идею как собственную, но героически сдержалась. Серый Ленсмен должен действовать по своему разумению, причем как можно дольше.

Киннисон воспользовался сверхчувствительным восприятием, чтобы осмотреть корабль. Противников оказалось всего двадцать, ведь судно было не слишком велико. Десять на корме, вооруженные. Шестеро ближе к носовой части корабля, также вооруженные. Еще четверо, безоружные, в отсеке управления. Этот отсек мог испортить всю игру, но в первую очередь надо разобраться с отрядом на корме. Он огляделся. Конечно, где-то здесь должны быть секиры. А, вон там! Примериваясь, он поочередно взял в руки несколько топоров, наконец он выбрал наиболее подходящий по весу и балансировке. Вооружившись, Кимбол направился к кают-компании, распахнул дверь и вошел внутрь.

Первым делом он сжег точно направленным лучом «деламатера» панель внутрикорабельного коммуникатора. Это осложнит вызов подкрепления; пусть в рубке не догадываются, что один человек чуть ли не голыми руками собирается захватить корабль. Не обращая внимания на яростный огонь легких излучателей боскомиан, не оставлявший никаких следов на его скафандре, ленсмен первым делом приварил стальную дверь к косяку. Отбросив ненужное сейчас оружие, он выхватил топор и методично принялся за работу. Мимоходом у Киннисона мелькнула мысль о том, как кстати здесь был бы его старый приятель Ван Баскирк, мастер боя на топорах, но и сам он не чувствовал себя чересчур постаревшим для такой забавы. К счастью, боскомиане, бывшие в кают-компании у себя дома, топоров не имели. Это оружие, тяжелое и неуклюжее, входило в обязательное снаряжение боскомианских десантников только после объявления на корабле тревоги; валериане же Баскирка с ним не расставались никогда.

Ближайший к Киннисону боскомианин вскинул «деламатер». Ленсмен взмахнул топором и со всей мощью, на какую были способны лишь он да Ван Баскирк, опустил страшное искривленное лезвие на излучатель. Две половинки изрыгавшего до последнего мгновения огонь оружия выпали из рук медленно оседавшего на пол противника. Вновь взлетела вверх дауремовая

перчатки, и топор опустился на шлем нового врага; боскомианин с грохотом упал. Но, если не считать сломанной руки и нескольких мелких повреждений, он пострадал весьма незначительно. Да и не придумано еще оружие, которым можно было серьезно поранить человека, облаченного в скафандр из прочнейшего материала. Киннисон снова размахнулся и ударил, метя в одну из немногих уязвимых точек — в наплечник скафандра, возле шлема. На этот раз топор разрубил сталь, глубоко вошел в плоть, сломал кости и остановился, звонко ударив о дауремовую пластину на противоположной стороне.

К Кимболу уже приближались другие боскомиане, держа наготове не только «деламатеры», но и неизвестно откуда взявшиеся стальные прутья, гаечные ключи и дубинки. Отлично! Его скафандр легко выдержит их атаки. Упершись сапогами в шлем жертвы, он выдернул из черепа топор, быстро осмотрел лезвие и не обнаружил ни одной царапины; затем размахнулся и ударил вновь, потом еще и еще. Киннисон прокладывал себе дорогу к двери, так как двое боскомиан уже всюду трудились, стараясь отпереть ее и улизнуть. Ловкими ударами ленсмен прикончил их. Еще двое врагов, дрожа от ужаса, попытались укрыться; остальные яростно сражались. Но у тех и других выбора не оставалось, все они были обречены на гибель, если патрульный намеревался выжить и победить. Ни одного врага нельзя было оставлять позади, поскольку это означало подставить спину под огонь тяжелого излучателя, питаемого стационарными аккумуляторами, против которого скафандр Киннисона устоять не мог.

Покончив с кают-компанией, он решил немного передохнуть. Это была первая настоящая драка, в которую ему пришлось ввязаться за последние двадцать лет. «Не так уж плохо для ветерана, привыкшего к сидячей работе, — подумал он. — Пришлось нелегко, но, хотя дыхание и стало короче, силы не поубавилось ни на волос. Пока, по крайней мере.»

И Катрин, с восторгом наблюдая схватку из рубки катера и улавливая каждую мысль обожаемого отца, радостно согласилась с ним. Она, как и все ее сестры, прекрасно знала, каков ее отец. Знала девушка так же и то, что представляют собой все прочие мужчины. Прекрасно понимая их — как и себя — любая из дочерей Киннисона сознавала, что не сможет ощутить хотя бы

легкий интерес к мужчине, если он по меньшей мере не будет равен ее отцу.

Киннисон прорезал дверь и вновь воспользовался сверхчувственным восприятием. Ощупывая пространство впереди себя, он осторожно вернулся к тому месту, откуда начал изучать корабль. Эти обезьяны в отсеке управления явно чем-то заняты. Интересно, чем именно? Двое из них возятся у панели связи; один, возможно, в соседнем помещении, примыкающем к рубке. Они, скорее всего, полагают, что неприятности позади. Или же?.. Почему они не пытаются произвести повторную разведку? Он упустил этот вопрос из виду, посчитав его не слишком срочным. Другие двое что-то делают у второй панели. Что? Он не улавливал даже обрывков фраз. Черт бы побрал эти проклятые ментальные экраны широкого диапазона! Даже фантастически острое восприятие Нэдрека не сработало бы здесь... Ладно, похоже, толку не добьешься. Они отозвали людей, ушедших было вперед... Те направляются сюда. Отлично, лучше встретить их в коридоре, чем в комнате, здесь легче покончить с ними...

Напряженно наблюдавшая за отцом Катрин кусала губы. Предупредить его, или взять инициативу в свои руки, или пока не стоит? Нет. Надо подождать. Папа без нее прекрасно вычислит ловушку, спрятанную в отсеке управления... К тому же Катрин, несмотря на огромную мощь и гибкость своего мозга, не могла бы скольконибудь определенно описать угрозу, которая поджидала у конца туннеля боскомианский корабль...

Киннисон встретил входящую шестерку и уничтожил врагов, всех до единого. Это получилось уже не так легко: все они были предупреждены и вооружены таким же топорами, как и Серый Ленсмен, но все-таки он справился с ними. Он вышел пока из всех схваток без единой царапины; его скафандр был слегка помят, но сам патрульный отделался лишь парой синяков. Он встретил врагов в таком месте коридора, где они могли нападать только поодиночке. Он мастерски владел любым видом оружия, известным в двух галактиках, и ему ни разу не показалось, что кто-то вмешивается в разумы атакующих боскомиан.

Он был полон уверенности в себе, полон боевого задора и далек от отчаяния, когда оказался перед необходимостью решить, что делать с отсеком управления. Там, конечно, полно самого разнообразного ору-

жая, более мощного, чем то, с которым он сталкивался до сих пор на корабле...

Катрин в космокатере стиснула зубы и сжала кулаки. Все было плохо, очень-очень плохо и могло стать еще хуже. Подведя катер почти вплотную к кораблю Боскома, она вновь попыталась оценить ситуацию, но лишь тяжело вздохнула, сдерживая рвущийся из груди стон отчаяния.

Неужели он не понимает?.. Неужели его ненормальное, тупое, столь драгоценное чувство восприятия не подсказывает, что время близится к концу и в любую минуту может стать поздно предпринимать хоть что-нибудь?

Она металась, раздираемая на части противоречивыми стремлениями. А ведь ленсмен Третьей Ступени, мучающийся от нерешительности — явление очень редкое. Ей страстно хотелось взять инициативу в свои руки, но поступи она так, удастся ли ей скрыть следы своего вмешательства?

Однако пока все было тихо.

Глава 8

ЧЕРНЫЕ ЛЕНСМЕНЫ

Но Киннисон, хотя его мозг обладал значительно меньшими возможностями, чем мозг его дочери, был уверен в себе. Четверо боскомиан в отсеке управления были экранированы против ментальных атак, а рассчитывать на вторую невероятную удачу вроде той, что помогла ему захватить сознание капитана, не приходилось. Все они, несомненно, успели вооружиться, подготовив и орудия, и стационарные излучатели. Очевидно, враги будут держаться до последнего, стараясь выиграть время: если не удастся прорвать их оборону до выхода из гиперпространства, он вряд ли сумеет выйти из этой переделки живым. Имея превосходное вооружение в практически неограниченном количестве, боскомиане, конечно же, полагали, что легко справятся с ленсменом.

Киннисон, однако, думал иначе. Раз уж нельзя использовать против них излюбленное оружие — ментальное поле, придется обойтись тем, что есть на ко-

рабле. Отправляясь в спецрейс, чтобы захватить Серого Ленсмена Второй Ступени, боскомиане наверняка запаслись множеством различных видов вооружения, и те четверо просто не успели бы лишиться своего пленника возможности использовать этот богатый арсенал. Возможно, даже удастся найти несколько аннигиляционных бомб.

Установив защиту от систем слежения, Кимбол начал тщательно обыскивать корабль. Боскомиане его не видели, а если кто-то из них, обладающий сверхчувствительным восприятием, попытается на долю секунды снять ментальный экран, исход сражения будет ясен. Если же они попробуют атаковать, это даже лучше. Скорее всего, противники, также прикинув все возможности, решили затаиться в надежно укрепленном отсеке.

Ленсмен не нашел аннигиляционных бомб, но обнаружил множество превосходных излучателей, похожих на те, что он заметил в отсеке управления. Бластеры оказались великолепными: крупнокалиберные, с водяным охлаждением, каждый снабжен тяжелым дауремовым щитом и однослойным экраном. Были там и орудия, тоже снабженные щитами и небольшими эмиттерами, но обычно они не давали высокоэнергетического луча. Наоборот, переносные тяжелые излучатели могли выплеснуть поток энергии, но не имели дауремовой защиты. Киннисон выволок одну пушку и два излучателя в соседнее с рубкой помещение, разместив их так, чтобы под огонь не попадал пульт управления.

Оружие противника, конечно, было направлено в основном на защиту дверей, и это оказалось на руку Киннисону. Наверняка они не учли, что ленсмен попытается добраться до них, прорезав полуторадюмовый слой особо прочного сплава, из которого были изготовлены переборки на корабле. Киннисон не знал, удастся ли ему справиться с этим делом достаточно быстро, чтобы враги не успели направить на стену тяжелые излучатели, закрепленные на магнитных зажимах, но попробовать, безусловно, стоило. Кимбол зло усмехнулся и принялся размещать свой арсенал так, чтобы побыстрее пробить переборку.

Направив один из излучателей на стену примерно в трех футах над полом, а другой немного ниже, Киннисон настроил их на полную мощность и так и оставил. Затем он включил энергетический пучок орудия (лиш-

няя энергия не помешает!), установил защитные экраны, и укрылся за дауремовым щитом. Проверив запас энергии, он убедился, что располагает всем необходимым.

На стене вспыхнули и задымились ярко-красные пятна: два больших и одно поменьше. Постепенно они становились оранжевыми, желтыми, наконец, ярко-белыми; затем слились в одно ослепительно сверкающее огненное пятно. Металл сначала плавился медленно, потом потек заметным ручейком, становившимся все шире. Отверстие в стене увеличивалось, открывая Киннисону путь в казавшуюся неприступной крепость противника. Вперед!

Первое небольшое отверстие возникло как раз на линии, соединяющей дуло пушки Киннисона и одно из орудий противника. Едва оно появилось, пушка взревела, изрыгая целые реки огня и стали. Боскомиане увидели пятно на стене и, догадавшись, что оно означает, лихорадочно начали перетаскивать свое оружие и разворачивать его так, чтобы оказаться под прикрытием щитов и иметь возможность обороняться. Им это почти удалось. Киннисон успел лишь краем глаза заметить выступавшую над щитом часть шлема одного из скафандров, но этого оказалось достаточно. Кинетическая энергия потока металла вышвырнула боскомианина из-за укрытия, разнеся его еще в воздухе на куски. Два глухих взрыва определили участь еще двух излучателей и их операторов.

И вот столкнулись две пушки, один на один. Ленсмен прекрасно знал, что эти смертоносные орудия могут часами поливать друг друга огнем, не нанося противной стороне сколько-нибудь заметного ущерба. У Киннисона, однако, было серьезное преимущество: стоя ближе к переборке, он мог более свободно изменять направление стрельбы, чем он и воспользовался, стараясь попасть в магнитные зажимы, крепившие пушку к полу. Они не могли устоять под таким огнем. Вскоре полетел один из передних зажимов, за ним — второй. Теперь пушку удерживали лишь два задних крепления, до которых Киннисон дотянуться не мог, однако это его не смутило. Он направил град пуль прямо на верхний край дауремового щита, заставив бесполезные теперь передние зажимы оторваться от пола. Орудие встало на дыбы, перевернулось в воздухе и, вновь опустившись на пол, оказалось под огнем пушки ленсмена неза-

щищенной стороной. Именно этого он и добивался.

Катрин вздохнула с облегчением: насколько она могла «видеть», тоннель все еще оставался пустым. «Наша взяла! — неслышно аплодировала она. — Теперь, — вздохнула девушка, — хватило бы у моего папочки сообразительности угадать, что нечто опасное может настигнуть его в туннеле... Ему надо вернуться на базу прежде, чем оно успеет поймать его.»

Киннисон даже не подозревал, что в туннеле ему может что-то угрожать. Однако он вовсе не собирался в одиночку садиться на вражеском корабле в самом центре базы противника. Более того, однажды туннель разорвался в ту минуту, когда Кимбол находился в нем, и он считал, что даже одного такого приключения чересчур много. Больше всего ему хотелось вернуться в родное пространство как можно скорее, а поскольку никто ему не мешал, он поторопился к пульта управления и развернул судно.

Вслед за ним и Катрин развернула катер; теперь оба корабля мчались к тому концу туннеля, сквозь который проникли в него. Катер первым покинул гиперпространственный туннель. — «Первым», конечно, не совсем точно, но, во всяком случае, Катрин раньше попала на базу Патруля. Она заставила оказавшегося поблизости офицера отдать приказ эвакуироваться всем находившимся в здании, и сама проследила за его точным исполнением. Катрин, достаточно наслышанная о том, что происходит, когда два твердых тела пытаются одновременно втиснуться в одну и ту же точку трехмерного пространства, не хотела, пусть даже случайно, стать свидетельницей такого происшествия. Ей так и не удалось определить, находился ли кто-то в туннеле, кроме Киннисона, но она не сомневалась, что если за отцом последует погоня, то ей надо будет мобилизовать все свои способности, чтобы операция закончилась благополучно.

Киннисон после сложных маневров остановил боскомианский крейсер как раз перед порогом, отделявшим гиперпространство от нормального мира, в той зыбкой области, где ничто, кроме даурема, не остается твердым, ни в пространстве, ни в псевдопространстве. Еще в полете он обдумывал, как будет возвращаться из туннеля. Как ни мал был корабль по сравнению с обычными боевыми монстрами, все же он значительно больше любого из коридоров любого здания базы.

Стены и пол коридоров изготовлены из стали, стены корабля — из твердого сплава. Ленсмен никогда не видел, как металл материализуется внутри металла, но ему не хотелось оказаться поблизости от места, где это произойдет — даже в скафандре высшей защиты. Кроме того, на борту полно взрывчатки, двигатели — атомные, а перспектива попасть в центр атомного взрыва Киннисона также не прельщала.

Поэтому он заранее наметил наиболее безопасный способ перехода. Подведя корабль как можно ближе к полу коридора, насколько позволили размеры туннеля, он отключил питание, разбежался и прыгнул, пересекая в полете границу нематериального мира гиперпространства. Корабль исчез.

Удар при переходе через барьер оказался гораздо сильнее, чем ожидал ленсмен. Даже при очень плавном переходе, как это делается обычно, межпространственное ускорение доставляет немало неприятных ощущений привычным к нему людям, а столь резкий скачок неизбежно должен был восприниматься как мощный удар. Кимболу показалось, что невидимая рука вышвырнула его из тоннеля. Правда, он успел сгруппироваться перед падением, что в тяжелом скафандре было не просто и говорило о хорошей физической форме и тренированности. И все-таки он не помнил, как приземлился, только в ушах стоял жуткий грохот, раздавшийся, когда скафандр ударился о дальнюю стенку коридора. Впрочем, если не считать небольших синяков и царапин, он не пострадал.

Едва опомнившись, ленсмен вскочил на ноги и принялся выкрикивать распоряжения:

— Транспортные лучи! Ловушки! Ножи! Тяжелые орудия на якорях, а не на зажимах! Срочно!

Он знал, что вступил в бой с серьезным противником. Если только враги последуют за ним, он вытянет их из этой трубы так быстро, что каждый сломает себе шею!

Катрин, все еще не сводившая глаз с отца, улыбнулась. Он был очень проницательным, предусмотрительным и опытным, но сейчас весь его опыт ни к чему. Его заставляла так энергично действовать лишь мысль о том, что враги могли вернуться за ним. Но ведь если в туннеле что-то находится, и если он появится здесь, все вооружение и экраны принесут не больше пользы, чем тонкий лист бумаги. Сама Катрин до сих пор не

понимала, что так сильно ее беспокоит. Она была почти уверена: это что-то имеет не материальную, а ментальную природу. Но кем или чем оно будет послано? И как? А кроме того, что с ним делать?

Она прищурила глаза и нахмурилась, размышляя так усиленно, как ей не приходилось думать никогда прежде. И чем больше она пыталась разобраться, тем меньше понимала. Впервые за всю свою жизнь, наполненную большими и маленькими победами, Катрин Киннисон ощутила себя маленькой, слабой и неумелой. В этот час она действительно стала взрослой.

Туннель исчез, и Катрин вздохнула с облегчением. Они — кем бы ни являлись эти существа, — не смогли захватить Киннисона; во всяком случае, пока они не последовали за ним, когда он скрылся. Возможно, это для них так важно, чтобы играть до конца? Нет, ни в коем случае! Скорее, они просто оказались не готовы. Но в следующий раз...

Наставник на Аризии прямо сказал ей при последней встрече, чтобы она вернулась, когда осознает предел своих возможностей. В тот день, честно говоря, она сомневалась, что такое когда-либо произойдет. Но теперь придется посетить Ментора... Этот побег — если только это был побег! — многому научил ее.

— Мама! — она послала сигнал на далекую Кловию. — Я на Радемексе. Все в порядке. Папа удачно обошел на повороте очередную компанию боскомиан и вернулся на базу. Я слетаю кое-куда, а потом вернусь домой. Привет.

В течение четырех суток после исчезновения гиперпространственного туннеля Киннисон почти непрерывно находился на базе — впрочем, не вполне понимая, чего опасается. Он не терял времени, обдумывая, что ему предстоит сделать в ближайшем будущем.

Надо ли по-прежнему оставаться в облике Сибли Уайта? Наверное, так будет лучше решил он. Он отсутствовал не так долго, чтобы исчезновение Уайта могло кого-то беспокоить. Если бы Киннисон знал, что именно ищет, тогда следовало бы сменить легенду на более подходящую, но поскольку ему предстоит просто рыскать по округе, вынюхивая неизвестно что, трудно придумать лучшее прикрытие, чем Уайт. Он мог ходить куда угодно, делать что угодно, расспрашивать кого угодно обо всем, что взбредет в голову, не возбуждая ничьих подозрений.

И еще несколько недель он разъезжал по планете под видом писателя-энтузиаста, но, как и опасался, не обнаружил ничего подозрительного. Казалось, всякая деятельность Боскома, интересовавшая его, прекратилась, как только он вернулся из гиперпространства. Что это значило, Кимбол не знал; нелепо думать, что враги оставили попытки поймать его. Вероятнее всего, они просто решили попробовать нечто новенькое. Вынужденное бездействие он переносил с трудом, пытаясь, хотя и безуспешно, определить, что произойдет в ближайшее время.

Наконец пришел вызов от Мэйтлэнда, мгновенно положив конец меланхолии Киннисона.

— Ким? Ты просил обращаться к тебе сразу, как только мы обнаружим нечто необычное. Не знаю, то мы нашли или нет. Может, этот парень просто псих. Конклин, доложивший о нем, не смог определить. Я тоже. Послать к нему еще кого-то, или ты появишься сам, или как?

— Я иду, — быстро ответил Киннисон. Если ни Конклин, ни Мэйтлэнд, оба — Серые Ленсмены, не смогли разобраться, какой смысл посылать кого-нибудь еще? — Где и кто?

— Планета Менис-2, недалеко от той, где ты сейчас находишься. Город Минитель. На углу Золотой и Сапфировой улиц, в притоне под названием «У Джека», обычном месте сбора старателей. Его зовут Эдди.

— Спасибо, я сам проверю.

Мэйтлэнд не сообщил, а Киннисон не попросил никакой дополнительной информации. Оба знали, что с той минуты, как координатор приступил к делу, он должен лично собирать данные, только из первых рук и принимать решение лишь на их основе. Итак, Сибли Уайт направился на Менис, напрямик к «Джеку». Кабачок оказался довольно приличным местом — во всяком случае, более высокого уровня, чем памятный Киннисону салун космопорта Радемекса, и с намного более приличными посетителями, чем в «Приюте старателя» на далеком астероиде Эфро.

— Мне хотелось бы говорить с человеком, называющим себя Эдди, — объявил он, потребовав предварительно бутылку вина. — Я слышал, его космические приключения достойны того, чтобы войти в мой последний роман.

— Эдди? Хо! — хрипло рассмеялся буфетчик. — Эта

космическая вошь? Кто-то надул вас, мистер. Он не представляет собой ничего интересного, обыкновенный неудачливый охотник за метеорами. Вы понимаете, о чем я говорю? Мы позволяем ему чистить плевательницы и делать прочую грязную работу, чтобы он не помер с голоду. Если его до сих пор не выкинули отсюда, так только потому, что он вносит в нашу нелегкую жизнь некоторое разнообразие. Каждый час или около того у него бывают припадки, а это развлекает посетителей.

Ставшая привычной маска Уайта не изменила Киннисону и на этот раз: на его лице не отразилось ничего из того, что ленсмен подумал о странном разговоре. Киннисон совершенно точно знал, что такое космическая вошь. Более того, ему было известно, как человек доходит до такого состояния. Огромные просторы галактики, опасности, нужда, постоянное напряжение оказываются по плечу далеко не всем. Он знал, что там выживают только сильнейшие, а множество слабых гибнет; из собственных кошмарных воспоминаний Киннисон представлял, какими жалкими бывают эти несчастные. Тем не менее, несмотря на то что информация не была остро необходимой, он заинтересовался:

— А где Эдди сейчас?

— Да вот он, вон в том углу. Кстати, он как раз неплохо выглядит сейчас, скоро должен начаться очередной приступ.

Жалкое подобие человека с готовностью откликнулось на приглашение присесть за стол. Эдди залпом опрокинул предложенный Уайтом стакан. Тотчас, как будто слабенький напиток сработал как выключатель, его изможденное тело напряглось, а конечности вывернулись под немыслимым углом.

— Кэтиглы! — закричал он. Глаза закатились, дыхание стало прерывистым, как будто человек задыхался. — Банда кэтиглов! Тысячи! Они рвут меня на куски! И ленсмен! Он преследует их! О! Йо-о-у!!!

Эдди сорвался на дикий визг и рухнул на пол. Потом, судорожно перекатываясь, он попытался изогнуться совершенно невероятным образом, чтобы одновременно прикрыть похожими на птичьи лапы руками глаза, уши, нос, рот и горло. Не обращая внимания на столпившихся зрителей, Киннисон вошел в мозг беспомощного существа, лежавшего на полу. Мысленно

содрогнувшись, ленсмен всматривался в ужасную картину гнусного преступления, открывшуюся перед ним. Потом, пока Уайт торопливо строчил что-то в блокноте, он вызвал на связь Кловию.

— Клифф! Я уже здесь, «У Джека». Я получил информацию от Эдди. Что вы с Конклином думаете об этом? Ты согласен, что его ленсмен нам не поможет? Это тупик.

— Да. А кроме него есть только счастливо окончившийся дрейф в пространстве. Определенно известно, что не существует и не может существовать ни один ленсмен, который, как вообразил себе Эдди, заставляет кого-то плавать в открытом космосе. У нас была слабая надежда, что тебе пригодится этот случай, поэтому мы и вызвали тебя. Прошу простить за ложную тревогу. Мы хотели знать наверняка, что это можно отбросить.

— Не стоит извиняться. — Мысли Киннисона стали удивительно жесткими и злыми, что было необычно для него. — Эдди не обычная космическая вошь. Видишь ли, мне известно кое-что, о чем ты и Конклин не подозреваете. Вы заметили женщину? Очень смутный образ, почти на самом дне восприятия?

— Да, теперь, когда ты упомянул об этом, я припоминаю. Слишком глубоко и слишком неотчетливо, чтобы послужить ключом. У большинства астронавтов есть женщины, а иногда очень много, которые большую часть времени так или иначе живут у него в сознании, ты же знаешь. Я бы сказал, что она придумана.

— И я бы тоже подумал именно так, но дело в том, что это не совсем женщина, а лиранка...

— ЛИРАНКА! — прервал его Мэйтлэнд. Киннисон ощутил, как сбились мысли у его помощника. — Это осложняет дело... Но как, во имя пурпурного ада Полэна, мог ли Эдди попасть когда-либо на Лирану? А если и так, как ему удалось уйти оттуда живым?

— Не знаю, Клифф, — мозг Киннисона заработал интенсивнее. — Но и это не все. Я знаю эту женщину. Она — та самая девица, что встретила меня когда-то на космодроме и весьма изобретательно пыталась прикончить.

— Гмм... — Мэйтлэнд пытался понять совершенно непостижимое. — Значит, этот ленсмен на самом деле существует? По крайней мере, мы обязаны попытаться разыскать его, хотя мне противно даже думать о ленсмене, настолько пренебрегшем нормами Патруля. —

Мэйтлэнда нелегко было переубедить в чем-либо. — Ты сам займешься этим?

— Проверь ты. В любом случае, я помогу. Найдется множество людей, у которых это получится лучше, чем у меня. Попробую привлечь их. Спасибо, Клифф. Чистого пространства!

Он послал мысленный сигнал жене; соединив на миг свои сознания, они наслаждались минутой близости. Потом Киннисон рассказал ей, что произошло.

— Так что, моя дорогая, — заключил он, — твое желание, похоже, исполнится. Я не смогу удержать тебя в стороне, даже если бы захотел. Предупреди девочек, надень Линзу, приготовь одежду и начинай работать.

— Я все сделаю, — Кларисса рассмеялась, и ее радость, преодолев громадное пространство, коснулась Киннисона. — Спасибо, милый.

Тогда и только тогда Кимбол Киннисон, вдобавок ко всему еще и искуснейший врач-психотерапевт, обратил внимание на скорчившееся у его ног бесчувственное тело.

Когда Уайт захлопнул блокнот и ушел, несчастный Эдди спокойно спал. А через некоторое время — достаточное, чтобы никто не заподозрил, что темпераментный создатель космической эпопеи имеет к этому какое-то отношение, — припадки вовсе прекратились. Более того, Эдди стал совершенно здоровым человеком и мог теперь, работая на астероидных поясах, стать тем, кем никогда прежде не был — удачливым космическим старателем.

Ленсмены всегда возвращают долги, даже паукам и червям.

Глава 9

ОБУЧЕНИЕ НА АРИЗИИ

Приключения в гиперпространственном туннеле многому научили Катрин Киннисон. Осознав, что она знает и умеет далеко не все, девушка решила обратиться за помощью. Вскоре космокатер старшей дочери Киннисона мчался к Аризии. В отличие от любого из ленсменов

Второй Ступени она даже не снизила скорость, приближаясь к барьеру, окружавшему планету; уверенная, что ее будут рады встретить, она просто послала вперед мысленный сигнал-идентификатор.

— А, Катрин Киннисон, ты опять вовремя... — Проскользнули ли в обычно бесстрастном мысленном приветствии еле ощутимые признаки радости, или ей только показалось? — Садись, как всегда.

Она отключила управление кораблем, как только ощутила, что мощные лучи установок посадки подхватили маленький катер. Во время предыдущих визитов на Аризию она не задавала вопросов. Сегодня она собиралась спрашивать обо всем. Садилась ли она на самом деле на планету? Обратив все силы необычайно развитого от природы мозга внутрь собственного сознания, она исследовала его до самых глубин. Определенно, она полностью владела собой. Ни один известный ей разум не смог бы подчинить ее себе, не оставив следов. Было совершенно ясно, что катер действительно снижался, приближаясь к планете. Наконец она оказалась на космодроме. Земля, куда она ступила, была настоящей. Автоматический флайер — нечто среднее между небольшим самолетом и вертолетом, доставивший ее из космопорта к знакомому невзрачному зданию, также не вызывал подозрений. Посыпанная гравием дорожка, цветущие клумбы и удивительно приятный запах цветов тоже были настоящими, как и легкая боль и крошечная капелька крови, выступившая на пальце, который Катрин специально уколола, чтобы окончательно удостовериться в реальности происходящего.

Она прошла сквозь распахнувшуюся перед ней дверь в знакомую уютную комнату, заполненную книгами, с которыми работал Ментор. Он во многом походил на отца, но был старше, много старше. «Лет девяносто, — подумала Катрин, — хотя на вид никак не больше шестидесяти». В эту минуту она направила ментальный луч к его сознанию — и получила первое серьезное потрясение в своей не слишком долгой пока жизни. Ее мысль была остановлена, но вовсе не мощным ментальным лучом превосходящей силы, а обыкновеннейшим ментальным экраном. Представления Катрин о мире и о себе дали первую трещину.

— Все это и вы — настоящее или нет? — вспыхнула она в конце концов, поняв, что не может сама отвечать на такой простенький вопрос. — Если нет, я сойду с ума!

— Все, что ты проверяла, — и я, конечно, — реально существует в данное время — в том смысле, в котором ты понимаешь сейчас реальность. Твой мозг на нынешней ступени развития не может в этом обмануться.

— Но раньше всего этого не было? Или вы не ответите?

— Поскольку знание — важное условие для твоего развития, я отвечу тебе. Раньше этого не было. Сегодня твой катер впервые опустился на нашу планету.

Девушка отшатнулась, напуганная.

— Вы велели мне возвращаться, когда я пойму, что чего-то не знаю. — Она наконец заставила себя заговорить. — Я столкнулась с этим в туннеле. Но до этой секунды я не предполагала, что не знаю вообще ничего. Стоит ли, Наставник, возиться со мной дальше? — грустно промолвила Катрин.

— Очень даже стоит, — заверил он ее. — Твое развитие продвигается более чем успешно, а нынешнее состояние ума совершенно необходимо и неизбежно.

— Хорошо, я постараюсь... — Она запнулась, внезапно сообразив, что ее беспокоит. — Но что вы делали со мной раньше, когда я думала, что нахожусь здесь?

— Ментальное поле, — объяснил аризианин, — высокой мощности, с большой проникающей способностью и четким управлением. Глубина, скорость и другие уже известные тебе факторы.

— А что еще? Я знаю все это... или, по крайней мере, многое, но не могу представить, что такое возможно.

— Еще проникновение, мудрость, — отозвался Наставник. — Каждое из этих свойств и характеристик надо расширить, чтобы овладеть всей сферой мышления. Ни слова, ни мысли не дадут тебе полного представления о том, что я имею в виду. Ты можешь только попытаться воспринять это, но не самостоятельно, что невозможно для твоего еще детского сознания, а лишь через мой мозг, войдя в полный контакт с ним.

Она выполнила это. Менее чем через минуту тесного, страшного почти для любого другого существа контакта, Катрин внезапно повалилась на пол, обессиленная и неподвижная.

Аризианин молча смотрел на нее, пока девушка не обрела вновь способность двигаться и мыслить.

— Это... Отец Наставник, это было... — Она замотала головой, пытаясь окончательно прийти в себя. — Это было ужасно!

— Да, — согласился тот. — Даже более, чем ты можешь себе представить. Из всех существ Цивилизации лишь твоего брата и тебя оно не убивает мгновенно. Но теперь ты знаешь, что такое проникновение, и готова воспринять последнюю ступень, во время которой я продвину тебя по дороге познания так далеко, как сам способен пройти по ней.

— Но это означает... Вы имеете в виду... Но мой ум не может быть могущественнее вашего, Наставник! Ничто не может быть выше вас, это совершенно немислимо!

— Но это так, дочь моя. Пока ты восстанавливаешь свои силы после начала обучения, я постараюсь кое-что объяснить. Для тебя не секрет, что вы, пятеро молодых Киннисонов, не похожи на других людей. Вы всегда знали многое, чему вас никогда никто не обучал. Вы можете мыслить во всех диапазонах ментального поля. Ваше сверхчувственное восприятие, ваше зрение, слух, осязание настолько совершенны и слиты воедино, что вы можете воспринимать что угодно, в любой плоскости и пространстве. Кроме того, хоть тебе это, вероятно, не кажется чем-то необычным, поскольку это не так очевидно, вы в некоторых существенных моментах полностью отличаетесь от сверстников своим физическим развитием. Вы никогда не ощущали ни малейших признаков даже легкого недомогания, даже намек на головную боль. Вам практически не нужен сон. На вас не действуют ни прививки, ни возбудители болезней, независимо от их природы. Ваши организмы устойчивы к ядам...

— Остановитесь, Наставник! — воскликнула Катрин, мгновенно побледнев. — Не понимаю... Вы хотите сказать, что мы — не люди?

— Прежде чем углубиться в этот вопрос, я должен поведать тебе кое-что из истории. Аризiane, благодаря высокоразвитому мышлению и способности к так называемой прекогнистике, предсказали возвышение и падение многих и многих цивилизаций, прежде чем те возникли. Например, Атлантида. Я сам занимался ее проблемами и не смог спасти ее... — Сейчас Ментор, несомненно, обнаружил проявление чувств: мысль была окрашена грустью. — Но от меня и не требовалось этого, — заключил он. — Давно известно, что рождение, борьба и исчезновение цивилизаций неизбежно ведет к появлению расы, во всех отношениях превосходящей мою собственную.

Среди четырех наиболее перспективных рас той части Вселенной, которую вы именуете Первой Галактикой, долгое время тщательно отбирались и сохранялись определенные семейства, прослеживались линии родства. Были разработаны программы, если угодно, селекции, отбора и размножения, направленные на то, чтобы ограничить, насколько удастся, слабые стороны каждой расы и многократно усилить, собирая из поколения в поколение, положительные качества. Ты немного знакома с генетикой и можешь представить величие и размах плана. Вдаваться в его подробности незачем, да и это потребует немало времени. Твои отец и мать появились как конечный результат очень и очень длительной работы, растянувшейся на многие тысячелетия. Их репродуктивные клетки практически не содержали ни одного слабого или дефектного гена, в них собрана информация почти обо всех сильных качествах человеческой расы. Следовательно, хотя внешне ты выглядишь как человек, на самом деле это не так. Ты еще менее человек, чем я.

— Но что в вас человеческого? — воскликнула Катрин, вновь обнаруживая, что мощный всепроникающий луч ее сознания бессилен перед экраном аризанинина.

— Позже, дочь моя, не сейчас. Знание об этом придет к тебе в конце обучения.

— Я так боюсь... — Она посмотрела на аризанинина округлившимися глазами, полными безнадежной тоски. Вопреки всем усилиям сдержаться Катрин расплакалась. — Вы чудовище, а я... Скоро я буду еще более ужасным существом! Монстром... И я должна буду жить миллионы лет, одна... Почему? Почему, Наставник, вы допустили это?

— Успокойся, дочь моя. Потрясение, хотя и сильное, пройдет. Ты ничего не потеряла, а приобрела очень многое.

— Приобрела? Как же! — Мысли девушки были пронизаны безысходностью и горечью. — Я потеряла родителей... Я все еще буду юной, когда они умрут. Я утратила возможность жить по-настоящему. Я хочу любить, и чтобы муж... и дети... А у меня ничего этого не будет! Я и так еще не встретила мужчину, который мне понравился бы, а теперь вообще не смогу никого полюбить. Я не хочу жить миллионы лет, Наставник, совсем одна! — Ее мысли превратились в настоящий океан отчаяния, грозивший затопить все вокруг.

— Пора расстаться с таким детским и глупым

мышлением. — Наставник укорил ее, впрочем, достаточно мягко. — Твоя реакция вполне естественна, но выводы совершенно ошибочны. Попытайся трезво взглянуть на себя, и увидишь, что сейчас тебе просто не нужна — ни психически, ни интеллектуально, ни эмоционально, ни физически — дополняющая тебя личность.

— Это верно, — удивленно протянула Катрин. — Но другие девушки моего возраста...

— Конечно, — сухо откликнулся Наставник. — Думая о себе как о взрослой особи человеческой расы, ты судишь неверно. По сути дела, ты всего лишь дитя, даже не подросток. В свое время ты полюбишь мужчину, а он тебя, и это будет чувство такой глубины и силы, какое сейчас ты даже смутно не можешь себе представить.

— Но мои родители! — Катрин, впрочем, почувствовала себя намного лучше. — Я, конечно, могу меняться с возрастом так же легко, как меняю шляпку... Но ведь я люблю их, вы же знаете, а у мамы просто разобьется сердце, если она узнает, что ее дети — оборотни!

— И это пусть тебя не волнует. Я позаботился на сей счет. Кимбол и Кларисса прекрасно знают, правда, не осознают этого, что ты будешь жить намного дольше, чем они. Они готовы к тому, что никогда не увидят своих внуков. Будь уверена, дочь моя, что прежде, чем они перейдут из нынешнего цикла существования в следующий, о котором мне ничего не известно, они будут твердо знать, что их род не прервется. Правда, с появлением вас пятерых Цивилизации, очевидно, придет конец.

— Конец? Из-за нас? Что вы хотите этим сказать?

— У вас есть определенное предназначение, природу которого твой мозг пока не в силах осмыслить и воспринять. Позже ты все узнаешь. А пока достаточно сказать, что ближайшие сорок-пятьдесят лет пролетят в твоей жизни, как один час в представлении жителей Земли... Но время не терпит. Ты уже совсем отдохнула, и пора приступать к последнему этапу твоего обучения, после чего ты сможешь выдерживать самый полный и глубокий контакт с моим сознанием так же свободно, как сейчас переносишь общение с сестрами. Приступим.

Они так и сделали. Катрин выдерживала все более и более изнуряющие нагрузки, и в конце концов ее сознание достигло такого развития, что описать это

существо с мозгом ниже третьей ступени — все равно что объяснить теорию относительности шимпанзе.

— Конечно, это было не естественное развитие, а вынужденное, форсированное, — признал Наставник, когда девушка собиралась покинуть Аризию. — Впереди у тебя много миллионов лет жизни. Но когда-нибудь ты поймешь, что мы были вынуждены ускорить твоё образование. Ты поймешь также, что я больше не могу дать тебе никаких указаний. Я буду с тобой в любую минуту, когда ты вызовешь меня, я поддержу тебя в критические моменты, но дальнейшее твоё развитие зависит теперь от тебя.

Катрин кивнула:

— Понимаю. Это немного пугает меня... Особенно приближающаяся опасность, на которую вы так туманно намекнули. Может, вы хоть что-нибудь скажете о том, что меня ждет, чтобы я подготовилась...

— Не могу, дочь моя. — Впервые Катрин ощутила нерешительность Наставника с Аризии. — Совершенно точно, мы будем готовы к предстоящим событиям. Но так как умы эддориан ненамного слабее наших, если вообще уступают им, в подробностях предвидеть события мы не можем. Советовать же тебе, не будучи уверенным, означает нанести непоправимый вред. Скажу лишь одно: лучшим предупреждением будет то, что ты узнаешь без особых усилий с твоей стороны и не от меня, что в действительности существует на планете, называемой Плур. Пока это название для тебя бессмысленно. Теперь иди, дочь Катрин, и принимайся за работу.

Катрин ушла, зная, что аризианин сказал ей все, что мог. На самом деле он был с ней даже более откровенен, чем она могла ожидать. Ее до глубины души потрясло сообщение о том, что она, всегда считавшая аризиан полубогами, равное им существо — и, может быть, даже более развитое!

Пока космокатор мчался к далекой Кловии, Катрин снова и снова прокручивала в голове все, что узнала, пытаясь свыкнуться со своим новым знанием. Ей это еще не вполне удалось, когда она уловила отчетливый ментальный сигнал.

— Помогите! У меня неприятности, что-то с кораблем. Может ли какое-либо существо, принявшее мой сигнал и имеющее необходимые инструменты, помочь мне? Или, если такой возможности нет, отбуксировать мой корабль туда, где мне срочно необходимо быть?

Катрин очнулась, постепенно выходя из глубокого самосозерцания. Мысль возникла на исключительно высокой частоте. Обычно никто не пользовался этим диапазоном, поскольку ни одна гуманондная раса не могла ни излучать такие волны, ни принимать их. Построение фраз, хотя они были очень простыми, отличалось исключительной точностью, что свидетельствовало о высоком развитии излучавшего сигнал существа. Она поймала волну незнакомца и определила его координаты. Отлично — он был совсем рядом! Катрин направила космолет к терпящему бедствие кораблю, на безопасной дистанции сравняла скорости и попыталась заглянуть внутрь судна, обнаружив, к своему удивлению, что оно полностью защищено от внешних излучений! Ей не составило бы труда проникнуть на корабль. Однако, если существо полагает, что его экран надежно защищает от любопытных, не надо разочаровывать его.

— Эй, чего вы ждете? — В этой мысли явно прозвучало раздражение. — Подойдите поближе, чтобы я мог впустить вас.

— Не торопитесь, — не менее резко ответила Катрин. — Снимите блок, а то я не вижу вашего корабля. У меня есть самое разное оборудование, но я не могу определить, что именно вам нужно. Как вы могли заметить, мои экраны отключены.

— Конечно. Простите. Я полагал, что вы один из... — Мысль донесла непроизносимый и бессмысленный для девушки термин. — Никто из существ низших ступеней развития не может непосредственно воспринимать наши мысли. Теперь вы готовы перейти на мой корабль?

— Да.

Освещение на корабле незнакомца оказалось достаточно сильным, но девяносто восемь процентов его потока находилось вне видимого диапазона. Источники света были, несомненно, атомными, но доля гамма-излучения и количество нейтронов странно небольшими. Скорее всего, помочь будет нетрудно, решила Катрин, натягивая защищающий от теплового излучения скафандр и шлем из прозрачного пластика, не уступающего по прочности алмазу.

Быстро переместившись через небольшое разделяющее корабли пространство, она первым делом внимательно рассмотрела обратившееся за помощью существо. Оно поначалу показалось ей немного похожим на дианинина: приземистое, мощное, неповоротливое с виду,

поддерживаемое толстыми конечностями тело, непропорционально широкие плечи и огромные ручки, а голова, походившая на купол, видимо, неподвижна. Но на этом сходство заканчивалось. Голова была лишь одна, и она явно предназначалась для мышления. Ни глаз, ни панциря. Головы, предназначенной для питания, не было. Существо, похоже, не нуждалось в том, чтобы дышать или есть. Хобота также не было. А кожа!

Это даже не шкура. Хуже, чем у мартлан! Девушка никогда не видела ничего подобного. Покров на туловище существа оказался толстым, сухим и гибким, и Катрин не сомневалась, что он состоит из наполненных особой жидкостно-газовой смесью клеток, которые, как известно, служат намного лучшим изолятором, чем любая плотная оболочка.

— R-T-S-L-Q-P. — Она быстро определила существо, воспользовавшись первыми шестью пунктами классификации, затем приостановилась и наморщила лоб. — Седьмое — такой необычный покров... Что? S? R? T? Должно быть, R...

— Я понял, что у тебя есть необходимые инструменты, — приветствовало существо Катрин, когда она вошла в центральный отсек странного катера, не большего, чем ее собственный. — Я могу сказать тебе, что нужно сделать, если...

— Сама знаю. — Она отвернула болты, крепящие крышку, поколдовала немного над контактами и проводами, и через десять минут все было готово. — Мне не совсем понятно, почему личность, несомненно, обладающая развитым интеллектом и, судя по ее заявлениям, знающая, как произвести столь незначительный ремонт, находится так далеко от дома без всяких инструментов, одна, на таком маленьком корабле. Ведь мелкие поломки могут произойти когда угодно.

— Только не на судах... — Снова Катрин ощутила то же невоспринимаемое ею понятие. Она уловила и некоторое высокомерие, непривычное для нее чувство превосходства в мыслях собеседника. — Знай, существа высшего порядка никогда не выполняют столь грубой работы. Мы мыслим. Мы руководим. Другие работают, причем работают хорошо или несут соответствующее наказание. За девять полных четырехциклических периодов такое произошло в первый и в последний раз, ибо, когда я вернусь домой, виновный будет примерно наказан. Я возьму его жизнь.

— О, постой! — возразила Катрин. — Но платить за мелкую неисправность жизнью...

— Молчать! — хлестнул мысленный приказ. — Недопустимо, чтобы низшие осмеливались...

— Сам молчи! — Существо судорожно дернулось, ощутив мощный удар поля Катрин. — Я сделала это для тебя, поскольку ты, по всей видимости, не мог справиться сам. Я вовсе не обязана помогать тебе, и не понимаю, почему ты воспринял мою любезность как должное. Если ты продолжаешь настаивать на том, что на пять порядков выше меня, что бы ты ни имел при этом в виду, я ненадолго забуду, что я — женщина, перестану вести себя как примерный ребенок, помогающий старшим, и займусь тобой всерьез. Будь готов и скажи, когда начинать!

Незнакомец, слегка отодвинувшись, осторожно попытался прощупать мозг Катрин. Его луч наткнулся на непреодолимую преграду в метре от скафандра девушки. Но ведь это явно женщина-землянка. Или нет? Нет. Ни одно гуманоидное существо не могло иметь столь развитый мозг.

— Я сильно ошибался, — смутилось существо, — полагая, что ты не обладаешь интеллектом, по меньшей мере равным моему. Могу я попросить прощения?

— Конечно — если ты не собираешься упорствовать в своем заблуждении. Но еще больше мне не нравится идея наказать несчастного механика, занимавшегося твоим катером. — Она на секунду задумалась, закусив губку. — Мы сделаем вот что. Куда ты направляешься и когда намерен прибыть к месту назначения?

— На свою родную планету. — Сообщение сопровождалось мысленным указанием ее местоположения на карте Галактики. — Я должен быть там через двести галактических часов.

— Понятно. — Катрин кивнула. — Ты будешь там вовремя, если обещаешь не приносить ему вреда. И я проверю, действительно ли ты выполнил мое условие.

— Если я обещаю, я так и делаю. А если я откажусь выполнять твоё условие?

— В таком случае ты доберешься до своей планеты через двести тысяч часов в виде глыбы льда. Я просто разрушу твой двигатель и окружу корабль экранами, не позволяющими его обнаружить. Они, разумеется, сами исчезнут, но только через семьсот пятьдесят лет. Обещаешь, или мне приступать?

— Обещаю даже не пытаться повредить механику, готовившему мой катер.

Существо безропотно позволило Катрин войти в его сознание, чтобы проверить, насколько честно он собирается сдержать слово.

Гордая легко одержанной победой над интеллектом, которого раньше не сумела бы даже коснуться, и поглощенная перспективой осваивания необычайно возросших возможностей собственного мозга, Катрин даже не заподозрила, насколько ценной оказалась информация, скрытая в глубинах сознания случайно встреченного незнакомца.

Вернувшись на свой катер, она стянула с себя сильно надоевший скафандр, водворила на место инструменты и приборы и улетела. Она не интересовалась более чужим кораблем, и ее душевный покой не нарушило то, что, едва она ушла, на далекую планету Плур полетел узкий мощный луч, неся тревожное сообщение:

— ...Совершенно точно это не была женщина с Земли. Я не смог даже коснуться ее мозга. Скорее, один из замаскированных аризиян. Я сделал все возможное, чтобы не возбудить излишних подозрений, и, кажется, отделался достаточно легко. Предупредите остальных!

Глава 10

КОНСТАНС И ВОРСЕЛ

Пока Катрин Киннисон помогала отцу в гиперпространственном туннеле и летала на Аризия, а Камилла с Трегонси вычисляли неуловимого Икса, Констанс тоже не бездельничала. Она лежала на спине совершенно неподвижно, но мысль ее работала так напряженно, как никогда прежде. Давным-давно Констанс позволила случаю выбирать курс ее космокатера. Сама девушка, ничего не зная о том, где находится и куда направляется, что, впрочем, ее совершенно не заботило; она до предела сосредоточилась, заставив себя воспринимать окружающее пространство на много парсеков вокруг. Как и Ворсел, она не пыталась сознательно прислушиваться, отыскивая что-то определенное, а просто увеличивала и без того огромный запас знаний о Вселенной. Ее мозг непрерывно работал, собирая, анали-

зируя, классифицируя и запоминая каждый бит информации из огромного потока, стягивающегося к нему со всех сторон. Она пролетала через тысячи и тысячи звездных систем, входя в ментальный контакт с многими миллионами существ, обладающих более или менее ценной информацией.

Неожиданно она уловила нечто заставившее ее шевельнуться: ментальный взрыв, причем на необычайно высокой частоте, которая прежде всегда оставалась свободной. Кон встала и занялась приготовлением кофе.

«Это может быть очень важной информацией, — размышляла она. — Пожалуй, стоит заняться ею по горячим следам.»

Девушка настроилась на волну Ворсела, немного подождала, но не получила ответа, что сильно удивило ее. Она попыталась определить, чем занят ее приятель, и обнаружила, что его экраны включены на полную мощность. Он настолько погрузился в схватку с Владыками Дельгона, что просто не воспринял ее вызов. Может, ему помочь справиться с противниками? «Нет уж», — подумала она, слегка улыбнувшись самой себе. Ее неизменный спутник и учитель не нуждается в помощи — по крайней мере, в таком простом деле. Лучше подождать, пока он освободится.

— Ворсел! Кон на связи. Что там происходит, старая ящерица? — Ей все-таки удалось привлечь его внимание.

— Можно подумать, ты не знаешь! — отозвался Ворсел. — Все то же, ничего не изменилось. Может, ты заглянешь ко мне?

— Лечу, — ответила Кон, и вскоре уже вливалась в шлюз «Велана».

— Что ты думаешь о том ментальном взрыве? — спросила она, едва успев поздороваться с ленсменом. — Или ты был так поглощен развлечениями, что упустил его?

— Какой взрыв? — Когда Констанс объяснила, он ответил: — Да, я был занят, но вовсе не развлекался.

— Расскажи это кому-нибудь другому, кто хуже знает тебя, — отозвалась девушка. — Мне кажется, это очень важно; намного серьезнее, чем возня с дельгопианами, которая тебя так развлекает. Это было совсем высоко — вот здесь. — И она продемонстрировала, где именно.

— Да? — Ворсел, если бы сумел, наверное, присвистнул бы. — А на что они похожи?

— VWZY, по первым четырем пунктам. — Кон сосредоточилась. — Многоногие. — По-моему, покрыты шипами. Их планета — холодная, мрачная, пустынная, но они не холоднокровные, хотя существо не походило в точности на дышащее кислородом, а скорее смахивало на теплокровного полэнианина, если ты только можешь такое представить. Уровень развития очень высокий, но никаких намеков на представление о городах. Солнце — типичный желтый карлик. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Нет.

Ворсел напряженно размышлял, и Констанс не торопила его. Но ни у одного из них не возникло и мысли о том, что описание точно соответствовало жуткому обитателю далекой планеты Плур!

— Это действительно интересно, — прервал паузу Ворсел. — Попробуем вместе выяснить, в чем там дело?

— Конечно. — Они настроились на указанную Кон частоту. — Приступим?

Переpletенные рецепторы Кон и Ворсела прощупывали пространство все дальше и дальше от корабля, ловя прерывистые, слабые и совершенно загадочные колебания. Одно прикосновение, только намек на возможность контакта — и все умолкало. Сигналы исчезали прежде, чем Кон, с ее почти мгновенной реакцией, успевала уловить хоть что-то, кроме направления на источник. Ни ей, ни велантийцу не удавалось ничего прочесть.

Они довольно долго и все время безуспешно пытались войти в более длительный контакт. Тело Ворсела судорожно напряглось, помогая мозгу сосредоточиться и посылать все более мощные импульсы. Ничего не обнаружив, он наконец расслабился.

— Каждый ленсмен, как бы там ни было, может прочесть и понять любой ментальный сигнал, будь он даже зашифрован, независимо от его источника, — обратился он к Констанс. — Я, кроме того, всегда мог определить точное направление на источник, сигнал которого поймал. Но теперь я могу сказать только, что он, возможно, находится где-то там. Может, тебе удалось узнать что-то еще?

— Не слишком много.

Ворсел лишь слегка удивился, а вот его спутница просто отказалась поверить, что не может справиться с простейшей задачей. Она, прекрасно знавшая свои

возможности, подумала втайне от велантийца: «Внимание! Это надо тщательно обдумать на досуге.» Как ни туманны были их предположения о направлении на источник сигналов, они все же решили попытаться отыскать его. На полной скорости «Велан» помчался по вычисленному совместными усилиями двух разведчиков курсу.

Время шло, корабль мчался вперед, распространяя вокруг себя широкую ментальную сеть, с помощью которой Кон и Ворсел надеялись узнать что-либо о таинственной планете. Наконец им повезло: они что-то нашли, правда, совсем не то, что ожидали.

— Что там? — спросил Ворсел у дежурного, дожившего о телепатическом сигнале.

— Не знаю, командир. Правда, сигнал не в том диапазоне, какой был указан, а пониже... Вот здесь. Конечно, это не Владыки, но что-то столь же враждебное.

— Айхи! — одновременно воскликнули Ворсел и Кон, а девушка продолжила:

— Почти наверняка всех их не удалось уничтожить тогда на Ярневане, но раньше никто не сообщал... А где они? Дай-ка мне карту... Это Новена-9... Превосходно. Готовь тяжелую артиллерию, Ворсел! Хорошо бы захватить главного живым, но для этого нужно немного удачи.

Хотя велантиец мгновенно отдал приказ направиться на предельной скорости к обнаруженной планете, он все еще сомневался. Дочь Киннисона не принимала во внимание последствия, к которым могло привести столкновение. Правда, она никогда не имела дела с айхами вплотную; у него же был такой опыт. И у ее отца тоже. Киннисон тогда на какую-то долю секунды утратил контроль над собой, и Ворсел знал, что сам он выглядел тогда ничуть не лучше. Впрочем, то было на Ярневане, на территории крупнейшей базы планеты, и ни он, ни Киннисон не были готовы к тому, что им предстояло.

— Каков наш план, Ворсел? — спросила взбудораженная предстоящей схваткой Кон. — Как ты собираешься справиться с ними?

— Все зависит от того, насколько они сильны. Если это долговременная база, мы просто доложим о ней Ла Форжу и отправимся заниматься своим делом. Если, что мне кажется более вероятным, это недавно возникшее укрепление или просто совершивший посадку косми-

ческий корабль, мы сами займемся им. Скоро все выяснится. Просто нужно подойти поближе.

— Понятно.

По лицу Кон скользнула лукавая улыбка. Она долго работала с Наставником на Аризии, специально обучаясь умению становиться «Ворселом номер два». Сейчас было самое время применить полученные навыки в деле.

Ворсел, признанный мастер всевозможных галлюцинаций, и не догадывался, что его спутница, воспользовавшись каналом, о существовании которого он даже не подозревал, проникла в его мозг, подчинив себе все его секторы. Точно так же никто из экипажа ничего не заподозрил, когда Кон проделала то же с ними, — что, кстати, оказалось гораздо проще. В неведении остались и айхи, когда «Велан» подошел к планете достаточно близко, и стало ясно, что укрепления возведены совсем недавно; ядром этой крепости служил космический корабль. Все они, кроме главаря, мгновенно погибли, и Кон позднее пожалела, что превратила эту схватку в детскую забаву.

Космический корабль айхов действительно оказался грозной крепостью. Велантийцы увидели, как под мощным ударом его орудий вспыхнули, став фиолетовыми, щиты их собственного корабля. Ответный залп был в свою очередь остановлен внутренним защитным барьером боскомиан, и пришлось задействовать неисчерпаемые запасы мощности главных излучателей, чтобы справиться с вражеским кораблем-крепостью. Очень многое в этом сражении было настоящим. Записи приборов легко подправить, что Кон и проделала, но вот имитировать падение экранов первого уровня защиты невозможно. Кроме того, нельзя было оставить супердредноут Боскома и окружавшую его базу.

Поэтому, когда устрашающие орудия «Велана» покончили с главными батареями айхов и обратили недавно созданную базу в огненные потоки расплавленного металла, их дело продолжили иглы-лучи, уничтожившие все уцелевшие пульта управления. Когда огромный корабль стал совершенно беспомощным как боевая единица, Ворселу и его экипажу представилось, что они отправились (с ментальными экранами, в скафандрах, вооруженные тяжелыми излучателями и «деламатерами») внутрь вражеского крейсера и вступили в рукопашную схватку, о которой каждый из них мечтал. Ворсел и два его самых сильных товарища атаковали

вооруженного и также облаченного в скафандр айха — командира корабля. После вполне удовлетворившей их схватки, в ходе которой все трое велантийцев, а также и некоторые другие, получили соответствующие случаю легкие ожоги и раны, они захватили его и доставили в отсек управления «Велана».

Эта часть эпизода также была совершенно реальной, как и уничтожение боскомианского судна. Но в ту минуту, когда Кон занялась исключительно тонким делом — снятием контроля над мозгом Ворсела, причем так, чтобы не осталось даже намек на него, — произошло нечто совершенно непредвиденное, к чему девушка оказалась просто не готова. Сознание капитана неожиданно ускользнуло из-под ее контроля, и одновременно она ощутила настолько сильную ментальную атаку, заставившую вздрогнуть ее непроницаемый барьер, которая не могла быть сгенерирована ни одним айхом!

Если б ее сознание было свободно, она, возможно, сумела бы достойно справиться с возникшей ситуацией, но, к несчастью, ей приходилось держать Ворсела. Кон точно знала, что произойдет, если велантиец обнаружит ее присутствие в собственном сознании. Экипаж? Их временно можно блокировать. Никто, кроме ленсмена, не сможет обнаружить, что его отключили от действительности, если только это не продлится слишком долго. Но блокировка заняла все же какую-то долю секунды, а время здесь решало все. Еще дольше Кон занималась уничтожением следов вмешательства в сознание Ворсела. Так что прежде чем она успела сделать что-нибудь, кроме защиты своего сознания и сознаний велантийцев от удивительно мощного удара неизвестного интеллекта, все следы его воздействия исчезли, и о нем напоминало лишь мертвое тело захваченного Кон пленника.

Несколько секунд Ворсел и Констанс молча смотрели друг на друга. У велантийца осталось четкое представление обо всем, что происходило с ним до этого мгновения. Он только не понял, почему враг вдруг оказался мертв. Кон лихорадочно пыталась подыскать правдоподобное объяснение этого удивительного события. Ворсел, сам того не подозревая, выручил ее.

— Скорее всего, — сообщил он девушке, — любое достаточно развитое сознание может волевым усилием разрушить тело, в котором обитает. Я никогда не думал, что айхи умеют это делать, но ничто из моего опыта

или опыта твоего отца не говорит о том, что их сознание не обладает нужной силой... А сегодняшний бой, чисто физический, ничего не проясняет... Интересно, можно ли помешать этому? Я хочу сказать, имей мы достаточно времени...

— Ты, наверное, прав, — Кон изобразила наиболее невинную и обезоруживающую из своих улыбок, приготовившись выдать целый ряд длинных логичных объяснений, совершенно не соответствовавших истине. — Я не думаю, что его можно было остановить. Видишь ли, я вошла в его сознание на долю секунды раньше, чем ты, и в эту самую минуту, — несмотря на то, что Ворсел не мог ничего слышать, она звонко щелкнула пальцами, — если даже не раньше, он умер. Мне не пришлось в голову то, о чем ты говоришь, но ты совершенно прав. Он просто покончил с собой, чтобы уберечь от нас информацию, скрытую в его памяти.

Ворсел изумленно уставился на нее шестью глазами вместо одного, пытаясь что-то понять. Он вовсе не пытался сознательно разрушить ее барьеры — его сверхчувственное восприятие говорило, что их нет. Он не пытался сознательно анализировать или хотя бы восстановить подробности недавнего прошлого. Ему ни на мгновение не показалось, что происходит что-то неладное. Тем не менее какое-то шестое чувство, скрытое глубоко внутри его существа, которое, собственно, и делало Ворсела с Велантии тем, чем он был, шевельнулось в нем... Смутное подозрение... Слишком... Слишком... Ворсел не мог подобрать нужного определения.

Было ли все слишком просто? Вовсе нет. Вид его измученного, получившего многочисленные ранения экипажа совершенно опровергал эту мысль. О том, что это не так, свидетельствовали его собственные ожоги, равно как и заметные повреждения экранов корабля, и потоки остывающей лавы, которые когда-то были вражеской крепостью.

Кроме того, хотя он никогда раньше не предполагал, что его экипаж способен справиться с тем, что было сделано, поверить в это все же легче, чем допустить, что кто-либо — пусть даже аризианин! — помог ему так, что он, Ворсел, об этом не знал. Да и как могла бы эта девочка, хоть она и дочь Кимбола Киннисона, суметь так ловко разыграть роль ангела-хранителя перед ним, Ворселем с Велантии?

Наименее способному из всех четверых ленсменов

Второй Ступени не дано было постичь, каковы на самом деле дети Линзы; он ни тогда, ни позже ни на миг не заподозрил истины. Но Констанс, укрывшаяся за жизнерадостной маской невинности, его взволнованные и недоумённые мысли видела совершенно четко. Она превосходно знала, что нерешенная проблема могла повлиять на ее спутника гораздо сильнее, чем на любого другого Серого Ленсмена. Он непрестанно думал бы о ней, пока не разрешил бы ее тем или иным способом. С этим надо разделаться немедленно. И, кажется, Кон знала, как это лучше всего сделать.

— Но ведь тебе помогала я, глупая неблагодарная ящерица! — изобразила она возмущение, топнув для достоверности ногой. — Я была там все время, помогая тебе всем, чем могла, и ты даже не почувствовал этого? — Желая сделать свою мысль как можно более очевидной, она изумленно раскрыла глаза. — Так и есть! — заключила она. — Ты настолько погрузился в рукопашный бой, напоминавший тебе, наверное, о пещере дельгониан, что даже не почувствовал бы, если б я стукнула хорошенько по твоей безмозглой башке! Ну конечно, я помогала тебе, старый летучий змей! Если бы я не подхватывала тебя то тут, то там — в самые критические минуты! — ты бы давно уже провалился ко всем чертям! С меня хватит. Я улетаю прямо сейчас и, надеюсь, никогда в жизни больше не буду иметь несчастье встретиться с тобой!

Эта яростная tirada, хоть и была нахальнейшей ложью от начала до конца, настолько хорошо все объясняла, что у Ворсела исчезли всякие сомнения. Это грозное с виду существо гораздо менее, чем большинство мужчин любой другой расы, могло сопротивляться тем истинно женским способам защиты, которые Констанс так искусно использовала. Велантиец капитулировал, практически не сопротивляясь, и девушка позволила себе расслабиться, вернувшись к своему привычному улыбки-вому и жизнерадостному состоянию.

Но когда «Велан» снова встал на прежний курс, и Констанс оказалась в своей каюте, уснуть ей не удалось. Она размышляла. Принадлежал ли интеллект, вырвавшийся у нее из рук пленного айха, к той же расе, что и существо, чей ментальный взрыв она уловила незадолго до сражения? Точно решить она не могла. Первый ментальный сигнал был бессознательным и очень слабым, а второй, посланный с силой, воспоминание о

которой заставило ее содрогнуться, использовался как смертоносное оружие. Однако они вполне могли иметь одну и ту же природу. Если так, их источник следовало немедленно отыскать и тщательно изучить. Подумать только, она сама упустила такую великолепную возможность! «Лучше всего, — подумала Констанс, — рассказать кому-нибудь обо всем, хоть это и означает признаться в собственном скудоумии, и попытаться получить дельный совет. Но к кому обратиться?»

Кит? Нет. Не потому, что он поднял бы ее на смех — это бы она как-нибудь пережила, но ведь его мозг не намного лучше ее собственного — вернее сказать, ничем не лучше.

Ментор? Одна мысль об этом заставила ее вздрогнуть. Она тотчас вызвала бы его, не задумываясь о возможных последствиях, если бы это хоть чем-то помогло. Констанс, однако, не сомневалась, что и аризианин не сумеет дать ей дельный совет. Он будет только ухмыляться, глядя на то, как она все больше и больше запутывается...

— С точки зрения ребенка, если пользоваться весьма экзотичной и несколько извращенной логикой, дочь Констанс, ты права, — прозвучала в ее изумленном сознании холодная отстраненная мысль аризианина. — Ты сама заварила эту кашу, так будь любезна сама расхлебывать ее. Я могу сообщить тебе лишь одну весьма приятную новость: хоть и немного поздно и очень редко, но ты все-таки начинаешь по-настоящему мыслить.

В эту минуту Констанс Киннисон стала взрослой.

Глава 11 . .

НЭДРЕК НАХОДИТ ЛОВУШКУ

Любого гуманоидного или близкого к гуманоидам ленсмена ужаснуло бы невыносимое одиночество долгого бдения Нэдрека. Почти любой из них испытал бы сильное разочарование, если бы в предполагаемое по расчетам время так терпеливо поджидаемый противник не появился бы на планете.

Но совершенно не похожий на людей Нэдрек не чувствовал себя одиноким. В лексиконе его расы просто

не было слов, определяющих подобное состояние. Конечно, благодаря широкой эрудиции и знанию жизни обитателей Галактики он, хотя и весьма туманно, представлял, что кто-то может испытывать одиночество, но никогда этого чувства не понимал, да и не стремился к этому. То, что Кандрон не появился, ни в коей мере не нарушило спокойствия ленсмена. Он пребывал на удобной для наблюдения орбите, пока с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента не стало ясно, что предполагаемая жертва не прилетит. Тогда и только тогда Нэдрек покинул свой пост, приняв как само собой разумеющееся, что потерял многие недели, и направился по курсу, тщательно рассчитанному как раз на случай такого исхода охоты.

Дальнейший поиск Кандрона оказался долгим и безуспешным, и лишь нечеловеческое терпение Нэдрека позволило ему в конце концов кое-что обнаружить. Уловил он, честно говоря, совсем немного — так, простой обрывок инструктажа звильника; но на нем лежал неизгладимый отпечаток личности Кандрона. Ни на что большее полэннианин и не надеялся; Кандрон ошибался крайне редко. Любые системы время от времени допускают утечку информации, но к системе, которую он возглавлял, это будто бы не относилось.

Нэдрек был готов воспользоваться малейшим шансом. День за днем обшаривали пространство сконструированные им лично необыкновенно чувствительные датчики, разнообразные лучи слежения, поглотители излучений и прочие хитроумные приборы. Стандартные детекторы, конечно, были бесполезны: нелепо предполагать, что бывшего владыку Онло можно обнаружить каким-нибудь обычным способом разведки. И пока космокатор полэннианина мчался по линии, на которой вероятнее всего можно было найти следы деятельности Кандрона, около пятидесяти точнейших приборов постоянно пронизывали иглами лучей обширный район космоса, создавая сеть, где ни один крохотный осколок метеорита не пролетел бы незамеченным.

Таким образом Нэдреку удалось определить местонахождение практически невидимого во всех диапазонах космокатора Боскома, и в тот же миг к обнаруженному судну противника прикрепилась не менее трех усовершенствованных установок слежения. Нэдрек перешел в инертный режим полета, начал вычислять курс боскомианского катера и скоро установил, что направление

его движения меняется совершенно непредсказуемо, то есть судно управляется набором случайных чисел, возникающих по законам статистики. Значит, это ловушка.

Такое открытие взволновало Нэдрека не больше, чем любое подобное происшествие за последние двадцать с лишним лет. Он полностью отдавал себе отчет, что обнаруженная им утечка информации могла быть как случайной, так и преднамеренной. Нэдрек всегда трезво оценивал возможности Кандрона, а вот случилось ли тому недооценить своего противника, покажет лишь будущее. «Безусловно, — решил ленсмен, — стоит последовать за катером и посмотреть, нельзя ли использовать ловушку против ее создателя.»

Нэдрек аккуратно повторял все повороты бессмысленного курса космокатера, пока не произошло то, чего полэнанин ждал: суденышко придерживалось одного направления дольше, чем позволяли законы статистики. Это могло означать лишь одно: космокатер возвращался для очередного обслуживания на базу. Именно этого и дожидался ленсмен. Его интересовало вовсе не маленькое судно, а база, выпустившая его на охоту. Иного способа обнаружить ее местонахождение не было: никакого фиксирующего излучения базы такого класса не генерировали.

И Нэдрек последовал за катером на боскомианскую базу. Сказать, что он был настороже, приближаясь к ней, значит, ничего не сказать. Он готовился выдержать по крайней мере один, а возможно, и несколько ударов противника; иного способа получить достаточно полную информацию о системе обороны ленсмен не знал. Когда эти удары достигли цели, он спокойно наблюдал за происходящим издали, анализируя информацию, собранную приборами во время краткого контакта, который привел в действие излучатели Боскома.

Настолько мимолетным, незначительным, почти призрачным было прикосновение Нэдрека, что сбитый с толку персонал базы не мог совершенно определенно утверждать, что их вообще кто-либо посетил. А если все же посетил, то, по всей вероятности, и визитер, и его судно уже давно распались на атомы. Тем не менее Нэдрек выждал — а это он умел делать превосходно — пока повышенная бдительность персонала не притупится, и начал работать.

Первым его действием было ультрамедленное движение, не более миллиметра в час, синхронизированное

с колебаниями следящего поля и настолько малозаметное, что уровня возбуждения просто не хватило, чтобы сработал хоть один сигнал тревоги.

Пересекая одну линию обороны за другой, Нэдрек приближался к центральному куполу базы. Она оказалась небольшой, укомплектованной, как и предполагал ленсмен, беглецами с Онло. Он знал, что жажда насилия и жестокость этих существ намного сильнее, чем у тех, с кем он сталкивался в онлонианской крепости Кандрона. Для того чтобы держать в узде столь неуправляемых работников во время длинных вахт, на базе постоянно находился врач-психолог, чей авторитет соответственно был выше всех — кроме, разумеется, командира базы. Знание об этом, как и то, что на планете действовал всего один купол, заставило бы полэнианина ухмыльнуться, если б только он был способен выдавить улыбку.

Психолога, как и всех на базе, защищал многослойный ментальный экран, но это не смутило Нэдрека. Киннисон много раз открывал точно такие же экраны, причем не только собственными руками, но и с помощью челюстей собаки, ног паука и даже извивающегося тела червя. Последовав примеру товарища, при помощи квазичетырехмерной формы жизни, не поддающейся описанию, Нэдрек вскоре удобно устроился в сознании онлонианина.

Это существо по долгу службы в совершенстве знало слабости своих подопечных. В его обязанности входило контролировать их, манипулируя сознаниями персонала так, чтобы в процессе работы возникало как можно меньше конфликтов, трений и срывов. Сейчас же психолог принялся делать прямо противоположное. Один ненавидел другого. Эту ненависть он превращал в выжигающую разум навязчивую идею, требующую концентрации всех сил и способностей на уничтожении объекта ненависти. Один боялся другого. Этот страх пожирал его существо, лишая возможности трезво смотреть на окружающих и самого себя. Многие завидовали своим начальникам. Это чувство не приходилось усиливать, оно и без того быстро расцветало, заглушив и подчинив себе остатки разума существа, в мозгу которого поселилось.

Список отвратительных, разрушительных и испепеляющих сознание эмоций, которыми хладнокровно и безжалостно управлял Нэдрек, можно продолжать еще дол-

го. Будто играя на сатанинском органе, он касался тут нерва, там синапса, где-то — канала коммуникации, подводя всех находившихся на базе, кроме командира, к точке взрыва. Ни одного признака его деятельности нельзя было обнаружить, наблюдая за базой со стороны: каждый онлонианин, проводя долгие годы в беспрекословном подчинении железному кодексу Боскома, отлично знал, какими последствиями чревато открытое нарушение дисциплины.

Наконец настал миг, когда эмоции возобладали над здравым смыслом. Один из монстров споткнулся, толкнув другого. В переполненном болезненно разросшимися гибельными страстями уме это было расценено как смертоносная атака заклятого врага. Мгновенно в лапах пострадавшего вспыхнул излучатель: он собирался дорого продать свою драгоценную жизнь. Этот мелкий эпизод сыграл роль детонатора, и через мгновение базу охватило пламя ярости и ненависти. Ревели бластеры, сверкали ножи и топоры, когти и зубы впивались в плоть напарника по вахте, разрывая его на куски под звук удовлетворенного рычания. Нэдрек, который так долго контролировал мозг психолога, с чувством выполненного долга наблюдал отвратительную резню, от первого выстрела до гибели последнего онлонианина. Уцелел лишь командир базы, спрятавшийся в специально укрепленном помещении. Через девяносто шесть и четыре десятых секунды все было кончено. «Отличная работа,» — мысленно похвалил себя ленсмен.

Как только все стихло, командир, решив, что находится теперь в относительной безопасности, отважился выглянуть наружу, чтобы осмотреть базу. Изумленный, подавленный, растерявшийся, он стал легкой добычей для полэнианина. Нэдрек вошел в его мозг и подробно изучил содержимое, однако вскоре убедился, что этот Номер Один не знает ровным счетом ничего.

Он не стал разрушать крепость. Он установил в убежище командира небольшой прибор, забрал неудачливого начальника базы на космокатер и увел его на некоторое расстояние от планеты. Заняв удобную для себя орбиту, он лишил своего пленника возможности двигаться, не воспользовавшись при этом ни веревками, ни цепями, а просто пережав несколько нервных окончаний. Затем ленсмен по-настоящему проанализировал глубины сознания пленника — канал за каналом, клетка за клеткой. Над ним, несомненно, поработал мастер; скорее всего,

сам Кандрон. Ни малейшего следа постороннего вмешательства; ничто не указывало, какие именно стимуляторы и мотивы были использованы в столь тонкой работе. Все, что знал онлонианин, укладывалось в несколько фраз жесткого приказа: удерживать базу, не допуская вторжения извне, и наблюдать за катером, летящим по случайному курсу, подавая в определенные промежутки времени условный сигнал.

Даже после микроскопически подробного исследования ленсмен ничего не узнал ни о Кандроне, ни об Онлю или Трейле, ни о какой-либо организации боскомиан, их деятельности или целях. Но так как Нэдрек по своей природе просто не мог расстроиться или возмутиться тщетностью собственных усилий, он принялся обдумывать, можно ли использовать эту ловушку, чтобы в нее попался тот, кто ее создал. Очень скоро ползниианин пришел к выводу, что это непременно нужно сделать. Он решил остаться в этой системе, изучая ее планеты, пока реле, оставленное на базе противника, не зафиксирует некий сигнал.

В эту минуту очередную цепь сложных логических построений ленсмена прервал вызов от Карен Киннисон, одного из немногих теплокровных существ, с которыми он считался, питая к девушке даже некоторое уважение.

— Занят, Нэдрек? — спросила она так, будто рассталась с ним всего полчаса назад.

— В целом, да. Конкретно, сейчас, нет. Тебе нужна моя помощь, чтобы решить какую-нибудь небольшую задачу?

— Не совсем так. Скорее, достаточно крупную. Я только что получила самый забавный ментальный сигнал из всех, о каких мне вообще доводилось слышать. На очень высокой частоте, вон там. Может, ты знаешь расу, которая мыслит в этом диапазоне?

— Боюсь, что нет. — Он ненадолго задумался. — Нет, совершенно точно.

— Вот и я не знаю. Сигнал явно не предназначался для широкого вещания, он был направлен всем представителям какой-то определенной расы, очень специфической. По классификации они имели бы сплошные Z, по первым десяти или даже двенадцати пунктам. Я пыталась представить их себе...

— Холоднокровная раса предельного типа, приспособленная к жизни в среде с температурой около абсолютного нуля.

— Вот-вот. Похожи на тебя, только еще более странные. — Кэй помолчала, пытаясь представить картину, которую ей из-за привычки к трехмерному мышлению понять было нелегко. — Еще оно похоже на айхов, но не очень. Его видимый образ был расплывчатым, текучим... Аморфным... Неопределенным?.. Оставим это. Я не смогла даже толком воспринять их, не то что описать. Мне бы хотелось, чтобы ты поймал этот сигнал.

— Мне тоже это интересно. Но скажи-ка, если мысль была направленной, как ты вообще умудрилась принять ее?

— Это и есть самое забавное. — Нэдрек почувствовал, что девушка нахмурилась. — Она пришла ко мне одновременно со всех сторон. Я никогда не ощущала ничего подобного. Естественно, я попыталась определить источник сообщения, но прежде, чем мне удалось хотя бы приблизительно уловить направление на него, он... он... Ну, не исчез, но и не ослаб, а что-то с ним произошло. Больше я не сумела прочесть ничего, и это меня по-настоящему беспокоит. — Кэй запнулась, потом продолжила: — Он не то чтобы ушел, скорее опустился куда-то, но я не понимаю, как. Потом он пропал, никуда по-настоящему не уходя. Я не смогла разобраться во всем этом... просто не сумела... Но, может, тебе мой рассказ о чем-то говорит?

— Мне очень не хочется тебя огорчать, но я ничем не могу помочь.

А не мог Нэдрек помочь девушке по очень важной причине. Кей обладала мозгом, всю мощь, размах, глубину и диапазон мышления которого она сама не осознавала и не могла воспринять даже очень смутно. Полностью оценить силу ее разума могло лишь взрослое существо не ниже третьего уровня мышления. На самом деле она, сама не подозревая, что такое возможно, восприняла ментальный сигнал четырехмерного пространства. Если бы Нэдрек получил его, он смог бы понять и опознать сигнал, но лишь потому, что прошел специальное обучение на Аризии; ни один ползниянин, кроме него, не справился бы с этим. Кроме того, он и представить не мог, что какое-то теплокровное и поэтому, безусловно, трехмерное существо ухитрилось каким-то образом принять четырехмерную мысль; или, еще более невероятно, извлечь из нее информацию. Тем не менее, если бы он попытался сосредоточиться на том, что хотела сообщить ему Карен, он без труда опознал

бы очень точное описание трехмерной проекции ментального сигнала высшего порядка и тогда вплотную приблизился бы к полному пониманию того, кто такие Дети Линзы. Но он не пожелал отнестись к этому всерьез. Для него было принципиально непонятно, зачем вникать в проблему, да еще требующую больших усилий, никак не связанную с задачей, над которой он сейчас работал.

Из-за такого полного безразличия к посторонним вопросам ни ему, ни Карен Киннисон не суждено было узнать в тот день, что девушка вошла в контакт с одним из злейших исконных врагов Цивилизации, что она с проницательностью и невероятной телепатической точностью увидела непередаваемое в терминах трехмерного пространства существо, переживавшее зимний период и принадлежавшее к чудовищной расе далекой враждебной планеты Плур.

— Я боялась, что ты не сможешь, — возникла четкая мысль Кей. — Мне кажется, это настолько важно, тебе стоит бросить все, чем ты занимаешься, и присоединиться ко мне, чтобы разобраться вдвоем.

— Я должен выследить Кандрона, и ничего во Вселенной нет важнее этого, — спокойно возразил Нэдрек. — Ты заметила, что у меня здесь валяется?

— Да. — Карен, находясь в ментальном контакте с Нэдрекком, конечно, знала о пленнике, но не удосужилась поинтересоваться, что здесь делает это чудовище. Имея дело с Нэдрекком, она — в отличие от большинства женщин — проявляла столь же мало любопытства, как сам ленсмен, полностью лишенный эмоций. — Но ведь оно ничем не может помочь тебе, так зачем ты держишь его здесь живым или, точнее, не совсем мертвым?

— Потому что он наверняка свяжет меня с Кандроном. — Нэдрек с Полэна был как никогда близок к злорадству. — Это агент Кандрона, помещенный на базу им лично со специальным заданием уничтожить меня. Только в мозгу Кандрона содержится ключевая комбинация, которая может восстановить его память. Ну вот, в будущем, — может, через секунду, а может, через пару сотен лет — Кандрон воспользуется этим ключом, чтобы узнать, как поживает его подчиненный. Мысль Кандрона активизирует мой ретранслятор в куполе, комбинация импульсов поступит в этот все еще живой мозг. А мозг-то находится в моем космокатере, а вовсе не в той крепости, которую я специально не тронул. Теперь

ты понимаешь, конечно, что я никак не могу уходить слишком далеко от базы этого создания. Лучше уж ты присоединяйся ко мне, и мы вместе прекрасно проведем время.

— Нет, этого я совершенно точно делать не стану, — решительно воспротивилась Карен. — Я не могу даже представить, что мне придется ближайшие десять-двадцать лет провести, вращаясь вокруг этой планетки и ничего не делая. Но я бы очень хотела все-таки помочь тебе. Если что-то действительно произойдет, ты можешь немедленно вызвать меня, и я откликнусь.

Связь оборвалась без формальных прощаний: Нэдрек занялся своим делом, Карен своим. Однако далеко уйти она не успела. Она продолжала обдумывать, куда именно ей направиться, чтобы разрешить мучивший ее вопрос, когда ощутила ментальный сигнал, который мог быть послан только ее братом или аризанином. Это оказался Кит.

— Привет, Кэй! — теплое чувство близости охватило ее. — Как поживаешь, сестренка? Ты уже выросла?

— Ну конечно, я уже взрослая! Что за вопрос!

— Не сердись, Кэй, это не праздное любопытство. Пусти-ка меня, я сам взгляну. — Всякое легкомыслие пропало, он подробно и методично изучал ее сознание. — Не так уж плохо для малышки. Отец был бы доволен тобой, если б мог подойти к тебе так близко... Нам предстоит много работы, и к тому времени, когда она начнется, ты, похоже, будешь готова к ней.

— Перестань болтать, Кит! — фыркнула она и довольно сильно щелкнула его ответным ментальным сигналом. Киту было уже не так легко противостоять удару сестры, как раньше, но он не обратил на это внимания. — Какая работа? Ты хоть сам-то понимаешь, что говоришь? Я занята делом, которое не прервала даже ради Нэдрека, и не думаю, что все брошу и полечу к тебе.

— Тебе придется послушаться, — Кит явно сердился. — Мать должна приступить к работе на Лирани, и велика вероятность того, что там появится нечто, с чем она не сумеет справиться. Было бы неплохо, если б я сам мог присмотреть за ней, но по известным тебе причинам я не могу задерживаться на Лирани. Сама видишь, сестренка, что, кроме тебя, этим заняться некому, так что отправляйся туда.

— И не собираюсь! — бушевала она. — Я не могу, я

очень занята. Почему ты не попросишь Кон, или Кэт, или Кам?

— Они не подходят, — терпеливо объяснял брат. — Случай очень трудный, ты сама это увидишь, и там требуется именно твоя степень устойчивости.

— Устойчивость, тьфу! — фыркнула Кэй. — Чтобы справиться с этими девицами с Лираны? Боже мой, они воображают, что очень сильны, но ведь...

— Послушай, глупый цыплёнок! — ядовито прервал ее Кит. — Ты пытаешься все поставить с ног на голову. Прекрати немедленно! Я рассказал тебе все, что знал. Тебе известно, что ситуация на этой планете нуждается в контроле, и ты именно тот человек, который должен взять это дело на себя. Так нет же, только потому, что я прошу тебя сделать что-то, ты упрямисься и норовишь удрать неизвестно куда...

— Помолчите, дети, и послушайте! — Оба замерли, ощутив, что между ними встал Наставник. — Какой-нибудь более слабый мыслитель уже отчаялся бы сделать из вас что-нибудь путное. Но мне пока удается ясно видеть истинное направление вашего развития. Сформировать достаточно успешно такие характеры, как ваши, и не нанести при этом вреда — очень сложная задача. Тем не менее, она будет выполнена. Кристофер, ты должен немедленно прибыть ко мне. Карен, я полагаю, что ты отправишься на Лирану и будешь делать там все, что сочтешь нужным.

— Не пойду. У меня и здесь есть чем заняться! — Карен спорила даже с древним Ментором Аризии.

— Прочее, дочь моя, может подождать и подождет. Я совершенно точно могу сказать, что, если ты не отправишься сейчас на Лирану, ты никогда не найдешь даже самого слабого намека на то, что хочешь выяснить.

Глава 12

ЗАГАДОЧНАЯ КАЛОНИЯ

Кристофер Киннисон направился к Аризии, все еще кипя от негодования. Почему в головах его драгоценных сестер невозможно отыскать ни капли здравого смысла? Вот если бы у него был хоть один брат... Ох уж эта Кэй! Даже самое примитивное существо сразу

бы поняло, что дело важное, и не стало бы визжать на все пространство, как поросенок. Будь он Наставником, он бы живо вправил ей мозги. Правда, однажды он решил заняться этим сам... Кит криво ухмыльнулся, вспомнив, что тогда произошло. То, что сделал с ним Наставник, едва он успел приступить к воспитанию маленькой нахалки, было достаточно неприятно. Ему еще долго хотелось при встрече так тряхнуть сестренку, чтобы у нее зубы застучали.

Но ведь он так и не сделал этого. Даже в воображении Кит не мог представить себе, что может обидеть кого-то из девчонок. Они были замечательными малышками — в сущности, самыми лучшими из людей, каких он только знал. Конечно, он не раз скандалил с ними и даже иногда дрался, но он любил их, а они любили его. Он мог справиться с любой из них — Кит с явной гордостью окинул взглядом свое мощное тело, двести с лишним фунтов сплошных мускулов — конечно, мог бы, поскольку весил в полтора раза больше любой из них, — хотя это было бы непросто. Даже сложнее, чем поединок с валерианином.

Стоп! Вес тут не при чем. Он еще не встречал валерианина, которого не смог бы уложить на ковер через минуту схватки, а ведь самый мелкий из них весил вдвое больше Кита. С другой стороны — хотя он никогда раньше об этом не думал, — то, что его сестры легко могли стерпеть от него, не получив ни единого синяка, любую нормальную женщину просто прикончило бы на месте. Они были сделаны из другого теста.

Его мысли приняли новое направление. Сестренки сильно отличались от других еще в одном, как он заметил много позже. Это тоже могло иметь отношение к тому, о чем он размышлял. Они чувствовали не так, как другие девушки. После танца с одной из сестер прочие партнерши казались Киту похожими на роботов, сделанных из тянучки. Их плоть была совершенно иной: тверже, тоньше и бесконечно более отзывчивой. Казалось, их плоть наделена собственной жизнью, которая, переплетаясь с энергией его собственных клеток, делала их тела невероятно понятными друг другу — так же, как и их превосходно синхронизированные сознания.

Но какое это все имеет отношение к недостатку у них здравого смысла? Хорошо, они приятные девушки... Превосходно, он не может справиться с ними ни физически, ни ментально... Но, черт возьми, ведь должен

существовать какой-то способ внедрить в их непробиваемые мозги самую обыкновенную способность трезво смотреть на жизнь!

Кит достиг Аризии, так и не разобравшись в путанице собственных мыслей. Он преодолел барьер, не тормозя и не посылая опознавательных сигналов; затем перевел корабль в инертный режим полета и вывел его на орбиту, проследив, чтобы она целиком попала в аризианский экран. Молодой Киннисон точно знал, что это за экраны и для чего они нужны. Ему было известно, что расстояние само по себе не имеет значения: Наставник мог преподавать ему любой курс обучения как на дистанции в миллион парсеков, так и сидя рядом. Единственной причиной, по которой существовали экраны и требовались личные визиты, были эддориане с их столь же высокоразвитыми сознаниями, как и разумы самих аризиан. И в бесконечных просторах Вселенной только за этими специально изготовленными экранами можно было надеяться сохранить тайну от вездесущих сенсоров извечных врагов Аризии.

— Пришло время, Кристофер, для последнего этапа обучения, который я могу дать тебе, — объявил Ментор, не тратя времени на предисловия, едва Кит окончательно вывел свой катер на орбиту.

— Уже? Я думал, вы вызываете меня, чтобы хорошенько вздуть за нашу стычку с Карен.

— Хотя это лишь небольшой эпизод, он ценен, так как показывает сложности, неизбежно связанные с процессом становления таких интеллектов, как ваши. По пути сюда ты блестяще обобщил сложившуюся ситуацию, хотя допустил одну серьезную ошибку.

— Да? Какую же?

— Ты все время предполагал и продолжаешь предполагать, как привык делать это по отношению к своим сестрам, что ты всегда и во всем прав, что только твои выводы стоит принимать во внимание.

— Но, черт возьми, так оно и есть! Вы же сами в конце концов отправили Кей на Лирану!

— В конфликтах со своими сестрами ты был прав примерно в половине случаев, — сказал Наставник.

— А когда они спорят между собой?

— А они спорят?

— Ну как... М-гм... Не могу утверждать, что когда-нибудь слышал об этом. — Кит был явно удивлен. — Но они так часто спорят со мной, что скорее всего...

— Вовсе нет, твои сестры живут на удивление дружно, и тому есть веская причина. Мы можем ее обсудить прямо сейчас, поскольку это все равно необходимая часть обучения, которая тебе предстоит в самом ближайшем будущем. Ты уже знаешь, твои сестры сильно отличаются друг от друга. Дело в том, что каждую обучали особым образом, чтобы она ни в чем не походила на других, поэтому у них нет ни одной точки соприкосновения; следовательно, невозможны и конфликты.

— Гм... М-гм... — Киту потребовалось некоторое время, чтобы осознать услышанное. — А что же тогда может означать то, что все они постоянно спорят со мной?

— Да, это хотя и прискорбно, но неизбежно. Каждая из твоих сестер, как ты сам догадываешься, призвана сыграть важную роль в грядущих событиях. Ленсмены и все мы, аризияне, также внесем свой вклад, но на вас, Детей Линзы, особенно на девушек, выпадет самое трудное. Твоей задачей будет координация. Ни аризиянин, ни кто-либо другой не сможет квалифицированно справиться с этим. Тебе придется направлять усилия твоих сестер, поддерживать важные направления атаки своей мощью, превосходящей возможности любого другого существа в Галактике. Кроме того, ты будешь учитывать и соответственно направлять более слабые силы: аризиан, ленсменов, Патруля и любые другие, которых мы сможем привлечь на свою сторону.

— О, святой Клоно! — Кит задыхался, как рыба, вытащенная на сушу. — Ради всего святого, Наставник, откуда вы взяли, что я со всем этим справлюсь? Что касается координации малышей, это исключено. Если я хоть что-нибудь скажу любой из них, она тут же забудет о битве и бросится на меня. Нет уж, спасибо!

— Правильно. Это всегда будет так. Теперь, юноша, когда я все рассказал тебе, попытайся объяснить мне услышанное. Это будет небольшой разминкой перед обучением.

— Попробую. — Кит ненадолго задумался. — Между девочками не возникает конфликтов, потому что их поля не перекрываются. Все они конфликтуют со мной, ибо мое центральное поле перекрывает всех их. Им никогда не приходилось спорить с кем-либо еще, как не приходилось и мне, так как с точки зрения всех других существ мы всегда правы. Исключение составляют, пожалуй, полэниане и им подобные, мыслящие совершенно иначе, чем мы. Так, Кей никогда не пытается воз-

ражать Нэдреку. Когда у них возникают разногласия, она просто не обращает на него внимания и продолжает заниматься своими делами. Но нам предстоит научиться как-то разбираться между собой. Может быть...

— Это все детский лепет. Когда ты повзрослеешь, уже совсем скоро, сам поймешь это. Давай займемся делом.

— Подождите! — запротестовал Кит. — Я никак не могу быть координатором. Я еще слишком молод! Я буду готов взять на себя такую ответственность не раньше, чем через тысячу лет.

— Ты должен, — непреклонно ответил Ментор. — И, когда придет время, будешь готов. Теперь, юноша, ходи в мое сознание.

Вряд ли стоит подробно повторять описание супер-обучения на Аризии, особенно если учесть, что самое точное перечисление важнейших его деталей лишено смысла для умов ниже третьего уровня. Когда Кит наконец собрался покинуть Аризию, он выглядел намного более взрослым и зрелым человеком, чем раньше, да и сам он ощущал себя значительно старше, чем выглядел. Между Кристофером и Наставником состоялась заключительная беседа.

— Теперь ты знаешь, Кристофер, — подвел итог Наставник, — кто вы и каково ваше предназначение. Вы — итог работы, занявший много жизненных циклов. И я полностью удовлетворен, ибо эти жизненные циклы прошли не напрасно.

— Ваши, вы хотите сказать. — Кит был смущен, но один вопрос все еще волновал его. — Отец встретил мать и женился на ней, а как же все остальные? Трегонси, Ворсел и Нэдрек? Они, как и женщины соответствующих рас, тоже потомки родов, столь же древних, как наш? Я полагаю, что вы, аризиане, решили, будто человеческая линия самая лучшая, и потому никто из других ленсменов Второй Ступени так и не встретил свою пару, верно?

— А, юноша, мне очень приятно, что ты обратил на это внимание! — Мысль аризианина совершенно определенно была окрашена радостью. — Так ты ни разу не заметил ничего особенного в том, кто тебе известен как Ментор с Аризии?

— Ну конечно, нет. А почему вы думаете, что я мог что-то заметить?

— Любая ошибка с нашей стороны, даже небольшая,

самое незначительное отклонение в синхронизации обнаружило бы, что я, кого ты знаешь как Наставника, вовсе не одна личность, а четыре. Хотя над всеми экспериментами мы работаем как отдельные индивидуумы, встречаясь с любым из ленсменов Второй или Третьей Ступени, мы действуем как единое целое. Это необходимо не только для наиболее успешного вашего развития, но и для того, чтобы быть уверенным, что каждый из нас обладает всей полнотой информации. Хотя не было особого смысла сохранять вас в неведении, то, что вы не раскрыли нашей тайны, даже став взрослыми, показывает, что мы действительно неплохо работаем.

Кит присвистнул. Других способов выразить свое изумление ленсмен Третьей Стадии не нашел.

— Но вы пока останетесь Наставником? — спросил он.

— Да. Главное, то, ради чего мы работали всю жизнь, еще впереди.

— Превосходно. Вы говорите, что я взрослый. Это не так. Вы уверяете меня, что мои возможности превышают ваши на несколько порядков. Я бы рассмеялся, если б ситуация не была столь серьезной. С чего вы это взяли, когда любой из аризиан забыл за свою жизнь больше, чем я знаю, и может завязать меня узлом, даже пальцем не коснувшись!

— В твоих мыслях есть доля правды. То, что тебя можно теперь считать взрослым, не значит, конечно, что ты приблизился к постижению себя и своего могущества. Я лишь имел в виду, что ты способен полностью использовать то, что имеешь, и приобретать другие, все более широкие возможности.

— Но какие именно? О чем вы говорите? — казалось, Кит окончательно сбит с толку. — Тысячи раз я пытался получить ответ на этот вопрос, а вы тысячи раз уклонялись от разговора, и сейчас я снова знаю не больше, чем прежде!

— Тебе предстоит создать собственные способы использования великих сил, скрытых в сознании. — Мысль Ментора прозвучала как окончательный приговор, голос Судьбы. — Потенциально твой мозг существенно выше моего. В свое время ты сможешь полностью проникнуть в мое сознание и познать меня, а я никогда не смогу приблизиться к тебе. Для слабого, хотя и вполне развитого, сознания пытаться давать советы сильному,

пусть только приступающему к становлению — значит, ограничить развитие более совершенного ума своими узкими рамками, что могло бы нанести непоправимый вред. У тебя есть способности и силы; ты должен сам развить их, совершенствуя методы познания Вселенной, о которых я ничего не могу сказать тебе.

— Но вы могли хотя бы намекнуть! — взмолился Кит. — У меня нет жизненного опыта, я даже не знаю, с чего начать!

Перед изумленным мысленным взором Кита Наставник разделился на четыре части, соединенные между собой столь сложными и быстрыми ментальными связями, что они оказались почти незаметными. Мид — и части снова слились. Наставник опять заговорил:

— Я могу указать тебе путь, но лишь в общих чертах. Мне разрешено предложить тебе один намек или, скорее, одну иллюстрацию. Единственный достоверный тест любого знания, известный нам — предсказание Космической Целостности. Наука, как тебе известно, едина; истинный ключ к неограниченному могуществу лежит в познании причин, скрытых за чередой событий. Если это чистая причинно-следственная связь — то есть, если любое данное состояние вещей возникает как неизбежное следствие состояния, предшествующего данному на бесконечно малый промежуток времени, — тогда все, что может произойти с любым объектом макровселенной, было бы жестко задано в момент его появления. Это хорошо известная концепция, неоднократно ставившая в тупик многих мыслителей ранних эпох. Теперь мы знаем, что она ложна. С другой стороны, если миром правит чистая случайность, то законы природы, как мы понимаем их, не могут существовать. Это означает, что ни жесткие причинно-следственные связи, ни чистый случай не могут лежать в основе существования Макрокосмоса.

Истина, как всегда, лежит где-то посередине. В макромире преобладает причинность, в микромире — случайность. Все это происходит в полном соответствии с математическими законами вероятности. Именно в области, находящейся между ними — промежуточной, или переходной, — возникают наибольшие трудности. Критерием правильности любой теории, как тебе известно, служит точность предсказаний, которые можно сделать на ее основе. Величайшие из наших мыслителей показали, что полнота и точность предсказаний Космической Целостности прямо пропорциональна точности

определений компонентов переходной зоны. Познание этой не поддающейся детерминации области будет означать овладение бесконечным могуществом и статистически совершенной прекогнитикой. Естественно, ни то, ни другое нельзя реализовать. Чтобы приобрести бесконечно полное знание, нужен неограниченно долгий срок.

Вот все, что я могу сказать тебе. Тщательно обдумав все это, ты получишь достаточно информации. Я дал тебе крепкую основу, и лишь ты сам можешь возвести на ней здание, достаточно прочное, чтобы противостоять силам, которые обрушатся на него.

Совершенно естественно, учитывая, что ты недавно пережил, ты оцениваешь борьбу с эддорианами как исключительно сложную. На самом деле это не так, ты поймешь это, когда пройдет несколько недель, в течение которых твое сознание будет перестраиваться и интегрировать полученные знания. Ты не должен и, по моей оценке, не можешь потерпеть неудачу.

Связь отключилась. Кит, шатаясь, добрался до панели управления, перешел в режим свободного полета и направил катер на Кловию. Чувствовал он себя в высшей степени неуверенно. Он просил совета, а что получил? Диссертацию по философии, математике и физике; возможно, очень неплохую, если бы знать, что Наставник имел в виду, но ощутимой пользы от нее пока нет. Голова забита до предела, и он понятия не имеет о половине вещей, которые там поместились. Пожалуй, лучше всего сейчас поспать, надеясь, что все устроится само собой.

Он так и сделал. Пока Кит лежал расслабившись, отдельные кусочки невероятно сложной головоломки постепенно начали вставать на свои места.

Обычные звильники, вся мелкая рыбешка выловлена достаточно основательно. Как и Владыки Дельгона, калониане... Гм... калониане... Это лучше обсудить с отцом. Остатки айхов находятся под контролем, как и Кандрон с Онло; Икс в надежных руках, об этом позаботится Кам. Какая-то планета, которую Наставник назвал Плуром... Что, во имя всех пурпурных адов Полэна, он имел в виду? Как бы то ни было, этот кусочек мозаики пока никуда не подходил. Эддор... При мысли о нем по спине молодого ленсмена побежали мурашки. Эддор достанется на его долю; это Ментор сказал достаточно определенно. Все, что аризiane создавали многие и многие миллионы лет, должно теперь послужить ору-

жием против эддориан. Его выбрали для руководства, хотя Кит не понимал, как человек может координировать атаку против того, о ком сам ничего не знает? Единственным способом поближе познакомиться с Эддором и его обитателями было отправиться туда. Может, обратиться к сестренкам? Пожалуй, нет. Им достаточно собственных дел, тем более, что каждой из них нужно, как и ему, работать над собственным развитием. Чем дольше Кит размышлял, тем яснее становилось, что первым пунктом программы его самоусовершенствования должна стать экспедиция на планету основных врагов Цивилизации.

Он вскочил с койки, изменил курс катера и связался с Киннисоном-старшим.

— Отец? Это Кит. Я лечу с Аризии, и мне в голову пришла одна идея, которую хотелось бы обсудить с тобой. Это касается калониан. Что ты о них знаешь?

— Они синие...

— Я имею в виду не это.

— Понимаю. Ха'Исса был из них, Джалт, Прелин, Кроуншильд... Пожалуй, больше никого не могу припомнить. Агенты высокого класса, сынок, весьма энергичные и проницательные создания. Но сейчас все они принадлежат истории... Стоп! Кажется, я знаю еще одного, вполне современного, посещавшего видения некоего Эдди. В истории с ним пахло Линзой... слегка, в его весьма сумбурных воспоминаниях... Подожди, сейчас я вытащу эту картину, и мы вместе внимательно посмотрим. — Оба ленсмена вглядывались в туманное изображение, зафиксированное в сознании старшего из них. — Как ты считаешь, может он был калонианином?

— Проверим. Не могу ничего сказать наверняка. А Линза видна превосходно... Ты, конечно, проверял ее?

— Ну да! Она совершенно неправильна во всех отношениях — не тот ритм, спектр, наполнение и аура. Она совершенно точно не аризианская. Значит, Боском. Именно этого я всегда опасался.

— Проверь еще раз. Это может иметь отношение к тому, о чем я хотел с тобой поговорить. Не знаю, обращал ли ты внимание, но никто, включая тебя и меня, не располагает ни малейшей информацией о Калонии. Я рылся в памяти целых пять часов, а ведь ты знаешь, какова моя память, и обнаружил, что совершенно точно слышал еще о двух калонианах. Они также были важными шишками. О самой планете я ничего не знаю.

Мне кажется поразительным, что все мои знания о Калонии сводятся к информации о том, что с нее происходят семь звильников высокого ранга, шестеро из которых действовали еще до моего рождения.

Кит ощутил, что отец изумлен.

— Надо же, ведь и я не могу вспомнить что-нибудь об этой планете, — сообщил наконец Киннисон. — Но держу пари, что смогу снабдить тебя полной информацией через пятнадцать минут.

— Тебе не хватит и пятнадцати дней. Хотя когда-нибудь ты ее, вероятно, раздобудешь, если это вообще возможно. Именно поэтому я и обратился к тебе. Я ни в коем случае не собираюсь отдавать приказы Серому Ленсмену, — это шутливое вступление стало своего рода ритуальным в семье Киннисонов, — но у меня есть скромное предположение, что между этой совершенно неведомой планетой и некоторыми неизвестными до сих пор нам факторами Боскома существует прямая связь.

— Скромное! — рассмеялся Серый Ленсмен. — Я прямо сейчас начну искать сведения о Калонии. Что касается пятнадцати дней, то я все-таки готов заключить с тобой пари, и буду счастлив получить свой выигрыш. Ты просто не знаешь наших библиотекарей и их системы. Ставлю цент на то, что мы будем располагать необходимыми данными меньше чем через пять дней. Согласен?

— Идет. Я буду носить эту монету на своей форме вместо медали — как награду за победу над Серым Ленсменом. Может, чего-то я и не знаю, но размеры двух галактик, где вам предстоит копать, мне отлично известны!

— Договорились. Я свяжусь с тобой, как только будут готовы данные. Помни, Кит, ты мой любимый сын.

— Да и ты не так уж плох. Чистого пространства, отец!

— Чистого пространства, сынок.

Глава 13

КЛАРИССА СТАНОВИТСЯ ЛЕНСМЕНОМ ВТОРОЙ СТАДИИ

Лишь через несколько тысяч лет Кристоферу Кинни-

сону предстояло овладеть искусством прекогнистики всей Вселенной на основании изучения одного-единственного факта. Пока же он не мог даже в общих чертах представить, как провести разведку на Эддоре, не имея исчерпывающей информации о планете Калония и ее месте в империи Боскома. Одно неизвестное, планета Плур, уже достаточно затрудняло решение задачи, а два совершенно таинственных фактора грозили превратить ее в неразрешимую.

Как бы там ни было, решил наконец Кит, у него есть чем заняться еще до полета на главную планету грозной империи противника. Сейчас, пока делать все равно нечего, в ожидании обещанных сведений о Калонии, лучше всего выяснить весьма важный вопрос. Он послал мысленный сигнал матери.

— Привет, Первая Леди Вселенной! Говорит твой первенец, который был бы счастлив пообщаться с тобой. Не слишком ли сильно ты занята сейчас?

— Вовсе нет, Кит, — долетела до ленсмена такая же легкая и жизнерадостная, как всегда, мысль матери. — Ты, кажется, хочешь о чем-то поговорить со мной, или мне послышалось?

— Давай встретимся, ма, — предложил он. — Я совсем неподалеку, гораздо ближе, чем обычно. Подскажи мне твои координаты, пожалуйста.

— О! Неужели? Это было бы чудесно! — Она мысленно отметила свое местоположение и скорость.

Кларисса даже не пыталась скрыть радости из-за предстоящего свидания с сыном. Она никогда не просила его об этом и, честно говоря, не очень надеялась, что встретится с ним в ближайшее время. Но если он сам предложил!..

— Спасибо. Придерживайся этого курса. Через семьдесят три минуты буду у тебя. Кстати, неплохо бы нам на время прекратить всякие попытки связи, даже через Линзу.

— Но почему, сынок?

— Ничего особенного, простая мера предосторожности. Пока, ма, скоро увидимся.

Два космокатера сблизилась, и, выровняв скорости, помчались борт о борт по курсу Клариссы.

— Привет, мама! — Кит появился на экране видеофона. — Я мог бы, конечно, зайти к тебе, но лучше бы ты сама перешла на мой катер. У меня здесь есть кое-какое специальное оборудование, с которым не хотелось

бы расставаться. — Он кивнул в сторону небольшого приборчика, который сам разработал и построил. Это был наиболее мощный из всех имеющихся в Патруле ментальных экранов.

— Конечно, я приду, о чем речи!

Едва Кларисса появилась в дверях отсека управления, Кит приветствовал ее радостной улыбкой:

— Это замечательно, мама, что мы с тобой увиделись!

Слова, да и мысли, не могут передать всех чувств, доступных человеку. Голос Кита дрогнул, глаза подозрительно повлажнели.

— Да-да, это действительно прекрасно, — согласилась она, прижимаясь к могучему плечу сына, разметав у него по груди ослепительно рыжие волны великолепных волос. — Ментальный контакт лучше, чем ничего, но ему далеко до возможности обнять собственного сына!

— Совершенно с тобой согласен, — произнес Кит, немного отодвигаясь от матери и окидывая ее оценивающим взглядом: — Не кажется ли тебе, — начал он с притворным укором в голосе, — что нехорошо одной женщине иметь так много, когда у других нет почти ничего?

— Честно говоря, я сама так иногда думаю. — У нее всегда были самые близкие и дружеские отношения с сыном, но сейчас ее любовь к старшему из детей и гордость за него просто нельзя было не заметить. — Ты шутишь, я знаю, но случайно ты угадал мои тайные мысли. Иногда я просыпаюсь среди ночи и удивляюсь, почему из всех женщин на свете именно мне выпало такое счастье, и такой муж, и дети... Ладно, оставим это.

Кит понимающе улыбнулся: мама могла бы знать, что бесполезно пытаться передать словами глубинные чувства, которые ей известны так же хорошо, как и ему.

— О чем ты говоришь, мама? Когда у тебя будет свободная минута, посмотри в зеркало. Или тебе приходилось это проделывать когда-нибудь?

— Только однажды, ну, может, пару раз, не больше. — Она непринужденно рассмеялась. — Ты полагаешь, красота и обаяние возникают сами собой, без всяких усилий с моей стороны? Но, может, мы перейдем к делу? Ведь ты не будешь уверять меня, что пролетел столько парсеков специально, чтобы сказать мне несколь-

ко комплиментов? Хотя могу признать, что они бесконечно возвышают меня в собственных глазах.

— Прямо в точку. — Кит усмехнулся, но тут же вновь стал серьезным. — Я хотел поговорить с тобой о Лирани и той работе, которой ты собираешься заняться там.

— Почему? — спросила Кларисса. — Что тебе известно об этом?

— К несчастью, почти ничего. — Кит нахмурился, сдвинув брови, и стал необычайно похож на отца. — Так, догадки, подозрения, теории и ничего конкретного. Но я подумал... Мне хотелось бы знать... — Он заппнулся, смутившись, как школьник, но потом решительно продолжил: — Не сочтешь ли ты излишне нескромным, если я войду в сознание кого-нибудь из тамошних обитателей?

— Ты прекрасно знаешь, что нет, сынок. — Мысль Кита, вопреки обыкновению, была невнятной и, пожалуй, даже двусмысленной, но Кларисса поняла, что он хотел сказать. — Я не знаю ни одного предмета или события в моей или в твоей жизни, которой был бы слишком интимным, чтобы мы с тобой не могли спокойно обсудить его. А ты как считаешь?

— Конечно, но здесь совсем другое дело. Как женщина, ты самая лучшая из всех когда-либо существовавших на свете. — Это утверждение, высказанное тем же тоном, как если бы Кит сообщал, что у треугольника три угла, заставило Клариссу внутренне вздрогнуть. — Как Серый Ленсмен ты настолько выше всех прочих ленсменов того же ранга, что им до тебя расти и расти. Но ты могла бы быть полноправным ленсменом Второй Стадии, и... Короче, однажды ты можешь попасть в такую ситуацию, когда ... Ну, то есть...

— Ты имеешь в виду, что я не справлюсь? — спокойно договорила за него мать. — Я прекрасно знаю, что это неизбежно, и когда такое произойдет, мое сердце не разорвется на части. Не перебивай, пожалуйста, — остановила она попытавшегося возразить сына. — Это и правда серьезно. Меня давно мучает мысль, что, хотя я считаюсь ленсменом, мне отлично известно, кто они такие на самом деле, через что прошли, чтобы получить такое звание, не говоря уже о статусе независимости. Ты прекрасно знаешь, что я никогда не сделала ничего, чтобы заслужить это звание или подтвердить его. Его мне просто преподнесли на

блюдечке с голубой каемочкой. Я недостойна его, Кит, и все настоящие ленсмены понимают это. Они должны понимать или хотя бы чувствовать, как мне далеко до них!

— Ты пыталась когда-нибудь вслух признаться в этом кому-нибудь? Думаю, нет. — Кит внезапно успокоился, поняв, что его задача проще, чем он предполагал.

— Я не могла, Кит, это слишком глубоко во мне. Но я же сказала, что с тобой могу говорить обо всем.

— Отлично. Мы справимся достаточно быстро, если только ты ответишь мне на один вопрос. Подумай хорошенько и попытайся совершенно искренне ответить: полагаешь ли ты, что получила бы Линзу, не будучи достойной ее? Во всем, всегда, каждую секунду своей жизни?

— Но я никогда не думала об этом... Возможно, нет... Нет, конечно, нет. — Мрачное состояние духа Клариссы немного прояснилось. — Но я все еще не понимаю, как и зачем...

— Это вполне понятно, — прервал Кит. — Ты просто родилась с тем, что всем прочим приходилось добывать тяжелым трудом, имея возможности, недоступные никакой другой женщине.

— Кроме девочек, конечно, — поправила его Кларисса.

— Да, кроме наших малышей, — согласился он. — Ты можешь поверить мне как человеку, отвечающему за свои слова, что другие ленсмены знают, кто ты такая на самом деле. Им отлично известно, что аризiane не раздают Линзы кому попало. Если ты успокоилась на этот счет, можем перейти к делу, ради которого ты направляешься сейчас на Лирану. Это вовсе не тот случай, когда ты можешь с чем-то не справиться. Дело лишь в том, что у тебя меньше возможностей, чем могло бы быть и чем ты имеешь право получить. Ты действительно ленсмен Второй Стадии, и сама знаешь об этом — не пытайся возражать мне, ма, — но ты никогда не была на Аризии и не проходила завершающего обучения. Мне бы очень хотелось, чтобы ты приступала к работе, которая может сильно затянуться, не располагая всеми возможностями, которые вполне доступны тебе. Наставнику потребуется всего несколько часов, чтобы ты могла чувствовать себя совершенно по-новому. Почему бы тебе не отправиться на Аризию прямо сейчас? Или хочешь, я провожу тебя?

— Нет. НЕТ! — Кларисса отшатнулась, резко помотав головой. — Никогда, Кит. Это невозможно!

— Но почему? — юноша очень удивился. — Мама, ты действительно напугана?

— Да, я боюсь и ничего не могу с собой поделать. Ментор — единственное существо во всей Вселенной, которого я боюсь. Я могу достаточно спокойно говорить о нем, но даже мысль о том, чтобы оказаться рядом, приводит меня в ужас и заставляет дрожать.

— Понимаю... Отец знает об этом?

— Да. Вернее, он знает, что я боюсь Аризии, но даже не догадывается, насколько глубоко во мне сидит этот страх. Я никогда не хотела объяснять ему. Кимбол не должен знать, что я могу вести себя, как капризный ребенок. Так что я прошу тебя, Кит, не говори ему.

— И не собираюсь. Он сделает из меня отбивную, не дав закончить. Но я сам не вполне понимаю, почему ты так реагируешь на встречу с Наставником. Ни на секунду я не представляю себе, что ты можешь настолько бояться кого-то, но ведь и капризной тебя не назовешь... Но если барьер в сознании существует, а похоже, все именно так, и его нельзя устранить...

— Нельзя, — подтвердила Кларисса. — Я пыталась не один раз, еще с тех пор, когда ты только должен был родиться. Я прекрасно знаю, что Киннисон не научил меня всему, что необходимо, он просто не мог, и я вновь и вновь пыталась заставить себя отправиться на Аризию или хотя бы связаться с Наставником, но я не могу, Кит. Просто не могу!

— Вижу, — кивнул сын.

Он начинал понимать, что происходит. То, что она ощущала, было вовсе не страхом, а намного более глубоким чувством, чем страх, и более серьезным. Это было настоящее отвращение, глубоко скрытая, врожденная, подсознательная реакция истинной женщины гуманоидной расы, направленная на ментальное чудовище, у которого тысячелетиями не возникало ни единой сексуальной мысли. Она не могла ни проанализировать, ни понять свое чувство, однако уничтожить его, ослабить или изменить было невозможно.

— Но ведь существует еще один способ, ничуть не хуже, а для тебя даже лучше. Меня, надеюсь, ты не боишься?

— Что за вопрос! Конечно, нет... Постой, ты хочешь

сказать... — Ее выразительные глаза изумленно раскрылись, уставившись на сына. — Все дети, а ты особенно, так далеки от нас, что ты, конечно, можешь быть... А ты сумеешь? Правда, Кит?

Кит перевел часть сознания на ультравысокий диапазон.

— Я знаю методику, Наставник, но я хотел бы спросить, стоит ли браться за это?

— Да, юноша. Пришло время, когда без этого не обойтись.

— Еще одно. Я никогда не делал ничего подобного, а ведь это моя мать. Я никогда не прощу себе ни малейшего промаха. Можно ли попросить вас быть рядом со мной и присмотреть, чтобы все было в порядке?

— Я выполню твою просьбу.

— Я действительно могу сделать это для тебя, мама. — Кит ни на мгновение не задержался, отвечая на вопрос Клариссы. — Если ты, конечно, согласна довериться мне. Но предупреждаю, мало просто позволить мне войти в твоё сознание. Тебе придется потрудиться. Ощущения сравнимы с теми, какие можно получить, попав в дельгонианский пыточный зал.

— Пусть тебя это не волнует, Кит. — Кларисса вложила в эту мысль всю силу, на которую была способна. — Если бы ты знал, как давно я стремилась к этому! Приступай. Все, что ты можешь дать мне, я возьму.

— В этом я уверен. Я еще хотел сказать тебе, чтобы ты не поняла меня неправильно: Наставник показал, как это делается, и сказал, что я должен поработать с тобой.

— Наставник?

— Да, — подтвердил Кит. — Он знал, что для тебя психологически невозможно встретиться с ним, но что ты сумеешь и захочешь работать со мной.

Кларисса никак не отреагировала на его слова, но Кит решил все же дать ей время собраться с мыслями и продолжил:

— Наставник не сомневается, что хотя ты боишься его, но знаешь, что он представляет собой на самом деле, и что он значит для Цивилизации. Я не мог не сказать тебе об этом, чтобы ты не подумала, что я всего лишь птенец-недоучка, берущийся за дело, на которое способны только настоящие мужчины.

— Замолчи, Кит! Я многое могу подумать о тебе, но мысли о недоучке у меня не возникало ни разу. Ты сам придумал это, без меня.

— Не удивительно, — Кит заставил себя улыбнуться. — Мое самосознание растет на глазах. Но... Нас ожидает не слишком приятное занятие. Ты слишком красивая женщина, а я слишком сильно люблю тебя, чтобы наслаждаться перспективой безжалостно истязать тебя несколько часов подряд.

— О чем ты, Кит? — Ее настроение мгновенно изменилось, на губах заиграла столь знакомая Киту улыбка. — Надеюсь, ты не слишком ослаб со времени нашей последней встречи? Можно, я буду держать тебя за руку?

— Угу. Превосходная идея — взяться за руки, — одобрил сын. — Отлично, я готов, как и ты. Только будет лучше, если ты сядешь, прежде чем успеешь упасть.

— Хорошо, Кит. Приступаем.

Кит приступил, и первое же жуткое вторжение его сознания в мозг женщины заставило дыхание Рыжего Ленсмена прерваться, судорожно стянуло все ее мускулы и вынудило закричать от ужаса. Юноше потребовалась вся сила, чтобы противостоять ее руке, стиснувшей его пальцы в мертвой хватке. Она думала, что знает, что ей предстоит, но действительность превзошла все ожидания, и намного. Ей приходилось прежде переносить страдания. На Лиране, хотя никому и никогда она не рассказывала об этом, она получила множество ожогов и ран. Она родила пятерых детей. Но то, с чем ей пришлось столкнуться, напоминало весь ее прежний опыт физических мучений, слитый воедино и возведенный в бешеную степень. Волны жестоких страданий захватывали глубочайшие и мельчайшие чувствительные окончания и нервные волокна, а Кит все глубже и глубже проникал в ее мозг, точно зная, что делает.

Теперь, когда он начал действовать, он хладнокровно и методично переходил от одной стадии обучения к другой. Он раскрыл ее мозг так, что Кларисса даже не представляла, что такое возможно. Он разделил ее сознание на мельчайшие составляющие, подсказал разуму, как распорядиться поистине огромным пространством, оказавшимся в его распоряжении, и научил его делать это, вопреки яростному сопротивлению каждой клетки тела и мозга матери. Он повсюду открыл новые каналы связи, создавая невероятно сложную систему проводящих линий бесконечно малого сопротивления. Кит точно знал, что с ней происходит, так как недавно с ним самим проделали то же, но продолжал работать, пока не сделал все, что требовалось.

Затем они некоторое время трудились вдвоем, классифицируя и организовывая по-новому ее сознание. Потом проверили все еще и еще раз. В конце концов Кларисса изучила, и Кит знал это совершенно точно, содержимое всех до единой клеток и направление каждой связи своего существа. Все, что могло потребоваться ей в будущем или требовалось уже сейчас, безупречно действовало, мгновенно откликаясь на ее тончайшие сигналы. Тогда и только тогда Кит вывел свое сознание из ее мозга.

— Ты все еще считаешь, что мне чего-то недостает, Кит? — Она, шатаясь, поднялась, и морщась от слабости, подошла к зеркалу. Несколько веснушек на фоне бледного как мел лица казались удивительно темными. — Я совершенно разбита; похоже, мне лучше лечь...

— Скоро отдохнешь, только подожди немного. Мне хотелось бы открыть бутылочку файамена. У нас все-таки сегодня что-то вроде праздника, да?

— Да, этот день я запомню навсегда. — Кларисса отпила немного ароматной красной жидкости, и на лицо постепенно начали возвращаться краски. — Неудивительно, что я себя чувствую так, словно всю жизнь мне чего-то не хватало, а теперь я это нашла. Спасибо, Кит. Мне действительно было необходимо то, что ты сделал для меня. Ты...

— Оставим это, мама. — Он обнял ее и прижал к себе.

Кит едва ли заметил, что у нее вспотело лицо и растрепались волосы, но она, как и всякая женщина, не могла забыть об этом.

— Боже мой, Кит! Я выгляжу ужасно! — воскликнула она. — Мне срочно нужно привести себя в порядок.

— Очень хорошо. Я тоже чувствую себя не слишком бодрым. Больше всего на свете мне сейчас нужен хороший бифштекс с кровью. Ты составишь мне компанию?

— Нет-нет. Как можно в такое время думать о еде?

— Точно так же, как тебе удастся думать о боевой раскраске и растрепанных перышках. Разные люди, разные реакции. Ну ладно, я отпускаю тебя, и надеюсь минут через пятнадцать-двадцать увидеть еще раз. Вперед!

Она ушла, и Кит вздохнул с облегчением. Как хорошо, что мать не задавала лишних вопросов. Если бы она начала расспрашивать, ему вряд ли удалось бы скрыть,

что всю эту работу просто немислимо было проделать без надежных ментальных экранов Аризии. Он поел, умылся, слегка пригладил волосы и, когда мать была готова, перешел к ней на катер.

— Фью! — выразительно присвистнул Кит. — Какая прелесть! А в качестве кого ты думаешь появиться на Лиране?

— Понятия не имею, — рассмеялась Кларисса. — Я хотела сделать приятное тебе и совсем чуть-чуть — себе.

— Я ошеломлен. Ты лишаешь меня способности трезво мыслить. Но мне пора, красавица моя. Так что чистого...

— Подожди немного, ты не можешь вот так взять и уйти! Я не знаю, что мне делать со всем свалившимся на меня сегодня.

— Извини, но в этом ты будешь разбираться сама. Ты должна разработать свои способы обращения с собственным мозгом. Да ты и сама знаешь об этом.

— В общем, знаю. Я думала, ты немного поможешь мне. Я могла бы не спрашивать, но, может, ты знаешь, ведь не у всех ленсменов такие сознания, как у нас, правда?

— Это верно. Они напоминают твой мозг до сегодняшней работы, но не так хороши. Конечно, если не говорить о других ленсменах Второй Стадии: отце, Ворселе, Нэдреке и Трегонси. Их сознания более или менее похожи на твое сейчас, но теперь у тебя есть много того, чего у них нет и никогда не будет.

— Да? — удивилась она. — Например?

— Нижние уровни, вот здесь. — Он показал ей. — Ты сама научишься распоряжаться всем. Я только показал тебе, как это делается.

— Почему? Постой, я сама знаю. Это жизненная сила. У меня действительно ее много. — Она не смутилась, а Кит заметно покраснел.

«Жизненная сила» — до обидного несоответствующее определение для того, чем во всей Цивилизации обладала в таком количестве только мать ленсменов, но оба знали, о чем идет речь. Кит быстро кивнул.

— Ты всегда можешь узнать все о ленсмене, взглянув на его Линзу. Она полностью отражает уровень его развития и всю его историю. Ты, конечно, хорошо знаешь, как выглядит Линза отца?

— Да. В три раза больше обыкновенной, хотя бы

моей, и намного красивее и ярче. Но моя вовсе не такая?

— Была не такая. Посмотри теперь.

Она приподняла рукав и изумленно уставилась на свое запястье, глаза и рот округлились, выражая крайнюю степень удивления. Она никогда не видела раньше ничего подобного! Линза была в три раза больше, чем ее прежняя, несравненно красивее и вдесятеро ярче.

— Это не моя Линза! — воскликнула Кларисса. — Но ведь...

— Очнись, ма, — усмехнулся Кит. — Рассуди сама. Твой мозг изменился, так? Значит, должна измениться и Линза.

— Конечно. Я просто не сообразила сразу. Иначе и быть не может. Позволь мне взглянуть на твою Линзу, Кит. Мне казалось, ты ее не носишь, и я не видела ее у тебя со времени выпуска.

— Пожалуйста. Почему бы нет?

Он позволил ей взглянуть на его запястье. Линза Кита оказалась больше, чем у нее, поверхность выделана тоньше, цвета разнообразнее, насыщеннее. Они оба некоторое время рассматривали Линзы, потом Кит взял мать за руку и приблизил ее браслет к своему. Взглянув на них еще раз, он воскликнул:

— Так и есть. Все так и есть, клянусь клыками, когтями, и всем, что только есть у Клоно!

— Что? Что ты увидел? — спросила мать.

— Я увидел, как и почему получил такую Линзу. Если у малышей есть Линзы, они должны быть точно такими же. Помнишь браслет отца? Посмотри на доминанты твоей Линзы. Каждая из них сдублирована у меня. Представь, что их у меня нет, что останется? Кимбол Киннисон — с небольшими изменениями за счет того, что я все же несколько иная личность, чем он. Гмм... Вот что происходит, если ты родился в семье, где оба родителя — ленсмены! Ничего удивительного, что мы не совсем обычные люди! Даже не знаю, нравится мне это или нет. Не думаю, чтобы им удалось создать еще одну Леди Ленсмена, как ты думаешь? Возможно, им это просто не под силу.

— Не пытайся выглядеть глупее, чем на самом деле, — одернула его Кларисса, но на ее щеках снова заиграли озорные ямочки. — Если бы появилось больше людей, похожих на тебя и твоих сестер, я была бы только рада. Но все-таки я сомневаюсь, что такое возможно.

Однако тебе пора уходить. Не хочу больше задерживать тебя. То, что ты увидел в Линзах, чудесно... Что касается всего остального... Спасибо, сынок. Чистого пространства.

— Чистого пространства, мама. Самое ужасное в каждой нашей встрече — то, что приходится так быстро расставаться. Мы скоро увидимся и будем встречаться часто и подолгу. Если что понадобится, кричи, и кто-нибудь из сестренек, или я, или все мы тотчас окажемся рядом с тобой.

Он еще раз крепко обнял ее, расцеловал и ушел. Он не сказал ей, а она никогда так и не узнала, что его «открытие» одного из секретов Линзы было сделано специально, чтобы не позволить ей задавать вопросы, на которые он не мог ответить.

Рыжий Ленсмен всерьез опасалась, что не успеет привести свой мозг в порядок до прибытия на Лирану, но она справилась с задачей. Более того, теперь ее разум работал настолько быстрее и эффективнее, чем прежде, что у нее осталось время на обдумывание всего, что предстояло сделать на планете. Она решила не обнаруживать, по крайней мере поначалу, насколько расширились ее возможности. Пусть на планете полагают, что она ничуть не изменилась. Конечно, Елена просто прелесть, но большинство прочих обитательниц планеты, особенно служащие космодрома, настоящие чистокровные ведьмы. Сначала она легко отнеслась к поручению Кима, но теперь начинала понимать, что в такие переделки, какая ждала ее на Лиране, она, пожалуй, никогда не попадала.

Она вошла в стратосферу планеты и зависла над городом, который когда-то знала очень хорошо.

— Елена с Лирана! — обратилась она. — Я знаю, это не настоящее твое имя, но другое нам неизвестно...

Она умолкла, сосредоточившись до предела. Неужели это мысль Елены? Возможно, она несколько утратила первоначальную форму, проходя через многочисленные слои защиты?

— Кто ты, незнакомец, и что тебе нужно? — почти мгновенно пришел ответ от существа, расположившегося за столом, принадлежавшем Елене.

Кларисса взглянула на собеседницу и подумала, что узнала ее. Ее мозг, работавший теперь молниеносно, тут же нарисовал ей подробный образ, когда-то давно мельком увиденный, но не пропавший в глубинах памяти.

— Ленсмен Кларисса, Сол-3. Я помню тебя, Ладора, хотя ты была еще ребенком, когда я жила здесь. Ты меня помнишь?

— Да. Повторяю, что тебе нужно? — Воспоминания не смягчили враждебности Ладоры.

— Мне хотелось бы говорить с вашей Старшей, если это возможно.

— Это невозможно. Ее нет больше с нами. Уходи немедленно, или мы расстреляем твой катер.

— Подумай хорошенько, Ладора, — тон Клариссы оставался ровным и спокойным. — Вероятно, твоя память не настолько слаба, что ты забыла возможности «Неустрасимого».

— Я помню. Можешь обсудить со мной все, что намеревалась обсуждать с моей предшественницей.

— Тебе знакома история, и ты знаешь о вторжениях Боскома, происходивших много лет назад. Мы предполагаем, что они планируют очередное нашествие, чтобы уничтожить Лигу. У нас есть основания полагать, что ваша планета некоторым образом связана с готовящимся нападением.

— Мы займемся этим вопросом, — холодно ответила Ладора. — Мы продолжаем настаивать на том, чтобы ты, как и прочие чужеземцы, оставалась за пределами нашей планеты.

— Вы будете изучать вопрос, находящийся в компетенции Галактического Содружества? — Не желая того, Кларисса едва не обнаружила перед собеседницей скрытый смысл вопроса. — Если вы дадите разрешение на посадку, я приземлюсь одна. Если нет, я вызову «Неустрасимый». Выбирай.

— Садись, если тебе так уж надо, — с трудом заставила себя произнести Ладора. — Посадочная площадка три, на территории космопорта.

— Чтобы тут же оказаться под прицелом ваших пушек? Нет, спасибо. Я пока еще не стала бессмертной. Я сяду там, где сочту нужным.

Катер совершил посадку. Во время предыдущих визитов на планету Кларисса неоднократно сталкивалась с тем, как трудно рассчитывать на помощь этих тупоголовых амазонок, но сейчас ее встретили настолько недоброжелательно, что она почти растерялась. Никто из них не пытался повредить ей чем-либо, но никто и не желал ничего сделать для Рыжего Ленсмена. Любая ее мысль, даже самая дружелюбная, натывалась на

сплошной ментальный барьер. Узнать ничего не удавалось.

— Я, конечно, достаточно легко могу разбить всю их защиту, если захочу, — пожаловалась она своему отражению после одного особенно трудного дня, — и если они будут продолжать в том же духе, клянусь позолоченными кончиками рогов Клоно, я так и сделаю!

Глава 14

ТИРОН, ТОРГОВЕЦ НАРКОТИКАМИ

Когда Киннисон принял вызов сына, он находился на Ультра-Прим, огромной кловианской базе Патруля, и намеревался подняться на корабль. Он на мгновение замер, так и не успев опустить ногу. Хотя по выражению его глаз или лица ничего нельзя было угадать, лейтенант, свидетель многих подобных совещаний ленсменов, знавший, что обычно они очень важны, ничуть не удивился, когда Киннисон развернулся и пошел к выходу.

— Поставь, пожалуйста, катер обратно. Я пока не собираюсь улетать, — коротко бросил Киннисон. — Не знаю точно, насколько мне придется задержаться.

Быстрый флайер доставил его к высотному зданию из стекла и стали, где размещался офис координатора. Он прошел по коридору и остановился перед одной из дверей, с виду ничем не примечательной.

— Привет, Филис. Босс у себя?

— Как, сам координатор Киннисон! Да, сэр... Нет, я имею в виду...

Измученная секретарша нажала кнопку, и дверь открылась. Это была дверь кабинета Киннисона.

— Привет, Ким! Ты уже вернулся? — Вице-координатор Мэйтлэнд, также выглядевший удивленным, поднялся из-за стола и сердечно пожал Киннисону руку. — Отлично! Закончил дела?

— Вовсе нет. Я собирался улетать, но неожиданно мне понадобилось воспользоваться галактической системой связи. У тебя есть свободная низкочастотная волна?

— Конечно. Если нет, мы освободим для тебя любую, на выбор.

— Коммуникаторы. — Киннисон перевел рычаг в положение дальней связи. — Будьте добры, Трейл. Биб-

блиотека номер один. Главный библиотекарь Надина Эрнли.

Для посвященных просьба Киннисона была в высшей степени удивительной. Поскольку координатор почти никогда не имел дела ни с кем, кроме ленсменов, он редко пользовался обычными каналами связи. Когда его соединили, тихое перешептывание и приглушенные возгласы выдали сильное возбуждение на другом конце линии.

— Миссис Эрнли сейчас подойдет, сэр.

Оператор выполнила свои обязанности. Ее четкий голос умолк, зато слышнее стал шум других голосов.

— Тс-с-с... Тише! Это сам Серый Ленсмен!

В любом уголке Галактики, на Кловии, Земле, Трейле, да и на многих и многих других планетах, слова «Серый Ленсмен» могли указывать только на одного человека.

— Нет, не Серый Ленсмен!

— Не может быть!

— Он, точно он, поверь мне, я сама встречалась с ним однажды!

— Дай глянуть, хоть один разок!

— Тс-с-с, тише, он услышит нас!

— Включите видеосвязь. Если у нас есть время, мы можем познакомиться, — предложил Киннисон, и тотчас на его экране возникли взбудораженные великим событием темные, светлые и рыжие хорошенькие головки. — Привет, Мэйдж! Простите, что не знаю по именам остальных, но постараюсь запомнить вас и думаю, мы вскоре снова встретимся. Не пропадите. — Наконец появилась Главный библиотекарь, почти вбежавшая в комнату. — Всем вам найдется работа. Привет, Надина! Давно не виделись. Помните ту смешную компанию, с которой нам пришлось однажды иметь дело?

— Помню, сэр. — Что за вопрос! Как будто Надина Эрнли могла когда-нибудь забыть свое участие в знаменитой встрече пятидесяти трех величайших научных умов всей Цивилизации! — Прошу прощения, я была в хранилище, когда вы позвонили.

— Все в порядке. Всем нам приходится иногда работать. У меня есть к вам очень серьезная просьба. Боюсь, вам и вашим очаровательным девушкам предстоит проделать огромную работу. Мне нужны сведения о планете, называемой Калония — все, что сумеете откопать, и как можно быстрее. Сложность заключается

в том, что я никогда ничего не слышал об этой планете и мне неизвестен ни один человек, хоть что-то знающий о ней. Возможно, в других мирах ее называют совсем иначе. Вот все, что я могу вам сообщить, — заключил Киннисон. — Если вам удастся выполнить мой заказ меньше чем через четыре целых девяносто пять сотых галактических дня, я привезу тебе, Надина, манарканскую падающую звезду, а каждая из девушек сможет отправиться к Бренлееру и выбрать себе наручные часы или то, что захочет, и я выгравировку на подарке «С благодарностью от Кимбола Киннисона». Это очень важно: мой сын Кит поспорил со мной на цент, что я не сумею быстро разузнать все, что требуется.

— Один цент! — воскликнули в один голос трое или четверо библиотекарей.

— Точно, — заверил их Киннисон. — Так что как только работа будет выполнена, сообщите коммуникаторам... Хотя нет, я сам предупрежу их. Всем коммуникаторам на линии, внимание! — Он подождал, пока операторы подключились к линии. — В ближайшие несколько дней я ожидаю срочного вызова из библиотеки Трейла. Когда он поступит, вы должны немедленно связаться со мной, установив для этого сеанса связи высший приоритет над всеми прочими переговорами независимо от времени суток и того, чем я буду занят! Конец связи.

Экраны погасли. В библиотеке поднялся возбужденный говор:

— Но он, конечно, шутит!

— Один цент — и падающая звезда, которых на всем Трейле не найдешь больше десятка!

— Наручные часы или любой подарок от Серого Ленсмена!

— Успокойтесь, пожалуйста! — воскликнула Мэйдж. — Теперь я догадалась, откуда у Надины часы, которыми она хвастается направо и налево и из-за которых у кого угодно зеленеют от зависти глаза! Но я не понимаю этого глупого пари на цент... А ты, Надина?

— Я считаю, что он умеет делать прелестные подарки, о которых никто другой и не подумал бы! Вы же видели послание Рыжего Ленсмена у Бренлеера! — Это было утверждение, а не вопрос. Все видели. И все испытывали при этом одинаковые чувства. — Тебе бы хотелось получить эту монетку и повесить ее вот здесь, в главном зале, чтобы все могли любоваться надписью:

«Выиграна у Кристофера Киннисона для Кимбола Киннисона» — и наши имена? Что-то подобное он и имел в виду, я уверена.

Одобрительный шум подтвердил, что ее идея понравилась.

— Он знал, мы все мечтаем о чем-то подобном, и не сомневался, что это неплохой способ заставить нас откопать то, на что иначе мы вообще не стали бы тратить время. Но мы не получим этого одноцентовика, пока он не выиграет его. Так что за работу! Отложим все остальное. Мэйдж, ты начнешь с того, что побеседуешь с Ланионом и другими... Нет, лучше я сама займусь этим, потому что ты лучше меня разбираешься в энциклопедии. Возьми английский блок, в котором «К», и попытайся отыскать любые намеки на то, что нас интересует. Бетти, ты проанализируешь синонимы, начав с трейлианского эквивалента Калонии и далее по всем планетам Боскома. Возьми в помощь нескольких девочек с автопереводчиками. Фрэнсис, ты возьмишь на себя Прелина и Бронсек. Д'жоан, Леона, Эдна — вам Джалт, Ха'Исса и Кроуншильд. Бет, ты у нас лучший лингвист, ты лучше всех можешь отыскать слова, созвучные наименованию планеты, во всех языках, какие только понадобятся. Особенно обрати внимание на записи совещаний Боскома. Кто остался пока без дела? Не слишком много... Нам придется распределить между собой остальные боскомианские планеты...

Так Главный библиотекарь Эрли организовала поиск, по сравнению с которым пресловутый розыск иголки в стоге сена показался бы столь же простым делом, как попадание мячом в корзину. Она и весь штат ее помощниц трудились день и ночь. Через четыре дня и три часа Киннисон получил срочный вызов. Калония перестала быть планетой-загадкой.

— Отличная работа, девочки! Соберите все на ленту, и я заберу все сразу. — И Киннисон тут же умчался с Кловии.

Поскольку Кит не мог в то время встретиться с ним, Ким предложил сыну, после того как сообщил ему самое важное из всего, что удалось выяснить, послать проигранный одноцентовик специальной доставкой Бренлееру, на Трейл. Он связался также с Бренлеером и объяснил, что надлежит сделать с полученной монеткой. Приземлившись, Киннисон вручил Надине падающую звезду, взятую из превосходной коллекции драгоценных камней

Картифа, встретился с девушками, сделав каждой из них обещанный подарок, и удалился.

Оказавшись в космосе, он просмотрел запись и некоторое время сидел неподвижно, мрачно нахмурившись. Ничего удивительного, что более двадцати лет Лига ничего не знала о Калонии. На ленте оказалось довольно много информации, и очень важной, но ведь ее пришлось буквально выкапывать, выбирать из восьмисот миллионов информационных карт Боскомианских Архивов Трейла. А самое главное было обнаружено на пленках с записями совещаний, которые до этого никто не удосужился прослушать!

Патруль предполагал, что на Трейле размещался высший эшелон империи Боскома и что таинственная деятельность противника вскоре замрет, оставшись без руководства. Киннисон и его друзья имели свое мнение на этот счет, но у них не было никаких доказательств, что некое высшее руководство передавало на Трейл инструкции и приказы. Теперь Серый Ленсмен знал наверняка, что Трейл находился достаточно далеко от вершины власти. Впрочем, Калония тоже. Сведения, полученные из Архивов, хотя и были обрывочными, во многом случайными, где-то неясными, тем не менее убедительно подтверждали это. Трейл и Калония, казалось, совершенно не были связаны между собой, ни одна из планет не передавала приказов на другую. Хотя с Трейла руководили деятельностью агентов не менее чем на полумиллионе планет, а к Калонии, похоже, относилось примерно столько же организаций помельче, их области действия практически не перекрывались.

Победа над Трейлом, расцениваемая в свое время всеми, и самим Киннисоном в том числе, как величайшее достижение, нисколько не помогла решить реально существующую проблему. Конечно, можно попытаться точно так же отбить у Боскома и Калонию, но что это даст? Скорее всего, ничего. С Калонии, пожалуй, удастся отыскать не больше путей наверх, чем с Трейла. Как же, провалились они все, подступить к этой проклятой задаче?

Полный и подробный анализ показал, что есть всего один способ, который может дать ощутимые результаты. В одной из записей, сделанной двадцать один год назад и впервые обнаруженной только благодаря Бет, блестящему лингвисту, один из участников беседы случайно упомянул, что, кажется, новые ленсмены Калонии не-

плохо делают свое дело, а двое слушателей подтвердили его наблюдение. Этого, однако, могло оказаться вполне достаточно, чтобы выдвинуть весьма резонное предположение, что ленсмен, которого видел Эдди, действительно происходил с Калонии. Но даже Черный Ленсмен должен знать, откуда он взял свою Линзу!

Подумав о попытке визита на боскомианскую планету, подобную Аризии, Киннисон вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Ментальное или физическое проникновение, конечно, немыслимо. Но ведь любую планету, даже саму Аризью, можно уничтожить. Если антипод Аризии удастся обнаружить, его следует стереть с карты Вселенной. Жизненно важно отыскать этот зловеющий мир! Может, именно этого хотел от него Наставник? Но вот как?

Много раз внедряясь во всевозможные организации Боскома, Киннисон успел побывать джентльменом удачи, вышибалой, космическим старателем и много кем еще. Но ни одна из испытанных личин не годилась для внедрения на Калонию, а кроме того, повторение есть признак ограниченности ума, особенно недопустимый, когда речь идет о противнике столь высокого уровня. Для успешного проникновения на Калонию придется стать одним из агентов, не слишком мелким, но и не чересчур крупным, чтобы успеть создать достаточно правдоподобную легенду и соответствующим образом обставить ее. Лучше всего, пожалуй, превратиться в зильника — настоящего торговца наркотиками, с бесценным до сих пор во всех уголках Галактики грузом.

Приняв решение, Серый Ленсмен начал переговоры. Первым он вызвал Кита и очень долго беседовал с ним. Потом Киннисон связался с капитаном собственного боевого корабля, «Неустрашимого», и дал ему разнообразные и многочисленные указания. После этого он обратился к вице-координатору Мэйтлэнду и многим другим свободным ленсменам, имевшим огромный опыт работы с торговцами наркотиками, криминальных исследований, навигации — и в прочих, на первый взгляд никак не связанным между собой делах, которыми занимался Патруль. Наконец, после десятичасовых напряженных трудов, он основательно пообедал и сообщил Клариссе, что собирается лечь спать не менее чем на неделю.

В результате всех этих усилий в Галактике возник Брэдлой Тирон, имя которого постепенно стало обрывать слухами, фактами и легендами, неизбежно накапли-

вающимися вокруг каждой реально существующей личности. Семь или восемь лет это имя находилось в нижней половине черного списка Патруля, куда вносились известные, но пока не пойманные преступники. Потом оно стало быстро перемещаться к началу списка. Известного звильника и его экипаж, состоявший из отъявленных мерзавцев, разыскивали по всей Первой Галактике. Несколько месяцев считали, что он пропал. Затем, однако, стало точно известно, что он действует во Второй Галактике и что его вместе с бандой головорезов, на счету которых были тысячи загубленных жизней, разыскивали по обвинению в пиратстве, распространении наркотиков и убийстве. С точки зрения Патруля, выбор был небольшим: планетографы успели нанести на карты лишь малую часть систем Второй Галактики, не говоря уже об отдельных планетах, и лишь на нескольких из них жили выходцы с планет Лиги.

Поэтому не быстро, но в конце концов все-таки пришло сообщение, которого Киннисон нетерпеливо дожидался. Крупный агент Боскома, известный деятель наркобизнеса по имени Харклерой, планета Флестин-2, город Нелто, координаты такие-то, удовлетворяет его требованиям к «Т»: агент средней руки, не слишком приближенный, но и не чрезмерно далекий от Калонии. Киннисон, долгое время обучавшийся местному диалекту франко у здешнего старателя, был готов действовать.

В первую очередь он убедился, что «Неустрашимый» готов по первому требованию оказаться в нужном месте. Затем, сидя у коммуникатора в космокатере, он воспользовался обычными каналами связи, вызвав боскомианина.

— Харклерой? У меня есть предложение, которое заинтересует тебя. Где и когда мы встретимся?

— Почему ты думаешь, что я захочу с тобой связываться? — фыркнул собеседник, и на экране возникло крупное недовольное лицо. — Кто ты такой, крысенок?

— Кто я такой, тебя не касается, и если ты не заткнешь свою вонючую глотку, я не поленюсь спуститься к тебе и запихнуть в нее твою собственную перчатку, да подальше, чтобы ты смог сидеть на ней.

Когда до звильника дошло, что ему ответили, он начал было на глазах разбухать от ярости, но через пару секунд узнал Брэдли Тирона. Этот пират мог позволить себе не церемониться ни с кем. Киннисон знал, что делает.

— Я не узнал тебя сразу. — Харклерой почти извинялся. — Мы можем поговорить о деле, раз так. Что у тебя?

— Кокаин, героин, бентлам, гашиш, нитролэйб — почти все, что может потребоваться теплокровному дышащему кислородом существу. Самое ценное, однако, два килограмма чистейшего тиионита.

— Тиионит! Два килограмма! — В глазах звильника загорелась жадность. — Откуда он у тебя?

— Я попросил ленсмена на Тренко приготовить его для меня, специально, и он выполнил просьбу.

— Так ты не хочешь говорить мне, да? — Киннисон видел, как напряженно пытается размышлять Харклерой. С Тироном можно разобраться потом. — Может, об этом и стоит поговорить. Спускайся прямо сейчас.

— Я так сделаю, но выслушай меня! — И взгляд ленсмена пронзил звильника до самых пяток. — Я знаю, на что ты рассчитываешь, и предупреждаю, чтобы ты не пытался повернуть это, если хочешь пожить еще немного. Тебе известно, что я не первый раз сажусь на планету, и если у тебя есть хоть капля мозгов, ты сообразишь: если попытаешься надуть меня, здесь найдется специально про твою душу несколько хорошеньких пушек. Так что подумай!

Ленсмен приземлился и направился к офису Харклероя. Со стороны казалось, что он одет в обыкновенный, разве что несколько большего, чем средний, размера легкий скафандр. На самом деле эта сложная конструкция из даурема в четверть дюйма толщиной была такой же обычной, как и легкой. Самостоятельно ходить в нем Киннисон не мог, ему помогала батарея мощностью в две тысячи лошадиных сил. Без нее он не смог бы даже оторвать ногу от земли.

Как ленсмен и ожидал, все, с кем он сталкивался, были снабжены генераторами ментальных экранов. Не удивило его и то, что из динамика в холле раздался грозный приказ остановиться. Лучи звильника замерли в четырех футах от скафандра Киннисона.

— Стой! Отключи экраны, или будешь сожжен на месте!

— Да ну? Умерь свой пыл, Харклерой. Я же предупредил, что у меня в рукаве кое-что припрятано, и ты понимаешь, что я имел в виду. Или ты позволишь мне войти, или я лечу в другое место, чтобы не связываться с тем, кто не проявляет ко мне должного

уважения. Неужто ты боишься, что у тебя не хватит бластеров, чтобы разделаться со мной?

Насмешка сильно задела звильника, и посетителю позволили войти. Оказавшись в кабинете, он увидел, что рука Харклероя лежит у переключателя, который должен подать сигнал укрытым поблизости операторам уничтожить пирата. Они полагали, что товар у него при себе, либо в стоявшем у здания катере. Времени было немного.

— Ты все еще хочешь унижить меня? — фыркнул Киннисон, ни на миллиметр не наклонив голову.

Палец Харклероя коснулся кнопки.

— «Неустрашимый»! На посадку! — коротко приказал Киннисон.

Рука, кнопка и часть стола исчезли в пламени луча ленсмена. В стенах открылись люки, взревели пушки, тут и там вспыхнули мощные излучатели. Киннисон бросился к столу. Едва он приблизился, схватив боскомианина, как атака прекратилась. Один выстрел бластера превратил генератор ментального экрана в груды плавящегося металлолома. Харклерой выкрикнул приказ возобновить огонь, но прежде чем пуля или луч оборвали жизнь звильника, Киннисон узнал все, что хотел.

Эта обезьяна действительно кое-что знала о Черных Ленсменах. Ему не было известно, откуда появляются их Линзы, но он знал, как отбираются туда люди. Более того, с некоторыми ленсменами он был лично знаком, и один из них — некий Мелас, чей офис располагался прямо на Калонии-3, в Кадсиле.

Киннисон развернулся и побежал; уже объявили тревогу, и в ход могло пойти оружие, против которого не устоял бы даже его скафандр. Но «Неустрашимый» успел уже сесть, сметя при посадке четыре или пять городских кварталов. В то время как одетый в дауремовый скафандр ленсмен прокладывал себе путь наружу из крепости Харклероя, майор Питер Ван Баскирк и целый батальон валериан, вооруженных топорами и тяжелыми излучателями, пробивали дорогу внутрь.

Глава 15

ТИРОН ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Дюйм за дюймом прокладывал Киннисон дорогу по

усеянному трупам коридору. Под непрерывно бьющими в него лучами нападавших его защитные экраны приобрели огненно-красный цвет, но держались. Металлические плети то и дело хлестали по скафандру, пытаясь пробить его, тут и там взвизгивали пули, отскакивая от дауремовых пластин, но на прочнейшем из всех известных в двух галактиках материалов не появилось ни одной вмятины; с тем же успехом нападавшие могли стрелять в Киннисона из хлопушек и обсыпать конфетти. Пока дела шли неплохо, но звильники вызвали подкрепление, а у вновь прибывших могли оказаться излучатели, против которых не устоять даже его сверхпрочным экранам.

У Кимбола, однако, было одно важное преимущество перед врагами — сверхчувственное восприятие. Он мог видеть их, а они его — нет. Все, что от него требовалось — сохранять между ними и собой по крайней мере одну неразрушенную стену, пока не удастся добраться до передвижных экранов, генерируемых мощными установками «Неустрашимого», который Ван Баскирк столь предусмотрительно посадил у самой крепости Харклероя. Если в нужный момент перед ленсменом оказывалась дверь, он пользовался ею, в противном случае просто проходил сквозь стену.

Валериане, яростно сражаясь, быстро продвигались вперед. Впрочем, описать, как эти представители необычайно воинственной расы действуют в бою, человеку, который никогда не видел валериан в сражении, просто невозможно. Рост любого из них превышал семь футов, весили они в среднем более четырехсот фунтов; могучий скелет, превосходно развитые мышцы и сухожилия были идеально приспособлены к гравитации их родной планеты, превышавшей земную более чем в три раза. Самый слабый из бойцов Ван Баскирка мог в полном вооружении подпрыгнуть на Земле футов на четырнадцать. Так же легко валерианин мог мчаться вперед, с головокружительной скоростью вращая чудовищным тридцатифунтовым топором, превращавшимся в его руках в смертоносное оружие. Представители этой удивительной расы — лучшие во Вселенной мастера рукопашного боя, и, как ни странно для любого высокоразвитого интеллекта, валериане получали от таких сражений истинное удовольствие.

Первые из валериан приблизились к Серому Ленсмену и окружили его.

— Привет... Маленький космический мышонок!

Майор Питер Ван Баскирк выпалил столь ласковое приветствие в промежутках между взмахами излюбленным оружием. Неожиданно ритмичные движения командира отряда прервались: космический топор сломался. Даже дауремовые скафандры не спасали от разрубающих что угодно страшных лезвий, но и те были не вечными. Гигант мгновенно подхватил другой топор, вновь размахнулся, напрягая могучее тело, и опустил его на голову очередной жертвы столь резко, что землянин при этом сломал бы себе обе руки. Валерианин же с еле заметной усмешкой подумал: «Неплохая забава!»

— О, Бас, привет, валерианский медведь! — откликнулся Кимбол на его мысль. — Я подумал, что ты и твои ребята мне пригодятся. Тысячи благодарностей. Возвращаемся на корабль, и как можно быстрее!

Хотя валериане не любили отступать даже после успешно проведенной вылазки, они прекрасно знали, как это делается. Через несколько минут все, кто оставался в живых, собрались на «Неустрашимом».

— Ты подберешь мой катер, Фрэнк? — скорее приказал, чем спросил Киннисон, обращаясь к юному ленсмену, сидевшему у главного пульта.

— Конечно, сэр. На нас движется довольно много кораблей, но ничего угрожающего, о чем вы предупреждали. — Он спокойно кивнул на экран, сплошь усеянный точками военных крайсеров.

— Истребителей нет?

— Обнаружить пока не удалось, сэр.

— Замечательно. Первоначальные приказы остаются в силе. Если обнаружите истребитель, в действие вступает операция «Эйбл». Передай всем, что, хотя объявление операции «Эйбл» автоматически снимает с меня руководство, до этого времени отдавать приказы буду я. Какие именно, пока не знаю. Все зависит от того, что предпримут наши противники. Следующий ход за ними.

Едва Киннисон замолчал, из динамика вырвался дикий рев. Постепенно в нем стали различимы отдельные слова, из которых экипаж понял лишь два: Брэдлой Тирон. Это имя, однако, вполне объясняло, почему их до сих пор не атакуют. На Калонии много слышали об этом упрямом и хладнокровном пирате и его легендарном корабле. Киннисон был более чем уверен, что неприятель сильнее заинтересован в его корабле, чем в нем самом.

— Я не понимаю тебя! — рявкнул ленсмен на общепонятном наречии. — Говори внятно!

— Очень хорошо. Теперь я вижу, что ты действительно Брэдлой Тирон, как мне и доложили. Что это за наглое нападение? Сдавайся! Разоружи своих людей, сдай оружие и выведи всех с корабля, или мы расстреляем его на месте! Это говорю я, вице-адмирал Мендонай!

— Очень приятно. — Киннисон-Тирон произнес это достаточно спокойным, ровным тоном, и даже потрудился слегка наклонить голову, но даже пальцем не пошевелил, чтобы выполнить приказ. — Что за чертова планета! — воскликнул он вместо этого. — Я пришел к этому жирному борову, Харклероу, так как мой приятель говорил, что он важная шишка и с ним можно иметь дело. Я честно предупредил этого идиота, сказал ему очень внятно, что я не один и если он попытается надуть меня, то будет уничтожен. И что? Он захотел обойти меня, и я пнул его коленкой под зад. Надеюсь, он уже долетел до преисподней, куда, несомненно, и направился. А теперь ты с жалкой горсткой лодочек набрасываешься на меня, будто я нарушил важный закон или еще чего-то. Какого черта тебе от меня нужно? По какому праву ты съешь свой длинный нос в мои дела?

— Гм, это что-то новенькое. — Подключилось видео, и на экране возникло лицо типичного калонианина — синее, холодное, жесткое. — Так говоришь, ты предупреждал Харклероя? И вполне определенно?

— Еще как. Спроси любого звильника в его конторе. Они почти все еще живы и наверняка могут подтвердить мои слова.

Экран затуманился, из динамика опять полилась сплошная тарабарщина. Ленсмен, однако, не сомневался, что командир боевых сил планеты действительно расспрашивает полумертвых звильников. Они знали, что рассказ Киннисона полностью соответствует истине.

— Ты заинтересовал меня. — Язык боскомианина снова стал понятным большинству из экипажа «Неустрашимого». — Забудем Харклероя. За тупость следует расплачиваться, а серьезного ущерба его офису не нанесено. Из того, что я о тебе слышал, можно заключить, что ты никогда не принадлежал к так называемой Лиге. Я знаю, кроме того, что ты не связан и никогда не был связан ни с кем из наших. Как тебе удалось

выжить? И почему ты предпочитаешь работать в одиночку?

— Как — это достаточно понятно. Все время опережая соседа на один прыжок, как я поступил сегодня с твоим приятелем. А еще я собрал хороших инженеров, которые снабдили кораблик всем, что есть хотя бы у кого-нибудь во Вселенной, и еще кое-чем, о чем другим приходится только мечтать. А почему — тут тоже все просто. Я никому не верю. Когда никому не известно, что ты собираешься делать, никто не всадит в тебя ненароком нож или пулю. Ясно? Это истинная правда. Я все еще жив и на свободе. Тех, кто доверял другим парням, уже нет.

— Понятно. Грубо, но четко. Чем больше я узнаю о тебе, тем больше убеждаюсь, что ты был бы неплохим дополнением к нашим силам...

— Не пойдет, Мендонай, — оборвал его Киннисон, замотав нечесаной головой. — Я никогда не подчинялся приказам какого-нибудь идиота-начальника и впредь не собираюсь делать этого.

— Ты меня не так понял, Тирон. — Звильник оказался исключительно терпеливым, готовым, похоже, стерпеть что угодно. Он не моргнул глазом, когда Киннисон пропустил титул, обращаясь к нему, что вообще-то было неслыханной наглостью. — Я вовсе не предлагаю тебе стать мальчиком на побегушках. Но, может, ты будешь союзником? Совершенно независимым союзником, работающим с нами с обоюдным удовольствием и выгодой.

— Вот так? — Киннисон впервые позволил себе проявить интерес к собеседнику. — Возможно, в твоих словах есть доля здравого смысла, приятель, но что я с этого буду иметь? Поверь, мне нужно не так уж мало.

— Это и будет немало. С возможностями, которые мы уже оценили, и нашими огромными резервами у тебя в тылу, ты сможешь за неделю иметь больше, чем сам брал за год.

— Да? Люди вроде тебя любят обещать нечто подобное таким, как я. А на что рассчитываешь ты в нашем деле? — поинтересовался Киннисон, одновременно направив мысленное сообщение своему помощнику, дежурившему у пульта: — Внимание, Фрэнк. Он на что-то надеется... Готов спорить, что подходят тяжелые истребители.

— Пока на экранах никого, сэр.

— Естественно, мы хотим что-то иметь с тебя, — согласился пират. — Например, возможно, некоторые детали оснащения твоего корабля — обрати внимание, это всего лишь предположение — заинтересуют наших инженеров. Кроме того, мы наслышаны о необыкновенно горячих батареях твоих излучателей. Ты мог бы показать мне кое-что прямо сейчас или хотя бы перефокусировать монитор, чтобы я мог видеть что-то еще, кроме твоей физиономии.

— А мог бы и не показывать. Что у меня есть, а чего нет, касается только меня.

— Неужели это все, что ты можешь ответить на предложение о сотрудничестве? — Голос адмирала оставался по-прежнему тихим и ровным, но в нем появился оттенок угрозы.

— Какое, к дьяволу, сотрудничество! — Похоже, головорез не обратил внимания на изменившийся тон беседы. — Я возможно, поделился бы с тобой одним-двумя секретами — кушайте на здоровье! — после того, как мы все спокойно обсудим и придем к соглашению, но ни на секунду раньше!

Мендонай внимательно посмотрел на пирата:

— Я пока стерплю и это. Возможно, ты просто недооцениваешь мои возможности. Я могу расстрелять тебя прямо сейчас или чуть позже. Ты, конечно, знаешь об этом, не хуже меня.

— Ты так полагаешь? — На сей раз Киннисон-Тирон фыркнул. — Умерь свой пыл, приятель. Как я уже говорил этому дураку, Харклерою, эта планета не первая, где я садился, и она не станет последней. И не вздумай вызывать истребители, — добавил он, заметив, что рука боскомианского офицера медленно двигается к панели управления. — Мы будем стрелять, едва первый из них появится на наших экранах, и мало вам не покажется.

— Ты начнешь стрелять? — Звильник явно удивился, но рука остановилась.

— Угу, я. Твои скорлупки, толпящиеся неподалеку, меня нисколько не волнуют, но с истребителем мне не совладать, и я не боюсь говорить о том, что ты и так знаешь. Я не могу запретить тебе вызывать их, если хочешь, но прочисти уши и обрати внимание на мои слова: я легко могу уйти от них, и обещаю, что тебе не доведется увидеть, как я отступаю. Почему? Очень просто. Твой корабль будет первым, который я смету по дороге.

А поскольку другие корыта попытаются остановить меня, я запросто разделаюсь еще с двумя-тремя десятками, — прежде чем истребитель подойдет настолько близко, что мне придется уйти. Теперь, если твои голубые мозги похожи на содержимое черепушки Харклероя, приступай!

Это был тупик. Киннисон знал, каких действий адмирал ожидает от подчиненных, но он не мог отдать ни единого приказа, не шевеля руками. Офицер явно колебался. Ему вовсе не хотелось открывать огонь по такому большому, замечательному, просто-таки легендарному кораблю. Если бы он и мог уничтожить его, пойти на такое немыслимо, хотя это показало бы всю нелепость толков о неуязвимости и могуществе таинственного крейсера и послужило бы к чести славного вице-адмирала Мендоная. Вице-адмирал, однако, очень боялся, что слухи могли оказаться справедливыми, а это подкреплялось полнейшим равнодушием Тирона к угрожавшим ему военным кораблям Боскома и бесстыдно нахальным утверждением, что он может уклониться от стычки с любым судном, превосходящим его по вооружению. В конце концов боскомианин все же нашел, за что ухватиться.

— Если все, о чем ты говоришь, правда, почему же ты не стреляешь прямо сейчас? — скептически осведомился он.

— Просто не хочу. Подумай как следует, приятель. — Похоже, обошлось! Боскомианин сам перевел разговор на тему, более всего интересовавшую ленсмена. — Мне пришлось покинуть Первую Галактику, потому что там стало слишком жарко для меня, а здесь, во Второй, у меня нет никаких связей. Твои люди заинтересованы в определенной информации о моем оснащении, а мне нужно кое-что имеющееся у тебя. Мы могли бы поладить, если захочешь. Я потому и пришел к Харклерою. Мне бы хотелось наладить связи с твоими парнями, но пока ничего хорошего не получилось, и мне необходимы достаточно прочные гарантии, прежде чем попытаться еще раз иметь с вами дело. Понятно?

— Понятно. Идея хороша, но вот выполнить задуманное будет довольно сложно. Я мог бы дать слово, которое, заверяю тебя, я никогда не нарушал.

— Не смейся, — скривил губы Киннисон, — ведь ты же не поверишь мне на слово?

— Это другое дело. Я не поверю. Но я понимаю

твои сомнения. А что ты думаешь о защите Высшего суда? Я могу представить тебе гарантии любого из судов, на который ты укажешь.

— Ага, — поддакнул Серый Ленсмен. — Где ты видел суд, который отказался бы исполнить приказ мало-мальски важного начальства? И вообще глупее законников людей просто не найти. Придется придумать что-нибудь получше, приятель.

— Ладно, а как насчет ленсмена? Ты ведь слышал о них?

— Ленсмен! — Киннисон вздрогнул, непроизвольно оглянувшись. — Ты окончательно свихнулся или полагаешь, что я ненормальный? Я, конечно, знаю о ленсменах. Они гоняли меня, как зайца, от Алсакана до Вандемара, и если бы мне везло хоть чуточку меньше, они давно бы взяли меня. Ленсмены вышвырнули меня из Первой Галактики. Иначе какого черта я здесь делаю? Пошевели мозгами.

— Ты говоришь о ленсменах Патруля, скорее всего — о Серых Ленсменах. — Мендонаю доставило удовольствие неподдельное волнение Тирона. — Наши ленсмены совершенно другие. Они столь же могущественны, если не более, но используют свои возможности иначе. Они помогают нам. Позднее они, несомненно, разберутся с теми, Серыми.

— Ты хочешь сказать, что они могут открыть, к примеру, мою и твою черепашку, чтобы каждый из нас убедился, насколько честен в деле другой? И это будет своего рода гарантией надежности нашего совместного бизнеса? Что ж... А ты знаешь хоть одного лично?

— Они, конечно, могут все такое проделывать. И с одним из наших ленсменов я хорошо знаком. Его зовут Мелан, он обычно болтается на Тре, совсем недалеко. Возможно, сейчас его там и нет, но он обязательно появится здесь, если я вызову. Ну как, согласен?

— Не торопись. Все это годится, если мы разработаем общий подход к делу. Вы с ним вряд ли встретитесь у меня?

— Ты же не рассчитываешь в самом деле, что мы пойдем на это?

— Да, с вашей стороны это было бы не слишком умно. А поскольку я заинтересован в том, чтобы иметь с вами дело, придется, очевидно, мне идти к вам. Мы

сделаем так. Ты отведешь подальше свои корабли. Мой корабль займет позицию точно над конторой твоего ленсмена. Я спущусь к вам в катере, как уже делал сегодня, и войду внутрь, чтобы поговорить с вами. Я буду в скафандре, и это неплохой скафандр, смею тебя заверить.

— Я только хочу отметить одно упущение в твоём предложении. — Боскомианин честно пытался найти удовлетворяющий всех вариант. — Ленсмен откроет наши мозги, и ты получишь доказательство, что мы не собираемся использовать во время переговоров истребители или другое тяжелое вооружение.

— И если вы заглянете в мои мысли, то тут же поймете, что лучше вам этого не делать. — Киннисон злобно усмехнулся.

— Что ты хочешь сказать этим?

— У меня на борту достаточно атомных супербомб, чтобы разнести в клочья твою планету, и парни сбросят их вам на головы в ту же секунду, как вы сделаете хоть одно подозрительное движение. Конечно, у меня есть какая-то возможность заключить с вами соглашение, но она уж очень мала, так что, если умру я, то умрешь и ты, приятель. Ты и твой ленсмен, и флот, и вообще все на твоей проклятой планетке. А твои боссы ничего не узнают о том, что делает мой корабль таким, какой он есть. Так что я полагаю, ты не будешь делать глупостей.

— Конечно, нет. — Мендонай был потрясен, как никогда в жизни. — Все, что ты предложил, мне вполне подходит.

— Отлично. Мы готовы лететь?

— Готовы, шеф.

— Вызывай своего ленсмена, и вперед. Парни, по местам!

Глава 16

РЫЖИЙ ЛЕНСМЕН В СЕРОМ

Карен Киннисон что-то беспокоило. Она, всегда такая уверенная в себе, уже несколько недель ощущала постепенное нарастание... Чего, интересно знать? Не то чтобы утраты контроля... Изменение... Просто усили-

лись припадки бессмысленного, прямо-таки идиотского упрямства. И всегда оно оказывалось обращено только на ее собственного брата; она прекрасно ладила с сестрами. Небольшие разногласия нисколько не омрачали ровных, спокойных, дружеских отношений. Но каждый раз, когда она сталкивалась с Китом, казалось, где-то в глубинах ее существа что-то взрывалось. Это было хуже, чем бессмысленно; припадки оказывались совершенно необъяснимыми, поскольку всех пятерых связывали чувства, гораздо более глубокие и теплые, чем это обычно бывает между братьями и сестрами.

Она вовсе не хотела спорить с Китом. Карен любила чувствовать, как его мозг откликается ей, любила танцевать с ним: их тела так же чудесно дополняли друг друга, как и умы. Ни одно па, даже самое неожиданное, не могло нарушить удивительной согласованности и изящества их исполнения. Все другие мужчины по сравнению с ним казались просто чурбанами, и не шли ни в какое сравнение. Если бы она была Китом, она бы хорошенько проучила себя, так... Он бы мог даже...

Тут она перебила себя, холодно оценивая свои мысли. Он не мог. Даже Кит со всем его могуществом, не преодолел бы ее прочной защиты. Правда, был один, не человек, конечно, а существо, которое могло совладать с Карен. Он мог бы даже убить ее, и это даже лучше, чем позволить все время расти в ее мозгу жуткому ощущению, которое она не умела ни понять, ни остановить. Так, где сейчас она, и где Лирана с Аризией? Отлично. Даже не придется слишком уклониться от курса. Она просто по дороге заглянет на Аризияку.

Она так и сделала, и вскоре уже стояла перед Ментором в его кабинете, рассказывая ему, в чем дело.

— Очень плохо все время спорить с Китом, — заключила она, — но когда я начинаю противоречить даже вам, Наставник, с этим пора что-то делать. Почему Кит не вздует меня хорошенько? Почему вы не стараетесь изменить меня? Вы вызвали Кита, сказав, что ему пора учиться дальше, а меня нет! Неужели вы не можете вложить в мои мозги хоть каплю ума?

— Что касается тебя, Кристофер получил определенные инструкции, которым подчинился. Я же не трогал тебя по той же причине, по которой не приглашал тебя сюда: это было бы бесполезно. Твой ум, дочь Карен, уникален. Одна из главных его особенностей,

которая, по сути, и делает тебя незаменимой в предстоящей нам работе — его практически полная неподатливость. Твой мозг можно, хотя и трудно, разрушить, но его нельзя изменить никакой внешней силой, сколь мощной бы она ни была. С самого начала было ясно, что с твоими особенностями ничего не удастся сделать, пока ты сама не захочешь этого, осознав, что твое обучение не окончено. Я тщетно пытался бы объяснить тебе, что все испытанное до сих пор вами, еще детьми, было лишь подготовкой к настоящему обучению, что развитие ваших умов — задача в высшей степени сложная и многогранная. Лишь теперь я могу сказать, зная, что ты все правильно поймешь, что результат вашего обучения вполне соответствует затраченным на него усилиям. Невозможно выразить даже малую долю удовлетворения, которое я испытываю, когда все дети, один за другим, приходят, каждый в свое время, за последними наставлениями.

— О, так вы хотите сказать, что на самом деле со мной не происходит ничего страшного? — Карен физически ощутила, как сразу спало страшное напряжение, владевшее ею столь долго. — Что заранее предполагалось что-то подобное? И я могу рассказать об этом Киту?

— В этом нет необходимости. Твой брат знал, что это всего лишь одна из ступеней развития, и вскоре узнает, что ты прошла через нее. Нельзя сказать, чтобы от тебя ожидалось нечто подобное. Просто ты не могла справиться с собой, как не мог и твой брат, и я. С нынешнего дня ты станешь наконец полной хозяйкой своего сознания. Входи, дочь Карен, в мой мозг.

Она выполнила просьбу, и через некоторое время ее «формальное обучение» также было завершено.

— Есть кое-что для меня не вполне понятное... — проговорила Карен, прежде чем подняться на борт катера.

— Думай об этом, и я уверен, что в конце концов ты разберешься, — подбодрил ее Наставник. — Можешь рассказать мне, в чем дело?

— Да, попробую. Это касается Фостена и отца. — Карен помолчала, размышляя о чем-то. — Фостеном был, конечно, Гарлейн. Вы мастерски заставили отца поверить, что он сумасшедший аризонианин. Теперь я знаю, как вы сделали это: главным образом создав «настоящую» форму Фостена, точное подобие того, что Кимбол Киннисон видел на Аризии. Но его физические действия как Фостена...

— Продолжай, дочь моя. Я уверен, что твои рассуждения будут здоровыми.

— В качестве Фостена он был вынужден принять образ действий, характерный для трейлиан, — решила девушка. — За ним присматривали, куда бы он ни направился, и он знал это. Проявить свои настоящие возможности означало обречь себя на провал. Точно так же, как вам, аризианам, им приходилось действовать по местному образу и подобию, избегая чересчур сложных проявлений, которые могли все испортить. Поэтому действия Гарлейна как Фостена совершенно понятны. Так же понятно, как он действовал, будучи когда-то Серым Роджером, кроме его нечеловеческой способности к выживанию, поставившей в тупик Первого Ленсмена Сэммза и его людей. Как и ваши возможности... ведь вам тоже приходилось... Вы же в самом деле обучали Вирджила Сэммза, Наставник, и некоторые из аризиан находились в это время на Земле под видом людей!

— Да. Мы жили и работали, как люди, и, казалось, умирали, как люди.

— Но ведь вы не были Вирджилом Сэммзом? Ну, пожалуйста! — Карен почти умоляла. — Не то чтобы это убило меня, но было бы намного лучше, если нет.

— Нет, ни один из нас не был Сэммзом, — заверил ее Наставник. — Как и Кливлендом, или Родебушем, или Костиганом, или Клио Марсден. Мы работали с этими людьми, обучали, как ты выразилась, время от времени, очень небольшими порциями, но ни разу не пытались управлять кем-то из них полностью. Один из нас, однако, был Нильсом Бергенхольмом. В то время возникла острая необходимость в безынерционных космических двигателях, а если б Родебуш или Кливленд внезапно смогли разработать то устройство, которое изобрел в конце концов Бергенхольм, это говорило бы о нашей слишком грубой работе.

— Отлично. Бергенхольм — это несущественно, он всего лишь изобретатель. Я хотела бы вернуться все же к Фостену. Когда он оказался на флагмане вместе с отцом и мог обнаружить все свои возможности, было уже поздно — за дело взялись аризиане. Но мне казалось, что вы должны были взять его оттуда. Вот этого я не могу понять.

— Ты просто не все знаешь. В последние минуты Гарлейн уже знал, что Киннисон не один и отнюдь не

беззащитен. Он обратился за помощью, но помощь не пришла; его вызов просто не дошел по назначению. Не смог он и вырваться из плена плоти, которую сам активизировал. Я лично позаботился об этом. — Карен впервые ощутила, как в обычно безэмоциональных мыслях Наставника появился холод. — Из этой формы, которую твой отец никогда не воспринимал, Гарлейн с Эддора перешел на следующую ступень существования.

Карен вздрогнула:

— Это сослужило ему добрую службу... Теперь я все поняла! Но вы уверены, Наставник, что не можете, или, вернее, не будете, учить меня чему-то еще? Ведь... Я чувствую некоторую свою... Ну, «некомпетентность» будет слишком мягким определением.

— Для столь сильного интеллекта на данном этапе развития такое ощущение неизбежно. Никто, кроме тебя, не сможет справиться с ним. Не слишком приятно, вероятно, узнать, что дальнейшее развитие целиком зависит от тебя самой. Как я уже говорил Кристоферу и Катрин, и как вскоре скажу Камилле и Констанс, вы прошли последний круг обучения на Аризии. Я в любую минуту готов откликнуться на ваш вызов, прийти на помощь, подсказать что-то или восстановить силы, если потребуется, но формально ваше образование завершено.

Карен покинула Аризию и направилась на Лирану. В голове у нее царил сумбур. У нее было слишком мало времени. Она сбавила скорость катера и несколько удлинила маршрут, чтобы хоть немного привести в порядок тот хаотичный склад, в который, как ей казалось, превратился ее мозг.

Наконец она добралась до Лираны, несколько успокоившись. Перед матерью появилась все та же счастливая и беззаботная девушка, какую привыкла видеть Кларисса.

Ты просто прелесть, мам! — воскликнула Карен. — Это просто великолепно, видеть тебя снова во плоти...

— Ну зачем напоминать об этом? — Кларисса только начала привыкать, с большим трудом, к тому, чтобы работать нагой, как все жительницы Лираны.

— Я вовсе не имела этого в виду, ты прекрасно знаешь, — рассмеялась Карен. — Но твоя фигура — просто чудо! И в таком возрасте! — Не слушая возражений матери, она продолжила: — Ты самая очарова-

тельная из всех женщин Вселенной. Ты мне безумно нравишься. Мне кажется, мы с тобой отлично смотримся вместе. Правда, у меня есть одно серьезное преимущество: меня никогда не интересовало, надето на мне что-то или нет. Как твои дела?

— Не очень. Правда, я здесь не так уж долго. — Кларисса нахмурилась. — Я не смогла отыскать Елену и все еще не выяснила, куда она пропала. Я никак не могу решить, стоит ли применять силу или лучше немного подождать. Ладора, новая Старейшая... То есть, я точно не знаю... О, она как раз идет сюда. Я очень рада, мне бы хотелось познакомить вас.

Если Ладора и была рада увидеть Карен, она никак не показала этого. Вместо приветствий женщины какое-то время настороженно изучали друг друга. Как и Елена, предыдущая правительница, Ладора была высока, превосходно сложена, с безупречной кожей и роскошными формами. Но точно такой же, к изумлению и некоторому раздражению Ладоры, если не более прекрасной, оказалась и стоявшая перед ней незнакомка. Почти мгновенно лиранианка послала сильнейший ментальный луч, пытаясь ударить соперницу, и впервые в жизни изумилась до глубины души.

Она пока ничего толком не могла сказать о том, какими возможностями располагает это странное существо, Кларисса с Сола-3, но судя по тому, как робко она действовала, они были не слишком большими. Отпрыск Клариссы, молодой и менее опытный, просто не мог не стать легкой добычей.

Но удар Ладоры — а она вложила в него всю свою энергию, — не задел даже внешнего пояса экранов предполагаемой жертвы; мгновенно же возникший ответный луч прошел сквозь экраны Ладоры, как нож сквозь масло. Внутри ее мозга как будто разорвалась чудовищная бомба, и Старшая, забыв об всем, чуть не закричала от боли и беспомощности, но не смогла. Ни один мускул лица и тела не повиновался ей; она даже не сумела упасть. И краткий взгляд, брошенный ею в сознание незнакомки, обнаружил там такую бездну ярости и презрения, что она, никогда не боявшаяся никого в целой Вселенной, в полной мере познала страх.

— Мне бы очень хотелось хорошенько пнуть тебя, просто так, чтобы посмотреть, что получится. — Карен позволила противнице увидеть, что ее разум просто

кипит от злости. — Но поскольку разбираться с вашей планетой — дело матери, я не притронусь к тебе, чтобы не сердить ее. Я знаю, какова она в гневе. — Тон девушки стал еще более холодным и высокомерным. — Я не думаю, что ты так глупа, как могло показаться, поэтому и предупреждаю, раз уж твои куриные мозги не заметили этого, что ты играешь с атомной бомбой. Еще немного, и она потеряет терпение. Тогда ты пожалеешь, что появилась на свет. Она пока ни разу не намекнула, что может сделать с вами, но я клянусь, это будет страшнее того, что я показала тебе — ведь она намного старше. Лично я не позавидую идиоту, который рассердит ее. Она разорвет тебя на части, свернет в бараний рог, запихнет тебе в глотку твою собственную ногу и заставит кататься по планете, как обруч. Потом... Все зависит от того, насколько ты выведешь ее из терпения. Да, еще одно: она всегда потом извиняется. Да, и даже пытается оплатить похороны и возместить родственникам все издержки!

Завершив злое предупреждение, Карен энергично расцеловала мать и распрощалась с ней.

— Должна сказать тебе, что не могу задержаться ни на минуту. Я пролетела миллион парсеков, мам, чтобы увидеться с тобой, но дело стоило того. Чистого пространства!

Она удалилась. Ко все еще растерянной лиранианке обернулся вовсе не ленсмен, а самая обыкновенная взволнованная мать с чуть влажными от слез глазами. Кларисса не заметила, да и не могла заметить, той сцены, что произошла у нее на глазах. Карен заблаговременно позаботилась об этом.

— Моя дочь, — пробормотала Кларисса больше себе, чем Ладоре. — Она из четверых. Четверо самых дорогих, очаровательнейших, красивейших из всех девушек, что жили когда-либо. Я часто удивляюсь, как могла женщина с моими недостатками произвести на свет таких детей.

И Ладора с Лираны, напроць лишенная чувства юмора и все воспринимающая буквально, как все на ее планете, услышав это мимолетное замечание, мгновенно сопоставила его с тем, что несколько минут назад устроила ей одна из «очаровательнейших» девчушек, и с тем, что она сказала на прощание. Старшая тут же поняла, о каких недостатках говорит это существо. А едва уве-

рившись, что ее догадки верны, Ладора буквально съежилась от страха.

— Ты знаешь, я сомневалась, стоит ли активно помогать тебе, как ты просишь, — начала беседу правительница, когда обе женщины направились через поле к бесконечному ряду машин. — С одной стороны, безопасность, а возможно, и само существование нашего народа под угрозой. С другой — ты, скорее всего, права, говоря, что ситуация может ухудшиться, если не предпринять контрмер. Мне предстоит принять нелегкое решение. — Ладора больше не пыталась выглядеть холодно-отчужденной. Она была явно напугана и все время говорила, втайне надеясь, что помощь, которую она давно вызвала, вскоре подоспеет. — Я коснулась лишь внешней оболочки твоего сознания. Не позволишь ли ты мне, сняв барьеры, заглянуть глубже, прежде чем принять окончательное решение? — В ту же секунду Ладора послала мощный пробный луч.

— Нет.

Луч Ладоры столкнулся с экраном, показавшимся ей столь же непробиваемым, как защита Карен. Никто из ее расы не имел ничего подобного. Она никогда не видела... О, видела, много лет назад, когда была еще девочкой... Тот ненавистный мужчина, Киннисон с Земли! Но Земля и есть Сол-3. Значит, Кларисса с Сола-3 вовсе не какое-то существо, а женщина, женщина того же вида, что и Киннисон. Она только с виду человек, а ментально она чудовище, которое может быть чем угодно и сделать все, что ему взбредет в его проклятую голову! Ладора помедлила, стараясь выиграть время.

— Прости. Я не собиралась проникать туда против твоей воли, — извинилась она достаточно спокойно. — Так как твоя позиция делает сотрудничество с тобой очень сложным, я пока не могу ничего обещать. Что тебя интересует в первую очередь?

— Мне хотелось бы поговорить с твоей предшественницей, существом, которое мы называли Еленой. — Странно освеженная, можно сказать, подбодренная встречей со своей неутомимой дочерью, она уже не была миссис Кимбол Киннисон, лицезреющей правительницу Лираны. Она стала Рыжим Ленсменом, полноценным ленсменом Второй Ступени, решившим наконец, поскольку просьбы, логика, призывы к здравому смыслу ни к чему не привели, что пора принять более энергичные меры. — Более того, мне необхо-

димо встретиться с ней немедленно, а не в далеком будущем.

Ладора послала последний отчаянный призыв о помощи и собрала все силы, готовясь дать отпор непрощенной гостье, проявляющей непозволительное любопытство. Как ни силен и быстр был ее мозг, сознание Рыжего Ленсмена работало быстрее и располагало большими возможностями. Все защитные экраны лиранианки разбивались, едва успев возникнуть, бешено сопротивлявшийся мозг был уже почти полностью захвачен противницей. Прибыла помощь, но это не спасло Старшую. Подвергшийся полной перестройке мозг Клариссы ни разу еще не испытывался в боевых столкновениях, но это не помешало Рыжему Ленсмену быстро оценить все преимущества нового мощного ментального оружия. Ни разу природная мягкость натуры Клариссы не заставила ее колебаться. В схватке с врагами Цивилизации она была столь же беспощадна, как холодно-кровавый Нэдрек.

С гордо поднятой головой, вытянувшись, как струна, сверкая карими с золотинками глазами, она стояла, принимая и гася все удары, которые посылал отряд защитниц повелительницы. Более того, она успевала возвращать их с лихвой: не одна лиранианка нашла в той битве свою смерть. Наконец, все еще под защитой непробиваемого экрана, Кларисса вместе со своей беспомощной пленницей пересекла поле и приблизилась к одному из самых современных на Лиране средств передвижения, небольшому триплану.

Кларисса знала, что жительницы планеты не располагают ни оборонительным, ни наступательным оружием, по крайней мере, достаточно современным. Однако на астеродроме стояла довольно мощная артиллерийская батарея. Ленсмен от души надеялась, что ей удастся удержать сознание правительницы и операторов орудий в течение нескольких минут, чтобы успеть выскользнуть отсюда. К счастью, в том месте, где она оставила свой катер, не было пушек.

— Вот мы и добрались. Теперь нам предстоит небольшое путешествие, вон на той птичке, самой быстрой из всего, что есть на планете.

Кларисса, конечно, могла управлять трипланом: любое знание или умение, которым располагала Ладора, отныне и навсегда принадлежало и ленсмену. Пока маленькая, но мощная машина неслась над планетой,

она сосредоточила почти все силы на отражении попыток сбить триплан. Некоторых снарядов ей удавалось избежать, заставляя орудийный расчет произвести неточный выстрел или неверно оценить дистанцию, от других она успевала увернуться, заранее прочитав в сознании операторов, куда именно нацелено орудие. Так что в конце концов ей удалось посадить летательный аппарат рядом со своим космокатером, не получив ни единой царапины. Конечно, лиранианки были настороже, но их немного, и они пользовались физическим оружием, а не ментальным, чтобы помешать рыжеголовому существу подняться на борт его удивительного корабля.

Через несколько минут Кларисса вместе с пленницей оказалась высоко в страгосфере. Она заставила Ладору сесть и пристегнула ее ремнями.

— Сиди спокойно и побереги свои мысли для себя, — жестко предупредила она Старшую. — Советую послушать меня, а то тебе никогда больше не придется двигаться или думать.

Она открыла шкафчик, осмотрела свой гардероб и ненадолго задумалась. Сверкающий взгляд все еще сердитых глаз упал на костюм из простой серой кожи; ей пока не приходилось надевать его — Кларисса лишь один раз примеряла форму. Надеть или нет?

Она с равным успехом могла работать в обыкновенной одежде или вовсе без нее, хоть это ей и не слишком нравилось. В Сером, однако, она производила бы большее впечатление, случись в том необходимость. Вопрос о ее праве носить знаменитую форму не стоял; причина колебаний крылась только в ее повышенной щепетильности.

В течение двадцати лет она чувствовала себя недостойной этого почетного костюма. Какое право имеет какой-то на скорую руку сфабрикованный Рыжий Ленсмен носить одежду, которая так много значила и так ценилась по всей Галактике? Однако за прошедшие годы стало широко известно, что ее ум входит в пятерку наиболее мощных и изощренных интеллектов всего Серого легиона. Когда координатор Киннисон призвал ее приступить к обязанностям, связанным со статусом Независимого, весь легион безоговорочно поддержал решение о том, что ее можно принять в ряды Серых Ленсменов. Легион прислал ей форму. Кит уверил мать, что она более, чем кто бы то ни было, достойна носить ее.

Теперь ее совесть была спокойна, Кларисса натянула форму и, внутренне содрогнувшись, выполнила тот ритуальный жест, который столько раз на ее глазах проделывал Ким, облачаясь в Серое. Ни один ленсмен, сколь долго он ни принадлежал к числу Свободных, не оставался спокойным, надевая свой почетный костюм.

Обхватив руками тонкую талию, она еще раз оглядела себя в зеркале — глазами, а потом с помощью сверхчувственного восприятия. Не удержавшись, Кларисса одобрительно кивнула. Еще немного полюбовавшись собой, она вспомнила, как недавно выговаривала старшей дочери за излишнюю самовлюбленность.

Серый кожаный костюм идеально шел ей. Возможно, несколько чересчур обтягивает, но у нее все еще безупречная фигура, это очевидно. Так. «Деламатеры» заряжены. На запястье сверкает огромная яркая Линза. Кларисса превосходно выглядит и отлично чувствует себя. Если ей придется применять грубую силу, что ж, она готова и к этому. Она послала сигнал.

— Елена с Лирана! Я знаю, ты где-то на планете. Если кто-то из твоей охраны попытается экранировать мой вызов, я просто сожгу ее мозг. Говорит Кларисса, Сол-3. Я слушаю тебя, Елена!

— Кларисса! — На этот раз помех не было. Ответную мысль пронизывала доброжелательность. — Где ты?

— Над планетой... — Кларисса указала координаты. — Я в катере, так что могу оказаться где угодно. Только скажи, где ты? И почему?

— В тюрьме. Меня держат под стражей в моих апартаментах. — Обычно у королев есть дворцы, но к правительницам Лираны это не относилось; тут все было предельно просто. — Та башня на углу, помнишь? На верхнем этаже. Почему — объяснять слишком долго. Лучше я расскажу тебе как можно больше из того, за чем ты прилетела, пока есть немного времени.

— Немного времени? Тебе угрожает опасность?

— Да. Ладора давно убила бы меня, если б осмелилась. Силы моих сторонников с каждым днем тают, а боскомиане все укрепляются на планете. Охрана уже вызвала подкрепление. Сейчас они войдут, чтобы схватить меня.

— Так вот что они задумали! — Кларисса быстро оценила расстановку сил, прикинула нужную скорость и стремительно бросила катер почти отвесно вниз. — Они уже окружили тебя?

— Не думаю. Пока я не улавливаю таких мыслей.

— Превосходно. Держись подальше от окон.

Если они еще не приступили, то никогда не смогут начать атаку; Рыжий Ленсмен нисколько не сомневалась в этом.

Она вошла в пределы досягаемости орудий. Несколько бойцов бросились к пультам, но ни один не добежал до цели. Катер снизился и ударил носом в стену указанной комнаты, сокрушая особо прочный бетон, стальные балки и стекло, преграждавшие путь. Открылся шлюз. Едва Елена появилась на борту катера, как Рыжий Ленсмен вытолкнула Ладору наружу.

— Возьми ее собой! — попросила бывшая правительница. — Я сама разделаюсь с ней!

— Нет! — отрезала Кларисса. — Я знаю все, что знает она. Мы с тобой выловим рыбешку покрупнее, моя дорогая.

Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась, и космокатер рванулся вперед, прямо сквозь стену. Судно Клариссы, изготовленное из прочнейших бериллиевых сплавов, было рассчитано на любые мыслимые нагрузки; оно спокойно выдержало удар.

Уже в космосе Кларисса перешла в свободный режим полета, установив на катере искусственную гравитацию. Елена встала, подала Клариссе руку, и женщины обменялись крепким дружеским рукопожатием. Рыжий Ленсмен едва не задохнулась от волнения.

Елена с Лираны изменилась за двадцать лет еще меньше, чем землянка. Она все еще была стройной, подтянутой, крепкой. Она не прибавила ни одного фунта к своему весу двадцатилетней давности, и в густой гриве каштановых волос нигде не блестела седина. Глаза оставались все такими же чистыми и гордыми, а кожа — по-прежнему гладкой и упругой.

— Ты сейчас одна? — вопреки собственной воле, мысль Елены обнаружила облегчение.

— Да. Мой... Кимбол Киннисон очень занят чем-то.

Кларисса все поняла правильно. Елена по-настоящему нравилась ей, и это было взаимно, но та все еще не могла вынести мысли о том, чтобы оказаться поблизости от мужчины, пусть даже это будет Ким. Ей это было так же тяжело, как Клариссе свыкнуться с привычкой лиранианок относить к любой из них неодушевленное местоимение «это»; она никак не могла смириться со столь грубым определением. Кто угодно, бросив всего

один взгляд на красавицу Елену, думал бы о ней как о женщине, а не как о предмете мебели! Впрочем, пора оставить бесполезные размышления и заняться делом. На самом деле на все эти мысли ушло не более двух десятых секунды.

— Теперь ничто не помешает нам спокойно работать. — удовлетворенно заметила Кларисса. — Ладора, в отличие от тебя, многого не знала. Ты мне расскажешь все, что сможешь, и мы вместе подумаем, с чего начать.

Глава 17

НЭДРЕК ПРОТИВ КАНДРОНА

Когда Кандрон вызвал своего подчиненного на маленькой безымянной базе, намереваясь выяснить, не удалось ли тому поймать ползниянского ленсмена, миниатюрный приборчик Нэдрека сработал так превосходно, а Нэдрек настолько полно владел мозгом пленника, что боскомианин ничего не заподозрил. Подсознание командира базы отреагировало на ключевые импульсы, он все четко воспринимал и правильно отвечал на вопросы-пароли.

Все это благодаря тому, что предусмотрительный Нэдрек поддерживал в пленнике жизнь. Его эго, образ и основа личности все еще существовали и никак не изменились. Кандрон не мог предположить, что эта личность более не владеет сознанием или телом, что она не способна ни на одну самостоятельную мысль, ни на одно движение. Эго онлониянина сохранилось, а Нэдрек им воспользовался, как своеобразным передатчиком.

Специальные пеленгаторы Нэдрека, само собой, сразу же после установления связи начали определять направление на источник и выяснять индивидуальные характеристики передатчика. Множество анализаторов предназначалось специально для того, чтобы отсечь, изолировать и выявить составляющие второго порядка, сопровождающие основной луч. Именно эти побочные мысли и интересовали Нэдрека в первую очередь. Ленсмены Второй Стадии знали, что ни одно существо не может генерировать совершенно изолированную от вторичных

частот ментальную волну. Из всех четверых только Нэдрек понял, какие возможности сулит умение отбирать и анализировать эту дополнительную информацию. Он, единственный во Вселенной, разработал и сконструировал приборы, способные это делать.

Чем сильнее и отточеннее мозг, тем меньше и обрывочнее побочные фрагменты ментальных лучей, генерируемых им. Но Нэдрек знал, что даже у Кандрона такие составляющие должны быть. По каждому из этих обрывков ленсмен мог воссоздать целое так же уверенно, как опытный палеонтолог — доисторическое животное по обломку кости.

Итак, Нэдрек успел полностью подготовиться к встрече с противником, когда Кандрон задал первый вопрос.

— Я полагаю, тебе не удалось убить ленсмена?

— Удалось, Ваше Превосходительство.

Нэдрек ощутил, что Кандрон несколько удивился, и в мозг его мгновенно возникли картины многократных неудачных покушений на жизнь проклятого врага. Очевидно, конлонианин сначала не поверил сообщению.

— Докладывай подробно! — приказал он.

Нэдрек охотно подчинился, излагая истинную правду вплоть до минуты, когда его ментальные лучи обогнули боскомианские детекторы тревоги. Вместо, мягко говоря, неприятных собеседнику сведений он сообщил следующее:

— На фотографиях, выполненных в лучах слежения во время тревоги на базе, зафиксирован необнаруживаемый катер с одним-единственным существом на борту, как предполагало Ваше Превосходительство. Тщательное изучение изображений выявило, во-первых, что он наверняка был тогда жив, а во-вторых, что его физические параметры полностью соответствуют тем, которые Ваше Превосходительство считает соответствующими Нэдреку с Полэна-7.

Поскольку Ваше Превосходительство лично рассчитывали и контролировали размещение наших излучателей, — продолжал Нэдрек, — вам известно, что для любого материального объекта, свободного или инертного, вероятность избежать уничтожения исчезающе мала. Для проверки я проанализировал случайным образом выбранные семьсот двадцать девять образцов окружающего пространства. После тщательного изучения

скорости осаждения, молекулярного состава, температур, давлений и прочих факторов, мне удалось установить, что в центре действия наших лучей находилось некое физическое тело массой приблизительно четыре тысячи шестьсот семьдесят восемь целых одна сотая тонны. Это величина, как изволит видеть Ваше Превосходительство, полностью соответствует вероятному весу снаряженного для дальних полетов катера.

Величина на самом деле соответствовала; это просто была истинная масса корабля Нэдрека.

— Точный состав? — осведомился Кандрон.

Нэдрек мгновенно выдал длинный список элементов с указанием точного их количества, которое должно было остаться в случайных точках пространства после взрыва катера вместе с пилотом — разумеется, в пределах точности экспериментальных данных. Командир базы должен знать их приблизительно, но Кандрону, скорее всего, был известен точный ответ. Так и было, и он почти поверил, что его самый сильный и заклятый враг наконец-то уничтожен, но все-таки решил проверить все сам.

— Я лично просмотрю твои записи, — распорядился онлоннианин.

— Да, Ваше Превосходительство.

Нэдрек Проницательный был готов и к этому предельно жесткому тесту. Используя зрение совершенно беспомощного командира базы, Кандрон несколько раз поверил и перепроверил фотографии, карты и диаграммы Нэдрека, более четырехсот страниц математических, физических и химических формул и выкладок, и нигде не обнаружил ни единого прокола.

В итоге Кандрон был готов полностью поверить в удачу. Правда, эту работу выполнял не он и трупа не видел. Если бы Кандрон сам занимался этим и чувствовал, как жизнь по капле уходит из тела ленсмена в объятиях его собственных щупалец, тогда и только тогда он мог бы утверждать, что Нэдрек действительно мертв. Но сейчас, хотя все, по-видимому, выполнено в точном соответствии с его указаниями, оставалось очень небольшая, но все же реальная вероятность ошибки. Поэтому он распорядился:

— Перемести поле деятельности так, чтобы охватывать секторы X-174, Y-240, Z-16. Ни в коем случае не допускай никаких отклонений от прежней программы функционирования базы, несмотря на все происшед-

шее. — У него возникла было мысль позволить подчиненному вызвать его, если произойдет что-нибудь не предусмотренное программой, но от тут же отверг ее. — Твои солдаты в порядке?

— Да, Ваше Превосходительство, они в отличной форме.

И так далее:

— Да, Ваше Превосходительство, психолог работает великолепно. Да, Ваше Превосходительство... Да... Да... Да...

Когда долгая и обстоятельная беседа все же завершилась, Нэдрек приступил к изучению только что добытых сведений. Теперь он знал, где находился Кандрон, и что он делал в последние двадцать лет, ему стало известно все о конструкции, вооружении и оборудовании корабля Кандрона, а кроме того, он четко представлял планы Кандрона на ближайшее столетие.

Нэдрек направил катер к той планете Лиги, которую Кандрон избрал следующей жертвой. Он не торопился, вовсе не собираясь вмешиваться в страшную программу всепланетного умопомешательства, которую тот намеревался осуществить. Ленсмену и в голову не приходило ни пытаться спасти планету, ни убивать онлонианина. Нэдрек, верный самому себе, безошибочно избрал наилучший способ действия.

Кандрон должен вывести катер на околопланетную орбиту, а затем воспользуется флайером, чтобы единственный раз спуститься на планету и создать там систему связи и управления. Корабль и флайер, конечно, были призраками, но Нэдрек сравнительно легко отыскал корабль и не сомневался, что сумеет засечь выход флайера из него. Дождавшись этой минуты, полэнианин приступил к исключительно тонкому делу: он собрался проникнуть на борт боскомианского боевого корабля.

Об этой операции можно было бы написать отдельный рассказ, так как Кандрон, естественно, не оставил корабль незащищенным. Правда, нельзя сказать, что ленсмен очень рисковал: заботясь о своей безопасности, Кандрон, сам того не желая, передал противнику ключи к своей практически неприступной летающей крепости. Пока Кандрон пытался решить для себя, жив полэнианский ленсмен или мертв, и особенно в ту минуту, когда он пришел к выводу, что второе вероятнее, в сознании онлонианина мелькнули образы многочисленных средств

обороны, установленных на корабле, и он подумал, не отказаться ли теперь хотя бы от некоторых из них. В этот миг Кандрон лишился системы индивидуальной обороны. Излучатели, которые обязаны были испепелить любого, кто попытается вторгнуться на корабль, оставались холодными, шлюзы гостеприимно распахивались, а невидимые лучи, которые невозможно было пересечь, не подняв тревоги, гасли, едва Нэдрек касался кнопок управления соответствующими генераторами. Короче говоря, полэнианин наперед знал все опасности и сумел воспользоваться своими знаниями.

Едва ленсмен проник на корабль боскомианина, как поспешил установить следящее устройство на случай, если Кандрон вернется неожиданно рано. Потом он тщательно осмотрел все блоки управления вооружением и оборудованием корабля, снабдил их специально разработанными небольшими приборами и слегка изменил основные схемы. Нэдрек успел завершить работу, а затем проверить и перепроверить все вновь созданные цепи, и убедился, что на корабле не осталось ни единой кнопки или рычага, не связанного хотя бы с одним из его приборов. Так же старательно он уничтожил все видимые следы своего визита и удалился, восстановив работоспособность систем охранной сигнализации Кандрона.

Онлонианин вернулся, поднялся, как обычно, на корабль, поставил в грузовой отсек катер и протянул щупальце к кнопкам на панели управления.

— Лучше не трогай ничего, Кандрон, — посоветовали ему с леденящим души спокойствием. На экране видеофона возникло изображение, которое он меньше всего ожидал и хотел бы увидеть.

— Нэдрек с Полэна-7... Звездный... Тот самый ленсмен! — Онлонианин от изумления потерял способность двигаться, но мыслил достаточно логично. — Так ты побывал здесь, и мой корабль заминирован?

Приглушенно щелкнуло реле, заработал генератор Бергенхольма, космокатер развернулся и умчался в пространство.

— Да, я Нэдрек с Полэна-7. Один из группы ленсменов, результаты совместных усилий которых вы приписываете некоему объекту «Звездный». Твой корабль, как ты совершенно верно решил, заминирован. Единственная причина, по которой ты не умер мгновенно, — то, что я хочу быть уверенным, а не просто предполагать с большей или меньшей вероятностью, что

умер именно Кандрон с Онло, а не кто-то другой.

— Я идиот! — воскликнул Кандрон в припадке бес-
сильной ярости. — Надо было отложить все свои дела и
самому прикончить тебя!

— Если бы ты сам занялся этим, сейчас тебе ничего
бы не угрожало, — достаточно спокойно согласился
Нэдрек. — Мои силы ограничены, интеллект слаб, и я,
очевидно, не выжил бы. Однако у меня есть некото-
рые сомнения, поскольку ты двадцать лет руководил
кампанией, направленной на мое уничтожение, и не
преуспел, а я достиг некоторых результатов менее чем
за полгода... Теперь моя работа завершена. Можешь
коснуться любой из кнопок, на выбор. Кстати, ты ведь
не собираешься отрицать, что ты Кандрон с Онло?

— Это было бы бесполезно. Ты знаешь мои пара-
метры так же хорошо, как я твои... Я все же не понимаю,
как ты прошел...

— Это уже ни к чему. Ты сам нажмешь на какую-
нибудь кнопку или предоставишь это мне?

Кандрон некоторое время обдумывал ловушку, в ко-
торую попал. Зная Нэдрека, он понимал, насколько
безнадежно его положение. Тем не менее оставалась
крошечная надежда. Путь, которым он пришел, сво-
боден. Единственный путь! Поэтому, выбрав время, он
потянулся к переключателю, но, так и не коснувшись
его, прыгнул через всю рубку к грузовому отсеку, собрав
для этого прыжка все силы.

Все напрасно. Одно из щупалец Нэдрека уже
лежало на кнопке. Кандрон еще не коснулся пола, когда
сработало реле, и четыре контейнера с дуодеком одно-
временно взорвались.

Вспыхнул ослепительный факел, за сотые доли се-
кунды превратившийся в огромный шар раскаленного
газа. Охлаждаясь и темнея, он стремительно распро-
странялся все дальше в безвоздушном пространстве и
вскоре исчез. Нэдрек аккуратно собрал и исследовал
пробы, убедился, что ни от Кандрона, ни от его корабля
не осталось ни одной частицы, превышающей пять
микрон в диаметре, и вызвал Серого Ленсмена.

— Киннисон? Говорит Нэдрек с Полэна-7. Задание
выполнено. Кандрон с Онло уничтожен.

— Отлично! Превосходно сделано, дружище! Что ты
выяснил? Он знал что-нибудь о высших эшелонах власти
Боскома или нет? Может, это тоже тупик?

— Я не вдавался в такие подробности.

— Вот как? Но почему?

— Это не входило в мою задачу, — терпеливо разъяснил Нэдрек. — Чтобы добыть нужные тебе сведения, необходимо было направить его мысли по вполне определенным каналам. Естественно, там есть побочные частоты и, очень возможно, какая-то из его мыслей коснулась бы интересующего тебя объекта... Но этого не было.

— Проклятие! — взорвался Киннисон, но огромным усилием воли быстро заставил себя успокоиться. — Ладно. Но послушай, мой дорогой колючий кровожадный друг. Заруби себе на панцире, напечатай большими буквами на верхушке своего непробиваемого черепа, что мало просто уничтожить противника. Нам нужна информация! В следующий раз, когда тебе посчастливится заполучить такую важную шишку, какой был Кандрон, не убивай его, пока не узнаешь, откуда он получает приказы, или не убедишься, что он ничего не знает. А вот потом можешь его прикончить, если пожелаешь. Но не раньше! Теперь я достаточно ясно выразился?

— Вполне, и поскольку ты координатор, твои инструкции будут приняты к сведению. Однако я вынужден заметить, что множество поставленных задач не только нарушает цельность проблемы, но и увеличивает время, которое придется затратить, и степень риска для того, кто ею занимается.

— Ну и что? — спросил Киннисон так ровно, как только смог. — Только так мы можем найти то, что ищем. А действуя по-твоему, мы никогда не получим желаемого. Но дело сделано, и уже бесполезно расстраиваться или возмущаться. Чем ты собираешься заняться теперь?

— Всем, чем скажешь, если я смогу исполнить твои распоряжения.

— Подожди, я свяжусь с остальными.

Он так и сделал, но не получил ни одной конструктивной идеи, пока не вызвал на связь жену.

— Привет, Ким, мой дорогой! — возникла радостная мысль Клариссы. После краткого, но теплого приветствия она продолжила: — Рада слышать тебя. Пока нет ничего определенного, о чем можно доложить официально, но есть подозрение, что на Лиране-9 готовится нечто важное...

— На девятой? — переспросил Киннисон. — А не на восьмой, как в прошлый раз?

— На девятой, — подтвердила она. — Что-то новенькое. Возможно, я слетаю туда на пару дней.

— Ни в коем случае, — возразил он. — Лирана-9 не имеет к тебе никакого отношения. Держись от нее подальше.

— Что? — переспросила Кларисса. — Мы уже как-то обсуждали с тобой, Ким, можешь ты мне указывать или нет.

— Ага, и решили, что второе лучше, — ухмыльнулся координатор. — Но теперь как должностное лицо я могу приказывать даже Серым Ленсменам, и они подчиняются. Я официально приказываю тебе держаться подальше от Лираны-9 на том основании, что она холоднее, чем сердце полэнианина, и следовательно, это дело для Нэдрека. А если ты не слушаешься, я тебя просто выпорю.

— О, это будет интересно! — рассмеялась Кларисса, но тут же вновь посерьезнела. — Но вообще-то ты прав. Ты будешь держать меня в курсе событий?

— Непременно. Чистого пространства!

И он вернулся к беседе с полэнианином.

— ...Так что это как раз для тебя. Приступай, приятель.

— Иду, Киннисон.

Глава 18

КАМИЛЛА КИННИСОН, ДЕТЕКТОР

Многие часы Камилла и Трегонси упорно, но безрезультатно пытались, каждый по отдельности, справиться с проблемой поиска неуловимого Икса. Потом она внимательно изучила мозг ригелианина, так что тот просто ничего не заметил, и прервала затянувшуюся паузу:

— Дядюшка Трег, мои выводы меня смущают. Что, если его испугал контакт именно с моим мозгом, а не с твоим, и это я заставила Икса отступить?

— Это единственная приемлемая гипотеза. Возможности моего мозга мне известны, а о возможностях твоего я даже не догадываюсь. Боюсь, я недооценил нашего противника.

— Я допустила ужасную ошибку. Я вовсе не пы-

талась тебя дурачить, честное слово! Просто во мне есть что-то, чего я не могу показывать большинству людей, но ты — совсем другое дело!

— Спасибо, Камилла, за доверие. — Догадываясь, что девушка имела в виду, он не пытался объяснять, насколько ценит ее отношение. — Я давно примирился с тем, что во многом не понимаю вас, детей Линзы. Похоже, вы и сами не вполне понимаете себя. Однако ты решила начать действовать.

— О, мне стало намного легче! Но пока мы не занялись этим, я не могла решить проблему Икса. Более того, я поняла, что не справлюсь с ней без дополнительных данных. Значит, и ты не сможешь. Проверим?

— Пока не знаю, но, возможно, ты права.

— Помимо прочих моих загадок есть еще одна: у меня необыкновенно широкий диапазон восприятия — от крупных тел до предельно малых их компонентов. Кроме того, после восприятия и анализа данных о небольшой части, я могу воссоздать логичное и последовательное целое.

— Готов поверить, что для такого мозга, как твой, это возможно. Продолжай.

— Так я определила, что недооценила мистера Икс. Кем бы или чем бы он ни был, я не сумела определить структуру его мысли. Взгляни еще раз на мой образ его сигнала, повнимательнее. Что ты можешь извлечь отсюда?

— То же, что и раньше: фрагмент простого и ясного приглашения на встречу. Больше ничего.

— Но и я вижу лишь это, а так быть не должно. — Возбужденная и озадаченная, Камилла вскочила со стула и принялась шагать по отсеку. — Эта мысль для меня совершенно ясная, а поскольку таких мыслей просто не существует, то очевидно, ее структура настолько тонка, что я просто не могу разложить ее на составляющие. Когда ты, и папа, и все остальные понимали, что чего-то не знают или не умеют, они отправлялись на Аризону. Я решила поступить так же.

— Разумно.

— Спасибо, дядя Трег, именно это я и хотела услышать от тебя. Я никогда не была там прежде и немного боюсь. Чистого пространства!

Совершенно ни к чему подробно описывать визит Камиллы к Наставнику. Ее ум, как и ум Карен, мог воспринять что-либо, только полностью осознав, что ему без этого не обойтись, и девушка сумела за один

сеанс работы с аризианином получить столько же, сколько Катрин за весь курс обучения. Она даже не предлагала ригелианину сопровождать ее на Аризию, так как оба понимали: он уже получил все, что мог воспринять. Вернувшись, Камилла приветствовала друга так, будто отсутствовала всего несколько часов.

— То, что Наставник сделал для меня, он не мог бы сделать для летающих хищников Дельгона. Это не слишком заметно, надеюсь?

— Вовсе нет. Не вижу никаких крупных перемен. В деталях, однако, ты стала иной. Повзрослела.

— Да, и даже более, чем могла себе представить. Мое первоначальное восприятие той мысли нам не поможет, поскольку я упустила все существенные подробности. Придется поискать еще один такой сигнал. На этот раз я сумею принять его целиком, ничего не потеряв.

— Но я уверен, ты можешь что-то сделать и с тем, который у нас есть. Ведь должны же быть в том отпечатке какие-то скрытые эффекты?

— Очень немного. И бесконечно мало по сравнению с тем, что там содержалось в действительности. С физической точки зрения, он относится к классу TUUV, больше позиций я не различаю. Немного напоминает невиан. Их родная планета велика и практически полностью покрыта жидкостью. Настоящих городов нет, только группы небольших полуразвалившихся зданий. Менталитет высок, но это мы и так знали. Обычно это существо мыслит на очень коротких волнах, так что в тот раз он работал на нижнем пределе своего диапазона. Их солнце, очевидно, горячая звезда основной последовательности, спектральный класс около F; и, по всей видимости, он способен сильно меняться, судя по расплывчатости образа в мозгу. Но в этом нет ничего необычного, ведь так?

Основываясь на тех данных, что имелись у Камиллы, нельзя было сделать более точных выводов. У нее, правда, и мысли не возникло, что она говорит о весенней форме обитателей Плуга. Более того, она даже не знала, что такая планета существует, если не считать туманного намека Ментора.

— Конечно. Люди планет с переменными звездами полагают, что лишь около таких звезд может существовать разум. Ты не можешь определить природу изменений?

— Нет. Хуже того, я даже не могу сказать, где эта планета находится, и, вероятно, не сумею сделать этого, даже получив для исследования полную и свежую мысль.

— Скорее всего. Ригель-4 — полная бессмыслица для того, кто никогда не слышал о Ригеле и, не сделав сознательного усилия, например чтобы объяснить чужеземцу, как ко мне добраться, я никогда не думаю о галактических координатах, вспоминая о своей планете. Я полагаю, такие данные можно получить, лишь специально запросив их. Кажется, мы ничуть не сдвинулись с мертвой точки, если не считать обретенной тобой способности точно воспринять следующий сигнал. Что ты намерена делать?

— Не я. Мы, — доверчиво улыбнулась Камилла. — Я не смогу справиться с этим сама, но вместе у нас все получится. Ты можешь направить свой ментальный луч практически в любой уголок Вселенной и даже удержать его на одном выбранном тобой атоме. Я на это не способна, но зато теперь могу неплохо улавливать и анализировать ментальное излучение и не боюсь уже потерять Икса, если мы будем в пределах нескольких парсеков от него. Предлагаю отправиться на охоту верхом: я просто усядусь на тебя — ментально, вроде того, как Кон умудрялась оседлать Ворсела физически. Это сработает. Ты согласен?

— Прекрасная идея. — Флегматичный ригелианин был заметно польщен. — Связывай свой мозг с моим, и отправляемся. Если у тебя нет никаких предположений о нужном направлении, я предпочел бы начать с точки, где мы его потеряли, и двигаться вперед, расширяя зону поиска.

— Тебе лучше знать. Я просто вцеплюсь в тебя и последую за тобой.

Трегонси начал генерировать ментальный луч. Вместе с его мыслью с той же невообразимой скоростью мчалось вперед предельно чувствительное, практически мгновенно реагирующее на раздражение создание Камиллы. Ригелианин с его удивительной способностью выжидать мог бы обшарить всю Вселенную, будь это необходимо, а Камилла, теперь уже взрослая, следовала бы за ним. Однако терпеливой паре не пришлось прочесывать весь космос. Уже через несколько часов неощутимый мысленный детектор девушки коснулся,

еле заметно и на бесконечно малый промежуток времени, той самой ментальной структуры, за которой они охотились.

— Есть! — воскликнула она, и корабль Трегонси на предельной скорости ринулся в указанном Камиллой направлении.

— Ты уверена, что он ничего не заметил?

— Вполне. Я бы и сама ничего не заметила без многомиллионного усиления. Это же только сеть, ее невозможно уловить ни анализатором, ни записывающим устройством. Я вовсе не касалась его сознания. Когда мы подойдем поближе, чтобы можно было успешно работать, дней через пять, придется дотронуться до него. Если его чувствительность сравнима с нашей, он заметит нас. Придется действовать быстро. Лучше всего разработать план. Ты можешь что-нибудь предложить?

— Могу, но предпочитаю, чтобы руководила ты. Ведь у тебя уже есть план?

— Только набросок; подробности разработаем вместе. Мой мозг не похож на твой, и в первый контакт войдешь ты.

— Хорошо. Но мысль действует практически мгновенно. Ты уверена, что сумеешь защититься, если он одержит надо мной верх?

Если ригелианина и волновало, что тогда будет с ним, он этого не показывал.

— У меня очень сильная защита. Не сомневаюсь, что смогу защитить нас обоих, но это несколько замедлит мою работу, а ведь даже небольшая задержка может помешать извлечь столь необходимую информацию. Хорошо бы обратиться к Киту... Или, еще лучше, к Кей. Она сумеет остановить даже атомную бомбу! Если Кей прикроет нас, мы оба сможем сосредоточиться на работе.

Они вновь объединили сознания, взвешивая, обдумывая, рассчитывая, анализируя и принимая решение. Когда истекли намеченные пять дней, план, тщательно разработанный в каждой мелочи, был готов.

И насколько же он оказался бесполезен! Операция закончилась, едва успев начаться.

Согласно плану Трегонси настроил свой мозг на волну Икса, как только они подошли достаточно близко. Он сделал это предельно осторожно, но с тем же успехом он мог ударить изо всех сил, поскольку,

хотя его первая мысль была слабой, совершенно невинной и никаких подозрений вызвать не могла, немедленно сработали защитные барьеры незнакомца, испустившие ответный луч такой силы, что он мог бы пройти сквозь все экраны Трегонси так, словно их просто не существовало. Но внезапная атака не достигла цели, встретив на пути экраны Карен Киннисон.

В ту же секунду с ментальным лучом, атаковавшим ленсменов, что-то произошло. Он не отскочил, не поглотился, ни на одну микросекунду не задержался. Он просто исчез, словно ничтожно малого промежутка времени противнику хватило, чтобы оправиться от шока, полученного при совершенно неожиданном сопротивлении, оценить качество барьера, сделать полное заключение о возможностях его владельца, решить, что связываться с таким существом не стоит, и спокойно отступить.

Правда, на этот раз ему не удалось ускользнуть без потерь. Камилла, как она и говорила, была готова буквально ко всему. Все свои силы — а их было немало — девушка бросила на то, чтобы опередить противника. Зная, что Карен стоит на страже, Камилла полностью сосредоточилась на одном-единственном мгновении. Однако едва она коснулась детектором экранов неизвестного существа, как сами экраны, существо, его корабль и все, что их окружало, исчезли во взрыве атомной супербомбы.

Возможно, мало кто знает, что супербомба, или, как ее иногда называют, бомба полного освобождения, отдает сто процентов своей энергии примерно за шестьдесят девять сотых микросекунды. Ничто вблизи места взрыва не успеет сделать ни одного движения, так как раньше распадется на атомы. Кроме того, пока взрыв не перейдет во вторую фазу, его не видно. Затем смертоносный шар быстро растет до диаметра в тысячи метров и охлаждается настолько, что его излучение попадает в видимый диапазон. Что касается смертельной радиации — ее там сколько угодно.

Контакт с Иксом и его уничтожение заняли примерно две миллисекунды реального времени. Облако взрыва продолжало расширяться, становясь все более разреженным, и через несколько секунд Карен сняла защитный барьер.

— Ну вот, с этим покончено, — прокомментировала она. — Мне, пожалуй, пора вернуться к своей работе. Ты нашла что-нибудь стоящее, Камилла?

— Я успела кое-что уловить перед взрывом. — Камилла была погружена в изучение сведений. — Похоже, придется повозиться. Тебя может заинтересовать, что этот самый Икс очень торопился на Лирану-9, где у него были какие-то важные...

— Девять? — резко переспросила Карен. — Не восемь? Я присматриваю за восьмой планетой системы, ты же знаешь, и даже не подумала заглянуть на девятую.

— Девять, точно. Мысль была очень четкой. Ты можешь попытаться выяснить, в чем там дело. Как мама?

— Она очень занята, а Елена оказалась неплохой помощницей. Я работаю не слишком много, так, то тут, то там, и вполне могу заняться Девятой. Конечно, мне далеко до твоих способностей детектора. Может, ты присоединишься ко мне?

— Пожалуй. Ты не возражаешь, дядюшка Трег? — Трегонси не возражал. — Мы могли бы начать исследования еще на пути к Лиране, но, так как я понятия не имею, чего мы ищем, детекторная сеть может оказаться бесполезной. Лучше подождать, пока не подойдем поближе. Чистого пространства, Кей!

— В новых данных просматривается тонкая структура, и я могу разложить и проанализировать ее, — сообщила Камилла Трегонси после нескольких часов полной сосредоточенности. — Там действительно мало побочных последовательностей, а не те туманные скрытые образы, которыми мы располагали, но так и нет ни одного указания на расположение родной планеты существа. Я могу теперь определить десять позиций классификации, а не четыре, более детально знакома с изменениями их солнца, временами года, привычками и так далее. В основном, нам это мало чем помогает. Одно кажется мне необыкновенно существенным: на Лиране-9 он собирался ввести в игру боскомианского ленсмена. Черного Ленсмена, Трегонси, как папа и предполагал!

— Тогда, он, вероятно мог быть своего рода антиподом аризиян, представителем самого высокого слоя власти. Я в самом деле очень рад, что вы с Карен избавили меня от необходимости разбираться с ним самому... Твой отец был бы счастлив узнать, что мы справились с задачей... Добрались до вершины...

Лишь небольшая часть мозга Камиллы вникала в плавную речь ригелианина: она вела конфиденциальную беседу с братом.

— ...Сам видишь, Кит, его защищал подсознательный импульс. Он должен был уничтожить себя и корабль в тот миг, когда его атакует мозг определенно более высокого уровня, чем его. Поэтому он никак не может быть эддорианином, а, скорее всего, принадлежит к промежуточному звену. Мне удалось сделать не так уж много.

— Это вовсе не так, Кам! Ты многое узнала, нащупала пути выхода на Лирану-9. Я сейчас направляюсь на Эддор. Работая сверху вниз оттуда и снизу вверх от Лираны, мы просто не можем ошибиться. Чистого пространства, сестренка!

Глава 19

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ДЫРА

Констанс Киннисон не теряла времени на душевные муки. Осознав, что ей не хватает образования, и точно определив, какого именно, она посетила Аризию, получила, то, о чем просила, и довольно легко освоила новые возможности, как ее брат и сестры.

Она, конечно, была наделена всем, чем и другие дети Линзы, но ее основные черты, которые делали Кон любимицей ленсмена Второй Стадии Ворсела, во многом походили на особенности велантийцев. Ее ум, как и у них, был быстрым, однако значительно более сильным. Она почти не обладала отцовским упорством, силой воли или прямоотой, целеустремленностью, однако кое в чем ее возможности значительно превышали возможности прочих ленсменов Третьей Стадии. Кроме того, Кон считалась жестоким бойцом; только у нее в полной мере развился инстинкт уничтожения. Когда она вступала в бой, ее мощный разум разил безошибочно и безжалостно.

Едва Констанс покинула «Велан», сообщив, что собирается на Аризию, Ворсел вызвал на связь всех ленсменов Второй Стадии, чтобы подробно обсудить проблему Дьявольской Дыры в пространстве.

Обсуждение не получилось ни долгим, ни чересчур горячим. Все просто согласилось, что, скорее всего, это просто еще одна, ненайденная пока, пещера Влэд-дык Дельгона.

Учитывая то, что Ворсел и его экипаж более двадцати лет охотились за дельгонианами и успешно истребляли их, логично было поручить именно им разобраться с Дырой — возможно, последней уцелевшей крупной группировкой их исконных врагов. Ни одному велантийцу не пришла в голову мысль, что они не сумеют справиться с заданием.

Как они ошибались!

Разыскивать Дьявольскую Дыру им не пришлось. Уже много лет назад в космосе были расставлены специальные сторожевые корабли-автоматы, управляющие компьютеры которых не рекомендовали судам с экипажами на борту проникать в область, где действовало нечто ужасное и непостижимое. Однако они лишь предупреждали об опасности и не могли воспрепятствовать вхождению в запретную зону. Ворсел просто промчался мимо них, не обращая внимания на предупредительные сигналы; он полагал, что его план действий прекрасно продуман. Корабль шел, по понятиям велантийцев, очень медленно, просто еле полз. Каждый член экипажа имел постоянно включенный генератор ментального экрана широкого диапазона. Такой же, только во много раз более сильный, экран мгновенно окружил бы корабль при первых признаках ментальной атаки. Ворсел считал, что готов ко всему.

Но Дьявольская Дыра оказалась вовсе не пещерой Владык. В некотором объеме пространства просто не существовало ничего: ни звезд, ни планет, вообще ничего материального. Но что-то там было! Как ни медленно двигался «Велан», это его не спасло. Через какие-то секунды началась атака, легко опрокинувшая все его несокрушимые щиты и барьеры. Подобный удар никогда еще не обрушивался на мозг Ворсела; губительная, темная, все время поднимающаяся волна насилия, казалось, удваивается с каждым пройденным метром пространства.

Щит, окруживший «Велан», тут же был уничтожен. Он оказался бесполезен, как и несравнимо более слабые экраны экипажа корабля. Непримиимо враждебная всему живому мысль просачивалась сквозь барьеры, не пытаясь пробить их. Аризанин или кто-нибудь из детей Линзы мог бы воспринять, проанализировать и заблокировать этот удар, но ни одному существу, имевшему уровень мышления ниже третьего, он оказался не под силу.

Ворсел, однако, был достаточно силен, ментально и физически, и смог вовремя отреагировать на атаку. Призвав на помощь все резервы своего сознания, он сосредоточился на том, чтобы вновь обрести возможность управлять телом. На миг это ему удалось, и он тут же развернул корабль и включил двигатели на полную мощность. К его удивлению, чем дальше корабль уходил от Дыры, тем слабее становилась судорога, охватившая его мозг и тело, а как только «Велан» пересек границу сети сторожевых постов, она исчезла вовсе.

Совершенно разбитый и потрясенный, велантийский ленсмен тут же попытался оказать ментальную и физическую помощь экипажу. Десять велантийцев погибли в Дьявольской Дыре, шестеро разорвали друг друга на куски, прежде чем командир сумел погасить их припадок сумасшествия. Но остальных Ворсел, врач достаточно искусный и опытный, спас. Он сохранил у них воспоминания обо всем пережитом, лишь ослабив их.

Затем он вызвал Киннисона.

— ...Но там не было ни следа какой-то личности, — закончил он краткий рапорт о страшных событиях. — Эта сила не обладает индивидуальностью; она не пыталась сосредоточиться на нас, добить или преследовать, когда мне удалось развернуть корабль. Похоже, интенсивность воздействия определяется только расстоянием. Возможно, в центре просто находится источник некоторого постоянного излучения. Хотя ничего подобного я прежде не испытывал, но продолжаю считать, что это все-таки Владыки — но они слишком сильны, чтобы я еще раз попытался совладать с Дырой. Вспомни, до встречи с тобой мы не могли победить дельгониан. Давай отправимся туда вместе, и тогда, уверен, мы найдем способ уничтожить этих дьяволов.

— Возможно, в этом что-то есть. Мне нравится твоё предложение, но сейчас я занят, — отозвался Киннисон и коротко объяснил, кто такой Брэдлой Тирон и что ему предстоит сделать в ближайшем будущем. — Как только вырвусь отсюда, я тотчас разыщу тебя. Можешь пока осмотреть окрестности, чтобы не слишком скучать.

Ворсел последовал доброму совету, и через несколько часов, а может, дней (время, не затраченное на работу, ничего не значило для велантийца) в его мозг ворвалась явно посланная через Линзу мысль.

— Ленсмен просит о помощи! Следуйте в направлении сигнала, и торопитесь, торопитесь...

Сообщение оборвалось так же внезапно, как и началось. Ворсел ощутил вспышку, которая, как он знал по опыту, означала, что ленсмен умер во время сеанса связи.

Мысль, принятая Ворселом, была совершенно отчетливой, а значит, ленсмен, пославший ее, находился где-то очень близко. Хотя сеанс связи был очень коротким, велантиец успел все же определить направление, и буквально в половину прыжка его корабль оказался у цели. Серый Ленсмен не напрасно говаривал, что у «Велана» больше ног, чем у сороконожки, и он знает, в каком порядке их лучше переставлять. Вскоре на всех мониторах корабля развернулась во всех подробностях сцена битвы.

Патрульный корабль, совершенно беспомощный, можно было считать погибшим: экраны уничтожены, щит сметен, изредка на бортах вспыхивали красные пятна — в тех местах, куда попадали лучевые иглы боскомиан, расправляющихся с судном. Пока Ворсел, охваченный бессильной яростью, мысленно перебирал самые злобные велантийские проклятия, враг приготовился штурмовать обреченный корабль, но внезапно остановился, заметив возникший в опасной близости «Велан». Патрульный крейсер скрылся в облаке взрыва дуодиновой бомбы, а налетчик же решил убраться подобра-поздорову, уничтожая все на своем пути. Все эти штучки были, однако, хорошо знакомы экипажу «Велана». Велантийский корабль немедленно включил детекторы и транспортные лучи, не забыв выставить дополнительную защиту — кольцо поглотителей аннигиляционных лучей.

«Велана» не коснулся ни один луч противника, а сам пират не сумел уйти от супердредноута, несмотря на быстроту и маневренность своего корабля. «Велан» неумолимо приближался к беглецу. Транспортные лучи коснулись пиратского крейсера и на миг остановили его.

Этого оказалось достаточно. Как Ворсел и предполагал, мощности транспортных лучей вполне хватило, чтоб за ту долю секунды, которая потребовалась боскомианскому командиру, чтобы осознать происходящее и воспользоваться «ножницами», «Велан» успел приблизиться к пирату.

— Главная батарея! Огоны! — скомандовал Ворсел еще до того, как сработали захваты. Он вовсе не соби-
рался затягивать бой.

Один! Два! Три! Пояса боскомианских экранов ярко вспыхнули и погасли, не выдержав перегрузки при первом же ударе.

Трах! Несколько дольше продержался щит, но и он не устоял, обнажив металл корпуса пиратского судна; а, как уже хорошо известно, ни одна материальная субстанция не может противостоять удару силовых полей.

На корабле велантийцев отключили излучатели и главные батареи, сделавшие свое дело, и за работу взя-
лись операторы лучевых игл, методично уничтожая все системы управления кораблем и спасательными ботами, окончательно превращая огромный космический крейсер бандитов в беспомощную груду обломков.

— Внимание! — сообщил один из операторов. — Отсек номер восемь пусть: спасательный бот вышел в космос!

— Проклятие! — Ворсел, облаченный в скафандр и вооруженный, уже представлявший себя в гуще схватки, на секунду задумался. — Проследи за ним. Сможешь?

— Именно это я и делаю. Но мне удастся держать его минут пятнадцать — двадцать, не больше.

Ворсел напряженно размышлял. Что важнее, ко-
рабль или спасательный бот? Корабль, решил он. Эки-
паж, вероятно, не пострадал; если дать им время, они могут устранить наиболее серьезные повреждения. Кроме того, на боте явно меньше людей. И даже если — что похоже на правду, — боскомианский капитан сбе-
жал, бросил корабль на произвол судьбы, велантийцев еще останется время, чтобы поймать его.

— Следи за ботом, — распорядился Ворсел, обра-
щаясь к наблюдателю. — Нам потребуется не больше десяти минут.

Так и получилось. Боскомиане — огромные не-
поворотливые чудовища, столь ж мало походившие на людей, сколь и на велантийцев, были одеты в ска-
фандры; они превосходно владели тяжелыми излуча-
телями и сражались с мужеством обреченных. Им даже удалось восстановить несколько генераторов, но ни один из них ни разу не выстрелил. Операторы систем слежения велантийцев были наготове, как и их коллеги у гене-
раторов лучевых игл, схватка в основном оказалась

рукопашной, и лишь изредка кому-то удавалось прибегнуть к ручным излучателям. Однако несмотря на то, что в крови у велантийцев живет неутолимая жажда убийства, людям удалось за двадцать лет совместных действий убедить гигантских рептилий в том, что сначала нужно добывать информацию, а уж потом уничтожать противника.

Сам Ворсел, не задерживаясь, направился к принявшему на себя командование боскомианскому офицеру. Его охрана Ворсела не беспокоила: об этих парнях позаботятся операторы игл. Кроме того, командир располагал парой тяжелых бластеров, которые не замедлил направить на велантийца. Ворсел на мгновение остановился, потом, решив, что его экраны вполне выдержат, легким щелчком хвоста распахнул дверь отсека управления и обрушился на командира всей своей массой. Боскомианин пытался сопротивляться, но, конечно же, не смог; чудовищный толчок не убил его, но изрядно покалечил. Ворсел же едва ощутил удар; тяжелые, сильные велантийцы с рождения привыкали к таким перегрузкам, которые обратили бы в пыль кости почти любого другого существа.

Ворсел отшвырнул оружие боскомианина одним взмахом закованной в броню лапы, отключил свой экран и экран противника и ударил по шлему командира, сначала слегка, для пробы, а потом со всей силой. Шлем, к сожалению, оказался крепким и устоял. Целым оставался и ментальный экран, а его внешнего генератора обнаружить не удавалось. Скафандр, черт его подери, был хорош! Подпрыгнув к потолку, Ворсел вновь навалился на грудные пластины скафандра противника, ударив так, что чуть не расшиб себе голову. Опять впустую! Велантиец вклинился между двумя тяжелыми балками, обернул хвост несколько раз вокруг ноги боскомианина и дернул. Бронированная туша перелетела через комнату, ударилась о тяжелую стальную переборку, подпрыгнула и упала. Скафандр монстра расплющился, на стене появилась огромная вмятина, но ментальный экран все еще держался!

Времени оставалось совсем немного. Еще один удар добил бы жертву, если, конечно, она вообще еще дышала. На борт «Велана» боскомианина брать было нельзя; ментальный экран следовало уничтожить прямо здесь, и немедленно. Теперь Ворсел увидел, где отключается генератор, но, оставаясь в скафандре, не мог справиться с довольно тонкой работой. Атмосферы в ко-

рабле не было, поэтому снять скафандр он тоже не мог.

Или мог? Вполне. Он вполне может задержать дыхание на несколько минут, а больше ему и не надо. Он перекрыл свой баллон с дыхательной смесью, приоткрыл скафандр, высунул четыре или пять конечностей и сосредоточенно приступил к делу: раскрыл броню боскомианина и отключил его ментальный экран. Эта тварь все еще не подохла. Отлично! Он не знал никаких секретов, как и другие члены экипажа... Но... Босс — крупная рыба — ушел. Кто или что это было?

— Говори! — взывал Ворсел, быстро обшаривая закоулки сознания умирающего чудовища. — Говори же!

Но боскомианин угасал; образы в его подсознании быстро разрушались. Бессмысленные обрывки, добытые благодаря упорным усилиям Ворсела, сложились в некое подобие Линзы.

Ленсмен? Невозможно! Просто невысказано! Но стоп. Разве Ким не обмолвился совсем недавно, что могут существовать Черные Ленсмены?

Закончить мысль Ворсел не успел: ему стало плохо. Он почти потерял сознание, перед глазами заплескали красные, черные и фиолетовые пятна. Он с трудом закрыл скафандр, подключил баллон с воздухом, глубоко вздохнул и пошатнулся. Двое ближайших ленсменов, постоянно поддерживавших контакт со своим командиром, поспешили к нему и оказались рядом с Ворселом как раз в ту минуту, когда он совершенно пришел в себя.

— Всем срочно вернуться на «Велан»! — приказал он. — Некогда развлекаться. Надо захватить спасательный бот! — Когда приказ был выполнен, он продолжил: — Взорвите этот хлам... Отлично. Вперед!

Поймать бот оказалось легко. Через пару секунд он уже болтался рядом с «Веланом», прочно удерживаемый мощными транспортными лучами. Но, как ни спешил Ворсел, внутри он нашел лишь нечто, когда-то бывшее ленсменом. Это существо походило на дельгонианина, оно буквально разодрало себя на части и не умерло до сих пор лишь благодаря удивительной жизнестойкости всех рептилий. На его Линзе все еще вспыхивали случайные блики света, а в быстро разрушающемся подсознании кое-что можно было разобрать. Ворсел занимался этим, пока Линза не погасла совсем; потом он вызвал Киннисона.

— Я понял, что ошибся, не захватив сразу бот, —

виновато доложил он. — Линза этой твари уже затуманилась, ее прочесть не удалось, но то был Черный Ленсмен! И единственная его более или менее четкая мысль касалась чрезвычайно важных событий на планете Лирана-9. Мне очень неприятно, что так получилось...

— Ладно, что уж теперь... — Киннисон запнулся. — Кроме того, ты сделал не так уж мало. Ты нашел Черного Ленсмена, который совершенно точно не происходит с Калонии, и получил четкое подтверждение повышенного интереса боскомиан к Лиране-9. Возвращайся потихоньку поближе к Дьявольской Дыре, а я присоединюсь к тебе сразу, как только смогу.

Глава 20

КИННИСОН И ЧЕРНЫЙ ЛЕНСМЕН

— Парни, по местам! — приказал Тирон-Киннисон, и огромный крейсер двинулся к станции, пристроившись в хвост флагману Мендоная. Действовали все три пояса многослойных оборонительных экранов, а также системы слежения и ментальные экраны.

Пока корабли тесной группой шли к Калонии-3, боскомианские эксперты изучили защиту «Неустрашимого» и пришли к выводу, что она совершенно непробиваема. Единственным открытым каналом оставался экран Тирона, затуманенный ровно настолько, чтобы на нем виднелась лишь физиономия легендарного пирата.

Окончательно убедившись в этом, Мендонай начал тихо свирепеть. Свойственный калонианам голубой цвет кожи стал более насыщенным, выдавая его мрачное и злобное настроение.

Никто еще не оскорблял его так. А что он мог поделать? Самого Тирона пока трогать нельзя. Пират нахально втерся в самую середину боскомианского флота, показывая этим, что никого и ничего не боится. Калонианину оставалось только кипеть от негодования. Его подчиненные старались ходить на цыпочках и все более пунктуально следовали жесткому кодексу Боскома. Слухами земля полнится: весь флот уже знал, что их милость получил хороший пинок под зад и что парню, сделавшему это, крупно повезет, если он сумеет уйти живым.

Когда флот разворачивался перед инертным маневрированием в атмосфере Калонии, Киннисон снова обернулся к юному ленсмену:

— И еще одно, Фрэнк! В надежности защиты я не сомневаюсь, в свое время об этом позаботились отличные специалисты. Тем не менее, может произойти что-то непредвиденное. Я буду связываться с тобой, если узнаю что-нибудь интересное. Помни, о чем я предупреждал тебя. Если я получу то, что мы ищем, можешь обо мне забыть, твоя задача — вернуться с информацией на базу. Не пытайся строить из себя героя, ясно?

— Да, сэр, — ленсмен запнулся. — Но я надеюсь, ничего подобного...

— Я тоже, — усмехнулся Киннисон, влезая в знаменитый дауремовый скафандр, — и скорее всего, так и будет. Вот почему я туда иду.

Киннисон и Мендонай, усевшись в очень похожие космоктеры, борт о борт направились на посадку. Затем высокие договаривающиеся стороны вместе вошли в офис Черного Ленсмена Меласа. Владелец офиса также был облачен в тяжелый скафандр, но без внешнего ментального экрана, ибо тот ему был просто не нужен. Тирона, естественно, защищал экран, и это мгновенно насторожило Меласа.

— Сними экран, — грубо приказал он.

— Рановато, приятель, не торопись, — огрызнулся Тирон. — Кое-что о вашей дыре мне еще не вполне ясно. Придется немного поговорить, прежде чем я откроюсь.

— Заткнись, крыса. Разговор, особенно с тобой, нас не интересует. Нам нужна правда и только правда. Сними экраны!

* * *

Любящая Катрин, дежурившая в космоктере неподалеку, насторожилась и послала вызов:

— Кит, Кей, Кам, Кон... Вы свободны? — Все оказались свободны, по крайней мере, сейчас. — Мне бы хотелось, чтобы вы подошли поближе. Я совершенно уверена, что-то произойдет. Отец, конечно, легко справится с этим Меласом, если только не вмешается никто из вышестоящих, а они, вероятно, так и сделают. Они дорожат ленсменами и стараются обеспечить их защиту. Ясно?

— Ясно.

— Ну вот, как только папа попытается прижать его, тут же появится защитник, — продолжала Катрин, — а смогу я справиться с ним в одиночку или нет — зависит в основном от его ранга. Поэтому я прошу подстраховать меня. Всего пару минут, на всякий случай.

Насколько иначе взялась Катрин за дело, чем в тот памятный день, в гиперпространственном тоннеле! И ее осторожность была совсем не лишней.

— Погодите, девочки, у меня есть идея, — взял слово Кит. — С тех пор как мы прошли последнюю ступень обучения, нам ни разу не приходилось работать вместе. Надо бы попрактиковаться. Попробуем?

— О, да! Давайте! Приказывай, Кит! — почти одновременно пришли три одобрительных возгласа, а секундой позже еще один:

— Приказывай Кит, — согласилась Катрин без особого энтузиазма. Естественно, она предпочла бы справиться со своим делом сама, но пришлось признать, что план брата лучше.

Кит предложил в качестве матрицы свой мозг, четверо девушек вошли в его сознание, и у всех пяти-рых перехватило дыхание от восторга. Ощущение было новым, необычным. Каждый из них полагал, что для успешной работы в группе им потребуется некоторое время и определенный опыт. Вместо этого они ощутили себя совершенным единым целым. Это был блок, идеальный, полный, законченный, в действиях и мышлении которого не существовало и не могло существовать ни одной микросекунды сомнений или неуверенности.

— Ааа... Ооо... Ух! — Кит проглотил неожиданно вставший в горле комок. — Да, малышки, это...

— Ах, дети, вы все-таки сделали это, — мягко вошла в объединенное сознание мысль Наставника. — Теперь вы понимаете, почему я не пытался описать ментальную блокировку никому из вас. Это кульминационный момент моей жизни, наших жизней. Впервые — за более долгий срок, чем вы можете себе представить, — мы обрели полную уверенность в том, что наши жизни прожиты не напрасно. Но хватит! То, чего вы ожидаете, скоро будет здесь.

— Что это? Кто? Скажите нам, как...

— Мы не можем, — четыре аризиянина отозвались, как один. Поток несказанного благословения залил

детей Линзы. — Мы, сделавшие блок возможным, практически ничего не знаем о том, как он действует. Совершенно точно известно, что вам не нужна помощь наших более слабых умов. Это самое совершенное создание нашей Вселенной!

Ментор исчез. В ту же секунду, еще раньше, чем Кимбол Киннисон отключил экран, в объединенное сознание блока ворвалась загадочная, почти неощутимая и всепроникающая, чужеродная мысль.

Помощь Черному Ленсмену? Изучение новой ситуации? Или просто наблюдение? Единственное, что было ясно всем — эта холодная и четкая мысль была враждебной Цивилизации.

И вновь все произошло мгновенно. Немедленно возник непроницаемый экран Карен. В тот же миг Констанс собралась и ударила с такой силой, которая раньше была ей недоступна. Камилла, непревзойденный сканнер-детектор, синхронизировалась с атакующей ментальной волной, чтобы точно определить координаты и характеристики пославшего ее существа. А Катрин и Кит со всей энергией, волей и сосредоточенностью, свойственными в полной мере лишь человеческой расе, ринулись за ней, впитывая информацию.

Ни один из них не сделал никакого сознательного усилия; блок впервые взялся за дело. Описать его работу практически невозможно, но каждый из пятерых знал, что неизвестному защитнику Черного Ленсмена, кем бы он ни был и где бы ни находился, больше никогда не придется думать. Шли секунды. Блок ожидал повторной атаки, но ее не последовало.

— Отличная работа! — Кит разорвал связи, и каждая из девушек ощутила братское похлопывание по спине. — Пока от нас, кажется, ничего больше не требуется. Возможно, стоит оставить дежурного. Вы — замечательные, да и я тоже! Как мы теперь сможем работать!

— Но это оказалось слишком просто, Кит! — воскликнула Катрин. — Слишком просто, чтобы походить на встречу с эддорианином. Мы вовсе не так хороши. Да я одна могла бы справиться с ним... Мне кажется, — торопливо добавила она.

— Ты надеешься, ты имеешь в виду! — фыркнула Констанс. Если удар был столь сильным и резким, как я опасаясь, все, на что он обрушился, выглядело бы потом слабым и беззащитным. Почему ты не велел нам работать поаккуратнее, Ким? Ты же наш Боль-

шой Мозг! Мы даже не успели вообще осознать, что на самом деле перед нами. Хоть что это было?

— Я не успел, — усмехнулся Ким. — Все шло само собой. Своего рода опьянение вспышкой собственного энтузиазма. Теперь, когда мы уже знаем, на что способны, в следующий раз можем не так усердствовать, если хотите. Что касается последнего вопроса, Кон, ты обратилась не туда. Это был эддорианин, Кам, или нет?

— Какая разница? — спросила Карен.

— С практической точки зрения, никакой. Но для полноты картины это важно. Рассказывай, Кам.

— Это не эддорианин, — немного подумав, отозвалась Камилла. — Похоже, Кит, это был еще один представитель той высокоразвитой расы, которую ты уже занес на первую страницу маленькой черной книги.

— Я так и предполагал. Недостающее звено между Калонией и Эддором. Готов поспорить, что это проклятая планета Плур, о которой нам прожужжал все уши Наставник. Черт возьми!

— Почему ты так ругаешься? — жизнерадостно осведомилась Констанс. — Давайте снова соединимся, и наш блок отыщет его и пошлет ко всем чертям, каких ты только вспомнишь. Это должно быть забавно.

— Притормози, малышка, — посоветовал Кит. — Плур для нас табу, тебе это известно так же хорошо, как и мне. Наставник советовал нам всем не пытаться исследовать его. Мы, мол, сами обо всем узнаем в свое время, и мы сделаем, как он велел. Я предлагал ему как-то раз отпустить меня туда разведать, в чем дело, но он ответил, что если я только попробую, он завяжет мои ноги узлом вокруг шеи, или что-то в таком роде. Иногда мне хотелось хорошенько наподдавать этому жуку, но до сих пор все, что он говорил, неизменно подтверждалось позднее. Остается только смириться с этим.

* * *

Киннисону очень хотелось выключить ментальный экран, так как он не мог работать сквозь него, а работать так или иначе все равно придется. Он знал, что может справиться с любым Черным Ленсменом, но прекрасно понимал, что Мелас может обратиться за помощью. Он знал также, что несколько покривил

душой, заверяя молодого Фрэнка в практически полной безопасности предприятия. Возможность выйти из передраги живым для Серого Ленсмена была крайне мала.

Тем не менее он находился в хорошей форме. Киннисон не пытался рисоваться или лгать самому себе, говоря, что его можно списать в расход. Именно поэтому были наготове Фрэнк и огромный «Неустрасимый». Им предстояло принять информацию и во что бы то ни стало доставить ее на базу.

Он нисколько не сомневался, что может выжать из Меласа всю информацию, которой тот владеет, столкнувшись с калонианским ленсменом мозг к мозгу. Он знал, что ничто и никто в Боскоме не сумеет достаточно надежно скрыть сведения или достаточно быстро убить Серого Ленсмена, чтобы сохранить тайны Высших. Кимбол готов был пустить в ход все ментальное оружие, которым располагал, едва представится случай. А вот потом надо попытаться выбраться отсюда. Если получится, отлично. Если нет, что ж...

Киннисон щелкнул переключателем. Пространство буквально вскипело вокруг каналов связи, где развернулось сражение двух мощных интеллектов. Калонианин, один из наиболее сильных, стойких и высоко развитых представителей этой дьявольской расы, был твердо убежден в собственной неуязвимости, и это многократно увеличивало его огромную природную силу.

Все дальше и дальше, дюйм за дюймом, отступала защитная зона Черного Ленсмена, погружаясь все глубже и глубже в его разум. Киннисон, неотступно преследовавший противника, ничего не находил.

Ни следа знания о высших кругах боскомианской сети, никакого намека на существование настоящей организации Черных Ленсменов, только совершенно удивительные сведения о том, что он нашел свою Линзу на Лиране-9. Причем нашел в буквальном смысле слова! Он ничего не видел, не слышал и ни с кем не общался на таинственной планете.

Обе фигуры, облаченные в неуклюжие скафандры, стояли неподвижно, и не было заметно никаких признаков происходящей между их интеллектами упорной борьбы. Поэтому боскомиане не удивились когда Черный Ленсмен заговорил.

— Очень хорошо, Тирон, предварительную проверку ты прошел. Я знаю теперь все, что нужно. Я

провожу тебя на твой корабль, где мы завершим исследование. Показывай дорогу.

Киннисон кивнул. Когда космокатер вновь оказался в грузовом отсеке «Неустрашимого», Черный Ленсмен обратился по видеосвязи к вице-адмиралу Мендонаю:

— Я забираю Брэдлоя Тирона и его корабль в космопорт на Четвертой, где его смогут тщательно изучить. Возвращайтесь к своим обязанностям.

— Я прошу прощения, Ваше Превосходительство, но... Но я... я нашел этот корабль! — осмелился возразить Мендонай.

— Спасибо, — фыркнул Черный Ленсмен. — Я непременно укажу в своем отчете, какую важную роль вы сыграли в захвате этого корабля. Идите! Читайте, вам повезло, так как я готов закрыть глаза на явное нарушение субординации с вашей стороны.

— Прошу простить меня, Ваше Превосходительство, удаляюсь. — На сей раз он, похоже, осознал свою ошибку, так как флот исчез.

Вот так «Неустрашимому» удалось благополучно уйти с Калонии и направиться к месту встречи с «Веланом». Киннисон, не теряя времени, вновь погрузился в сознание пленника, исследуя линию за линией и клетку за клеткой. Он находил там все то же: Лирана-9, без намека на какой-либо смысл. Поскольку боскомиане, безусловно, не были сверхсуществами и вряд ли могли сами изготовить Линзы, им, вероятно, приходилось получать их на своеобразном аналоге Аризии. Может, это и есть Лирана-9? Но это просто смешно! Тем не менее Мелас именно там приобрел свою Линзу. Кроме того, если он и проходил специальное обучение, как и всякий ленсмен, в его памяти не осталось никаких следов. Не было там и шрамов от хирургического вмешательства. Что за чертовщина! Как найти в этом абсурде хотя бы толику здравого смысла?

* * *

Постоянно наблюдающая за отцом Катрин могла бы объяснить ему, в чем дело, но не стала вмешиваться. Ее дар предвидения постепенно прояснял суть дела. Конечно, Лирана ни при чем, как и Плур; Линзы происходили с Эддора. Обучение было подсознательным, и это существенно ослабляло возможности Черных Лен-

сменов. Впрочем, ни эддориане, ни плуране с их извращенным способом мышления этого, вероятно, не осознавали. Итак, Черные Ленсмены не способны на серьезные дела. Отлично.

* * *

Киннисону пришлось выполнить неприятную, но неизбежную работу: разложить тело пленника на атомы. Затем он обратился к своему помощнику-ленсмену:

— Возьми все на себя, Фрэнк, пока я не вернусь. Это должно быть недолго.

Киннисон и Ворсел в инертном космокатере пересекли сеть, ограждающую Дьявольскую Дыру, со скоростью всего несколько миль в час, и катер медленно пополз вперед. Специальные датчики готовы были немедленно развернуть его и послать обратно на полной скорости, стоило только шевельнуть пальцем одному из ленсменов. Киннисон ничего не ощущал, хотя, войдя в контакт с мозгом Ворсела, понял, что друг его подвергся удару именно в этом месте.

— Возвращаемся, — предложил Серый Ленсмен и включил двигатели. — Я внимательно обследовал пространство. Пусто. По-моему, достаточно.

— Вполне. Я тоже ничего не нашел.

Каждый вернулся на свой корабль и, пока «Неустршимый» и «Велан» мчались к далекой системе Лираны, Киннисон шагал взад-вперед по своей каюте, погруженный в мрачные размышления.

— Лирана-9... Лирана... Лирана... И что-то, чего я не могу ни ощутить, ни воспринять, убивает все вокруг... О клыки Клоно и его рога! Что же происходит?

Глава 21

РЫЖИЙ ЛЕНСМЕН НА ЛИРАНЕ

История Елены оказалась короткой и грустной. Боскомиане, гуманоидные или близкие к ним существа, пришли на Лирану и развернули широкую кампанию пропаганды по всей планете. Старейшин Лираны призывали покончить с изолированным существованием. Матриархат называли самым совершенным государственным строем во всей истории Вселенной. Почему же

столь высокоразвитая раса ютится на крохотной планетке, вместо того чтобы владеть целой Галактикой? При нынешнем положении дел ее королевой могла быть лишь одна из них. Все прочие, пусть даже и более достойные, оставались ничем... И так далее. Непрошенные гости, настаивавшие на том, что они не более мужчины, чем местное население — женщины, прямо-таки жаждали научить их, как выйти из такого нестерпимого положения. Лирану сразила простота способа, с помощью которого, под чутким руководством боскомиан, амазонки могли выйти в просторы Галактики.

Елена всеми силами боролась с нашествием. Она презирала самцов своей расы и стойкое питала отвращение ко всем остальным представителям мужского пола. Уверив себя, что их планета — единственная, где существует столь любезный ее сердцу матриархат, особенно с тех пор, как обнаружилось, что ни Киннисон, ни боскомиане не сталкивались ни с чем подобным, она не сомневалась, что любой контакт с другими культурами приведет никак не к расцвету матриархата, а к его развалу и падению. Она не только агитировала против пришельцев столь же яростно, как и они, но и пользовалась их методами.

Благодаря врожденному консервативному мышлению лиранианок Елена сравнительно легко подавила видимые проявления интереса к планам незваных гостей и решила, что вопрос исчерпан. На самом же деле она просто загнала сторонниц боскомиан в подполье, где необыкновенно быстро и пышно разрослось целое движение. Молодежь, бунтовавшая, как всегда, против ограниченного, реакционного и косного старшего поколения, с восторгом присоединилась к подпольным проповедникам Нового Дела. Но и старшее поколение не было твердым в своих воззрениях, ведь тысячи и десятки тысяч лиранианок не могли рассчитывать на сколько-нибудь заметное положение и охотно внимали сладкоречивым посулам боскомиан.

Недовольство правящими кругами быстро росло и в конце концов вылилось в тщательно спланированное восстание, в ходе которого Елену свергли и заключили под стражу до предстоящего суда, который, впрочем, был бы фарсом от начала до конца — до смерти.

— Понятно. — Кларисса закусила губу, задумавшись. — Очень грустно... Ты не можешь припомнить никого из лидеров движения, кто был близок к тебе?..

Ясно, ты не могла обнаружить их, несмотря на телепатические способности. Это довольно понятно... Все же кое-чем ты можешь помочь мне... — Рыжий Ленсмен подняла взгляд к потолку. — Не знаю, была ли эта особа действительно их вождем, но она как-то связана с боскомианским ленсменом. Имени ее я не знаю... Она управляла космопортом, когда здесь находились мы с Кимом...

— Клеони? Но я никогда не думала... Вполне возможно... Да, когда я вспоминаю прошлое...

— Взгляд назад обычно более точен, чем попытка предвидения, — усмехнулась Кларисса. — Я сама это замечала много раз.

— Так и есть! Она была вождем! — возбужденно воскликнула Елена. — Я убью проклятую злобную кошку, эту дрянь, эту предательницу!

— Она, конечно, заслуживает таких эпитетов, и ты даже не представляешь, насколько, — мрачно согласилась Кларисса. — Итак, нашей отправной точкой должна стать Клеони. Не знаешь ли, где искать ее?

— После восстания я ничего не слышала о ней. — Елена задумалась. — Хотя, если она действительно была одним из первых лиц в той мерзкой истории и скрывалась за спиной этого безмозглого ничтожества, Ладоры, она не решится надолго покидать планету. А вот где ее искать... Если бы подойти поближе... Ты не могла бы провести этот чудесный аппарат над несколькими городами?

— Конечно. На вашей планете ничто не угрожает моим экранам. А зачем?

— Кажется, я знаю несколько мест, где может скрываться Клеони. Если бы удалось подобраться поближе, я могла бы отыскать ее, хотя она, конечно, прячется от меня. Но мне бы не хотелось подвергать тебя риску и точно так же не хотелось бы погибнуть теперь, когда ты спасла меня... по крайней мере, пока я не прикончу Клеони и Ладору.

— Хорошо. Чего мы ждем? Куда лететь?

— Сначала обратно в город — по нескольким серьезным причинам. Клеони, скорее всего, там нет, но лучше удостовериться в этом. И мне нужны мои винтовки...

— Винтовки? Зачем? «Деламатеры» лучше. Я все сейчас объясню.

Одного легкого ментального прикосновения оказалось достаточно, чтобы лиранианка все узнала о «делама-

терах». Это впечатлило Елену еще больше, чем устройство и возможности оружия.

— Какой мозг! — воскликнула она. — Раньше ты не могла делать ничего подобного? Нет, ты не сумела бы скрыть это!

— Ты права; я многому научилась с тех пор. А зачем тебе излучатели?

— Чтобы убить эту дрянь Ладору и змею Клеони, как только ты разберешься со своими делами.

— Но зачем оружие? Разве ты не можешь воспользоваться ментальным полем?

— Я понимаю, ты удивлена... Но я не могу, — откровенно призналась Елена. — Все взрослые нашей планеты обладают примерно одинаковой силой разума. Кстати о силе: я очень надеюсь, что твой катер, хотя и маленький, способен выдержать атаку огромных боскомианских кораблей...

— Вовсе нет! С чего ты решила, что это так?

— Ты сама сказала. Или ты не понимаешь, что Ладора, конечно, обратится к Клеони, как только ты покажешь зубы, а Клеони наверняка вызовет ленсмена или другого боскомианина? У них полно военных кораблей, совсем недалеко от нас!

— О, небеса! Конечно, я и не думала, что все так серьезно!

Кларисса задумалась. Вызывать Кима бесполезно. «Неустрашимый» и «Велан» итак на полной скорости мчатся сюда, но придут примерно через день. Да и Ким приказал ей ни во что не вмешиваться, а она собиралась нарушить его распоряжение. Рыжий Ленсмен вновь обратилась к экс-королеве:

— Два самых лучших наших корабля идут сюда; надеюсь, они успеют вовремя. Нам же придется действовать быстро. Приступим к изучению города. В конце концов, Клеони не знает, что я ищу ее.

— Да? — пессимистично отозвалась Елена. — Клеони знает, что я разыскиваю ее и что сейчас мы с тобой работаем вдвоем. Скорее всего, она подумает, что мы охотимся за ней, даже если это не так. Но мы уже достаточно близко. Мне надо сосредоточиться. Пожалуйста, пролети как можно ниже над городом.

— Хорошо. Я настроюсь на твою волну. — Кларисса изучила отпечаток Клеони, настроилась на нее и прочесала весь город, пока Елена еще только собиралась приступить к работе. — Ее здесь нет, если только она не

укрылась вон за теми ментальными экранами, — заметила Рыжий Ленсмен. — Ты не знаешь, откуда они?

— Ментальные экраны! Несколько штук есть у боскомиан, но ни у кого из наших их нет. Как ты их нашла? Где они?

— Один там, а два вот здесь. Они выглядят как большие черные пятна на белом фоне. А ты их не видишь? Я думала, твои сканнеры точно такие же, как у меня, но, похоже, это не так. Попробуй настроить на них систему слежения. Если у них установлен блок против просвечивающих лучей, придется спуститься и взорвать их.

— Там только всякая мелочь, — доложила Елена после непродолжительных манипуляций с достаточно знакомым ей прибором. — Конечно, их стоило бы пристукнуть из общих соображений, но сейчас лучше не тратить время. Теперь можно осмотреть поселение, лежащее к северо-востоку отсюда.

Но и в этом городе Клеони не оказалось. Не было ее и в следующем, и еще в одном. Но мониторы космолетера оставались пустыми, и двое разведчиков продолжали свою охоту. Конечно, им пытались помешать; на ноги поставили гвардию всей планеты, но мозг Клариссы позаботился о защите, которая делала катер неуязвимым для вооруженных сил Лираны.

Наконец одновременно произошли два события. Кларисса нашла Клеони, а Елена увидела туманное расплывчатое пятно в левом нижнем углу монитора.

— Это не наши, — мгновенно определила Кларисса. — Не то направление... Это боскомиане. У нас есть десять минут, может, двенадцать, а потом придется уходить. Надеюсь, мы успеем, если немного постараемся.

Она направила катер вниз, перевела в инертный режим и стала снижаться так стремительно, что для любого обычного пилота такой трюк закончился бы верной гибелью. Катер прошел сквозь стену первого этажа угрюмого, лишенного окон здания. Кларисса знала, что массивная многоэтажная конструкция может защитить их от тяжелого оружия, которое, вероятно, скоро появится здесь. Затем она приступила к исследованию здания. Клеони укрылась в одном из подземных убежищ, в самой глубокой части фундамента. Она, конечно, имела при себе генератор ментального экрана, но иногда отключала его, чтобы выяснить, что происходит. Одного из таких мгновений оказалось достаточно — генератор больше не включился.

Но как вывести ее отсюда? Конечно, физическое насилие не годилось. Ага! Там были электрорезаки! Не отдавая отчета в своих действиях, два лиранских механика отправились по коридору, подошли к эскалатору, спустились на четыре уровня и начали прожигать толстую стальную дверь.

В этот миг все здание дрогнуло от сильного взрыва, и Кларисса увидела, что крейсер боскомиан на подходе. Еще пара таких попаданий, и от здания останутся лишь обломки металла и камня! Она уже справилась с шестью упрямыми, как ослы, стражами; боскомианский корабль тем временем быстро приближался, и она засомневалась, сумеет ли уйти от него.

Но где-то в глубинах подсознания нарастали новые силы — те, которые делали ее уникальным существом, женщиной-ленсменом. Киннисон, которому приходилось сталкиваться со многими из них, догадывался, но так никогда и не узнал точно, что сделала в тот день его любимая жена.

Даже Елена, стоявшая рядом, не поняла, что происходит; потеряв контроль над ситуацией, она могла только смотреть и удивляться. Она знала, что эта носительница Линзы с Земли, побледневшая, напряженно склонившаяся над пультом, пустила в ход неизвестную на Лирани, страшную, сокрушающую все преграды силу. Елена видела, как снаряды пролетали мимо цели и взрывались, не причиняя никакого вреда их суденышку, как замирали на месте передвижные излучатели; Клеони же, сопротивляясь изо всех сил, тем не менее шла к космокатеру. Само собой, множество людей, пытавшихся помешать Клеони или застрелить ее, оказались просто физически неспособны действовать. Видя такие чудеса своими глазами, Елена даже представить себе не могла, как все это происходило.

Клеони поднялась на борт катера, и Кларисса вышла из транса. Космокатер взревел, проложил дорогу сквозь рушащиеся стены укрытия и вырвался в открытый космос. Ленсмен встряхнула роскошными рыжими волосами, вытерла пот с лица, взглянула на крошечное пятнышко в углу экрана — недалеко от того пятна, в котором теперь ясно угадывался боскомианский крейсер, — и устало откинулась на спинку кресла.

— Мы сделали это, — объявила она. — Хотя катер не легко обнаружить, им известен наш курс, и они давно могли увидеть нас на видеозэкранах. С другой

стороны, сейчас они уже наверняка заметили наши корабли, так что мне кажется, что боскомиане не станут преследовать нас. Посиди за мониторами, Елена, а я попытаюсь выяснить, что известно Клеони. Кстати, а как тебя зовут на самом деле? Не слишком вежливо называть тебя именем, которое ты никогда не слышала до встречи с нами.

— Меня зовут Елена, — ответила к удивлению Клариссы экс-королева. — Имя понравилось мне, и я приняла его.

— О... Это настоящий подарок Киму и мне. Спасибо!

Затем она перенесла свое внимание на пленницу, и едва мозг Клариссы коснулся сознания лиранианки, глаза ее вспыхнули. Клеони оказалась настоящей находкой: эта женщина знала невероятно много о том, что еще не было известно никому из Патруля. И она, Кларисса Киннисон, первая из всех Серых Ленсменов, узнала об этом! Еще раз все проверив и окончательно убедившись, что не ошибается, она постаралась запечатлеть в своей памяти все подробности добытой информации.

* * *

Карен и Камилла, находясь на борту корабля Трегонси, взглянули друг на друга и быстро обменялись мыслями. Надо ли вмешиваться? Пока такой необходимости не возникало, но похоже, вскоре все-таки придется помогать матери, а если она все поймет, это может разрушить ее сознание. Хотя... Она наделена такой природной стойкостью, даже большей, чем у отца, что, возможно, сумеет все понять и принять. И мама никому ничего не скажет, даже отцу, а сам он не станет совать нос в чужие дела. Может, лучше было бы экранировать информационный поток? Девушки синхронизировали сознания с волной, на которой работали мать и Клеони, и «слушали».

Речь шла об очень давних временах и о событиях, происходивших немыслимо далеко в пространстве. Огромная планета медленно вращалась вокруг остывающего солнца. Атмосферой там служил не воздух, а жидкость, причем совершенно не напоминающая воду; она была ядовитой для большинства гуманоидных рас и состояла из компонентов, известных только в теории.

Однако там существовала жизнь. Раса, населявшая планету, была более чем древней и отличалась бесполостью. Не андрогенной или гермафродитной, а просто все население планеты принадлежало к одному и тому же полу. Если не считать тех, которые гибли от физического или ментального насилия, представители этой расы существовали вечно: после сотен тысячелетий каждое существо, достигнув предела своей жизнеспособности, делилось пополам; каждая половина, обладая памятью, знаниям, навыками и энергией родителя, обретала к тому же обновленную и возросшую силу, позволявшую снова включиться в жизненный цикл.

И поскольку существовала жизнь, постольку существовала и борьба — борьба за власть. Знание также становилось оружием в этой борьбе и расценивалось как необходимая принадлежность власти. Боролись за власть над личностями, группами и городами. Бушевали бесконечные войны. Наконец для всех, кто остался в живых, настал мир. Так как они не могли больше убивать друг друга, они соединили свою энергию и направили ее вовне, чтобы властвовать над звездными системами, над всей Галактикой, над всей Вселенной!

Они все более активно использовали свои сознания, чтобы, пронизывая пространство, поработать другие расы, заставляя их действовать по заданной программе. Природные условия привязывали их к одной планете, поэтому они выстроили сложную систему правления и властвовали через целую армию подчиненных разных рангов во все большем числе миров.

Хотя они уже давно знали, что их бесполость практически уникальна, что во всей Вселенной преобладает двуполоя и многополоя жизнь, они, тем не менее, продолжали стремиться не только к власти над Вселенной, но и к изменению ее способа существования, чтобы лучше приспособить ее к себе. Они постоянно разыскивали близкие расы: чем ближе к бесполости, тем лучше. Колониане, чьи женщины выполняли в жизни только одну функцию — производство мужчин — приближались к этому идеалу.

Потом эти существа узнали о матриархате Лираны. То, что жители планеты физически оказались женщинами, было не существенно; пол для эддориан не играл никакой роли. Лиранианки были сильны, лиранианская наука веками пыталась найти способ обходиться без мужчин. Через несколько поколений мечта

могла бы стать реальностью, и тогда возникла бы еще одна совершенная раса.

Эта история вовсе не была изложена так внятно, ибо Клеони никогда не понимала ее. Кларисса поняла чуть больше: никак не названная и все еще неизвестная раса была высшей в Боскоме. К тому же прояснилось место калониан в схеме организации Боскома.

— Я рассказал тебе все это, — холодно информировал калонианский ленсмен Клеони, — не по собственной воле, а по приказу. Я ненавижу тебя так же сильно, как ты ненавидишь меня. Что я хотел бы сделать с тобой, ты даже не можешь вообразить. Тем не менее, у твоей расы есть надежда, и я был обязан появиться здесь — даже, если возможно, сделать из тебя ленсмена. Пойдем со мной.

Ни к чему вдаваться в ужасные, отталкивающие подробности их путешествия, из которых случай с Эдди, космическим старателем, был только мелким эпизодом. Можно отметить лишь, что Клеони оказалась превосходным материалом для боскомиан: она быстро обучалась и отлично проходила испытания.

— Это все, — объявил ей наконец Черный Ленсмен, — и я рад, что вижу тебя в последний раз. Ты получишь сообщение, когда тебе прилетать на Девятую за Линзой. Вперед! И я надеюсь, первый же Серый Ленсмен, которого ты встретишь, запихнет свою Линзу тебе в глотку и вывернет тебя наизнанку.

— И тебе того же, брат мой, и поскорее, — фыркнула Клеони. — А когда моя раса будет приказывать твоей, став Властителями Вселенной, я лично доставлю тебе это удовольствие.

— Кларисса! Кларисса! Пожалуйста, откликнись!

Рыжий Ленсмен заставила себя вынырнуть из глубин чужого сознания, услышав, как настойчиво зовет ее Елена. Половину главного монитора занимало изображение «Велана».

Через несколько минут Кларисса с напарницей оказались в личных апартаментах Киннисона, на «Неустрашимом». В первую очередь все обменялись теплыми ментальными приветствиями. Неожиданно поток радостных возгласов прервал Ворсел.

— Прости, Ким, но время идет. Нам, наверное, лучше разделить. Ты выяснишь, что здесь происходит, от Клариссы и займешься всем этим, а мне надо разобраться с проклятым боскомианином. Он скоро будет здесь.

— Хорошо, старый змей.

И «Велан» исчез.

— Ты, конечно, помнишь Елену, Ким. — Киннисон наклонил голову, мельком улыбнувшись жене, которая говорила вслух. Лиранианка, пытаясь держаться непринужденно, протянула было ему руку, но когда он не прикоснулся к ней, отдернула так же быстро, как двадцать лет назад. — А это Клеони, о которой я тебе говорила. Ты знал ее раньше.

— Да. Она почти не изменилась с тех пор. Если ты получила все, что хотела, Крис, нам лучше...

— Кимбол Киннисон, мне нужна жизнь Клеони, — ворвалась в их диалог возбужденная мысль Елены.

Лиранианка схватила один из «деламатров» Клариссы и выжидательно повела стволом.

— Прости, голубка, — мысль Серого Ленсмена была ощутимо печальной. — Симпатичные маленькие девочки не играют так грубо. — Он обратился к жене: — Не хочу вмешиваться в твои дела, Крис. Решай сама.

— Что ты имеешь в виду, Ким?

— Ничего особенного. Это твоё мясо, и ты можешь нарезать его так тонко, как только захочется.

— Я могу даже отпустить ее?

— Решай. Что еще ты можешь сделать? Возьми спасательный бот. Я даже покажу ей, как им управлять.

— О... Ким...

— Лейтенант! Это Киннисон. Проверьте, пожалуйста, спасательный бот номер двенадцать и выведите его наружу. Я предоставляю его взаймы Клеони с Лираны.

Глава 22

КИТ ПРОНИКАЕТ НА ЭДДОР

Кит давно решил, что первую разведку на Эддоре не сумеет произвести никто, кроме него. Он даже говорил всем, что направляется туда, но не торопился. Если уж браться за такое дело, надо целиком погрузиться в него, не отвлекаясь ни на что, а у него все время возникали более срочные задачи. Кит вовсе не чувствовал себя достаточно взрослым, чтобы делать работу для настоя-

щих мужчин, и Наставник тоже не говорил, хватит ли у него сил и умения для столь сложного и опасного путешествия. Оставалось только попытаться проникнуть в цитадель врага: если это удастся, все в порядке, если нет — что ж, придется подождать немного и попробовать вновь.

Девочки, конечно, тоже хотели идти вместе с ним.

— Послушай, Ким, не будь поросенком! — прибегла Констанс к наиболее сильному аргументу, бывшему в ходу у Киннисонов. — Идем вместе. Ты только подумай, какой отличный случай испытать блок!

— Нет, Кон. Прости, но это не входит в мои расчеты, и мы уже обсуждали это.

— Но мы и тогда не согласились с тобой, — вмешалась Кей, — и лично я вовсе не собираюсь уступать тебе сейчас. Тебе незачем с такой срочностью заниматься этим. Позже, наверное, даже лучше. Запомни, дорогой брат, если ты сейчас отправляешься туда, мы все идем с тобой — если не в виде блока, то как отдельные индивидуумы.

— Умерь свой пыл, Кей, — отбивался он, — будь умницей. Это одно из двух мест во Вселенной, с которыми невозможно работать на расстоянии, а вот когда я сделаю свое дело, мы непременно займемся Эддором все вместе. И какая разница, согласны вы или нет? Я лечу туда немедленно и один.

Это несколько охладило Карен: все знали, что нельзя ставить под угрозу всю операцию, раньше времени демонстрируя свою силу на эддорианских защитных экранах. Правда, позже Кит понял, что его сестренки были не так уж неправы, но их уже рядом не было. Пока же он твердо объявил, что все их идеи никуда не годятся.

— Нет, Кам, нет! Вы прекрасно знаете, что не стоит рисковать всем вместе, ни теперь, ни когда-либо в будущем. У Кей всегда полно бредовых идей, это меня не удивляет. Именно сейчас самое лучшее время, когда мне...

— Прекрати, Кэт, ты просто не можешь быть настолько глупой! Воспользоваться блоком сейчас — все равно что открыто объявить всем о его существовании. Даже если я пойду один, вряд ли я смогу проникнуть туда, ничем себя не обнаружив. Но один я потревожу их не слишком сильно, а вот на блок они обрушатся со всей силой. Или вы действительно не можете сообразить, что мы еще не готовы для грандиозного представления?..

— Замолчите все! Немедленно! — наконец оборвал сестер Кит. — Неужели я должен вколачивать в вас простейшую мысль, что не могу координировать атаку против того, о чем нет даже самых туманных сведений? Пошевелите-ка своими мозгами — если, конечно, вы способны на это!

Он все-таки убедил их, даже Карен. Теперь его космокатер находился на подступах к Эддору, и Кит в последний раз все тщательно обдумал.

Он обладал, пожалуй, всей информацией, какая только существовала в двух галактиках, но все это были жалкие, бессвязные, маловразумительные обрывки. Он серьезно и вдумчиво изучил сведения аризиян об их главном противнике. Ему было известно впечатление, которое произвела на лиранианок плуранская версия истории Эддора... Плу! Пустой звук. Символ, который Наставник старался никак не связывать с деятельностью боскомиан... Плу, вероятно, и есть последнее звено между Калонией и Эддором... И он знал о нем практически все, кроме двух самых нужных деталей: действительно ли Плу то самое звено и где, черт побери, он находится!

Он и его сестры сделали свое дело. Блестяще справились со своими обязанностями и библиотекари, которые, почти не удивив Кита, сообщили, что нигде во Вселенной нет никаких данных об Эддоре или эддорианах.

Итак, он располагал догадками, гипотезами, теориями и предсказаниями; все эти сведения противоречили друг другу, и не представлялись достаточно убедительными. Фактов же не было вовсе. Наставник достаточно спокойно сообщил ему, что такое положение дел неизбежно, поскольку связано с необычайной ментальной силой эддориан. Но от этого Кита легче не становилось, и он приближался к мертвому и несущему смерть Эддору, пребывая в не слишком жизнерадостном настроении. Он совершенно не представлял себе, чего ожидать.

Миновав границу созвездия, в котором располагался Эддор, Кит снизил скорость катера и буквально ползком двинулся вперед. Он знал, что внешний экран окружает всю совокупность звезд; сколько за ним установлено промежуточных барьеров и каких, оставалось тайной.

Его широко раскинутая сеть детекторов, настроенная практически на нулевую мощность, коснулась энергетического щита, не подняв тревоги; катер замер.

Кристофер Киннисон, координатор и связующий элемент ментального блока, обладал инструментами и оборудованием, о которых ничего не знал даже Наставник. Киту хотелось надеяться, что эддориане о них также не подозревают. Он на миг нырнул глубоко в собственное сознание, еще раз перебрал необходимые средства разведки и приступил к работе.

Он надстраивал детекторную сеть, очень медленно продвигая ее к планете, пока не смог совершенно точно воспринять структуру барьера. Он не пытался проанализировать его, зная, что любое оборудование, достаточно мощное, чтобы выполнить такую операцию, неизбежно поднимет тревогу. Анализом можно заняться позже, когда он выяснит, живой или механический генератор поддерживает барьер.

Он медленно и осторожно нащупывал путь. Ему удалось практически полностью изучить одну секцию, выяснив, как соединены звенья между собой и как работает вся система. Настолько тщательно, насколько мог, Кит синхронизировал пробный ментальный зонд с немыслимо сложной структурой и скользнул вдоль питающего луча к станции, генерировавшей барьер. Механизм! Они не тратали попусту ресурсы живых разумов — как, впрочем, и аризиане. Отлично.

Катер окружило точно рассчитанное облако заграждения, которое, взаимодействуя с защитными экранами Эддора, создавало впечатление его целостности. Космокатер медленно двинулся вперед, по пути, проложенному облаком. Барьер — неизменившийся, незатронутый — остался позади. Человек и корабль попали внутрь!

Кит вздохнул с облегчением и расслабился. Конечно, это еще ни о чем не говорило. Нэдрек сделал почти то же самое, когда захватил Кандрона, если не считать, что полэнианин не умел анализировать или синтезировать аналогичные экраны. Настоящая проверка еще впереди.

Сложности действительно возникли позже, с пятым, самым внутренним слоем защиты. Все прочие, несмотря на возрастающую чувствительность, мощность и сложность, генерировались механически. В систему генерации пятого экрана оказался включенным мозг, сильный и высокоразвитый. Эддорианин, скорее всего, прекрасно ощущал не только форму и размер, но и постороннее вмешательство; а Кит чувствовал, что при попытке про-

никнуть сквозь барьер не удастся избежать изменений его формы и структуры.

Более того, вся зона была густо усеяна визуальными и электромагнитным детекторами, так что даже микроб не смог бы просочиться внутрь незамеченным. Там стояли крепости, истребители, боевые крейсеры, хватало всевозможных излучателей, мин, автоматических торпед с суператомными боеголовками. Неужели все это обслуживал только эддорианский персонал?

Вовсе нет. Офицеры, в большинстве своем калониане, подчинялись приказам эддориан, но в случае необходимости могли действовать и независимо. Кит решил, что это единственное уязвимое место обороны противника.

Выбрав мощную цитадель по соседству с зоной наблюдения, он погрузился в разумы нескольких дежурных офицеров, одного за другим. Покидая их через несколько минут, он твердо знал, что ни один из них не предпримет никаких действий, когда зазвучат сигналы тревоги. Они были живы, в полном сознании и, как всегда, бдительны. Они бы возмущенно отвергли любое предположение о том, что с ними не все в порядке. Тем не менее, как бы ни вспыхивали экраны, какие бы команды ни звучали из коммуникаторов, в их сознаниях продолжали бы царить покой и тишина. Не помогут и записывающие устройства; никакой прибор не зарегистрирует изменений в показаниях, когда его подвижная часть зажата сильными пальцами дежурного наблюдателя.

Теперь эддорианин. Кит знал, что захватить его сознание целиком пока невозможно. Отдельными зонами, однако, управлять было намного легче, и мозг молодого Киннисона позаботился о временной утрате остроты восприятия стража, как раз в тот миг, когда катер пронесся сквозь барьер. Здесь никаких записывающих устройств просто не было: эддориане, не нуждаясь в сне или отдыхе, нимало не сомневались в своих возможностях и не опасались контроля собственных действий.

Кристофер Киннисон, один из детей Линзы, находился внутри самого последнего пояса защиты таинственного Эддора. Несчетное число циклов аризиане стремились к этому, постоянно работая и предвидя ту цепь событий, первым звеном в которой должен был стать день проникновения ленсмена Третьей Стадии

на Эддор. У Кита было не слишком много времени: нельзя надеяться, что удача долго будет сопутствовать ему. Пока он бездействует, опасности нет. Как только он попытается хоть что-нибудь выяснить, его тут же обнаружат, и один из эддориан не преминет разделаться с лазутчиком. Итак, Кит мог выведать что-то, а мог и ничего не узнать. В любом случае он просто обязан вернуться назад. Рассчитывать приходилось только на себя, а против него была самая высокоразвитая и наиболее безжалостная раса из всех существующих во Вселенной. Аризианин не мог помочь; никак не связаться и с сестрами.

Кит окончательно упал духом. Судьба явно была против него, эта задача оказалась слишком тяжелой. Как мог Наставник рассчитывать, что он, неоперившийся птенец, сумеет противостоять самому Эддору?

Ему стало страшно, как никогда прежде. Во рту пересохло, язык превратился в ком ваты, пальцы тряслись, хотя он сжимал их в кулаки, чтобы сдержать дрожь. До конца своей долгой, очень долгой жизни Кит помнил тот привкус ужаса, помнил, как он заставил его принять решение вернуться, пока еще никто не обнаружил его следов.

Ну почему, собственно, нет? Кого это заботит, и кому какое дело? Аризиане? Ерунда! Они ошиблись, отправив его, совершенно не подготовленного к такой миссии. Родители? Они и вовсе не знали, как обстоит дело, и не попытаются выяснить это. В любом случае они будут на его стороне, что бы ни произошло. Сестренки?.. Сестренки!.. О-о-о... Сестренки!

Они пытались отговорить его идти в одиночку. Они сражались, как дикие кошки, чтобы он взял их с собой. Он тогда отшвырнул их в сторону, дав понять, кто на корабле командир. Если он теперь приплетется обратно, поджав хвост, как они это воспримут? Что сделают? Что подумают? Когда-нибудь из-за его ослиного упрямства все полетит к черту: и аризиане, и Патруль, и сама Цивилизация... И что тогда? Девушки будут точно знать, что, как и почему произошло. В полной ли мере он может себе представить, с каким презрением и убийственным холодом будут смотреть на него четыре красавицы? А если они и не сделают этого — ради горячо любимого старшего брата — испытывать на себе их сочувствие будет в тысячу, в миллион раз хуже! И как жить с этим? Нет, отступление исключено! Определенно.

Даже эддориане могут убить его только один раз.

Кит ринулся вниз, отметив, что, едва он начал действовать, его ощущения стали ясными, руки крепкими, а ком в горле исчез. Он все еще страшился будущего, но уже не был парализован страхом.

Снизившись, он с помощью сверхчувственного восприятия начал осматривать поверхность планеты и мгновенно оказался слишком занятым, чтобы о чем-либо беспокоиться. Кругом было великое множество совершенно новых, неизвестных ему вещей и явлений. Если бы он только располагал временем, чтобы изучить все это!

Времени не было. Примерно через секунду его вмешательство обнаружили, и один из эддориан начал выяснять причину тревоги. Кит сосредоточился, и в краткий миг перед тем, как предельно изумленный страж умер, молодой ленсмен узнал об Эддоре и всей боскомианской империи больше, чем когда-либо было известно всем аризианам вместе взятым. В одной вспышке предельно близкого слияния с мозгом врага он познал практически всю историю Эддора. Теперь ему были известны культура врагов, их идеалы и идеологии, он знал, как эддориане ведут себя и почему, получил достаточно много информации об их организации, системах обороны и нападения. Он познал сильные и, что более важно, слабые стороны злейших врагов Цивилизации. Ленсмен Третьей Стадии теперь точно знал, как именно надо добиваться победы над врагом, если только такая победа вообще возможна.

Столь быстрый обмен информацией казался невероятным, однако все произошло именно так; при подобных стрессах мозг эддорианина может излучить огромное количество информации в невообразимо краткий интервал времени. Кит, уже сидя за пультом, полностью задействовал ментальные экраны катера. Они могли помочь в надвигавшейся стычке, но сильно рассчитывать на них не приходилось: ни один механический экран, известный в то время Лиге, не мог блокировать мозг третьего уровня. На полной скорости Кит мчался к единственному слабому звену в обороне противника, где ему не угрожали ни лучи, ни бомбы, — к крепости, наблюдатели которой не воспринимали вспыхивавшие со всех сторон сигналы тревоги. Физического преследования он не опасался, поскольку его космокатеру равных в космосе не было. Несколько секунд все шло не так уж плохо; но вот появился еще один эддорианин. Мысли

его были полны тревоги и подозрений. Кит уничтожил его, узнав попутно кое-что еще, но не сумел остановить отчаянного призыва о помощи. И хотя эддорианин едва ли успел осознать, что произошло, это ничуть не успокаивало ленсмена и не делало менее опасным его положение.

Когда Кит пролетал мимо столь дружелюбной к нему цитадели, он оказался полностью поглощенным битвой с эддорианами, которых прибывало все больше и больше. К четвертому экрану ситуация ухудшилась еще больше. К третьему он достиг того, что считал пределом своих возможностей. Тем не менее, из неведомых глубин разума возникли резервы энергии; с их помощью ему еще некоторое время удавалось справляться с этим адом.

Держись, Кит, держись! Осталось всего два барьера, может быть, только один... Конечно, всеми экранами теперь управляют эддориане, а не механические генераторы, но если аризианская способность к прекогнистике чего-нибудь стоит, они должны уже отключить первый экран и работать на втором. Держись, Кит, и продолжай упорно трудиться!

И, борясь с постепенно нараставшим отчаяньем, Кристофер Киннисон, старший из детей Линзы, держался.

Глава 23

КИТ УСКОЛЬЗАЕТ

Если когда-либо историки сумеют достоверно описать ту великую эпоху и ее героев, нам ни к чему подробно рассказывать сейчас о трудностях пути, по которому Кит возвращался домой с Эддора. Если историки со своей задачей не справятся, кому вообще будет нужно наше описание? Поэтому скажем лишь, что молодой ленсмен, напрягая все силы и используя все свои возможности, упорно пробивался сквозь многочисленные защитные барьеры в открытое пространство.

Помощь Аризии подоспела вовремя. Едва эддорианские стражи взяли на себя управление первым экраном, в него немедленно ударила сокрушающая волна аризианской мысли. Правда, аризиане не впервые атаковали укрепления Эддора, и у эддориан было время тща-

тельно проанализировать оборонительную и наступательную тактику Аризии. На сей раз наступление практически полностью удалось остановить уже во второй зоне обороны Эддора — как раз в ту минуту, когда ее достиг Кит. Экраны дрожали и прогибались под напором ментальных волн аризиан и тут же восстанавливались, едва атака ослабевала.

Киту повезло: прямо перед его катером экран на миг потерял прочность. Несколько лучей попытались достать Кита, но тщетно; катер прорвался сквозь ослабленный барьер и попал в самый центр непробиваемой, совершенно непрозрачной сферы ментального поля Аризии.

Ошеломленный внезапным завершением яростной битвы и мгновенным переходом от предельного напряжения к полной расслабленности, Кит потерял сознание. Постепенно его дыхание восстановилось, на лицо вернулись краски, а глубокий обморок перешел в спокойный крепкий сон. Пока спящий ленсмен мчался в безынерционном космокатере на полной скорости, ментальное поле защищало неуправляемое судно вместе с обесилевшим пилотом.

Вскоре Кит стал приходить в себя. Прежде всего ему сильно захотелось есть, и только потом, окончательно проснувшись, он все вспомнил и схватился за рычаги.

— Отдохни, юноша, и поешь спокойно, — зазвучал в его сознании глубокий псевдоголос. — Все идет нормально.

— Привет, Наставник... О, да это Эуконидор! Приветствую тебя, дружище! Как красиво ты говоришь! Не тебе ли принадлежит замечательная идея уложить спать человека, у которого полно важных дел?

— Твоя работа, по крайней мере сейчас, выполнена и, можешь мне поверить, выполнена неплохо.

— Спасибо... Но... — Кит смутился.

— Не укоряй себя, юноша, или нас. Вспомни, пожалуйста, технологический процесс изготовления сложного инструмента из превосходной стали.

— Ну, требуется соответствующий сплав. Горячая обработка... возможно, и холодная. Ковка, нагрев, закалка, прокат...

— Достаточно. Не думаешь ли ты, что сталь, если бы она могла чувствовать, получала бы удовольствие от такой обработки? Хотя тебе не нравится то, что с тобой происходит, ты способен осознать необходимость этого.

Теперь ты законченный инструмент, отлично выкованный и закаленный.

— О... Что-то в этом, возможно, есть. Но о превосходном качестве говорить, по-моему, смешно. — В мыслях Кита не было и намека на веселье. — А как насчет трусости?

— Я настаиваю на определении «превосходный». Бесспорно, речь идет не о полном совершенстве, которое недостижимо. Я не буду советовать тебе все забыть и не попытаюсь заставить тебя сделать это, поскольку теперь не могу изменить твой мозг сколько-нибудь заметно. Но не сомневайся, случившееся никогда не будет мучить тебя — ведь ты не отступил. Ты спасся и вернулся с уникальной информацией, которая поможет спасти твою Цивилизацию.

— Не могу поверить... То есть, мне кажется... — Кит, ощутив, что его мысли путаются, замолчал. — Хотя эта информация была ошеломляющей, тем не менее она не может не являться правдой. Да, это правда!

— Это правда, юноша. Время от времени мы, аризiane, делали двусмысленные утверждения, чтобы заставить некоторых ленсменов, и не только их, прийти к неверным выводам; однако ты знаешь теперь, что мы никогда не лгали.

— Да. — Кит понял, что имеет в виду аризиянин. — Меня это просто выбило из колеи. Слишком уж много всего, чтобы проглотить вот так сразу.

— Верно. Я здесь, чтобы помочь тебе воспринять истину, которой в противном случае ты бы до конца не поверил. Кроме того, я следил, чтобы необходимый тебе отдых никто не нарушил. И еще: я должен сообщить, что тебе больше не угрожает опасность со стороны эддориан.

— Мне не... По крайней мере, я не думал, что... Или все же да?

— Нет. Поверь, ты в безопасности.

— Хорошо. Интересно... Наставник, конечно, сейчас занят, так я спрошу у тебя... Несмотря на все мои усилия, у них, вероятно, осталось что-то вроде ментального отпечатка моей личности, и теперь они бросятся по следу? И мне придется постоянно сохранять жесткое блокирование и принимать прочие меры предосторожности?

— У них нет ничего подобного, Кристофер, и тебе

не придется остерегаться более, чем прежде. Направляемый теми, кого ты называешь Наставником, я сам присматривал за этим. Но мне пора присоединиться к своим товарищам.

— Только один вопрос. Ты пытался выставить меня молодцом, и я почти готов поверить этому. Но, черт побери, Эуконидор, сестренки все узнают! Что они подумают?

— И это все? — Эуконидор почти смеялся. — Ты сам все увидишь через секунду.

Аризанин исчез, сняв защиту, и в тот же миг пространство заполнили четыре возбужденно щебечущих девичьих голоса.

— О, Кит, мы так рады! Мы пытались помочь, но они нас не пускали! Они вышвырнули нас вон! Честное слово, Кит! О, если бы мы только были там с тобой!

— Замолчите все! Отойдите немного! — Кит узнал голос Кон, полный какой-то новой силы. — Осмотри его, Кам, и как можно тщательнее. Если они повредили хоть одну клеточку его мозга, я немедленно отправляюсь разбираться с Наставником! Я просто выбью ему зубы, один за другим!

— И послушай, Кит! — Это была удивительно незнакомая Катрин, разгневанная, напоминающая фурию и одновременно заливающая его сознание волнами невероятной нежности. — Если у меня возникнет малейшее подозрение, что ты хотя бы чуть-чуть пострадал, ничто не спасет от нас ни аризиян, ни эддориан, ни всех дьяволов ада! Ты веришь, Кит, что все так и будет?

— Конечно, сестренка, не надо доказывать очевидное. Прекрати. Вы замечательные! Самые лучшие. Но я... вы... то есть... — Он запнулся, пытаясь собраться с мыслями.

Они во всех подробностях знали, что произошло над зловещим Эддором, но почему-то думали, что он совершил чуть ли не подвиг, и упрекали его лишь в том, что он не взял их с собой!

— Не вините себя ни в чем. Вы же все время были в самом центре событий. Вы просто не могли быть со мной, малышки, это испортило бы все дело. Вы знали это тогда и еще лучше понимаете теперь. Вам наверняка известно, что я испугался. Неужели вы даже не заметили этого?

— Ах, вот ты о чем! — почти в унисон пришли четыре одинаково радостных ментальных волны, и Карен продолжила:

— Удивительно, что ты вообще проник внутрь. Никому больше это не удалось бы. А оказавшись там и все увидев, ты не улетел тотчас обратно... Поверь мне, брат, ты совершил невозможное!

Кит задохнулся. Это было чересчур, но он чувствовал себя счастливейшим существом во Вселенной. Малышки... Лучшие в Галактике... В двух Галактиках... Во всей Вселенной!

Как он и полагал, бессознательно возник частичный блок. Ни одна из этих замечательных, чудесных девушек даже не подозревала то, в чем Кит был уверен: каждой из них придется пройти такую же суровую закалку, а он будет стоять в стороне и наблюдать. Смягчить или предотвратить то, что им предстояло пережить, было невозможно, да и не нужно. Он мог лишь следовать за ними и помочь пережить то, что произойдет, как они помогли ему сейчас.

Мог ли он что-то изменить?

Конечно же, нет.

* * *

А на обеспокоенном, гудящем, как растревоженный улей, Эддоре, едва были восстановлены нарушенные барьеры, состоялась встреча Высшего Руководства. Ни один Высокий Руководитель, ни один член Внутреннего круга не походил на другого, но все были чудовищно безобразны. Они сосредоточились на проблеме, которая столь неожиданно свалилась на них. Полностью воспроизвести сложные переговоры, проходившие с огромной скоростью и одновременно по многим каналам, практически невозможно. Остается лишь показать отрывки, выхваченные то тут, то там.

— Это объясняет, почему плуры и калониане так боятся столкновений со Звездным!

— А также неудачи нашего агента на Трейле и его падение.

— И наши недавние серьезные неприятности.

— Они просто болваны, безмозглые кретины, наши рабы!

— Следовало обратиться к нам, едва все началось!

— Можем ли мы проанализировать или хотя бы воспринять его образ, отпечаток, хотя бы частично?

— Нет...

— Странно... И я не могу. В высшей степени удивительно!

— Это аризианин или, скорее, их создание. Ни одно существо в Галактике не способно на такое, и ни один аризианин тоже, насколько известно.

— Они разработали что-то новое, пока не учтенное нашими планами...

— Сын Киннисона? Вот как! Неужели они думают испугать нас обыкновенной формой плоти, наделенной энергией?

— Киннисон — его сын — Нэдрек — Ворсел — Трегонси... Что это все значит?

— Очевидно, это полный образ пресловутого Звездного.

— Нам придется изменить наши представления. — Таким оказался вердикт. — Придется пересмотреть наши теории и планы. Вполне вероятно, новое изобретение аризиан потребует немедленных действий, в противном случае мы рискуем оказаться бессильными. Если бы существовала достаточно компетентная раса заместителей, мы просто не оказались бы в такой ситуации. Чтобы исправить положение, а также получить последнюю и наиболее полную информацию, придется посетить совет, идущий сейчас на Плуре.

Они так и сделали. Совсем не затратив времени на перемещение, объединенный разум Эддора оказался на Плуре, в камере для особо важных совещаний. Плуране, представлявшие собой в этот сезон амфибиеподобных, растеклись по низким скамьям и горячо спорили. Они обсуждали — на своем уровне, те же проблемы, которые так взволновали Эддор.

Звездный! Этого Киннисона довольно легко удалось поймать, но почти немедленно он бежал из ловушки, из которой не имелось выхода. Конечно, подготовлена еще одна, но поможет ли это? Удержит ли она ленсмена, если он вновь попадетсся? По мнению одних, Киннисон был — не мог не быть! — легендарным Звездным. Другие яростно возражали. Нет, слишком уж много не связанных между собой и одновременных событий записано на его счет... Киннисон, Нэдрек, Кларисса, Ворсел, Трегонси, даже молодой сын Киннисона — все временами бывали источниками необъяснимо мощных вспышек энергии. Чаще всего же сам Киннисон. Не следует забывать, что длинная серия неудач Боскома началась именно с появлением в среде ленсменов Киннисона.

Ситуация была неприятной. Не безнадежной, но весьма тяжелой. Серьезные промахи допущены с айхами и с Кандроном с Онло. Какая глупость! Какое невежество!

Все эти агенты низших уровней могли бы доложить на Плур, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Но они и не подумали об этом, и начались провалы. Ни один из них, однако, не сообщил, что не может справиться с возникшими проблемами. Никому не пришло в голову обратиться к Эддору, прежде чем станет слишком поздно даже для вмешательства самих Хозяев.

— Глупцы! Идиоты! Мы, Хозяева, уже здесь, хотя вы этого не ожидали! Знайте же, вы ничем не лучше тех, кого сейчас обвиняете. Поразительная тупость! Немыслимая сверхдоверчивость! Вот причины наших провалов!

— Но, Властители, — возразил плуранин, — теперь положение стабилизировалось, и мы начали одолевать. Лига быстро разваливается. Еще несколько лет — и с ней навсегда будет покончено.

— Вот то, во что они хотят заставить вас поверить! Они все время играют с вами. Ваша нерасторопность и нежелание мыслить уже позволили им создать объект или существо, способное проникнуть сквозь наши экраны. Физическое вторжение на Эддор! Оно, конечно, было кратким и безуспешным, но все-таки это было вторжение, первое за всю нашу долгую историю!

— Но, Владыки...

— Молчать! Мы здесь не затем, чтобы обвинять, а чтобы установить факты. Поскольку вам неизвестно расположение Эддора в пространстве, вероятнее всего, не вы послужили источником столь секретной информации. В свою очередь, это объясняет, кем был дерзкий...

— Звездный? Все-таки, Звездный? — обрушился на группу эддориан шквал вопросов.

— Имя в данном случае ничего не значит, поскольку почти наверняка это аризианское существо или устройство, недоступное вашему сознанию. Кстати, зарегистрированы ли случаи вторжения на Плур, ментального или физического?

— Нет, совершенно невероятно, чтобы...

— Так ли? Ни наши экраны, ни наши стражи не подали ни одного сигнала тревоги. Мы узнали о присутствии аризианина, только когда он попытался коснуться наших сознаний, уже на поверхности Эддора. Вы полагаете, ваши экраны и ваши мозги лучше наших?

— Мы ошиблись, Повелители, простите... Что мы должны сделать?

— Это уже лучше. Вам сообщат, как только новый план будет разработан в деталях. Хотя то, что вам ничего

не известно о вторжениях на Плур, само по себе ничего не доказывает, остается вероятность, что вас еще не обнаружили. Теперь один из нас возьмет под контроль ловушку, приготовленную для Киннисона. Посмотрим, в самом ли деле он Звездный...

— Несомненно, Владыки!

— Киннисон, по всей вероятности, просто аризиянская марионетка. Если вы поймаете его в эту ловушку, существо, которое вы называете Звездным, наверняка убьет вас.

— Но, Властители...

— Молчать! — Мысль была раздраженной до предела. — Вы помните, как легко Киннисон ускользнул от вас? Было бы в высшей степени мудро не преследовать его и не пытаться уничтожить, тем самым обнаружив себя. Вы совершенно беспомощны перед тем, кого называете Звездным. Однако против менее сокрушительных сил, которые скорее всего выступят против вас, вы вполне способны выстоять и победить. Вы готовы?

— Готовы, Повелители. — Наконец-то плуране оказались на привычной почве. — Поскольку обычное оружие против нас бесполезно, они не воспользуются им — тем более, что у них есть три новых наступательных средства. Первое: аннигиляционные бомбы, особенно по массе с планетами. Второе: блуждающие планетоиды, транспортируемые безынерционными, но инертными в той точке, где их собственные скорости делают столкновение практически неизбежным. Третье, и самое серьезное: аккумулируемая энергия звезд. Все это несколько беспокоило нас, но проблему удалось разрешить, и если эти три средства нападения будут применены против нас, поражение Галактического Патруля неизбежно.

Но мы не останавливались на достигнутом. Наши психологи, работая совместно с инженерами, подробно проанализировали возможности так называемых ленсменов Второй Стадии и разработали контрмеры против всего, чем они смогут овладеть в ближайшее столетие.

— Например? — Владык, похоже, не впечатлило сообщение плуран.

— Наиболее вероятной нам представляется дальнейшая разработка аккумулированных пучков солнечного излучения. Мы создали поля и энергетические сетки, с помощью которых можем перехватить у Патруля управление подобными и более мощными пучками.

— Интересно, если так. Передайте нам все ваши прогнозы и способы защиты вашей планеты от предполагаемого нападения.

Просмотрев всю информацию, эддориане остались недовольственными и настроились еще более скептически, чем раньше.

— Мы рассчитали несколько иные возможности, которыми, вероятно, овладеет Лига в течение ближайшего столетия, — холодно сообщили они. — Мы можем собрать данные, относящиеся к некоторым из них, и предоставить их вам для дальнейшего изучения. Вы тем временем постоянно будьте готовы к активным действиям.

— Да, Властители.

Эддориане удалились на родную планету так же мгновенно и без всяких усилий, как и попали на совещание, и продолжили собственную конференцию. Первым говорил Высочайший:

— ...Очевидно, Киннисон попадет на эту ловушку, иначе и быть не может. Защитник Киннисона, кто он ни был, может последовать или не последовать за ним. Захватим мы его или нет, неважно. Независимо от этого Кимбол Киннисон должен умереть. Он — ключевое звено Галактического Патруля; с его смертью Патруль распадется на части. Аризидане, скорее всего, попытаются восстановить Патруль вокруг новой марионетки, но ни сын Киннисона, ни какой-либо другой человек не сумеет его заменить и скоординировать хаотические действия этого собрания тупых созданий — так называемой Лиги Миров. Не надо объяснять, насколько это важно. — Владыка Эддора протянул ментальную нить к одному из членов Внутреннего Круга: — Ты будешь наблюдать за ловушкой. Ты убьешь его!

— За небольшим исключением, я согласен со всем, что здесь говорилось, — начал этот советник. — Но я не вполне убежден, что смерть Киннисона решит все проблемы. Так или иначе, считаю своим долгом сообщить, что готов работать с Киннисоном.

— Работать? Сказано: убить!

— Я слушал вас, и продолжаю настаивать, что его смерть — не выход. Я много думал и хотел бы представить на ваше рассмотрение свои выводы и рекомендации...

Хотя никто из эддориан не знал этого, их неверие в способности плуран защитить планету от посягательств ленсменов Второй Стадии было вполне оправданным. Кимбол Киннисон долгие часы расхаживал по комнате, обдумывая свежую информацию, и наконец вызвал на связь сына.

— Кит, я несколько месяцев работал над одной задачей и теперь не могу оценить, удалось мне прийти к приемлемому решению или нет. Может оказаться, что это всецело зависит от тебя. Когда мы найдем главную планету Боскома, придется уничтожить ее, а для этого понадобится новое оружие. Так?

— Верно, — Кит задумался. — Мало того, новое средство должно быть действеннее всех существовавших раньше.

— Я об этом и говорю. Кое-что у меня есть, я думаю, но никто, кроме старого Кардинга и Наставника с Аризии...

— Подожди, отец, я тут огляжусь и сооружу кое-какое прикрытие... Отлично, можешь продолжать.

— Никто, кроме этих двоих, ничего не понимает в математике, которая лежит в основе идеи. Даже сэр Остин знал ровно столько, чтобы следовать указаниям Ментора и ничего не привнес в разработку его идеи. Речь идет о чужеродном пространстве, которое, как ты знаешь, мы называем n -мерным, и в которое нас выкинул тогда гиперпространственный тоннель. Ты достаточно поработал с такими штуками под наблюдением аризиан. Может быть, ты попросишь их помочь рассчитать туннель, способный доставить корабль туда и обратно?

— Гм-м... Секунду... Да, могу. Когда это нужно?

— Вчера.

— Слишком быстро. Пару дней это все же займет, но ты успеешь подготовить корабль и собрать экипаж и необходимые материалы.

— Ну, это недолго, сынок. Корабль мы готовили загодя. Ты его, конечно, знаешь, это «Космическая лаборатория двенадцать». Специальные генераторы, приборы, инструменты и все прочее. Для окончательных сборов хватит суток.

Через два дня Кит уже с улыбкой приветствовал адмирала Верна Торндайка, главного инженера,

и других давно знакомых ему членов самого первого экипажа отца.

— Сколько регалий! — заметил позже Кит, беседуя с отцом. — Самый солидный груз, какой мне приходилось видеть на одном корабле. Одно бесспорно — они заслуживают этого. Ты уже тогда умел собирать вокруг себя настоящих людей.

— Тогда? Что ты хочешь этим сказать, юный нахал, не имеющий понятия об уважении? Я и теперь умею собирать людей, сын мой! — усмехнулся Кимбол, но тут же вновь посерьезнел. — В этом есть определенный смысл, который, возможно, виден не сразу. Они прошли отличную закалку, знают, что их может ожидать, выдержат все и смогут вернуться. В таком молодом экипаже, как наш, пятая часть личного состава самой высшей пробы.

Едва корабль оказался за пределами системы, Кита ждал новый сюрприз. Почетные ветераны вовсе не были пассажирами. Оказавшись на старом добром «Неустрасимом», вдали от порта, они с радостью сбросили парадные мундиры. Каждый облачился в костюм, соответствующий его статусу двадцатилетней давности, и с головой окунулся в работу. Члены основного экипажа, молодые, какими и были обычно все астронавты, поначалу не могли решить, нравится ли им работать бок о бок с такими знаменитостями, но вскоре поняли, что это хорошо. «Старички» были настоящими мужчинами.

В космосе есть железное правило: пилот должен быть молодым. Главный пилот Генри Хендерсон, целиком одобрявший этот закон, с гордостью и некой толикой зависти наблюдал, как ловко управляется его молодой коллега со столь сложным делом.

Они приблизились к цели, выключили двигатели, нащупали воронку, включили специальные генераторы. Затем, когда поля корабля активно стали противодействовать полю туннеля, весь экипаж начал испытывать те неприятные ощущения, к которым никогда не сможет привыкнуть ни одно живое существо. Любой организм легче справляется с морской болезнью или ее аналогами, связанными с воздушными и космическими полетами, чем с ускорениями перехода к другому измерению. Увы, объяснить, что, собственно, происходит, невозможно тому, кто никогда сам не испытал ничего подобного.

Почти непереносимое ускорение исчезло; корабль во-

шел в туннель. Все экраны, затянутые сплошной серой пеленой, были пусты; здесь не существовало ни света, ни тьмы, ни даже пустого пространства.

Кит переключил тумблер. Все пошатнулось и закружилось; последовал сильный удар, а потом — замедление, почти столь же болезненное, как предыдущее ускорение. Затем все исчезло. Они были в том самом загадочном п-мерном пространстве, памятном старшим членам экипажа. Многие и многие «естественные законы природы» теряли в нем всякий смысл; время остановилось или пошло вспять, инертные тела обладали скоростями, намного превышающими скорость света, и так далее. Каждый из членов экипажа, чувствуя себя выброшенным из привычной стихии, глубоко вздохнул и расправил плечи, как бы готовясь к высадке на чуждый берег.

— Вот так расчет, Кит! — похвалил Киннисон, едва глянув на экран. — Та самая планета, где мы работали раньше. И все оборудование сохранилось! Если бы ты вычислил место высадки чуть дальше, могло произойти небольшое столкновение. Ты уверен, что все в порядке?

— Совершенно твердо, отец.

— Хорошо. Теперь, друзья, мне хотелось бы остаться здесь с вами, как и Киту, но нас ждут другие дела. Конечно, вы не нуждаетесь в нотациях, но я все равно предупреждаю вас: будьте осторожны! Как только все будет готово, возвращайтесь домой так быстро, как позволит вам рогатый Клоно. Чистого пространства, друзья!

— Чистого пространства, Ким!

Ленсмен-отец и ленсмен-сын сели в катера и улетели. Они прошли туннель и вернулись в привычное пространство. Оба молчали.

— Кит, — произнес наконец старший, — я до сих пор не уверен, что все идет как надо. А если кто-то из них — или даже все — погибнут там? Я помню, это моя идея, но так ли она хороша, чтобы рисковать человеческими жизнями?

— Да, отец. Так сказал Наставник.

И так оно и было.

КОНФЕРЕНЦИЯ РЕШАЕТ ПРОБЛЕМУ

Кит быстро вернулся в нормальное пространство; он хотел помочь сестрам пройти испытание — так же, как они помогали ему. Он полагал, что им удастся сделать это без труда, но Наставник придерживался иного мнения; итак, Кит стоял в стороне и наблюдал, пока Наставник работал.

Киннисону-старшему тоже пришлось вернуться, поскольку у него было множество дел — все, как всегда, чрезвычайно срочные. Наконец он выбрал день, чтобы созвать на совет ленсменов Второй Стадии и своих детей; на этой конференции они должны были присутствовать лично, не пользуясь Линзами, чтобы связаться с остальными участниками откуда-нибудь из глубин пространства.

— Может, это не столь уж необходимо, — словно извиняясь, сказал Серый Ленсмен сыну, когда космонавтеры приблизились к «Неустрашимому», — но я думаю, что мысль неплоха — особенно если учесть, как близко мы подошли к Лиране и разгадке прочих тайн.

— Согласен, отец. Мы давно уже не собирались вместе.

Они поднялись на борт. Кларисса встретила Киннисона самой первой, еще у шлюза. Девушки держались поодаль. В них чувствовалась словно бы некая робость или усталость, но Кит, не обращая на это внимания, предпринял попытку осуществить совершенно невозможную вещь: обнять одновременно четверых. Рыжий Ленсмен, прижавшись к Главному Координатору, с затаенной гордостью наблюдала за своими детьми, которых она так давно не видела вместе.

Еще не завершился обмен радостными возгласами и теплыми объятиями, как в дверях кают-компания показалось существо, напоминавшее бочонок на двух толстых негнущихся ногах; на массивной куполообразной голове, сидевшей прямо на квадратных плечах громадного ригелианина, не было глаз, но собравшиеся ощутили, что дружеское ментальное приветствие Трегонси обращено к каждому из них. Киннисоны откликнулись, и с их ответом слилась холодно-трезвая, как всегда, мысль создания, заполнявшего скафандр неопределенной формы. После общего приветствия Нэдрек

с Полэна-7 обратился прямо к Главному Координатору:

— Я полагаю, произошло нечто из ряда вон выходящее, если я получил указание прервать работу над порученной мне проблемой и прибыть сюда лично?

Кимбол собрался было ответить, но был прерван радостным свистом влетевшего в отсек крылатого ящера:

— Привет, друзья! — мысль Ворсела коснулась каждого, чуть задержавшись на Констанс. — Я рад, что мы снова вместе. И юные друзья тоже с нами! Итак, у нас есть проблемы, или ты, Ким, просто решил, что нам пора повидаться?

— Было бы в высшей степени замечательно, если б мы собрались только ради этого, — ответил Киннисон всем сразу, — но, к сожалению, причина, по которой я пригласил вас на борт «Неустршимого», весьма серьезна. — Он повернулся к сыну: — Кит, пожалуй, тебе и девочкам стоит позаботиться о надежном экранировании корабля, и в особенности — этого отсека.

— Хорошо, отец, — и молодой ленсмен взглянул на Карен: — Готова, сестренка?

Девушка кивнула.

— Спасибо, — Киннисон обвел взглядом присутствующих и объявил: — Начиная с того момента, как обстановка на планетах Лиги стала угрожающей, все мы работаем над разными аспектами одной проблемы: выявление и уничтожение организации, которая стоит за многочисленными диверсиями и катастрофами в Первой и Второй Галактиках. Я, Координатор, отвечающий за успех нашей деятельности, счел необходимым пригласить вас сюда. — Памятуя о присутствии на совещании очень разных существ с мышлением Второго и Третьего уровня, Кимбол постарался точно сформулировать цель встречи. — Нам нужно обменяться не только полученной информацией, но и самыми непонятными, неясными данными. Я думаю, не стоит вдаваться в детали работы каждого; но вместе мы, видимо, сумеем проанализировать то, что пока ускользало от нашего внимания. Итак, с чего начнем?

— Лирана-9! Черные ленсмены! — одновременно прозвучали ментальные возгласы Трегонси и Ворсела; их поддержал Нэдрек.

— Да, в первую очередь именно это, — согласился Киннисон. — Предлагаю обменяться информацией, которая имеет отношение к нашим «коллегам».

Перед мысленным взором собравшихся прошли жуткие картины испытаний, которым подверглась Клеони, кандидат в Черные Ленсмены; последние мгновения перед взрывом космокатора, так и не доставившего на загадочную планету одного из высших боскомианских чинов; мысли умирающего Черного Ленсмена, сознание которого концентрировалось на том, сколь важна Лирана-9 для Империи Боскома.

— Все так, — подтвердил Кимбол. — Черные Ленсмены, которых видимо, готовят, на этой планете системы Лираны, в мире, который мы до сих пор считали совершенно незначительным, по уровню мышления почти не уступают нам, ленсменам Второй Стадии Патруля. Мне удалось подробно изучить мозг одного из них. Он знал, что получил свою Линзу именно там, но в его сознании отсутствовали какие-либо следы обучения. Вывод?

Некоторое время все молчали; потом Нэдрек произнес:

— С большой долей вероятности можно предположить, что необходимые навыки впечатывают им в подсознание. Затем все внешние слои памяти искусственно стираются.

— Неплохо бы установить, кто все же создал эту черную Линзу и кто обучает теперь ее носителей, — спокойно дополнил Трегонси.

Не пропустивший ни слова, ни единой мысли Кит привычно перешел в высокочастотный диапазон, обратившись к сестрам:

— Возможно, у нас тоже есть кое-что, представляющее интерес для всех остальных? — Как ни странно, девушки откликнулись столь же единодушно, как и старшее поколение:

— Сигналы на сверхвысоких частотах... — Они переглянулись, несколько удивленные тем, что всех занимала одна и та же проблема.

— Сообщите, пожалуйста, что вам известно. — Кит подумал, что малышам, кажется, есть что сказать. Последовал мгновенный и незаметный для остальных обмен сведениями о таинственной планете, обитатели и климат которой постоянно изменялись. Катрин добавила, что эти странные существа, не создающие городов, имеют тем не менее достаточно сложную структуру общества, включающую два слоя; и первая группа полагает себя много выше второй.

— Надо заметить, представители «высших» обладают

действительно очень высокоразвитым мозгом, — добавила она в заключение.

— Мы наконец-то обнаружили недостающее звено, которое расположено чуть ниже Эддора, — подвел итог Кит. — Тот самый Плур, о котором почему-то Наставник избегает говорить прямо. Вы полагаете, стоит проинформировать об этом всех?

— Я думаю, это обязательно надо сделать, — уверенно заявила Катрин. — У Наставника, возможно, есть свои причины; но выяснить координаты Плура и окончательно разобраться с ним лучше сумеют именно старшие. Папа ведь уже приступил к созданию нового оружия? — уточнила она, прекрасно зная ответ.

Кит кивнул, переходя на принятый среди Серых Ленсменов диапазон ментальной связи.

— Мы просим внимания, — обратился он к участникам совета почти тотчас после заключительной реплики Трегонси. — Нам стало известно, что где-то во Второй Галактике существует мир, солнцем которого является звезда с переменной спектральной характеристикой. Обусловленная этим смена сезонов вызывает резкие скачки во внешнем облике обитателей планеты; они преобразуются то в многоногих шипастых монстров, то в медузоподобных существ, то становятся амфибиями. Однако во всех своих воплощениях они остаются существами с исключительно высокоразвитым интеллектом. Они мыслят на столь высоких ментальных частотах, что, скорее всего, их сигналы воспринимаем только мы. Более того, иногда их ментальных волны распространяются в многомерном пространстве, и тогда даже нам удастся уловить только их неполную и искаженную проекцию.

— Почему ты думаешь, что нам стоит заниматься столь туманным вопросом? — поинтересовался Ворсел, которого больше привлекала перспектива окончательно разделаться еще с бывшими Владыками Дельгона.

— Мне кажется, — Кит пожал плечами, — нет, я даже уверен, что именно обитатели этой планеты, которую Наставник называл Плуром, распространяют Черные Линзы и занимаются подготовкой их носителей.

— Каковы ваши предположения относительно того, где искать этот Плур? — осведомился Нэдрек.

Киннисон опередил сына, заметив:

— Мне кажется, мы получим эти сведения, если перетряхнем то место, где раздают Линзы. Кому-то нужно отправиться на Лирану-9, и попробовать выяснить

координаты Плура; в случае успеха Лирана, конечно, будет затем уничтожена. Кстати, — добавил Серый Ленсмен, — кое-кто из вас именно туда и направлялся, не так ли?

* * *

Космокатер Нэдрек приблизился к зловещей планете. Полэнтианин едва не натолкнулся на ее внешний барьер, поскольку, как и прочие базы такого класса, Лирана-9 не выпускала за пределы своих защитных экранов никаких излучений. В последний момент, в какой-то сотне миль от планеты, Карен вдруг ощутила приближение враждебного объекта; Нэдрек, с которым она поддерживала постоянный ментальный контакт, успел изменить курс катера, не подняв тревоги.

Ленсмен прикинул, что если защита Лираны и отличается от той, с которой он столкнулся на базе-ловушке, то лишь количественно, а не качественно; поэтому вероятность, что ему удастся проникнуть на планету испытанным однажды методом, была весьма высока. Карен сообщила, что собирается наблюдать за операцией с катера; Нэдрек же взял на себя вполне доступную ему задачу: он синхронизировался с силовыми барьерами, осторожно преодолел их, и оказался на планете.

Воспользовавшись информацией Кэй о расположении главного и единственного купола цитадели, Нэдрек подобрался к нему и осторожно заглянул внутрь, скользя вдоль барьера, окружавшего сооружение.

Киннисон не ошибся, когда, руководствуясь безошибочным чутьем, направил в этот холодный и мрачный мир именно полэнтианина, привыкшего к еще более суровому климату родной планеты! Форма, которую принимали плуране, работая здесь, почти точно воспроизводила облик расы, типичным представителем которой являлся сам Нэдрек. Он мог бы свободно разгуливать среди боскомниан — тем более, что их в тот момент на Лиране оказалось несколько десятков; некоторые из них напряженно работали, программируя подсознание будущих Черных Ленсменов, другие застыли у экранов и многочисленных систем слежения.

Закончив ментальное обследование купола, Нэдрек обратился к Карен:

— Я полагаю, они готовят какую-то крупномасштабную диверсию против Лиги. Судя по количеству существ

на этой базе, операция должна быть весьма необычной.

— Они просто не успевают осуществить свои замыслы, — рассудительно отозвалась Кэй. — Что ты намерен предпринять?

— Просто войду туда; по-моему, мой организм — точная их копия, следовательно, я не вызову никаких подозрений.

— Я все же прикрою тебя, на всякий случай.

— Постой; лучше, если ты постарайшься немедленно аккумулировать всю информацию, какую мне удастся получить; контакт, скорее всего, будет очень кратким.

Карен прикинула, что такая предосторожность и в самом деле окажется не лишней; судя по предыдущему опыту, ментальные контакты с Черными Ленсменами и плуранами приводили к их самоуничтожению, если мозг противника относился к более высокой ступени, чем у представителя Боскома. Нэдрек на первых порах не вызвал бы подозрений. Его мозг наверняка был слабее, чем у плуран и, более того, он напоминал разум заканчивающего подготовку Черного Ленсмена. Девушка тут же согласилась подстраховать полэнианина, и он приступил к реализации своего плана.

Осторожно проскользнув внутрь купола — следящие системы, как и предполагал Нэдрек, были сориентированы на любые предметы и существа, отличающихся от плуран — патрульный затерялся среди персонала базы и занялся методичным просматриванием сознаний разнообразных монстров, каждый из которых нес страшную угрозу для Лиги и Цивилизации. Обнаружив Черного Ленсмена, чья подготовка приближалась к концу, он подал сигнал Карен, сообщая о начале активной работы.

Ему предстояло войти в контакт с тем высшим разумом, который трудился сейчас над подсознанием программируемого агента. Нэдрек решил, что лучше всего отключить постепенно все большую часть мозга будущего ленсмена, одновременно замещая недостающие области своим собственным разумом. Приступив к делу, он обнаружил, что без особого труда поддерживает ментальный контакт с плуранином: тому приходилось пользоваться непривычно низкими частотами, так как он работал с мозгом весьма слабо развитого существа. Несмотря на это, полностью воспринять информацию Нэдреку никак не удавалось; но Карен, предвидев такой поворот событий, была на страже. Она использовала мозг полэнианина

в качестве передатчика и занялась извлечением нужных сведений сама.

— Все в порядке, — сообщила девушка. — Возвращайся! — Она получила достаточно подробный спектр основного ментального потока боскомианина и рассчитывала, обработав сигналы, получить координаты Плура.

Полэнианин проделал всю процедуру проникновения сквозь защитный экран в обратном порядке, оказавшись в конце концов на катере. Бросив взгляд на покинутую только что планету, он с аккуратностью и ледяным спокойствием, присущим его расе, нажал на кнопку запуска аннигиляционной бомбы, направив удар прямо на купол. Миг, и базу боскомиан накрыло стремительно надвинувшееся облако антиматерии; ослепительная вспышка, тут же разлившаяся океаном пламени по поверхности планеты — и от Лираны-9 осталось лишь несколько медленно плывущих во мраке раскаленных обломков.

Глава 25

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Специалисты Патруля, скрывшиеся в недрах n-мерно-го пространства, столкнулись при монтаже нового оружия по проекту сэра Остина Кардинга с существенными трудностями. Речь, конечно, не о том, что работы были сложными, можно даже сказать, необыкновенно сложными — почти все проекты, задуманные Киннисоном, технической реализацией которых приходилось заниматься Верну Торндайку, именно таковыми и являлись. Неприятности доставляли непривычные, неудобные, наконец, просто непереносимые для человека — а именно люди составляли экипаж «Космической лаборатории двенадцать» — свойства странного мира, в котором приходилось реализовывать новый проект. Даже ветераны, знавшие, чего можно ожидать от будто бы взбесившегося времени, с трудом сохраняли равновесие и работоспособность; молодые же члены экипажа постепенно утрачивали психическую устойчивость.

Скачки времени сбивали настройку тонких механизмов, которую зачастую приходилось начинать заново, и

создавали у людей иллюзию, будто они то находятся одновременно в нескольких местах, то растворяются, превращаясь на какое-то мгновение в призраки. Правда, вся последовательность операций по созданию новых установок была рассчитана таким образом, чтобы минимизировать воздействие этих неприятных явлений на конструируемое оружие; это давало основание надеяться, что работы все же удастся благополучно завершить. Но состояние молодых помощников с каждым «днем» внушало все большие опасения. К тому же, чем дальше продвигались работы, тем серьезнее была угроза случайного обнаружения их временной базы.

— Как у вас дела, Клейтон? — руководитель работ Мэйтлэнд старался почаше устраивать такие проверки.

— Спасибо, сэр, — откликнулся молодой оператор системы слежения. — Пока все спокойно; правда, чтобы установить это, нам приходится постоянно перенастраивать аппаратуру.

— Да, это вполне объяснимо. Не расстраивайтесь, юноша, вы тут ни при чем; просто наши мониторы не вполне приспособлены к этой неудобной штуковине — многомерности пространства. — Мэйтлэнд подошел поближе, бросив взгляд на только что отлаженный в очередной раз монитор. — Пойдите, а что это у нас?

В правом верхнем углу экрана возникло странное пятно неопределенной формы; оно подозрительно дрожало, расплываясь и временами почти исчезая.

— Не понимаю, сэр... — встревожился Клейтон. — На корабль непохоже... — Некоторое время оба вглядывались в серый экран.

— Кажется, ему эта многомерность тоже не по вкусу, — предположил наблюдатель, глядя на внезапные изменения формы и резкие скачки объекта; небольшие на экране, они в действительности были очень велики.

— Вовсе не факт, — возразил Мэйтлэнд. — Пока ясно лишь, что она не по вкусу нашим датчикам.

Он постоянно заботился о том, чтобы наблюдатели, почти постоянно находившиеся на пределе возможностей человеческой психики, тщательно следили за сигнальными экранами и защитным барьером, не забывая подстраивать их после очередного временного скачка. Все же окончательно сладить с этим не удавалось, и несколько раз уже возникала ложная тревога. Тем не менее, Мэйтлэнд не собирался пренебрегать замеченным объектом.

— Направьте на него детекторную сеть и подключите дублирующий монитор с максимальной разрешающей способностью, — распорядился он. Таинственный объект тем временем явно приближался.

Когда заработал самый мощный монитор, руководитель работ всмотрелся в его мерцающую глубину и, нахмурясь, подозвал Торндайка:

— Как ты думаешь, Верн, что бы это могло быть?

— Корабль, — не раздумывая, определил главный инженер. — Вполне возможно, что его странный вид на наших мониторах связан не столько с несовершенством аппаратуры, сколько с его собственными характеристиками.

— Что ты имеешь в виду? — Мэйтланд насторожился.

— Дело в том, что именно так должен выглядеть с точки зрения трехмерной системы слежения многомерный объект... — Он подумал и добавил: — Хотя я могу и ошибаться... все же высшая математика — не мой профиль.

Адмирал Мэйтлэнд помрачнел еще более и вызвал офицера, командовавшего охраной базы:

— Насколько мы можем рассчитывать на эффективность наших барьеров? Выдержат ли они в случае необходимости атаку вон той конструкции? — он кивнул на монитор, где пятно совершенно определенно увеличилось в размерах, хотя сказать, насколько оно приблизилось, было затруднительно.

— Трудно сказать, — офицер явно колебался. — Никогда не видел ничего подобного, сэр.

Итак, ситуация складывалась не самым приятным образом: нестандартная и, к тому же, совершенно неопределенная. Помня об основной задаче базы — создании секретного оружия, Мэйтлэнд повернулся к главному инженеру:

— В какой стадии находится монтаж оборудования, Верн?

Торндайк отозвался:

— Пожалуй, работа близка к завершению; остались, в основном, настройка и испытания.

— Отлично. Как ты полагаешь, сколько тебе потребуется человек?

— Десятка два; мы вполне могли бы справиться старым составом, — Торндайк на лету уловил мысль приятеля, бок о бок с которым работал далеко не впервые.

— В таком случае берите необходимые приборы и отправляйтесь вниз, — кивнул Мэйтлэнд, имея в виду подземные укрытия, приготовленные как раз на случай атаки по соседству с самой установкой. Потом он подал общий сигнал сбора; когда молодежь подошла к корпусу «Космической лаборатории двенадцать», служившей в данный момент временной базой, он объявил:

— К нам целенаправленно движется неизвестный космический корабль; возможна атака. Поскольку работы почти завершены, предлагаю вам взять на себя отвлекающий маневр: грузите на судно все, что не требуется для окончательной доводки проекта, и покидайте планету. Я надеюсь, вам удастся увести их корабль за собой; а в гиперпространственном тоннеле, как известно, на защитные барьеры «лаборатории» можно смело положиться.

Распоряжение адмирала было выполнено быстро и точно. Вскоре на поверхности планеты не осталось никого и ничего; все, кто не улетел, укрылись в недрах планеты, настолько богатой залежами металлов, что это полностью исключало возможность обнаружения исследовательской группы.

«Космическая лаборатория двенадцать» вошла в гиперпространственный тоннель, мгновенно став невидимой для оставшихся на базе товарищей. Мониторы подземного убежища, получавшие информацию от выведенных на поверхность датчиков, зафиксировали, что расплывчатое пятно перестало увеличиваться в размерах; оно не пытаясь последовать за кораблем, но и не приближаясь к базе.

Судно Патруля благополучно добралось до Кловии, и капитан получил возможность лично доложить Координатору о последних событиях.

— Конечно, у них достаточно укрепленное убежище, но, возможно, стоит... — командир корабля вопросительно взглянул на Киннисона, зная, что оставшиеся на базе люди являются давними соратниками и друзьями Серого Ленсмена.

— Безусловно, — кивнул Киннисон, вызывая одновременно через Линзу всех свободных ленсменов Второй ступени. — Благодарю, капитан. Вы сделали больше, чем было возможно, для спасения этого важнейшего проекта.

Молодой командир вспыхнул от гордости, удостоившись похвалы самого легендарного Серого Ленсмена, почтительно поблагодарил его и удалился.

Вскоре на вызов откликнулся Ворсел; он все еще рыскал по обеим галактикам в надежде наткнуться на еще одну пещеру дельгониан, но последнее время ему не везло.

— Привет, старый змей, — дружески приветствовал его Киннисон. — Если ты не очень занят, могу предложить одну проблему. Как ты смотришь на небольшую прогулку в гиперпространственный туннель? Там осталась группа, выполнявшая мое особое задание.

— Отлично, — с энтузиазмом согласился Ворсел. — Я немедленно отправлюсь туда.

Гибкий и могучий организм велантийца достаточно легко перенес удары при ускорении и замедлении космолета, сопровождавшие вход и выход из гиперпространственного туннеля. Небольшое судно зависло над поверхностью планеты в тот самый момент, когда к ней приближался чужой бот, посланный, по-видимому, со странного космического корабля, чей дрожащий и расплывающийся силуэт сероватым пятном виднелся на мониторах Ворсела.

Велантиец увидел, что корабль, дождавшись приземления посланца, исчез; казалось, он буквально растворился в пространстве. Сделав вывод, что с этой стороны ему уже ничего не грозит, ленсмен сосредоточился на катере. Он попытался направить ментальный луч внутрь бота, но наткнулся на абсолютно непроницаемый барьер, никак не отреагировавший на контакт. Ворсел так никогда и не узнал, что от мощного ответного удара его защитило вмешательство ангела-хранителя — последовавшей за ним Констанс.

Он увидел, как из катера появилось существо — без скафандра. Это несколько удивило Ворсела, но он решил, что наблюдатель противника, оказавшись на пустынной планете, просто пренебрег мерами предосторожности, а в кислороде, по-видимому, он не нуждался.

Странное появление! Ворсел, однако, не стал дальше размышлять на эту тему, собираясь воспользоваться благоприятным случаем и уничтожить многоногую, покрытую толстым, усеянным шипами панцирем, тварь. Ленсмен направил на нее самый мощный из своих излучателей, нажал на кнопку и... Смертоносный луч, блеснув в атмосфере планеты, бесследно исчез. Тотчас на мозг Ворсела обрушился удар, силу которого он почувствовал, несмотря на принятые Констанс меры. Все же, благодаря барьеру, поставленному девушкой, он уцелел и сохранил способность рассуждать.

— Какой отличный панцирь! — искренне восхитился велантиец. — Конечно, это не скафандр, который отражает луч, но он, похоже, поглотил волну энергии, что ничуть не хуже... — Внутренне Ворсел возликовал, поскольку ему предстояло, видимо, собственными конечностями в рукопашной схватке уничтожить вражеского наблюдателя, наличие которого рано или поздно представило бы угрозу для всего проекта, о котором упоминал Киннисон.

Ворсел облачился в дауремовый скафандр и вышел из шлюза, направившись к поверхности планеты. Его прыжок был рассчитан так, чтобы с налета обрушиться прямо на загадочное существо, испытав его панцирь на прочность. Острых на вид шипов велантиец не опасался, полагаясь на испытанный не раз скафандр. Он всем телом обрушился на противника, но... ощутил лишь удар о почву! Он просто прошел сквозь странное существо, как будто оно было из воздуха!

Внимательно следившая за этим «боем» Карен прекрасно понимала, в чем дело: создания разных Вселенных, чьи размерности не совпадали к тому же с размерностью пространства, в котором они столкнулись, просто не могли пересечься; для человека, знакомого с высшей математикой, это было бы очевидно. Ворсел, естественно, в пылу схватки не успел сообразить, что произошло. Девушка знала, что плура — а это был именно он, и ментального анализа в данном случае не требовалось — необходимо тем или иным способом перевести в трехмерное состояние. Но ведь именно для этого и предназначалось оружие, созданное группой Торндайка по проекту величайшего математика человечества сэра Остина Кардинга!

Карен отлично знала, что аризиане подсказали сэру Остину не только идею так называемой «свертки» любых многомерных объектов в трехмерные, но и способы детектирования таких объектов. Но можно ли полагать, что Мэйтлэнд догадается о том, что наступил как нельзя более подходящий момент для испытания нового оружия?

Не дожидаясь, пока Ворсел, успевший повторить безуспешную атаку, окончательно рассвирипееет, девушка вошла в сознание Мэйтлэнда, убедилась, что установка полностью готова, и скомандовала:

— Залп!

Подчиняясь традиционному приказу, операторы, на-

пряженно взглядывавшиеся в мониторы, коснулись клавиш, приводивших в действие датчики трансформер-пушки. Чуткие приборы мгновенно зафиксировали на поверхности планеты объект несоответствующей мерности, и подали сигнал на панель управления лучом-трансформером. Торндайк уверенно нажал на кнопку.

Едва луч коснулся панциря, будто бы поглотившись, как и предыдущие волны, направленные Ворселом, как существо — вернее, его проекция на трехмерное восприятие землян, — вздрогнуло, стало расплываться и на миг исчезло, заодно смазав изображение части поверхности планеты. Через долю секунды на месте вражеского разведчика растеклась огромная грязно-фиолетовая дужа; по-видимому, столь внезапный переход в трехмерность поверг существо в шок.

Ворсел, который сам являлся крупным мастером по части всевозможных галлоцинаций, был готов к любым неожиданностям; он уже понял, что сейчас перед ним должен появиться не фантом, а живое существо, с которым можно сражаться. Действительно, расплывшаяся субстанция упруго собралась, выпустив множество щупалец разной длины и размера, и, казалось, несколько приподнялась над поверхностью планеты, готовясь к бою. Ощувив прилив воинственности, Ворсел ринулся на безобразный ком отвратительно шевелящихся щупалец. Тварь, дождавшись, пока ящер приблизится, стремительно взмыла вверх, обнажив жуткую пасть, усеянную тремя рядами острых, как иглы зубов. Она в свою очередь попыталась накинуться на велантийца; страшные зубы клацнули по поверхности дауремового скафандра. Атака была столь стремительной, что ленсмен не успел увернуться; он попытался хлестнуть врага своим могучим хвостом, но ему удалось лишь зацепить несколько щупалец. Удар смертоносной плети был так силен, что часть конечностей оторвалась, и из зияющих ран на теле чудовища хлынули струи густой зеленоватой крови.

Тварь все же была задета не настолько серьезно, чтобы прекратить сопротивление; Ворселу пришлось снова и снова уворачиваться от зубов, оказавшихся настолько острыми, что даже на дауремовом покрытии появились глубокие борозды и вмятины. Раны монстра быстро затягивались; возможно, если бы схватка продолжалась чуть дольше, это существо обнаружило бы способности к регенерации, удивительно быстро адаптировавшись к непривычной форме существования.

В конце концов Ворселу удалось при очередной атаке прижать отвратительную тварь к каменистой поверхности планеты, лишив ее возможности двигаться, после чего, быстро орудуя лапами, он разорвал чудовище на куски. Конвульсивно вздрагивающие щупальца трехмерной модификации плуранина опять сделали попытку сползти вместе, но Ворсел потрудились на совесть: части были слишком мелкими, чтобы попытка возрождения могла оказаться успешной.

Велантиец еще раз взглянул на поверженного врага и направился к замаскированному входу на базу, координатами которого он предусмотрительно запасся у Киннисона. Вскоре Ворсел уже докладывал с катера Киннисону об удачном испытании нового оружия. Он добавил, что группа, обслуживающая установку, находится по-прежнему в подземелье и пребывает в полной боевой готовности.

Координатор, выслушав сообщение, поблагодарил Ворсела и предложил ему присоединиться к Трегонси и Нэдреку и заняться поисками так внезапно исчезнувшей Черной Дыры; кроме того, надо было проанализировать последние сообщения с погибших в ней кораблей.

«Время отступлений прошло, — думал Кимбол Киннисон. — Плур должен быть уничтожен — и он будет уничтожен!» — Координатор уже отдал приказ готовить к полету «Неустрашимый», которому предстояло пройти по гипертуннелю к только что покинутой Ворселом планете, погрузить оборудование, забрать конструкторов и операторов оружия и доставить трансформер-пушки в рассчитанную Китом с помощью аризиан точку в непосредственной близости к Плуру — не выходя пока из туннеля.

Сам Киннисон отправился вперед; он подозревал, что воспользоваться новым оружием будет трудно, если не отключить предварительно защитный экран Плура в строго определенных секторах. На его долю выпала самая трудная, едва ли выполнимая для любого другого существа задача — проникнуть сквозь все защитные барьеры одной из самых мощных и таинственных цитаделей Боскома и открыть дорогу Галактическому Патрулю.

БИТВА НА ПЛУРЕ

Катер Кимбола Киннисона незаметной тенью проскользнул в гиперпространственный туннель и вынырнул из него почти у самого внешнего слоя оборонительных сооружений врага. Воспользовавшись сведениями, добытым Нэдреком и Карен на несуществующей более Лиране-9, Кит безукоризненно точно рассчитал точку выхода.

Серый Ленсмен вывел катер на круговую орбиту, тщательно проследив, чтобы она нигде не коснулась окружающего планету экрана, и занялся подробным изучением плуранской системы обороны, — вернее наиболее доступной внешней ее части. Он обнаружил, что ему достаточно легко удастся проникнуть за первый слой защиты; но как попасть дальше? Киннисон предположил, что внешними экранами управляют не сами загадочные плуры, а ближайший к ним эшелон подчиненных; скорее всего — Черные Ленсмены, как нельзя лучше подходящие для этих целей. О том, какими были последствия подсознательного программирования носителей Черных Линз, высшее боскомианское руководство не подозревало.

Киннисон же, еще на Калонии, на собственном опыте убедился, что такой способ подготовки исключал возможность сознательной концентрации ментальной энергии, что делало Черных Ленсменов уязвимыми для тех, чьи Линзы родились на Аризии и кто прошел там подготовку. Итак, он синхронизировал ментальный луч с частотой силового поля, ближайшего к орбите катера, и мысленно проник за экран. Теперь делом техники оставалось отыскать любого из операторов, контролирующих систему слежения; на запястье каждого из них красовалась Линза.

Кимбол сосредоточился и начал медленно, но неуклонно внедрять свой ментальный луч в мозг ближайшего к нему оператора. Боскомианин ощутил приближение опасности и в свою очередь собрал все силы, чтобы укрепить мыслебарьер и нанести ответный удар. Катрин, неизменно выполнявшая при отце обязанности защитницы, всеми силами старалась уговорить себя не вмешиваться; пока никто не должен был знать, что во Вселенной действуют несколько существ, чьи возможности на-

много превосходят даже аризиан. Тем не менее, она была готова поставить в случае необходимости дополнительный защитный барьер для Киннисона; но сейчас она только наблюдала.

Серый Ленсмен не ставил задачи продемонстрировать врагу ударную мощь своего мозга; он прибег к тактике постепенного, медленного, но неуклонного и все возрастающего натиска, микрон за микроном оттесняя в глубь сознания ментальный барьер противника. Его цель заключалась в том, чтобы незаметно для окружающих взять на себя руководство разумом и телом боскомианина и разыграть с его помощью небольшой спектакль.

Наконец он запер Черного Ленсмена в дальнем уголке его собственного разума; беспомощный, слепой и глухой, враг прекратил сопротивление. Теперь можно было приступить к основной части плана.

Киннисон имитировал ментальную атаку. Удар был достаточно силен, чтобы поднять тревогу, и направлен на тот самый участок, за которым наблюдал полностью подчиненный ленсмену оператор. Автоматически выполняя свои обязанности, тот считал с индикатора координаты судна возмутителя спокойствия и направил на него не одиночный луч захвата, а хорошо скоординированную силовую сеть. В следующий момент космокатер затянуло под экран, и Киннисон с облегчением вздохнул: он был на полпути к цели.

Захваченный им противник тем временем проделал на пульте манипуляции, которые должны были бы позволить исследовать пленное судно и его пилота. В следующую секунду он уже издал радостный возглас, за которым последовало ментальное сообщение хозяевам: Звездный ленсмен, гроза Боскома, попался в ловушку! Плур загудел, как разворошенный муравейник; эфир заполнили сигналы тревоги, распоряжения и вопросы, над которыми преобладали, впрочем, требования проверить информацию, прежде чем докладывать явную чушь. Видимо, появления Координатора над Плуром казалось его владыкам событием невероятным.

Киннисон не стал спорить, спокойно заставив «удачливого» стража еще и еще раз проверить ментальный отпечаток «пленника». Результаты не оставляли места для сомнений, и находившийся под его контролем Черный Ленсмен торопливо вышел на связь с самым высоким руководством.

— Ваше Превосходительство, докладывает оператор

первой защитной зоны, код ZTS-551. Захвачен космодесант Патруля с ленсменом Лиги... Звездным ленсменом, судя по ментаграмме. Какие будут распоряжения?

— Ты уверен? — скептически хмыкнуло Его Превосходительство; этот плур пребывал сейчас в зимней форме, напоминая шипастое чудище. — Я сомневаюсь, чтобы твои возможности позволили осуществить столь сложную операцию.

— Так точно, Владыка, — поддакнул подчиненный, ибо Киннисон был уверен, что лучше проявить почтительность к начальству, чем интеллект. — Но космодесант в точности соответствует описаниям, как и ментальный отпечаток... Не желаете ли убедиться лично?

Как раз этого Большой Босс делать не собирался, полагая, что незачем направляться куда-то, когда можно предоставить грязную работу низшим. Несмотря на то, что плуры частично были созданиями иного, n-мерного мира, и существовали в данной Вселенной лишь в виде изменяющихся проекций — что было вызвано необычными свойствами центрального светила их системы, — они вполне усвоили стиль общения и правила, принятые во всей Империи Боскома. А законы эти гласили: пресмыкайся перед высшими и помыкай теми, кто стоит на нижних ступенях сложной иерархической пирамиды.

— Проверь все еще раз и доставь этого Звездного сюда. Приступай!

— Ты находишься в безвыходном положении; твой десант захвачен, оружие — заблокировано. Сдавайся, Звездный! — разнесся над ледяной и мрачной поверхностью планеты ментальный приказ.

Киннисон, помедлив для правдоподобия несколько секунд, вышел из десанта. Попадись он в тот капкан, который поставили на него сами плуры и который находился под неусыпным контролем главенствующей расы, он тотчас бы попал на Эддор, и выбраться оттуда было бы очень и очень непросто. Но сейчас очутился в ловушке помельче, и плуры, движимые естественным для боскомиан тщеславием, не собирались отдавать лавры захвата ключевой фигуры Галактического Патруля кому бы то ни было, хоть бы и непосредственному руководству. Они разберутся во всем сами, а потом доложат эддорианам об успехе давно запланированной акции по уничтожению Звездного ленсмена — если он на самом деле пойман. Впрочем, это представлялось весьма сомнительным.

Ни у кого на всей планете не возникло и легкого подозрения, что Плору угрожает опасность; раса, почтившая себя сильнейшей после эддориан, полагала, что находится в данный момент в полной безопасности. Что касается Кэт, которая уже готовилась последовать за отцом, прекрасно понимая, с кем ему предстоит столкнуться, то обнаружить ее было совершенно невозможно.

Итак, по постам наблюдения всех трех поясов защиты был передан приказ: восстановить экраны и открыть проход для доставки пленного на опознание.

Городов на этой планете действительно не было; как не существовало внутри самого мощного, последнего слоя защиты и никаких зданий, механизмов или устройств. Проекции многомерных плуров не нуждались в искусственных приспособлениях, будучи физически неуязвимыми в трехмерном мире, а их ментальные возможности были достаточно велики, чтобы и с этой стороны им не грозила опасность. Следовательно, для встречи с плуром Черному Ленсмену предстояло доставить Киннисона в ту точку планеты, где в настоящий момент находилась зимняя модификация одного из ее хозяев — покрытое твердым шипастым панцирем существо с множеством ног-присосок, которое прекрасно обходилось без скафандра в немыслимо ядовитой для любого гуманоида атмосфере Плора.

Оказавшись перед ним, Кимбол попытался выполнить последнюю часть плана — завладеть, хотя бы на мгновение, сознанием плура и заставить его открыть проходы в определенных секторах системы обороны. Он рассчитывал, что высший начальник вступит в ментальный контакт с оператором, чтобы получить подробную информацию об обстоятельствах захвата столь важного пленника, или снимет защитный барьер, чтобы исследовать мозг патрульного.

Серый Ленсмен был готов тотчас воспользоваться тем или иным удобным случаем, чтобы внедриться в сознание боскомианина. Плур, однако, неподвижно стоял — или сидел?.. лежал?.. — перед ним, и Киннисон не чувствовал ни малейшего прикосновения к своему сознанию. Угадав, что происходит нечто непредвиденное, он рискнул сделать попытку первым коснуться мозга существа и... ничего не обнаружил. Ни барьера, ни разума — вообще ничего, даже намек на то, что перед ним находится живое существо. Кимбол просто был неспособен воспринять, как и любое другое существо ниже

третьего уровня мышления, многомерную мысль. Над ним нависла смертельная опасность, приближение которой он не мог даже ощутить; он узнал бы об атаке только в тот момент, когда в его мозг уже проникла бы невероятно концентрированная ментальная волна — и этот внезапный удар наверняка оказался бы смертельным. Оказался бы — если б не Катрин, проскользнувшая на Плур следом за отцом, едва защитный барьер приоткрылся.

Она успела ощутить, что сознание Киннисона изучается глубоко и всесторонне; поняла, что отец, скорее всего, не воспринимает этот процесс и на долю секунды опередила плура; поставив ментальный блок, надежно защитивший Серого Ленсмена, она воплотила его замысел, бурей ворвавшись в сознание боскомианина.

Плур, не ожидавший у себя дома никаких неприятностей, являлся представителем высшего руководства и, конечно, не был запрограммирован на самоуничтожение, поэтому задача Катрин оказалась достаточно простой. Она выяснила, какие из секторов, контролируемых захваченным ею мозгом, следует отключить, и выполнила это. Вся операция была проделана практически мгновенно; Кимбол едва успел осознать, что вместо мозга существа он воспринимает пустоту. Сотую долю секунды спустя его дочь выделила один из участков сознания плура, сделав доступной Киннисону трехмерную проекцию его содержимого.

Теперь ленсмен сам подал команду, отключающую необходимые сектора защиты Плура; после чего, мысленно обобрав систему обороны, он решил, что все прошло превосходно — в нужных местах ненадолго возникли проходы, в которые немедленно были введены появившиеся из нескольких рукавов гиперпространственного туннеля трансформер-пушки.

Одновременно включились несколько десятков тысяч детекторов, связанных с двадцатью двумя Т-орудиями; они зафиксировали координаты разбросанных по всей планете многомерных существ, и пушки с автоматической наводкой открыли огонь, стремительно сворачивая плуран в трехмерное состояние. Разработанное Торндайком оружие действовало не вполне так, как предполагалось. Как считал его создатель, многомерный объект, свернутый по нескольким измерениям, должен просто погибнуть, оставив в трехмерном пространстве самое большее свой труп; но необыкновенная способность к адаптации

позволила плурам не только выжить при таком несомненно неприятном воздействии, но и достаточно быстро прийти в себя в новой форме.

Для всех, начиная от Киннисона и заканчивая операторами Т-пушек, это было полной неожиданностью: Ворсел, полагая, что столкнулся с обычными галлюцинациями, просто умолчал об этом эпизоде своего полета. Под ударами трансформ-лучей атмосфера Плура засияла разноцветными вспышками, и вскоре вся поверхность планеты была залита однородной грязно-фиолетовой тягучей субстанцией, невероятным застывшим океаном протоплазмы. Казалось, что теперь с Плуrom можно покончить одним ударом!

«Неустршимый», вырвавшись из гиперпространственного туннеля, ринулся на посадку, спеша забрать Киннисона из того ада, в который превратилась планета. Но крейсер еще не успел коснуться поверхности планеты, как над протоплазмой начали одно за другим приподниматься щупальца; сама же чудовищная пленка заметно утратила однородность, постепенно распадаясь на множество отдельных особей крайне неприятного вида, напоминающих шевелящиеся резиновые мешки с многочисленными отростками. Ближайшие к Киннисону твари, сформировавшись, немедленно взвились над ним, норовя прокусить страшными зубами дауремовый скафандр. Взглянув на челюсти монстров, ленсмен понял, что его сверхпрочный костюм продержится недолго.

Справившись с изумлением, вызванным трансформацией беспомощных врагов в смертельно опасных чудищ, он выхватил «деламатер» и начал поливать тварей огнем; по крайней мере, теперь они были уязвимыми для излучения. Но на месте одного уничтоженного монстра поднималась дюжина, и вскоре положение стало казаться безнадежным; борозды и вмятины на скафандре все углублялись, энергоресурс оружия был на пределе. Однако на помощь Координатору уже спешил Ван Баскирк во главе отряда десантников. Размахивая огромным топором, он врезался в шевелящуюся массу резино-подобной плоти и пробился к Киннисону.

— Откуда, черт возьми, взялись эти твари? — Секира гиганта-валерианина ни мгновения не оставалась без дела. — По-моему, — заявил он, — нам стоит убираться отсюда, да поживее. Хвала Клоно, на нашем славном кораблике достаточно излучателей и бомб!

Пробиться к судну оказалось далеко не простой за-

дачей; валериане разили направо и налево, вращая топорами с такой скоростью, что оружие становилось почти невидимым. Во все стороны разлетались куски фиолетовых тел с корчащимися щупальцами, потоки зеленоватой крови заливали почву. Излучатели «Неустрашимого» уже работали на полную мощность, прожигая длинные дымящиеся борозды в океане протоплазмы, но помочь людям Ван Баскирка не могли: операторы опасались их задеть, и валерианам приходилось пробиваться к кораблю своими силами.

Все же они в конце концов проложили путь к наружному шлюзу; и едва Киннисон с десантниками оказались на борту, как люк захлопнулся, и «Неустрашимый» взмыл вверх, чтобы выйти на дистанцию поражения: его боевые операторы собирались уничтожить дьявольскую планету одним ударом.

Но оставались еще Черные Ленсмены, управлявшие внешними экранами; Т-пушки им не угрожали, как существам обычной мерности, и их первая растерянность миновала. Трансформация хозяев была для них полной неожиданностью; они не решались стрелять в корабль, который на добрую треть увяз в массе тел плуран. Но едва «Неустрашимый» оторвался от поверхности планеты, как стал удобной мишенью для эмиттерных батарей, установленных на постах внешней защиты. Управляемые боскомианами экраны остановили супердредноут в сотне миль от поверхности планеты, и по замершему судну тут же ударили мощные излучатели. Конечно, защитные барьеры «Неустрашимого» могли выдерживать атаки практически беспредельной мощи, но патрульный корабль оказался пойман в ловушку.

Супердредноут дал залп одновременно из всех орудий, пытаясь пробить силовой барьер; он завибрировал от перегрузки, его поля переливались фиолетово-красными бликами, отражая огненный шквал.

К счастью, ему на помощь уже спешили...

Глава 27

КОНЕЦ ЭДДОРА

Справившись с защитными барьерами Плора, Катрин тут же ускользнула с планеты, верная стремлению Детей

Линзы по возможности меньше вмешиваться в естественный ход событий, пока они угрожают опасностью. Ни она, ни тем более кто-либо из патрульных, ни сам Киннисон не могли предвидеть, что Черные Ленсмены сумеют восстановить казалось бы безвозвратно разрушенную оборону.

Теперь же Киннисон, оценив силу противника, имевшего в своем распоряжении достаточно генераторов, излучателей и прочего вооружения, решил, что разумнее всего будет обратиться за помощью. Он послал сквозь барьер, остановивший «Неустрашимый», ментальный сигнал, сообщив координаты выхода к Плуру из гиперпространственного туннеля. Ленсмены Второй Стади получили вызов Координатора в тот момент, когда занимались исследованием Дьявольской Дыры, пытаясь разработать схему, при которой один из них пытался приблизиться к заколдованному району одному под надежной защитой остальных.

Уже направляясь к Плуру, они продолжали обсуждать таинственные свойства странного объекта, который прекращал функционировать, когда к нему приближались два и более носителей аризиянских Линз; но стоило ленсменам удалиться от Дыры, как суда, неосторожно пренебрегшие предупреждениями постов, вновь исчезали, безвозвратно проваливаясь в никуда.

Выйдя из гиперпространства, тройка ленсменов немедленно приступила к выяснению обстановки; пока Трегонси, проникнув за барьеры, изучал наскоро восстановленную систему обороны боскомиан, выявляя наиболее уязвимые точки, Нэдрек обратился к Киннисону:

— Приветствую тебя, Координатор, и твой экипаж. Сообщите, в чем дело; если не ошибаюсь, вызов был срочным?

— Привет, Нэдрек, — терпеливо отозвался Кимбол. — Ты не ошибаешься — у нас возникла проблема, которую надо бы разрешить побыстрее. «Неустрашимый» в ловушке; мы заперты над планетой, покрытой останками ее не в меру агрессивных обитателей, и нам не удастся провести корабль через их экраны — на внешних постах уцелело довольно много обслуживающего персонала.

— Как ты полагаешь, чем мы можем быть полезны? — поинтересовался палэнтианин, в то время как Ворсел уже облачался в дауремовый скафандр, не забыв пристегнуть топор.

— Я думаю, вам стоит скоординировать свое ментальное воздействие и одновременно атаковать операторов, принудив их отключить экраны. Постарайтесь выяснить, где у них наиболее уязвимые точки...

— Уже сделано, — вмешался Трегонси. — Там все достаточно ясно, и никаких сюрпризов не предвидится. Опасность может представлять только довольно мощное вооружение, способное перехватывать и отправлять назад аннигиляционные бомбы. Ими тебе пользоваться не стоит.

— Это не страшно, — отозвался Киннисон. — В конце концов, когда мы выберемся отсюда, вполне можно уничтожить планету и не прибегая к аннигиляции.

— Отлично, — Нэдрек взял на себя роль координатора их небольшой группы. — Все готовы? Постарайся вырваться немедленно, едва представится возможность, — посоветовал он Киннисону.

— Вперед, — скомандовал наконец полэнтианин, и ментальные лучи четверки Серых Ленсменов одновременно ударили по сознаниям нескольких операторов, контролировавших ближайшие к «Неустрасимому» установки. Почти сразу после начала этой атаки патрульным удалось овладеть разумами противников; в следующий момент сектор защиты прямо перед носом корабля был отключен. Огромный супердредноут рванулся вперед, сокрушив по дороге еще пару соседних секторов обороны Плур; впрочем, это уже не имело значения — планета была обречена.

Покинув этот мир, едва не ставший ловушкой для непобедимого до сих пор корабля, «Неустрасимый» развернулся, и чудовищное жерло концентратора звездного излучения уставилось на Плур. Не было ни вспышек огня, ни яростного блеска потоков энергии; неторопливо и бесшумно, без лишних пиротехнических эффектов, на месте планеты образовалось легкое облачко раскаленного газа, постепенно расползавшегося вширь и быстро гаснущего.

С Плуром было покончено; надо полагать — навсегда.

* * *

Будучи великолепным Координатором, Кимбол Киннисон, занимаясь очень важными проблемами, никогда не забывал о делах просто важных. Поэтому, сосредото-

чившись на уничтожении Плура, он помнил и о незначительной, но загадочной проблеме дыры в пространстве. Вернувшись на Кловию, на свою основную базу, Серый Ленсмен немедленно созвал небольшое совещание, в котором приняли участие Ворсел, Трегонси и Нэдрек. Когда речь зашла о том, что Дьявольская Дыра будто бы ощущает, сколько ариззианских Линз находится в радиусе ее действия и старается не проявлять активности, если их более одной, Кимбол только хмыкнул про себя.

— Мы как раз пытались решить, кто из нас отправится туда в качестве приманки, — несколько смущенно сообщил Ворсел. — Меня отвергли, потому что я вроде бы уже пробовал...

— Я продолжаю настаивать, что этот район следует изучать мне, — подтвердил Трегонси. — Полагаю, я более привычен, чем остальные, к нестабильным пространствам; вспомните хотя бы Тренко.

— Но очевидно же, что мы столкнулись с влиянием одного из параллельных миров, — возразил ему Нэдрек. — Позвольте мне считать данную проблему своей.

Киннисон внимательно выслушал их, еще раз обдумал новую информацию и подвел итог:

— Похоже, мне следует самому разобраться в этом. Благодарю всех. Чистого пространства, друзья!

— Чистого пространства, — отозвались ленсмены; никто не пытался оспорить решения Координатора.

Спустя недолгое время, Киннисон уже следовал знакомым маршрутом. Не обращая внимания, по примеру Ворсела, на предупредительные сигналы автоматических сторожевых постов, он направился прямо к предполагаемому месту аномалии. Вопреки предположениям ленсменов, Ким по-прежнему не воспринимал никаких Дыр, ни обыкновенных, ни, тем более, дьявольских. Подойдя почти вплотную к точке, которая, по расчетам Ворсела, служила источником губительного излучения, и все еще не нащупав его, Киннисон решил сменить тактику.

Он вернулся на исходную позицию и направил катер по сходящейся спирали к той же точке. Витки траектории суденышка постепенно сжимались, и в конце концов Координатор оказался точно в том месте, где бесследно исчезло столько кораблей Лиги Миров.

В первый момент не произошло ровным счетом ничего, хотя Киннисон изо всех сил напрягал сверхчувственное восприятие, пытаясь найти разумное объяс-

нение феномену. В следующую секунду он ощутил знакомое головокружение, которое обычно сопровождало вход в гиперпространственный туннель, а потом неожиданно провалился в бездонный черный колодец...

Дьявольская Дыра — ловушка, точно рассчитанная уже вычеркнутыми из Мироздания плурами, — захлопнулась за ним. Этот капкан, приготовленный персонально для Координатора Галактического Патруля, блестяще использовал один из существенных свойств человеческой расы — неистребимую любознательность и стремление лично разобраться в сути каждой загадки.

* * *

Кларисса, вернувшаяся после встречи ленсменов двух высших ступеней на Кловию, вновь занялась обычными делами. Особых поводов для беспокойства у нее не было; как и прежде, она далеко не всегда знала, где находятся и чем занимаются ее муж и дети — особенно дети! — но была уверена, что если ей будет нужно выяснить это, никто не станет скрывать от нее ничего существенного.

Кимбол, с которым она в последнее время виделась достаточно часто, улетел разрешать очередную проблему. Казалось бы, волноваться совсем ни к чему; тем не менее, необъяснимая тревога внезапно захлестнула Клариссу. Рыжий Ленсмен попыталась связаться с мужем, но не смогла его отыскать. Хотя и в этом не было ничего необычного, Кларисса забеспокоилась еще сильнее. Поколебавшись, она послала через Линзу обращение к ленсменам Второй Стадии.

— Ворсел с Велана, Трегонси с Ригеля, Нэдрек с Полэна! Вызывает Кларисса Киннисон, — начала она традиционной формулой, предваряющей любое заочное совещание. — У вас не найдется для меня десяти минут?

— Десять минут у меня есть, — точно сформулированный ответ Нэдрека пришел первым.

— Почту за честь, — бодро отозвался Ворсел на долю секунды позже.

— Что-то случилось с Киннисоном? — чуткий Трегонси не стал терять времени.

— Я не могу с ним связаться, — подтвердила Кларисса, сосредоточившись, чтобы точно объяснить причину обращения за помощью. — Вы не знаете, в какой области Галактики он может находиться сейчас?

— Я примерно представляю, куда он отправился, — уклонился от прямого ответа Трегонси, пытаясь одновременно исследовать соответствующий сектор пространства.

— Ким пошел к так называемой Дыре Дьявола, и я не вижу причин скрывать это, — уточнил Нэдрек. — Весьма вероятно, что он попал в нее, не совсем верно оценив степень риска своего предприятия.

— Мы должны немедленно отправиться туда еще раз и выяснить, что произошло, — Ворсел никак не мог простить себе, что подчинился приказу и отпустил Киннисона одного.

Активный обмен по каналу ментальной связи привлек внимание Камиллы; она ощутила и повышенный уровень тревоги. На мгновение сосредоточилась на переговорах, девушка быстро извлекла максимум информации и забеспокоилась не меньше старших ленсменов. Девушка решила, что одной здесь не разобраться:

— Кит, Кон, Кэй, Кэт! Камилла на связи. Отец исчез! Я не могу обнаружить его; срочно требуется ваша помощь.

— Мы слушаем тебя, — отозвались сестры и брат. Камилла одним прикосновением к их сознаниям передала всю информацию, почерпнутую от старших.

Кит задумался, затем решительно объявил:

— Полагаю, нам пришло время объединить силы и воспользоваться блоком. Я готов, малышки. Приступим?

Даже Карен не пришло в голову возразить брату; все прекрасно понимали, что способности Камиллы как детектора превосходят их возможности; более мощным инструментом могла стать только детекторная сеть слитых воедино пяти разумов.

Сестры вошли в сознание Кристофера и во второй раз, практически не потеряв времени на притирку, ощутили поразительное захватывающее чувство полной самодостаточности Блока и безграничную мощь объединенного разума.

Анализ направления гиперпространственного туннеля, пресловутой Дыры, чем в первую очередь и занялся Блок, мог бы оказаться делом трудным и длительным. Но им в некотором смысле повезло: едва детекторы проникли в туннель, пытаясь определить, куда он ведет, как Блок охватила волна холода, уже испытанного Китом в тот страшный момент, когда он едва не отступил с Эддора. Итак, отец попал на высшую планету Боскома!

— Дело серьезное. Он не сможет сам вырваться оттуда.

Эта мысль возникла в их объединенном сознании, и тут же породила отклик.

— Вы абсолютно правы; ситуация катастрофическая, — пришла спокойная, как всегда, мысль Наставника. — Уровень мышления эддориан намного выше, чем у любого ленсмена Второй Стадии. Впрочем, вы лучше меня способны произвести оценку ситуации и решить, что необходимо предпринять.

Решение о создании Блока было принято и выполнено за столь короткий промежуток времени, что Серые Ленсмены не успели даже хоть сколько-нибудь продвинуться в обсуждении проблемы. Но Дети Линзы уже знали, где надо искать отца. Блок, самая могучая сила в двух Галактиках, вступил в игру.

* * *

В это время Киннисон действительно находился на Эддоре. После полного разгрома и уничтожения такой, казалось бы совершенно неуязвимой расы, как плуры, интерес эддориан к личности Координатора — или Звездного ленсмена — необыкновенно возрос; после недолгих дебатов решено было воспользоваться предложением психолога, полагавшего, что можно перепрограммировать мозг Кимбола Киннисона, поставив его на службу Империи Боскома.

Психолог-эддорианин не стал терять время на изъятие сведений из памяти пленника, решив по возможности минимально деформировать его личность. Он намеревался подвергнуть ментальному воздействию заранее намеченные участки мозга, направив усилия на перориентацию Координатора; иными словами, эддорианин хотел сменить моральные установки землянина, не разрушая его знаний, опыта и сложной структуры нервных связей, определявшей его возможности. Надо заметить, что такое было вполне по силам ментальной мощи одного из лучших психологов-аналитиков Боскома, хотя и требовало некоторого времени и ювелирной точности работы.

Блоку, располагавшему опытом и знаниями Кристофера, приобретенными на Эддоре, не составило особого труда проникнуть за охранительные барьеры мрачного мира; только ощущая точные, слаженные действия их

объединенных разумов, Кит понял, как неуклюже и по-детски действовал, впервые попав сюда.

Почти сразу обнаружив Киннисона, они поняли и то, что смогут вытащить его с планеты, и то, что это был уже чужой Киннисон. Оставив эту неожиданную и страшную проблему до возвращения домой, Блок принял решение нанести удар по Эддору и забрать Координатора, независимо от его состояния.

Блок произвел первый остронаправленный выпад, узким лучом Констанс прошив все пять слоев защитных экранов Эддора; одновременно космокатер Катрин, ни на миг не потерявший полного ментального слияния с сестрами и братом, ринулся вниз, к бесчувственному телу Серого Ленсмена. Карен в то же мгновение расширила барьер, надежно защищавший суденышко, прикрыв им Катрин, уже перетаскившую Координатора на борт.

Катер взлетел, и едва он вышел из опасной зоны, на Эддор обрушился второй удар, область воздействия которого, стремительно расширяясь, накрыла вскоре всю планету. Ни один эддорианин не избег страшной участи; каждый был буквально испепелен на месте, столь мощной и убийственной была настигшая их ментальная волна широкого диапазона, включавшая непривычные и непреносимые для них низкие частоты. Внутренний Круг распался и погиб последним; его злая воля на долю секунды задержала окончательное уничтожение.

Торопясь помочь отцу, Блок не стал задерживаться у Эддора. Никто во всей Вселенной — кроме аризиян, конечно — не видел, как главная планета Боскома, задрожав, растворилась в пустоте. Эддора больше не существовало.

Изучив мозг по-прежнему находящегося в бессознательном состоянии Кимбола, Блок вынужден был признать, что внесенные в него изменения столь существенны, что уничтожить их можно лишь вместе с сознанием. Потрясенные, Дети Линзы обратились за советом к Ментору, но тот лишь повторил, что им лучше знать, какие действия полезны в данном случае.

— Возможно, стоит воспользоваться прекогнитивкой, — добавил Наставник. — Как правило, объединенное сознание способно на более объективные выводы, иногда абсолютно недоступные даже самым высокоразвитым участникам ментального слияния.

Расчеты Блока подсказывали, что положение тяжелое, но, возможно, не безнадежное; помочь сумеет только существо, совпадающее с пострадавшим по уровню мы-

шления и способное легко войти в резонанс с его сознанием.

Кто из ленсменов Второй Стадии мог удовлетворять этим требованиям? Ответ был найден почти мгновенно: Рыжий Ленсмен, Кларисса Киннисон, самый близкий к Координатору человек. И катер Катрин стремительно понесся к Кловии, где находилась в тот момент встревоженная Крис, всеми силами стремившаяся помочь мужу.

Увидев бесчувственное тело своего любимого, Кларисса, вопреки всякой логике, мгновенно успокоилась. Он был дома, с ней; и он был жив! Все остальное поправимо; в этом она не усомнилась ни на миг — как и в своих силах. Повинуясь инстинкту, Кларисса взяла руки Кима в свои и сконцентрировалась на том, чтобы полностью слиться с его сознанием.

Она быстро отыскала незатронутые эддорианами области его мозга, и настроилась в резонанс с ними. Весь могучий запас жизненной силы, делавший женщину-ленсмена существом абсолютно уникальным, она направила на то, чтобы пробудить центры регенерации разума, стереть следы чужеродного вмешательства. Она начала с низких частот; постепенно ей удалось продвинуться к среднему диапазону. Потом, постоянно подпитывая Серого Ленсмена своей энергией, она шаг за шагом восстановила его сознание в первозданном виде. Лицо Кимбола, смертельно бледное, порозовело, и глубокий обморок перешел в спокойный сон.

Координатор спал. Как дым, развеивались страшные чары, и в глазах его жены и детей засияла надежда. Кимбол Киннисон вновь мог возглавлять борьбу за спасение Цивилизации, ибо в дальних уголках космоса еще затаилось немало зла; и этой борьбы хватит ему на всю оставшуюся жизнь.

* * *

А на далекой Аризии тоже наступил день торжества. Великий план увенчался успехом; миллионнолетние усилия сошлись в фокусе, в единой точке, в безмолвной вспышке ментальной силы, уничтожившей Эддор. И кто знает, был бы этот удар Детей Линзы достаточно мощным, если бы не тревога за отца, не ярость и гнев, овладевшие ими в тот миг, когда они осознали всю глубину надругательства, совершенного над ним?

Да, Аризия рисковала... Но кто не рискует, тот не выигрывает, а ставки в этой вселенской игре были слишком велики.

КОММЕНТАРИИ

к шести романам саги о Ленсменах

1. Основные действующие лица — части 1 и 2 романа «Трипланетие»

Атлантида

Арипонидес	— фарос (правитель) Атлантиды
Артоменес	— стратег, командующий армией
Киннекса	— девушка-разведчик, родоначальница династии Киннисонов
Клето	— политик, член Совета
Ло Сунг	— предводитель противников Атлантиды; видимо — воплощение Гарлейна
Марконес	— правитель, член Совета
Таломонидес	— Познаватель Душ, ученый-психолог
Филамон	— правитель, член Совета
Фригес	— разведчик, родоначальник династии Вирджила Сэммза

Рим

Нерон	— император Рима, воплощение Гарлейна
Ливиус	— гладиатор-беотиец
Киннет	— гладиатор-фракиец, продолжатель династии Киннисонов
Петроний	— заговорщик
Тигеллин	— трибун преторианцев
Фермиус	— гладиатор-галл, противник Киннета

I, II и III Мировые войны

Везер	— генерал
Киннисон,	— капитан, впоследствии — инженер-химик, продолжатель династии Киннисонов. Видимо, под этим именем Смит вывел самого себя, ибо в его биографии и жизнеописании Ральфа Киннисона прослеживается ряд общих черт.
Ральф	
Киннисон, Сони	— жена Ральфа
Киннисон,	— сын Ральфа и Сони

Фрэнк	
Киннисон,	— потомок Ральфа, командир боевого
Теодор	космического корабля
Киннисон,	— жена Теодора
Симона	
Слайтон	— генерал
Самнер, Тагвел,	
Ваначек, Бартон,	
Каривокс,	
Джонс, Хилтон,	
Маултон, Сноу-	
грасс, Келлер,	
Стоунер, Блэк,	
Петлер, Вилсон;	
Селеста, Сэнд-	
форд, Фрэнклин,	— руководители и сотрудники Энтвилс-
Дрейк и другие	кого артиллерийского завода
Лоренс, Дойль,	
Друмонд, Карни,	
Френч, Доу, Хиг-	
гинс, Сантос,	
Харпер, Казис,	
Лопес, Грин	— боевые операторы, экипаж корабля
	Теодора Киннисона

2. Основные действующие лица — часть 3 романа «Трипланетие» и роман «Первый Ленсмен»

Аризия

Ниделлор, Кри-	— старшие аризиане. Хранители перс-
диган, Дроуни,	пективных цивилизаций, в том чис-
Бролентан	ле — Земли
Ментор	— аризианин или часть Объединенного
	Разума Аризии; отвечает за контакты
	с ленсменами
Старшие	— Объединенный Разум взрослых ари-
	зиан
Энфиллстор	— первый аризианин, обнаруживший
	Эддор
Эуконидор	— младший аризианин, один из храните-
	лей Земли

Эддор

Высочайший	— вождь и владыка Эддора
Гарлейн	— второй после Высочайшего по силе;
	наблюдает за Землей, принимая ряд
	воплощений

Прочие персонажи

Админгтон	— специалист по вооружению

Бергенхольм, Нильс	— гениальный ученый, земное воплощение аризианина Дроуни, один из первых ленсменов
Байнерд	— наемный убийца, совершивший покушение на Сэммза
Брэдли	— капитан тяжелого крейсера «Гиперион»
Винфельд Геркаймер	— капитан тяжелого крейсера «Чикаго» — секретарь и помощник сенатора Моргана
Дал-Налтел	— офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, венерианин
Дронвир	— один из первых ленсменов, ригелианин
Изаксон, Арчи- балд	— президент компании МКП — «Межзвездные Космические Перевозки»; помощник Моргана
Киннисон, Родерик	— комиссар Безопасности, второй ленсмен, командующий Флотом Трипланетия
Киннисон, Джек	— сын Родерика, офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Клайтон, Александр	— коммодор, затем — адмирал Флота Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Кливленд, Лиман	— ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Корандер	— вице-адмирал Черного Флота с Петрина
Костиган, Конвэй	— офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Костиган Клио	— жена Конвэя (в девичестве — Марсден)
Морган	— сенатор, глава консервативной партии, тайный резидент Боскома
Мургатройд	— главарь пиратов
Набос	— офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, марсианин
Нерадо	— капитан звездолета (тарг) и ученый с Невии
Нортроп, Мэйсон	— ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, будущий зять Сэммза
Олмстеды, Джордж и Рэй Осмен	— кузены Сэммза, сотрудники Службы
Пилиниспи	— торговец наркотиками, венерианин
Роджер	— полэнтианка, Главный Декситроболлер Плутона
Редмонд	— земное воплощение Гарлейна (Серый Роджер)
Родебуш, Фредерик	— глава исследовательского отдела Службы — ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов

Десплэйнз,
Десса

— звильник

Елена
Лиранская
Кадрон
Кардинг, Остин
Киннисон,
Кимбол
Киннисон,
Кларисса
Киннисоны:
Кристофер,
Катрин, Карен,
Камилла, Конс-
танс

— Старейшина Лираны
— владыка Онло, боскомианин
— великий физик, Земля
— Серый Ленсмен, потомок фамилии
Киннисонов
— его жена (Кларисса Мак-Дугал)

Клеони
Крейг,
Малькольм
Кримски

— дети Кимбола и Клариссы (Дети
Линзы)
— женщина с Лираны
— капитан «Неустрасимого»

Кроуншильд
Крэндел
Ксиэпик

— заместитель коменданта боскомианс-
кой базы на Бойсии
— звильник
— пилот боскомианского крейсера
— навигатор с Шиклодора

Ладора
Лейси

— женщина с Лираны
— ленсмен, главный врач госпиталя
Патруля на Земле

Мак-Дугал,
Кларисса
Мелас
Мендонай

— врач Патруля, невеста Киннисона,
потомок фамилии Вирджила Сэммза
— Черный Ленсмен с Калонии
— командующий космическими силами
Калонии, боскомианин
— ленсмен, однокашник Киннисона

Мэйтлэнд,
Клиффорд
Мэтьюз

— финансист

Нельсон
Нэдрек

— инженер-связист
— ленсмен с Полэна

Поттер Илона
Прелин

— девушка с Лонабара
— он же Этан Уэмбсон — звильник,
региональный директор Боскома

Стронгхерт

— звильник, хозяин салуна на астероиде
Эфро

Трегонси
Торндайк, Верн

— ленсмен с Ригеля
— инженер

Уэнрайт

— командир антиганского отделения
Патруля

Форж, Рауль

— ленсмен, однокашник Киннисона

Руларнион	— ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, юпитерианин
Сэммз, Вирджил	— глава Трипланетарной Службы, Первый Ленсмен
Сэммз, Вирджил Таллик Таун, Джим	— его дочь — один из первых ленсменов с Полэнта — главарь пиратов (Большой Джим Таун)
Уиллогби	— капитан судна контрабандистов «Королева Вирджиния»
Унтерспун	— президент Североамериканского континента, креатура Моргана
Фаргальд	— родственник Сэммза, политический советник Родерика Киннисона
Флетчер, Сид Швайнерт	— помощник Родерика Киннисона — коммодор Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов

3. Основные действующие лица романов «Галактический Патруль», «Серый Ленсмен», «Вторая Стадия» и «Дети Линзы»

Айх-Лан	— Первый в Боскоме, Глаз и Ухо Боскома
Айх-Мил	— Второй в Боскоме
Айх-Нор	— Третий в Боскоме
Айх-Снэп	— Четвертый в Боскоме
Айх-Амп	— Восьмой в Боскоме, психолог
Алкон	— властитель Трала, боскомианин
Аллердайк	— штурман
Блейкли	— офицер-связист с боскомианской базы на Бойсии
Блик, Менто	— звильник с Лонабара
Бомингер	— звильник, хозяин салуна
Ван Баскирк, Питер	— командир десантников, валерианин
Ватсон	— пилот Патруля
Викстед	— глава отдела по борьбе с наркобизнесом, Радемекс
Ворсел	— ленсмен с Велантии, друг Киннисона
Вулмарк	— помощник Ха'Иссы
Геронд	— ленсмен, командующий базы Рэйделикс
Джалт	— представитель Боскома в Первой (земной) Галактике
Джеронд	— ленсмен, командующий базой Радемекс
Джилдер	— капитан боскомианского крейсера, валерианин

Ха'Исса	— представитель Боскома в Первой (земной) Галактике
Харклерой	— звильник с Флестина
Харс, Гундрих	— звильник с Лонабара
Хейнес	— ленсмен, адмирал Патруля, командующий Главной Базы на Земле
Хендерсон,	— пилот Патруля
Генри	
Хогендорф,	— ленсмен, комендант Уэнтворт-Холла
Фриц	
Хочкинс	— эксперт Патруля по связи
Шатвей	— ленсмен, командир боевых операторов
Шермерол	— пилот Патруля

4. Некоторые термины и названия

Айхи	— обитатели Ярнезана, мира во Второй Галактике (Галактике Эддора), раса повелителей Боскома
Барьерные экраны	— щиты, барьеры и т. д. — защитные энергетические средства, используемые на кораблях и военных базах
Безынерционный привод	— или двигатель (генератор) Бергенхольма, он же — нейтрализатор инерции — устройство, предназначенное для отключения инерции, после чего космический корабль может двигаться со скоростью, значительно превышающей скорость света
Бентлам	— наркотик
Боском	— межгалактический союз, созданный Эддором, который противостоит Лиге Миров. Во времена Кимбола Киннисона его возглавляли айхи, ставленники Эддориан
Боулига	— виски с Альдебарана
Валерия	— мир с большой силой тяжести, населенный потомками землян. Валериане обладают огромной физической силой и из них обычно набираются десантные силы Патруля
Велантия	— мир, населенный змееподобными существами с высоким уровнем телепатических способностей
Ви-дса	— ядовитый газ
Внутренний	— правящий совет Эддора
Круг	
Галактический Патруль	— одновременно полицейские и вооруженные силы Лиги Миров, возглавляемые ленсменами

Даурем	— непроницаемый для излучения материал, из которого изготавливаются скафандры
«Деламатер»	— мощный ручной бластер, оружие времен Кимбола Киннисона
Дельгон	— мир, Владыки которого отличаются исключительной злобностью и колоссальной способностью к гипнозу
Дуодек	— взрывчатое вещество
Звильник	— жаргонное название торговцев и контрабандистов наркотиков
Калония	— одна из главных планет Боскома
Кловия	— планета-резиденция Галактического Координатора
Клоно	— бог одной из планет, с рогами, клыками, хвостом и копытами, чьим именем часто клянется Кимбол Киннисон
«Левинстон»	— ручной бластер, оружие Трипланетарной Службы
Ленсмены	— носители Линзы; элитные силы Патруля. Ленсмены способны устанавливать мысленную связь с любым разумным существом
Лига Миров	— союз прогрессивных миров Первой Галактики (Галактики Аризии и Земли)
Линза	— концентратор ментальных способностей, которым Аризия снабжает Патруль
Лирана	— планета, населенная женщинами
Мультимплексные эмиттерные орудия	— мощное лучевое оружие, используемое на военных кораблях и базах
Невия	— мир, населенный высокоразвитыми разумными амфибиями
Оглон	— чудовищный летающий хищник
Петрин	— мир, в котором создавался Черный Флот
Планеты	— упоминаются миры: Бойсия, Медон, Позения, Радемекс, Тренко, Эфро (ас-теронд), Боров, Бронска, Шиклодор, Каминох, Ордовик, Ярewan, Дельгон, Алсакан, Рэйделикс, Велантия, Валерия и другие Онлю, Лонабар, Трал
Плуранс (Плур)	— мир, союзный Эддору и второй после него в иерархии Эддорианской империи
Проникновение	— столкновение и взаимопересечение

Первой Галактики, нашей, со Второй Галактикой эддориан

Серый Ленсмен	— или свободный ленсмен — звание, которое присуждалось самым выдающимся ленсменам и давало им чрезвычайно широкие полномочия
Следящие лучи	— проникающее через любой материал излучение, используемое для розысков и наблюдения
Сол, Ригель, Велантия, Полэн	— четыре наиболее перспективных мира Первой Галактики, за которыми наиболее тщательно следили аризиане (Сол — название системы Земли)
«Стэндиш»	— тяжелый бластер, оружие Трипланетарной Службы
Тарг	— титул невианского капитана
Тионит	— самый сильный и губительный из всех известных наркотиков; добывается из растений планеты Тренко
Транспортные лучи	— используются для остановки в пространстве и притягивания кораблей
Тренко	— уникальный мир, первоисточник тионита
Трипланетие	— или Трипланетарная Лига — первоначально объединяла Землю, Марс и Венеру; со временем дала начало Лиге Миров Первой Галактики
Трипланетарная Служба	— охранная структура Трипланетия, положившая начало Патрулю
Ультраволны	— сверхбыстрое излучение; используется для связи и в качестве боевого средства
Ультра-Прим	— база Патруля на Кловии
Уэнтворт-Холл	— академия ленсменов на Земле
Файамен	— тонизирующий напиток из кревианского кустарника
Харод	— титул невианского министра
Храм Науки	— высший научный орган Невии
Шартразы	— разумные рыбы, обитающие на Невии
Ярневан	— мир, союзный Эддору и третий в имперской иерархии после Эддора и Плуга; населен айхами, непосредственно управлявшими Боскомом

КОСМИЧЕСКИЕ РОБИНЗОНЫ

I

Это вечный вопрос: как сохранить и передать опыт, если спастись не удалось никому? Если никто не вернулся, чтобы рассказать о происшедшем...

— ВНИМАНИЮ ПАССАЖИРОВ! — На всех мониторах звездного корабля «Процион» появилось сосредоточенное лицо помощника вахтенного офицера. Его хорошо поставленный голос раскатился по всем салонам, каютам и отсекам огромного судна. — Даю четвертое и последнее предупреждение. Всем немедленно занять свои места. Приготовьтесь к стартовой перегрузке в полтора «же». Ваш вес будет в полтора раза больше земного в течение примерно пятнадцати минут. Старт через двадцать секунд. Последние пять я буду отсчитывать. Итак, начинаю: пять... Четыре... Три... Два. Один... Пуск!

Гигантский космический лайнер дрогнул и стал подниматься в воздух, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. В главном салоне, где собрались многие из пассажиров, чтобы полюбоваться удаляющейся Землей, минут пять никто не шевелился. И вдруг с одного из кресел поднялась девушка.

На первый взгляд она не поражала красотой; молодых женщин такого типа можно нередко встретить где-нибудь на морском побережье Флориды или Калифорнии. Волосы цвета спелой пшеницы; на загорелом лице глубокой прохладной синевой светятся глаза; одета в короткие, до колен, брюки и свободную блузу. Девушка была невысокой, но ее тоненькая фигурка отличалась удивительной пропорциональностью.

Она замерла, чуть согнув колени, словно привыкая к своему новому весу. Затем, сделав шаг на середину салона, прошла в быстром танце, который казался столь легким и ритмичным, будто это неожиданное выступление происходило на земной сцене.

— Вы не должны этого делать, мисс! — воскликнула стюардесса, торопливо, насколько позволяла перегрузка, приближаясь к девушке. — Вернитесь на свое место, мисс, прошу вас... — Она заглянула в лицо девушки, и тон ее внезапно изменился: — О, это вы, мисс Варнер...

— Да, вы угадали. Барбара Варнер. Каюта номер двести девяносто один.

— Но право же, мисс Варнер, существуют правила, и если вы упадете...

— К черту правила! Я не упаду. Мне всегда было интересно, смогу ли я сделать одну вещь, и сейчас как раз подходящее время, чтобы проверить.

Она быстро нагнулась, встала на руки и дважды обошла кресло. Выполнив затем несколько кульбитов, которые сделали бы честь профессиональному акробату, она спокойно опустилась на свое место.

— Видели? — повернулась она к изумленной стюардессе. — Получилось, и я не...

Ее голос утонул в криках одобрения и аплодисментах. Каждый, кто мог хлопать в ладоши, восторженно делал это.

— Еще! Давай еще раз! Валяй в том же духе!

— О-о! Я вовсе не собиралась устраивать представления! — Барбара Варнер вспыхнула, увидев глаза ближайших зрителей. — Правда, мне только хотелось узнать, получится у меня или нет. — И, поскольку всеобщее возбуждение не утихало, она выскользнула из салона.

Целый час перед стартом «Проциона» с Земли и три часа после него первый помощник капитана Карлейль Дестон, отвечавший за электронные устройства корабля, сосредоточенно сидел за своим пультом. Это был молодой человек, довольно высокий, мускулистый и стройный.

«Наш малютка», говорили про него космолетчики. Широкоплечий, но тонкий в талии, быстрый, с превосходной реакцией, Дестон был создан для полетов на стремительных разведчиках, а не для монотонной работы у пульта пассажирского корабля.

Наблюдавший за сотней лампочек и полусотней приборов, прислушивавшийся одновременно к сигналам, что поступали через наушники от двух телефонных сетей, одновременно, предельно собранный, он не был напряжен даже во время обратного отсчета секунд. Разве что при счете «Два» его указательный палец замер на красной кнопке, и взгляд стал еще более внимательным. Заметь он какой-либо непорядок, старт «Проциона» тотчас же задержали бы.

И еще раз, когда звездолет уже вышел на спутни-

ковую орбиту, он помедлил секунду перед тем, как дать сигнал мощным двигателям выбросить корабль из обжитого людьми космоса в неведомую даль, называемую гиперпространством. Но системы безопасности работали нормально; все зеленые лампочки, кроме одной, погасли, стрелки упали до нуля, оба телефона молчали, сигналы тревоги — тоже.

Дестон вставил штырь в разъем под единственной горящей зеленой лампочкой и проговорил:

— Процион-один — контролю-шесть. Поле восемьсот сорок девять. Межкосмическое радио — тест первый. Как слышите меня?

— Контроль-шесть — Проциону-один. Ваши позывные десять и ноль. Повторите.

— Десять и ноль. Конец связи.

Дестон отсоединил разъем, и одинокий зеленый огонек погас; сигнализация корабля была совершенна и бесшумна. Теперь до самого выхода в обычное пространство, если не случится ничего непредвиденного, он может быть просто пассажиром. Дестон откинулся на спинку кресла и закурил; он уже мог позволить себе расслабиться. Необходимость неотрывно следить за пультом миновала: любой сигнал тревоги загорится прямо перед ним.

Ровно через три часа после старта в рубке появился его помощник и сменщик Эдди Томсон.

— Везде темно? — спросил вошедший.

— Как в колодце, Эдди. Устраивайся. Ты уже присмотрел себе девушку на этот рейс, я полагаю?

— Пока нет. Я наблюдал за Бобби Варнер. Она показывала стойку на руках, а также сальто вперед и назад в главном салоне. При полутора «же»! О-о-о! После этого все прочие женщины стали казаться раздавленными котлетами. Понимаешь, она не производит особого впечатления, пока не начнет двигаться, но уж тогда... О, брат мой! — Эдди закатил глаза, сделал впечатляющий жест и выразительно свистнул. — Это просто поэма в движении! Только прогулявшись по сцене, она обеспечила бы успех любого самого захудалого спектакля!

— Ладно, ладно, но лучше все-таки не трогай предохранитель, — спокойно ответил Дестон. — Мне уже все ясно. Ты влюблен навеки — возможно, на все это путешествие. Приводи ее наверх в следующую вахту, и я вручу ей золотой значок, как обычно.

— Как можно быть таким ослом? — возмутился Эдди. — Неужели ты думаешь, что я попытаюсь флиртовать с Барбарой Варнер?

— Ты бы стал флиртовать даже с сестрой архангела Михаила, если бы она тебе позволила. А кто такая Барбара Варнер?

Эдди Томсон взглянул на Дестона с сожалением:

— Я догадывался, что в глубине души ты монах, но все же надеялся, что ты хоть изредка отрываешься от приборов, чтобы узнать что-нибудь об окружающем мире. Тебе разве ни о чем не говорит имя Нефтяной Варнер?

— Кажется, я о нем когда-то слышал... — Дестон ненадолго задумался. — Они нашли крупное месторождение нефти, не так ли? Где-то в Южной Америке?

— Величайшее на Земле! И не только на Земле. Он работает во всех системах на сотни парсеков вокруг и никогда еще не спускался в сухую шахту. Всякий раз, когда он бурит скважину, из нее начинает бить фонтан прямо в стратосферу. Никто не понимает, как это ему удастся. Сдается мне, что его жена — нефтяная ведьма, поэтому он и таскает за собой повсюду все семейство. Иначе зачем бы он это делал?

— А может, он ее любит? Знаешь, такое иногда случается.

— Что-что? — Эдди фыркнул. — После двадцати лет совместной жизни? Клянусь кометным хвостом, я не настолько наивен! По крайней мере, ответь мне, хватило бы у тебя наглости положить глаз на наследницу Нефтяного Варнера, у которой на мелкие расходы больше миллионов, чем у тебя десятицентовиков?

— Я вообще не собираюсь на нее смотреть...

— Верно, ты не будешь. Только на книги и пленки... в крайнем случае — на опавшие листья. Ну ладно, скажи тогда, хотел бы ты жениться на такой женщине?

— Конечно, если бы влюбился... — Дестон помолчал, размышляя, потом продолжил: — Знаешь, пожалуй, нет. Она бы заставила меня переодеваться к ужину. Ей наверное, нужен, официант или даже дворецкий. Так что, мне кажется, я бы не захотел.

— Так же, как и я, брат. Но что за девочка! Какая соблазнительная, аппетитная девочка! — Эдди застонал.

— Завтра ты будешь восторгаться другой, — бесстрастно произнес Дестон, выходя из рубки.

— Почему я знаю? Но даже если ты и прав, никакая

другая не сравнится с этой, — ответил Эдди ему вслед.

Дестон сардонически усмехнулся. К его следующей вахте Эдди пригласит наверх одну из самых хорошеньких девушек на корабле за золотым значком. Этот дар позволит ей — конечно с надежным эскортом, — посетить недоступные для большинства пассажиров служебные отсеки корабля.

Сам он никогда не спускался на средние палубы звездолета, где располагались комфортабельные каюты для пассажиров лайнера; там его ничего не интересовало. Кроме того, у него было слишком много неотложных дел, чтобы тратить время попусту... Но впервые за три года космической службы ему вдруг страстно захотелось отправиться в главный салон корабля.

Карлейль Дестон доверял своему предчувствию. Играя в карты или в кости, он всегда слушался внутреннего голоса и всегда выигрывал. Поэтому он бросил азартные игры, прежде чем кто-либо догадался об этой его особенности. Такой уж он был человек. Однако доверять интуиции он не перестал, и нынешнее предчувствие беспокоило его.

Несколько часов Дестон боролся с ним, потому что никогда не заходил в салон и не имел желания идти туда теперь. Но нечто притягивало его так сильно, что он наконец сдался. Он не завернул в свою каюту и даже не снял с пояса оружие. Просто не подумал об этом: автоматический пистолет сорок первого калибра у бедра был для него такой же частью форменной одежды, как брюки.

Едва первый помощник переступил порог главного салона, он тут же увидел Барбару. Она играла в бридж, и как только глаза их встретились, и она поднялась со своего места, Дестона захлестнуло странное ощущение, будто его ударило током.

— Прощу прощения, — сказала она своим партнерам, — но мне необходимо уйти.

Бросив на стол карты, Барбара пошла к выходу, по-прежнему глядя Дестону прямо в глаза. Он поспешно отступил в коридор, и едва дверь закрылась за ней, они без единого слова очутились в объятиях друг друга. Губы их встретились в поцелуе, длившемся целую вечность.

Объятие их нельзя назвать страстным, страсть придет позже. Оно было таким, словно после долгих

лет бесплодных и тяжких скитаний каждый из них вернулся наконец домой.

— Пойдем куда-нибудь, где можно поговорить, дорогой, — прервала она молчание, заметив с неудовольствием полдюжины весьма заинтересованных зрителей.

Через пару минут в каюте под номером двести девяносто один Дестон говорил:

— Так вот почему меня так тянуло спуститься на среднюю палубу! Ты появилась на борту примерно без четверти восемь?

Она покачала золотистой головкой:

— Чуть-чуть раньше. Когда я прочитала твое имя в списке офицеров корабля, я вдруг почувствовала что-то похожее на удар электрическим током. Но, конечно, это не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло, когда мы и вправду увидели друг друга. Только тогда все стало ясно. Как здорово, что ты такой сильный!

— Я пока не понимаю, что со мной творилось, — задумчиво проговорил он. — Я всегда был уверен, что подсознательной сферы вообще не существует. Парапсихология, насколько я понимаю, утверждает, что она есть, но доказать сие не способна. Так что я просто не знаю, чему верить... С одной стороны, у меня всю жизнь были настоящие предчувствия. С другой — сейчас сигнал не был достаточно ясным... Мне кажется, что человек с телепатическими способностями разобрался бы во всем этом гораздо лучше.

— Не обязательно. Ты боролся с этими ощущениями, защищался от них, и поэтому моим позывным пришлось пробиваться через твои барьеры, и только самый сильный импульс смог к тебе прорваться. — Вдруг она хихикнула, как школьница. — Так что ты либо телепат, либо самый жуткий бабник во всей Вселенной... но на бабника ты никак не похож. Если бы ты не был таким же экстрасенсом, как и я, ты бы, наверное, выпрыгнул прямо в космос, когда какая-то чокнутая девица вдруг атаковала тебя.

— Откуда ты столько знаешь обо мне?

— Один из младших офицеров кое-что рассказал мне и даже доверил ужасную тайну, что ты единственный девственник среди космических офицеров во всей Галактике.

— Я подозреваю, что это был Эдди Томпсон.

Барбара радостно кивнула.

— По-твоему, это плохо? — озабоченно спросил Дестон.

— Вовсе нет. Эдди считает, что ты таким образом наносишь урон чести и достоинству всех офицеров, а мне это как раз нравится.

— Когда мы с тобой поженимся?

— А хоть сейчас, только вот... — Она прикусила нижнюю губку и задумалась. — Нет, никаких только... Сию минуту или так скоро, как ты сможешь. Но тебе ведь нельзя жениться, не выходя в отставку, да?

— Пусть это тебя не беспокоит, — улыбнулся он. — Моя репутация достаточно высока, чтобы я мог рассчитывать на неплохую работу на Земле. Даже если меня разжалуют, не дожидаясь приземления, здесь всегда найдется какая-нибудь работа. Я смогу тебя обеспечить, моя радость.

— О, я в этом вовсе не сомневаюсь, речь совсем о другом. А вдруг тебе не понравится работа на Земле?

— Какое это имеет значение? — искренне удивился Дестон. — Раз я не могу взять тебя с собой в космос, значит, с космосом будет покончено. И я совсем не жалею об этом. Но что ты имела в виду, когда сказала: «Только вот...»?

— Я просто подумала, не сообщить ли эту новость моим родителям, но потом решила этого не делать. Понимаешь, мама тут же закатит истерику, а отец будет рычать, как разъяренный лев. Но так как я не изменю своего решения, мы сначала поженимся. — Она пожала плечами, встретив его вопросительный взгляд, и продолжила: — Видишь ли, нашу семью не назовешь счастливой. Мать как курица с яйцом носится с бредовой идеей выдать меня замуж за старого титулованного козла. Я даже посоветовала ей развестись с отцом и самой стать супругой этого вонючего чудовища. Отец же мечтает объединить две империи и считает, что для этого проще всего сделать меня женой мультимиллионера, на мой взгляд, просто отвратительного. На прошлой неделе он пристал ко мне с этим дурацким предложением, и я взорвалась, как атомная бомба. Пришлось популярно объяснить, что даже если я надумаю выходить замуж тысячу раз, каждого из моих мужей я выберу самостоятельно, не прибегая к их помощи. Правда, пришлось пообещать ему, что я по-прежнему буду искать нефть, но это все...

— Нефть! — непроизвольно вырвалось у Дестона, и в ту же минуту отдельные кусочки мозаики сложились в его мозгу в цельную картину. Ее походка...

Поэма в движении. Нефтяная ведьма... Две империи... Миллионов больше, чем у него десятицентовиков...

— Ох, так значит, ты и есть Барбара Варнер!..

— Ну да, конечно. Друзья зовут меня Бобби. А ты разве не видел в списке пассажиров... Ах нет, ты ведь наверняка никогда не читаешь эти списки. Если бы причитал, тебя бы тоже, наверно, тряхнуло током.

— Меня уже трясет без всяких списков. Вот уж никак не ожидал что...

— Молчи, мой дорогой! — Она вскочила и взяла обе его ладони в свои. — Я все понимаю. Мне было бы очень неприятно, если бы ты из-за меня испортил свою карьеру, но я уверена, что ничто не разлучит нас теперь, когда мы наконец нашли друг друга. Поэтому послушай меня, — взгляд, устремленный на него, стал твердым, — если мои деньги хотя бы чуть-чуть беспокоят тебя, я с радостью отдам все, что у меня есть, куда угодно или вообще откажусь от них!

Он смущенно засмеялся, обнимая ее:

— Теперь это меня нисколько не волнует.

— Да, да, я запросто могу так сделать.

— Я знаю, моя радость.

Но тут другая мысль пришла ему в голову, и он ощупал сильными, ловкими пальцами мускулы ее рук и спины.

— Как насчет твоих акробатических упражнений при перегрузке? Ты ведь тренирована не хуже меня, но мне это необходимо, а тебе?

— Я просто люблю спорт. Кроме того, я ведь новомарсианка и окончила там несколько курсов.

— Новомарсианка? Никогда бы не подумал. Ты больше похожа на уроженку Земли.

— Бог мой, ты прав, конечно! Но родилась я на Новомарсе. Наша действующая и легальная резиденция всегда находилась там. Налоговая политика, знаешь ли, — сказала Барбара с забавной гримаской.

— Нет, не знаю. Налоги не особенно меня интересуют. Но продолжай. Ты окончила несколько курсов, каких же?

— Ну, гимнастика, прыжки, акробатика, шейпинг, телепатия, аэробика, а также экстрасенсорика.

— Ого! Значит, стоит тебе однажды разозлиться на меня, ты попросту завяжешь меня узлом?

— Очень сомневаюсь. Я, конечно, поставила на

место нескольких нахалов, но ни один из них не был космическим офицером.

Барбара тихонько посмеивалась, проверяя его мускулатуру, причем она делала это гораздо более профессионально и тщательно, чем он. Окончив проверку, она вздохнула:

— Наверняка не смогу. Настоящий большой мужчина всегда справится с малышкой вроде меня, правда?

— Но меня не назовешь крупным мужчиной. Ты, наверное, уже слышала мое прозвище?

— Да, и тоже собираюсь называть тебя Бейбом, подразумевая под этим то же, что и остальные. Ну кому нужен высоченный и толстый муж?

— Клянусь доброй старой нефтью, Бобби, мне бы хотелось, чтобы у нас все было честь по чести. Кого отловим для венчания — пастора, прелата или, может быть, рабби?

— А тебе кого хотелось бы?

— Мне все равно. А кого предпочитаешь ты?

— Пожалуй, пастора. — Барбара подарила ему быструю сияющую улыбку. — Нам еще многое предстоит узнать друг о друге, да?

— Разве что мелочи... Все самое важное мы уже знаем, и у нас с тобой еще будет время.

— И каждую секунду мы будем любить друг друга. Ведь теперь все твое свободное время принадлежит мне?

— Не могу себе представить ничего другого, — услышала она в ответ, и счастливая пара, крепко переплетя руки, отправилась искать священника.

— Тебе не нужно будет работать, — говорила Дестону девушка. — Скажи, ты никогда не думал об искательстве?

— Искательство? А, эта чепуха с видением сквозь землю... Естественно, нет.

— Послушай меня, милый! Всякий раз, когда я касаюсь тебя, я узнаю о тебе что-то новое. Так же, как ты — обо мне.

— Верно, но...

— Никаких «но», мистер Неверующий! Клянусь тебе, ты обладаешь огромными способностями! От тебя требуется только перестать бороться с самим собой и дать им волю. Твои способности намного больше моих. Я могу находить только воду, нефть, уголь и газ, но металлы мне не подвластны. Я не определю золота, даже находясь на золотой крыше Форта Кнох,

и не почувствую радия, даже обгорая в его излучении. Но я уверена, что ты сможешь настроиться на поиск всего, чего захочешь.

Дестон не придавал ее словам особого значения, и по пути к каюте священнослужителя они больше об этом не говорили. А там, естественно, забыли все окончательно. Следующие пять дней стали для них обоих самыми прекрасными, упоительными и счастливыми днями в их жизни.

II

В те времена, о которых идет речь, отношение общества к межзвездным путешествиям, можно было сравнить с его отношением к межконтинентальным полетам в шестидесятые годы двадцатого века. Космические корабли создавались лучшими умами человечества и оборудовались всеми защитными устройствами, известными в те годы. Звездолеты обслуживали специально обученные, тренированные и особо надежные команды. Управление громадными пассажирскими лайнерами доверяли только лучшим из лучших. Стать космическим офицером мог только тот, кто был наделен высокоразвитым интеллектом и обладал отменным здоровьем.

По статистике межпланетные корабли были самым безопасным средством передвижения из всех, которыми люди располагали в эту эпоху. Настолько надежным, что даже Особо Важные Персоны охотно ими пользовались.

Статистические данные утверждали, что число трагических случаев в космосе ничтожно мало по сравнению с числом автомобильных катастроф. Страховые компании предлагали ставки в десятки тысяч против одного на то, что каждый космический путешественник вернется целым и невредимым из любого звездного рейса.

И тем не менее аварии случались, и людей погибло немало; причем ни одну из катастроф не удалось расследовать. Ни сигнал бедствия, ни зов о помощи потерпевших крушение ни разу не принимал никто ни на Земле, ни в космосе. Ни разу не удалось найти хотя бы обломок корабля, не спасся ни один член экипажа или пассажир.

Великое Колесо Фортуны сделало роковой оборот, и «Проциону» выпал тяжкий жребий.

Была глубокая ночь, когда Карлейль Дестон внезапно проснулся, весь обратившись в слух, каждой клеткой своего тела пытаясь ощутить нечто, вызвавшее из глубины его сознания: «Опасность! Опасность! Опасность!»

Доли секунды хватило Дестону на то, чтобы схватить Барбару в охапку и выпрыгнуть вместе с ней из постели.

— Мы покидаем корабли! Надевай этот костюм! Быстрее!

— Но что... Но мне же нужно одеться...

— Некогда! Захвати все с собой!

Он буквально закинул жену в аварийный скафандр, плотно застегнув на ней шлем; потом торопливо влез в свой собственный.

— Капитан! — крикнул он в микрофон, вмонтированный в шлем. — Это Дестон. Катастрофа! Покидаем судно!

Сигнальные звонки звякнули один раз, красные огни вспыхнули и погасли, сирены замолкли, едва начав завывать. Вся колоссальная громада межпланетного лайнера затряслась и задрожала, будто бы тысячи каких-то гигантских молотов били по ней.

Дестон не знал, капитан ли отключил сигнализацию или это сделала автоматическая аварийная система. Как бы то ни было, авария произошла так внезапно, что какого-либо предупреждения практически не было.

Они выскочили в коридор.

— Бежим скорее! — крикнул он Барбаре, хватая ее за руку и увлекая за собой. Она старалась изо всех сил, но угнаться за отлично тренированным Дестоном оказалось нелегко.

— Я никогда не сдавала стометровку в космическом скафандре! — выдохнула девушка. — Отпусти меня и беги вперед, а я за тобой...

Все системы звездолета вышли из строя. Свет, гравитация, циркуляция воздуха — словом, все.

— Ты также никогда не сдавала зачет по свободному падению. Пристегивайся к этой петле на моем поясе, сейчас ты это испытаешь, — сказал Дестон, остановившись на секунду.

— Куда мы? — спросила Барбара, выполнив его распоряжение.

— Детка Два, то есть спасательная шлюпка номер

два — мое место назначения при эвакуации. Мне повезло, что я оказался здесь, в пассажирской части... из служебных помещений мне бы сюда не добраться. Похоже, нам нужен следующий коридор налево. — Лампа на его шлеме высветила номера на стене прохода. — Да, точно.

Он подтолкнул жену, и они понеслись в конец левого ответвления коридора. Дестон нажал на рычаг у стены, люк аварийного отсека приоткрылся, и они увидели испуганного седого мужчину.

— Что случилось... Что слу... — начал он.

— Крушение. Мы оставляем корабль. Прячьтесь в это убежище, покрепче закрывайте за собой дверь и оставайтесь здесь!

— Но не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Без скафандра и не зная, как с ним обращаться? Вы просто превратитесь в пепел! Прыгайте в этот люк! — Мужчина исчез, и тогда Дестон повернулся к жене: — Побудь у входа в убежище, Бобби. Привяжи одну ногу к этому рычагу. Взгляни на приборчик на твоём поясе. Вот на этой шкале отсчет уровня радиации. Двадцать единиц, так же как и на моем. Стрелка в розовом секторе — значит, у нас около минуты в запасе. Я поищу других пассажиров и отправлю их к тебе, а ты поможешь им забраться сюда. Справишься?

Барбара была бледна и напугана, безмерно устала, но вполне владела собой.

Справлюсь.

— Молодец, моя хорошая. Через минуту восстановится притяжение, и тебе станет легче.

Первые пять дверей, которые он толкнул, оказались запертыми, и поскольку они были сделаны из бронированных металлических плит, ему оставалось лишь двинуть в сердцах каждую из них тяжелым ботинком. Шестая дверь была открыта, но пассажиры, мужчина и женщина, погибли. Погибли и пассажиры других кают, и только в одной Дестон увидел мужчину в скафандре, который беспомощно барахтался в воздухе.

Дестон бросил взгляд на свой дозиметр. Двадцать два, и стрелка уже в красном секторе, почти у края шкалы.

— Бобби! Что показывает твой прибор?

— Двадцать шесть.

— Ладно. Я нашел только одного, и времени больше нет. Я возвращаюсь.

Оказавшись опять в спасательной шлюпке, Дестон задраил входной люк и включил систему управления маленьким судном, направив его на предельной скорости прочь от звездолета. Затем он вытряхнул Барбару из скафандра, как зернышко из колоска, и освободился от своего собственного. Схватив какое-то устройство, напоминающее огнетушитель, он рывком распахнул дверь крошечного помещения, чуть больше приличного платяного шкафа.

— Залезай сюда! — скомандовал он. — Раздевайся, скорее! — последовала следующая команда, когда Барбара захлопнула дверь.

Дестон поднял баллон и открыл на нем четыре клапана. Прежде чем он успел установить похожее на пистолет приспособление, которым был снабжен «огнетушитель», в рабочее положение, Бобби сбросила с себя пижаму; стремительное развитие событий никак не повлияло на быстроту ее реакций. Когда поток густой маслянистой пены почти полностью скрыл девушку, Дестон заговорил, спокойно и убедительно:

— Спасибо, родная, что ты не задавала вопросов. Это вещество называется ДЕЗАД — сокращение от «Дезактиватор комплексный, адсорбирующая и дезинфицирующая смесь». Если воспользоваться им достаточно быстро, оно спасает от радиации. Втирай его хорошенько в кожу — вот так.

Он положил «огнетушитель» на пол и энергично принялся помогать Бобби.

— Да, да, волосы тоже. Нужно обработать каждый миллиметр кожи и слизистых оболочек. И глаза тоже. Ты почувствуешь небольшое жжение, но это лучше, чем ослепнуть. Теперь рот. Сделай, пожалуйста, шесть больших глотков... смесь безвкусна. Не забудь про ступни. Ну вот и отлично. Осталась последняя процедура, самая неприятная, но необходимая. Нужно, чтобы это вещество попало в твои легкие, а у нас нет возможности сделать это в больнице. Поэтому, когда я поднесу горсть смеси к твоему рту и носу, ты сделаешь глубокий вдох. Больше одного раза не вдохнуть никому, но этого вполне достаточно. И будь добра, не сопротивляйся. Ты ведь не хочешь умереть от рака легких, правда?

— Я все поняла, дорогой. Я буду послушной, — ответила Барбара, делая глубокий выдох.

Дестон поднес полную горсть смеси к ее лицу. Она вдохнула полной грудью и тут же зашлась в приступе судорожного кашля. Но пока самое худшее не осталось

позади, сильные руки мужа обнимали ее крепко и бережно. Все еще сильно кашляя, Бобби отстранилась от него.

— А... как... же... ты? — с трудом проговорила она хриплым, едва слышным голосом. — Позволь... мне... помочь... тебе... Поскорее!

— Не нужно, милая. Здесь еще двое мужчин. Старик, видимо, не нуждается в дезактивации, я достаточно быстро отправил его в безопасное место, а мы со вторым парнем поможем друг другу. Так что ложись на эту скамейку и отдыхай, я вернусь примерно через полчаса, и мы счистим с тебя все. Пока, маленькая.

Примерно через час, когда все четверо еще соскребали с себя остатки пены, вдруг раздался резкий звук зуммера. Дестон шагнул к пульту управления и щелкнул выключателем. Передатчик начал работать.

Поскольку все аварийные системы лайнера отказали, было ясно, что они находятся в обычном космосе. На экранах мониторов ярко горели и мерцали сотни разноцветных звезд.

— Детка Два на связи — проговорил Дестон в микрофон — Первый помощник капитана Дестон и трое пассажиров. Проведена полная дезактивация. Докладывайте, пожалуйста.

— Говорит Детка Три. Второй помощник капитан Джонс и четверо пассажиров. Дезактивация проведена...

— Благодаренье небу, Герк! — формальности были забыты. — Если ты будешь пилотировать корабль, мы, может быть, спасемся. Но как ты там оказался? Готов поклясться, что даже летающее блюдо не успело бы спуститься из отсеков экипажа к спасательным шлюпкам за такое время.

— Я беру пример с тебя, Бейб. Мне не нужно было спускаться. Мы находились в Детке Три, когда произошла авария.

С экрана видеопередатчика на них смотрело загорелое лицо второго помощника — крупное, но худощавое, с резко очерченным волевым подбородком.

— Как? Почему? И кто это «мы»? — не смог скрыть удивления Дестон.

— Моя жена и я. — Второй помощник капитана, «Геркулес» Теодор Джонс был слегка смущен. — Я ведь тоже обвенчался, позавчера. После того, как почтенный старый джентльмен быстренько околыцевал тебя, я подумал, что если мне не хочется оказаться в кандалах,

то нужно спастись. Поэтому мы укрылись в Детке Три. Этих троих нам удалось найти до того, как дозиметры зашкалили в красной зоне. Я дезактивировал Бан, затем...

— Бан? — перебила его Барбара — Бернис Бернс? Какое счастье!

— Бывшая Бернис Бернс. — На экране за спиной Джонса появилось лицо красивой блондинки.

— Я так рада видеть тебя, Барбара, хоть мы и встречались только вчера! Я уже не знала, доведется ли мне еще увидеть женское лицо!

— Хватит болтать. — Голос Дестона стал серьезным, как обычно. — Герк, доложи курс, повреждения и время до стыковки... — Эй! Мои часы остановились!

— Мои тоже, — отозвался Джонс. — Держи одно «же», курс девятнадцать — сорок семь — двести семьдесят один, а я буду вносить поправки по мере надобности.

Установив нужный курс и все еще размышляя о своих часах, Дестон заметил:

— Но они не магнитные и никогда еще не останавливались.

Ему ответил седой джентльмен:

— Ваши часы никогда раньше не попадали в такое поле. Видите, пара таких наблюдений сводит на нет двадцать четыре из тридцати восьми лучших теорий о гиперпространстве. Но скажите, прав ли я, предполагая, что ни один из вас не касался металлической обшивки корабля во время катастрофы?

— Мы сознательно избегали этого, — сказал Дестон, поворачиваясь к молодому путешественнику. — Назовите, пожалуйста, ваше имя и род занятий.

— Генри Ньюмен. Старший бригады, обычные космические работы, без ограничений.

— Твои пассажиры, Герк?

— Винсент Лопресто, финансист, и два его телохранителя. Они спали в своих скафандрах на надувных матрасах. Плохо относятся к гиперкосмосу, также как и к космосу.

— Все верно, — седовласый мужчина кивнул с почти довольным видом. — Спаслись те, кто получил свою дозу облучения постепенно.

— Но что... — начал Дестон.

— Минуточку, молодой человек! Вы, наверное, видели некоторые тела. Как они выглядели?

— Они выглядели... Ну, не совсем как жертвы взрыва, но... — Он замолчал.

— Вот именно! — Седой просиял. — Этот факт опровергает все гипотезы, кроме тех, которые выдвинуты Мортонем, Себрингом и Ротстейном.

— Вы, вероятно, специалист по гиперпространству? — спросил его Дестон.

— О нет, вовсе не специалист. Я только дилетант. Понимаете, специалист — это тот, кто узнает все больше и больше по все более узкому вопросу, пока не будет знать все по бесконечно малой теме. Я же, наоборот, узнаю меньше и меньше по все более широкому кругу вопросов, надеясь со временем не знать совсем ничего обо всем.

— Другими словами, вы ученый из колледжа. Я рад видеть вас на борту, сэр.

— О-о, вы теоретик? — лицо Барбары оживилось. — С дюжиной докторских степеней во всех областях науки от астрономии до зоологии? Я еще никогда не встречала настоящего ученого... Я ужасно рада познакомиться с вами, доктор?..

— Адамс. Эндрю Адамс. Но я вынужден вас разочаровать, у меня только восемь ученых степеней.

— Но что вы делали в этом убежище? Нет, разрешите мне угадать. Вы, наверное, просвечивали оборудование рентгеновскими лучами и изучали его, чтобы обнаружить усовершенствования, осуществленные со времени вашего последнего путешествия, и все детали тут же фиксировались в вашей феноменальной памяти.

— Ну, она у меня вовсе не феноменальная. Просто очень хорошая.

— А сколько тонн весит аппаратура, которую вы везете с собой в багажном отсеке? — поинтересовался Дестон.

— Около шести. Там только самое необходимое на случай...

— Бейб! — раздался взволнованный голос Джонса, — изменение курса. Держи альфу на девятнадцати, бету установи на сорок четыре и гамму на двести шестьдесят пять.

Стыковка двух спасательных шлюпок прошла успешно; они вместе теперь висели недалеко от безжизненного корпуса «Проциона», и больше ни одной спасательной шлюпки обнаружить не удалось. Все уцелевшие путешественники собрались на совещание. Десто-

ну и Джонсу необходимы были недели работы, чтобы хотя бы приблизительно определить степень повреждения «Проциона».

Деактивация звездолета, естественно, проходила автоматически, но на корабле могли остаться еще сотни небольших зараженных участков, каждый из которых надлежало обнаружить и нейтрализовать вручную. Личное имущество пассажиров необходимо было переписать и упаковать в отдельные контейнеры, все мертвые тела — выбросить в космос. И так далее. Всех живых ожидало множество самой разнообразной работы.

Девушки хотели быть вместе. Два офицера вынуждены были работать недалеко друг от друга, чтобы иметь возможность без помех обсуждать различные дела и принимать совместные решения. Каждый из них разбирался в инженерных вопросах почти так же хорошо, как и в собственной специальности; это требовалось от всех помощников капитана на космических кораблях такого класса.

В нынешней ситуации вся полнота ответственности падала на первого помощника капитана Дестона и на второго помощника Джонса. Поэтому было решено, что Теодор и Бернис Джонс устроятся в убежище номер два, а Ньюмена Дестон попросил переселиться в третье убежище.

— Здешний интерьер меня вполне устраивает, — вызываяще ответил Ньюмен, недвусмысленно окинув взглядом соблазнительные формы Бернис, почти не прикрытые одеждой. — Если вам тут тесно — я знаю, что вместимость убежища всего пятьдесят человек, — отправляйтесь туда сами.

— Как начальник бригады вы отлично знаете закон. — Голос Дестона, подчеркнуто спокойный, должен был насторожить его собеседника. — Я здесь за капитана.

— Мне ты не командир, красавчик! — Ньюмен осклабился. — Ты мог разыгрывать повелителя на своем корабле, когда за твоей спиной стояла свора дрессированных псов, готовых броситься на любого по твоей указке, но здесь, откуда ещё никто не возвращался, для меня существует только мой собственный закон. Вот он! — выкрикнул он, хлопнув себя по боковому карману.

— Вытаскивай его! — голос Дестона вдруг окреп и прозвучал, как резкий удар хлыста — Или проси прощения!

Первый помощник капитана не шелохнулся, его правая рука по-прежнему была опущена. Ньютен посмотрел на окаменевших девушек, на Джонса, который сострадательно улыбался, на Адамса, наблюдавшего за развитием событий с живым интересом, и нервы его сдали.

— Я... Мой... Вы... Сила на вашей стороне, — запинаясь, пробормотал он.

— Ты мог бы сообразить это и раньше. Но я не пошевелю и пальцем, пока ты не вытащишь руку из кармана.

— Выкинь его отсюда, Бейб, — посоветовал Джонс. — Он выглядит достаточно крепким, вот только голова явно слабовата. Может, используем его для уборки мусора?

— Ха! Мне все равно придется когда-нибудь прикончить его, и я не вижу смысла тянуть с этим. Хочешь пари на сто долларов к десяти за каждый миллиметр, на который отверстие моей пули будет отстоять от смертельной раны в сердце?

Девушки затаили дыхание, в ужасе поглядывая то друг на друга, то на своих мужей. Но Джонс ответил, на переставая улыбаться:

— Ну уж нет! Таким пари ты бы меня разорил.

Барбара и Бернис с облегчением улыбнулись. Ньютен же понял выражение их лиц по-своему, особенно улыбку Бернис. С видимым трудом он выдавил из себя:

— Я был не прав...

— И это все? — холодно спросил Дестон.

— Прошу прощения, сэр. Вы хотите забрать мое оружие...

— Можете оставить его себе, — тон Дестона опять изменился на более спокойный и деловой. — С какой точностью вы можете отсчитывать секунды?

— Плюс — минус пять процентов, сэр.

— Достаточно. Вашим первым заданием будет сделать нечто вроде примитивного устройства на ремнях или гирях, которое бы заменило нам часы. Но если вы еще раз нарушите дисциплину, я просто посажу вас в шлюпку и отправлю в открытый космос, где вы сможете в свое полное удовольствие воображать себя монархом. Вы свободны. А теперь — вперед!

Барбара, повернувшись к мужу, открыла было рот, чтобы что-то сказать, и тут же закрыла его. Он сейчас мог убить человека. Возможно, ему еще придется это сделать. Поэтому она сказала только:

— Почему ты оставил ему пистолет? Какая дрянь! И это после того, как ты спас ему жизнь!

— У таких людей короткая память. А что касается пистолета, это был просто психологический трюк. Я думаю, так будет лучше. Кроме того, на «Проционе» у него наверняка есть в запасе другой.

— Но ты ведь можешь арестовать все оружие, разве не так? — прозвучал взволнованный голосок Бернис.

— Боюсь, что нет. Что ты скажешь об остальных трех, Герк?

— Барбара нашла точное слово — дрянь. Если этот Лопресто — финансист, то я, наверное, ангел с крыльями и нимбом вокруг головы. Гангстеры, хулиганы. Придется вскрыть каждую консервную банку на борту, чтобы обнаружить все их запасы оружия.

— Займись этим. Первое, что надо сделать...

— Прошу прощения, — прервала его Бернис, — я хочу поблагодарить вас, первый помощник... Нет, не первый помощник, но мне трудно назвать...

— Брось это, пожалуйста. Для всех нас я просто Бейб, а ты Бан. Что до остальных, то забудь про них. — Дестон улыбнулся девушке и повернулся к Джонсу. — Мы с тобой, Герк, собираемся и...

— Я с вами, — уверенно вмешался в их разговор Адамс. — Мне нужно сфотографировать каждый предмет, прежде чем кто-либо прикоснется к нему, поэтому я должен быть первым на борту. Кроме того, я сделаю несколько вскрытий, а также...

— Конечно. Вы совершенно правы, — согласился Дестон, — и если я еще не говорил вам, я страшно рад иметь в нашей команде яйцеголового... Ох, простите, бога ради, доктор Адамс! Просто сорвалось с языка! Адамс расхохотался.

— В таком контексте, я полагаю, это самый лестный из всех когда-либо полученных мною комплиментов. По сравнению с вашей юностью мой почтенный пятидесятидвухлетний возраст, конечно, представляется старостью. Тем не менее ни к чему называть меня доктором. Адамс или Энди вполне устроят меня. Что касается вас, девушки...

— Я собираюсь называть вас дядей Энди, — объявила Барбара, усмехнувшись. — Да, дядя Энди, мы называли вас яйцеголовым в самом лучшем значении этого слова. По вашим словам я поняла, что одна из ваших ученых степеней имеет отношение к медицине?

— Вы не ошиблись.

— Разбираетесь ли вы в акушерстве?

— В настоящем положении я бы воздержался утверждать...

— Постойте! — вскричал Дестон — Барбара, ты же не...

— Я тоже так думаю! То есть, я не думаю, что уже сейчас, потому что мы ведь поженились только в прошлый четверг, но если он хороший специалист, а я уверена, что так и есть, я непременно обращусь к нему! Если мы вернемся на Землю, то я бы хотела, чтобы вы были моим доктором. Если же не вернемся, то у нас с Бернис просто нет другого выхода. Что вы думаете по этому поводу, дядя Энди?

— Я понимаю девушек и вижу, в какой ситуации оказались мужчины, — спокойно ответил Адамс. — Тем не менее пока не вижу повода для беспокойства.

Дестон собирался что-то ответить, но Барбара опередила его:

— Хорошо, но все это мы обдумаем и обсудим позднее. А сейчас, как мне кажется, самое подходящее время всем отправляться спать.

Так они и поступили. После отдыха и еды трое мужчин, облачившись в скафандры, быстро преодолели расстояние в пару сотен ярдов, отделявшее их от безжизненной громады лайнера. Мощные бортовые прожекторы хорошо освещали пространство вокруг потерпевшего аварию судна.

— Какое... странное... повреждение... — голос Дестона прозвучал хрипло и удивленно в наушниках его спутников. — Вся носовая часть выглядит так, будто корабль врезался в грунт и пропахал его миль на восемь, а средняя и хвостовая части кажутся нетронутыми.

Однако, войдя внутрь, они убедились, что разрушения велики и в середине лайнера. Переборки, стены, полы, перегородки были изломаны, смяты и скручены так, что невозможно было описать и объяснить. Но что еще более странно, исчезли многие вещи.

За три дня, заполненных тяжким трудом, Адамс сделал множество снимков и заполнил многие мили магнитной пленки словами, понятными двум космонавтам только наполовину. Наконец он заявил:

— Пожалуй, предварительные наблюдения закончены. Благодарю вас, молодые люди, за терпение и помощь. Теперь не могли бы вы помочь мне разыскать

мое барахло и перетащить компьютер и еще несколько приборов в салон?

Дестон с Джонсом выполнили его просьбу.

— Премного вам обязан, джентльмены! Теперь я больше не буду вас беспокоить.

— Ваши познания, док, намного превосходят наши, — невесело усмехнулся Дестон, — поэтому руководить будете вы. Поясните нам в общих чертах, что теперь делать.

— О-о? Я могу высказать только несколько предположений. Во-первых, никакое оборудование, предназначенное для гиперпространства, пока не будет работать. Во-вторых, вся аппаратура для работы в нормальном космосе, кроме нескольких известных вам позиций, должна действовать нормально. В-третьих, мы никак не сможем поправить положение, не сядя на какую-либо планету. И, наконец, четвертое: посадка потребует предельных, я бы даже сказал фантастических, предосторожностей.

Хотя оба офицера считали, что они поняли пункт четвертый, ни один из них даже не подозревал о том, что на самом деле имел в виду Адамс. Однако они прекрасно поняли первый, второй и третий пункты.

— Черт возьми! — воскликнул Дестон. — Неужели вы хотите сказать, что нужен взрыв, чтобы привести систему в нормальное состояние?

— Все не так страшно, как ты думаешь, Бейб, — сказал Джонс. — Звезды здесь гораздо плотнее, чем вокруг Солнца. Любое критическое изменение параметров нашей системы почти наверняка удалит корабль от ближайшей звезды меньше чем на четыре десятых светового года. Две находящиеся поблизости звезды — подходящего класса. Я не успел еще измерить расстояние до них, а вы, док?

— До ближайшей из них приблизительно ноль, двадцать два световых года.

— Что с того? — спросил Дестон. — Какова вероятность, что там найдется планета земного типа?

— Нам годится любая твердая планета, — ответил Адамс, — если ее масса окажется достаточно велика.

— Все же эта затея больше напоминает мне бесцельную прогулку, — Дестон мерил шагами каюту, — особенно если учесть, что мы можем развить ускорение не больше единицы.

— Одного «же» — пояснил Джонс ученому.

— Это ведь очень долго, — сказал Дестон, вынимая свой карманный калькулятор. — Одно «же»... время что-нибудь около одиннадцати месяцев?

— Примерно так, — согласился Джонс, и Адамс также кивнул.

— Ну что же, если нам выпал такой жребий, нет смысла скулить по этому поводу, — подвел итог Дестон, и все вернулись к своей работе.

Дестон, выполняя собственные обязанности, еще успевал контролировать и направлять деятельность остальных членов экипажа — кроме Адамса, который работал больше и усерднее всех и с трудом выкраивал время для еды и сна. Ни Дестон, ни Джонс не спрашивали его, чем именно он занят. Оба прекрасно понимали, что им нужно не менее пяти лет прилежной учебы, чтобы разобраться, в самых простых материалах из тех, которыми доктор заполнял свои пленки.

III

Огромные двигатели «Проциона» развивали свою обычную мощность. Совершеннейший звездолет, теперь превратившийся в простой космический корабль, двигался с ускорением в одно «же». Спасательные шлюпки находились на отведенных им местах, но две группы, одна из пяти, другая — из четырех человек, предпочитали жить в шлюпках, потому что внутри лайнера стало пугающе пусто и очень неудобно. Причем две группы робинзонов держались особняком и только работать были вынуждены вместе.

Они трудились по шесть часов, а восемнадцать оставалось на отдых. Дестон мог бы своей властью назначить любой другой распорядок дня, но он не хотел этого делать — торопиться было некуда. Одиннадцать месяцев в глубоком космосе — это чудовищно много для короткой человеческой жизни. «Утро», «день», «вечер» и «ночь» превратились для путешественников в чисто условные термины. Время отсчитывалось при помощи простейшего механизма, точность работы которого гарантировать, естественно, никто не мог.

Однажды вечером четверо хмурых мужчин сидели за двумя маленькими столиками в глазной каюте третьего убежища. Двое из них, Ферди Блейн и Муз Мордан, играли в карты на мелочь. Ферди, невысокий, плотный,

будто созданный из грубой кожи и стали, гибкий и пропорциональный, казался все время настороженным и готовым к решительным действиям. Муз был огромным, флегматичным, медлительным. Эта пара напоминала союз тигра со слоном, и оба они находились в полном подчинении у Лопресто.

Двое за другим столиком обсуждали планы на будущее. Разговор шел явно на повышенных тонах, правда, оружие пока в ход не шло.

— Сделай по-моему, и мы получим неплохой барыш! — Ньюмен с грохотом опустил кулак на стол. — Семьдесят миллионов! Куш побольше, чем твой паршивый Синдикат когда-либо мог себе вообразить! Как пилот я не уступаю Джонсу, а как инженер в тысячу раз лучше его. В электронике я, может быть, не так подкован, как Красавчик, но что касается сборки и ремонта приборов, то здесь я успел забыть больше, чем он когда-либо узнает. В практических вопросах, а это самое важное, я положу на обе лопатки обоих этих неженков, как котят.

— В самом деле? — усмехнулся Лопресто. — Тогда почему же ты не аттестован для работы в гиперкосмосе?

— Черт возьми, попридержи свой язык! — яростно огрызнулся Ньюмен. Какое-то время они молча и весьма злобно смотрели друг на друга. — Ты что, принимаешь меня за дурака? Или думаешь, что только бойскауты могут летать в субпространстве? Что я не знаю, где надо класть густую смазку? Или не смогу совершить стыковку? А почему ты сам не работаешь в гиперкосмосе?

— Ладно, не заводись, — Лопресто подавил свой гнев — Пойми, мне нужно быть уверенным, что мы сможем вернуться без них.

— Не сомневайся. Я и сам хочу вернуться, верно? Но об одном надо договориться заранее: большая блондинка моя.

— Забирай ее на здоровье. На мой вкус она великовата. Мне гораздо больше нравится желтенькая малышка.

Ньюмен фыркнул:

— И не воображайте, что кто-либо сможет еще раз заставить меня просить прощения, вы, мелкая шпана! Если вы уберете меня, останетесь здесь навеки. Здесь и сдохнете. Поразмысли об этом на досуге и поймешь, кто тут хозяин.

Откинувшись назад, Лопресто немного подумал и согласился:

— Твоя взяла, Ньюмен. Ты когда-нибудь разрабатывал подобные операции или мне самому заняться этим?

— Займись ты, Винс, — величественно заявил Ньюмен. По крайней мере, одним из необходимых лидеру качеств он обладал. — Может, план у тебя уже готов?

— Конечно. Ферди возьмет на себя Дестона...

— Нет! Этот паршивец принадлежит мне!

— Если ты настолько глуп... Что у тебя в голове вместо мозгов? Ты разве не видел, что у этого парня сывасты на подшипниках?

— Но мы вроде собираемся преподнести им сюрприз, разве нет?

— Верно... но даже Ферди будет с ним нелегко. А тебе даже и надеяться не на что. Но если ты уже растерял остатки разума, поступай как хочешь.

— Ладно, пусть Ферди разбирается с ним, а мы с тобой заключим пари на его победу...

— Я согласен спорить на два к одному, но боюсь, ты не захочешь. Я беру на себя Джонса, ты прикончишь профессора, Муз захватит дамочек, по одной под каждую руку, и пристроит их где-нибудь, пока не закончится заваруха. Остается только решить, когда? По мне, чем скорее, тем лучше. Может, завтра?

— Не спеши, Винс. Пусть отработают курс, рассчитают время, расстояние и прочую ерунду. Они сделают это быстрее и лучше, чем я. Я сообщу тебе, когда будет пора.

— О'кей, и я подам знак. Когда я крикну: «Пора», мы покажем им, где раки зимуют.

Ньюмен удалился в свою каюту, а громила Муз проговорил с задумчивостью (насколько его умственные способности вообще позволяли ему думать):

— Не нравится мне эта обезьяна, босс. Дайте мне поработать с ним немножко, прежде чем пристрелите ладно?

— Обещаю, Муз. Как только он сделает свое дело, то пожалеет, что вообще родился на свет. А пока позволим ему тешиться мыслью, что он тут главный. Пусть перебесится. Но учти, Ферди, всякий раз, когда он находится за моей спиной, следи за ним, как ястреб. Стреляй, если заметишь хоть одно подозрительное движение.

— Я все понял, босс, — ответил Ферди.

Через два дня во втором убежище Барбара говорила Дестону:

— Ты встревожен, Бейб, хотя все идет гладко. В чем дело?

— Слишком гладко, в этом и причина. Ньюмен должен быть угрюмым и филонить при каждой возможности, а он безмятежен, как моллюск, и работает изо всех сил... Кроме того, я ни на грош не доверяю Винсенту Лопресто или Фердинанду Блейну, и вообще, похоже, в воздухе пахнет порохом. В ближайшее время не миновать стрельбы.

— Но они пропадут без вас двоих! — воскликнула Бернис. — И без всяких причин... Неужели они способны на такое, Тед?

Джонс нахмурился:

— Способны, и я очень опасаясь, что они что-то замышляют. Как глава бригады Ньюмен наверняка дельный инженер и очень хороший электронщик-практик. А если он то, что я подозреваю... — Он замолчал, не закончив фразы.

— Давайте, — вмешался Дестон, — представим себе психологию нормального космического пирата-контрабандиста. Он не свяжется с делом, которое не сулит ему хорошей прибыли...

— Подожди, — прервал его Джонс. — Итак, он недурной пилот, а мы просчитали все элементы полета. Вот тебе и мотив — награда за спасение судна. Если любой из нас будет жив, им рассчитывать не на что. Если же мы оба погибнем, как ты думаешь, сколько миллионов долларов они заработают?

— Болван! — Дестон шлепнул себя по лбу. — Мне ни разу не приходила в голову эта мысль! Тогда другое дело.

— Не забывай еще об одном, — продолжал Джонс холодным и ровным тоном. — Целых одиннадцать месяцев на борту корабля будут две на редкость привлекательные женщины.

Обе девушки поежились, а Дестон сказал:

— Погоди. Я думаю, этих двух причин вполне достаточно. Интересно, как они планируют нападение? На нас двоих сразу, или...

— Почему? — вмешалась Барбара. — Скорее, вас подстерегут по одному.

— Ха! Но тогда оставшийся в живых закроет корабль в нуль-же, и дальше все будет напоминать глушение рыбы в бочке. Поскольку мы почти никогда не бываем вместе на вахте... И это произойдет не раньше, чем мы закончим расчеты... Они, по-видимому, придумают какой-нибудь повод собрать нас всех вместе. Это должно послужить нам сигналом. Скорее всего, на меня нападет Ферди...

— И убьет тебя, — бесстрастно заявил Джонс. — Поэтому я собираюсь вышибить ему мозги завтра утром.

— И отправиться самому на тот свет? Нет, лучше использовать их собственную ловушку...

— Мы не сможем! Он профессионал, возможно, один из лучших стрелков в космосе.

— Да, но... У меня есть... Я думаю, что смогу...

Бернис, открыто и прямо глядя на Дестона, прервала его:

— Прошло время сказать друг другу правду, друзья. Мы с Бобби были весьма удивлены, узнав, что вы оба наделены такой же психической силой, как и мы. Вероятно, даже большей.

— О! Значит, у тебя тоже бывают предчувствия? — изумился Джонс. — Тогда тебе не нужны никакие предупреждения!

— Бывают, всю жизнь. Внутренний сигнал тревоги еще ни разу не обманул меня. Но нам с Барбарой, наверное, не надо начинать готовить пистолеты. Я все равно не умею стрелять, — засмеялась Бернис. — Я лучше буду швырять что-нибудь, это у меня хорошо получается.

— Как? — спросил Джонс. Он, похоже, еще не успел хорошо узнать свою жену. — Что ты можешь бросить — достаточно сильно?

— Все, до чего смогу дотянуться, — уверенно ответила та. — Бейсбольные мячи, бильярдные шары, камни, кирпичи, дротики, диски, молоток, копье — что угодно. Для серьезной драки я, пожалуй, предпочла бы стулья. С летающими стульями довольно трудно бороться. Ножи — тоже неплохо, но я надеюсь, что самое серьезное возьмут на себя мужчины. С сегодняшнего дня я начну носить пару ножей в ножнах на бедре, но не стану пускать их в ход без крайней необходимости. Итак, кого я должна буду сбить с ног первым стулом?

— Я скажу тебе, — спокойно ответила Барбара. — Если Блейн нападет на Бейба, то Лопресто будет про-

тивником Герка. Значит, тебе придется бросать стулья и все, что попадет под руку, в этого невыразимо противного Ньюмена.

— Я сама выбрала бы именно его с наибольшим удовольствием, но тогда гигантская горилла остается на... Послушай, ты просто обязана иметь при себе оружие!

— Оно всегда при мне, — Барбара вытянула вперед руки. — Так как убивать нас с тобой они пока не собираются, я не нуждаюсь более ни в чем.

— Против этого человека-горы? Ты настолько сильна? В самом деле?

— Особенно против такого человека-горы. Я справлюсь с ним, в самом деле... — И Барбара продолжила: — Надо придумать пароль на тот случай, если один из нас первым заметит опасность. Что-нибудь на первый взгляд бессмысленное или, например, музыкальное. Может быть, Брамс? Это то, что надо. Как только кто-нибудь из нас почувствует с их стороны намек на сигнал к атаке, он громко вскрикнет: «Брамс»!, и мы начнем драться. О'кей?

Обговорив еще некоторые детали, четверка (Адамс все еще трудился в салоне) отправилась спать.

Спустя три дня, примерно через час после того, как результаты последних вычислений были занесены на ленты, четыре намеченных жертвы, ничего не подозревая, собрались в салоне. Каждый из них пребывал в самом безмятежном расположении духа, исполненном дружелюбия и братской любви. Внезапно резкая перемена произошла в них, и четыре голоса в унисон выкрикнули: «Брамс!», а в следующее мгновение последовал зычный вопль Лопресто: «Пора!».

Дестону повезло, что он получил предупреждение вовремя, иначе поединок мог разрешиться не в его пользу. Его пуля навывлет прошла сквозь голову Блейна, и тот рухнул на ковер как подкошенный. Вторая пистолетная дуэль не успела даже начаться — Лопресто едва успел коснуться оружия.

Бернис вскочила на ноги, когда боевой клич еще звенел в воздухе, и, схватив один стул, устремилась за другим. Но одного стула оказалось достаточно. Этот точно запущенный метательный снаряд выбил наполовину взведенный пистолет из руки Ньюмена, а его самого швырнул на пол, где его настигла вторая пуля Дестона.

Рукопашная схватка Барбары продолжалась на секунду дольше. Муз Мордан был огромным и сильным и для своих размеров обладал неплохой реакцией; если бы у него было время собраться с мыслями, он еще мог бы надеяться победить. Но мыслить для него всегда было гораздо труднее, чем драться, и Барбара оказалась вплотную к нему прежде, чем до него дошло, что эта миниатюрная девушка действительно собирается его атаковать.

Мускулы живота Муза были все еще полностью ослаблены, когда маленький, но весьма крепкий кулак Барбары вонзился в его солнечное сплетение. С диким воплем великан согнулся пополам, но девушка не дала ему прийти в себя — ее правая рука с крепко сжатыми пальцами молниеносно нанесла жестокий удар в точно выбранную точку у основания шеи. Затем, держа правую руку на горле своего врага, а левой уцепившись за его пояс, она вложила всю силу в удар коленом — прямо в пах Муза.

Гигант уже испускал дух, когда Дестон и Джонс, чтобы наверняка покончить с ним (или чтобы уберечь девушку от сознания, что она убила человека), всадили ему каждый по пуле в голову. Барбара и Бернис, рыдая, бросились в объятия своих мужей. Вся битва заняла несколько секунд. Адамс, хотя и находился рядом, был настолько поглощен своей работой, что эти секунды понадобились ему, чтобы просто осознать, что происходит вокруг.

Он встал, потрогал затылок Ньюмена, потом удивленно осмотрел остальные тела.

— О-о-о! Я убила его! — всхлипывала Барбара. — И хуже всего то, что я действительно хотела этого!

— Вы не убивали его, Барбара, — сказал Адамс.

— Что? — она оторвала голову от плеча Дестона. — Но я использовала самые жестокие приемы и вложила в них всю илу. Я уверена, что убила его!

— Ни в коем случае, моя дорогая. Техника дзю-до, даже примененная с виртуозным мастерством и предельной силой, не может привести к летальному исходу. А вот пули, попавшие в голову, могут. Я обязательно сфотографирую этих чудовищ и выполню обычную посмертную экспертизу, но заранее знаю, каким будет заключение. Эти четыре человека скончались от полученных огнестрельных ран.

После смерти четырех гангстеров жизнь на борту

лайнера быстро вошла в обычное русло. Привычный порядок не был, однако, ни в коей мере скучным. Офицерам хватало работы по управлению всем космическим кораблем и переналадке механизмов, которые еще находились в аварийном режиме. А во время часов отдыха обе пары с удовольствием общались и все более глубоко узнавали друг друга.

Женщины, каждая из которых уже ждала ребенка, занимались хозяйством и помогали своим мужьям, как только могли. Главной их заботой было, однако, следить за тем, чтобы Адамс вовремя спал, ел и занимался гимнастикой, так как предоставленный самому себе он лишь работал, ел что попало и спал бы только тогда, когда просто падал с ног от усталости.

— Дядя Энди, почему вы так плохо пользуетесь своими удивительными мозгами? — в один прекрасный день напала на него Барбара. — Вы самый умный человек из всех, кого я знаю, но, клянусь, вы ведете самый неразумный образ жизни!

— Я вынужден так поступать, дитя мое, — терпеливо объяснял Адамс. — Материал совершенно новый, а времени мало — меньше года.

С мужчинами, однако, Адамс говорил иначе:

— На межзвездных кораблях обычно много запасов, спасательные устройства, которых тоже немало, превосходны. Поэтому вряд ли мы единственные жертвы катастрофы в гиперкосмосе, которым удалось спастись и взять курс на другую планету.

После некоторого размышления офицеры согласились с ним.

— Я пока не могу определить, классифицировать или оценить это явление, но думаю, наш корабль несет на себе большой заряд неизвестной нам природы, источник силового поля, более или менее аналогичного электромагнитному. Это поле, вероятно, может разрядиться на какой-либо объект планетарной массы. Последствия такого разряда могут быть различными: от незначительного увеличения одной из исходных сил до необратимого разрушения судна. Обратимся к фактам. Во-первых, когда такого поля нет, гиперкосмические передатчики работают нормально. Во-вторых, ни одно сообщение от потерпевших крушение никогда не удалось принять по гиперкосмической связи. Отсюда напрашивается вывод, что разряд неизвестного нам поля может привести к трагическим последствиям.

— Бог мой! — воскликнул Дестон. — Так вот что вы имели в виду, когда говорили о предосторожностях при посадке!

— Совершенно верно.

— Но что же нам делать?

— Пока не знаю. Я просто не знаю... — Адамс глубоко задумался примерно на минуту, потом продолжил: — Столько неизвестного... Я понимаю так мало и работаю с удручающе скудной инструментальной базой... Тем не менее, у нас в запасе несколько месяцев. Если я не смогу прийти к определенным выводам, когда мы приблизимся к планете, — я, конечно не говорю о строгом анализе, — мы просто останемся на орбите до тех пор, пока я этого не сделаю.

IV

«Процион» продолжал свой путь в космическом пространстве с неизменным ускорением. Топлива им вполне хватало, и меньше чем за шесть месяцев лайнер развил скорость, почти равную половине скорости света. В рассчитанной средней точке полета корабль перешел на такой режим, при котором в течение оставшихся пяти с лишним месяцев его скорость должна была постепенно снижаться.

Прошло несколько недель после этого события, и у Адамса появилось чуть больше свободного времени. Теперь он смог уделять больше внимания будущим матерям и даже продемонстрировал Дестону и Джонсу оригинальное устройство, при помощи которого он наблюдал и фотографировал эмбрионов, вынашиваемых Барбарой и Бернис.

Однако он хранил молчание до тех пор, пока Барбара не заговорила первой.

— Послушайте, вы отъявленный молчун, — заявила она твердо, — я прекрасно знаю, что беременна никак не меньше семи месяцев и, значит, должна быть уже вдвое больших размеров. Погрешность нашего отсчета времени не так велика — наши часы спешат примерно на три процента. А вы ходите вокруг да около все последнее время. Но теперь, дядя Энди, я хочу знать правду. Нам грозит беда?

— Беда? Ну конечно, нет! Я уверен, что нет. Не беспокойтесь, моя дорогая. Вы же видели снимки. Вот они, посмотрите еще раз. Видите? Совершенно нормаль-

ные фотографии. Ваши тоже, Бернис. Никаких отклонений от нормы нет.

— Да, но какого возраста? — резко спросила Бернис. — Месяцев четырех, верно? Я немного понимаю в этом, так как прошла курс эмбриологии.

— Но это как раз и есть самое интересное! — Адамс был полон энтузиазма. — Фантастично! И, несомненно, страшно важно. В самом деле, здесь может таиться ключ к разгадке всей нашей проблемы. В данном дзета-поле возникает поразительный биологический эффект, дающий нам новый инструмент огромной мощности, поскольку определенные векторы времени становятся параметрами в обобщенной матрице. Таким образом, конкретные решения, имеющие важное значение для всех основных суб-дельта функций, становятся управляемыми посредством... Но вы не слушаете!

— Я слушаю очень внимательно, но ничего не понимаю. Но все равно, большое вам спасибо. Мне стало гораздо легче, когда я убедилась, что не вынашиваю монстра. Так вы в этом действительно уверены?

— Я в этом совершенно уверен! — вскричал Адамс, а Барбара отвела Дестона в сторону и тихонько спросила его:

— Ты хоть что-нибудь понял из того, о чем он тут говорил?

— Если что-то и понял, то весьма поверхностно. Насчет относительности времени, но это слишком элементарно, чтобы он стал рассуждать об этом. Может быть, он вычислил переменную составляющую времени какого-то рода? Во всяком случае, замедленное развитие вашей беременности, вызвало прилив энтузиазма у нашего ученого друга, и я очень рад этому.

— Но неужели тебя все это совсем не беспокоит, дорогой? Ни капельки?

— Конечно, нет, — ответил Дестон как можно более убедительно.

— А меня — да! Ничего не могу с этим поделать. Почему ты так спокоен?

— Потому что спокоен док, а ему можно доверять, поверь мне. Он умеет лгать не лучше трехлетнего ребенка, и он уверен, что вы в такой же безопасности, как у Господа Бога за пазухой.

— О-о! А ведь верно. Я как-то не думала об этом. Значит, мне не о чем волноваться, правда?

Она подняла к нему лицо, и он тут же поцеловал ее.

Время летело быстро, и вот однажды, за пару недель до приближения их корабля к цели, Адамс в большом возбуждении подбежал к двум офицерам.

— Эврика! — вскричал он, и тут же принялся извергать на них поток выкладок из области высшей математики.

— Остановитесь, док! — Дестон умоляюще поднял вверх руки. — Не могли бы вы снизить до нашего с Джонсом уровня и перевести все это на более понятный язык?

— Хорошо. — Ученый выглядел слегка обескураженным, но согласился обойтись без высшей математики. — Процесс разряда может иметь самые катастрофические последствия; его энергию можно сравнить с разрядом десяти тысяч молний. К несчастью, я не знаю какова природа этого заряда. И все же мы наверняка сможем постепенно уменьшить выделяющуюся энергию, используя длинный тонкий проводник, спущенный на высшую точку планеты.

— Вы имеете в виду проволоку? Какую?

— Материал не имеет большого значения, он только должен обладать достаточной прочностью на растяжение.

— У нас есть несколько дюжин катушек соединительных проводов, — сказал Дестон, — но их общая длина не так уж велика и они слишком мягкие.

— Провод Грэхема! — Джонс поднял палец.

— Верно, — согласился Дестон, — его длина составит сотни миль. Можно спустить вниз датчик.

— А повреждения? — возразил Джонс.

— Нужно укрепить его, перемотать на каркас из двадцати или около того больших квадратов. Для этого потребуется металл, но его мы можем позаимствовать из средней части корабля, не ослабляя прочности конструкции.

— Конечно... Будут большие колебания по длине провода... Надо учесть трудности управления им на большом расстоянии...

— Проверь. Переведи управление на Детку Два и...

— Может быть, теперь вы переведете мне ваш разговор? — язвительно заметил Адамс.

— Прошу прощения, док! Каждый хорошо говорит на своем жаргоне, не правда ли? Что касается провода Грэхема, это стальная проволока повышенной прочности с диаметром один и три десятых миллиметра,

которая применяется для перевязки Грэхемов, как вы знаете.

— Не знаю. Что такое Грэхемы?

— Это просто связующие звенья между Чейто-рами... Короче говоря, это сосуды, предназначенные для работы под высоким давлением.

— Именно это я и хотел узнать. Такая проволока подойдет. Учтите еще, наши тела должны быть как следует заземлены на корпус корабля.

— Вы совершенно правы. Мы закутаем девушек в серебряные сетки по самые глаза, а помещение укрепим свинцовыми полосами толщиной с мою руку.

Космический лайнер приближался к незнакомой звездной системе, из которой была выбрана четвертая по удаленности от местного солнца планета. Она во многом отличалась от Земли: очень мало воды, сильно разреженная атмосфера и весьма скудная растительность. По массе планета в два раза превосходила Землю, поверхность ее была сильно изрезанной и пересеченной, одна из гигантских горных цепей имела острые пики более ста тысяч футов высотой.

— Мы должны сделать еще одно, — сказал Адамс офицерам. — Я только начал изучать дзета-поле, которое вполне может оказаться единственным в своем роде и невосстановимым. Поэтому необходимо запустить все спасательные шлюпки, кроме второй, естественно, на независимые орбиты вокруг этого солнца, чтобы впоследствии должным образом оснащенная и укомплектованная экспедиция могла обнаружить и изучить их.

— Ваша предполагаемая экспедиция, вполне возможно, также ничего не сумеет сделать.

— Такая вероятность существует, но я настаиваю на своем предложении. Мы просто обязаны оставить такую информацию, молодые люди.

— О'кей, док, — ответил Дестон, и все указания Адамса были выполнены.

Через несколько дней «Процион» завис на высоте нескольких миль прямо над самым высоким и острым из обнаруженных или горных пиков неведомой планеты. Стрела крана с паутинообразной сетью из заземляющих кабелей и с большим блоком на конце вытянулась на двести футов в сторону от звездолета. Провод Грэхема с двадцатипятимильной катушки перемотали на дистанционно управляемый барабан. На конце про-

вода, переброшенного через блок, закрепили груз весом в пятнадцать фунтов, который должен был играть роль «чувствительного элемента», а также не давать проводу закручиваться. Затем несколько сотен футов провода спустили вниз.

После этого в убежище номер два, наиболее удаленном от «активной зоны», заземлили тела путешественников, и Дестон привел барабан в движение. Провод, разматываясь, побежал вниз, но ничего не произошло. Тогда, очень медленно и осторожно, Дестон начал приближаться к планете до тех пор, пока наконец не случилось то, чего они ждали.

Раздался взрыв, по сравнению с которым наиболее ужасный разряд молнии, когда-либо наблюдавшийся на Земле, показался бы просто выстрелом детской хлопушки. Образовался вакуум, а высвободившаяся энергия вытолкнула огромный лайнер, как пробку из бутылки с шампанским.

Люди, пережившие это событие, не смогли описать свои ощущения даже друг другу, не говоря уже о посторонних. Намного позже Бернис сказала одному репортеру:

— Это был просто конец света! — И ее сравнение все сочли самым точным.

Женщины вылетели из своих серебряных коконов, но после нескольких минут полуистеричного состояния почувствовали себя вполне сносно. Дестон принял к наблюдательному прибору, шумно сглотнул и, не произнося ни слова, жестами позвал остальных. Вся верхняя часть горы была как будто срезана; их взорам предстал кипящий, извергающий пламя вулкан на планете, внутренние силы которой дремали уже несколько сотен тысяч лет.

— Как вы думаете, — прервал наконец молчание Дестон, — что произошло с другой стороной нашего корабля?

Выглянув в иллюминаторы, они увидели, что несущая стрела исчезла. Двадцать заземляющих кабелей, каждый толщиной в мужскую руку, свободно болтались во всех направлениях. Элементы стрелы также оторвались, и многие тонны деталей из высокопрочных стальных сплавов разметало по планете. Куски стали расплавились и растекались ручейками.

— Могу я теперь попробовать включить передатчик, док? — поинтересовался Дестон.

— Ни в коем случае. Первый взрыв, конечно, самый сильный, но нам предстоит выдержать еще несколько, с уменьшающейся мощностью.

Его прогноз оказался верным. Второй взрыв развеял часть стрелы и заземляющей сети, куски укреплений просто превратились в пар. Третий разрушил последние элементы самой стрелы. Четвертый повредил только болтающийся провод. Пятый же не произвел никаких видимых разрушений, если не считать того, что провод оторвался и рухнул на твердую скалистую поверхность планеты.

— Вот теперь можете пробовать свой передатчик, — сказал Адамс.

Дестон соединил разъем и заговорил тихо, но четко:

— Процион-один — контролю-шесть. Поле восемьсот сорок девять. Субкосмическое радио, тест девяносто пять, я полагаю. Как слышите меня?

В ответ раздался дикий вопль, сопровождаемый словами, не имеющими к Дестону никакого отношения:

— Капитан Реамер, капитан Френч, капитан Холлоуей! Люди! Это же «Процион»! «Процион», пропавший без вести год назад! Если только какой-нибудь кретин не разыгрывает с нами глупую шутку!

— Надеюсь, это не шутка, — вмешался другой голос, звонкий и авторитетный, зазвучавший громче, когда его обладатель приблизился к передающему устройству. — В противном случае кто-то будет гнить в тюрьме всю оставшуюся жизнь.

— Процион-один — контролю-шесть, — повторил Дестон. Его голос нельзя было назвать спокойным, а женщины за его спиной просто плакали от счастья, не скрывая своих слез. — Как слышишь меня, Френч, старая ты клеща?

— Это Процион-один! — вскричал обладатель звонкого голоса, разом охрипший от волнения. — Привет, Бейб! — Затем, немного более спокойно: — Я принимаю тебя на восемь и один. Сколько у вас спасшихся?

— Пятеро. Второй помощник капитана Джонс, наши жены и доктор Эндрю Адамс, ученый из Среднезападного университета. Нашим спасением мы полностью обязаны ему, так что...

— Об этом позже. Вы в спасательной шлюпке? Нет, через столько времени это может быть только корабль... Не способный передвигаться, по-видимому?

— Возможно, способный, но не в гиперкосмосе. Двигатели в порядке, но вся верхняя часть корабля оторвана, а ее остатки пропускают воздух. Все Веслеи закорочены, также как и альфа-конверторы. Половина Грэхемов течет, как решето и...

— Повременим с этим тоже. Одну секунду, я включу магнитофон. Теперь, будь добр, расскажи нам все, что произошло с вами с последней проверки.

— Это долгая история.

— Перемотай пленку, Рунт. Надеюсь, ее хватит. Не нужно полного доклада со всеми подробностями, только самое главное.

— Вот, вот! — громко заметил Джонс. — Браво, Френч! Совсем как один хозяин сказал своему садовнику: «Я бы не хотел заставлять вас выполнять тяжелую работу. Возьмите просто большую лопату и перекопайте этот участок за минуту.»

— Узнаю тебя, Герк, мой мальчик! Ты будешь следующим. Начинай, Бейб.

Дестон рассказывал полчаса, почти без перерывов. Он не упоминал гангстеров, а также некоторые подробности личного порядка; тем не менее его отчет был точным и полным. Он не думал о том, что его рассказ принимают все радиостанции Земли, а также многих других планет, постоянно настроенные на все гиперкосмические каналы.

Когда он наконец закончил, капитан Френч распорядился:

— Отключите прямой эфир на минуту. Вы не представляете себе, какой шум уже поднялся во время вашего сообщения. Пусть довольствуются вашими сказками, а мы подождем, пока некто Брасс не доберется до вас и не получит настоящую информацию...

— Я рассказал вам правду, черт побери!

— О, конечно, совсем неплохо для импровизации... если это, конечно, импровизация. Однако пара мест пахла слегка протухшим сыром и... Но-но, сидите спокойно! Слишком много планет наблюдает за ними, болтливый олух! Все равно пресса что-нибудь пронюхает и будет кричать во всеуслышанье, особенно эти сопливые сестры милосердия. Теперь слушаю тебя, Герк. Значит, вы возвращаетесь вокруг четвертой от солнца планеты. Какого типа солнце? Где оно находится?

— Не знаю. Этой звезды нет в каталогах. Мы находимся на совершенно неисследованной территории.

Стандартные углы наблюдения следующие... — и Джонс зачитал длинный перечень проведенных наблюдений не только за самыми яркими звездами Млечного Пути, но и за обычными ориентирами, — как, например, С-Дорадус. — Когда вы разберетесь во всем этом, то наверняка окажетесь в замешательстве, но, надеюсь, там не слишком много звезд и вы отыщете нас в ближайшее время, — закончил он.

— Конец прямой трансляции, — ответил капитан Френч — Не смейся меня, старый пропойца. Если во всей вашей путанице найдется более одной звезды, то я обещаю съесть все остальные. Здесь сидит дюжина яйцеголовых, готовых сгрызть ногти до самых запястий, если им не дадут проговорить с Адамсом весь остаток ночи. Так что пустите его и пойдемте-ка спать, а? Они уже выхватывают у меня микрофон.

— Минутку! — вскричал Дестон. — Какое у вас время?

— Около трех, без двадцати. Поэтому возвращайся в постель, ночная сова.

— А какой день недели, месяц, год? — настаивал Дестон.

— Пятница, сен... — Голос Френча заменил другой, принадлежавший гораздо более пожилому человеку, вполне возможно одному из коллег доктора Адамса.

Послушав несколько минут беседу этого ученого с диком, Барбара взяла Дестона под руку и повела его за собой:

— Самой малой доли этой тарабарщины более чем достаточно для нас, муж мой. Не последовать ли нам совету капитана Френча, как ты думаешь?

Поскольку в «путанице» Джонса оказалась только одна звезда из числящихся в космическом каталоге, то найти «Процион» оказалось довольно легко. Высшие космические чины прибыли к отважным путешественникам, которые еще раз поведали им всю свою историю. Одновременно с ними подошли и два огромных субпространственных ремонтных корабля с множеством механиков, которые около трех недель возились с покалеченным лайнером.

После этого «Процион» своим ходом двинулся в обратный путь к Земле под командованием капитана Джонса. Это был его первый, единственный и последний полет в капитанском ранге, так как теперь он стал семейным человеком, а космический кодекс строжайше запрещает астронавтам обзаводиться семьями.

Дестон хотел уйти в отставку в прежнем звании первого помощника, но командование отказалось принять его прошение об увольнении до тех пор, пока ему не оформили повышение по службе «за выдающиеся заслуги».

Итак, экс-капитан Дестон с супругой возвращались в качестве пассажиров, но не сразу на Землю, а пока на планету Новомарс, поскольку так хотела Барбара.

— Теодор Варнер Дестон родился на Новомарсе, — сказала она, и муж не возражал.

— А вдруг это будет Теодора? — поддела подругу Бернис.

— Ну-ну, — невозмутимо возразила Барбара, — я-то знаю, что это Теодор.

— Понимаю, — Бернис кивнула очаровательной головкой, — а мы хотели девочку, поэтому так и получилось. Ее будут звать Барбара Бернис Джонс.

Обе беременности развивались нормально, но до родов еще оставалось время. Теперь уже было совершенно ясно, что беременность длилась больше года, но ни один из пяти человек, посвященных в эту тайну, не предавал ее огласке. Для Адамса это был только крошечный пункт в невероятно огромной и сложной математической структуре. Родители же не хотели прослыть ненормальными, или ищущими дешевой популярности лжецами, или идиотами, не умеющими считать. Они хорошо знали, что никто не поверит, если они расскажут правду.

Пять путешественников знали, однако, истину. Дестон с Джонсом имели по этому поводу несколько долгих и не удовлетворивших ни одного из них дискуссий, сначала вместе с Адамсом, затем с глазу на глаз. Заканчивая последний из таких разговоров, длившийся уже пару часов, Джонс со свирепым видом закурил и произнес:

— С чего бы ты ни начал, и что бы ни думал, он всегда заявляет: «Субъективное время измеряется количеством пережитых событий». Я хочу спросить тебя, Бейб, что это значит? И значит ли вообще что-нибудь?

— Звучит так, будто здесь должен быть какой-то смысл, но будь я проклят, если знаю, какой, — Дестон задумчиво уставился на кончик сигареты своего друга. — Но право же, если это делает дока счастливым и позволяет ему внести свою лепту в изучении Космоса, то что нам за дело?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (М. Нахмансон)	3
ВВЕДЕНИЕ (Пересказ М. Нахмансона)	4
ВТОРАЯ СТАДИЯ (Пересказ А. Антошульского и Т. Филатовой)	25
Глава 1. Вновь призванный	26
Глава 2. Вторжение через туннель	33
Глава 3. Лирана	43
Глава 4. Пленница	55
Глава 5. Илона с Лонабара	65
Глава 6. Назад к Лиране	78
Глава 7. В пути	86
Глава 8. Ювелир Картиф	96
Глава 9. Скупщик краденного	108
Глава 10. Блик и айсберг	118
Глава 11. Алкон с Трала	128
Глава 12. Елена отправляется на север	135
Глава 13. В пещере	141
Глава 14. Нэдрек за работой	150
Глава 15. Кловия	157
Глава 16. Ганнел дерется на дуэли	166
Глава 17. В неизвестное пространство	177
Глава 18. Первый министр Фоссбен	185
Глава 19. Ганнел, тиран Трала	195
Глава 20. Ганнел против Фоссбена	202
Глава 21. Сражение у Кловии	212
Глава 22. Взятие Трала	219
Глава 23. Исполнение желаний	227
ДЕТИ ЛИНЗЫ (Пересказ И. Коробовой, Г. Выдревич)	237
Глава 1. Ким и Кит, Серые Ленсмены	238
Глава 2. Ворсел и Владыки Дельгона	247
Глава 3. Киннисон пишет космическую оперу	256
Глава 4. Нэдрек с Полэна за работой	265
Глава 5. Похищение президента	274
Глава 6. Трегонси, Камилла и Икс	283
Глава 7. Катрин на страже	291
Глава 8. Черные Ленсмены	299
Глава 9. Обучение на Аризии	308
Глава 10. Констанс и Ворсел	318
Глава 11. Нэдрек находит ловушку	326
Глава 12. Загадочная Калония	335
Глава 13. Кларисса становится ленсменом Второй Стадии	344
Глава 14. Тирон, торговец наркотиками	357
Глава 15. Тирон идет по следу	365

Глава 16. Рыжий Ленсмен в Сером	373
Глава 17. Нэдрек против Кадрона	385
Глава 18. Камилла Киннисон, детектор	392
Глава 19. Дьявольская Дыра	399
Глава 20. Киннисон и Черный Ленсмен	406
Глава 21. Рыжий Ленсмен на Лиране	413
Глава 22. Кит проникает на Эддор	422
Глава 23. Кит ускользает	429
Глава 24. Конференция решает проблему	441
Глава 25. Секретное оружие	447
Глава 26. Битва на Плуре	455
Глава 27. Конец Эддора	461
КОММЕНТАРИИ (М. Нахмансон)	470
КОСМИЧЕСКИЕ РОБИНЗОНЫ (Перевод Л. Немовой)	478

Литературно-художественное издание

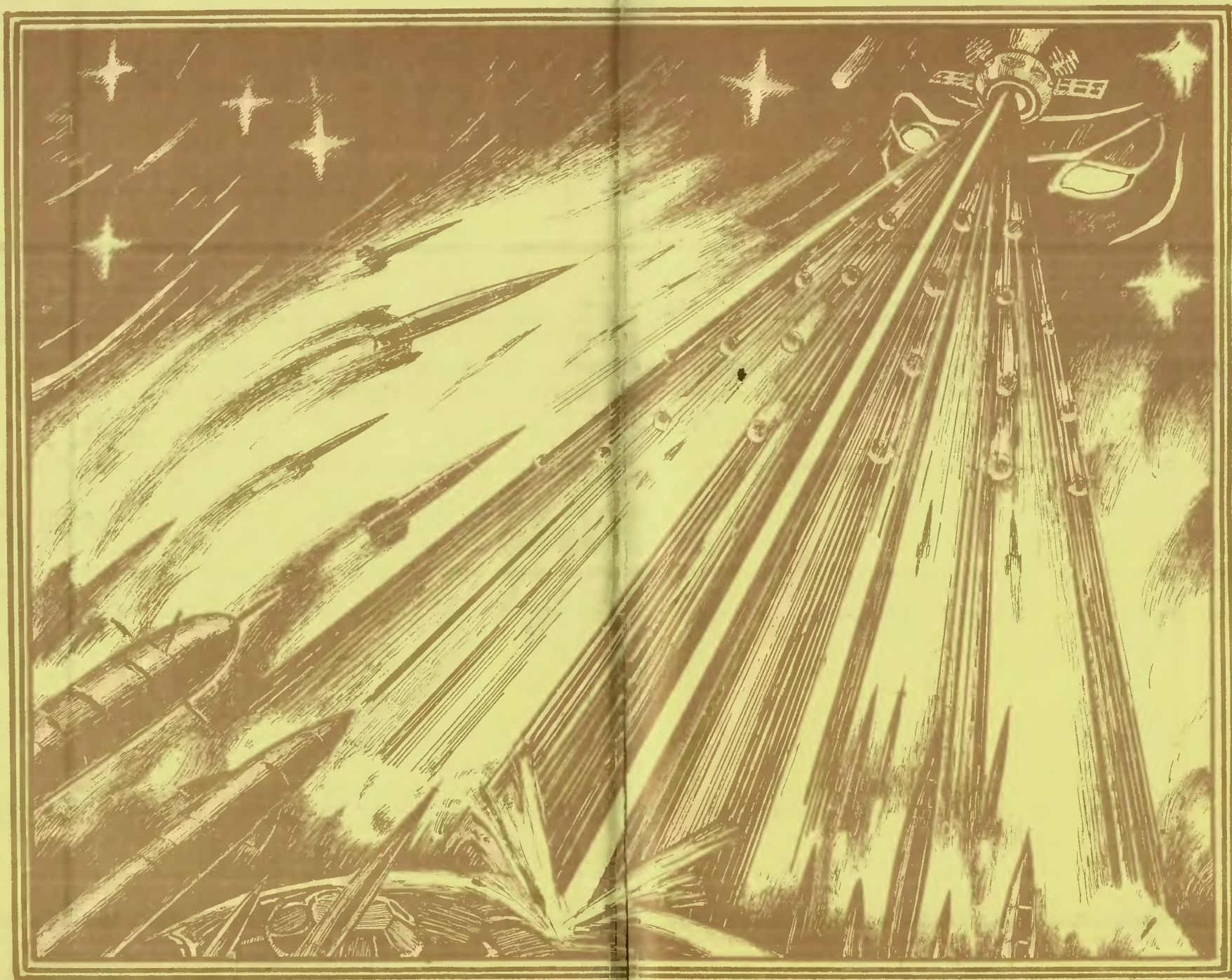
Э. Э. «Док» Смит

ВТОРАЯ СТАДИЯ. ДЕТИ ЛИНЗЫ

Литературные редакторы Г. Выдревич и Т. Филатова

Подписано к печати 14.04.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Печать офсетная. Тираж 25 000 экз. Заказ № 151.

ТОО «СПИКС». Отпечатано в типографии им. Котлякова
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

fantasy

Э. Э. "Док" СМИТ

